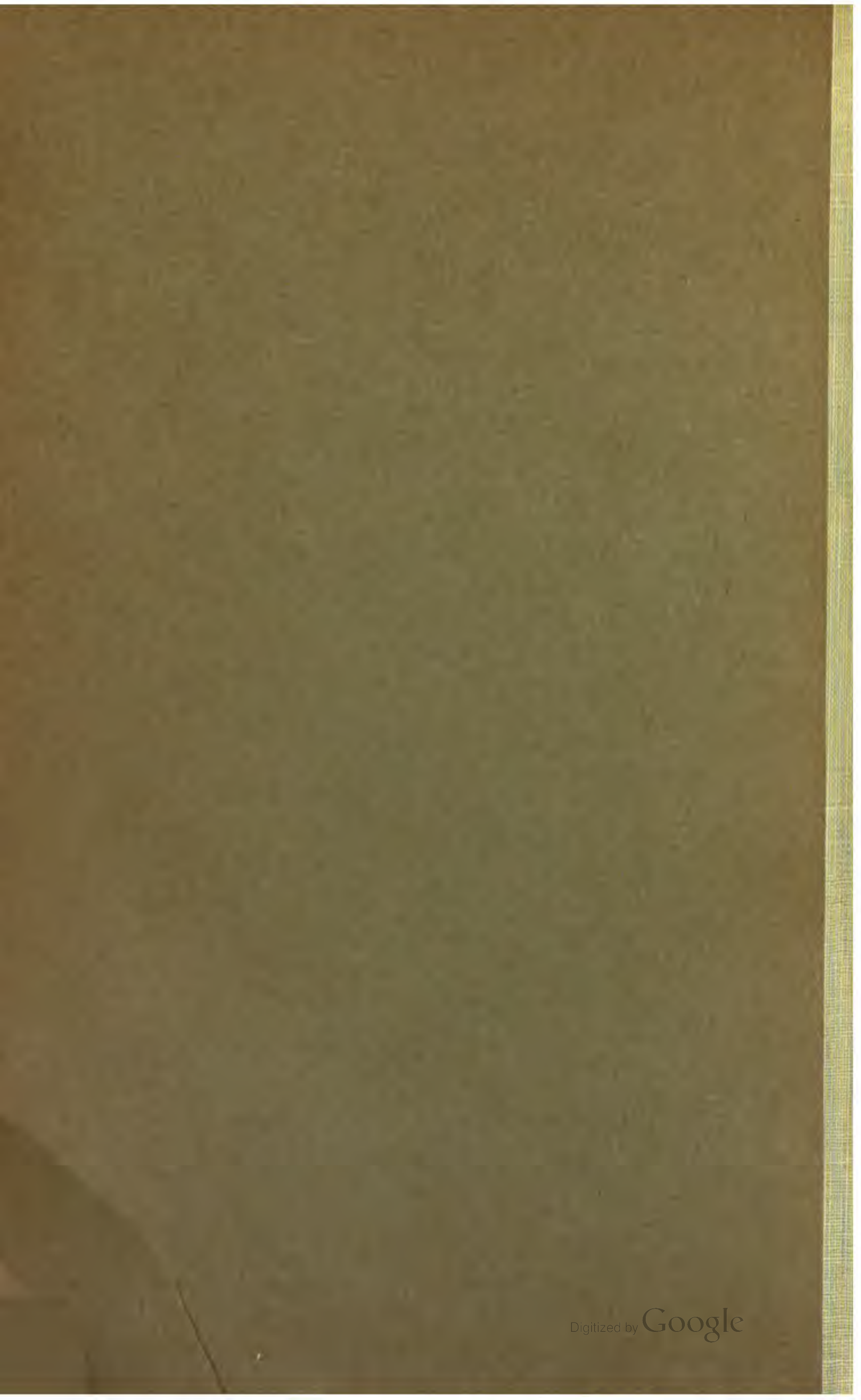

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА
Отъ куда пошла земля русская
И рече Олегъ Кіевѣ се буди мати градомъ русьскимъ
ВИЛЬНА
1868.

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

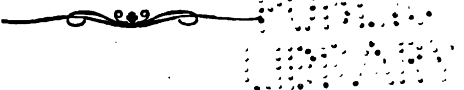
ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VI—1868.

КНИЖКА I.

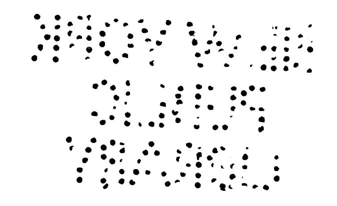
ТОМЪ I.

ВИЛЬНА.
Въ Типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ въ зданіи Гимназіи противу Губернскаго Правленія.

1868.

Дозволено Цензурою 7-го марта 1868 года. Вильна.

I.

№ 1.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Духовное завѣщаніе князя Льва Сангушки. 1571 г.

Лѣта Божего нароженя 1571 мца генваря 27 дня.

Передо мною Павломъ Григоріевичемъ Оранскимъ на тотъ часъ будучимъ подстаростимъ володимерскимъ будучи мне за писаньемъ листу и прозбою велможного князя Его милости Князя Льва Александровича Сангушка Кошерского въ замку Его в камени и въ тотъ часъ при мне былъ писарь кгродскій володимерскій Якимъ василевичъ а возны земски повету володимерского Иванъ Ивановичъ Летинскій там же Е. М. князь Левъ Александровичъ Сангушко Кошерскій року теперъ идучою по нароженю Исуса Христа сына Божого тисечного пятсотного семидесят перваго мѣсеца Генваря 24 дня будучи отъ Бога створителя форобою павежонъ за целого розуму своего и доброе памети не будучи ни отъ коге ничимъ примушонъ одно паметаючи на часъ смертельны и хотечи за живота своего о поховане тела своего по животе

своемъ где маетъ положоно быти и о опеку жоны своее кнегини Ганны Миколаевны остековны и сына своего князя Григорія и о именя свои отчизные и набытые и о тые о которые право вести и о листы привилея о скарбы мастрости и иншне всѣ речи ведомость певную вчинити якъ и которымъ способомъ по животе Е. М. мело бы се заховат доброволне и устне вызнал тыми словы: ижъ я будучи знятъ не малою форобою и помнечи на то ижъ де" человекъ так хоры" яко здоровы" на кожды" часъ смерти на себе псвенъ есть прото есть реч повинная кождому хрестианскому человеку абы за доброе памети своее через записъ свой жону детей дом и всю маетность свою вдобромъ порадку заставилъ а такъ я Лев Сангушко Кошерски поручаю на прод душу мою пану Богу всемогучому уфаючи тому же до фалы своее светое приняты рачитъ а тело мое грешное мает быти поховано вманастиру Мелецкомъ заложеня св. Миколы и што ся дотычетъ опеки тогды то чинячи за доброе памети из доброе воли моеи знаючи ку собе почавши з моихъ лѣтъ молодыхъ аж до сего часу щирую жичливость и милость Его Милости велможного князя Костентина Костентиновича Острозского воеводы Киевского Маршалка земли волынское старосты володимирского а также теж немне" брата моего кровного Е. М. велможного Романа Өедоровича Сангушковича воеводы Браславскаго гетмана дворнаго великого княжества Литовскаго старосты Житомирского державцы речицкаго напродъ пану Богу а потомъ Е. М. велм. Кон. Константинову Острожскому воеводе Киевскому и Е. М. Князя Роману Өедоровичу Сангушку воеводе браславскому брату мому милому вопеку жону мою Княжню Ганну Миколаевну Остаковну и сына моего князя Григорія и ктому всѣ именя мои отчизные которые правомъ прирожонымъ по отцу моемъ небожчику славное памети князю Александру Андреевичу

Сангушковичу Кошерскому пришли так тежъ набытые и тые о которые право вести и ктому всѣ речи мои рухомые обема ихъ Милостямъ паномъ опекуномъ поручилъ и на тестаменте моемъ остаточную волю свою подданс" кождую речъ артикулами меновите росписавши росправивши такъ яко на то воля моя была листъ подписавши рукою моею власною и приложилемъ до него печать..... и приятелей которые при справованю того тестаменту были..... до рук моему милому брату князю Роману Федоровичу Сангушку дал на которомъ шире" и достаточне" доложоно есть также и тот тестаментъ Князю Роману.... от себе на то даны" передо мною и передъ писаромъ вознымъ повету володимерского имены первопоменеными показал которы" также очевисте при Е. М. самомъ увесь достаточне почивши съ початку ажъ до конца читанъ былъ и такся всобе маетъ:

Во имя светое Живоначальное нерозделимое Троицы Отца и Сына и Светого Духа станся Аминь. Я Левъ Александровичъ Сангушковичъ князь Кошерски будучи знят не малою форобою а помнечи на то ижъ кожды" человѣкъ такъ хорый и яко здоровы" на кожды" часъ смерти на себе певенъ есть прото есть речь повинная каждому христианскому человеку абы за доброе памети своее чрезъ записъ свои жону дети домъ и всю маетность свою вдобромъ порядку зоставили а так я князь Левъ Сангушко Кошерски поручаю напрод душу мою пану Богу всемогучому уфаючи тому же ее до фалы своее святое приняти рачитъ а тело мое грешное маетъ быти поховано въ монастиру мелецкомъ заложеня св. Миколы а штося дотичетъ опеки тогда то чинячи за доброе памети и з доброе воли моее знаючи ку собе почивши з моихъ лет молодыхъ аж до сего часу щырую зычливость и милость Е. М. князя Константина Конст. Острожскаго воеводы Киевского маршалка земли волынское а так-

же тежъ не мене" брата моего кровнаго Е. М. князя Романа Федоровича Сангушковича воеводы браславского Гетмана дворного Великого Княжества Литовского старосты Житомирского державцы Речицкого и напродъ пану Богу а потомъ Е. М. князю Константину Константиновичу Острожскому воеводѣ Киевскому и Е. М. князю Роману Федоровичу Сангушковичу воеводѣ браславскому брату моему вопеку жону мою княгиню Ганну Миколаеву Остикову и сына моего князя Григоря и ктому всѣ именя мои отчизные которые правомъ прирожонымъ по отцу моему небожчику славное памети князю Александру Андреевичу Сангушковичу Кошпрскомъ пришли тактежъ набытые и тые о которые правовати меновите съ паномъ Юремъ Остикомъ воеводою Мстиславскимъ старостою браславскимъ и братомъ его паномъ Григоремъ Остикомъ такъ тежъ съ наномъ Миколаемъ Сопегою воеводичомъ Новгородскимъ почалемъ и ктому всѣ речи мои рухомые золото серебро перла Кле"ноты кони броюшаты обема ихъ милостямъ паномъ опекуномъ выше" въ семъ тестаментѣ моемъ менованымъ поручаю вмоцъ и шафованіе даю до того часу ажъ сынъ мой князь Григоре лѣтъ зуполныхъ додетъ тогда Ихъ Милось панове опекунове... вси именя и речи рухомые вцелостъ повинны будутъ сыну моему князю Григорю вернути вмоцъ держаня и шафоване подать а штося дотычетъ ховаия сына моего князя Григоря того маетъ якож за прозбою мою то мне обецати рачилъ ЕМ. князь Романъ Федоровичъ Сангушко воевода Браславскій споломъ (вмѣстѣ) съ сыномъ своимъ княземъ Федоромъ ховати злаща влетехъ детинныхъ власково" а милостиво" опеки и науце его маючи вдому своемъ. А ку тому вси права привилея листы и твердости которые суть на именя мои тые маютъ быть всховаиую вдому ЕП. князя Романа Федоровича воеводы браславскаго Сангушка до лѣтъ сына моего кня-

зя Григоря а гдѣ сынъ мой лѣтъ зуполныхъ доростетъ повиненъ будетъ ЕМ. князь Романъ Федоровичъ Сангушко воев. брас. братъ мой оные вси листы права привилея и твердости вернути и до рукъ подать сыну моему князю Григорю. А ижъ як ся выше помениле естъ кожды чоловекъ смертельный и потреба абы на прышлые часы бачность мелъ а для лепшое" твердости тые речи пришлые писмомъ обваровалъ и умоцнилъ а так я князь Левъ Александровичъ Сангушковичъ Кошерски" ни щыее намовы одно самъ здоброе воли и здоброе целое памети на то ижемъ естъ кровлю братерскою здавна зацныхъ предковъ нашихъ дому Сангушкова зъ ЕМ. княземъ Романомъ Сангушковичомъ братомъ моимъ злучоны" и уживоючи одного герба маючи близкое зкревнене межи собою а што большого знаючи еще якомъ вышей поменилъ ку собе по всѣ часы упрямую а щырую хуть и милость брата моего ЕП. князя Романа а помнечи на тотъ домъ Сангушковъ абы ся неумнешивалъ але и овшемъ ее роземожалъ и розширая маючи тежъ и то перед собою ижели естъ воленъ очизною своею и всею маетностию шафовати или дати продати даровати и кому хотечи водлугъ воли своее записати чого насъ и право посполитое уфала сему берестеского учитъ хочу то теды мети и абы то такъ а не инакъ на вечные часы было т. е. Еслибы Панъ Богъ зволи своее по моемъ животе и на сына моего князь Григоря будлеть недорослого або и дорослого смертъ допустити рачилъ так ижбы безпотомства и незаведши никому записомъ ани тестаментомъ имене" своихъ тогди имене тое камень замокъ и место дворъ Олбле зселомъ и людьми село Глушка село Ведерти село Ворокомле село Полицы которое имене камень истыми всими селы къ нему належачими лежитъ вповете володимерскомъ *) кутому замок кошеръ з местомъ также ле-

*) Древнее мѣстечко камень—Коширскій находится нынѣ въ

жачи“ вповете володимерскомъ з селы ку нему прислухаючими меновите село кошеръ стары“ Городелецъ перевѣсъ красноставье и тупалы дворъ то“ мезовъ ку кошару прислухаючи из селы то есть Мозовомъ с Черемшанкою з Борзовою и селищомъ. Также тежъ имене мое лежачое вповете Луцкомъ Горуховъ **) замокъ и место и села к нему прилежачие яко село Рачинъ завидовъ Воля завидовская озерца Куты Марковичи дворъ Конюхи з селомъ Конюхскимъ село Млыновъ, защитовъ Белое поле, стары“ Горуховъ, стары“ ставъ и залесцы которые имена всѣ... зо всѣми пожитки якоколвекъ меноваными изо всѣми Кгрунты до нихъ належачими збояры и з ихъ именями з слугами кутными з людми тяглыми и данными изо всими ихъ повинностями с цыншами грошовыми жытними и зовсими зроботами и зовсякими податками с полями ораными и неораными сеножатями злесы зпущами з га“ дубровами з запусты и з зарослями з ловы звериными и пташими зозеры зреками з ставы з ставищми з млыны и з ихъ вымелками и зовсемъ..... Ем. к-зю Роману Федоровичу Сангушковичу воеводе браславскому Гетману дворному великаго княжества Литовскаго старосте житомирскому державце рочицкому брату моему даю дарую ему самому и потомкомъ его симъ моимъ тестаментомъ вмоцъ и держаніе и вживаніе вечными часы ничого незоставуючи... А штосе дотыче жоны мое „княгини Ганны Миколаевны

Ковельскомъ уѣздѣ, лежитъ отъ Ковля на сѣверъ въ пространствѣ около 40 верстъ, а отъ Мѣлецъ около 20 верстъ. Оно недавно принадлежало графу Красицкому, у котораго въ настоящее время, кажется, купилъ помѣщикъ Орда, въ немъ есть три древянныхъ церкви и одинъ костелъ.— Кошеръ—нынѣ два села: старыя и новыя кошары на западъ отъ Ковля въ 10 верстахъ. Въ старыхъ кошарахъ, принадлежащихъ православному помѣщику Кузминскому, есть слѣды укрѣпленій, бывшихъ около замка князей Сангушковъ.

*) Горуховъ нынѣ Гороховъ—графа Тарнавского—одно изъ лучшихъ мѣстечекъ, въ 8 верстахъ отъ Галиціи на югъ, отъ Владиміра въ 45 верстахъ.

Остиковны тую поживоте моемъ оставую на имению моемъ лежачомъ вновете слонимскомъ на Косове которое имене маютъ е“ Ихъ милостивые панове опекунове.... подати в моцъ до вживаня зовсемъ.... Маетъ жона моя Ганна Миколаевна Остиковна на томъ имению Косове до скончения живота своего житы.... а по смерти мает тосе имена зовсемъ прити на сына моего Григоря на вѣчные часы. А еслибы панъ Богъ на сына моего Григоря смертъ допустилъ тогда тое имѣня Косовъ зо всѣмъ.... маетъ прити на его милость пана Юря Остика воеводу Мстиславскаго старосту браславскаго и на браты его Юря Остика и на потомкова ихъ па вѣчные часы. А штося дотычетъ именя моего любча которое я маю на вѣчность отъ тещы мои Ганны Романовны княжны Любецкое и тое имене мое Любче зо всѣмъ на все якося маетъ само всобе яко часть которую я мел на вечность такъ и тую часть которую Ее милость пани теща моя всуме пенезе“ мѣла отъ пана Остафья Воловича пана Троцкого по смерти мое“ маетъ быти отъ пановъ опекуновъ Ее милости кнезне Ганне Романовне княжне Любецко“ тещи мое“.... А ктому тежъ я Левъ Алек. Сангушко не знамовы чиее але з милости кровное славного и зацного дому нашого Сангушковичова маючи на памети князя Андрея Григоріевича Сангушковича Ковельского ихъ есть братъ и новинны кревны“ мо“ прето.... еслибы сынъ мо“ Григори“ зошол з сего свѣта.... тогда я ему записую симъ моимъ дестаментомъ даю и дарую вечными часы имене мое вповете Луцкомъ которое на... по отцу моемъ Александрѣ Коширскомъ спало меновите Перемыи замок и села к нему належачие яко Смолево и тежъ Боремское села Вербное Гумнища обчо и Волька зо всими кгрунты.... Если ему Богъ дастъ жону и знею потомковъ тогди на потомки его зо всѣми пожитки даю...... Ознамую тежъ я Левъ Александровичъ Сангушко и женъ далъ

слузе и богомолцу моему отцу Семену Игумену при замку моемъ село мое Марковичи на выховане которое село мают̃ъ ему по смерти мое" панове опекунове до держаня поступити и подати а онъ доживотя свое маетъ тое село въ держаню своемъ мешы и во вшелякихъ пожиткахъ уживати а по его животе онять тое село Марковичи маетъ быти привернено ку замку моему Горуховскому. Ознамую тежъ я Левъ Сангушко Коширски" в томъ волю мою ижъ конь мо" вороны" турецки" скочокъ и шабля оправная позлотистая которую мою отъ Володимера Заболоцкого по смерти мое" маетъ быти дана Е. М. князю Роману Сангушковичу воеводѣ браславскому брату моему. А штося дотычетъ именя моего Лушнева которое на тотчасъ держитъ панъ Микола" Сопега воеводичъ Новгородски" ино то ихъ милость панове опекунове внего правомъ вынескивати маютъ, а если бы сынъ мо внедорослыхъ летехъ з того света зшолъ тогды тое имена Лушневъ маетъ быть вечне въ держаню у тетки моее Ее милости пани Михолаевые Сопежиное воеводичовое Новгородское пани Ганны Андреевны княжны Коширское Каменицу мою у Вилни которую князь Павелъ Сохолински" подкомори" витебски" взявши кгвалтомъ держитъ опекунове маютъ того правомъ доходити а штобы ея справа оказало князю Соколинскому платити того маютъ..... При тестаменты семъ были Юре" Тышкевичъ ротмистръ Е. К. М. панъ Семенъ Дрозденски" панъ Янъ Внучко. Панъ Станиславъ Держановски". Писанъ у Каменѣ лѣта отъ нароженя сына Божого 1571 мца генваря 23 дня (б).

Вѣрно съ копіею, списанною изъ книги градской города Вла-

(б) Левъ Сангушко умеръ того же 1571 г. и погребеніе его совершилось въ монастырѣ Мѣлецкомъ 18 февряля.— Въ томъ же году умеръ и погребенъ въ Мѣльцахъ Романъ Федоровичъ Сангушко. При погребеніи Романа присутствовала жена Каштеляна Новгородскаго старосты Слонимскаго Воловичовая Григоріевая [отечество ли или мужъ Воловичъ Григорій?] Магдалина изъ Сангушковъ, которая, какъ тетка, приняла въ свою опеку Ковельскихъ Сангушковъ Андрея и Өеодора Григоріевичей. [№ 185 градской влад. книги] за 1571 г.

димира за 1571 годъ. Священникъ города Владиміра вол. церкви Василіевской Даніилъ Левицкій.—

Примѣчаніе. Точки означаютъ слова непрочитанныя или вытертыя. Въ книгѣ слова: князь, Его Королевская милость, Его милость пишутся или подъ титлами, а по большей части безъ титловъ, полно; твердый знакъ иногда ставится на концѣ словъ, имѣющихъ согласныя буквы, а иногда и большая часть словъ безъ твердыхъ знаковъ, но часто твердый знакъ ставится и посрединѣ слова. И краткое вездѣ замѣняется кручкомъ или двума чертками. Число года и мѣсяца написано словами.—№ 11, поставленный въ началѣ сего тестамента, означать, что этотъ тестаментъ записанъ въ книгѣ подъ этимъ номеромъ стр. 297 земской владимірской книги за 1602 годъ. № 206.

2.

Духовное завѣщаніе Григорія Львовича Олгердовича Сангушко. 1602.

Уписане тестаменту княжати Его Милости Коширского. Року 1602 юня 26 дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ володимерскихъ ветри недели по свето“ Троице свята Римского вроку звышъ менованомъ прыпалыхъ и судовне отправовати начатыхъ передомною Заленскимъ судею земскимъ володимерскимъ и подсудкомъ Григоремъ Киселемъ...

Во имя Боже Аминь. Ижъ за грехомъ пришла смерть на свѣтъ. Которо“ жаденъ человекъ минути не можетъ, а претожъ здоровы сподиватися мусить хоробы а хоры“ смерти для чого Панъ и Збавитель нашъ каждого з насъ учитъ и напоминаетъ абысми были чуйными кгдыжъ ани часу ани дня ани годыны неведаетъ кгды день приде а приде поведает яко злоде“ и для тогожъ маемъ быти завжды готовыми и опатроными а ижъ вшелякне речи часъ гаситъ и взапаметане приводитъ змыслъ и розумъ то“ людски“ вынашолъ жебъ то долго паметано мети хочутъ то на писми потомству своему и вѣкови пришлому зо-

ставують а праве якъ бы з рукъ до рукъ подають прожто и я Григоре Олкгирдовичъ (Олгердовичъ) Сангушко Львовичъ Кошерски Кашталянъ браславски помнечи ижемъ есть з родичовъ смертельныхъ зрожоны“ сподиватися мушу на кажды часъ смерти а затимъ о не“ мыслить а мышлячи о добромъ с того света своимъ зы“стѣ и о праве радномъ дому своего радити есми за часу повиненъ а бачечи я великую уломность и недостатокъ здоровья моего для которого поратованя и опатреня до Судомѣра для доктора ѣхати умыслилемъ зачимъ хотячи домъ сво“ так яко се годитъ человекови крестианскому за доброго розуму и цѣло паметн розрадити и жону дѣтки и маетность свою всю тымъ тестаментомъ остатное воли моее в доброму порадку и шафунку зоставнти всѣмъ вобецъ и кождому зособна кому бы того потреба ведати была або читаючи то слышати нынешнимъ и на потомъ будучого веку людемъ ознамую тымъ тестаментомъ остатнее воли моее ижъ если бы панъ Богъ подъ то“ часъ хоробы моее на меня смерть допустити а мене до фалы своеи по волат рачилъ теды на перве душу мою поручаю Пану Богу въ Тро“цы единому въ святую опску его а тѣло мое грѣшное землѣ вкоторо“ отночиватн будетъ ажъ до оного остатного дня суднного на которы“ часъ оживши втимъ а не инымъ тѣли очима своима огледаю Бога избавителя моего и услышу дастъ Панъ Богъ голосъ его вселы“ и декретъ которымъ ми станути каже на правици свое“ и поти з выбранными своими до оныхъ давнозготованыхъ своихъ небесныхъ радосте“ которые ведлугъ звычаю и обходу закопу греческого креетиапского уцтыве маетъ быти через малжонку мою милую кнежну Зофѣю зголовчина Кошерскую Кашталяновую браславскую нохowано вмаетности мое Горухове которо“ то малжонце мое“ мило“ такъ дѣтки мон з нею спложные то есть сына адама идѣвки Александру и Ганну и

если бы еще болше што Панъ Богъ потомства дати рачилъ яко тежъ и всю маетность лежачую и речи рухомые если бы якие были албо потомкови моему належали вицоъ и владзу и опеку цалую зуполне отдаю и поручаю которыхъ то дѣвок моихъ замужъ выдаване если имъ то Панъ Богъ презрити рачил и посагомъ отправоване никому иншому не належитъ и належити не будетъ толко менованно малжонце" мое" мило" еднакоже спорадою и ведомостию Ихъ Милости Пановъ опекуновъ ниже втимъ тестаменти моемъ менованыхъ што се дотычет посагу теды кождо з нихъ з особна малжонка моя мила дати маетъ и повинна будет з маетности мои посагу з выправою по тридцати тисечи золотыхъ полскихъ а если бы Панъ Богъ которую дѣвку мою стого свету безпотомне взяти рачилъ теды менованого посагу на змерлую належа чого половица то естъ петнадцать тисячъ золотыхъ полскихъ на сына своего Адама также если бы другого сына Панъ Богъ дат рачил а другая половица на другую дѣвку мою зостават и спадати мает ктого докладаючи ижъ еслибы на малжонку мою милую Панъ Богъ часъ смертелны допустити рачилъ перве нежли менованые дѣвки мое албо которая з ныхъ замужъ черезъ малжонку мою выдана будет теды малжонка моя милая тотъ посагъ дѣвкамъ моимъ належачи на маетностехъ моихъ лежачихъ на которыхъ кольвекъ сама малжонка моя будетъ хотѣть указать и будь записомъ будь тежъ тестаментомъ своимъ записат и упевнит и опекуны такъ теперишние тымъ тестаментомъ менованные яко и иншие которые она сама оберетъ назначити мает моцна и волна будет до которыхъ маетносте" такъ менованые опекуны яко и сынъ мо" адамъ и еслибы другого сына Панъ Богъ дати рачилъ ничого мети немогъ а вперве посагъ дѣвкамъ моимъ заплаченъ будетъ—до того дня ратунку и обороны и радного обмышлеваня о добромъ

малжонки идеток моихъ милыхъ также и маетности моихъ опекунами назначаю и описую ихъ милость моихъ милостивыхъ пановъ и приятельства винныхъ велможного Ем. пана Яна Королуса Ходкевича кграбе зешклова и мышина Быхове старосту енерального земли Жомонтское велможного Ем. пана Марка Собеского воеводу любелского и велможного Ем. пана Станислава Жульковского Каштеляна а Лвовского Гетмана Полного Коронного о которыхъ такую уфность маю же ми... сто яко з рече" слушныхъ и крестьянскихъ вымовлятся не будутъ рачили ошто ихъ милость барзо велце и унижоне яко напилне прошу— до того дознавши я великое и упримое виры и милости до себе отдаванемъ вшелякихъ повинносте" малжонки мое милое княжны Зофии Зголовчина Сангушковое Кошерское а хотечи е" то надгородити а собе и деткам своим онуую хутлившую и на потомъ учинити з упримое хути и милости моее ку не" маетность мою набытую вповете луцком лежачую которуюм я з нею малжонкою моею сполечне набыл то есть двор и село Полоную великую под Луцкомъ село Городище село горков село Баевъ село Оздоръ двор и село Коршовъ зовсими кгрунты фолварками млынами зъ ставами пущами людми боярами поддаными зъ ихъ подачками и повинностями зовсимъ на все отъ мала до велика так много широко долго и вокол яко ее тая маетность сама всобе впожиткахъ вграницахъ вмежахъ и обиходехъ своихъ здавна мела теперъ маетъ и напотомъ мети будет ничого на себе и на потомки свое не вымуючи анизоставуючи малжонце мое" мило" княжне Зофии Зголовчина и потомкомъ ее поживоте и зы"штью моемъ даю дарую и на вечные чсы тымъ тестаментомъ остатнее воли моее запасую якожем и право свое на тую маетность служачое все ничого на еебе незоставуючи меновано" малжоице мое" до рукъ ее отдал а што ее достычетъ ма-

етности Зименское то есть замку и села Зѣмна двора и села Менчицъ двора и села Маркового ставу села Кропивщины и села Горичова вповѣте володимерскомъ лежачихъ которые то маетности его милость княжа Юре Михаловичъ Чорторииски мне и малжонце мое" княжне Зофии Зъголовчина правомъ заставнымъ в сумѣ иснезе тридцати и водно" тисечи золотыхъ полскихъ до сороку лѣтъ отдати водлугъ листу заставного пустил теды тую всю маетность звышъ менованную зо всими записами на тую маетность служачими зо всѣми кондициями пунктами клявзулами в тыхъ записехъ достаточне описаными малжонце мое" мило" Княжне Зофии Зъголовчина даю дарую и тымъ тестаментомъ остатное воли своее вѣчне и на вѣки записую ничого на себе и на потомки свое незоставуючи а ни вымуючи и все право свое на тую маетность и держане меновано малжонце мое" отдалем волно будетъ е малжонце мое" мило" такъ при животе яко и поживоте свое так яко ее выше помемило шафовати по части и огуломъ кому хотечи записати отдати продати даровати и яко своими власными водле воли и уподобаня своего оборочати а втом е" малжонце мое" мило" ни хто с потомков моих жадное перешкоды чинити не маетъ и моци мети не будет а до того при всихъ доживотяхъ своих также и сумахъ пенежныхъ от мене е" малжонце мое" на маетностях моих записаныхъ менованую малжонку мою ведле прав се на то служачихъ цале и зуполне зоставую такъ яко о том шире записы е на то отъ мене даные обмовляютъ которые я тымъ тестаментомъ остатнее воли во всемъ цале утвержаю и умоцняю долги мое малжонка моя милая водле реестру моего е" зоставленого з маетности моее платити маетъ и повинна будет також теж маетности мое заставные даю в вѣчность малжонце мое" мило" окуповати и до рук своих отбирати и оные

держати и доживота своего з иншими маетностями оныхъ уживати а штосе дотичетъ слугъ моихъ такъ тыхъ которые зласки моее и малжонки моее в маетностяхъ моихъ мешкаютъ и сумы нѣкоторые маютъ яко о тыхъ которые маючи одмене обетницу на городы за службы свое оное неотнесли теды даю волность малжонце мое" мило" водле баченя ее нагороду онымъ чинити и маетностями моими ведлеже уваженья службъ оныхъ опатровати и сумы на нихъ записывати которые то таковые записы якотеж и тые воли бы малжонка моя выплачаючи долги мое кому якую маетность мою заставила и записи якие колвекъ починала и долги на маетности мое якиежъ колвекъ внесла албо вносила на кождомъ местцу важны и моцны быти маютъ а правомъ ее вшелякимъ и доживотю таковы шафунокъ ничого шкодити заважати и делетовати не маетъ и моци мѣти не можетъ и овшемъ таковые записы черезъ нее учиненые и сумы на маетности мое внесеные при зуполно" свое" моцы зоставати маютъ чому нихто спотомковъ моихъ противенъ быти жаднымъ способомъ не маетъ и овшемъ обликгомъ ее о тое мѣри подлегати маетъ и повиненъ будетъ Штосе тежъ тычетъ слуги моего во"ны Пораднича которы" отъ малжонки моее певную суму пенезе" на маетностце защитове маючи оную маетность судержит теды то" с тое маетностки не мает быти скупованъ отъ малжонки моее милое и чи от кого иншого аж до животи его хиба бы самъ доброволне оно коли правне уступити хотел до чого однак жадным правом ани примусом ни через кого никгды нияко примушон и притисван быти немает але то при воли его завжды зоставати мает кгдыж нам то добре и цнотливе заслужил и заслугует а впакже с того мне и малжонце мое" до животовъ нашихъ служити мает и повиненъ будет водлугъ права и запису своего от насъ ему на

то даного. Шпитали въ кошару в Горухове в Перемылью и в Камени малжонка моя побудовати и потребими убогне водлугъ можности опатровати маетъ и повинна будет а по не" потомкове мое на вѣки абы за душу мою Пана Бога просили и вспоминане чинили. А ижъ розное веры малжонка моя есть зомною теды церкве" зо всихъ маетностехъ моихъ нигде псовати и пустошити и на свою вѣру оныхъ оборочати не маетъ и моцы мети не будетъ а если бы Панъ Богъ на малжонку мою милую часъ смертелны" допустити рачилъ перве" нежли дѣвки мое замужъ выданы будутъ и нимъ сынъ мо" адамъ и если што болше потомства зоного Панъ Богъ дати рачит лѣтъ зуполныхъ додутъ теды даю волность малжонце мое' 'так сторона опатреня выхованя дѣвокъ и сына моего и еслибъ другого Панъ Богъ дати рачил науки.... якотежъ исправъ на маетности мое" служачихъ доходовъ з маетности приходячихъ и иншихъ вшелякихъ рече" порядок таковы" яко наслушне"ши быти может учинити и волю свою тестаментомъ своимъ ознамити и варовати также тежъ и ихъ м. панъ опекуны так тымъ теперишнымъ тестаментомъ моимъ означоные яко если бы ее то малжонце мое" мило" здало и иншихъ на местце зоставити и в тымъ такъ поступити якося е" малжонце мое" мило" налепе" и напожиточне" будетъ видило. Што все на кождомъ местцу важно и моцно мает быт а нихто ее тому противити не маетъ и моцы мети не можетъ вѣчными часы и на томъ далъ се" мо" остатпее воли тестаментъ спечатю моею и с подписомъ руки моее власное до которого сего тестаменту остатное воли моее ихъ милость паны и приятели мое тость панъ Иванъ Мышка Холоневски" панъ Василе Холоневски" панъ Якубъ Кгроховски" и панъ Станислав Петровски" за устною а очевистною прозьбою моею печати приложити и руки свое подписати рачили. Писанъ у По-

лоно" року Божого нароженя 1601 мца Сентября 20 дня у того тестаменту печате притисненыхъ пять а подписъ рукъ тыми словы Hrehory Sanguszko Koszerski Castelan Brasławski.

Вѣрно съ копіею, у меня находящеюся. Свящ. Даніилъ Левицкій.

Примѣчаніе. За подписью Григорія слѣдуютъ подписи свидѣтелей вышепоясненныхъ, которыхъ я за поспѣшностію не списалъ. По окончаніи у меня замѣчено, что за симъ тестаментомъ въ книгѣ находится другой тестаментъ того же Григорія Сангушки, писанный на польскомъ языкѣ и составленный 1602 г. марта 28 въ Несвижѣ. Не помню, было ли тамъ написано, что этотъ вторый тестаментъ составленъ въ подтвержденіе перваго, или же слова: „съ подтвержденіемъ"—мое собственное мнѣніе. Я писалъ эту копію 1851 года, когда приказано было весь архивъ владимірскій перевезти въ центральный кіевскій архивъ. Почему я разсматривалъ книги и списывалъ что мнѣ представлялось любопытнымъ съ большою торопливостію.

Свящ. Даніилъ Левицкій.

№ 2.

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ВИЛЕНСКИХЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ЦЕРКВЕЙ.

1.

Королевская грамота виленскимъ священникамъ: Өеодору и Протасію на возобновленіе погорѣвшихъ ихъ церквей: Рождественской и Пятницкой, переименованной въ Богоявленскую. 1560 г.

Жикгимонтъ и пр.

Били намъ чоломъ богомольцы наши, попы мѣста Виленского: Рожественской Өедоръ, а Пятницкой Протасій, и повѣдили предъ нами, ижъ зъ Божого допущеня такъ третій рокъ, якъ мѣсто наше Виленское згорѣло; на онъ часъ и церкви тые двѣ, въ которыхъ хвала Божья бывала и за насъ господара вставичне Бога прошоно, погорѣли; и теперь дей тые пляцы пусто лежать,—бьючи чоломъ, абыхмо ласку нашу вчинили, а на тыхъ пляцѣхъ, гдѣ и первѣй церкви были, потомужъ звону церкви имъ побудовати дозволили. Мы зъ ласки нашое господарское на чоломъ-битье ихъ то вчинили и имъ на тыхъ старыхъ пляцѣхъ церкви побудовати дозволилисмо: гдѣ была церковь Светого Рождества, тамъ и теперь тогожъ заложеня церковь быти маетъ, а на томъ пляцы, гдѣ Пятницы была, тамъ церковь Богоявленя Христова заложена маетъ быти. И вже тые попы, вышей мененые, оные церкви збудовавши держати и въ нихъ службу Божую служити, а за насъ, господара, Бога проси-

ти и доходовъ своихъ, ку тымъ церквамъ належачихъ, вживати будуть. И на то есмо дали сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ у Вильни лѣта Божого Нарожения 1560, мѣсяца Іюня 28 дня. Sigismundus Augustus rex. Янъ Тышковичъ, маршалокъ и писаръ.

2.

Обязательство о. Іоанна, данное имъ виленскимъ мѣщанамъ при вступленіи на должность священника къ виленской Петропавловской церкви. 1570 г.

Я Иванъ Александровичъ, свещенникъ церкви Светыхъ Апостоловъ Петра и Павла на Зарѣчьи; въ мѣстѣ Виленскомъ, вызнавамъ тымъ моимъ листомъ, ижъ што ихъ милость панове бурмистры и рядцы мѣста Виленского закону стороны Греческого, за жоданьемъ и просьбою моею, хлѣба кормленьемъ церковью Светыхъ Апостоловъ Петра и Павла въ мѣстѣ Виленскомъ осмотрѣли и дали; гдѣ я, будучи у томъ храмѣ Божественномъ, до живота моего маю и естемъ виненъ напередъ за здоровье его королевское милости, господара нашого милостивого, такъ тежъ за здоровье его светительское милости, преосвященного архіепископа митрополита Кіевского, Галицкого и всея Руси, такъ тежъ—ихъ милостей пановъ радъ его королевское милости и пановъ бурмистровъ и радецъ и всихъ Православныхъ хрестіянъ уставичне Пана Бога просити. А будучи богомольцемъ господарскимъ и его милости отца митрополита и всихъ хрестьянъ, въ той церкви Божественной скарбу речей властивыхъ церковныхъ, такъ домовъ и пляцовъ, которые ку той церкви Божей принадлежать, и зъ чимъ мнѣ тая церковъ Божественная, водлѣ звычею давнего, отъ ихъ милостей пановъ бурмистровъ и радецъ мѣста Виленского списана и подана будеть, або есть дана, то я обѣцую все, яко скарбъ церковный, такъ домы и пляцы до живота

моего въ цѣлости ховати и никому у въ обчіе руки не задавати, ани заводити и овшемъ хочу еще скарбъ церковный ширити и множити за наданьемъ православныхъ хрестьянъ, што мнѣ Збавитель Господь Богъ поможеть. И на то есми ихъ милости паномъ бурмистромъ, радцамъ и лавникомъ мѣста Виленскаго далъ тотъ мой листъ подъ моею печатью и съ подписомъ руки моее властное. А при томъ были и тому добре свѣдомы панъ Андрей Якурьяновичъ, уставникъ церкви соборное Пречистое Богоматере у мѣстѣ Виленскомъ, а панъ Иванъ Андреевичъ, писарь мѣстцкій шафарскій, которые за прозбою моею печати свои приложили къ сему моему листу. А надъ то ихъ милость панъ Андрей и панъ Иванъ ихъ милостямъ паномъ бурмистромъ и радцамъ мѣста Виленскаго и зъ стороны закону Греческаго по мнѣ прирѣкли и ручили, же я скарбу церковного, домовъ ани пляцовъ, утручати и ихъ никому заводити и продавати не маю. И на то есми ихъ милости далъ той мой листъ. Писанъ у Вильни, лѣта Божего Нароженя 1570, мѣсеца Іюня 10 дня. Попъ Иванъ власною своею рукою подписалъ.

Внизу оттиснуты на бумагѣ три печати.

3.

Благословенная грамота кіевскаго митрополита Іоны на постановленіе священника Николая къ виленской Петропавловской церкви 1571 г.

Благовѣрные и Христолюбивые панове бурмистрове, радцы и лавники мѣста Виленскаго. Молитва моя уставичная къ милостивому Богу о здоровьи вашихъ милостей и паней и дѣтокъ вашихъ милостей есть всегда. Што ваша милость весполокъ съ протопопою Виленскимъ и зо всеми священниками Николою Ивановичомъ, жедаючи мене

о то, абыхъ я его ку церкви Виленской Светыхъ Апостоловъ Петра и Павла благословилъ. Ино я то на писане вашей милости вдѣлавши, того свещенника къ той церкви благословенемъ Божимъ благословивши, листъ мой благословеный ему на то выдати есми казалъ. Ваша милость то вѣдаючи, рачте до него ласкави быти. А и до протопопы и до всихъ свещенниковъ тамошнихъ листъ мой росказалъ есми писати, жебы его за брата собѣ мѣли и ему недѣли въ церкви соборной служити поступили. Тымъ милость Божья и Пречистое Его Богоматери и моее смиренности благословеніе и молитва да есть зъ вашею милостью со всѣми всегда. Писанъ въ Новѣгородку Іюня 21 дня, року 71. Волею Божью Іона архіепископъ Кіевскій и Галицкій.

Адресъ: Благовѣрнымъ и Христолюбивымъ паномъ и пріятелемъ моимъ, мнѣ велико-зычливо-ласкавымъ, ихъ милостямъ паномъ бурмистромъ, рядцамъ и лавникомъ мѣста Виленского закону нашого Греческого. *Подлѣ адреса тисненная печать.*

4.

Подтвердительная королевская грамота Маринѣ княжнѣ Соломерецкой о точномъ исполненіи духовнаго завѣщанія Ивана Гущи въ пользу Пречестенской церкви въ Вильнѣ. 1579 г.

Стефанъ Божью милостію король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Жомоитскій, Мацовецхій, Лифлянтскій, княжа Семигродское и иныхъ. Маршалковой нашой старостиной Остринской панеи Ивановой Солтановой, панеи Маринѣ Васильевнѣ, княжнѣ Соломерецкой и сыномъ ее: Давыду, Ярославу, Ивану и Олександру. Обтяжливе жаловали намъ богомольцы наши: протопопа

и вси священницы мѣста нашого Виленского соборное Светое Пречистое о томъ, штожъ дей Андреевичь подскарбій дворный державца Виленскій панъ Иванъ записалъ тастаментомъ своимъ зъ двора своего, который есть въ мѣстѣ Виленскомъ противъ костела светого Яна, до каплицы своее Благовѣшенья Пречистое Богородицы въ церкви соборной Светое Пречистое, въ которой на каждый день служба Божья ранняя бываетъ, по осми копъ грошей Литовскихъ на годъ давати, яко то есть ширяй на тастаментѣ его описано. То пакъ дей вы, той домъ держачи и въ моцы своей его маючи, съ того двора вжо отъ семи годъ тыхъ пѣнязей на кождый годъ по осми копъ грошей не платили и не отдали. Въ чомъ они кривду и шкоду собѣ немалую быти менуючи били намъ чоломъ, абыхмо въ томъ имъ кривды чинити не казали и листъ нашъ имъ о томъ до васъ дати велѣли. Ино кгдыжъ будеть панъ Иванъ Гуща тые пѣнязи съ того дому своего на тую церковь тастаменомъ своимъ отписалъ, а вы по тые годы естли будете тыхъ пѣнязей имъ не давали, приказуемъ вамъ, ажъ бы есте тые пѣнязи за всю тую семъ годъ за каждый годъ по осми копъ грошей имъ на тую церковъ отдали и сполна заплатили, никоторого омѣшканя и проволоки не чинячи и заховалися бы есте въ томъ водлугъ тестаменту пана Ивана Гущи и подлѣ сего росказаня и листу нашого, жебы тые богомольцы наши кривды и шкоды въ томъ не мели и намъ черезъ то о томъ не жаловали. Писанъ у Вильни. Лѣто Божого Нароженя 1579, мѣсеца Апрѣля 20 дня. Михайло Гарабурда писаръ.

Внизу тисненная печать.

5.

Реестръ восковой дани отъ четырехъ братьевъ на виленскія (1) церкви. 1580 г.

Року тысеча пять сотъ осмдесятаго за староства Якова Константиновича райцы, Гаврыла Максимовича и Павла Снипки. 1) Свѣча до Светого Спаса зо двухъ каменей и чотырохъ восковъ. 2) Свѣча до Светое Пречистое зъ пяти каменей и чотырохъ восковъ. 3) Свѣча до Светое Покровы зо двухъ каменей и чотырохъ восковъ. 4) Свѣча до Светого Николы зо двухъ каменей и чотырохъ восковъ. 5) Свѣча до Рождества Христова зо двухъ каменей и чотырехъ восковъ. 6) Свѣча ку Воскресеню зъ пяти каменей и чотырохъ восковъ. 7) Свѣча ку Светой Троицы зъ пяти каменей и чотырехъ восковъ. 7) Свѣча ку Светому Петру зо двухъ каменей и чотырохъ восковъ. Всего того воску чынить каменей 25 фунтовъ 32. То (2) зъ одного брацства такъ веле давано, чого теперъ зо всѣхъ чотырехъ не хочутъ давать. Item Тогды только певныхъ часовъ сычивано медъ, нечасто, а теперъ безъ престатку продаютъ; за чымъ моглъ бы большый пожитокъ быти, бо лѣпѣй пьютъ и болшъ бываетъ людей. 1) Же теды панове провизорове тому досить не чынятъ, звычайный воскъ не отдаютъ; престо слушне, абы ихъ рачей устранили и духовнымъ въ дозоръ подали. 2) Або воски заведены у певного соленика а вино упевнивши въ которой винницы абыхмо безъ напрыкженя частого имъ обирали. 3) Або переховавши то все на двѣ ратѣ грошми отбирати и куповать, што лѣпѣй будетъ и

(1) Относимъ этотъ реестръ къ виленскимъ церквамъ на основаніи названія самыхъ церквей и упоминанія имени П. Снипки, какъ старосты виленскаго, въ Акт. гор. Вильны ч. II № 8.

(2) Дальнѣйшія слова написаны другою рукою.

невный. Иначей конечне набоженство въ порадныхъ отправованью устанетъ, яко южъ уставать почало.

Безъ подписей и печатей. Писанъ на полулистѣ почеркомъ шестнадцатаго столѣтія.

6.

Королевская грамота митрополиту Онисифору о томъ, чтобы онъ впредь не воспрещалъ виленскимъ мѣщанамъ каждогодно свидѣтельствовать и переписывать церковное и монастырское имущество. 1582 г.

Стефанъ Божою милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Пруській, Жомойтскій, Мазовецкій, Инфлянтскій, княжа Седмигродское и иныхъ.

Митрополиту Кіевскому и Галицкому и всея Руси Онисифору. Жаловали и оповѣдали передъ нами бурмистры, радцы, лавники и иншіе мѣщане мѣста нашого Виленского закону Греческого о томъ, ижъ дей продкове ихъ и они сами зъ давныхъ часовъ, яко фундаторы и опатрители церквей закону Греческого въ мѣстѣ нашомъ Виленскомъ, церковъ соборную и вси иншіе церкви, такъ тежъ и манастырь нашъ Троецкій Виленскій, который твоя милость теперъ зъ ласки нашое господарское держишъ, вшелякимъ будованьемъ потребнымъ и тежъ звонами, книгами, образами и выберами коштовными и иншими достатками и потребами водлѣ преможенья своего опатруютъ и надаютъ, и до тыхъ же церквей посполъ зъ намѣстникомъ твоей милости протопопою Виленскимъ, водлѣ привилеевъ своихъ давныхъ, отъ продковъ нашихъ на то имъ наданыхъ, поповъ обираючи, тые наклады свои скарбы церковные имъ отдаютъ, и на кождый рокъ въ церкви соборной и во всихъ церквяхъ и манастыру нашомъ Троецкомъ вси

скарбы церковные и манастырскіе..... (1) вѣдомости и сторожи, абы тое надаванье.....и иншихъ людей въ церквяхъ и въ монастыру иа..... до реестровъ своихъ при бытности поповъ соборныхъ, а въ манастыру при игуменѣ Троецкомъ списуютъ и перeглядываютъ, яко жъ дей и теперъ въ року недавно прошломъ тисеча пять сотъ семдесятъ девятомъ, кгды тотъ монастырь нашъ Троецкій Виленскій отъ насъ твеей милости есть данъ, тогды вси скарбы церковные того монастыра нашого при дворанинѣ нашомъ и слугахъ твоей милости постановленному, иноку Селивестру за листомъ твоей милости, до нихъ о томъ писанымъ, до рукъ звѣрили и подали, Которые вси тые скарбы манастыра Троецкого тотъ игуменъ твоей милости и до сихъ часовъ въ завѣданью своемъ маючи водлѣ давного звычаю и постановленья въ кождый годъ имъ радцомъ Виленскимъ перегледати и переписовати не допущаеть. О чомъ дей они на того игумена вжо не пооднокротъ твоей милости жаловали и справедливости учинити и скарбовъ манастырскихъ списовати и перегледати въ кождый годъ допустити не хочешъ. Въ чомъ они тому манастыру нашому въ наданью скарбовъ церковныхъ и собѣ розумѣючи быти шкоды не малые и постерегаючи, абы еще большихъ шкодъ скарбъ манастырскій за недопущеньемъ списованья и перегледованья отъ игумена твоей милости, або отъ кого иншого, на собѣ не поносилъ, били намъ господару чоломъ, абыхмо въ томъ листомъ нашимъ твою милость напоменути и во всемъ се ку нимъ водлугъ стародавного обычаю заховати велѣли. Прото будетьли такъ, яко они намъ жаловали, напоминаемъ и приказуемъ, абы твоя милость тые вси скарбы церковные въ манастыру нашомъ Троецкомъ

---

(1) По ветхости документа нельзя прочитать.

Виленскомъ бурмистромъ и радцамъ и иншимъ мѣщанином Виленскимъ зъ стороны закону Греческого, водлѣ давного ихъ обычаю, теперъ заразъ переписати и впередъ въ кождый годъ перегледати и переписовати допустилъ, и съ того игумена своего справедливость имъ учинилъ. Кгды жъ твоей милости отъ насъ господара манастырь Троецкій только съ пожитками, ему належачими, есть данъ, зъ скарбы церковными...... Виленского уставичне.... и примножаны быти маютъ и во всихъ иншихъ справахъ и потребахъ манастырскихъ и церковныхъ абы твоя милость водлѣ стародавного звычаю спокойне и пристойне ся ку нимъ... заховалъ. Писанъ у Городнѣ, лѣта Божого Нароженья 1582, мѣсеца Іюля 7 дня. Венцлавъ Акгрипа писаръ.

Внизу вытиснутая печать. Ветхъ.

7.

Духовное завѣщаніе княгини Анны Свирской съ записью на виленскія церкви и на полоцкую Софійскую церковь. 1588 г.

Лѣта Божьего Нароженья тысеча пять сотъ осмдесятъ осмого мѣсеца Генвара двадцаго дня.

Передъ нами Криштофомъ Радивиломъ, кнежатемъ на Биржахъ и зъ Дубинокъ, воеводою Виленскимъ, гетманомъ польнымъ великого князства Литовского, старостою Солецкимъ, Урендовскимъ и Борисовскимъ, и передъ нами врадники земскими Виленскими, на зъѣздѣ головномъ Виленскомъ въ року прошломъ тисеча пять сотъ осмдесятъ семомъ мѣсеца Генвара двадцать девятого дня, отъ ихъ милости пановъ радъ великаго князства Литовского и отъ всее Речи Посполитое того паньства подъ теперешнимъ часомъ интерекгіи ку отправованью каптуромъ справъ судовыхъ депутованными и назначонными: Валентыномъ Юрушевичомъ, про небыт-

ность на онъ часъ пана Яна Войтеховича Млечка, судьи земского Виленского, на местце его милости отъ пановъ шляхты обывателей воеводства Виленского, которые до того прибыли, на рочкохъ марцовыхъ обранымъ, Григорьемъ Ждановичомъ Кгедройтемъ, подсудкомъ, а Малхеромъ Петкевичомъ, писаромъ, врадники земскими Виленскими, постановившисе очевисто его милость князь Янъ Болеславовичъ Свирскій, намѣстникъ Виленскій, оповѣдалъ и доносечи то ку вѣдомости нашой покладалъ и оказывалъ тестаментъ малжонки своее небожчыцы кнегини Ганны Рогозянки; подъ печатью ее и подъ печатьми людей зацныхъ. Который дей тестаментъ помененая малжонка его въ року теперешнемъ тисеча пять сотъ осмдесятъ осмомъ мѣсеца Генвара чотырнадцатого дня остаточною волею своею справившы и имъ домъ и маетчость свою розредившы и росписавшы, сама зъ воли и съ прейзрѣнья Божьего року и дня нинешнего мѣсеца Генвара двадцатого дня зъ сего свѣта смертью зошла, и просилъ князь маршалокъ, абыхмо, ку вѣдомости нашой то припустившы, тотъ тестаментъ малжонки его до книгъ кгродскихъ Виленскихъ уписати велѣли. А такъ мы, того тестаменту огледавшы и передъ собою чытаного выслухавшы, дали есмо его до книгъ вписать, который отъ слова до слова такъ се въ собѣ маеть. Во имя Вожье станьсе ку выполненью всихъ речы, въ семъ тестаментѣ моемъ нижей написаныхъ. Я Яновая Болеславовича Свирская маршалковая господарская державчиная Мойшокская кнегиня Ганна Рагозянка вызнаваю симъ моимъ тестаментомъ остаточное воли моее, ижъ я, бачечы уставичную отмѣнность того снадзного свѣта, а ижъ чоловѣкъ на немъ будучы ничого певнѣйшимъ не есть надъ смерть, а часъ и доконченье живота его закрыто есть отъ вѣдомости его, и

добре розумѣючы, ижъ всякіе справы и становенья людскіе писмомъ неупевненные и необварованные, съ часомъ своимъ въ запаментанье заразомъ зъ отмѣною вѣковъ людскихъ приходять,—а будучи я на сесь часъ отъ Пана Бога хоробою навежена, але однакъ при зупелномъ розумѣ и памети досконалое, не съ жадного примушенья, але сама по доброй воли своей для того, абы по животѣ моемъ межы его милостью паномъ малжонкомъ моимъ княземъ Яномъ Болеславовичомъ Свирскимъ а дѣтьми моими и иншыми близкими кровными и повинными моими около маетности моей, по мнѣ заслалое, никякіе заистья, розницы и незгоды недѣели,—умыслиламъ тестаментъ справити и имъ домъ мой и маетность мою водле зданья моего розредити и разшафовати. Который же тестаментъ мой теперъ заразомъ зъ добрымъ розмысломъ и уваженемъ моимъ справуючы, такъ въ немъ остаточную волю мою ку вядомости всимъ посполите, кому бы того потреба указовала, ознаймую, постановляю и замыкаю, Напервей, кгды Панъ Богъ Вшехмогучый съ часомъ воли Своее Светое мене съ того свѣта до хвалы Своее Светое поволати будеть рачылъ, душу свою поручаю въ милосердные руки и опатрность Пана Бога Вщехмогучого въ Тройцы Едыного, маючы зупелную вѣру я надею, ижъ Онъ, яко Богъ милосердья и ласкавости, вси неправости мои зъ дареиное ласки и доброти своее отпустити и мене до хвалы кролевства своего светого приняти будеть рачылъ; тѣло мое грѣшное маеть быти поховано черезъ пановъ опекуновъ и пріятелей моихъ въ церкви светое Пречистое у Вильни. А ку статочному и справедливому выконанью сее остаточное воли моее, въ семъ тестаментѣ моемъ написанное, по Пану Бовѣ опекунами обираю людей зацныхъ ихъ милости: отца Ивана Парееновича,

протопопа и намѣстника отъ Митрополита справъ духовныхъ Виленскихъ, а мѣщанъ Виленскихъ: пана Кузму Мамонича, бурмистра, пана Бориса Андреевича а пана Ивана Андреевича, писара мѣстского Виленскаго; прошу, абы ихъ милость зъ ласки и побожности своее хрестіянское тѣло мое грѣшное возлѣ обычаю костела Греческого поховати, и о то се старати рачили яко бы сесь тестаментъ мой во всемъ водлѣ воли моее, въ немъ описанное, захованъ и скуточне выполненъ былъ. А погребъ тѣла моего за што маеть быти справленный, то есть написано на реестрѣ моемъ съ печатью моею и съ подписаньемъ рукою моею двухъ литеръ писма Руского, отъ мене зоставленомъ. А што се дотычеть маетности моее лежачое и рухомое, тую всю а всю, што одно ее маю, заразомъ симъ тестаментомъ моимъ остаточное воли моее разрежаю и росписую. На первѣй домъ мой властный у пана Юрія Яновича Зеновъевича зятя моего и у малжонки его а дочки моее княжны Марины Соколинской купный, у мѣстѣ Виленскомъ, идучи ку Бернардыномъ межи двѣма улицами на рогу лежачый, съ пляцомъ, зъ будованьемъ всякимъ мурованымъ и деревенымъ и то всимъ на все, ничого не уймуючы ани на дѣти мои зоставуючы, записуя на церковь Светое Пречыстое Богородицы, гдѣ тѣло мое поховано будеть. Мають по жывотѣ моемъ панове опекунове мои-отецъ протопопа Виленскій-тотъ домъ въ моцъ свою взяти и за вѣдомостью своею маючы въ наемъ давати, а тымъ наймомъ съ того дому протопъ Виленскій, яко тотъ теперешній, такъ и по немъ будучые, и зъ иными священниками и дьяконами собору церкви Светое Пречыстое дѣлити се и того уживати до тое церкви Светое Пречыстое вѣчными часы. Дворецъ мой, въ повѣтѣ Виленскомъ, надъ рѣкою Вильною

лежачый, называемый Оньковскій, который я у Станислава Сузкого и у Яроша Олшаньского купила, тотъ дворецъ зъ будованьемъ дворнымъ, зъ кгрунты всякими, оремыми и не оремыми, зъ сѣножатьми, зъ лѣсы, зъ рѣками, зъ сажовками, зъ збожьемъ молочонымъ и немолочонымъ и на поли засѣяннымъ, зъ статкомъ всякимъ домовымъ и со всимъ навсе такъ, якомъ сама держала, и со всимъ правомъ на тотъ дворецъ належачымъ, ничого неуймуючы, ани на дѣти, потомки, близкіе и кровные мои неоставуючы, симъ тестаментомъ остаточное воли моее даю, дарую и на вѣчность записую малжонку своему его милости князю Яну Болеславовичу Свирскому. Маеть его милость князь малжонокъ мой по жывотѣ моемъ дворецъ мой Оньковскій со всимъ въ моцъ и въ держанье свое взяти и его держати и уживати, отдати, продати, даровати, и водлѣ уподобанья своего имъ, яко властвостью своею, шафовати вѣчными часы. А сынове, такъ же и дочка моя Юрьева Зеновьевичева княжна Марина Соколинска, дѣти и потомки ихъ и нихто зъ близкихъ и повинныхъ моихъ до того дворца и ни до которое части его ничого мѣти не мають и не будуть мочы вѣчне. Имѣнья мои, въ повѣтѣ Полоцкомъ лежачые, одно, называемое Несино, котороемъ я купила у пана Тимоѳея Головни, яко есть о томъ на листѣ купчомъ и на иншыхъ листахъ, на тое имѣнье належачыхъ, ширѣй и достаточнѣй написано, а другое имѣнье, называемое Солонеевичы, которое мнѣ малжанокъ мой небожчыкъ князь Михайло Друцкій Соколинскій на вѣчность записалъ, то обое имѣнье зъ будованьемъ, зъ кгрунты всякими оремыми и неоремыми, зъ сѣножатьми, зъ лѣсы, зъ боры, зъ ловы звѣринными и рыбъими, зъ людми, зъ бояры, съ подаными тяглыми и осадными и зъ ихъ повин-

ностями и со всимъ навсе дало, дарую и симъ тестаментомъ остаточное воли моее на вѣчность записую двѣма сыномъ моимъ: князю Михаилу а князю Василью Михайловичомъ Друцкимъ Соколинскимъ. Мають тые два сынове мои, оба два сполне, тые имѣнья мои помененые Несино и Солонеевичы по животѣ моемъ въ моцъ и въ держанье свое взяти и то сполне на ровные части на себе держати и ужывати, отдати, продати, даровати и яко властностью своею водлѣ воли своее шафовати вѣчными часы. А сынъ мой князь Семенъ Друцкій Соколинскій такъ и дочка моя пани Юрьевая Зеновъевичова княжна Марина Соколинска, дѣти и потомки ихъ и нихто зъ близкихъ и повинныхъ моихъ до тыхъ помененыхъ имѣней моихъ и не до которыхъ частей ихъ ничого мѣти и вступовати николи не мають и не будуть мочы; нижли што бы кольвекъ по животѣ моемъ въ тыхъ обѣюхъ имѣньяхъ быдла рогатого и нерогатого, збожья молоченого и немолоченаго зостало, то все сынове мои вси три, князь Семенъ, князь Михайло, князь Василей Соколинскіе побрати и на ровные части подѣлити мають. А съ тое маетности всее три сынове мои мають дати на церковъ Светое Софіи у Полоцку десеть копъ грошей Литовскихъ. А зъ стороны тыхъ двухъ имѣней самыхъ нагорожаючи я и тымъ дѣтямъ моимъ князю Семену сыну моему и пани Юрьевой Зеновъевичовой дочьцѣ моей, записую имъ суму пѣнезей готовую, которую маю въ захованью у его милости пана Станислава Сабины, доктора, секретара короля его милости, войта Виленского, чотыреста копъ и сорокъ копъ грошей Литовскихъ, на што и листъ отъ пана войта подъ печатью и съ подписомъ руки его у мене есть; съ тое сумы записую сыну моему князю Семену Михайловичу Друцкому Соколинскому двѣстѣ копъ грошей Литовскихъ,

а дочьцѣ моей панейЮрьевой Зеновъевичовой княжнѣ Маринѣ Соколинской другую двестѣ копъ грошей Литовскихъ. Мають они по жыветѣ моемъ тые пѣнези у пана войта Виленского взяти и ими водлѣ воли своее шафовати. А сорокъ копъ грошей, которая зоставаеть, мають панове опекунове роздати, то есть: на церковъ Светое Тройцы десеть копъ грошей, и на иншые вси церкви у Вильни десеть копъ грошей. Служебнику моему Яну Бедринскому десеть копъ грошей, а иншимъ слугамъ и челеди моей мають роздати десеть копъ грошей. А што ее дотычеть речы моихъ рухомыхъ: золота, серебра, шатъ, цыны, мѣди, кони и што кольвекъ речми рухомыми можеть быти названо, того, штомъ кольвекъ мѣла, томъ сама за жывота моего слугамъ моимъ, челеди и иншимъ особамъ рознымъ водлѣ зданья моего роздала, ижъ вже по жыботѣ моемъ ничого незоставаеть;, только футро кунье новое сыну моему князю Семену Соколинскому; а кожушокъ куньи, ничымъ непокрытый зъ бобромъ и съ колнеромъ бобровымъ, дочьцѣ моей пани Юрьевой Зеновъевичовой княжнѣ Маринѣ Соколинской по жыветѣ моемъ отдано быти маеть. Привилья и вс̑якіе листы мои, штомъ кольвекъ ихъ мѣла, тыемъ, зложившы въ скрыньку и запечатовавши печатью своею и печатьми людей зацныхъ, далам до захованья его милости пана Станислава Сабины, войта Виленского; и кгды ся сынове мои вси три тутъ до Вильна зъѣдуть, мають, скрыню ту взявшы сполне зъ его милостью князем маллжонкомъ моимъ, листы, которые кому водлѣ сего тестаменту моего належати будуть, разобрати. Челедь моя неволная а меновите: невѣста на имя Ѳедя, прозвищомъ Утка, и дочка ее Настасья и зъ сыномъ своимъ, и Арина зъ сыномъ своимъ и братъ ее Васко, также и иншая вся челедь, што кольво есми

ее мѣла и по животѣ моемъ гдѣжъ кольвекъ есми зостанеть, такъ мужского, якъ и невѣстего стану, вольная и невольная, по жывотѣ моемъ маеть быти вольно выпущона зъ дѣтьми, зъ статкомъ и зо всею маетностью ихъ. А сыны мои и дочка моя пани Зеновъевичова и потомки ихъ и нихто зъ близкихъ повинныхъ моихъ до тое челеди моей до дѣтей и маетностей ихъ ничего мѣть и нигдѣ ихъ поискивати не мають и небудуть мочы вѣчными часы. А такъ я Янова Болеславовичова Свирская, маршалковая господарская, кнегиня Ганна Рагозянка, тую остаточную волю мою такъ ознаймившы и замкнувшы, сесь тестаментъ мой печатью своею запечатовала есми. А притомъ, заховуючысе водле статуту права посполитого, ужыламъ до того ихъ милости людей зацныхъ: вельможного пана его милости пана Теодора Скумина, подскарбего земского и писара великого князства Литовскаго, старосту Браславского и Олитского, пана Андрея Ильгговского; писара скарбного великого князства Литовского, тивуна въ земли Жомойтского, Тверского, пана Ярошa Волчка, пана Мальхера Питкевича, писара земского Виленского, а духовника моего священника церкви Виленское отца Карпа Стефановича, и ознаймившы я ихъ милости тую остаточную волю мою просиламъ, абы ихъ милость сесь тестаментъ мой печатьми своими запечатовать и руками своими подписати рачыли. Ихъ милость, припустившы то ку вѣдомости своей, за устною очевистою прозбою моею то учынити а сесь тестаментъ мой печатми своими запечатовати и руками своими подписати рачыли. Писанъ у Вильни, лѣта Божьего Нароженья тисеча пять сотъ осмдесятъ осмого мясеца Генвара чотырнадцатаго дня. У того тестаменту печатей притесненыхъ шесть и подписы рукъ тыми словы: Теодоръ Скуминъ, подскар-

бій земскій и писаръ великаго князства Литовскаго властною рукою. Андрей Ильковскій рука властна. За очевистой прозбой еи милости кнегини маршалковой при печати своей я Ярошъ Волчекъ руку свою подписалъ. Малхеръ Петровичъ писаръ земскій Виленскій, Карпъ Стефановичъ попъ Воскресенскій рука властная.— Котороежъ тое оповѣданье его милости князя маршалково и тотъ тестаментъ до книгъ кгродскихъ виле́нскихъ естъ вписанъ. А по записанью сесь выписъ подъ нашими печатми его милости князю Яну Болеславовичу Свирскому, маршалку господарскому, державцы Мойшокгольскому, намѣстнику Виленскому, выданъ. Писанъ у Вильны. Валентинъ Юревичъ власною рукою. Миколай Волчекъ, кгродскій Виленскій писаръ. Милхеръ Петровичъ. Григорей Ждановичъ рука власная.

Внизу вытиснуто четыре печати.

(Лит. Еп. Вѣд.)

II.

Австрійцы въ Галиціи.

Quel que soit le mode d'élection des représentants du pays, l'élement nobilaire y dominera infailliblement.... Le peuple polonais n'á de confiance que dans ses compatrioses, les Polonais; donc pour arriver à la pacification du pays, il faut que la Pologne soit gouvernée par des Polonais.

D. K. Schédo-Ferroti.

I.

Населеніе.—Русь Червонная и земля Галицкая.—Польское иго.— Австрійское правительство.—Защита крестьянскаго сословія.

Галиція, прежде Русь Червонная или Червенская, отошедная къ Австріи, имѣла населеніе двухъ племенъ: въ западной Галиціи *мазуровъ* р.-католиковъ, а въ восточной *русскихъ*—малороссійсьаго племени, всѣхъ уже обращенныхъ въ уніятство. Простолюдинъ даже въ западной Галиціи никогда не называетъ себя полякомъ, онъ называетъ себя *мазуромъ, австріакомъ* [1]) иногда *гамичаниномъ* [2]). Вражда къ польскому имени тѣмъ сильнѣе была развита въ восточной Галиціи между ея русскимъ населеніемъ.

Малороссійскаго племени русское населеніе въ Галиціи, безъ плодородности ея почвы, было бы самымъ бѣдствующимъ между всѣми жителями бывшей Рѣчи Посполитой. Слѣдствіемъ польскаго ига было то, что земля Галицкая первая подпала подъ власть поляковъ (1340). Входя кратковременно въ предѣлы Литовско-русскаго великаго-княжества при *Гедиминѣ*, она даже не могла пользоваться тою защитою, которую потомки *Ягайлы*, време-

---

[1]) Названіе австріаковъ было внесено въ населеніе Галиціи солдатами, возвращавшимися на родину (Сообщено русскимъ галичаниномъ) [2]) p. 4.

нами оказывали своей *дѣдичинѣ*. Постоянная покорность русскихъ галичанъ власти, господствовавшей въ Польшѣ, не обезоруживала суроваго полонизма.

Жители восточной Галиціи изъ двухъ, по давней русской землѣ употребляемыхъ, названій *русскій* и *русинъ*, происшедшихъ отъ слова *Русь*, по преимуществу употребляютъ нынѣ послѣднее. Оно осталось памятникомъ настойчиваго стремленія поляковъ къ ослабленію взаимныхъ влеченій между двумя единоплеменными и единовѣрными народами. Съ того времени какъ въ восточной Руси, съ возрастаніемъ ея могущества, наименованіе *русскій* становилось преобладающимъ, тѣмъ назойливѣе сторонники польской ойчизны, въ русскихъ земляхъ, усиливаются утвердить названіе *руссиновъ* за русскими, когда либо подпадавшими подъ польское господство. Названіе *русиновъ*, встрѣчается и въ давнихъ русскихъ лѣтописяхъ; оно было, какъ можно предполагать, названіемъ болѣе письменнымъ или литературнымъ, а не употребляемымъ народомъ. Доказательствомъ тому можетъ служить то, что въ Галиціи жители себя называютъ большею частью *русинами*, а по нѣмецки Ruthen—ами: но на народномъ нарѣчіи не встрѣчаются никакія слова, производимыя отъ названія *русинъ:* женщина въ Галиціи называетъ себя *русскою*, а не *русинкою;* также какъ прилагательное существуетъ—*русскій*, а не *русинскій* [3]).

По изслѣдованіямъ автора „Польскихъ революцій [4]), въ Галиціи слѣды давняго русскаго развитія остались неизгладимыми. Русскіе, пишетъ онъ, были гораздо счастливѣе и образованнѣе прочихъ народовъ средневѣковой Европы, особенно

---

[3]) Сообщено русскимъ галичаниномъ.

[4]) Die polnischen Revolution—Erinnerungen aus Galizien. Prag. 1863. „Воспоминанія о Галиціи“—Оно вышло изъ подъ пера неназвавшагося автора, по видимому, родомъ изъ Богеміи. Мы найдемъ въ немъ массу знаменательнѣйшихъ свѣдѣній, раскинутыхъ по всему сочиненію, которыя могутъ ближе ознакомить читателя съ давнею Галиціею, и тою системою, которую долго австрійское правительство приняло относительно своихъ русскихъ подданныхъ. „Воспоминанія о Галиціи“—плоды пытливаго, безпристрастнаго и, съ точки зрѣнія австрійца, вѣрнаго изученія какъ внутренняго быта давней русской земли, такъ и послѣдовавшихъ въ ней позднѣйшихъ событій. Это сочиненіе имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что автору были извѣстны слѣдственныя дѣла, произведенныя австрійскимъ правительствомъ, по бывшимъ польскимъ смутамъ.

если сравнить ихъ съ поляками. Христіанская вѣра была къ нимъ принесена образованными византійцами. Русскіе, ставъ послѣдователями греческой церкви, заимствовали, при возникшихъ тѣсныхъ сношеніяхъ, просвѣщеніе изъ Константинополя, въ которомъ пріютились литература и наука древняго классическаго образованія. Такимъ путемъ у русскихъ процвѣтало земледѣліе, возникли города и распространилась торговля. Въ то время, когда поляки въ свои города притягивали нѣмцевъ и жидовъ, въ русскихъ земляхъ возникло туземное, образованное среднее сословіе. Русское дворянство, называемое *боярами*, было весьма просвѣщенно и владѣтельные князья, *Рюрикова* дома, были столь заботливы о развитіи образованія, что русская земля процвѣтала во всѣхъ отношеніяхъ. Всюду находились школы, въ городахъ и по селамъ. Русская литература имѣетъ такіе памятники того времени, какими не можетъ похвалиться ни одинъ изъ живыхъ языковъ; только *Краледворскую рукопись* [5]) чеховъ можно поставить рядомъ со *Словомъ о полку Игоревѣ*. Произведенія нѣмецкія, французскія и италіянскія, до появленія Diwina comedia, при сравненіи, утрачиваютъ всякую цѣну. Разница бросается въ глаза, если поставимъ русскаго *Нестора* рядомъ съ современными ему нѣмецкими, французскими и польскими изслѣдователями. *Несторъ*, дѣйствительно, историкъ, въ то время какъ другіе народы имѣли только хроникеровъ. *Несторъ*—первый бытописатель новыхъ временъ, который можетъ выдержать сравненіе съ Тацитомъ и Ѳукидидомъ. Греческая церковь процвѣтала одинаково. Владѣтельные князья, равно и бояре, обогатили ее дарами, учрежденіями, землями и десятиною, потому русское духовенство до *расточительности* (in verschwenderischer Weise) могло угождать своимъ стремленіямъ къ христіанскому милосердію. Междоусобія князей были первыми виновниками паденія цвѣтущаго положенія русскихъ земель. Внутреннія распри раскрыли двери любостяжательнымъ стремленіямъ венгерцевъ, поляковъ и татаръ. Богатыя владѣнія *русскаго короля* Даніила были предметомъ зависти сосѣдей.

Время польскаго владычества въ Галиціи длилось болѣе 4 вѣковъ, и оно можетъ служить доказательствомъ терпѣливости галичанъ. Рядъ самыхъ возмущающихъ поступковъ со сторо-

---

[5]) Собраніе древнихъ чешскихъ пѣснопѣній, найденныхъ Вячеславомъ Ганкою.

ны поляковъ оставилъ памятники для исторіи страны,—такіе памятники, что многихъ не могутъ обойдти даже польскія лѣтописи, а со стороны галичанъ былъ одинъ единственный случай попытки крестьянъ къ вооруженію и защитѣ, когда сильный и предпріимчивый мужъ, по имени *Муха*, вышедшій изъ этой среды, возсталъ съ 10,000 [6]). Панъ, ксендзъ и жидъ явились въ Червонную Русь истребителями народнаго благоденствія, и изслѣдованіе судебъ давней Галиціи приводитъ и автора „Польскихъ Революцій" къ наименованію польскаго въ ней владычества *польскимъ игомъ* (polnischer Joch) [7]).

Надъ Польшею властвовалъ Римъ, Римъ давалъ направленіе государственной наукѣ въ Польшѣ, а для римской куріи государственное единство Польши заключалось только въ признаніи папы.

Надъ Галиціею полонизмъ производилъ свои опыты государственнаго единства. При Казимірѣ Великомъ, который пріобрѣлъ Галицкую землю, въ ней уже началось насильственное обращеніе церквей въ костелы [8]). Съ Галиціи началась іезуитская дѣятельность возмутительнымъ нападеніемъ на православіе въ 1584 году [9]).

Водвореніе уніи между русскимъ населеніемъ не прекратило дѣятельности р.-католиковъ. Русское духовенство львовской и перемышлской епархій еще въ 1831 году хранило воспоминанія о гнетѣ временъ польскаго владычества. Въ историческихъ сочиненіяхъ, даже польскихъ, и въ многочисленныхъ актахъ регистратуръ (архивовъ) находятся дополненія этихъ сказаній [10]). Латинскую пропаганду покровительствовали короли и магнаты, и латинскій костелъ былъ возвышаемъ, обогащаемъ и распространяемъ на счетъ русской церкви. Многіе польскіе короли поставили себѣ задачею обирать русскую церковь и ея имущества передавать римскому духовенству. Дворянство польское и туземное, ополяченное систематически продолжало эту работу. Съ русскими обращались какъ съ язычниками, пока они не принимали уніи, и не было насилій направленныхъ противъ православныхъ, которыя не считались бы дозволенными, хотя Казиміръ, принимая Галицію, торжественно далъ присягу сохранить права жителей и права ихъ

6) p. 17. 7) p. 19. 8) Часть I. гл. 2.
9) Глава VII и прил. 9. 10) p. 16.

греческаго исповѣданія. Многіе крестьяне были обращены въ латинство насиліемъ помѣщика. Русское духовенство иногда добывало охранительныя привиллегіи отъ королей, но онѣ оставались безплодными, при безсиліи законныхъ властей и постоянной анархіи въ Польшѣ. Галичанинъ окрѣпъ въ борьбѣ, всѣ народныя стремленія сосредочились подъ знаменемъ церкви, которая сохранила свой языкъ.

Галичане, охраняя свое православіе, были первыми, которые стали изыскивать средства для борьбы съ латинствомъ. Первое *братство*,—общество, явившееся для защиты отъ напора р.-католицизма, было львовское, основанное еще въ 1439 году [11]), окончательно устроенное въ 1586 году, въ годъ кончины Стефана *Баторія*, и которое послужило образцемъ позднѣе устраивавшимся братствамъ, изъ которыхъ за тѣмъ первымъ явилось виленское въ 1588 году. Послѣ четырехъ-вѣковой борьбы, изнеможенное православіе погибло въ Галиціи, Въ царствованіе возстановленнаго Карломъ XII короля Станислава *Лещинскаго*, извѣстнаго ревнителя латинской вѣры, православію были нанесены роковые удары. Послѣ ряда подвиговъ величайшаго самоотверженія, въ 1708 году исчезло львовское православное братство. Послѣдніе братчики признали унію и главенство папы [12]).

Римъ былъ доволенъ, но не было довольно мѣстное латинское духовенство. Уніатское духовенство имѣло свои мѣста, а латинское духовенство стремилось эти мѣста обратить въ свое достояніе и шло къ цѣли, погружая въ невѣжество и унижая бѣлое русское духовенство. Съ ксендзомъ водворился въ Галицію и полякъ—землевладѣлецъ, который приходилъ съ своими польскими уставами, и его неразлучный спутникъ—еврей. Въ лицѣ римскаго духовенства—инквизитора, землевладѣльца-чуждаго и своекорыстнаго пана, и еврея, готоваго продавать свои услуги, чтобы заслужить милость ксендза и пана, полонизмъ былъ ненавистенъ природному галичанину. Удаленная отъ Московскаго государства, лишенная его заступничества, галицкая Русь *безнадежно* переносила свою судьбу,

---

[11]) Іоанна Флерова: о православныхъ церковныхъ братствахъ. С.-Петербургъ 1857 стр. 21.

[12]) Іоанна Флерова о православныхъ церковныхъ братствахъ, стр. 197.

помѣщикъ безнаказанно убивалъ и грабилъ крестьянина, на барскій дворъ тащилъ его жену и дочь, и не было суда, который былъ бы обязанъ принять жалобу обиженнаго раба. Въ случаѣ только когда панъ убивалъ чужаго крестьянина, тогда владѣлецъ могъ жаловаться и получать вознагражденія около 6 гульденовъ на нынѣшнія австрійскія деньги [13]). „Четыре столѣтія Галицкая земля противупоставляла насиліямъ свое доброе право и свое терпѣніе" [14]). Но р.-католицизмъ продолжалъ напирать на остатки русской народности. Русская Георгіевская церковь во Львовѣ была взята вооруженными поляками приступомъ, нерѣдко мертвыхъ выбрасывали изъ могилъ, церковную утварь выбрасывали на улицу, а священниковъ выгоняли изъ ихъ приходовъ. Слово *попъ* поляки обратили въ презрительное названіе, дабы унизить самую церковь, которую называли *синагогою* *). Когда народъ Галиціи перешелъ подъ власть Австріи, то *онъ походилъ на спасшагося послѣ крушенія пловца, который благодаритъ Бога, что спасъ хотя нагую жизнь свою* [14]).

Полонизмъ не могъ добить смысла русскаго населенія, и онъ изливается въ множествѣ поговорокъ и пословицъ. Онѣ изображаютъ народный характеръ, изображаютъ и практику жизни, пріобрѣтенную подъ вѣковымъ польскимъ гнетомъ [16]).

---

[13]) p. 6. [14]) p. 17.

*) Прислушайтесь, г. гуманисты! *Ред.*

[15]) p. 16.

[16]) Авторъ собралъ (p. 25) длинный рядъ поговорокъ и пословицъ, въ нѣмецкомъ переводѣ. Благодаря обязательности русскихъ галичанъ, помѣщаемъ нѣкоторыя изъ нихъ въ подлинныхъ выраженіяхъ: Доки свитъ свитомъ, не буде русинъ полякови братомъ. (Эта поговорка, перенесенная на почву Галиціи, утратила первоначальную рифму: Пока святъ (свѣтъ) святомъ, не будетъ русскій поляку братомъ).—Щобы лиха не знати, треба своимъ плугомъ и на своей нивѣ орати.—Безъ муки, нима науки.—Бидному всюду бида.—Великое дерево поволи (тихо) ростетъ.—Въ несчастіи нима ни брата ни свата.—Гирко (горко) заробишъ солодко сьѣшъ.—Громада (міръ) великій человикъ; якъ плюне то и войта утопитъ.—Гдѣ сила тамъ и моцѣ мощ.)—Добрая птица свое гнѣздо не каляе (не грязнитъ).—На милованіе нима силованія.—Съ одного квитка, не буде винка.—Когося бида вчепится, того держится и руками и ногами.—Лучше кривду терпыти, якъ крывду чиныти.—Лучше розумъ природженый, якъ наученый.—Мудрой головѣ досыть (достаточно) два слова.—На чьимъ вози сидишь, того писню

При разделахъ Речи-Посполитой, въ областяхъ коренной Польши, отходившихъ къ Пруссіи, было вообще нерасположеніе къ Нѣмцамъ; пародируя русскую пословицу, въ польскомъ обществѣ составили поговорку:

Пока святъ стоитъ святомъ.
Полякъ нѣмцови не бендзе братомъ.

Части, возвращенныя Россіею, на границахъ Имперіи, такъ были къ ней близки въ своихъ сношеніяхъ, такъ часто видѣли у себя ея войска, такъ часто отъ единоплеменной и единовѣрной Россіи ожидали помощи и поддержки въ часы невзгодъ, что въ массѣ населенія должны были замолкнуть всякіе возгласы противъ отчужденія отъ чуждой и имъ ненавидимой Польши. Австрія желала приравнять себя къ тѣмъ выгоднѣйшимъ отношеніямъ, къ которыя Россія становилась къ пріобрѣтеннымъ подданнымъ,

Австрія даже опасалась непосредственнаго сосѣдства съ Россіею изъ за своихъ славянъ въ Венгріи [17]). Въ то же время, какъ Австрія постоянно заботилась получить свою долю отъ Рѣчи-Посполитой, она заботилась по возможности сохранять добрыя сношенія съ поляками. Австрійское правительство, при послѣдовательныхъ раздѣлахъ, не переставало заявлять, что оно только возвращаетъ прежнія владѣнія венгерской короны—галицкіе русскіе округа.

Съ перваго раздѣла 1773 года, Австрія начинаетъ вводить новые порядки, само шляхетство видѣло, что вооруженныя схватки, вслѣдствіе распри между панами, были не мыслимы иначе, какъ въ Рѣчи-Посполитой. Марія Терезія, къ дальнѣйшему ограниченію проявленій самоуправства, учредила окружные суды [18]), доступные всякому простолюдину. Жизнь и имущество крестьянина были взяты подъ защиту закона, но крестьянинъ оставался крѣпостнымъ, и его поля, равно какъ

спивай.—Отчизна на язицѣ, а въ сердци сдрада (измѣна).—Своєсвято, а чужое—препаисвятійше. Изъ когосе насмѣваютъ, изъ того люди бываютъ—Слухай много, говори мало.—Будъ чистъ якъ лидъ, бѣлъ якъ снѣгъ, а всеже обрешутъ отъ стипъ (стопъ) до головы.—Цнота (добродѣтель) не маетъ миста у панскаго двора.—Чиловикъ на землѣ, якъ банька (пузырь) на водѣ.— Якъ люди изъ нами, такъ мы съ людьми.

[17]) Frédеric II Oeuvres post umes.

[18]) p. 7.

и его трудъ, оставались въ полномъ распоряженіи владѣльца. Судъ надъ неисполненіемъ барщины оставался еще въ вѣдѣніи помѣщика, какъ судъ первой инстанціи; но внѣ этой, правительствомъ положенной черты, крестьянинъ имѣлъ право призвать къ суду даже и самого своего пана.

Царствованіе Іосифа II осталось особенно памятнымъ его попеченіемъ о галиційскихъ подданныхъ. Императоръ съ примѣрно-человѣколюбивою своею заботливостію приступилъ къ ряду нововведеній, которыя были истиннымъ благодѣяніемъ, и послѣ его кончины онѣ были распространены на всѣхъ галичанъ, ставшихъ подданными Австріи, какъ по первому раздѣлу, такъ въ округахъ, ею пріобрѣтенныхъ при окончательномъ паденіи Польши.

Іосифъ II уничтожилъ *крѣпостное право*, и крестьянинъ получилъ гражданскія права за пять лѣтъ до того, какъ шляхетство начало трубить по всей Европѣ о своемъ подвигѣ безкорыстія, сдѣлавъ послѣ 4 лѣтъ трудовъ великаго сейма щедушныя постановленія, что условія между паномъ и рабомъ обязательны, еслибы пану вздумалось подобное дозволить. Паны въ Галиціи доказали, на сколько шляхетство было способно улучшить быть своихъ подданныхъ; когда австрійское правительство установило размѣры барщины (панщизны), тогда паны, самыми изворотливыми хитростями, стремились обходить законоположеніе. Въ 1786 году 16 іюня, Іосифъ II издалъ потому сельскій уставъ или инвентарное положеніе,—такъ называемый *работъ-патентъ*, въ которомъ были изложены; до мельчайшихъ подробностей, разные случаи, съ цѣлью обуздать изворотливость польской легальности, которая силилась прикрывать панскія беззаконія. Австрійская власть увидѣла себя въ необходимости прибавить въ § 40 устава: „Сколько правительству ни непріятно видѣть себя вынужденнымъ указывать въ законоположеніяхъ на частные случаи и обстоятельства; но оно не видитъ другаго средства защитить крестьянъ отъ разнообразныхъ угнетеній, для которыхъ своекорыстіе находитъ столь многоразличные пути и виды, что съ неистощимою изобрѣтательностью обращаетъ въ недѣйствительныя всякія правительственныя постановленія.“ Какой яркій лучь свѣта бросаетъ этотъ параграфъ, по замѣчанію приводимаго нами автора, на тѣ патріархальныя отношенія польскаго землевладѣльца къ землепашцу, которыя такъ прославляютъ польскіе литераторы!

Іосифъ II заботился объ улучшеніи администраціи, которая стала въ странѣ представителемъ правительственной власти, объ уменьшеніи сборовъ, введенныхъ во время Рѣчи-Посполитой, и которые затрудняли внутреннюю промышленность, и неутомимо заботился обратить *евреевъ* въ производительное сословіе. Правда, всѣ усилія привязать ихъ къ землѣ, обратить ихъ къ землепашеству остались тщетными, при складѣ еврейскаго настроенія; но по крайней мѣрѣ ему удалось поднять жидовъ изъ той грязи, въ которой они погрязли, поставивъ ихъ въ необходимость начать заниматься ремеслами, что съ своей стороны оказало благодѣтельное вліяніе на улучшеніе быта крестьянина [19]).

ВИЛЕНСКАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗІЯ,

СЪ ПРЕДПОСЛАННЫМЪ ОЧЕРКУ ЕЯ КРАТКИМЪ ИСТОРИЧЕСКИМЪ ЭСКИЗОМЪ СОСТОЯНІЯ ВЪ РАЗНЫЯ ЭПОХИ МѢСТНАГО МУЖСКАГО И ЖЕНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ *).

(Русскій Высочайшій авторитетъ)

«Умственное и нравственное образованіе женскаго населенія—лучшее ручательство правильнаго развитія грядущихъ поколѣній.» Слова Е. В. Государя Императора Александра Николаевича въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ Намѣстнику Царства Польскаго 30-го августа 1864 г. въ Югенсгеймѣ, близь Дармштата, по поводу послѣдовавшаго Высочайшаго указа объ учебной реформѣ въ Ц. Польскомъ.

При ближайшемъ знакомствѣ съ картиною общественнаго и семейнаго положенія женщины, преимущественно средняго круга,—

---

[19]) p. 9.

*) Руководствомъ къ составленію настоящей статьи приняты: собранныя офицерами генеральнаго штаба матеріалы для географіи и статистики губерній Виленской и Гродненской—отдѣлы: «умственное образованіе»; историческія замѣтки о Литвѣ соч. П. В. Кукольника»; корреспонденціи изъ С.-Западнаго края, помѣщенныя разновременно въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ за послѣднее десятилѣтіе; статьи мѣстныхъ литературныхъ органовъ: журналъ «Вѣстникъ Западной Россіи» и газета «Виленс. Вѣстникъ»; отчеты о состояніи учебнаго и воспитательнаго дѣла въ Виленскомъ учебномъ округа и свѣдѣнія, полученныя частнымъ путемъ отъ директора виленской женской гимназіи А. И. Виноградова, и отъ другихъ лицъ близко поставленныхъ къ обсуждаемому въ статьѣ предмету. (Авторъ).

какъ у насъ въ Россіи, такъ, сравнительно, и въ государствахъ западной Европы, а также и Америки, — мы встрѣчаемъ въ современныхъ литературныхъ изданіяхъ своихъ и иностранныхъ указанія на то, что женщина, вытѣсненная монополіею мужскаго труда изъ всѣхъ почти общественныхъ сферъ дѣятельности и замкнутая, издавна, въ тѣсный кругъ дѣятельности семейной, — поставлена, вслѣдствіе экономическаго прогреса настояшаго времени, въ необходимость заявлять передъ свѣтомъ о равноправности своей на участіе, въ нѣкоторой степени съ мужчиною въ трудѣ общественномъ, могущемъ обезпечить за нею возможность обходиться безъ подчиненія своихъ личныхъ и семейныхъ нуждъ исключительному попеченію мужчины. Вопросъ о женскомъ трудѣ, въ связи съ необходимою для того подготовкою женщины соотвѣтственнымъ умственнымъ образованіемъ, не перестаетъ серьозно разработываться въ Германіи, Англіи и Америкѣ, въ особенности въ послѣдней, съ успѣхомъ прилагающей къ дѣлу опыты, выясняющіеся строго анализируемымъ разборомъ теоріи.

И у насъ, въ Россіи, въ послѣднее время, какъ правительство, такъ и само общество—явили нѣкоторыя данныя, свидѣтельствующія, что па вопросъ этотъ обращено должное вниманіе. Первое сдѣлано важное преобразованіе въ системѣ женскаго воспитанія и разрѣшило учрежденіе частныхъ обществъ, съ цѣлью нравственнаго и матеріальнаго улучшенія быта нашей женщины; второе съ глубокимъ сочувствіемъ отнеслось къ правительственной въ этомъ дѣлѣ инициативѣ и, сознавая всю важность и своевременность вопроса, на ряду съ другими вопросами нашей общественной и политической жизни, начинаетъ вступать въ область практическихъ начинаній, служащихъ несомнѣннымъ ручательствомъ дальнѣйшаго поступательнаго движенія вопроса по пролагаемому пути. Издаваемый съ 1866 г., въ С. Петербургѣ, журналъ «Женскій Вѣстникъ», взявшій на себя задачу всесторонняго обсужденія женскаго вопроса, служитъ вмѣстѣ органомъ выраженія общественныхъ въ этомъ отношеніи стремленій и пособникомъ въ дѣлѣ раціональнаго примѣненія ихъ къ практической жизни.

Мы не чувствуемъ себя на столько компетентными, чтобы излагать цѣлый трактатъ о первостепенной важности женскаго вопроса, занимающаго мыслящихъ людей нашего времени, тѣмъ болѣе, что (ограничивая размѣры настоящей статьи рамкою періодическихъ изданій) мы намѣрены коснуться частности, заключающей въ себѣ мѣстный интересъ; не имѣемъ также въ виду предъявлять читателямъ истинъ, касающихся этого животрепещущаго вопроса, или взывать къ ихъ сочувствію и рекомендовать ихъ вниманію эту сторону явленій общественной жизни, ибо каж-

дый, интересующійся современнымъ умственнымъ движеніемъ нашего общества, можетъ обратиться къ сочиненіямъ, специально разсматривающимъ женскій вопросъ, во всеобъемлющемъ его значеніи, и почерпнуть изъ нихъ болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія для ближайшаго знакомства съ предметомъ. Мы задаемся попыткою кратко познакомить читателей съ одной стороною женскаго вопроса, а именно: съ дѣломъ воспитанія и съ средствами, которыя имѣло и имѣетъ для образованія ума и сердца юное поколѣніе женщинъ въ г. Вильнѣ, какъ общественномъ и умственномъ центрѣ С.-западнаго края, подающаго тонъ прочимъ мѣстностямъ, входящимъ въ составъ его.

I.

Пронесшіяся шумною бурею, по пространству С.-Западнаго края, политическія событія въ періодъ съ 1861 по 1864 годъ, останавливая на себѣ вниманіе каждаго современника, задавшагося желаніемъ уяснить причины, которыя объусловливали собою возможность и большую, или меньшую вѣроятность наступленія ихъ, наводятъ на вопросъ: не заключалась ли возможность появленія этихъ событій, кромѣ присутствія другихъ историческихъ причинъ, скопившихся въ жизни края въ довольно значительный промежутокъ времени,—также въ характерѣ и состояніи умственнаго образованія привиллегированныхъ сословій здѣшняго края, унаслѣдовавшихъ опредѣленное умственное направленіе отъ предковъ своихъ, подчинявшихся въ дѣлѣ своего школьнаго воспитанія различнымъ, въ извѣстныя историческія эпохи, вліяніямъ? Обращаясь къ указаніямъ недицепріятной исторіи и прослѣдивъ, съ помощію ея, послѣдовательно, историческій ходъ просвѣщенія, мы несомнѣнно, найдемъ въ ней и объясненіе умственнаго направленія, пріобрѣтавшагося въ семьѣ и потомъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній,—направленія, такъ рельефно выдавшагося въ началѣ 30-хъ и 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія, въ средѣ образованнаго польскаго населенія С.-Западныхъ губерній и, какъ средоточія таковыхъ, города Вильны.

Не имѣя подъ рукою историческихъ данныхъ, изъ которыхъ можно бы было вывести заключеніе о степени, на которой стояло женское образованіе въ С.-Западномъ краѣ въ болѣе отдаленную отъ насъ эпоху, мы представимъ краткій историческій очеркъ хода мужскаго общаго образованія, имѣвшаго, конечно, неотразимое вліяніе и на умы женской половины здѣшняго населенія. Справляясь съ историческими матеріалами, приведенными въ систему П. О. Бобровскимъ, А. К. Коревой и другими, опиравшимися на документальныя свидѣтельства польскихъ писателей, мы находимъ слѣдующее. Съ XIII ст. христіанство начало проникать

въ Литву двумя путями: съ запада—оружіемъ крестоносцевъ и ливонскихъ рыцарей, распространявшихъ р. католицизмъ насиліемъ, возбуждавшимъ въ язычникахъ ненависть къ распространителямъ и ихъ религіи; и съ востока—путемъ кротости и убѣжденія русскихъ проповѣдниковъ, снискавшихъ себѣ довѣріе и имѣвшихъ вслѣдствіе этого значительный успѣхъ. Распространеніе христіанской вѣры повело за собою и распространеніе въ странѣ просвѣщенія, а перевѣсъ цивилизаціи сосѣдней Руси положилъ начало характеру и направленію мѣстныхъ училищъ. Школы въ литовской Руси до XVI ст., существовавшія при православныхъ церквахъ и монастыряхъ, имѣли ограниченное вліяніе на просвѣщеніе народа; впослѣдствіи, съ потерею политическаго значенія духовенства православнаго, эти школы переходятъ въ вѣдѣніе духовенства р. католическаго и въ XVI ст. учреждаются при костелахъ и коллегіяхъ, имѣя предметомъ подготовленіе ксендзовъ и учителей и цѣлію—пропаганду въ средѣ православнаго населенія. Кромѣ этихъ приходскихъ школъ существовали принадлежавшія различнымъ диссидентамъ, и содержавшіеся на счетъ богатыхъ землевладѣльцевъ,—какъ высшій разрядъ учебныхъ заведеній,—гимназіи.

Съ послѣдовавшимъ затѣмъ распространеніемъ въ краѣ польскихъ пришельцевъ и р.-католицизма, господствовавшій въ школахъ русскій языкъ, бывшій языкомъ дипломатическимъ, судебнымъ и придворнымъ,—замѣняется исподоволь польскимъ, пріобрѣтающимъ извѣстность и усвоиваемымъ многочисленною шляхтою, а за ней и дворнею.

Между тѣмъ борьба, возникшая въ средѣ православныхъ, лютеранъ и р. католиковъ начала развивать умственное движеніе религіознаго характера, вслѣдствіе чего многіе обыватели, не находя въ Литовскомъ государствѣ средствъ къ свѣтскому образованію, отправляли дѣтей своихъ въ Краковъ, гдѣ пользовалась въ то время извѣстностію академія, основанная Ядвигою, въ концѣ XIV ст.

Такимъ образомъ, до соединенія Литвы съ Польшею и до появленія въ ней іезуитовъ, здѣсь существовали, кромѣ православныхъ и р.-католическихъ приходскихъ школъ,—среднія учебныя заведенія, одно высшее при Св. Троицкомъ монастырѣ и училище правовѣдѣнія, основанное въ 1566 г. при архипресвитеріальномъ костелѣ св. Іоанна. Кромѣ того находились въ Вильнѣ училища протестантовъ и кальвиновъ, которые, благодаря помощи богатыхъ покровителей, имѣя возможность—содержать просвѣщенныхъ преподавателей, не стѣсняемыхъ отвѣтственностію въ изложеніи своихъ мнѣній, и—получать изъ за границы учебныя пособія,—способствовали развитію образованія въ средѣ мѣст-

наго населенія преимущественно передъ другими диссидентами. Но вотъ въ 1569 г. являются въ Литвѣ отцы іезуиты, по призыву виленскаго р.-католическаго епископа Протасевича, и, въ теченіи 20 лѣтъ, при помощи королевской власти и при содѣйствіи сильныхъ вельможъ, которыхъ расположили къ себѣ интригой и лестью,—такъ ласкающею шляхетское самолюбіе,—содѣйствуютъ обѣднѣнію и наконецъ совершенному закрытію школъ русскихъ и прочихъ диссидентовъ, собирая въ тоже время значительные фундуши (капиталы) на устройство своихъ собственныхъ школъ.

Извѣстно, что обществу іезуитовъ даны были папскими буллами и королевскими декретами широкія права. Имъ дозволено было заводить, гдѣ угодно, коллегіи и школы, учить языкамъ, свободнымъ наукамъ, философіи, богословію,—даже тамъ, гдѣ находятся университеты. Не мудрено, что при такихъ правахъ іезуиты съ полнымъ успѣхомъ достигали своихъ цѣлей—владѣть общественною мыслью и совѣстью отдѣльныхъ личностей, для чего признано было ими необходимостію — стѣснять и подавлять всякое свободное отъ ихъ вліянія развитіе человѣческаго разума и, для большаго пріобрѣтенія популярности въ массахъ,—льстить страстямъ и снисходить къ слабостямъ. Что такова была метода дѣйствія іезуитовъ,—подтверждаютъ ихъ инструкціи, программы наукъ въ собственныхъ ихъ школахъ и самые плоды ихъ воспитанія, отразившагося на послѣдующихъ поколѣніяхъ, происшедшихъ отъ ближайшихъ воспитанниковъ ихъ. Распространивъ планъ Ягеллы объ уничтоженіи православія въ Литовскомъ государствѣ, іезуиты рѣшили уничтожить и всѣ школы иновѣрцовъ съ тѣмъ, чтобы будущія поколѣнія воспитывать исключительно въ духѣ латинства, покорнаго папскому престолу. Овладѣвъ народнымъ образованіемъ, послѣдователи ученія Лойолы, при помощи уніи и совращенія, опираясь на польскихъ магнатовъ, усердно занялись воспитаніемъ молодежи, въ которой, въ короткое время, успѣли убить едва возродившееся умственное движеніе, подавивъ его отвлеченностями схоластической философіи и казуистическимъ богословіемъ. Въ разныхъ мѣстностяхъ появились іезуитскія коллегіи, при которыхъ учреждались и школы для свѣтскаго образованія. Между ними пріобрѣтаетъ особенную извѣстность виленская коллегія которая, при Стефанѣ Баторіѣ, преобразовывается въ академію, на правахъ и программѣ краковской.

Старанія іезуитовъ достигли того, что указъ Сигизмунда III запрещалъ послѣдователямъ православія учреждать свои школы, а конституція 1635 г. окончательно закрѣпила за ними всѣ шко-

лы и право цензуры книгъ *). Въ XVII ст. образованіе приняло чисто іезуитскій характеръ; все не-іезуитское было вытѣснено. Благодаря іезуитскоу воспитанію, между послѣдователями римской и греческой вѣры открылась непримиримая ненависть. Молодежь изъ іезуитскихъ школъ выходила фанатическая, враждебная ко всему не римскому, съ сомнительною, фальшивою моралью, склонная къ интригамъ и производству безпорядковъ. Эти качества,—должно сознаться безпристрастно,—всецѣло перешли въ плоть и кровь позднѣйшаго, современнаго уже намъ, потомства.

Въ концѣ этого столѣтія, русскій языкъ былъ изгнанъ изъ учебныхъ заведеній, польскій же, принятый поголовно шляхетствомъ,—сдѣлался языкомъ учебнымъ и оффиціальнымъ. По изгнаніи іезуитовъ и уничтоженіи этого ордена папою Климентомъ XIV, общественное воспитаніе переходитъ къ правительству **). Постановленіями сеймовъ 1773 и 1775 годовъ, учреждена была, съ цѣлью слѣдить за образованіемъ, эдукаціонная коммисія, раздѣлившая Литовское государство на учебные округи, изъ которыхъ въ каждомъ находилась высшая школа и нѣсколько низшихъ духовныхъ и свѣтскихъ, равно какъ приходскія училища и частныя школы. Всѣ эти заведенія содержались или духовенствомъ, или на счетъ эдукаціоннаго капитала, образовавшагося изъ части іезуитскихъ имѣній. Одновременно съ тѣмъ, впервые замѣчается появленіе въ учебныхъ округахъ, въ числѣ мужскихъ учебныхъ заведеній,—и частные женскіе пансіоны. Съ удаленіемъ іезуитовъ, учебное и воспитательное дѣло нисколько, однако, не освобождается отъ вліянія на него р. католическаго духовенства, которое, получивъ значительныя имѣнія, старательно прибираетъ въ свое вѣдѣніе обученіе дѣтей. Такъ, мы встрѣчаемъ во всѣхъ почти учебныхъ заведеніяхъ этого времени, въ числѣ преподавателей, духовенство разныхъ орденовъ, а именно р. католическое (доминиканы, піары, миссіонеры, каноники латеранскіе, кармелиты и францисканы) и уніатское—(базильяне).

---

*) По свидѣтельству историковъ Литвы, на площадяхъ Вильны часто пылали костры конфискованныхъ іезуитами въ училищныхъ библіотекахъ и у частныхъ владѣльцевъ, книгъ, сжигаемыхъ палачами. Авторъ.

**) Въ послѣднее время господства іезуитовъ въ Литвѣ, когда недовольство на ихъ злоупотребленія сдѣлалось почти общимъ и повсемѣстнымъ, вступаетъ съ ними въ соперничество орденъ-піаровъ, посвятившій себя обученію юношества. Нѣкто Станиславъ Конарскій, ставшій въ главѣ піаровъ, реформами, положенными имъ въ основу своихъ училищъ, значительно подорвалъ общественное довѣріе къ іезуитскимъ училищамъ, склонившимся вслѣдствіе этого къ видимому упадку. Авторъ.

Въ Литовской губерніи, имѣвшей, по высочайшему указу 1796 г., главнымъ городомъ Вильну, и раздѣленной впослѣдствіи (1802 г.) на губерніи Виленскую и Гродненскую, въ первое время ея образованія, находилось 49 учебныхъ заведеній, въ которыхъ воспитывалось 2159 мальчиковъ и 82 дѣвицъ. Въ числѣ этихъ заведеній, на всю губернію была одна свислочская мужская гимназія, считавшаяся пріуготовительнымъ заведеніемъ для вступленія въ виленскую академію. Въ 1803 г. академія эта преобразована императоромъ Александромъ I въ императорскій университетъ, содержавшійся изъ доходовъ съ поіезуитскихъ имѣній. Въ слѣдующемъ году, для подготовленія молодежи къ университетскому образованію, кромѣ гимназіи въ Вильнѣ, было 15 училищъ, въ числѣ которыхъ одно евангелико-реформатекое.

До 1830 г., дѣло образованія здѣшняго юношества оставалось въ положеніи statu quo. Р. католическое духовенство, владѣвшее воспитывающимися, при посредствѣ проповѣдей и вліянія женщинъ подготовило умы къ наступившимъ политическимъ смутамъ. Виленскій университетъ, наполненный сверху до низу поляками, имѣя въ главѣ профессоровъ, руководимыхъ попечителемъ виленскаго учебнаго округа, княземъ Чарторыйскимъ, образовалъ въ стѣнахъ своихъ тайныя общества (такъ называвшихся «филаретовъ» и «филоматовъ»), давъ изъ среды учащихся революціонныхъ дѣятелей, а женщины, на воспитаніи которыхъ не могло не отразиться общее направленіе его въ духѣ враждебномъ русскому правительству,—играли, въ средѣ польскаго мятежнаго населенія, слишкомъ воинственную, несвойственную ихъ природнымъ наклонностямъ, роль. Ученики гимназій были одушевлены тѣмъ же духомъ, что доказало слѣдствіе, произведенное въ Вильнѣ резидентомъ Ц. Польскаго, сенаторомъ, гр. Н. Н. Новосильцевымъ, по поводу фарса ученика гимназіи Плятера, написавшаго въ классѣ: «да здравствуетъ конституція 3-го мая! Поляки! возстаньте для защиты великаго нашего дѣла!» Поступокъ этотъ, какъ обнаружили послѣдствія, не былъ случайностію, или одинокою шалостью, а служилъ выраженіемъ настроенія всего учащагося въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ юношества.

Событія, послѣдовавшія въ періодъ отъ 1831 по 1842 г., какъ то: закрытіе виленскаго университета *), упраздненіе р.-католи-

*) По закрытіи въ 1832 г. виленскаго университета, оставшіеся медицинскій и богословскій факультеты переименованы: 1-й—въ медико-хирургическую, упраздненную въ 1841 г., а 2-й—въ римско-католическую духовную академіи. Въ 1834 г. открытъ въ Вильнѣ благородный мужской пансіонъ и при немъ 2-я гимназія, которые въ 1838 г. преобразованы въ дворянскій мужской институтъ, закрытый вслѣдствіе обнаруженныхъ въ немъ безпорядковъ, во время мятежа 1863 года.

ческихъ монашескихъ орденовъ, возсоединеніе уніатовъ и поступленіе духовныхъ имѣній въ вѣденіе министерства государственныхъ имуществъ,—вызвали со стороны правительства рядъ реформъ въ устройствѣ учебныхъ заведеній края и въ способѣ преподаванія наукъ. Духовенство было совершенно устранено отъ школы и, такимъ образомъ, общественное и народное воспитаніе de jure перешло въ руки правительства, которое, ослабивъ клерикальное въ учебныхъ заведеніяхъ вліяніе, является, съ этого времени, впрочемъ болѣе номинально, представителемъ просвѣтительнаго начала въ здѣшнемъ краѣ.

Предпринятое правительствомъ преобразованіе воспитательной и учебной частей съ недовѣріемъ было встрѣчено польскомъ дворянствомъ, смотрѣвшимъ на С.-Западныя губерніи, какъ на губерніи польскія, хотя все противорѣчило этому взгляду: и русская народность, и православная вѣра большинства населенія, и исторія края, которому насильственно были привиты чуждыя формы и чуждый языкъ, и въ которомъ самая вѣра была поколеблена только уніею и происками іезуитовъ и ксендзовъ.

Послѣдствіемъ упомянутыхъ реформъ является учрежденіе, вмѣсто училищъ, бывшихъ въ вѣденіи р.-католическаго духовенства, достаточнаго числа гимназій и уѣздныхъ дворянскихъ училищъ, по уставу 1828 г. Преподаваніе съ этого времени было ввѣрено свѣтскимъ учителямъ, духовенству же предоставлено заниматься только преподаваніемъ закона Божія. Но всѣ эти мѣры не были однако коренными и цѣлесообразными. Ненадежность ихъ, при фалангѣ польскихъ учителей, подготовленныхъ при прежнемъ въ дѣлѣ образованія участіи р.-католическаго духовенства,—обнаружилась впослѣдствіи печальными результатами, приведшими здѣшнее образованное населеніе къ мятежному настроенію, предшествовавшему событіямъ 1863 года.

Настойчивость, въ приведеніи учебной реформы въ исполненіе, сломивъ недовѣріе и противодѣйствіе мѣстнаго польскаго дворянства, заставила, какъ видно, большинство его признать необходимость новой системы воспитанія и отдачи дѣтей своихъ въ училища и гимназіи,—что доказывается наступившимъ—вслѣдъ за уменьшеніемъ-приращеніемъ числа учащихся во вновь учрежденныхъ заведеніяхъ. Ксендзы, по видимому, потерпѣли полнѣйшее fiasco. Но, потерявъ право легально пропагандировать съ учительскихъ кафедръ,—они удержали за собою вліяніе на умы чрезъ посредство исповѣди, проповѣди и интимныхъ бесѣдъ въ семейныхъ польскихъ кружкахъ, гдѣ являлись болѣе вкрадчивыми и не менѣе сильными пропагандистами. Одновременно съ приращеніемъ числа учащихся въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ, замѣчается и увеличеніе числа дѣвицъ въ частныхъ женскихъ пан-

сіонахъ. Но пансіоны эти, дошедшіе до насъ почти въ первобытномъ видѣ, далеко не соотвѣтствовали своему назначенію, Содержательницы ихъ, р.-католическаго исповѣданія, руководясь, прежде всего, личными спекулятивными на учениць своихъ видами, мало обращали вниманія на научное образованіе ихъ и, пропитанныя анти-русскимъ духомъ, усвоеннымъ шляхетскимъ населеніемъ края, вредно вліяли на юные умы дѣвицъ, ввѣряемыхъ ихъ попеченію. Хотя эти частныя заведенія и состояли въ вѣденіи виленскаго учебнаго округа, но надзоръ за ними директоровъ училищъ, при многочисленныхъ занятіяхъ ихъ по дирекціи, ограничивался, обыкновенно, просмотромъ программъ преподаванія, (и то одинъ только разъ, — при открытіи пансіоновъ) и годичными, поверхностными въ нихъ экзаменами. Выборъ учителей, гувернантокъ и учебныхъ руководствъ, подробное распредѣленіе времени занятій по каждому предмету, наблюденіе за тѣмъ, въ какомъ духѣ излагаются науки — все это зависѣло отъ содержательницъ пансіоновъ. Польскій языкъ и польская своеобразная исторія были въ этихъ заведеніяхъ предметами первой важности,— языкъ русскій и русская исторія считались въ нихъ только предметами обязательными, такъ сказать, казенными, которымъ удѣлялось времени гораздо менѣе, чѣмъ изученію иностранныхъ языковъ.

Мѣстная администрація, убаюканная внѣшнимъ заявленіемъ преданности правительству со стороны дворянскаго населенія, которое, переставъ противодѣйствовать правительственной системѣ воспитанія явно, замкнулось въ себя и дѣйствовало враждебно тайными путями,—не замѣчала—какъ далеко пустила свои корни полонизація и какъ чувствительно подорвала она силу правительственнаго авторитета въ краѣ, забравшись въ нѣдра учебныхъ заведеній.

Въ такомъ положеніи учебное и воспитательное дѣло находилось до тѣхъ поръ, пока не принесло плодовъ по виду своему, пока чаша терпѣнія прежнихъ уродливыхъ порядковъ переполнилась, и прозорливый, покойный, гр. М. Н. Муравьевъ не обратилъ на него своего глубокаго и плодотворнаго вниманія.

Переходя за тѣмъ отъ эпизодовъ, разсмотрѣнныхъ нами съ точки зрѣнія исторической въ область фактовъ, недавно совершившихся передъ нашими глазами и, всматриваясь въ явленія ближайшаго къ намъ—до-Муравьевскаго времени,—не трудно замѣтить слѣдующее странное взаимодѣйствіе, господствовавшее въ здѣшнемъ польскомъ обществѣ: римскій дворъ, по духу политики своей, дѣйствуетъ на ксендзовъ; тѣ, согласно внушеніямъ, исходящимъ изъ апостольской столицы, фанатизируютъ женщинъ и народъ, находя среду эту болѣе податливою для нравственной, религіозной

и умственной эксплоатаціи; женщины вліяютъ на расположенныхъ къ политическимъ мечтаніямъ мужчинъ и вмѣстѣ съ ними, настроенныя подъ одинъ камертонъ, вносятъ въ жизнь своеобразныя латино-польскія тенденціи и, въ свою очередь, умственно растлѣваютъ подростающихъ юношей обоихъ половъ — изъ поколѣнія въ поколѣніе. Съ той самой минуты, когда впервые является у ребенка сознаніе, формируются въ сердцѣ его симпатіи и развертываются мыслительныя его способности,—ближайшіе руководители и свидѣтели его дѣтства уже начинаютъ набивать его голову понятіями, а сердце чувствами, которыя, впослѣдствіи, укрѣпляясь направленіемъ школьнаго образованія, дѣлаютъ изъ него рьянаго поляка, напичканнаго преданіями давно минувшихъ дней Рѣчи Посполитой, и не умѣющаго мириться съ дѣйствительными требованіями окружающаго его внѣшняго міра, такъ какъ внѣшній міръ съ внутреннимъ поставлены съ дѣтства въ совершенный разладъ и противорѣчіе. Причину этого явленія должно отнести, конечно, болѣе всего, къ вліянію женщинъ — матерей, руководимыхъ своими духовными отцами, дѣйствовавшими главнымъ образомъ на душу женщины. Это руководство выработало то болѣзненно-страстное мистическое чувство, которое всасывается дѣтьми съ молокомъ матери; ему обязано существованіе — въ понятіяхъ поляковъ—принципа соединенія римской церкви съ польской національностію; оно породило и вызвало въ воображеніи фанатиковъ образъ Польши, будто пострадавшей и умершей за грѣхи рода человѣческаго и долженствующей воскреснуть. Такъ, за весьма ограниченнымъ исключеніемъ, велись и частію, конечно, и теперь ведутся,—дѣти въ семьѣ исключительно польской и въ семьѣ полякующей,—гдѣ, при мужѣ иновѣрцѣ, мать-полька, какъ регуляторъ дѣтскихъ мыслей и желаній—женщина экзальтированная, пропитанная до мозга костей польско-ксендзовскимъ фанатизмомъ.

Руководящая судьбами здѣшняго края русская цивилизующая сила не могла и не можетъ парализировать вредное вліяніе родителей-поляковъ крайнихъ убѣжденій на подростающихъ къ вступленію въ свѣтъ дѣтей ихъ, пока послѣднія обучаются дома; но съ переходомъ за порогъ учрежденной отъ правительства школы, для мальчика, равно какъ и для дѣвочки, должно бы было чувствоваться вліяніе школы, парализирующее то умственное направленіе, какое пріобрѣтено ими въ собственной семьѣ.

Неоспоримо, что въ публичную школу дитя поступаетъ иногда съ зародышемъ вѣрованій, убѣжденій и правилъ и съ очертаніемъ будущаго нравственнаго характера, опредѣляющихъ всю стоимость послѣдующей его жизни; а потому школа, особенно въ здѣшнемъ краѣ, должна бы быть единственнымъ горниломъ, въ которомъ

переплавлялся бы, очищался, получалъ опредѣленную форму и закаливался на всю послѣдующую жизнь весь умственный строй и нравственный характеръ воспитанника, какое бы первоначальное воспитаніе ни получилъ онъ въ своей семьѣ. При такихъ началахъ—школа, вводя ученика въ новый для него міръ научныхъ истинъ, нелицепріятно относящихся къ жизненнымъ явленіямъ и историческимъ свидѣтельствамъ, — могла бы внести въ голову его строго-правильныя понятія и взгляды. Но, къ сожалѣнію, этого не было; ибо польскіе учители, надзиратели и надзирательницы, вѣрные своимъ традиціоннымъ убѣжденіямъ, произвольно истолковывали ученикамъ, какъ минувшія историческія событія, такъ и настоящія и будущія судьбы края, искажая тѣмъ высокое значеніе воспитанія и злоупотребляя наукою. Пропагандируя, въ теченіи многихъ лѣтъ, въ такомъ духѣ, начальническимъ тономъ и съ высоты каѳедръ,—поляки педагоги, надзиратели и надзирательницы, дружно идя по одному пути съ латинскими священниками,—являлись въ средѣ воспитывающихся не провозвѣстниками научной исторически—вѣрной истины, правды и мира, а польскими политическими агентами, воспитавшими современныхъ событіямъ 1863 г. ультра-поляковъ, ультрамонтанъ обоихъ половъ. Считаемъ, за тѣмъ, не лишнимъ-вышеприведенные нами доводы подкрѣпить фактическими данными, могущими наглядно указать—какіе плоды дали юноши, вышедшіе изъ подъ ферулы своихъ, вѣрныхъ іезуитскому ученію, наставниковъ. Въ 1861 г. открыто виленскою слѣдственною по политическимъ дѣламъ коммисіею, что ученикъ виленской гимназіи Витковскій собиралъ въ квартирѣ своей товарищей по воспитанію, составлявшихъ общество, занимавшееся сочиненіемъ возмутительныхъ стиховъ и брошюръ и пѣніемъ патріотическихъ пѣсень. Въ маѣ того же года, по совершеніи епископовъ Красинскимъ вечерни въ остробрамскомъ костелѣ, толпа учениковъ виленской гимназіи пѣла передъ иконою Богоматери извѣстный революціонный гимнъ: «Boże coś Polskę». Въ теченіи этого мѣсяца и въ послѣдующее за тѣмъ время, гимназисты массою запѣвали этотъ гимнъ въ разныхъ мѣстностяхъ Вильны, гдѣ на этотъ случай сбирались взрослые поляки-фанатики обоихъ половъ, въ средѣ которыхъ, надо полагать, находились и родители дебоширствующихъ школьниковъ-революціонеровъ, съ умиленіемъ взиравшіе на чадъ своихъ, такъ смѣло примѣнявшихъ къ практической жизни внушенныя имъ съ колыбели и развитыя въ стѣняхъ заведеній теоріи. Полиція и вообще русскіе въ это время подвергались разнымъ оскорбленіямъ. Агитирующіе, вмѣстѣ съ дѣтьми, родители и прочіе подстрекатели не предвидѣли, конечно, что всѣ эти фарсы поведутъ за собою рановременную и безплодную погибель взволнован-

ныхъ юношей, когда раздастся кличь: «къ оружію». Съ наступленіемъ 1863 г. кличь этотъ раздался и, за демонстраціями и революціонными пѣснями, наступилъ открытый вооруженный мятежъ. Школьники, безотчетно повинуясь развитымъ въ нихъ съ дѣтства мистическимъ фантазіямъ, и, подстрекаемые родителями, родственниками и наставниками, спѣшили промѣнять учебныя занятія на тревоги политической агитаціи и явнаго участія въ вооруженномъ мятежѣ. Въ Вильнѣ, въ дворянскомъ мужскомъ институтѣ и въ мужской гимназіи, къ 1-му января 1863 года, состояло учениковъ 757; къ 1-му мая того же года осталось 641— слѣдовательно ушло «до лясу» 116 человѣкъ. Это еще не все число жертвъ преступныхъ мечтаній мѣстной интеллигенціи. Извѣстно, что до 1-го января и послѣ 1-го мая, весьма многіе ученики оставили заведенія. Эта учащаяся молодежь была очистительною жертвою порядковъ, гнѣздившихся въ учрежденныхъ на счетъ русскаго правительства учебныхъ заведеніяхъ. 12-го августа того же года послѣдовало отъ гр. М. Н. Муравьева нижеслѣдующее, за № 6914, предписаніе къ бывшему попечителю виленскаго учебнаго округа, кн. Ширинскому—Шихматову: «Многіе изъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній, во время настоящихъ политическихъ безпорядковъ въ краѣ, принимали участіе въ оныхъ и, отлучившись съ своихъ квартиръ, присоединялись къ шайкамъ мятежниковъ. Для предохраненія на будущее время молодыхъ людей отъ преступнаго увлеченія и для обезпеченія тщательнѣйшаго наблюденія за ними, я признаю необходимымъ, по случаю наступившаго нынѣ съѣзда воспитанниковъ въ учебныя заведенія и начатія годичнаго курса, принять нижеслѣдующія мѣры, какъ въ г. Вильнѣ, такъ и по всѣмъ другимъ городамъ, гдѣ находятся гимназіи»: за тѣмъ, въ 3-хъ пунктахъ этого предписанія, излагаются мѣры побужденія родителей и опекуновъ, а также и учебнаго начальства, имѣть болѣе дѣйствительный надзоръ за воспитанниками, — и опредѣляется размѣръ денежнаго штрафа, которому должны подвергаться виновные въ недосмотрѣ за учениками, принимающими участіе въ мятежѣ. Такое распоряженіе прекратило дальнѣйшую, безплодную гибель молодыхъ силъ края, оставя тяжелый укоръ на совѣсти родителей и воспитателей за жертвы юныхъ авантюристовъ, уже падшихъ въ неравной, кровавой борьбѣ. Обстоятельство принятія дѣтьми участія въ послѣднемъ польскомъ возстаніи невольно приводитъ на память извѣстную историческую легенду среднихъ вѣковъ о дѣтяхъ—крестоносцахъ, безплодно погибшихъ въ предпринятомъ ими въ XIII ст. изъ Франціи и Германіи, по наущеніямъ, экзальтированныхъ р.-католическимъ духовенствомъ, родителей своихъ,—походъ въ Палестину, съ цѣлью освобожденія гроба Господня изъ подъ

власти поклонниковъ Магомета. Чтобы положить предѣлъ тлетворному вліянію, исходившему на учащихся со стороны наставниковъ—поляковъ, въ 1864 г. послѣдовало, по распоряженію гр. М. Н. Муравьева, измѣненіе въ составѣ учащихъ въ виленской гимназіи и прогимназіи. Такъ, въ 1863 г. въ нихъ было: 9 русскихъ, 24 поляка, 3 нѣмца и 1 французъ; а въ 1864 году, русскихъ было—26, р.-католическихъ законоучителей польскаго происхожденія—3, иностранцевъ — 8, (въ томъ числѣ 5 нѣмцевъ). Это былъ крутой переворотъ, положительно пресѣкшій безобразіе и кощунство въ дѣлѣ воспитанія здѣшняго юношества. Съ этихъ поръ общественное воспитаніе, de jure и de facto, перешло въ вѣденіе правительства, сдавшаго его на руки исключительно русскихъ наставниковъ. Эта мѣра, съ одной стороны, прекратила вредное разъединеніе въ средѣ учителей, проявлявшееся въ педагогическихъ совѣтахъ, гдѣ преобладавшій польскій элементъ узаконялъ зачастую несообразныя рѣшенія *); съ другой стороны—правительство и русское общество вправѣ теперь ожидать, что здѣшнія учебныя заведенія будутъ подготовлять уже не враговъ, а полезныхъ и вѣрныхъ слугъ Государю и отечеству.

Вотъ что находимъ мы объ учебныхъ заведеніяхъ виленскаго учебнаго округа въ свѣдѣніяхъ, помѣщенныхъ въ Западнорусскомъ Мѣсяцословѣ за 1866 г., на стр. 85.: «Одною изъ важнѣйшихъ мѣръ, принятыхъ въ 1864 г., было измѣненіе личнаго состава преподавателей въ учебныхъ заведеніяхъ виленскаго учебнаго округа. Мѣра эта имѣла огромное значеніе въ дѣлѣ воспитанія здѣшняго юношества. Учебный 1864 — 65 г. начался при возобновленномъ, чисто-русскомъ составѣ преподавателей. Замѣна учителей польскаго происхожденія коренными русскими, въ связи съ другими мѣрами, направленными къ одной цѣли, оказала благотворное вліяніе на ходъ учебнаго и воспитательнаго дѣла; учебныя заведенія вышли изъ прежняго фальшиваго положенія и стали на твердую русскую почву. Со введеніемъ преподаванія Закона Божія р.-католическаго вѣроисповѣданія на русскомъ языкѣ, окончательно прекратилось оффиціальное признаніе

*) Учитель виленской гимназіи Н. А. Виноградовъ, въ замѣткѣ своей, помѣщенной въ «Вѣстникѣ Западной Россіи» [кн. 12 за 1864 г., стр. 328) приводитъ слѣдующій примѣръ несправедливыхъ дѣйствій польскихъ педагогическихъ совѣтовъ, въ дѣлѣ распредѣленія между учениками гимназіи пособій: ученики православнаго исповѣданія составляли едва 1—6 общаго числа и только 1—10 изъ числа казеннокоштныхъ, фундушевыхъ, стипендіантовъ и воспитанниковъ приказовъ; тогда какъ должно бы быть наоборотъ, ибо самые беднѣйшіе слои населенія въ краѣ, нуждающіеся въ пособіи для образованія дѣтей своихъ,—православные.» Авторъ.

употребленія польскаго языка въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, русскій языкъ занялъ принадлежащее ему—господствующее мѣсто; въ стѣнахъ заведеній онъ сдѣлался обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ всѣхъ учащихся, безъ различія вѣроисповѣданій. Ученики православнаго исповѣданія, значительно усилившіеся въ числѣ, вышли изъ прежняго страдательнаго положенія и поднялись нравственно. Въ гимназіяхъ введено, на мѣстныя средства, обученіе церковному пѣнію и образованы изъ православныхъ учениковъ пѣвческіе хоры, которые въ воскресные и праздничные дни поютъ на клиросахъ въ мѣстныхъ православныхъ церквахъ *). Ученики, родители которыхъ не живутъ въ городѣ, размѣщены на частныхъ квартирахъ, у благонадежныхъ лицъ, преимущественно православнаго исповѣданія; для доставленія всѣмъ ученикамъ гимназій возможности пользоваться чтеніемъ лучшихъ русскихъ авторовъ, при гимназіяхъ учреждены ученическія библіотеки, частію на средства, ассигнованныя бывшимъ главнымъ начальникомъ края, покойнымъ М. Н. Муравьевымъ, частію изъ сбора за ученіе, или же на суммы, пожертвованныя преподавателями и учащимися.

Каждому успѣху русскаго дѣла въ учебныхъ заведеніяхъ виленскаго учебнаго округа, графъ Михаилъ Николаевичъ оказывалъ постоянно самое сочувственное вниманіе и поощреніе, каждой потребности—удовлетвореніе. Преемникъ покойнаго графа Муравьева, К. П. фонъ-Кауфманъ, съ тою же сочувственною заботливостію, относился къ дѣлу распространенія и утвержденія русскаго образованія въ виленскомъ учебномъ округѣ.» Въ заключеніе вышесказаннаго, мы, съ своей стороны, считаемъ себя обязанными замѣтить, что имена: попечителя округа И. П. Корнилова, окружныхъ инспекторовъ Г. Э. Траутфеттера, В. П. Кулина и другихъ лицъ, стоящихъ въ настоящее время во главѣ корпораціи здѣшняго учебнаго округа и своею просвѣщенною и неустанною дѣятельностію поставившихъ здѣшнія учебныя заведенія на ту степень, на которой они теперь находятся,—должны съ благодарностію быть помянуты всѣми русскими людьми, которымъ не чужды успѣхи отечественнаго дѣла въ С.-Западныхъ губерніяхъ.

Что же, задаетъ читатель вопросъ, дѣлали до 1863 г. русскіе учителя и вообще лица не польскаго происхожденія, находившіяся въ составѣ бывшей виленской учебной дирекціи?

Прежде нежели отвѣчать на поставленный вопросъ, обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что только съ прибытіемъ графа Муравьева положеніе дѣлъ въ краѣ признано неестественнымъ. До этого же времени никому какъ бы и въ голову не приходило,

---

*) Хоръ пѣвчихъ изъ воспитанниковъ мужскихъ виленскихъ гимназій и прогимназіи поетъ въ Николаевской церкви, что на большой улицѣ. Авторъ.

что узаконившіеся годами порядки—беззаконны. Убѣжденіе мѣстнаго шляхетскаго населенія, что провинціи, отъ Польши возвращенныя, должны на всемъ носить польскій отпечатокъ — было такъ обще и такъ рѣзко во всемъ обнаруживалось, что даже высшая мѣстная администрація частію раздѣляла такое убѣжденіе и многое терпѣлось его, чему теперь нѣтъ мѣста *). Среди такой обстановки, что могла сдѣлать горсть русскихъ дѣятелей, слабо защищенныхъ отъ *пановавшей* въ краѣ вліятельной польской партіи и не поддержанныхъ сочувствіемъ русскаго общества и передовыхъ людей Россіи? Поставленные въ непреодолимую для ихъ частныхъ единочныхъ усилій борьбу съ мѣстными условіями края и по большей части съ матеріальными недостатками своего быта, одни изъ нихъ, частію въ видахъ сохраненія занимаемаго мѣста, частію изъ сознанія своего безсилія въ средѣ подавляющаго ихъ большинства товарищей по профессіи польскаго происхожденія, примыкали къ послѣднимъ, нося въ душѣ своей глухой протестъ на существующее беззаконіе; другіе же напротивъ, твердо убѣжденные въ важности лежащихъ на нихъ обязанностей по отношенію къ наукѣ и воспитанію, старались, идя въ разрѣзъ съ общимъ фальшивымъ въ основаніи убѣжденіемъ, возстановить по возможности нормальное положеніе дѣлъ—положеніе, которому импульсомъ послужили, строго говоря, печальныя событія 63 года, совершившія рѣшительный переворотъ въ умахъ сверху внизъ. Не по силамъ и трудна была борьба этихъ, если можно такъ выразиться, передовыхъ въ краѣ личностей корпорація учебнаго округа, групировавшихся главнымъ образомъ около кровно-русскаго попечителя сво-

*) Въ подтвержденіе нашего вывода и въ доказательство наглости, съ которою мѣстная интеллигенція высказывала, даже оффиціально, такое убѣжденіе,—приведемъ для примѣра изъ ряда фактовъ одинъ: новогрудскій уѣздный предводитель дворянства Брохоцкій, на предложенный ему, въ числѣ прочихъ лицъ мѣстной интеллигенціи и педагогическихъ совѣтовъ гимназіи и прогимназій виленскаго учебнаго округа къ разсмотрѣнію, проэктъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній въ краѣ, въ мнѣніи своемъ, между прочимъ, говоритъ: «Необходимо возвратить преподаваніе всѣхъ наукъ на польскомъ языкѣ во всѣхъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ края; даже языкъ русскій слѣдуетъ преподавать по польски.» (?!) Такое чудовищное парадоксальное мнѣніе, съ разными варіяціями на ту же тему, высказывалось въ мѣстномъ печатномъ органѣ края — въ газетѣ «Виленскій Вѣстникъ», редактируемой г. Киркоромъ, оговаривавшемъ въ этомъ случаѣ: «что онъ высказываетъ не столько свое собственное, сколько общественное мнѣніе просвѣщеннѣйшихъ изъ здѣшнихъ жителей.» (!), настойчиво поддерживалось вице-предсѣдателемъ виленской археологической коммиссіи Балинскимъ и, болѣе или менѣе, всѣми педагогическими совѣтами гимназій и прогимназій виленскаго учебнаго округа. (Статья, Гордіевъ узелъ, помѣщенная въ «Вѣстникѣ Западной Россіи» кн. 3. за 1863 г. стр. 331—238. Авторъ.

его кн. Ширинскаго-Шихматова, дѣйствія котораго въ пользу русскаго воспитательнаго дѣла, парализируемыя на каждомъ шагу оппозиціею, въ концѣ концовъ совпали, къ несчастію, съ временемъ религіозно-политическихъ манифестацій и вооруженнаго возстанія, указавшихъ съ такою очевидностію, что корень зла лежитъ въ характерѣ воспитанія, получаемаго мѣстными дѣятелями въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ, не имѣвшихъ еще, впослѣдствіи только указанной гр. Муравьевымъ, цѣли: *бороться съ ложью и безнравственностію польщизны и возстановлять, поддерживать и укрѣплять, чрезъ воспитаніе, русскія начала въ искони русскомъ С.-Западномъ краѣ.*

Но обратимся къ разсадникамъ женскаго образованія и, прежде чѣмъ перейдемъ къ главной темѣ настоящей статьи—къ виленской женской гимназіи, бросимъ взглядъ на положеніе здѣшняго образованнаго женскаго населенія въ пору религіозно-политическихъ демонстрацій послѣдняго шляхетскаго мятежа.

Павелъ Меньшиковъ.

(Продолженіе будетъ).

НЕДАВНО МИНУВШЕЕ ВОЛЫНИ *).

I.

Общество для распространенія польскихъ книгъ.

Въ исторіи послѣдняго польскаго возстанія, наша Волынь занимаетъ не послѣднее мѣсто. Мѣстные польскіе дворяне являются весьма дѣятельными сотрудниками въ дѣлѣ возстановленія Рѣчи—Посполитой. Одни изъ нихъ занимаются исключительно подпольною работою, другіе, напротивъ, принимаются за дѣло открыто, на глазахъ самаго начальства, но, конечно, подъ маскою самыхъ благонамѣренныхъ цѣлей.—Приготовленія къ послѣднему польскому возстанію начались давнымъ—давно и стоили много тру-

---

*) Подъ этимъ заглавіемъ мы желаемъ помѣстить нѣсколько эпизодовъ послѣдняго польскаго возстанія, происходившаго въ Волынской губерніи. Нѣкоторые, быть можетъ, упрекнутъ насъ за то, что мы выкапываемъ изъ архивовъ дѣла уже минувшія, но намъ кажется, что эти дѣла недавно минувшихъ дней должны быть выведены на божій свѣтъ: однимъ они, быть можетъ, послужатъ назидательнымъ урокомъ, а другимъ предостереженіемъ.—
Всѣ статьи наши, по этому предмету, основаны будутъ на вѣрныхъ офиціальныхъ данныхъ. (Волынскія Губернскія Вѣдом.)

довъ и усилій. Чтобы провозгласить искони край русскій краемъ польскимъ, необходимо было, прежде всего, ополячить и окатоличить все населеніе Волыни. Для осуществленія этой нелегкой задачи, поляки не жалѣли ни трудовъ, ни времени, ни матеріальныхъ пожертвованій. Въ числѣ средствъ, избранныхъ нашими поляками для ополячиванія и окатоличиванія края, первое мѣсто занимаетъ образовавшееся *общество для распространенія польскихъ книгъ по удешевленнымъ цѣнамъ*. Слѣды дѣятельности этого общества, не смотря на кратковременность его существованія, еще и теперь замѣтны въ нашемъ краѣ. Оно дѣйствовало не какъ свѣтская пропаганда, но съ хитростью, настойчивостью и энергіею іезуита. Изъ описанія этого общества, заимствованнаго нами изъ офиціальныхъ данныхъ, читатель въ состояніи будетъ судить о томъ вредѣ, какой оно могло нанести, при дальнѣйшемъ своемъ существованіи, коренному русскому населенію края и самому правительству.

Въ 1858 году, варшавскій купеческій сынъ Іосифъ Х—щъ, получивъ въ іюлѣ мѣсяцѣ разрѣшеніе волынскаго губернскаго управленія на открытіе въ г. Житомирѣ типо-литографическаго заведенія, принялъ къ себѣ въ товарищи помѣщиковъ: Волынской губерніи Карла Ка—скаго, Кіевской губерніи Александра Г—зу, Подольской губерніи Владислава Лит—скаго, о чемъ составлена 14 ноября сдѣлка, явленная у дѣлъ маклера города Житомира, и съ разрѣшенія губернскаго управленія открыта въ г. Житомирѣ въ домѣ Кв—скаго типографія и литографія, подъ фирмою: Ка—скій, Х—щъ и К°. Заведеніе это устроено было па 12 лѣтъ.

Въ 1859 году, 15-го января Ка—скій, Г—за и Лип—скій, составили въ г. Житомирѣ товарищество или торговой домъ для изданія новыхъ и перепечатыванія вышедшихъ уже въ свѣтъ, на разныхъ языкахъ, сочиненій и распродажи таковыхъ. Въ сдѣлкѣ, явленной 17 января у городоваго маклера, постановлены, между прочимъ, слѣдующія условія: 1) Каждый изъ товарищей получитъ свидѣтельство, для купцевъ 3-й гильдіи опредѣленное, и внесетъ сей-часъ капиталъ въ 500 руб. 2) Въ теченіи двухъ лѣтъ, каждый изъ товарищей, кромѣ означенныхъ 500 руб., обязанъ внести еще по 1900 р. или изъ собственныхъ денегъ, или же при помощи вкладчиковъ, которые пожелаютъ ввѣрить для предположеннаго торговаго оборота свои капиталы, о каковыхъ капиталахъ постановлены будутъ для вкладчиковъ особыя условія. 3) Товарищество должно существовать 10 лѣтъ. Въ предохраненіе торговыхъ предпріятій отъ разстройства, для заступленія товарищей, въ случаѣ смерти, въ продолженіи торговли, согласно 650 ст. XI Т. устава торговаго, назначаютъ: Ка—скій—волынскаго губерн-

скаго предводителя дворянства Карла Ми—ча, Г—зъ—графа Александра Кри—скаго, а Лип—скій—доктора Людвика К—ха.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1859 года, составившееся общество для изданія новыхъ и перепечатыванія вышедшихъ уже въ свѣтъ, на разныхъ языкахъ, сочиненій и распродажи таковыхъ,—напечатало програму «Библіотеки домашней,» имѣющей издаваться въ г. Житомирѣ, и билеты: 1) вкладочные, на участіе въ издательствѣ «Библіотеки домашней» въ г. Житомирѣ въ 500 р.; 2) пренумераціонные на изданіе «Библіотеки домашней» трехъ разрядовъ: а) 100 р.; б) 50 руб., и в) для студентовъ университета св. Владиміра—годичные, въ 10 р.

Программа «Библіотеки домашней:»

«Желая отвѣтить необходимымъ потребностямъ времени и волѣ Всепресвѣтлѣйшаго Государя, дозволяющаго заводить новыя типографіи и изъявляющаго желаніе, чтобы книги печатались въ большемъ количествѣ и черезъ то возрастало просвѣщеніе между народами, повинующимися Его скипетру, мы предположили издавать въ Житомирѣ «Библіотеку домашнюю» или собраніе книгъ, полезныхъ сельскому жителю и состоящихъ изъ лучшихъ сочиненій популярнаго содержанія.

«Литература наша, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ своего существованія, возросла *знаменито* и съ каждымъ днемъ приноситъ намъ все новыя и истинно прекрасныя пріобрѣтенія; но до настоящаго времени это было какъ бы масломъ, плывущимъ на поверхности народа, и глубина его оставалась по прежнему не тронута, потому что книги наши всегда были очень дороги и умственныя произведенія нашихъ ученыхъ мыслителей, поэтовъ, людей таланта, ума и сердца, сдѣлались предметомъ барыша частной спекуляціи, а для народа, для котораго они жертвовали временемъ, здоровьемъ и даже жизнію, приносили и приносятъ едва частичную пользу. Кто немного путешествовалъ заграницею, тотъ видѣлъ въ какомъ изобиліи сочиняются тамъ книги и какъ дешево продаются, ибо милліоны людей нельзя обдѣлить сотнями и нельзя налагать дорогой монополіи на животворный хлѣбъ духовный. Правда, весьма выгодно мало платить или ничего не давать авторамъ, отпечатывать какъ можно меньшее количество экземпляровъ, а самимъ брать огромную плату, но когда теперь измѣняются всѣ другія застарѣлыя привычки, обычаи, злоупотребленія, то (Wydawnictwo) «выдавничество» книгъ и цѣлый книжнотипографскій промыселъ долженъ у насъ измѣниться и преобразиться до основанія.

«Во Франціи учреждаются въ гминахъ библіотеки; даже въ нашемъ государствѣ русскіе литераторы и книгопродавцы заготовляютъ ихъ для городовъ и мѣстечекъ; мы только остаемся въ

своей застарѣлой раздѣльности и безпечности. Зная, что и для насъ наступило время дѣйствій, мы предполагаемъ въ малыхъ размѣрахъ начать *великое дѣло*. Предполагаемъ заняться, при помощи людей, заботящихся объ общемъ благѣ, изданіемъ въ Житомирѣ дешевой «Домашней Библіотеки,» дабы и нашъ простой народъ могъ отъ нея имѣть пользу: Но если это время еще не такъ скоро настанетъ, то пусть изъ нея извлекаютъ пользу тѣ, кто сближенъ съ народомъ и имѣетъ вѣками пріобрѣтенное развитіе и просвѣщенный духъ.

«Въ составъ «Домашней Библіотеки» войдутъ: сочиненія религіознаго содержанія, моральнаго и философскаго, всеобщая исторія и частная знаменитѣйшихъ народовъ; исторія отечественная и памятники; исторія путешествій и изобрѣтеній, исторія знаменитѣйшихъ литературъ; поэзія и повѣсти; политическая экономія, наука о торговлѣ, статистика, популярныя сочиненія о наукахъ естественныхъ; сельская медицина, сельское хозяйство, садоводство и архитектура сельская, технологія и т. д. Займемся изданіемъ букварей, набожныхъ книжекъ и всякихъ сочиненій популярныхъ, крайне нужныхъ для просвѣщенія народа; чтобы ни было издано полезнаго на его нарѣчіи, будетъ и у насъ издано. Въ общемъ—у насъ дѣло идетъ не о новости и оригинальности, а объ истинной пользѣ. Просимъ не упускать изъ виду, что дѣло идетъ не о частномъ, а объ общемъ, не объ обогащеніи библіотекъ, но объ устройствѣ полезнаго собранія книгъ (Księgozbioru), для уединеннаго обитателя села и даже нашихъ мѣстечекъ и городовъ.

«Хотя «выдавничество» «Библіотеки Домашней» снискало общую симпатію и отвсюду, отъ знаменитѣйшихъ нашихъ авторовъ получаемъ увѣреніе въ дѣятельности и безкорыстной помощи, однако мы объявляемъ, что всякія полезныя сочиненія, еще не напечатаныя, и тѣ, которыя будутъ присланы для напечатанія, охотно будемъ оплачивать.

«Ведя точный контроль изданіямъ, «выдавничество» означитъ самые низкія цѣны на изданныя имъ книги; а такъ какъ цѣна понижается соотвѣтственно увеличенію числа экземпляровъ, то «выдавничество» будетъ стараться увеличить число экземпляровъ до самой большой цифры.»

«Новая типографія въ Житомирѣ, основанная на особыя суммы, на особыхъ условіяхъ, устроена и съ «выдавничествомъ» въ томъ только соединена, что всякое печатаніе будетъ производить для «выдавничества» по цѣнѣ уменьшенной сколько возможно. Какъ бы значительна ни была сумма, выручаемая отъ продажи подписныхъ билетовъ, во всякомъ случаѣ она была бы только краеугольнымъ камнемъ въ обширности цѣлаго предпріятія. Мы

кладемъ его во имя Бога и блага человѣчества, и при томъ хотимъ вѣрить, что Тотъ, Кто изъ зерна производитъ огромныя деревья, дастъ и нашему предпріятію вожделѣнныя силы и ростъ. Имѣемъ способныхъ, просвѣщенныхъ людей, готовыхъ посвятить свое знаніе и опытъ для общественной пользы.»

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1859 года, Карлъ Ка—скій, въ засѣданіи товарищей, читалъ первый, со времени учрежденія товарищества, отчетъ, о состояніи дѣлъ его, напечатанный въ Кіевѣ 2 мая 1859 года.

Отчетъ этотъ есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ документовъ, на который обращаемъ вниманіе читателя. Читая этотъ отчетъ, въ настоящее время, мы только удивляемся, какъ это случилось, что во время его появленія никто не замѣтилъ, какими уловками «общество» приступало къ своей дѣятельности, какимъ образомъ не замѣтили, что «общество», подъ маскою желанія содѣйствовать просвѣщенію края, изъ чувства любви къ ближнему, имѣло только единственно въ виду осуществленіе своей завѣтной мечты — возстановленіе старой Польши путемъ возбужденія польской народности и окатоличиванія края «безъ крику, безъ толчковъ, безъ жертвъ мученичества,» какъ говорится въ отчетѣ.

На первой страницѣ отчета говорится, что до учрежденія товарищества, лица, принимавшія въ немъ участіе на собраніяхъ, бывшихъ въ домѣ Ка—скаго, разсуждали объ устройствѣ его, и главнымъ предметомъ этихъ, по словамъ автора, пріятельскихъ бесѣдъ за чаемъ, было обсужденіе вопроса о пониженіи цѣнъ на книги, какъ лучшаго средства распространить въ народѣ образованіе. Отъ разсужденій скоро перешли къ осуществленію обдуманныхъ плановъ, потому что каждый спѣшилъ произнесть послѣднее слово: «хочу участвовать въ этомъ дѣлѣ и не пожалѣю издержекъ,» и всѣ вмѣстѣ старались доказать на дѣлѣ, что, по примѣру другихъ, они могутъ, хотя и съ незначительными средствами, принести пользу общественному дѣлу.

Касательно билетовъ на вкладъ говорится слѣдующее: «500-рублевые билеты, называемые удѣльными, суть документы товарищей, свидѣтельствующіе о вкладахъ и взаимныхъ обязательствахъ; билеты въ 100, 50 и 10 руб. соотвѣтствуютъ облигаціямъ, дающимъ движеніе вносимымъ капиталамъ. Первые билеты—удѣльные суть родники запаса издательства, другіе, такъ называемые пренумераціонные (подписные), суть каналы, направляющіе этотъ запасъ къ опредѣленнымъ мѣстамъ. Первые даютъ силу, вторые служатъ опорою. Долго, почти полвѣка, живя среди обывателей этихъ трехъ губерній, я хорошо знаю васъ и по совѣсти убѣжденъ въ томъ, что благородныя стремленія суть главныя правила жи-

зни вашей, и та жизнь всегда состоитъ въ полной силѣ братской любви и обывательскаго самопожертвованія. Кто заподозрѣваетъ васъ въ нравственной гнилости, тотъ или исключительнымъ случаемъ введенъ въ заблужденіе, или, по нѣкоторымъ индивидуумамъ, осмѣливается судить о цѣломъ составѣ обывателей. Есть въ вашихъ сердцахъ богатая мина любви къ ближнему и всякая готовность къ разсудительной и пріятной Богу и полезной людямъ жертвѣ.»

По поводу помѣщенныхъ въ варшавской газетѣ статей Кр—скаго, нежелавшаго присоединиться къ «выдавничеству,» г. Ка—скій вспоминаетъ о Чацкомъ, духъ котораго долго животворилъ, въ западномъ краѣ религію, нравственность и науку, голосъ котораго былъ голосомъ истиннаго «обывателя,» который понялъ потребности края сердцемъ и указывалъ средства умомъ; то былъ голосъ кроткой правды и глубокаго убѣжденія..... тотъ голосъ отозвался во всѣхъ поколѣніяхъ и вызвалъ въ нихъ живущую въ цѣломъ народѣ будущность. Самую память такого прошлаго, которое озаряетъ и нынѣшнее поколѣніе, слѣдовало бы почтить! И теперь никто неуклоняется отъ новыхъ жертвъ (darów) для общественнаго блага, для человѣчества. Кто же когда жалѣлъ безделицы—рубля, если была въ немъ существенная потребность?— Если бы г. Кра—скій захотѣлъ, то легко убѣдился бы и въ томъ, что всѣ уѣзды охотно отвѣтили на голосъ предводителей дворянства, когда тѣ приглашали ихъ къ складкѣ, которой братское сердце горячо желало. Даже бѣднѣйшіе уѣзды записывались съ двойною жертвою.—

По поводу этихъ же статей, Ка—скій далѣе говоритъ объ учрежденномъ въ г. Житомирѣ «благотворительномъ обществѣ.»

«Благотворительное общество,» существующее въ Житомирѣ едва два года, уже воспитываетъ 20 мальчиковъ въ собственной ремесленной школѣ, первоначальное устройство которой было мнѣ поручено, а теперь полезно развивается подъ опекунскимъ надзоромъ ревностнаго члена общества Леона Ли—скаго; оно уже содержитъ 4 учениковъ при житомирской гимназіи, надзоръ надъ которыми.... по желанію управленія «благотворительнаго общества,» я принялъ на себя; для двухъ семинаристовъ тоже заготовляемъ деньги. Почему же обо всемъ этомъ г. Кра—скій не знаетъ или знать не хочетъ? Неутомимый въ своихъ трудахъ для пользы человѣчества вице-президентъ «Благотворительнаго общества» Владиславъ По—нскій показалъ бы ему, во всякое время, гдѣ и сколько общественныхъ денегъ находится. Соболѣзнуемъ о томъ, что г. Кра—скій ни разу не былъ на нашихъ засѣданіяхъ, посвященныхъ помощи бѣднымъ, равно какъ ни разу не сѣлъ на скамьяхъ комитета, занимающагося бытомъ крестьянъ. Не мѣ-

шало бы, во всякомъ случаѣ, услышать собственнымъ ухомъ, какъ здравы были понятія общественнаго дѣла (sprawy), какъ религіозны, какъ нравственны и честны желанія, какъ всѣ пренія совокупно направлялись не къ угнетенію ближняго, но къ коекакимъ другимъ средствамъ, имѣя всегда цѣлію спокойную и нравственную будущность. Тамъ бы онъ услышалъ, что собственныя, какъ будто новыя мнѣнія г. Кра—скаго суть уже издавна какъ бы старыми дѣлами между нашею шляхтою, тамъ бы онъ также услышалъ и объ агрономическомъ обществѣ, и о сельскихъ школахъ, и о періодическихъ сочиненіяхъ, какъ органахъ труда, нравственности и науки. Тамъ бы узналъ, какъ велика въ публичныхъ дѣлахъ заслуга живаго слова и разсудительности въ руководителѣ, какъ тамъ основательно понято и сохраняемо было обывательское согласіе. Однакожъ, судящему объ общественныхъ дѣлахъ слѣдовало знать о томъ, что сдѣлано, что дѣлается и что имѣетъ спокойно развиваться, подъ милостію достойнаго представителя нашей губерніи г. Карла Ми—ча и подъ санкціею права, безъ крика, безъ толчковъ и безъ жертвъ мученичества *)........ Но оставимъ все это судьямъ болѣе г. Кра—скаго справедливымъ, а сами, спокойные въ совѣсти о прошломъ, надѣясь на Промыслъ Божій о будущемъ, займемся продолженіемъ начатаго отчета.—Если я уже занялъ то мѣсто, какое вы приказали мнѣ занять, то не сойду съ него, развѣ по вашей волѣ, въ свое время объявленной; а пока не будетъ этой воли, я считаю себя отвѣтственнымъ за все то, что вы, господа, имѣете право требовать отъ моей миссіи»

. . . .

Организація управленія «выдавничества» состояла изъ трехъ отдѣленій: счетнаго, редакціоннаго и книжнаго. Говоря о редакціонномъ отдѣленіи, въ которомъ исчисляетъ, что «всѣ польскія знаменитости, писатели и ученые сочувственно отзываются дѣлу «выдавничества» и обѣщаютъ свое содѣйствіе», онъ оканчиваетъ словами: «Словомъ, пойдемъ повсюду, повсюду пойдемъ, гдѣ сердце, гдѣ наука, гдѣ насъ понимаютъ, гдѣ вѣрятъ нашему тру-

*) Упомянутое здѣсь «Благотворительное общество» имѣетъ связь съ «Общ. распр. польск. книгъ.» Какую роль «Благ. общ.» играетъ въ общемъ дѣлѣ возстановленіи Польши, читатель увидитъ въ продолженіи настоящей статьи. Изъ настоящаго «Отчета» Ка—скаго, равно какъ изъ другихъ документовъ, видно, что не все польское дворянство западнаго края посвящено было въ тайны учредителей общества, что были такіе, которые считали его ни къ чему непригоднымъ; не было недостатка и въ такихъ, которые не питали особаго довѣрія и сочувствія къ обществу и его дѣятельности потому, какъ выражается нѣкій Вод—скій, что менѣе задѣты были, не такъ сильно чувствовали, какъ волыняне. Нѣкоторые, раздѣляя стремленія общества, не сочувствовали выбору средствъ.

ду. Поставляя общественное благо выше людскихъ слабостей, упорно будемъ стучаться въ дверь даже тамъ, гдѣ насъ отгоняютъ, и все—въ сердечной надеждѣ, что когда нибудь намъ отворятъ.......

Говоря о счетномъ отдѣленіи, г. Ка—скій показываетъ, что въ теченіи 5 мѣсяцевъ, вписано всего участниками 22,300 р. сер. Въ книжномъ отдѣленіи преимущественно говорится о пониженіи цѣнъ на польскія книги, о которомъ только могли когда нибудь мечтать, дабы посредствомъ пониженія могли распространиться *подъ кровъ* убогаго нашего брата.

«Утвердились уже въ г. Житомирѣ наши «обывательскія» дѣла, говоритъ г. Ка—скій въ концѣ отчета. Воздвигнуто театральное зданіе обывательскимъ грошемъ и при всякой потребности тѣмъ же грошемъ и постояннымъ покровительствомъ вашимъ будетъ издѣленъ (?). Разовьется «Благотворительное общество» и при немъ все болѣе и болѣе значительная помощь для молодежи обоего пола. Теперь возрастаетъ обывателевскій книжный магазинъ и «выдавничество» «Библіотеки домашней». Эти три, почти соединенныя между собою, учрежденія, пѣстуны отечественной рѣчи и молодаго поколѣнія, сохранятъ память для нашихъ католиковъ, что мы дѣлали для нихъ что могли.»

Съ 20-го мая 1859 года, типографія, подъ фирмою Ка—скій, Х—щъ и К°, начала дѣйствовать. Такъ какъ общество для изданія и распространенія книгъ составилось безъ разрѣшенія правительства, то, вслѣдствіе предложенія генералъ - губернатора, объявлено было учредителямъ общества начальникомъ волынской губерніи, чтобы они немедленно, согласно распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, закрыли его, прекративъ всѣ операціи по изданію и распродажѣ книгъ и сдѣлали ликвидацію съ лицами, принимавшими участіе въ дѣлахъ его.

Ка—скій, Лип—скій и Г—за 7 января 1860 г. дали отзывъ, что они, согласно распоряженію начальства, закрываютъ товарищество, прекращаютъ всѣ операціи по изданію и распространенію книгъ и обязываются сдѣлать ликвидацію съ лицами, принявшими участіе въ дѣлахъ товарищества, и что имущество товарищества, заключающееся въ книжныхъ лавкахъ и рукописяхъ, продали дворянину Ивану Г—скому, такъ какъ въ этомъ имуществѣ заключается капиталъ, подлежащій ликвидаціи между частными вкладчиками. Упомянутыя три лица заключили формальный запродажный актъ съ Иваномъ Г—скимъ 4 января 1860 года, и послѣ этого учредители товарищества, въ докладной запискѣ 7-го января 1860 г., заявляя начальнику губерніи о закрытіи товарищества и о прекращеніи его дѣятельности съ 7 числа, просили дозволенія продавать пять сочиненій, изданныхъ товарище-

ствомъ въ 6500 экземп., на сумму 2410 руб., составлявшую часть капитала, образовавшагося изъ частныхъ вкладовъ, которая можетъ быть выручена только распродажею этихъ книгъ.

Впослѣдствіи, стали доходить до начальства свѣдѣнія, что товарищество не прекратило окончательно своихъ дѣйствій по изданію и распространенію книгъ. Въ этихъ свѣдѣніяхъ сообщалось: 1) что типографія Ка скаго и К° состоитъ въ распоряженіи учредителей общества изданія книгъ, за исключеніемъ, быть можетъ, Г—зы, который выбылъ, уступивъ свои акціи другимъ учредителямъ: Ка—скому и Лип—скому, и что Ка—скій есть неболѣе какъ одинъ изъ учредителей, уполномоченный, за особое вознагражденіе, управлять типографіею; 2) что книги печатаются въ этой типографіи, брошюруются, переплетаются и т. п. въ домѣ одного изъ учредителей общества—Лип—скаго и передаются въ книжный магазинъ, прежде принадлежавшій обществу, а теперь носящій фирму Г—скаго; и 3) что всѣ новыя книги, издаваемыя отъ имени книгопродавца Г—скаго, печатаются по прежнему въ типографіи Ка—скаго.

Свѣдѣніямъ этимъ придавало вѣроятіе самое объявленіе учредителей общества о закрытіи его. Изъ объявленія не видно было, чтобы общество сдѣлало окончательную ликвидацію своихъ дѣлъ и покончило расчетъ съ вкладчиками.

Вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній, что общество продолжаетъ существовать, по распоряженію генералъ-губернатора, взята была отъ Ка—скаго и Г—зы подписка въ удостовѣреніе того, что общество ими учрежденное совершенно прекратило свои дѣйствія и въ объявленіи имъ того, что общество, которое продолжало бы свои дѣйствія послѣ закрытія его, по распоряженію правительства, должно быть почитаемо недозволительнымъ, тайнымъ обществомъ и подлежитъ дѣйствію постановленій о подобныхъ обществахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ потребовано отъ нихъ постановленіе общества о прекращеніи его и объ окончательной ликвидаціи его дѣлъ.

8 іюля 1860 года Ка—скій, Лип—скій и Г—за дали волынскому губернатору подписку въ томъ, что, для избѣжанія всякаго рода толковъ и сужденій, они опубликуютъ въ вѣдомостяхъ, что ихъ бывшій торговой домъ перестаяъ уже существовать и что производится только ликвидація его дѣлъ. Что касается ликвидаціи, то она уже далеко подвинута впередъ и надѣются въ непродолжительномъ времени представить письменныя доказательства въ совершенномъ ея окончаніи.

Послѣ этого учредители общества напечатали (30 іюля 1860 года) въ «Вол. Губ. Вѣд.» объявленіе о томъ, что основанный ими торговой домъ для изданія и перепечатанія книгъ закрытъ по причинамъ, отъ нихъ независящимъ, и производится ликвида-

ція его дѣлъ совмѣстно съ дворяниномъ Иваномъ Г—скимъ, пріобрѣвшимъ отъ торговаго дома книжные магазины, и принявшимъ на себя обязанность удовлетворить вкладчиковъ.

Не смотря однако на данныя учредителями общества обязательства и на печатныя объявленія о прекращеніи его дѣяствій, не переставали доходить до начальства свѣдѣнія, что общество все-таки тайно продолжаетъ существовать, принимаетъ въ члены новыя лица, имѣетъ своихъ агентовъ, доставляющихъ разныя сочиненія изъ Ц. польскаго и изъ заграницы, не чрезъ почту, а частными путями, печатаетъ сочиненія въ типографіи Ка—скаго, и продаетъ въ книжныхъ магазинахъ Г—скаго, прикрываясь фирмами этихъ двухъ лицъ. Основательность этихъ свѣдѣній подтверждалась найденнымъ у помѣщика Черкаскаго уѣзда Валерьяна Фл—скаго циркулярнымъ отзывомъ учредителей общества Карла Ка—скаго и Александра Г—зы отъ 19 апрѣля 1860 года.

Вслѣдствіе этого, по распоряженію генералъ-губернатора, произведены были обыски въ магазинахъ и домѣ Г—скаго и типографіи Ка—скаго, съ цѣлію обнаруженія фактовъ, доказывающихъ существованіе тайнаго общества или запрещенныхъ сочиненій. Найденныя при обыскѣ бумаги начальникъ губерніи 20 февраля 1862 г. препроводилъ въ уѣздный судъ, предлагая произвести въ составѣ особой коммиссіи, слѣдствіе, для обнаруженія дѣйствій общества и цѣлей, къ которымъ оно втайнѣ стремится, обманывая правительство и тщательно скрывая веденіе своихъ дѣлъ.

Въ числѣ присланныхъ бумагъ заслуживаютъ особаго вниманія слѣдующія:

1. Найденный у Г—скаго отчетъ о состояніи заведенія, т. е. съ 1-го февраля 1860 и до того же числа 1861 г.

Эта часть начинается слѣдующими словами: «Господа! Удержавшись первый годъ въ своемъ предпріятіи, годъ преслѣдованій, интригъ, обмановъ, воровства, вы остались съ капиталомъ въ 59,173 руб. 65½ коп., который составляетъ приблизительно стоимость книгъ въ трехъ книжныхъ магазинахъ, имѣющихъ чистаго капитала 1270 р. 86 коп., и долги оставшіеся на слѣдующій годъ».—

«Второй годъ (1860) существованія вашего заведенія былъ свободнѣе прежняго, все-же вы должны были перетерпѣвать преслѣдованія и нести убытки отъ незнанія своего дѣла. Чтобы хорошо объяснить положеніе дѣла, я постараюсь представить весь оборотъ торговли и дѣлъ».

Далѣе слѣдуетъ расчетъ капитальныхъ суммъ, исчисленіе книжныхъ магазиновъ,—какія лица взяли у нихъ книги на продажу въ разныхъ городахъ Юго — и Сѣверозападнаго края, сколько каждый платилъ наличными и сколько остался въ долгу.

«Собравъ вышеозначенные расчеты, говорится въ концѣ упомянутаго отчета, составится капиталъ въ книгахъ слѣдующій:

a) Жиеомирскій магазинъ		59,676	р.	$48^{1}/_{8}$ к.
b) Кіевскій		20,610	р.	$34^{2}/^{2}$ к.
c) Подвѣдомств. магазины		6,857	р.	$56^{2}/^{2}$ к.
d) Новыя изданія		6,783	р.	71 к.
Общій капиталъ	. .	116178	р.	$4^{3}/^{4}$ к.

2. Письпо Ка—скаго

«Господа! Хотя условія между людьми съ неограниченнымъ довѣріемъ, стремящимся къ одной цѣли, а именно, чтобы привести въ исполненіе дѣло, предметомъ котораго есть не собственный интересъ, но благо края,—маловажны; однакожъ я предложилъ вамъ извѣстный проэктъ условія, необходимаго не только для распредѣленія вашихъ дѣлъ, но и для того, чтобы засвидѣтельствовать о вашихъ хорошихъ намѣреніяхъ и благородныхъ стремленіяхъ. Пусть узнаютъ потомки, что въ такомъ маломъ уголкѣ, какъ Житомиръ, нашлись сердца благородныя, стремящіяся ко благу своихъ *соотечественниковъ* посредствомъ вліянія на нихъ просвѣщенія, возвышенія *народнаго духа, религіи* и любви братской, и которые наконецъ, для достиженія этихъ цѣлей непоколебались посвятить трудъ и имущество, а даже подвергнуть себя преслѣдованію. Сперва гг. Ка—скій, Лип—скій и Г—за сами начали развивать эти цѣли, дѣйствуя однакожъ слишкомъ явно и слушаясь болѣе благородной теоріи, чѣмъ строгой практики, обратили на себя вниманіе самолюбивыхъ спекуляторовъ, допустили ихъ до совмѣстнаго дѣйствія, что возбуждало разнаго рода интриги, клеветы и преслѣдованія, наконецъ подозрѣніе правительства, которое велѣло закрыть заведеніе (wydawnictwo), съ воспрещеніемъ имъ принимать участіе въ этомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ дѣло, которому грозила опасность, было близко къ паденію, разошлись самолюбные товарищи, имѣвшіе въ виду обратить ихъ пожертвованіе для собственныхъ видовъ и кармановъ, и мы съ сожалѣніемъ узнали, что прекрасныя надежды наши уничтожены. Но, кажется, Провидѣніе поразило насъ этимъ ударомъ, дабы вывести насъ съ неправильнаго пути, на которомъ мы стояли, и тѣмъ убѣдить, что въ *нашемъ угнетенномъ краѣ* не погасли прекрасныя чувства, и что въ немъ есть сердца, бьющіяся единственно для этого края. Допустивъ такія тяжкія испытанія, оно хотѣло вознаградить насъ еще большимъ сближеніемъ между собою бывшихъ по настоящее время сотрудниковъ, а что еще важнѣе-пріобрѣтеніемъ новыхъ друзей съ одинаковымъ взглядомъ на трудъ и съ общимъ къ нему рвеніемъ. Когда правительство разогнало наше общество и угрожало продажею съ

публичнаго торга заведенія, явился Г—скій, который увѣрилъ своимъ предложеніемъ ни въ чемъ не отступать отъ предпринятыхъ цѣлей, пріобрѣлъ добровольно заведеніе *(выдавничество)*, принялъ на себя всѣ его тягости, подвергая себя борьбѣ съ финансовою несостоятельностью, и открылъ заведеніе отъ имени своего. Его самоотверженіемъ *намѣреніе спасено*. Противники наши, убѣдившись, что предпріятіе ихъ уничтожено, бѣжали и начальникъ ихъ оставилъ Житомиръ. Малые интриганты разошлись искать другой жертвы и правительство, убѣдившись, что мы дѣйствуемъ по закону, послѣ нѣсколькихъ доносовъ и производства по онымъ слѣдствія, оставило насъ въ покоѣ. Однако устраненіе тѣхъ трудностей не вывело заведеніе изъ всѣхъ опасностей. Источники *выдавничества* растрачены, все же имущество его ограничивалось пріобрѣтеніемъ книжныхъ магазиновъ Гл—га, и то не безъ долговъ; нельзя было расчитывать на плату пренумерантовъ (подписчиковъ), которыхъ большая часть совершенно устранилась, а тѣ, которые остались, приносятъ болѣе тяжести, чѣмъ прибыли. Г—скій собственными средствами не могъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ, слѣдовало найти другіе источники. Ка—скій и Лип—скій, побуждаемые правительствомъ, принуждены были оставить управленіе заведеніями. Однакожъ они не хотѣли оставитъ, по этому дѣлу, наблюденіе за дѣйствіями; зная, что никто не захочетъ снабдить кредитомъ заведенія, не поколебались умножить свои пожертвованія, внесли необходимыя въ то время средства, какъ заемъ, оставляя таковой до 1871 года. Г—за, не имѣя денежныхъ капиталовъ, но владѣя гораздо значительнѣйшими въ головѣ и сердцѣ и тѣмъ самимъ не навлекая наблюденія правительства, могъ свободно посвятить себя возобновленному труду своей мысли. Такимъ образомъ заведеніе (выдавничество) перешло въ частную собственность, но основатели его удержали духъ *своихъ цѣлей*, пробудились отъ заблужденія и обезпечили себѣ, въ лицѣ Г—скаго, славнаго и къ одной съ ними цѣли стремящагося сотрудника. Обезпеченіе средствъ не исчерпывало еще всего круга заботъ,—остались еще на заведеніи слѣды ударовъ нашихъ противниковъ, ибо они изъ нашихъ потерь искали для себя пользы. Я говорю о завѣдывающихъ книжными магазинами, которые достались Г—скому въ наслѣдство послѣ «выдавничества». Мы признали необходимымъ отдѣлить въ особое управленіе всѣ книжные магазины, здѣсь Г—скій доставилъ новую помощь заведенію, уговорилъ В—жа принять на себя таковой постъ. Кружокъ трудящихся, укрѣпленный правотой. энергіею къ труду, способностями и любовью къ предмету, такъ усовершенствовался, что можно было ожидать благополучія въ предпріятіи. Представленный вамъ расчетъ объ-

яснилъ, какимъ потерямъ и хлопотамъ подвергнуто было заведеніе, покамѣстъ не было очищено отъ мерзостей. Теперь ваш магазины окружены людьми, знающими торговлю, отношенія с книгопродавцами значительны, и домъ Г—скаго извѣстенъ в Европѣ. Заведенъ счетъ въ заведеніи, и ваши взаимныя отношені самостоятельны. Однимъ словомъ, такимъ образомъ заведенна машина сама можетъ двигаться; говорю объ этомъ, потому чт безъ меня можно обойтись, господа! Со времени учрежденія заведенія, я трудился до сихъ поръ не къ другой цѣли, какъ толь для удовлетворенія собственныхъ желаній. Претерпѣлъ съ вам всякія печали и хлопоты, и можетъ быть, больше чѣмъ вы,—н одинъ разъ видѣлъ зло, но устранить его не могъ. Богъ увѣн чалъ мой трудъ; передаю вамъ пріобрѣтенное заведеніе, если н въ хорошемъ состояніи, то покрайней мѣрѣ на твердой ногѣ Кто нибудь другой легко можетъ заступить меня; мои лѣта силы требуютъ отдохновенія, потому позвольте передать вам мои занятія. Благодарю васъ за доказательства дружбы, з ваше снисхожееніе, за вашу помощь. Извините, если въ чем нибудь не угодилъ вамъ, принимая во вниманіе то, что я дѣйствовалъ не изъ собственныхъ видовъ, а для общаго блага Сознаюсь, какъ мало я способенъ былъ къ выполненію всѣх требованій, и что другой на моемъ мѣстѣ повелъ бы лучше дѣле но истинно убѣжденъ, что никто не превышаетъ меня въ сочуствіи къ *намѣреніямъ* и заботливости о благѣ ихъ».

3) Циркулярный отзывъ, разосланный, при приведенном выше отчетѣ.—Одинъ экземпляръ этого циркуляра найденъ был у звенигородскаго предводителя Фл—скаго.

Изъ упомянутаго въ предидущемъ нумерѣ циркуляра выпишем нѣсколько мѣстъ:

«Когда не можемъ въ публичномъ отчетѣ увѣдомить о дѣйствіяхъ бывшаго товарищества для изданія книгъ въ Житомирѣ то обязанностью нашею есть сообщить по одиночкѣ уважаемым компаньонамъ краткій очеркъ прежняго и настоящаго состоян товарищества. Поддерживаемые волею, денежными средствами довѣренностью уважаемыхъ компаньоновъ, развили мы подъ фимою насъ троихъ дѣйствія свои по изданію и книжной торгов насколько намъ позволили только средства и въ развитіи этої опередили время и ожиданія, и изъ книжныхъ магазиновъ н трехъ пунктахъ, *потянулись каналы по многимъ пунктам края* *). Такая, заподлинно смѣлая, операція оказала вдру

*) Подъ словомъ **каналы**, авторъ циркуляра подразумѣваетъ книжныя лки, устроенныя житомирскимъ обществомъ по разнымъ городамъ нашего кра Главные пункты книжные магазины имѣли: Въ Бѣлой церкви, въ Дубнѣ, въ Б

счастливое вліяніе на всю книжную торговлю. Мы понизили у себя цѣну на книги, другіе должны были послѣдовать нашему примѣру, и теперь читаемъ, ежедневно, въ газетахъ какъ болѣе и болѣе дешевѣютъ книги, и эта торговля пойдетъ путемъ добросовѣстности, слѣдовательно умѣренной прибыли.»

Исчисляя—какими изданіями занималось «выдавничество,» циркуляръ далѣе говоритъ:

«Кому извѣстно, сколько трудовъ издержекъ, препятствій, обманутыхъ ожиданій требуетъ въ нашемъ краѣ изданіе книгъ, тотъ насъ не осудитъ ни въ праздности, ни въ расточительности, тотъ не будетъ оспаривать въ насъ гражданскаго духа.»

Объясняя, почему они должны приступить къ ликвидаціи съ компаньонами, циркуляръ говоритъ далѣе:

«Деньги ваши, уважаемые компаньоны, напрасно не пропали. Онѣ положили основаніе зданію, которое нынѣ мы двое и Г—скій третій будемъ двигать. Мы не жалѣемъ собственныхъ денегъ, а почтенный Г—за—своихъ редакціонныхъ трудовъ. Деньги, разсыпавшіяся на мелкія доли въ столь быстромъ развитіи, дойдутъ до своего назначенія. Соломенная крыша будетъ привѣтствовать ихъ въ дешевыхъ книжечкахъ, благословеніемъ за память о ней, въ комнатахъ и въ кабинетахъ надѣются найти хорошій пріемъ, ибо постараемся внесть науку и пользу. Однакоже сами мы не устояли бы въ дальнѣйшихъ трудахъ безъ сочувствія, безъ помощи уважаемыхъ согражданъ и содѣйствія авторовъ. А потому обращаемся къ вамъ, уважаемые компаньоны и пренумераторы, дабы вы придали намъ силы своимъ соучастіемъ и дальнѣйшимъ содѣйствіямъ поддержкою. Нынѣ, только пренумераторы остаются на своихъ условіяхъ. Ихъ просятъ объ аккуратныхъ взносахъ на будущее время, а васъ—согражданъ объ увеличеніи этого ряда. Новая фирма самымъ строгимъ образомъ будетъ выполнять все, не будетъ недостатка въ постоянно новыхъ полезныхъ и пріятныхъ изданіяхъ, ибо знаменитѣйшія имена литературы нашей нынѣ спѣшатъ къ нашему «выдавничеству,» съ большимъ еще сочувствіемъ.»

«Г—за находится съ нами въ поствянныхъ и обширныхъ сношеніяхъ. Вы, уважаемые компаньоны, которые имѣли по протеченіи 10 лѣтъ или получить въ книгахъ сразу капиталъ, или вновь посвятить его общественному благу, теперь, по стеченію обстоятельствъ, благоволите принимать его частями тѣмъ же самымъ продуктомъ, на какой были предназначены деньги. Со всѣхъ сто-

---

менецъ-подольскѣ, Черкаскомъ уѣздѣ, Бердичевѣ, Ковнѣ, Минскѣ, Рѣжицѣ Гроднѣ, Балтѣ, Староконстантиновѣ, Немировѣ и Калиновкѣ. Всѣ эти книжныя лавки назывались филіями. Объ нихъ поговоримъ подробно дальше.

ронъ присылаютъ къ намъ компаньоны квитанціи въ полученіи денегъ и подаютъ свои проекты о перемѣнѣ. На этомъ основаніи мы составили программу, которой пункты предоставлены на выборъ компаньонамъ. За тѣмъ покорнѣйше просимъ васъ, милостивый государь, объявить—прислать ли вамъ два билета фирмы Г—скаго по 100 руб. на 10 лѣтнюю пренумературу, или только одинъ билетъ, а за 100 руб. изданія? Долгомъ считаемъ присовокупить, что есть компаньоны, которые предлагаютъ замѣну 200 руб. на пренумераціонные билеты и даже обѣщаютъ взносы но 100 руб. на новые билеты.»

Затѣмъ исчисляется благодарность нѣкоторымъ личностямъ, которые первые подали этотъ проектъ. Подписи: За бывш. товарищество Карлъ Ка—скій, за новую фирму Александръ Г—за.

Въ дѣлѣ о «выдавничествѣ,» изъ котораго составляемъ настоящія статьи, находятся нѣсколько писемъ и замѣтокъ, ясно указывающихъ, что и послѣ перехода книжной торговли къ Г—скому, товарищество не переставало существовать, и конечная цѣль его была ополяченіе всего населенія нашего края. Изъ всѣхъ писемъ и замѣтокъ выпишемъ только тѣ, которыя могутъ имѣть интересъ для читателя.

1) Письмо Кв—скаго къ Ко—скому. Въ этомъ письмѣ между прочимъ говорится:

«Объ оканчивающемся годѣ я помню, счетъ и за послѣдній мѣсяцъ готовъ. Именно я хотѣлъ просить господъ, дабы (о чемъ и сдѣлка обусловливаетъ) собрались въ субботу на годичный совѣтъ, и какъ это будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пора мѣсячнаго расчета за печатаніе и мѣсячной расплаты съ трудящимися, то и объ этихъ обѣихъ статьяхъ порѣшимъ. Я полагаю нужно, чтобы и Г—скій былъ съ нами.»

2) Письмо Ст—каго отъ 8-го апрѣля 1861 года (безъ адреса).

«Пригласивъ меня изъ Вильна въ Кіевъ, гг. Г—скій и Лип—скій поручили мнѣ заняться предварительно приведеніемъ въ порядокъ житомирскаго склада, обѣщая мнѣ мѣсто при кіевскомъ книжномъ магазинѣ, куда прибывъ, я замѣтилъ, что г. В—жъ не расположенъ ко мнѣ и, пользуясь даннымъ ему довѣріемъ, привязался ко мнѣ, упрекая, что я не аккуратно веду расчеты. Цѣль этого удаленія меня была съ расчетомъ, какъ равно и въ Вильнѣ, гдѣ я успѣлъ открыть неблагородныя его цѣли и онъ удалилъ меня, какъ препятствующаго его злымъ намѣреніямъ. Желая навлечь на меня ваше неудовольствіе, онъ очернилъ меня передъ вами, противъ чего я протестую. Между нами произошла личная ссора, потому что В—жъ уважалъ меня какъ ничтожную фигуру, при томъ обращался со мною, выражаясь неприличными словами. Удалять изъ мѣста вещь непрактичная. Подобнаго рода поступокъ

можетъ случиться съ негодями. Я нахожусь совершенно на иномъ счету. Я защищалъ обывательскую собственность, получая весьма скудное содержаніе. Я не обижалъ васъ, господа, не смотря на то, что г. Гл—гъ предлагалъ мнѣ вознагражденіе, чтобъ я не слишкомъ вмѣшивался въ дѣла свои, но я этого не дѣлалъ и занялся сдачею инвентаря Гл—гомъ и принятія таковаго въ пользу вашу, господа! Я аккуратно исполнялъ обязанность, порученную мнѣ г. Ба—скимъ, который довѣрилъ мнѣ, совершенно не зная меня. Имѣя столько доказательствъ въ мою пользу, надѣюсь, что вы не откажете въ исходатайствованіи мнѣ на дорогу 25 руб. Ожидаю вашей помощи Слуга Ст—скій.»

3) Въ числѣ бумагъ есть бланкъ пренумераціоннаго билета, на оборотѣ котораго подписана Г—скимъ надпись слѣдующаго содержанія:

«Книжный магазинъ Г—скаго, получивъ срочный платежъ 100 руб. № 100, какъ весь долгъ сей квитанціи въ № 1 означенной, обязуюсь уплачивать ежегодно, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, книги, изданныя Гл—гомъ (бывшею кампаніею выдавничества) и Ивана Г—скаго, равно и сочиненія, имѣющіяся имъ издаваться по цѣнѣ 10% ниже показанной въ каталогѣ, за сумму послѣ сосчитанную.

1) Засчитаю 10 руб. на покрытіе записанной предплаты.

2) Отъ слѣдуемой суммы вычесть уже сдѣланное покрытіе капиталовъ. Уплату обязуюсь произвести черезъ... лѣтъ отъ срока 1-й платы. Кромѣ того магазинъ обязуется высылать по требованію избранныя подписчиками сочиненія до почтовой станціи, отъ которой получаетъ свои посылки.»

3) Письмо Г—зы къ рефендарію Ко—скому отъ 24 января 1862 года.

Письмо это писано Г—зою въ Кіевъ къ Ко—скому. Въ письмѣ говорится о столкновеніяхъ М—скаго съ В—жемъ, и Г—за проситъ Ко—скаго посовѣтовать Г—скому предоставить ему мѣсто въ книжномъ магазинѣ. Въ этомъ письмѣ встрѣчаются такія выраженія:

а) «Леонъ (Лип—скій) просилъ, чтобы я, для спокойствія Г—скаго, постарался успокоить М—скаго.»

б) «Увы! Бывшая компанія наша имѣла быть устроена на такой взаимной любви и почтеніи и служить человѣчеству, развитію и благу, но хотя злая судьба уничтожила ее до основанія, однако спрашивается: нельзя ли было изъ остатковъ образовать что либо въ пользу человѣчества и христіанства. Золото, хотя бы его раздробили на самыя мелкія части, не перестаетъ быть золотомъ.....»

в) «Послѣ взаимнаго разузнанія другъ друга, кажется, что теперь можемъ оцѣнить другихъ по справедливости, и въ какой

мѣрѣ полезна торговля Г—скаго какъ въ отношеніи купеческаго интереса, такъ и въ моральномъ отношеніи. Если когда, то теперь необходима здоровая пища, ибо здѣсь дѣло идетъ *не объ одномъ классѣ народа, не о развлеченіяхъ*......»

г) »Х—щъ тоже издатель, Бу—чъ и Кв—скій въ свою очередь издатели. Можно ли Г—скому равняться съ ними, они и Г—скій издали буквари, какая же разница между ними! Почему? Потому, что въ ихъ букваряхъ нѣтъ христіанской идеи и мысли, доступной для начинающаго большинства...... *).

4) Письмо Леона Лип—скаго.

«Прошу выдавничество «Библіотеки Домашней» о присылкѣ ко мнѣ слѣдующихъ сочиненій.... Вотъ списокъ требуемыхъ Я. В. Юліемъ И—кимъ книжекъ, изъ стоимости коихъ, прошу вычесть слѣдующія ему за билеты, а на излишекъ уплатить мнѣ, до времени расчета, пятьнадцать руб. (№ 15) и книги эти выслать въ д. Загоржаны, черезъ новую Ушицу Л. Лип—скій....»

5) Письмо Леона Лип—скаго 14 іюня 1860 г. Мельниховецъ. «Любезный папенька! На другой день по выѣздѣ, прибылъ я здоровымъ въ Мельниховцы, гдѣ засталъ всѣхъ здоровыми. 60 рублей Теофилъ вручилъ мнѣ за Ма—скаго, а также 25 руб. за билетъ, который посылаю, и на который пусть І—скій пришлетъ; еслибы только можно было это сдѣлать сей часъ же, то было бы хорошо. Вотъ книжки, которыя прошу прислать въ Мельниховцы..... Итого 24 руб. 60 коп. Изъ этой цѣны прошу вычесть, что слѣдуетъ за билетъ, а на остальное прислать счетъ, то вышлю деньги книжному магазину. Ручки любезнаго отца цѣлую. Привязанный сынъ Леонъ Лип—скій.»

6) Записка В—жа.

«...... Контрактъ и фактуру для г. Со—скаго къ Балту, г. Лип—скій велѣлъ къ себѣ прислать, самъ будетъ писать письмо.»

7) Письмо Кв—скаго.

«Милостивый государь! Посылаю книжки на ревизію и счетъ съ книжнымъ магазиномъ. Завтра въ 10 часовъ буду у васъ, дабы непремѣнно опредѣлить счетъ, и вмѣстѣ съ настоятельною просьбою, дабы господа мнѣ дали по крайней мѣрѣ 400 р. на расплату за декабрь и за домъ. Клянусь всѣмъ, что своимъ кредитомъ не могу окончить, ни съ типографіею, ни за бумагу, и другіе мѣсячные расходы. Ква—скій!!

8) Письмо къ Кв—скому. Кіевъ 8 ноября.

«Любезный Андрей! Посылаю директоріумъ (directorium) изъ

*] Съ характеромъ и направленіемъ букварей, изданныхъ выдавничествомъ, читатель познакомится дальше. Изъ всего видно, что товарищество старалось преимущественно объ окатоличеніи и ополяченіи простаго крестьянскаго люда.

цензуры, которая домогается еще болѣе календарей; тѣхъ мало, кои уже отосланы. . . . .

. . . .

Я слышалъ здѣсь даже шумъ осенняго вѣтра, который принесъ вѣсть, что у Пр—скаго приготовляется орудіе, изъ котораго посыплются картечи въ разныя стороны, одна или болѣе предназначается даже Кіеву. И такъ собираю добрыхъ товарищей, пойдемъ въ контору обезпеченія, чтобы обезпечиться на случай грома, могущаго пасть на насъ. Но и у насъ здѣсь тоже Провидѣніе хлопочетъ и мечетъ громовые удары; кажется и не каникулы теперь, а столько фосфорическихъ явле__ній. Все это надѣлало несчастное «выдавничество», которое и насъ хорошо благодаритъ за то, что мы подставляли и теперь еще подставляемъ за него шею.»

9) Письмо Во—скаго 10 октября 1860. г. Дубно.

«Графъ! я обѣщалъ писать къ Вамъ изъ Каменца, а пишу изъ Дубно.... По выѣздѣ изъ Житоміра, гдѣ такъ мало, при Васъ, дорогой графъ, и при Липскомъ нагрѣлъ сердце добрыми разговорами и насмотрѣлся на дѣло добрыхъ сердецъ вашихъ.... Самъ Кр—скій и его приверженцы умѣли пособить себѣ и нашли и здѣсь партизановъ. Одно то, что всякій согласенъ съ идеями о положеніи дворянства, и честномъ и благородномъ его призваніи. На новыхъ демагоговъ и детракторовъ и здѣсь возстаютъ, но или потому, что менѣе освѣдомлены, или *что менѣе задѣты, не такъ сильно чувствуютъ, какъ на Волыни.*

Моя житомірская корреспонденція вышла. Вѣрно вы господа уже читали ее, немного только обрѣзана и нехорошо сшита..... Какъ пріѣду въ Варшаву, то Кр—скій готовъ мнѣ показать револьверъ..... Не припишутъ ли мнѣ въ ошибку, что не признаю большаго таланта за Кр—скимъ..... Какъ пріѣду въ Варшаву языка не буду жалѣть, увѣряю Васъ. Онъ навлекъ на себя тяжкое бремя, затронувши меня..... Не понимаю, что онъ отъ всѣхъ насъ хочетъ..... Здѣсь я познакомился съ предводителемъ З—скимъ. Очень порядочный и достойный человѣкъ...... Поддерживайте тамъ, господа, поданый проектъ о корреспонденціяхъ, ибо г. З—скій говорилъ мнѣ, что дворянство принимаетъ. Въ Кременцѣ я встрѣтилъ Пл—ра у Кр—цкаго. Онъ добивается кураторства и даетъ слово, что будетъ служить дворянству самымъ ревностнымъ образомъ, и что ничего не сдѣлаетъ противнаго. Я ему сказалъ: Какъ же это графъ, сдѣлаете съ Кр—скимъ? «Это другое дѣло, говоритъ, это моя личная симпатія. Буду стараться пріобрѣсти ее. Желаю устроить публичную библіотеку въ Житомірѣ. Пусть предводитель и дворянство пособятъ мнѣ въ томъ, пусть отыщутъ фонды!! Я говорю: откуда?

а онъ отвѣчаетъ: «можно перетянуть изъ «выдавничества», которое ни къ чему непригодно.» «Извините говорю, вы говорите по чужимъ словамъ, и я немного ошибался, но тепэрь пересмотрѣвъ все собственными глазами, ясно вижу, что это честная работа; вы говорите и видите сквозь очки Кр—скаго, и па Подолѣ я слышалъ нѣсколько подобныхъ отзывовъ»..... Во всякомъ случаѣ еще и теперь на съѣздѣ нужно представить это ясно и специально и то непремѣнно прошу незабыть, а я еще разъ изъ Варшавы поддержу въ газетѣ. Только прошу, чтобы предводитель написалъ въ редакцію, что уже готовы. Если мнѣ нужно будетъ отдѣлаться, то прилечу къ этому времени въ Житоміръ и буду очень стараться. Не знаю, кто съ Подоліи будетъ въ Житомирѣ; въ то время, какъ я тамъ былъ они еще сами не знали.—Предводитель З—скій говорилъ мнѣ, что въ Житоміpѣ есть Леонаръ Са—нскій. Онъ соблазнитель молодыхъ въ Кіевѣ и большой шарлатанъ-демагогъ новаго покроя. Прошу объяснить это предводителю.......

Продолжаемъ выписки изъ дѣла о «выдавничествѣ»:

11) Письмо Г—за къ Кв—скому 18²¹|₈61 г.

..... «Если сопротивляюсь, то защищаю вещь мнѣ довѣренную, а та вещь есть какъ твоя, такъ и другихъ. Приходи ко мнѣ кое о чемъ поговорить, а послѣ отправимся къ Леопу, который о всякомъ предметѣ долженъ дать мнѣніе и имѣетъ на то право».

12) Письмо Но—скаго къ Ко—скому 30 сентября. «Прошу Васъ, милостивый государь увѣдомить меня, какъ вы, господа, порѣшили насчетъ отвѣтовъ на вчерашнія письма, и если они ненужны, то прошу отослать ко мнѣ для вписанія въ протоколъ. Письма Ж—скому и С—чку отосланы. О присылкѣ черновой къ книгопродавцамъ прошу. Книжку библіомановъ велѣлъ я записать подъ фамію Г—скаго и ожидаю вашего разрѣшенія господа».

13) Письмо В—жа отъ 1 сентября 1860 г. къ Во—скому. «Сегодня получилъ письмо отъ референдарія, сейчасъ отвѣчаю. О нашемъ книжномъ магазинѣ сдѣлалъ замѣтку, на сколько прислано книгъ и сколько отсюда отослано, каковую прилагаю въ подлинникѣ. Отъ За—скаго, Ор—да, Ра—ча можно взять таковыя же замѣтки. Отъ С—на и А—а не ожидаю, ибо первый не хотѣлъ отвѣчать Ст—цкому, какой транспортъ получилъ изъ Житоміра. У А—а въ домѣ и магазинѣ была ревизія. Нашли много запрещенныхъ сочиненій и посадили въ крѣпость... На дняхъ арестовали много лицъ... Возвращаться буду черезъ Минскъ, можетъ быть успѣю у тамошняго епископа, что захочетъ взять катехизисовъ и букварей. Ксендзъ Ма—чъ писалъ ко мнѣ о прибытіи Бо—са; при томъ проситъ о присылкѣ большихъ

букварей 30 экземп., меньшихъ столько же. Катехизовъ 50 экземпляровъ, меньшихъ 30. Pielgrzyma 30 экз. Godziny Czytania 20, но таковыя перешлю, когда возвращусь»....

При допросахъ господа писавшіе эти письма, или къ которымъ они адресованы были, отвѣчали, большею частью непониманіемъ смысла, но мы полагаемъ, что каждый читатель легко пойметъ ихъ содержаніе.....

Во время обыска книжнаго магазина дворянина Ивана Г—скаго, произведеннаго по распоряженію начальника Волынской губерніи 12 13 и 14 февраля 1862 г., найдено было разныхъ книгъ и рукописей, пропущенныхъ и не пропущенныхъ цензурой. Книги эти въ числѣ 21 экземпл. переданы были начальникомъ губерніи въ слѣдственную коммиссію, а магазинъ былъ запечатанъ 14-го февраля 1862 г. Всѣ забранныя книги и двѣ рукописи отосланы были слѣдственною коммиссіею въ кіевскій цензурный комитетъ для разсмотрѣнія: книги—16 марта 1862 г. за № 143, а рукописи—5 іюня 1865 г. за № 740. Кіевскій цензурный комитетъ отзывомъ отъ 16 апрѣля 1862 г. за № 303, увѣдомилъ коммиссію, что изъ числа присланныхъ книгъ Złota góra, falszywy król i konfederat оказалась запрещенною, а потому удержана въ комитетѣ, а остальныя дозволенными и возвращаются. При этомъ комитетъ увѣдомилъ коммиссію, что книга Złota góra.... до рѣшенія въ комитетѣ иностранной цензуры о запрещеніи ея, не была разсматриваема цензорами кіевскаго комитета, а потому какъ содержаніе ея, такъ и мотивы запрещенія, комитету неизвѣстны. Относительно рукописей, цензурный комитетъ до настоящаго времени ничего не отвѣтилъ коммиссіи и не возвращаетъ ихъ.

16 мая 1862 г. слѣдственная коммиссія взяла въ житомирскомъ магазинѣ дѣловыя и счетныя книги, въ которыхъ оказались: высылки книгъ въ разныя мѣста къ разнымъ комиссіонерамъ, а также расчеты съ разными книгопродавцами.

При обыскѣ, произведенномъ 15 февраля 1862 г. въ типографіи Кв-скаго найдены были разныя польскія рукописи. Всѣ рукописи отосланы въ кіевскій цензурный комитетъ 5 іюня 1863 года за № 740.—Кіевскій цензурный комитетъ, возвращая эти рукописи, при отзывѣ отъ 9 августа 1863 г. за № 430, увѣдомилъ судъ, что за исключеніемъ рукописи: Dawno, pozniej, teraz i kiedys, которая по содержанію своему неблагонамѣренна, а потому подлежитъ запрещенію, всѣ остальныя не содержатъ въ себѣ ничего недозволеннаго цензурою (*).

(*) Въ дѣлѣ о выдавничествѣ, между другими документами списана пѣсня, подъ заглавіемъ: «Давно, послѣ, теперь и когда-то» Слова Лв-ва Пот-кого. Музыка Л-ся 1860 г.

По распоряженію генералъ-губернатора произведенъ былъ обыскъ въ кіевскомъ книжномъ магазинѣ Г-скаго, помѣщавшемся на крещатикѣ въ домѣ Киселевскихъ. Во время обыска, произведеннаго 10 февраля 1862 года во временномъ отдѣленіи книжнаго магазина, устроенномъ на Подолѣ, взята была въ карманѣ сюртука управлявшаго магазиномъ дворянина В—жа книга на польскомъ языкѣ: «объ обычаяхъ поляковъ» (какъ сказано въ актѣ обыска), которая вложена была въ ящикъ, въ которомъ находилась касса магазина, и ящикъ этотъ по опечатаніи его взятъ былъ въ подольскую часть. Магазинъ этотъ, въ которомъ, какъ сказано въ актѣ, находились не только книги, но и товары варшавского купца Б—ра, опечатанъ былъ печатью В—жа и кіевскаго старшаго полиціймейстера.

При обыскѣ въ книжномъ магазинѣ, помѣщавшемся на Крещатикѣ, произведенномъ 10 февраля 1862 года, найдены были въ комнатахъ, занимаемыхъ служащими въ магазинѣ лицами, на комодѣ книги и бумаги и въ особомъ ящикѣ четыре книги подъ заглавіемъ: «Регламентъ верховой ѣзды» (двѣ книги) и «Регламентъ пѣхоты» (двѣ книги), напечатанныя на польскомъ языкѣ, какъ можно судить по содержанію акта объ обыскѣ; эти книги найдены въ квартирѣ завѣдывающаго магазиномъ отставнаго поручика Валерія Во—ко. Въ квартирѣ служащаго въ магазинѣ дворянина Базилія Ма-цкаго найдены книги, не пропущенныя цензурою: 1) Koronowicz. Słowo dziejow Polskich (одна книга) и 2) Biblioteka Polska (2 книги). Магазинъ былъ опечатанъ.—Слѣдственная коммиссія, имѣя въ виду, что кромѣ книжныхъ магазиновъ Г—скаго въ Житомірѣ и Кіевѣ находились во многихъ мѣстахъ Волынской и другихъ губерній филіи, въ которыя высылались книги для продажи по постановленію своему, состоявшемуся 19 апрѣля 1862 года, сообщила начальникамъ мѣстныхъ полицій, чтобы во всѣхъ филіяхъ произведены были обыски и если найдены будутъ книги, полученныя изъ магазиновъ Г—скаго, составляющія собственность фирмы Г—скаго, а также переписки и счеты по торговлѣ этими Лнигами, доказывающія участіе въ этой торговлѣ Карла Ка—скаго, кеона Лип—скаго, Александра Г—зы, Маврикія Ко—скаго и другихъ лицъ, то книги эти обезпечить узаконеннымъ порядкомъ отъ растраты, впредь до особаго распоряженія; переписки же и счеты прислать въ коммиссію; при учиненіи обысковъ обращать вниманіе на то, нѣтъ ли въ числѣ книгъ фирмы Г—скаго такихъ, которыя запрещены, или же напечатаны безъ разрѣшенія цензуры, и если такія окажутся, то прислать въ коммиссію по одному экземпляру каждаго изъ такихъ сочиненій, остальныя же экземпляры обезпечить вмѣстѣ съ прочими книгами.

Вслѣдствіе этого распоряженія произведены были обыски.

1) Въ Бѣлой Церкви, у минскаго мѣщанина П. Ч-ка 29 апр. 1862 г.

2) Въ г. Дубнѣ у купца 3 гильдіи І. Г-ба 25 апр. 1862 г.

3) Въ Каменецъ—Подольскѣ у чиновника А. Ш-ца.

4) Въ томъ же городѣ у дворянина Я. Л-ха.

5) Въ Черкаскомъ уѣздѣ у помѣщика З. Ф-ша.

6) Въ Бердичевѣ у еврея Б. Г-ба 24 апрѣля 1862 г. *)

7) Въ г. Ковнѣ у купца С. Габ-ча 1 мая 1861 г.

8) Въ г. Минскѣ у дворянина Ва-цкаго 30 апр. 1862 г.

9) Въ Каменецъ-Подольскѣ у отставнаго чиновника Ф. У—скаго.

10) Въ г. Рѣжицѣ, у городоваго врача У.-Бо—скаго 27-го сентября 1862 г.

11) Въ г. Гродно у Иг. Г-жа 8 мая 1862 г. У него же въ Бѣльскѣ 6 мая.

12) Въ с. Балтѣ у австрійскаго подданнаго А. Со—скаго 15 мая 1862 г.

13) Въ С. Константиновѣ у купца Сѣд-ка, а въ сел. Колкахъ Староконст. уѣзда, у помѣщика Ю. Кам-скаго 4 и 7 мая 1862 года.

14) Въ м. Немировѣ у С. Мал-скаго (находившагося въ сылкѣ въ Сибири за найденныя у него бумаги предосудительнаго содержанія и возвращеннаго по Всемилостивѣйшему прощенію) и Ост-

15) Въ м. Калиновкѣ (Виницкаго уѣзда) у дворянина Ман-ча 3 мая 1862 г.

При обыскахъ, у нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ лицъ найдены были разныя письма, не лишенныя интереса, и ясно доказывающія, что и послѣ закрытія, общество все-таки существовало, а потому приведемъ главнѣйшія изъ нихъ.

Въ Минскѣ у дворянина Ва-цкаго найдены были письма отъ Г-зы отъ 26 марта 1860 г. и 29 мая 1860 года. Въ первомъ изъ нихъ говорится между прочимъ:

---

*) При этомъ обыскѣ найдено было одно сочиненіе подъ заглавіемъ: Elementarz większy, составл. Александромъ Г—зой и изданный Г—скимъ въ 1860 г. — Объ этомъ сочиненіи волынскій губернаторъ въ продолженіи слѣдственной коммиссіи отъ 80 октября 4862 г. за № 10528 отозвался, что въ немъ помѣщены отрывки изъ исторіи Польши. По его мнѣнію изданіе подобныхъ книгъ предпринято съ цѣлью прививать простому народу съ малолѣтства идеи польской будто бы его національности.

.... «Выдавничество ростетъ и будетъ рости, потому что имѣемъ типографію, литературныя сношенія и искреннее желаніе»....

Во второмъ находимъ слѣдующія мѣста:

.... «Печальныя происшествія.... причинили намъ разныя затрудненія, преодолѣвши которыя, мы работаемъ дальше и осуществляемъ нашу первоначальную цѣль. Выдавничество возрастаетъ, торговля расширается на новыхъ условіяхъ»...

У этого же Ва—цкого найдено письмо В--жа отъ 7-го іюля 1861 г.... «прошу Васъ, пишетъ В—жъ, поставить себя въ мое положеніе: я не собственникъ заведенія, а только соучастникъ (wspólnik)....“

Въ Рѣжицѣ, у городоваго врача Іосифа Бо—нскаго, найдено между прочими бумагами слѣдующее письмо А. Г—зы...» 27-го апрѣля мы отослали къ вамъ наши объявленія и каталоги. Въ объявленіяхъ объяснено на какихъ условіяхъ будетъ продолжаться наше существованіе. Перемѣна произошла не по нашей волѣ и желанію. Фирма Г—скаго ведетъ начатое дѣло къ концу. 500 рублевыхъ соучастниковъ (wspólnikow) уже нѣтъ и мы производимъ съ ними ликвидацію на внесенныхъ ими суммахъ. — Кто внесъ 200 руб. тому даемъ за 100 подписной билетъ, который въ продолженіи 10 лѣтъ будетъ выплаченъ нашими изданіями; за другіе 100 даемъ выборъ книгъ изъ нашихъ собственныхъ изданій и пріобрѣтенныхъ отъ Гл—га. Будешь ли устраивать у себя *филію?* Мы здѣсь имѣемъ нѣсколько *филій* (*) на слѣдующихъ условіяхъ...

Интересы наши и наша дѣятельность все болѣе и болѣе развиваются... Печатанія наши становятся лучшими и обильнѣйшими; мысль о пониженіи цѣнъ на книги не оставляетъ насъ, напротивъ будемъ дѣлать все, что только возможно...»

Въ концѣ этого письма сдѣлана Ка—скимъ дописка слѣдующаго содержанія:

«Хотя незнакомъ съ вами, но посылаю вамъ выраженіе своего почтенія и искреннюю благодарность за ваше къ намъ участіе и желаніе вспомоществовать *цѣлямъ нашимъ*. Мы уже давно получили 300 руб. и прислали *заквитованье*. Повторяемъ и те-

---

*) Подъ словими «филій», говоритъ Г—скій на допросѣ 24 апрѣля, слѣдуетъ понимать тѣ мѣста, въ которыя онъ давалъ свои книги на коммиссію книгопродавцамъ, по особымъ на то коммерческимъ условіямъ.

перь, какъ вы желаете произвести ликвидацію съ нами правительствомъ предписанную. Теряемъ на суммѣ, поступающей отъ компаньоновъ (wspólnikow), но дѣло идетъ дальше и хотя въ меньшихъ размѣрахъ, но по возможности хорошо. Какъ вы рѣшите, тогда вышлемъ новые билеты подписанные взамѣнъ компанейскихъ билетовъ. Можетъ быть на 100 руб. возьмете книги, а за 200 два подписные билета.....»

У Мал—скаго въ Немировѣ найдены слѣдующія два письма Ка—скаго:

1) «Письмо ваше отъ 8 сего мѣсяца получилъ вчера.... Непріятно намъ, что такъ несчастливо начинается ваше книгопродавничество, однако гдѣ—же бываетъ начало безъ трудностей. Нужно выносить ихъ терпѣливо и благоразумно. Какъ скоро вы будете имѣть гильдію, не нужно будетъ другаго позволенія. Г. исправникъ не имѣетъ права забрать книги, онѣ уже прошли черезъ цензурную полицію: Gosciniec dla dzieci цензурована въ Вильнѣ, а Biblioteka Polska разрѣшена въ Варшавѣ. Будьте болѣе спокойны. Если исправникъ не возвратитъ вамъ взятыхъ экземпляровъ и не отворитъ книжнаго магазина, то мы его заставимъ. Г—скій, новый владѣлецъ нашихъ книгъ, подастъ объ этомъ жалобу вашему губернатору, что на купленныя имъ книги, земская полиція незаконнымъ арестомъ наводитъ подозрѣніе. Г—скій ни на волосъ не измѣнитъ установленнаго порядка. Мы устранимъ затрудненія, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы мы расчитались съ кредиторами посредствомъ продажи книгъ. Правительство будетъ поддерживать нашу работу, потому что само признало необходимымъ ликвидацію. Князь Ва—ковъ во всемъ окажетъ намъ протекцію и обѣщалъ ее. Какъ скоро вы откроете свою торговлю, нужно, чтобы наши изданія имѣли ходъ, пусть бы ихъ кто нибудь хотя по немногу забралъ. Если взяли гильдію, то стойте твердою ногою. Что можетъ сдѣлать вамъ исправникъ? Ни одного запрещеннаго сочиненія не имѣемъ въ книжномъ магазинѣ и въ филіи не даемъ. Объявите же это и прочтите исправнику. Жду отъ васъ извѣстій. Съ почтеніемъ Ка—скій...»

2) Какая судьба сталкиваетъ васъ съ этою книжною лавчонкой? Имѣемъ нѣсколько филій, а такъ не безпокоятъ никого. Начнутъ, спросятъ и на томъ конецъ, а здѣсь васъ мучатъ, терзаютъ. Можетъ быть какая нибудь личность есть между вами? Я писалъ вамъ, что ходатайствомъ предъ княземъ Ва—вымъ можно было бы повредить себѣ, потому что всѣ обращаютъ вниманіе... Тихо, спокойно и по всѣмъ формамъ закона намъ слѣдуетъ быть. Такъ совѣтую вамъ, и мы такъ дѣлаемъ. Транспортъ

давно вышелъ. Рапорта ожидаемъ. Г—скій и мы любопытствуемъ. Покорный слуга Карлъ Ка—скій.»

При предложеніи отъ 11 мая 1866 г. за № 7708, волынскій губернаторъ прислалъ въ уѣздный судъ найденныя, при обыскѣ, у умершаго уже помѣщика Теодора Бобра, представленныя, его превосходительству, ровенскою военнослѣдственною коммиссіею бумаги:

1) Циркулярный отчетъ общества, подписанный Карломъ Ка—скомъ и Александромъ Г—зой 24 марта 1860 г., начинающійся словами: «Когда не можемъ въ публичномъ отчетѣ увѣдомить о дѣйствіяхъ бывшаго товарищества для изданія книгъ въ Житомірѣ, то обязанность наша сообщить по одиночкѣ уважаемымъ компаніонамъ краткій очеркъ прежняго и настоящаго содержанія товарищества...»

2) Литографированное объявленіе Ка—скаго, Лип—скаго и Г—зы 1 марта 1860 года за № 327. Подъ сдѣланною на оборотѣ этого объявленія подписью рукою Г—скаго, относительно условій удовлетвореній вкладчиковъ, подписался не одинъ Г—скій, какъ на экземплярахъ, посланныхъ другимъ лицамъ, но также Ка—скій, Г—за и Лип—скій.

3) Два билета на *сто* руб. каждый, за №№ 90 и 91, выданные 13 іюня 1860 г. Г—скимъ.

Книги, показанныя во всѣхъ каталогахъ, собранныхъ при обыскахъ, почти всѣ польскія, и главнымъ образомъ имѣютъ содержаніемъ своимъ обычаи и исторію польскіе и руководства для изученія ихъ, написанныя для дѣтей, съ портретами королей и знаменитыхъ людей польскихъ.

Отдѣльный цензоръ, по иностранной цензурѣ, въ г. Кіевѣ, вслѣдствіе требованія уѣзднаго суда выслать въ судъ для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ изъ числа отосланныхъ въ кіевскій цензурный комитетъ запрещенныхъ сочиненій, отзывомъ отъ 27 апрѣля 1866 года за № 62 увѣдомилъ судъ, что «цѣль и направленіе *тайнаго общества*, по его разумѣнію, выражается не въ содержаніи той или другой задержанной у общества запрещенной книги, но въ самомъ фактѣ усиленнаго и до возможности удешевленнаго распространенія польскихъ книгъ въ западныхъ губерніяхъ, потому что этимъ усиленнымъ распространеніемъ польскихъ книгъ, хотя бы и незапрещенныхъ, общество, очевидно, желало какъ можно болѣе распространять въ населенія польскія понятія, чувствованія, стремленія, чтобы поднять и усилить въ умахъ польскую національность, всегда враждебную интересамъ Русскаго государства

и тѣмъ унизить и подавить національность русскую, а черезъ то подготовить живой, горючій матеріалъ для предстоявшаго возмущенія. Держаніе, между прочимъ, запрещенныхъ книгъ, составляютъ здѣсь лишь побочную вину, которою только усиливается, но не выясняется въ своей сущности главный, зловредный замыслъ тайнаго общества.»

Уѣздный судъ поручилъ одному изъ своихъ членовъ, засѣдателю Гр—скому разсмотрѣть находящіяся въ судѣ книги, взятыя изъ книжныхъ магазиновъ, бывшихъ подъ фирмою Г—скаго и представить суду докладъ о содержаніи книгъ и о томъ, какія идеи проводились посредствомъ ихъ въ среду населенія здѣшняго края. Засѣдатель Гр—скій, рапортомъ отъ 6 марта за № 25, донесъ суду, что, вслѣдствіе ознакомленія съ польскими книгами, принадлежавшими *тайному обществу* для продажи по удешевленнымъ цѣнамъ польскихъ и иностранныхъ книгъ, имъ вынесены слѣдующія убѣжденія:

«Общество имѣло обширную цѣль дѣйствовать на всю массу населенія обширной части Имперіи, пропогандируя въ такомъ духѣ, что западная и юго-западная Русь *была, есть и должна быть Польшею.* Средствомъ для того оно избрало печать и ея произведенія. Вслѣдствіе этого, общество и распространяло книги, повидимому, самаго невиннаго содержанія, изъ которыхъ однѣ, напримѣръ, буквари, ечатанные польскими буквами и распространяемые безплатно, въ массахъ народа, въ приходскихъ школахъ, пріучали неграмотный народъ къ польской грамотѣ, а другія, заманчиво дѣйствуя на полуобразованные, зараженные клерикальнымъ ученіемъ умы изображеніемъ жизни стародавней Польши и ея героевъ (напр. Zywot i smierć Jana Tarnowskiego), распаляли оные до дѣятельнаго подражанія. — Эта книжная пропаганда дѣйствовала всесторонне—на всѣ силы души и представляетъ произведенія во всѣхъ родахъ прозы и поэзіи; но она дѣйствовала такъ іезуитски-неуловимо (напримѣръ перепечатывая произведенія авторовъ XVII—XIX вѣковъ, когда особенно возгорѣлась борьба между мірами восточно—славянскимъ и западно—польскимъ), что весьма трудно съ подробностью замѣтить мѣста, рельефно высказывающія эту цѣль, хотя во многихъ мѣстахъ книгъ цѣль эта осязательна, если не очевидна; въ нѣкоторыхъ же книгахъ, напр. въ брошюрѣ: Złota góra, fałszywy król konfederat, особенно въ послѣднемъ расказѣ, польская идея явилась безъ маски и авторъ прямо призываетъ каждаго истаго поляка возстать съ оружіемъ и мстить схизматической Россіи. Большая часть книгъ, принадлежавшихъ обществу,—историческаго содержа-

нія,—но историческаго въ нихъ одна только форма,—содержаніе вообще сфальшивировано и извращено насколько было возможно; все польское хорошо и достойно подражанія. Золотая вольность и разнузданность шляхты на сеймикахъ и сеймахъ, *карабели* и кунтушъ, какъ знаки шляхетскаго достоинства—любимая тема даже современныхъ польскихъ авторовъ, къ нимъ они вздыхаютъ и нарекаютъ на ихъ исчезновеніе, такъ какъ съ отмѣною этихъ особенностей, измельчалъ народъ и погибла доблесть предковъ; разгулъ ничѣмъ не сдерживаемый, вольность, равенство и война противъ орды и Москвы (см. упомянутое сочиненіе Jan Tarnowsky, стр, 36)—идеалъ каждаго поляка, къ которому онъ долженъ стремиться, оставаясь притомъ вѣрнымъ сыномъ латинства и папы».

«По моему крайнему разумѣнію, съ этою цѣлью и печатались, въ дѣйствительности довольно пустыя записки, подобныя Pamiątnikom Jana Chrysotoma Paska — образецъ поляка стараго закала (Starei daty). Тамъ гдѣ дѣло касается русскаго народа, входившаго въ составъ Рѣчи—Посполитой, котораго, при всемъ желаніи польскихъ баснописцевъ нельзя было пройти молчаніемъ, — его религіи и права, допускались всякая неправда и всякіе кривотолки (напр. въ сборникѣ Biblioteka Polska № 173 стр. 183 «Exorbitacya ruska»)—мѣсто полное ругательствъ противъ православія и насмѣшекъ противъ русскаго народа (см. также Серія библіотеки 1859 года стр. 1—38). Объ уніи, этой проказѣ, явившейся сравнительно не очень давно на русскомъ тѣлѣ, польскіе писатели повѣствуютъ съ явною ложью, какъ о дѣлѣ давно существующемъ и въ отличіе отъ истиннаго католичества называютъ православіе схизмою (расколомъ). Въ такомъ духѣ разсѣяны по разнымъ мѣстамъ книги «Общества», проповѣди и полемическія сочиненія разныхъ ксендзовъ, придворныхъ королевскихъ проповѣдниковъ (напр. Бирковскаго, современника Сигизмунда III). На плоды этихъ плевелъ искусно, скрытно и исподоволь разсѣваемыхъ между народонаселеніемъ западной и югозападной Руси, и расчитывали коноводы того дѣла, которое, начавшись, повидимому безкорыстнымъ служеніемъ народу, съ цѣлью его просвѣщенія и развитія, окончилось вооруженнымъ мятежомъ, показавъ, что только преждевременная вспышка не дала созрѣть и окрѣпнуть дѣлу, задуманному въ польско-латинской головѣ ксендза и проводимому съ такою настойчивостью и махіавелизмомъ руками шляхты».

Приведенный докладъ, въ которомъ кратко, но вѣрно обрисовывается дѣятельность, намѣренія и направленіе «Тайнаго обще-

ства» тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего вниманія, что написанъ полякомъ, котораго никакъ нельзя заподозрить въ ненависти къ своимъ единовѣрцамъ.—Г. Гр—скій не скрываетъ правды и разоблачаетъ предъ судомъ всѣ явные и тайные замыслы общества.

II.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПРИГОТОВЛЕНІЙ КЪ ВОЗСТАНІЮ.

Народные учители.

Приготовленія къ открытому возстанію въ нашей губерніи, начались пѣніемъ патріотическихъ гимновъ, ношеніемъ траура, условныхъ знаковъ, въ видѣ черныхъ браслетовъ, бѣлыхъ крестиковъ, одноглавыхъ орликовъ, распространеніемъ польской цивилизаціи между крестьянскимъ людомъ и т. п. Тогдашнее начальство наше, состоявшее, большею частью, изъ одной только шляхты, весьма снисходительно смотрѣло на эти ребяческія игрушки и добродушно улыбалось, когда высшая администрація стала энергически требовать не допускать подобныхъ демонстрацій *). Тре-

*] Не лишнимъ считаемъ припомнить читателю какой вопль подымали поляки, во всѣхъ европейсъихъ газетахъ, противъ русскаго правительства, преслѣдующаго ихъ за ношеніе черныхъ платьевъ и разныхъ символическихъ знаковъ, неимѣвшихъ, по ихъ словамъ, никакого политическаго значенія. Европейскія газеты кричали, что мочи есть, противъ нашего варварства, хотя внутренно и убѣждены были, что всѣ внѣшніе отличительные знаки имѣютъ важное политическое значеніе въ глазахъ поляковъ. Для подтвержденія нашихъ словъ, мы выпишемъ одно мѣсто изъ письма нѣкоего Александра Д—цкаго, сосланнаго въ Тамбовъ, къ своему родственнику въ Кіевъ, студенту университета св. Владиміра. «Ты пишешь, говоритъ онъ между прочимъ въ этомъ письмѣ, что не знаешь хорошенькія ли только женщины одѣваются въ Кіевѣ въ черное, или же это всѣ польки такъ хороши. На это я отвѣчу такъ: что польки хороши это безспорно, но прими въ соображеніе, «что черный цвѣтъ у насъ не мода, а трауръ.» Чувство, подъ вліяніемъ котораго надѣтъ трауръ-чувство возвышенное, гораздо выше простаго удовлетворенія требованіямъ приличій; оно выразилось не въ одной лишь перемѣнѣ наряда,—оно заставило мыслить, углубиться въ самихъ себя, быть готовымъ на жертвы, забыть наряды, увеселенія и кукольныя занятія, и обратило умъ къ предметамъ болѣе серьезнымъ. Неужели же подобная перемѣна не отразится въ физіономіи, въ выраженіи лица, не облагородитъ черты даже менѣе прекрасныя такъ что, глядя на нихъ, мы не станемъ спрашивать себя отвѣчаютъ ли эти черты условіямъ классиче-

бованія высшаго начальства исполнялись только на бумагѣ, а польская работа продолжалась, безпрепятственно, дальше. Да и мудрено было справляться такимъ сонмомъ агитаторовъ, выросшихъ и окрѣпшихъ впродолженіи *тридцати* лѣтъ, распространившихся по всему нашему краю и опутавшихъ своими сѣтями всѣхъ и каждаго.

Въ 1863 году, польскій жондъ былъ уже въ нашей губерніи, въ полной силѣ, и агенты его дружно работали надъ возстановленіемъ Рѣчи—Посполитой. Весьма дѣятельныхъ агентовъ, жондъ нашелъ въ польскихъ студентахъ университета св. Владиміра. Изъ среды этихъ молодыхъ, ослѣпленныхъ фанатиковъ вербовались и въ шайки, и въ составители, и распространители разныхъ прокламацій и золотыхъ грамотъ, а преимущественно въ народные учители. Нужно замѣтить, что такъ называемая бѣлая партія, къ которой принадлежала большая часть студентовъ, воспротивлялась открытому мятежу. Главное стремленіе этой партіи, имѣвшей болѣе правильный взглядъ на вещи, чѣмъ другіе польскіе пропагандисты, состояло преимущественно въ томъ, чтобы примирять поляковъ съ здѣшнимъ крестьянскимъ населеніемъ, которое, какъ всѣмъ извѣстно, угнетали прежде безчеловѣчно. Чтобы устранить враждебныя отношенія, искони существовавшія между русскимъ народомъ и польскимъ населеніемъ здѣшняго края, упомянутая партія считала за самое лучшее образовать крестьянъ въ враждебномъ правительству духѣ. Съ этой цѣлью члены ея, при образованіи крестьянъ, отвергали русскій языкъ и примкнули къ такъ называемой *Кулишовкѣ* **) Составлялись на малороссійскомъ нарѣчіи буквари, въ которыхъ весьма искусно проводилась мысль, что крестьяне и шляхта должны жить дружно между собою, по-

---

ской красоты, но невольно преклонишь колѣна предъ душевною красотою, пробивающеюся изъ подъ траурной тѣни чувствительнаго лица. Неудивительно, если нарядъ, въ одну почти минуту, принятый цѣлымъ обширнымъ краемъ, находящимся въ сердцѣ Европы, нарядъ, оказавшій такое вліяніе и сдѣлавшійся такою могучею силою, нашелъ подражаніе и на западѣ! Но тамъ онъ уже явился какъ мода—и потому можно поручиться, что тамъ онъ ни чьей красоты не возвыситъ.»

**) Первую мысль объ образованіи нашихъ крестьянъ на особомъ, малороссійскомъ нарѣчіи подалъ г. Кулишъ. Мы никакъ не подозрѣваемъ г. Кулиша, особенно послѣ недавняго, гласнаго отреченія отъ Кулишовки, въ какихъ нибудь связахъ съ польскими агитаторами, но признаемъ его направленіе, при самыхъ лучшихъ результатахъ, совершенно неправильнымъ. При образованіи русскихъ гражданъ, какого бы нарѣчія ни придерживались, слѣдуетъ употреблять одинъ русскій языкъ, общій литературѣ и государственной администраціи. Образовать часть гражданъ на особомъ нарѣчіи, значитъ составить изъ нихъ особую корпорацію въ государствѣ.

давать другъ другу руку помощи и работать собща для одной и той-же цѣли *). Ходили эмиссары по деревнямъ и вразумляли народъ устно или посредствомъ печатнаго слова, что нашъ край есть искони край польскій, что людямъ *колысьто* было очень хорошо, но съ тѣхъ поръ, какъ край этотъ подпалъ подъ власть *москалей*, то *всимъ на свити гирько стало*. Крестьяне наши, не смотря на свою неразвитость, не поддавались медоточивымъ рѣчамъ этихъ непрошенныхъ благодѣтелей и хорошо понимали, что своею свободою, своимъ лучшимъ положеніемъ они обязаны единственно своему законному русскому Царю, и только одинъ русскій Царь и одно русское, законное правитльство въ состояніи ихъ защищать противъ всѣхъ козней пановъ. Бѣлая партія никогда не останавливалась при первой неудачѣ: она хорошо понимала, что сразу нельзя побѣдить непреклоннаго въ преданности, нашего мужичка, а всеобщаго народнаго возстанія можно достигнуть только долгимъ трудомъ, терпѣніемъ и постоянною, безостановочною работою. Чтобы пріобрѣсть расположеніе крестьянъ, эта партія подлаживалась подъ ихъ тонъ и заискивала даже ихъ братства **).

---

*) При допросѣ одного политическаго преступника, студента Р—цкаго, съ какою цѣлью онъ писалъ статью подъ заглавіемъ: «Якъ люде живутъ межъ нами,» упомянутый Р—цкій даетъ, въ показаніяхъ слѣдующій отвѣтъ: «Въ статьѣ этой я старался парализировать враждебное отношеніе и враждебныя чувства крестьянскаго населенія къ полякамъ, объясняя, что причиною этой вражды—зависть къ владѣющему землею неимѣющаго собственности въ землѣ, — и затѣмъ, что поляковъ владѣльцевъ въ Волынской губерніи менѣе гораздо нежели тѣхъ, которые менѣе обезпечены, нежели сами крестьяне.»— Тотъ же г. Р—цкій говорить дальше въ своихъ отвѣтахъ слѣдующее: «Статья, назначавшаяся въ польскую газету, заключаетъ въ себѣ замѣтку по поводу вызванной эмансипаціею крестьянъ потребности колонизація нѣмцами здѣшняго края. Въ этой статьѣ я указываю на возможность удовлетворить этой потребности помощью вызванія шляхты, обитающей нынѣ въ лѣсахъ, къ земледѣльческимъ занятіямъ. При чемъ говорю, что эта мѣра имѣла бы благія послѣдствія для шляхты, поднимая ее изъ этой жалкой, въ нравственномъ и физическомъ отношеніи, среды, въ какой она находится нынѣ, и для благосостоянія края и его тишины; ибо крестьяне, видя, что поляки, здѣсь живущіе не только богатые и знатные, но есть и бѣдные между ними, такимъ образомъ они менѣе проникнуты были бы ненавистью къ полякамъ. Конечно здѣсь нѣтъ, прибавляетъ г. Р—цкій никакихъ политическихъ стремленій.»

**] Въ упомянутомъ нами письмѣ сосланнаго Д—цкаго находимъ слѣдующее мѣсто одной пѣсни, пропѣтой на какомъ—то вечерѣ:

Но будемъ мы нынѣ всѣ..... Волынякамя,
Но будемъ мы нынѣ всѣ..... Волынякамя,
Вмѣстѣ съ хлопами, даже съ жидами!
Вмѣстѣ съ хлопами, даже съ жидами!....

Благодаря бездѣйствію, или лучше сказать покровительству шляхетнаго чиновничества, бѣлая партія росла, окрѣпла и приносила тѣ горькіе плоды, для уничтоженія которыхъ требуется уже неимовѣрныхъ усилій. Если бы наше чиновничество тогдашняго времени исполняло свой долгъ честно и добросовѣстно, то было бы, вѣроятно, гораздо меньше несчастныхъ жертвъ—многіе ослѣпленные возвратились бы, быть можетъ, на путь истины, а главное зло было бы вырвано съ корнемъ и не оставляло бы тѣхъ вредныхъ семянъ, за всходы которыхъ можно еще опасаться въ будущемъ.

Изъ множества подземныхъ приготовленій къ послѣднему *повстанью* въ нашей губерніи, разскажемъ теперь слѣдующій случай:

12 апрѣля 1863 года студенты университета св. Владиміра Р—цкій и С—кій разбужены были, рано утромъ, отъ сладкаго сна, кіевскою полиціею, приходившею, по приказанію высшаго начальства, для произведенія обыска. При этомъ обыскѣ, у означенныхъ студентовъ, найдены были, кромѣ непропущенныхъ цензурою польскихъ книгъ, многіе предметы возмутительнаго содержанія, какъ—то: разные условные польскіе знаки, возмутительныя возванія къ русскому народу, фотографическіе снимки мятежническаго лагеря въ лѣсу, готовые пистолетные заряды, рукописи на малороссійскомъ языкѣ, предназначавшіяся для распространенія въ народѣ, переписка съ мятежниками, письма весьма возмутительнаго содержанія и другія разныя разности.

Этотъ нечаянный обыскъ, сдѣланный въ Кіевѣ на квартирѣ упомянутыхъ студентовъ, работавшихъ, вѣроятно, спокойно, довольно долго, надъ возстановленіемъ Польши, былъ только дѣломъ случая и неосторожности одного агента подземнаго жонда, отправившагося въ Житоміръ, вѣроятно, съ важнымъ порученіемъ. Дѣло это началось слѣдующимъ образомъ:

Смотритель станишанской почтовой станціи (Радомысльскаго уѣзда, Кіев. губ.) представилъ 9 апрѣля мѣстному становому приставу переписку, найденную сторожемъ станціи, утромъ того числа, въ комнатѣ, которую занималъ проѣзжающій изъ Кіева въ Житоміръ дворянинъ Эдмундъ П—скій. Въ перепискѣ этой оказалось: а) Письмо къ родителямъ, писанное карандашемъ, содержащимся въ кіевской крѣпости, задержаннымъ въ Радомысльскомъ уѣздѣ І. М., прикосновеннымъ къ дѣлу о приготовленіи пороха. Въ письмѣ этомъ, М. описываетъ родителямъ поводъ задержанія его, мѣсто заключенія, какъ содержатъ его и выражаетъ просьбу объ уничтоженіи переписки и книгъ, какія могли бы его компрометировать. Изъ письма видно, что оно передается черезъ пріятеля. б) Замѣтка о числѣ войскъ въ Кіевѣ и другихъ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ Кіевской губерніи. в) Замѣтка о числѣ

мировыхъ посредниковъ, волостей, помѣщиковъ, селеній и крестьянъ въ той же губерніи. г) Билетикъ величиною въ визитную карточку, въ которомъ напечатано по польски: «предъявителя настоящаго уполномочиваемъ собирать донесенія и вѣрныя свѣденія о распоряженіяхъ въ имени нашемъ.» Внизу подпись: «Губернское Кіевское Управленіе» и буква К., а на сторонѣ накопченная печать, въ видѣ треугольника, и кромѣ того, на трехъ лоскуткахъ почтовой бумаги, на которыхъ сдѣланы означенныя выше замѣтки, приложено пять такихъ же печатей.

По полученіи этой переписки, становой приставъ немедленно отправился по слѣдамъ П—скаго въ Житоміръ, но онъ успѣлъ скрыться. Одновременно съ розысками въ Житомірѣ, на квартирѣ чиновника Г—чко и студента П—скаго, у которыхъ остановился упомянутый агентъ, произведены были обыски въ Кіевѣ у упомянутыхъ нами двухъ студентовъ, откуда П—скій выѣхалъ. У упомянутыхъ студентовъ, какъ мы расказали выше, найдены были всѣ улики о принадлежности ихъ къ мятежу и эти студенты, какъ видно изъ дѣла и найденныхъ у нихъ бумагъ, назначались жондомъ въ народные учители.

Изъ дѣла, изъ котораго выписываемъ настоящую замѣтку видно, что нѣкоторые преступники были дѣйствительно открыты и преданы въ руки правосудія, но многіе злоумышленники, по недобросовѣстности нѣкоторыхъ служащихъ тогда лицъ, ускользнули отъ заслуженной тогда кары, и до сихъ поръ пропали безслѣдно.

Житомирскія безпорядки 1861 года, по свѣдѣніямъ изъ офиціальныхъ источниковъ.

Съ окончаніемъ статьи о «недавно минувшемъ Волыни», считаемъ кстати прибавить замѣтку о революціонныхъ манифестаціяхъ *), или о попыткахъ къ нимъ, происходившихъ въ Житомирѣ, во время послѣдняго польскаго мятежа.

Происходившія въ Варшавѣ революціонныя манифестаціи—предвѣстники вооруженнаго мятежа, нашли отголосокъ въ средѣ польскаго населенія Житоміра. Всѣ замыслы въ извѣстномъ родѣ, начиная отъ распѣваній пресловутыхъ гимновъ въ костелахъ, до свиста и битья оконъ въ квартирахъ русскихъ чиновниковъ,—повторились и здѣсь, хотя не въ такихъ размѣрахъ и не съ та-

---

* О которыхъ авторъ предшедствовавшихъ статей, упомянулъ лишь вообще.

кою отвагою. Если вѣрить преданію, то были окна и на Волыни, но по словамъ того же преданія, такого побоища оконъ какъ въ Варшавѣ, въ Житомірѣ не было. Пропускаемъ мелочи; обратимся къ фактамъ болѣе серьезнымъ.

Самою крупною и притомъ самою бурною манифестаціей, изъ происходившихъ въ Житомірѣ, можно назвать ту, въ которой главную роль играла постановка креста на площади, и которую по этому избираемъ предметомъ настоящей статьи. Но прежде чѣмъ начнемъ говорить объ этомъ, нельзя обойти предшествовавшихъ событій, хотя въ этомъ случаѣ, пришлось бы повторять, можетъ быть, уже извѣстное читателямъ, изъ разныхъ періодическихъ изданій.

Первое проявленіе такихъ манифестацій произошло въ началѣ 1861-го года. Въ этомъ году 15-го января первый разъ появились въ Житомирѣ возмутительныя объявленія, наклеенныя на заборахъ и фонарныхъ столбахъ, содержавшія въ себѣ запрещеніе полякамъ бывать на вечерахъ и балахъ до возстановленія Польши. Запрещеніе это большинствомъ поляковъ, строго соблюдалось во все время мятежнаго періода, а нѣкоторыми даже и послѣ онаго.

25-го февраля, въ костелѣ р. католической семинаріи была отслужена революціонная панихида, въ память пяти убитыхъ въ Варшавѣ, изъ толпы участвовавшихъ въ буйной демонстраціи 15 (27) февраля. Всѣ присутствовавшіе на этой панихидѣ женщины были въ глубокомъ траурѣ; послѣ панихиды, ксендзомъ объявлено, что она совершена «за убитыхъ для блага отечества.»

9-го марта на всѣхъ углахъ улицъ появились объявленія о томъ что на слѣдующій день, въ 10-ть часовъ утра, въ каѳедральномъ костелѣ будетъ отслужена панихида за соотечественниковъ, погибшихъ на улицахъ Варшавы 15-го (27) февраля. Въ назначенное время совершена была панихида и обѣдня. Въ служеніи участвовало все латинское духовенство, за исключеніемъ епископа, сказавшагося въ этотъ день больнымъ; посѣтителей находилось болѣе трехъ тысячь; музыканты и пѣвчіе на хорахъ, мущины съ крепомъ на лѣвомъ рукавѣ, а женщины въ креповыхъ вуаляхъ и въ платьяхъ обшитыхъ въ два ряда плерезами,—словомъ все было пущено въ ходъ, чтобы манифестаціи этой придать какъ можно болѣе великолѣпія и трогательнаго впечатлѣнія. По серединѣ костела на полу посланъ былъ кусокъ черного сукна, съ вышитымъ на немъ крестомъ *), на которомъ лежалъ огромный лавровый вѣнокъ; шесть человѣкъ съ зажженными въ рукахъ свѣчами окружали сукно; во время чтенія евангелія, и

*) Сукно это служило замѣною катафалка, устраиваемаго въ костелахъ при панихидахъ; ибо въ этотъ разъ епископъ не разрѣшилъ устройства катафалка.

освященія даровъ сукно съ вѣнкомъ поднимали вверхъ. Во время, чтенія евангелія, когда сукно съ вѣнкомъ было поднято вверхъ, одинъ изъ находившихся близь сукна вскричалъ: «кто полякъ, тотъ подниметъ руку»;—всѣ подняли руки.

При входѣ въ костелъ сидѣли шесть женщинъ *) для сбора денегъ въ пользу семействъ, убитыхъ въ Варшавѣ. Ассистенты, находившіеся при сборщицахъ, поочередно провозглашали: «сборъ для семействъ нашихъ братьевъ, убитыхъ (zamordowanych) въ Варшавѣ.» Эти ассистенты къ плечу каждаго давшаго деньги прикалывали траурную кокарду; а женщинамъ, кромѣ кокардъ, раздавали свѣчи, украшенныя бантами изъ черныхъ лентъ; тѣмъ же, кои не давали денегъ, можетъ быть, потому что не имѣли ихъ при себѣ, отвѣчали грубыми оскорбленіями. Сборщицы, кромѣ денегъ, принимали и цѣнныя вещи: серги, браслеты, кольца, часы и проч. Кромѣ сборщицъ, при входѣ, и около костела, для соблюденія полицейскаго порядка, были поставлены ученики гимназіи и рабочіе двухъ житомирскихъ типографій, подъ начальствомъ нѣсколькихъ помѣщиковъ. Главными распорядителями торжества были губернскій и уѣздный предводители дворянства, нѣсколько дворянъ, содержатели двухъ типографій и одинъ портной, игравшій въ началѣ манифестацій значительную роль.

Въ этотъ день первый разъ въ Житомирѣ, въ костелѣ (когда по окончаніи паннихиды духовенство удалилось въ разницу), хоромъ пѣвчихъ и большею частью находившихся въ костелѣ, при звукахъ органа, была пропѣта извѣстная національная пѣснь: Boże coś Polskę.

Большая часть магазиновъ и лавокъ, коихъ хозяева были р. католики, были заперты съ утра и до окончанія паннахиды.

Со времени этой манифестаціи, началось въ Житомирѣ ношеніе траура и старинныхъ костюмовъ: контушей, чамарокъ, конфедератокъ, а также разныхъ революціонныхъ знаковъ въ видѣ сломанныхъ крестовъ, одноглавыхъ орловъ, колецъ и серегъ съ разными надписями.

23-го апрѣля, въ первый день Пасхи, пѣніе революціонныхъ гимновъ возобновилось; во время литургіи въ ту минуту, когда освящали дары, нѣсколько поляковъ, составивъ группу по серединѣ костела, запѣли революціонный гимнъ, прочіе изъ бывшихъ въ костелѣ, подумавъ не много, также запѣли.

Полиція не знала о многихъ случаяхъ пѣнія; въ уѣздахъ происходили подобнаго же рода демонстраціи. Такъ какъ мѣстная полиція не находила средствъ прекратить оныя, то это обрати-

* Двѣ—жены губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства,—три жены дворянъ и наконецъ жена одного портнаго.

ло вниманіе высшаго правительства, вслѣдствіе чего, указомъ сената 9-го августа 1861 г., были объявлены правила объ учрежденіи въ западныхъ губерніяхъ полицейскихъ судовъ. Воспрещалось: публичное пѣніе гимновъ и пѣсень, выражающихъ противу—правительственныя стремленія; публичное ношеніе условныхъ знаковъ; публичныя денежныя складки и сборы безъ предварительнаго разрѣшенія полиціи; нанесеніе оскорбленій и причиненіе угрозъ лицамъ, не желающимъ участвовать въ вышеозначенныхъ заявленіяхъ и, наконецъ, всякое оказаніе неуваженія или противудѣйствія и тѣмъ болѣе оскорбленій должностнымъ лицамъ, обязаннымъ предупреждать нарушенія законнаго порядка. Въ наказаніе за неисполненіе этихъ правилъ опредѣлены денежные штрафы или аресты. Полицейскіе суды были учреждены при нѣкоторыхъ уѣздныхъ судахъ (на Волыни: въ Житомирѣ и Дубнѣ), подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ судей; приговоры предписывалось исполнять въ семидневной срокъ; такой же срокъ назначался для принесенія аппеляціи въ судъ 2-й степени, учрежденный въ Кіевѣ. Учрежденіе подобныхъ судовъ, безъ всякаго сомнѣнія, могло бы принести огромную пользу, если бы въ числѣ судей, засѣдателей, стряпчихъ и другихъ должностныхъ лицъ того времени, не находилось поляковъ—католиковъ.

Теперь мы дошли, до времени проявленія самой бурной манифестаціи—именно до дѣла съ «крестомъ.»

На основаніи офиціальныхъ данныхъ, которыя были у насъ подъ рукою, это курьозное дѣло происходило такъ:

Послѣ послѣдней манифестаціи, казалось, все стихло и въ Житомирѣ, по наружному виду, все было спокойно, какъ вдругъ разразилась новая манифестація, въ которой, какъ увидимъ ниже, женское католическое населеніе города принимало самое дѣятельное участіе. Въ ночь съ 21 на 22 сентября, на соборной городской площади оказался поставленнымъ деревянный, окрашенный черною краскою крестъ, выш. въ 5½ арш., украшенный цвѣтами и съ надписью бѣлыми литерами: „Pamiątka za zamordowannych w Warszawie 1861 roku *). Кѣмъ былъ поставленъ крестъ, никто не зналъ и не замѣтилъ; его замѣтили только случайно, съ разсвѣтомъ и дали знать полиціи. Начальство распорядилось тотчасъ же вырыть крестъ изъ земли и отнести въ сарай, гдѣ хранились пожарные инструменты, а потомъ и въ присутствіе полиціи.

Въ этотъ день въ городѣ видно было особенное движеніе, выходящее изъ круга обыкновенной жизни, что заставляло предполагать, что поставленіе креста для многихъ не было тайною и должно было вызвать новую манифестацію, тѣмъ болѣе, что въ

этотъ же день, утромъ, въ костелѣ семинаріи былъ пропѣтъ революціонный гимнъ.

Съ полудня въ городѣ началось еще большее снованье по улицамъ въ экипажахъ и пѣшкомъ, особенно женщинъ одѣтыхъ въ глубокій трауръ; болѣе всего народа находилось около костела, двери коего, противъ обыкновенія, были заперты. Въ три часа женская процессія направилась къ каѳедральному костелу; остановясь въ оградѣ и отправивъ депутацію къ епископу, нѣсколько женщинъ вошли въ костелъ, вѣроятно, для обсужденія своего предпріятія. Нѣкоторые изъ мущинъ хотѣли за ними послѣдовать, но не были впущены въ костелъ стоявшими при входѣ гимназистами, которые объявили, что входъ мущинамъ воспрещается. Мы упоминаемъ объ этомъ для того, чтобы читатель видѣлъ, что въ манифестаціи этого дня мущины уступили женщинамъ главныя роли. Цѣль женской депутаціи заключалась въ томъ, чтобы уговорить епископа сопутствовать ей къ губернатору и собща требовать возврата креста. Епископъ совершенно отказался, но уступая дерзостямъ нѣкоторыхъ личностей, обѣщался переговорить объ этомъ съ губернаторомъ въ другое, болѣе удобное время.

Толпа, получивъ непредвидѣнный отвѣтъ отъ епископа, послѣ недолгаго совѣщанія, направилась къ дому губернатора; процессія эта, по мѣрѣ слѣдованія, увеличившаяся примѣрно до тысячи человѣкъ, подошла къ самому дому и (какъ сказано въ одномъ офиціальномъ документѣ): «требуя объясненія съ губернаторомъ; послѣ чего, по предложенію послѣдняго, переданному чрезъ полиціймейстера, три женщины, войдя къ губернатору, объяснили, что какъ крестъ снятый полиціею, былъ поставленъ по общему желанію вѣрующихъ католиковъ, въ память павшихъ въ Варшавѣ въ 1861 году, то они просятъ возвратить его. Губернаторъ отказалъ этой просьбѣ и какъ, между тѣмъ, толпа увеличивалась и слышны были свистки, то онъ приказалъ вывести на мѣсто происшествія жандармскую команду и одну роту мѣстнаго батальона внутренней стражи, послѣ чего толпа очистила площадь и была разсѣяна жандармами.» Самовидцы увѣряютъ, что, при появленіи жандармовъ, толпа усердныхъ католиковъ разбѣжалась *очень поспѣшно*.

Послѣ всѣхъ сказанныхъ безпорядковъ, полиціймейстеръ донесъ, что въ демонстраціи 21 сентября и въ пѣніи противу—правительственныхъ гимновъ принималъ дѣятельное участіе помѣщикъ Еловицкій, который и былъ преданъ военному суду по полевому уголовному уложенію.

Слѣдствіе раскрыло, что Еловицкій виновенъ въ личномъ приготовленіи и постановленіи креста, пѣніи противу—правительственныхъ гимновъ, въ подстрекательствѣ женщинъ къ требованію воз-

врата креста и прочее, и, что во всемъ этомъ принимали участіе и другія лица, которыя также не избѣгли суда.

Еловицкій сосланъ по поселеніе въ Сибирь, куда, *по уваженію* къ его преклоннымъ лѣтамъ (ему было 55 лѣтъ), было высшею мѣстною властію разрѣшено отправиться не по этапу, а на почтовыхъ, съ жандармами.

III.

ПО ПОВОДУ

ВЫНЕСЕННЫХЪ ИЗЪ КАНДИТЕРСКОЙ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

Мы должны начать съ Шпора, виденскаго кандитера, потому что «Впечатлѣнія», заставившія насъ теперь взяться за перо, вынесены изъ его именно кандитерской.

Какой - то господинъ, или егомосць, называющій себя «*Русскимъ*», такъ занятъ въ концѣ года (особенно) разными дѣлами, что никакъ не можетъ миновать Шпора, у котораго онъ тоже сидитъ, вѣроятно, *не безъ дѣла*. Такая ужъ широкая и дѣловая натура у *Русскаго*,—коли дѣлать, такъ дѣлать все и вездѣ. Возвратившись однажды отъ Шпора съ особенною воспріимчивостью для разнородныхъ впечатлѣній, нашъ *Русскій* начинаетъ мечтать (а дѣла ?). Воображеніе его быстро переносится съ предмета на предметъ,—отъ Клары и Маргариты къ «Вѣстнику западной Россіи», отъ него—къ Кивайлѣ, отъ Кивайлы къ Швабіи, отъ Швабіи къ рюмкамъ и нейтральности, отъ рюмокъ къ корреспондентамъ «Голоса», отъ нихъ къ Фальстафамъ и Тартюфамъ, отъ послѣднихъ къ объявленію о продолженіи изданія «Вѣстника западной Россіи».

Тутъ воображеніе *Русскаго* опустило крылья—или потому, что умыкалось, или потому, что «Вѣстникъ западной Россіи» составляетъ *любимую* мечту *Русскаго*, его конекъ, его слабость. Какъ бы то ни было, только, добравшись до «Вѣстника западной Россіи», *Русскій* начинаетъ подбирать всѣ крѣпкія слова, какія можно и какихъ нельзя найдти въ русскомъ лексиконѣ и, съ неслыханнымъ въ нашей даже безцеремонной прессѣ цинизмомъ, — швырять

ими въ своего врага. Въ этой номенклатурѣ вы найдете и : «безпорядочный, безтолковый, безграмотный, тряпье, хламъ, наборъ макулатуры, пустая трата бумаги, пустота содержанія, дуракъ, безсмыслица» (*) и проч., — менѣе крупныя нѣжности оставляемъ безъ вниманія. Все это словоизверженіе, отъ котораго, должно быть, краснѣли не только наборщики, но и буквы, которыми оно осуществлялось,—умѣстилось на столбцахъ той газеты, которая претендуетъ на аристократизмъ и въ которой однажды мы и другіе русскіе люди, призванные въ сѣверо-западный край, названы (тѣмъ же *Русскимъ*) «сволочью, сумасбродными изувѣрами» и другими, не менѣе *ласкательными* именами (№ 91).

При такой обстановкѣ полемики *Русскаго*, и мы не можемъ, не должны удерживаться если не отъ ругательныхъ словъ, составляющихъ безраздѣльную его собственность, то хоть отъ рельефныхъ и неравнодушныхъ сближеній, сопоставленій, вызываемыхъ не местью, запальчивостью, а желаніемъ сообщить рисунку надлежащій колоритъ и объяснить инициативу болѣе дикихъ выходокъ *Русскаго*. Насколько то возможно, будемъ слѣдить за видѣніями нашего *друга* въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ проходили чрезъ его разгоряченную голову.

Прежде всего *Русскій* накинулся на слово «миссія», встрѣченное имъ на первыхъ строкахъ объявленія. Вы, говоритъ, сякой-такой г. Говорскій, съ вашимъ сякимъ-такимъ журналомъ,претендуете па миссію? Да, г. *Русскій*, и претендуемъ не даромъ. Слово миссія, да будетъ вамъ извѣстно, значитъ посольство, иногда—нравственное служеніе вообще и провозвѣстіе истинъ евангелія вчастности. При такомъ понятіи о миссіи, всякій человѣкъ, нравственно служащій вѣрѣ, царю и отечеству, проходитъ, такъ или иначе, такую или иную, миссію. Мы такъ счастливы, что къ нашему служенію легко примѣняются всѣ вышеизложенныя понятія о миссіи. Наша миссія, прежде всего, есть посольство, такъ какъ мы призваны сюда на посильное служеніе Россіи и православію тѣмъ, кто считалъ для нихъ нашу миссію полезною. Для тѣхъ, кто

(*) 144 № „Вѣсти."

незнакомъ съ ходомъ обстоятельствъ нашего переселенія изъ Кіева въ Вильну, повторимъ одну тираду, помѣщенную нами въ 12 книжкѣ «Вѣстника» за 1866 годъ, по случаю кончины графа М. Н. Муравьева. На 339 и 340 страницахъ IV отдѣла мы читаемъ: «Вдыхая русскую жизнь въ страну ополяченную и олатиненную, графъ Муравьевъ счелъ нужнымъ призвать и насъ къ посильной дѣятельности на пользу области, ввѣренной его правленію. Довѣріе къ покойному графу, жажда новой дѣятельности, при новой обстановкѣ, заставили насъ безъ раздумья покинуть страну (прибавимъ: и должности), столь счастливую въ климатическомъ, экономическомъ и нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, какъ Кіевъ.... Мы знаемъ и никогда не забудемъ того, что дѣло наше крѣпко приходилось по мысли и сердцу покойному графу Муравьеву. Теперь, когда обоюдная скромность не препятствуетъ искренности заявленія подлинныхъ ощущеній, когда уста, изрекшія намъ слово одобренія и ободренія, запечатлѣны смертію, мы считаемъ долгомъ признательности подѣлиться этимъ словомъ съ нашими читателями. Вотъ что писалъ изъ Петербурга (*) въ Кіевъ Михаилъ Николаевичъ редакціи «Вѣстника западной Россіи»: Мнѣ весьма пріятно пожелать, чтобъ издаваемый ими (редакторами) журналъ,—*первый* изъ нашихъ журналовъ, открыто и благородно вступившій въ борьбу съ врагами Россіи и обличающій постоянно обманъ и ложь, на которыхъ крамольное польское племя основываетъ свои противозаконныя притязанія на нарушеніе цѣлости и единства любезнаго нашего отечества,—чтобы журналъ этотъ и на будущее время продолжалъ такъ же честно и успѣшно трудиться на пользу православія и русской народности». Болѣе компетентнаго судьи нашей дѣятельности, чѣмъ графъ Муравьевъ, нѣтъ во всей Россіи; болѣе, потому, лестной и незабвенной аттестаціи нашему труду мы не смѣемъ и желать. Эта аттестація есть лучшая награда наша (злость и брань враговъ — тожъ), есть источникъ той бодрости, въ которой мы часто нуждались на опасномъ и тернистомъ пути нашемъ, — той вѣры въ себя, въ пользу нашего дѣла, которая порой, при реакціи вра-

(*) 14 мая 1864 года, за № 6,306.

говъ и *лжебратій* (*), изсякала въ нашемъ скорбномъ духѣ».

Чрезъ три мѣсяца послѣ полученія редакціей «Вѣстника западной Россіи» вышеприведеннаго отзыва покойнаго гр. Муравьева, редакція получила отъ него оффиціальное (по начальству) приглашеніе къ переселенію въ Вильну, обставленное самыми заманчивыми условіями **), гарантировавшими на новосельи изданіе и издателей, и самою лестною для перваго и послѣднихъ характеристикой, мотивы которой состояли въ болѣе широкомъ развитіи темы вышеприведеннаго отзыва и въ уясненіи пользы и необходимости нашей миссіи въ Вильнѣ. Разныя причины поставляютъ насъ въ невозможность предать гласности этотъ, лестный для насъ документъ. Слѣдовательно люди — поавторитетнѣе какого-то *Русскаго*—разошлись съ нимъ нѣсколько въ оцѣнкѣ миссіи «Вѣстника западной Россіи».

Для аттестаціи нашей дѣятельности достаточно было бы и одного мнѣнія о ней покойнаго графа Муравьева; но это не единственная личность, которая отнеслась къ этой дѣятельности съ лестнымъ для дѣятелей словомъ одобренія и ободренія. Желая уяснить пользу, какую можетъ доставить для духовно-учебныхъ заведеній изученіе ихъ питомцами «Вѣстника западной Россіи», особенно въ западной Россіи,— конференція московской академіи, отъ 11 октября 1866 г., за № 67, вошла въ бывшее духовно - учебное управленіе съ отзывомъ, въ которомъ доказала важность и значеніе для современной эпохи каждаго отдѣла журнала, не забывъ даже и перепечатокъ изъ газетъ и журналовъ, къ которымъ такъ презрительно отнесся *г. Русскій*, и на которыя ученая конгрегація взглянула болѣе просвѣщеннымъ и гуманнымъ окомъ. Наша скромность, обширность отзыва ученой конгрегаціи, равно и то, что онъ писанъ не для публики, даже не для насъ, лишаютъ насъ удовольствія подѣлиться съ читающею публикою и этимъ документомъ. Итакъ, и корпорація того высшаго учебнаго заведенія,

(*) *Русскому* не мѣшаетъ прочитать и пріобщить къ свѣденію дальнѣйшую тираду, въ той же статьѣ „*о лжебратіяхъ.*"

**) Между прочимъ—принять на себя и редакцію „Виленск. Вѣстника."

въ главѣ котораго стоитъ самый компетентный судья нашей дѣятельности, тоже разошлась съ какимъ-то *Русскимъ* въ оцѣнкѣ миссіи «Вѣстника западной Россіи».

Сознавая пользу распространенія нашего изданія и въ тоже время—недостаточность матеріальныхъ средствъ, какими могутъ располагать свободно присутственныя мѣста западной Россіи, министерство внутреннихъ дѣлъ выписываетъ для нихъ ежегодно 200 экземпляровъ Вѣстника,—для сѣверо-западнаго и столько же для юго-западнаго края, а св. Сѵнодъ, по тѣмъ же причинамъ, пріобрѣтаетъ ежегодно по 207 экземп. для духовно-учебныхъ заведеній, по преимуществу западной Россіи. Такое согласіе во вниманіи къ нашей миссіи администраціи свѣтской и духовной составляетъ новое возраженіе противъ невѣжественнаго и злостнаго на нее взгляда какого-то псевдо—русскаго. Пять главныхъ начальниковъ западной Россіи всегда одобрительно относились къ нашему дѣлу и въ самыхъ лестныхъ для дѣятелей выраженіяхъ поручали «Вѣстникъ западной Россіи» вниманію девяти западныхъ губерній, ввѣренныхъ ихъ управленію. А если бы мы захотѣли, если бы смѣли здѣсь назвать хоть по имени всѣхъ лицъ, стоящихъ и въ главѣ общества, и въ его срединѣ, которыя заявляли и заявляютъ самое симпатичное участіе къ намъ и самое краснорѣчивое одобреніе нашего дѣла, мы никогда не окончили бы настоящей бесѣды съ г. *Русскимъ*. Вотъ съ какими и сколькими авторитетами и аттестаціями вступилъ въ неравную борьбу нашъ зоилъ! Но намъ даже совѣстно, что мы вооружились такими вѣскими аргументами противъ мечтаній какого то любителя Шпора, съ его обстановкой, времяпрепровожденіемъ и «нейтральностью», конечно, политической.

Наша дѣятельность есть миссія и по своему характеру. Хорошо понимая значеніе и цѣль польскихъ манифестацій 1862 года, мы сочли своимъ долгомъ противопоставить имъ посильную реакцію, и словомъ истины и обличенія уяснить значеніе интриги, указать близость болѣе опасныхъ явленій и снабдить нужнымъ оружіемъ нравственнымъ людей русскихъ для битвы оборонительной и наступательной. Съ такимъ намѣреніемъ, въ половинѣ 1862 г., «Вѣстникъ за-

падной Россіи» смѣло вступилъ въ открытую борьбу съ врагами и лжебратіями (ихъ было тогда не мало). Изъ первыхъ книжекъ Вѣстника враги увидѣли, съ кѣмъ будутъ имѣть дѣло, а друзья его, — какое найдутъ въ немъ оружіе для предстоящей битвы. Первая полемико-историческая статья, направленная къ обличенію лжей и клеветъ на Россію, разсѣеваемыхъ заграничною прессою вообще и «Народовою Газетой» въ частности, — была вытребована заграничными славянами и распространена между ними отдѣльними оттисками, въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Другая статья, направленная къ возбужденію большей зоркости православнаго духовенства на текущія явленія, кромѣ перепечатки въ однѣхъ губернскихъ и однѣхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, по требованію нѣкоторыхъ архипастырей западной Россіи, была выписана ими и распространена отдѣльными оттисками между духовенствомъ въ числѣ 5000 экземпляровъ. Вслѣдъ за тѣмъ, редакція «Вѣстника» нашла умѣстнымъ составить руководящую статью для вразумленія народа. Статья эта, извѣстная у него подъ именемъ «Бесѣдки», по приказанію главныхъ начальниковъ западнаго края, была распространена въ народѣ въ числѣ 30,000 экземп., подняла сильную тревогу въ непріятельскомъ лагерѣ и чрезъ нѣсколько недѣль сдѣлалась такою библіографическою рѣдкостью, что мужички нарочно приходили въ Кіевъ отыскивать ее и предлагали за экземп. по 15 рублей. Мы должны здѣсь пройдти молчаніемъ безчисленный рядъ статей, документовъ, монографій, изъ которыхъ каждая попадала въ цѣль, возбуждала къ дѣлу Вѣстника одобреніе, привѣтъ и ободреніе въ нашей прессѣ, въ душѣ всѣхъ честныхъ людей Россіи. Да, многое и многое мы должны пройдти здѣсь молчаніемъ....

Послѣ того какъ предсказаніе «Вѣстника»: «Ляхи скоро возмутся за ножи», сдѣланное имъ еще въ ноябрѣ 1862 года и возбудившее подтруниванье нѣкоторыхъ органовъ нашей прессы, осуществилось на дѣлѣ,—обнаружились отношенія къ Вѣстнику и другой половины людей, съ которыми имѣлъ онъ дѣло. На дѣятелей его посыпались отъ подземнаго «ржонда» проклятія и угрозы смертію; эти

дѣятели должны были и сидѣть дома, и показываться изрѣдка на улицѣ во всеоружіи; они получали визиты отъ кинжальщиковъ, случайно не перешедшихъ отъ намѣренія къ исполненію; возлѣ ихъ квартиръ по недѣлямъ дежурилъ ночной караулъ; ихъ имена стояли въ первомъ пяткѣ лицъ, приговоренныхъ мятежною властью къ смерти, они постоянно клали на одну чашку вѣсовъ свое слово; на другую свою жизнь. Намъ бы хотѣлось здѣсь замѣнить недавно-употребленное слово: «случайно»—другимъ, болѣе гармонирующимъ съ нашими убѣжденіями; но мы не смѣемъ усвоять себѣ и своей дѣятельности того значенія, которое соотвѣтствуетъ этому слову. Намъ и безъ того—повторимъ снова—слишкомъ совѣстно, что мы вызваны были крайнею необходимостью нарушить обычную намъ скромность, указать образчики нашей миссіи и вооружиться противъ ругни какого-то *Русскаго* слишкомъ вѣскими аргументами. Съ своею скромностью миримся отчасти и тѣмъ, что мы ничего не сдѣлали выше и больше того, что внушала намъ честь, присяга и долгъ русскаго,—только не виленскаго любителя Шпора, съ его «нейтральностью.»

Въ параллель,—не говоримъ въ связи,—съ польскою агитаціей, пошла и внутренняя рознь убѣжденіямъ «здравымъ, честнымъ, благонамѣреннымъ»: значительная часть университетской молодежи начала бурлить и проговариваться, въ воскресныхъ школахъ начали подсказывать революцію, между народомъ начали шнырять сепаратисты и федералисты, въ школы сельскія началъ проникать нигилизмъ, пресса запрудилась болѣе, чѣмъ индифферентизмомъ нравственно-религіознымъ. «Вѣстникъ западной Россіи» принималъ значительную долю участія въ обузданіи этой внутренней разнузданности, и усилія его не были напрасны. *Русскій* вовсе незнакомъ съ внутреннимъ ходомъ тогдашнихъ событій и потому мы считаемъ себя обязанными доложить ему, что мы не мало способствовали къ разоблаченію, уничтоженію затѣй украйнофильской партіи, къ уясненію направленія и характера и п томъ замалчанію органовъ этой партіи-сперва «Основы», потомъ

«Меты»; что мы ратовали за нравственно-религіозное направленіе народнаго образованія и участія въ немъ православнаго духовенства, которое слишкомъ нагло и упорно хотѣлось оттереть отъ сельской школы тогдашнимъ нигилистамъ. Мы опять здѣсь многое и многое должны пройдти молчаніемъ, скажемъ только то, что площадная брань какого-то *Русскаго* слишкомъ была и будетъ безсильна для того, чтобы подорвать дѣйствительность заявленныхъ выше фактовъ и ослабить значеніе миссіи «Вѣстника западной Россіи».

Изъ сказаннаго уже видно, сколько остроумія въ каламбурѣ *Русскаго,* что «Вѣстникъ» не служитъ ни вашимъ ни нашимъ», и сколько правды въ его заявленіи, что «еще не родился такой дуракъ, который вздумалъ бы интриговать противъ него.» «Вашимъ, г. *Русскій,* точно мы не служили, потому что это было бы преступнѣе, чѣмъ служить нашимъ и вашимъ—въ одно и тоже время. Но «нашимъ» мы служили вѣрой и правдой, и служили не напрасно. «Наши» признали и признаютъ, одобряли и одобряютъ наше служеніе, а мнѣніе объ немъ такихъ русскихъ какъ вы для насъ совершенно безразлично; мы были бы въ отчаяніи тогда только, если бы насъ хвалили такіе какъ вы русскіе. Не горячитесь, поэтому, г. *Русскій,* если редакція считаетъ «упреки» такихъ людей (русскихъ ли—не русскихъ,—все равно) какъ вы «лучшею для себя аттестаціей;» это вѣрно—совершенно вѣрно, и въ теоріи и на практикѣ. Съ недостатками изданія здравая критика обходится серьезнѣе, безличнѣй и спокойнѣе: она укажетъ, потомъ—это главное—*докажетъ* ихъ, наконецъ предъявитъ раціональный взглядъ на истину. Но если кто горячится, бѣснуется до самозабвенія, до попранія всякихъ приличій,—осыпаетъ изданіе голословнымъ отрицаніемъ его достоинствъ, площадною бранью его характера, направленія и издателей,—явный знакъ, что такой полемикъ крѣпко неравнодушенъ къ изданію, что оно сильно перечитъ его убѣжденіямъ, что его свѣтъ рѣжетъ и колетъ больные глаза полемиста, что онъ забывается при одномъ воспоминаніи о ненавистномъ соперникѣ и, не находя причинъ къ униженію его достоинствъ,

хочетъ хоть ругнею выместить на немъ свою досаду. Не правда ли, г. *Русскій*, что это самый вѣрный анализъ вашего духа?... Ну—какъ, скажите сами, не гордиться упреками такихъ антагонистовъ и не повторить древняго афоризма: «вы сердитесь, слѣдовательно я правъ.» Будь «Вѣстникъ» тѣмъ, чѣмъ вы его называете: «формою безъ содержанія, величиною отрицательной» и проч. и проч., вы бы его и не замѣтили, прошли мимо его равнодушно, съ сожалѣніемъ, пожалуй, съ презрѣніемъ, но не сказали бы объ немъ ни слова, а тутъ, конечно, дѣло стоитъ иначе, Вѣстникъ, должно быть, задѣваетъ за живое и вашъ эгоизмъ и вашъ космополитизмъ, индифферентизмъ, и, можетъ быть, еще что нибудь покрупнѣе, когда вы затрудняетесь наборомъ ругательствъ для выраженія безплодной и безсильной вашей досады. Коль скоро вы бранитесь, кричите: «перестаньте, г. Говорскій,»—очевидно—дѣло идетъ не объ объявленіи, миссіи, началахъ, направленіи, а о продолженіи и въ будущемъ году ненавистнаго изданія. Ужели вы, въ самомъ дѣлѣ, не знали и доселѣ, что похвала врага есть несомнѣнный признакъ, что хвалимый стоитъ на дурной и опасной дорогѣ, и на оборотъ?! Это истина такая популярная!...

«Не родился еще такой дуракъ, который вздумалъ бы интриговать противъ «Вѣстника западной Россіи?» Полноте, г. *Русскій!* Если бы на дураковъ былъ такой неурожай, какъ вы говорите, еслибъ интрига такъ мало интересовалась «Вѣстникомъ», какъ вы хотите увѣрить,—мы не имѣли бы теперь удовольствія доказывать ея существованіе. Если къ кому, такъ именно къ нашему «Вѣстнику» всего менѣе примѣнимъ вашъ оптимизмъ, потому что ни одно—рѣшительно ни одно въ мірѣ изданіе не боролось съ такою сильной и постоянной интригой, съ какою боролся и отчасти борется «Вѣстникъ западной Россіи.» Почва, на которой онъ стоитъ такого свойства, что съ нимъ только и можно бороться интригой да бранью,—и интрига истощила надъ нимъ всѣ свои средства, брань—какъ видите—всю коллекцію словъ, неупотребляемыхъ уважающей себя прессой; другимъ оружіемъ съ «Вѣстникомъ»

бороться не приходится. Мы въ отчаяніи, что не можемъ поцитовать здѣсь тѣхъ безчисленныхъ и рельефныхъ образчиковъ, въ которыхъ проявилась въ отношеніи къ намъ интрига враждебнаго лагеря; а одна перечень ихъ составила бы краснорѣчивый и поучительный томикъ. Но изъ характера нашей миссіи, изъ того—съ кѣмъ, сколько и какъ мы боролись, сообразить не трудно, что борьба эта встрѣчала сильную закулисную оппозицію, требовала отъ насъ сосредоточенія на ней всѣхъ силъ нашихъ, всей полноты самопожертвованій и не разъ поставляла насъ въ необходимости задаваться вопросомъ: не бросить ли? Мы и бросилибъ, если бы считали наше дѣло только личнымъ нашимъ дѣломъ, еслибъ не были увѣрены, что наше разоруженіе слишкомъ обрадуетъ нашихъ антагонистовъ,—въ томъ числѣ и такихъ русскихъ, какъ любители шпоровской «нейтральности.»

Когда ругательный словарь былъ исчерпанъ, впечатлѣнія, вынесенныя отъ Шпора, начали улетучиваться, когда сознаніе *Русскаго* нѣсколько прояснилось,—онъ назвалъ «печатаемые Вѣстникомъ акты и документы вещью (?) хорошею» и даже нашелъ въ немъ «серьезныя статьи.» Какъ же это, г. *Русскій*, эти серьезныя статьи, эти хорошія вещи могли найдтись въ изданіи «безтолковомъ, безсмысленномъ, пустомъ и *абсолютно* безсодержательномъ? Выйдя отъ Шпора, ужъ не махнулиль вы рукой на противорѣчія? «да ну ихъ, говоритъ!» Впрочемъ, *Русскій* опомнился и «хорошую вещь» назвалъ «мертвымъ матеріаломъ,» а серьезныхъ статей нашелъ лишь «нѣсколько.» Что такихъ статей въ «Вѣстникѣ» безъ счету, это несомнѣнно; что документы и акты—не мертвый матеріалъ, это еще несомнѣннѣе: они—и уроки для настоящаго, и точка опоры для исторической истины, и завѣтъ нашихъ предковъ, и права наши на владѣніе нашимъ достояніемъ. Да вѣдь вы ихъ даете «въ необдѣланномъ видѣ,» возражаетъ Русскій? И это фантазія. Весьма много у насъ документовъ переведено съ латинскаго, польскаго и того старорусскаго, который съ трудомъ теперь понимается,—на современный русскій языкъ; тамъ, гдѣ необходимы были историческія примѣчанія, редакція никогда ихъ не забывала; слова, за-

ствованныя изъ польскаго, латинскаго языковъ и непонятныя для нѣкоторыхъ читателей, постоянно были поясняемы подъ строкой или въ самомъ текстѣ. Только тѣ документы, которые свободно читаются всякимъ (особенно жителемъ здѣшняго края, для котораго по преимуществу и предназначается нашъ журналъ) грамотнымъ человѣкомъ, и печатаются нами безъ примѣчаній и поясненій; доказательства на лицо. Но главное противорѣчіе себѣ у *Русскаго* не въ строкахъ, а между строками. Не можемъ же мы допустить въ немъ такого «абсолютнаго» отсутствія сознанія, чтобъ онъ не понималъ характера, направленія, значенія такого честнаго, современнаго, серьознаго, патріотическаго изданія, какъ «Вѣстникъ западной Россіи;» *Русскому* только не хотѣлось въ этомъ сознаться *предъ другими,*—такъ какъ эти именно свойства «Вѣстника» и возбуждаютъ его раздраженіе.

На счетъ причинъ опаздыванья книжекъ «Вѣстника» мы не можемъ соперничать съ *Русскимъ* въ откровенности. Можемъ только указать ему хоть на слѣдующій фактъ. «Вѣстникъ» теперь печатается въ двухъ типографіяхъ, и виновата ли редакція, если въ одной изъ этихъ типографій 9-я книжка печатается съ послѣднихъ чиселъ ноября до селѣ (10 января)? Да, говоримъ торжественно во уши всѣхъ, кто не утратилъ способности—вѣрить, что *книжки Вѣстника опаздываютъ выходомъ по причинамъ, независящимъ отъ его редакціи*.

Теперь нѣсколько словъ къ вамъ лично, г. *Русскій*. Намъ рѣшительно не хочется вѣрить, чтобы вы были точно русскій, въ полномъ значеніи этого слова. Быть можетъ, вы такой же *Русскій*, какъ тотъ, который подписался подъ извѣстнымъ «Роковымъ вопросомъ;» быть можетъ въ васъ только и русскаго, что имя, заимствованное изъ православныхъ святцевъ, крещеніе православнымъ священникомъ, да умѣнье кое-какъ объясняться порусски, а все остальное, *что отъ васъ зависитъ*,—полупольское, полулатинское, а можетъ быть и совсѣмъ польское, латинское. Кто васъ знаетъ, кто вы такое: подъ забраломъ русскимъ такъ удобно *казаться Русскимъ!* Въ самомъ дѣлѣ, если бы вы были русскій, вы не стали бы тѣшить враговъ Россіи и

православія междоусобіемъ, болѣе даже честнымъ, менѣе безпричинньмъ и ожесточенньмъ, вы бы уважили побужденія, начала, характеръ нашей дѣятельности, если бы пріемы ея даже не совсѣмъ были удачны, вы бы не обезчестили русскаго имени голословною бранью того изданія, которое такъ долго, такъ самоотверженно и успѣшно борется со всякою фальшью теоретическою, практическою, религіозною, гражданскою и политическою, вы бы—въ крайнемъ случаѣ—обсудили наши промахи или упущенія въ критикѣ спокойной, разумной, благонамѣренной и помѣстили бы ее не въ томъ изданіи, которое постоянно глумится надъ всѣмъ, что для русскаго должно быть дорого и свято, и распространенію котораго во враждебномъ намъ лагерѣ не мало способствуютъ такіе какъ вы русскіе,—вы бы, наконецъ, не такъ восторгались шпоровскою «нейтральностью». Напрасно вы, г. *Русскій*, уныло вопіете: «и ни кто не моги разоблачить эту гниль и фальшь подъ опасеніемъ несочувствія русскому дѣлу.» Вы невольно проговариваетесь въ послѣдней половинѣ фразы, хотя и въ первой кладете фальшивое ея основаніе. Втожъ и что вамъ мѣшаетъ «разоблачать?» Вѣдь вы всякій день трудитесь у Шпора; ну и запасайтесь тамъ разоблаченіями и помѣщайте ихъ въ «Вѣсти,» какъ это вы теперь сдѣлали. Если «Вѣсть могла отмежевать на своихъ столбцахъ мѣсто такой—пользуемся вашей терминологіей—«гнили,» какъ та, по поводу которой мы взялись за перо, то, конечно, не откажутъ въ помѣщеніи разсудительной критики и газеты болѣе благонамѣренныя, а мы будемъ имѣть случай доказать *Русскому*, что онъ заблуждается.

ОТВѢТЪ

«Русскому» корреспонденту газеты «Вѣсть» (*).

— И впрямь, значитъ, есть такіе? Но, все-таки нужно же мѣру соблюдать, а то вѣдь—что же такое? Впрочемъ... гость мой плюнулъ и махнулъ рукой.—*„Русскій.“*

«Вѣсть» 15 декабря 1867 года, № 144.
Статья подъ заглавіемъ: «Вильно (а) (изъ письма къ редактору)».

И мы, читатели „Вѣстника западной Россіи, хотѣли—было „плюнуть и махнуть рукой“ на вышеозначенную корреспонденцію изъ Вильны, подписанную псевдо—„Русскимъ.“ Но газета *„Вѣсть,“* въ которой напечатана эта ругательная корреспонденція, имѣетъ претензію на какую-то загадочную оффиціозность; могутъ, пожалуй, случиться такіе читатели, которые повѣрятъ даже приговорамъ *„Вѣсти.“* слѣдовательно мы считаемъ въ этомъ случаѣ молчаніе неблаговременнымъ и неприличнымъ.

Начнемъ по порядку.

Зачѣмъ ваша статья, г. псевдо — „Русскій,“ озаглавлена такъ: *„Вильно?“* Неужели вы доселѣ не знаете, что въ Россіи есть русскій городъ Вильна, а не Вильно? Поставить одну букву вмѣсто другой—дѣло, кажется, пустое и безразличное; но littera docet—littera nocet,—въ томъ-то и дѣло, что *только поляки* (**) называютъ этотъ городъ такъ, какъ вы его называете: „Вильно;“ а русскіе, начиная съ покойнаго графа Муравьева и брата его Андрея Николаевича, описавшаго *„русскую Вильну,“* называютъ этотъ городъ порусски, а не такъ, какъ вы назвали его. — Читатели имѣютъ право сомнѣваться,

---

(*) Сотрудникъ нашъ И. Г. К—ій прислалъ намъ написанный имъ «Отвѣтъ Русскому», съ убѣдительною просьбой напечатать этотъ Отвѣтъ въ Вѣстникѣ. Исполняемъ желаніе его какъ потому, что не имѣемъ права и желанія отказать ему, такъ и потому, что въ его «Отвѣтѣ» есть мотивы, отличные отъ тѣхъ, которыми формулированъ личный нашъ отвѣтъ корреспонденту «Вѣсти». Ред.

(**) И поляки - то назвали такъ Вильну только вѣка два назадъ; во всѣхъ древнихъ документахъ стоитъ Wilna, Вильна. Ред.

чтобъ вы были, дѣйствительно, русскій. А чтобъ разрѣшить это сомнѣніе, мы просимъ покорно васъ объявить подлинное ваше имя и фамилію, приподнять забрало и дѣйствовать безъ масокъ.—Если же не вы озаглавили такъ вашу статью, а сдѣлала это редакція „Вѣсти,“ то.... впрочемъ эта почтеннѣйшая редакція давно уже извѣстна русской публикѣ... А пока вы, г. псевдо—„Русскій,“ разрѣпонденцію изъ Вильны, шите это сомнѣніе, позвольте намъ подвергнуть вашу корресванечатанную въ 144 № „Вѣсти,“ самому безпристрастному разсмотрѣнію.

Корреспонденція псевдо—„Русскаго“ начинается извиненіемъ предъ редакціей „Вѣсти“ за долгое молчаніе. Потомъ слѣдуетъ нѣчто въ родѣ похвальнаго слова виленскому кандитору, швабу — Шпору за то, что „у него хорошій кофе и отличное пирожное, потомъ—тишина и чистота. Истинный кейфъ—и гдѣ же? Въ швабской кандиторской, которая существуетъ въ центрѣ нашей древлеправославной и полякующей Вильны, гдѣ кипитъ патріотическая дѣятельность, гдѣ *раз*[illegible] Вѣстникомъ западной Россіи.“—Позвольте замѣтить вамъ, г. псевдо—„Русскій,“ что вы не знаете логики: вы удивляетесь, что нашли и кейфъ, и хорошій кофе, и отличное пирожное, и тишину, и чистоту въ кандиторской Шпора, хотя эта кандиторская находится въ центрѣ „древлеправославной и полякующей Вильны,“ гдѣ по вашимъ словамъ, кипитъ патріотическая (вѣроятно, русская) дѣятельность. Во имя здраваго смысла, просимъ васъ сказать намъ: какимъ образомъ кипящая въ Вильнѣ патріотическая дѣятельность и издающійся въ ней „Вѣстникъ западной Россіи“ могли бы воспрепятствовать тому, чтобы въ кандиторской Шпора не было хорошаго кофе, отличнаго пирожнаго, тишины и чистоты?? Какое отношеніе, какая связь между патріотическою дѣятельностью Вильны и между кофеемъ и пирожнымъ Шпора, между тишиною и чистотой кандитерской его и—между „Вѣстникомъ западной Россіи“?? Такое отсутствіе логической связи между представленіями и понятіями по-латини выражается слѣдующимъ силлогизмомъ: baculus stat in angulo, ergo pluit (*).

И послѣ такой лигической несостоятельности, у васъ г.

(*) Палка стоитъ въ углу, слѣдовательно идетъ дождь.

псевдо—„Русскій,“ достало смѣлости бросать грязью на „Вѣстникъ западной Россіи“ и на издателя его?! И вы не устыдились даже бросить кощунственный оттѣнокъ на эти цитируемыя, или пародируемыя вами слова: *„въ нашей издревлеправославной и полякующей Вильнѣ“?!* По вашему, прорывающемуся наружу убѣжденію, пустяками занимаются тѣ люди, которые желали бы, чтобъ „издревлеправославная Вильна“ не была ополячиваема. По-вашему, пусть она будетъ себѣ, какая угодно, лишь бы въ кандиторской Шпора былъ хорошій кофе и хорошее пирожное?.. Одно изъ двухъ: или объявите ваше подлинное имя,—тогда, если вы, къ несчастью, дѣйствительно русскій, мы горько пожалѣемъ объ этомъ; или, если вы не объявите подлиннаго вашего имени, то мы останется убѣждены, что вы полякъ, плохо знающій русскій языкъ и враждебно расположенный ко всему русскому.

Панигирикъ свой кандитору Шпору псевдо—„Русскій“ оканчиваетъ слѣдующимъ образомъ: „Боже! какъ же я люблю герръ-Шпора, и какъ я его уважаю!... Герръ Шпоръ, будь ты благословенъ и счастливъ въ потомствѣ своемъ! Но, если я такъ люблю заходить къ Шпору, то ужъ никогда сандаліи мои не оставятъ и одной пылинки отъ праха своего въ пріютѣ Г...го.“— Независимо отъ кощунства, въ этихъ словахъ надъ славянскимъ богослужебнымъ языкомъ, псевдо—„Русскій“ ставитъ читателей въ недоумѣніе о томъ, что такое разумѣетъ онъ подъ „пріютомъ Г....го.“ Это, вѣроятно, какая-то другая виленская кандитерская, которую не любитъ г. псевдо—„Русскій.“ Не можетъ же быть, чтобъ онъ подъ пріютомъ Г....го“ разумѣлъ редакцію „Вѣстника западной Россіи,“ потому что это было бы ужъ болѣе чѣмъ нелогично. Впрочемъ, съ такою логикой какъ у псевдо—„Русскаго“ корреспондента „Вѣсти“ можно допустить всякую несообразность, и это оправдывается тѣмъ, что псевдо—„Русскій,“ кончивши свой панигирикъ Шпору, сейчасъ же, ex abrupto, разразился самою безцеремонною бранью надъ „Вѣстникомъ западной Россіи“ и надъ издателемъ его, г. Говорскимъ, прописывая имя его уже полнымъ составомъ буквъ, безъ точекъ....

Псевдо—„Русскому“ крайне не понравилось *объявленіе о продолженіи въ 1868 году изданія Вѣстника западной Россіи,* а въ этомъ объявленіи сильно огорчаютъ его слѣдующія слова:

„Вѣстникъ будетъ проходить свою миссію по тому же пути, котораго отъ держался доселѣ."— Какую миссію? и по какому пути? спрашиваетъ псевдо—„Русскій," и потомъ восклицаетъ такъ: „Журналъ Говорскаго проходитъ—легко сказать—миссію!"— Ежели вы, г. „Русскій" (право не вѣрится, чтобъ вы были русскимъ!) доселѣ не знаете, въ чемъ состоитъ миссія „Вѣстника западной Россіи," то вы, значитъ, не читали этого журнала. Но изъ вашихъ же дальнѣйшихъ словъ видно, что, по вашему мнѣнію, „печатаемые въ этомъ Вѣстникѣ историческіе акты и документы вещь хорошая," и потомъ вы же сами говорите, что въ этомъ Вѣстникѣ есть „нѣсколько серьозныхъ статей, какъ-то случайно попавшихъ въ разное время въ Вѣстникъ:" слѣдовательно выходитъ, что вы читали и читаете этотъ журналъ. Но послѣ такого признанія вышеуказанныхъ вами достоинствъ Вѣстника, вы, забывши всякую логичность и даже, честь, называете этотъ журналъ „безпорядочнымъ, никому не нужнымъ, безтолковымъ и безграмотнымъ, пустою и безполезною тратою бумаги, чуждымъ всякаго содержанія, смысла и значенія."— Ну, посмотрите же сами, г. псевдо—„Русскій," какая путаница представленій въ вашемъ сужденіи, если обнажить его отъ излишняго многословія и привести ваши мысли въ порядокъ. По вашему выходитъ такъ: „Вѣстникъ западной Россіи не имѣетъ никакой миссіи, никакого направленія и содержанія; въ этомъ Вѣстникѣ печатаются историческіе акты и документы, которыхъ нельзя не похвалить, и сверхъ того помѣщаются другія статьи серьознаго содержанія: слѣдовательно этотъ Вѣстникъ есть безпорядочный, никому не нужный, безтолковый и безграмотный,"—вотъ какъ по вашему! Не ужели вы, г. псевдо—„Русскій," такъ раздражены, что не видете и не сознаете грубѣйшаго противорѣчія въ такомъ сужденіи и осужденіи?... неужели вы до того ослѣплены личною враждой къ „Вѣстнику западной Россіи," что для васъ, уже не существуетъ логическая очевидность?...

Въ самое сердце псевдо—„Русскаго" поразили слѣдующія слова изъ объявленія о продолженіи Вѣстника въ 1868 году: „мы и не думали утверждать, чтобъ угодили всѣмъ и каждому; подобная угодливость противна даже нашей натурѣ и нашему долгу. „Служенье нашимъ и вашимъ" никакъ не могло вмѣститься въ нашемъ духѣ рядомъ съ тѣми святыми началами, ко-

торыя положены въ фундаментъ *) нашего зданія, и измѣнить которымъ, по нашему убѣжденію, значило бы измѣнить Богу, Царю и Россіи. Независимо отъ разныхъ случайныхъ непріятностей, мы не избѣгли ни интригъ, ни нападокъ. Но тѣмъ хуже для тѣхъ, которые до нихъ унизились; ихъ упреки составляютъ лучшую нашу аттестацію, ихъ досада—вѣрнѣйшій признакъ успѣха нашей миссіи; кто борется съ врагами и *лжебратіями*, тѣмъ не могутъ быть всѣ довольны."— Съ удивительнымъ самоотверженіемъ псевдо—„Русскій" утверждаетъ, что „не родился еще такой дуракъ, который вздумалъ бы интриговать противъ Вѣстника западной Россіи," и потомъ свою выходку завершаетъ натяжкою, будто „редакція Вѣстника западной Россіи обѣщаетъ въ теченіи *одного* (курсивъ въ подлинникѣ) декабря мѣсяца издать 4 остальныя книжки."— Хотя читателямъ Вѣстника весьма пріятно было бы, чтобъ этотъ журналъ выходилъ безостановочно и исправно; но въ объявленіи о продолженіи этого журнала, припечатанномъ при 8-й книжкѣ его, вовсе нѣтъ обѣщанія, о выходѣ четырехъ книжекъ въ продолженіе *одного* декабря мѣсяца; это обѣщаніе, очевидно сочинено г-мъ псевдо—„Русскимъ," какъ онъ выражается, „отъ собственнаго чрева."—

А это развѣ не интрига: приближается новый годъ; издатели другихъ журналовъ и газетъ объявляютъ о продолженіи своихъ изданій, — и редакція Вѣстника зап. Россіи дѣлаетъ тоже. Вдругъ — въ петербургской газетѣ „Вѣсть", отличающейся своеобразнымъ взглядомъ на многіе предметы близкіе русскому сердцу, является якобы „отрывокъ письма къ редактору "Вѣсти" изъ Вильно, въ которомъ (отрывкѣ) какой-то, якобы „Русскій", разбранивши Вѣстникъ западной Россіи, съ цинизмомъ, превышающимъ всякое вѣроятіе, наконецъ обращается къ издателю Вѣстника съ такимъ повелѣніемъ: *„Г. Ксенофонтъ Говорскій! перестаньте!"* А ежели бы онъ не пересталъ издавать свой журналъ, то псевдо — „Русскій" косвеннымъ образомъ приглашаетъ его прислушаться къ тому, что „пишетъ одинъ изъ испившихъ до дна изъ горькой чаши западно-рус-

---

*) Псевдо—«Русскій» ставитъ критическіе знаки послѣ этого слова и послѣ слова: «натурѣ». Вѣроятно, онъ не знаетъ различія этихъ словъ отъ подобозначащихъ имъ русскихъ: природа и основаніе.

ской жизни: „Лучшіе люди, желающіе разумно и съ пользою служить русскому дѣлу, молчатъ и сторонятся (чуть—чуть не договариваетъ: и вы молчите и посторонитесь съ вашимъ Вѣстникомъ!), ихъ затираютъ, они бѣгутъ изъ края въ родныя степи на вольный воздухъ.“—Sat sapienti,—перестаньте, молчите!—

Впрочемъ, предполагая, вѣроятно, что ни открытою бранью, ни такимъ косвеннымъ *наведеніемъ* о судьбѣ „лучшихъ“ русскихъ людей—тружениковъ западнаго края, не можно довести г. Говорскаго до того, чтобъ онъ *пересталъ* издавать свой Вѣстникъ, псевдо — „Русскій“ призвалъ на помощь себѣ одного своего пріятеля, котораго онъ называетъ „дѣятелемъ изъ Волковыскаго уѣзда. Этому пріятелю онъ далъ прочитать № 332-й „Голоса“, въ которомъ описано, какъ теперь въ западномъ краѣ Россіи ксендзы и польскіе паны пропагандируютъ папство и полыцизну. Пріятель не вѣритъ этому извѣстію, и говоритъ: „развѣ это мыслимо? зачѣмъ и кто это пишетъ?“

Псевдо—„*Русскій*“ отвѣчаетъ такъ: „такъ есть, видно, такіе, кому это почему-либо нужно... *Все—таки лишній годикъ можно будетъ просуществовать.*“

Еще не родился такой дуракъ (скажемъ словами псевдо— Русскаго“ корреспондента „Вѣсти“), который бы не понялъ этого послѣдняго маневра. Смыслъ этого маневра слѣдующій: если наша брань (просто площадная), напечатанная въ 144 № „*Вѣсти*“, не доконаетъ редакцію Вѣстника западной Россіи, если упрямый издатель этого Вѣстника не замолчитъ хоть изъ подражанія „лучшимъ людямъ, молчащимъ и сторонящимся;“ то можно, пожалуй, заподозрить его, предъ кѣмъ слѣдуетъ, что онъ, печатая „подлинные акты и документы и противъ ополяченія русскаго западнаго края, а равно и другія „серьезныя статьи о польской справѣ, *преувеличиваетъ страхи изъ корыстныхъ видовъ*, „*чтобъ лишній годъ просуществовать*“ *съ своимъ журналомъ.* Между тѣмъ какъ у насъ въ краѣ все обстоитъ благополучно, такъ что даже не нужны уже ни русскіе мировые посредники, ни военные начальники, а тѣмъ болѣе не нужно, и даже „немыслимо“ изданіе здѣсь какого-либо русскаго журнала,—и... не пора ли, въ самомъ дѣлѣ, издавать здѣсь на польскомъ языкѣ какой-нибудь журналъ, или газету?.... Такъ, или иначе, но непремѣнно надобно доконать этотъ несносный Вѣстникъ западной Россіи!

Заключаемъ нашу статью примѣнительно къ заключенію виленской корреспонденціи „Русскаго“ въ 144 номерѣ „Вѣсти“, и почти его словами: „и впрямъ, значитъ, есть люди, и осмѣливающіеся называть себя „русскими“, и желающіе затормозить всякую полезную русскую дѣятельность въ западномъ краѣ Россіи?!?!

Избави Богъ!—

И. К—ій.

Г. Нѣжинъ.

IV.

ЕВРЕЙКА-ТАЛМУДИСТКА. (*)

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ, ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ НРАВОВЪ. ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,—СЪ ПРОЛОГОМЪ.

С. Ѳ. Калугина.

(посвящено Аннѣ Павловнѣ Степановой).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА ВЪ ПРОЛОГѢ.

Владиміръ Петровичъ Губанинъ. Молодой, образованный и богатый купецъ, путешествующій по разнымъ уголкамъ Россіи для изученія торговли.

Иванъ. Слуга его. Старикъ лѣтъ 55.

Ревекка. Молодая еврейка.

Пазухинъ. Молодой человѣкъ,—провинціальный актеръ, — школьной товарищъ и другъ Губанина.

Мовша. Еврей, факторъ. Лицо плутовское, одѣтъ по праздничному.

Ицко. Еврей, слуга въ заѣзжемъ домѣ Давида.

Дѣйствіе происходитъ въ Вильнѣ.

ПРОЛОГЪ.

Дѣйствіе происходитъ въ номерѣ заѣзжаго дома (**) еврея Давида. Небольшая комната, выкрашенная сѣрою краской. Мебель старинная. Старыя фортопьяны; кровать. Направо дверь и налѣво дверь.

(*) Піеса эта принназначается для с.-петербургской сцены. Авт.

(**) Заѣзжій домъ значитъ тоже, что меблированныя комнаты. Авт.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Послѣ открытія занавѣса, изъ правой двери входитъ Губанинъ, въ дорожномъ костюмѣ, за нимъ увивается Ицко;—потомъ, неспѣша, входитъ Иванъ.

Ицко. Вотъ, ясневельмозный господинъ—баринъ, этотъ номеръ самый луцсій.... Самый луцсій во всей насей гостинницѣ...

Губанинъ. Съ чѣмъ тебя и поздравляю. Это не комнаты, а грязныя стойлы, клѣвъ какой то. Пыль на мебели цѣлыми слоями; духота.... Нѣтъ, слуга покорный... Здѣсь я ни за какія пряники не останусь. Экой бестія извощикъ: увѣрялъ меня, что эта гостинница лучшая во всемъ городѣ....

Ицко. И такъ есть... такъ есть... Наса гостинница самая луцсая во всемъ городѣ....

Иванъ. Ладно.... Заговаривай зубы-то.... А ржаная каша всегда сама себя хвалитъ...

Ицко. Дали-Букъ такъ....

Губанинъ. (къ Ивану). Нечего дѣлать, нужно ѣхать далѣе. Пойдемъ, Иванъ.... Я видѣлъ на станціи объявленіе отъ гостинницы «Европы», поѣдемъ туда...

Ицко. Сто ви думаете Европа луцсе?!... Ни... Борони меня Бозе....

Губанинъ. Что ты мнѣ ни толкуй, а я здѣсь не останусь! (идетъ къ двери). Пойдемъ, Иванъ....

Ицко. (Забѣгая). Зацѣмъ идти?!... зацѣмъ! Мы пану показемъ другій номеръ.... Самый луцсій показемъ.... Заразъ пану показемъ, тылько я къ хозяину сбѣгаю за клюцами (Убѣгаетъ).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Губанинъ и Иванъ.

Губанинъ. Заразъ, заразъ... Знаю я это заразъ. Поѣдемъ, Иванъ, въ гостинницу Европа, нечего его дожидаться...

Иванъ. А отчего же, сударь, минутку другую и не подождать? Можетъ и въ самомъ дѣлѣ номеръ хорошій найдутъ. Вѣдь намъ все равно, гдѣ ни стоять.

Губанинъ. Иванъ! сколько разъ я тебя просилъ не учить меня, а ты все свое.... Я не хочу здѣсь жить, ну и шабашъ.... Я терпѣть не могу жидовъ. (Идетъ къ двери и толкаетъ ее, но она не отворяется). Что это?!.,. Да онъ, кажется, насъ заперъ? (толкаетъ вторично). Ну, такъ и есть... Ахъ, каналья!...

Иванъ. Ахъ, жидовское отродье!... Видно чуетъ, что постояльцы то денежные?!

Губанинъ. (Ивану, шутя). Да, а въ особенности ты, отъ одной водки съ тебя можно мильонеромъ сдѣлаться...

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

тѣже и Ицко, потомъ Ревекка.

Ицко. (скоро). Сейцасъ придетъ хозяйская доцка и васему благородствію номеръ показетъ.... Самого хозяинга нѣту дома, усолъ въ синагоду, нынце сабасъ....

Губанинъ. Напрасно ты хлопоталъ, голубчикъ, да еще хозяйскую дочь безпокоилъ. Я въ этихъ номерахъ и дня не проживу. Тутъ, кажется, вся грязь сосредоточена, а къ тому же въ полу дыры есть, должно быть крысы водятся?

Ицко. Ну, сто такое крысы? Сто они могутъ вамъ сдѣлать? Сто они собаки—сто ли?

Губанинъ. Мнѣ некогда съ тобой разговаривать. Прощай! (Направляется къ двери, въ которой появляется Ревекка).

Ревекка. (Одѣта въ черное шолковое платье. Говоритъ по русски чисто, слова произноситъ протяжно). Вамъ угодно занять этотъ номеръ?

Губанинъ. (Посмотрѣвъ на нее и немного помолчавъ). Да... то есть нѣтъ...не этотъ...Въ этомъ, знаете, какъ то того... Не совсѣмъ то, знаете, опрятно. (Въ сторону). Батюшки, какая хорошенькая жидовочка!

Ревекка. Неопрятно вы говорите? Но вѣдь чрезъ нѣсколько минутъ все это можно привести въ порядокъ, даже полы я прикажу вымыть.... Къ этому номеру еще принадлежитъ комната. (Отпираетъ лѣвую дверь). Потрудитесь взглянуть; эта комната меньше, но за то лучше отдѣлана и съ отличной мебелью; есть также особый выходъ. (Губанинъ смотритъ съ порога). Конечно, вы здѣсь не найдете такихъ удобствъ, какъ въ хорошей гостинницѣ; но, повѣрьте, что вамъ здѣсь будетъ покойнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь... Да и цѣна то въ сравненіи....

Губанинъ. О, не безпокойтесь, о цѣнѣ я не хлопочу. (Въ сторону) Просто прелесть какая душка!...

Ревекка. Вы долго думаете прожить у насъ?

Губанинъ. Право не знаю, это будетъ видно по ходу моихъ дѣлъ....

Ревекка. Видите ли: если вы возмете эти двѣ комнаты и переднюю къ нимъ для человѣка, — то посуточно будетъ стоить полтора рубля, если же помѣсячно, тридцать рублей, даже помѣсячно можно еще нѣсколько уступить.... Прислуга будетъ при васъ неотлучно....

Губанинъ. У меня есть свой человѣкъ...

Иванъ. (Передразнивая). Свой человѣкъ... Да, свой; мнѣ одному не управиться за всѣмъ, пусть отъ нихъ пособляютъ...

Ревекка. Такъ — какъ же, — нравятся вамъ комнаты или нѣтъ?

Губанинъ. Да ужъ право не знаю, какъ вамъ сказать...

Ревекка. (Протяжно и ласково). Оставайтесь... Вамъ будетъ у насъ хорошо...

Губанинъ. (Въ сторону). Какъ она смотритъ на меня! Ой-ой!!.. Какъ тутъ не остаться? (Къ Ивану). Иванъ, вноси багажъ. (Къ Ревеккѣ). Рѣшено: я остаюсь у васъ, посуточно...

Ревекка. Благодарю васъ....

Иванъ. (къ Ицкѣ). Пойдемъ, братъ... Подсоби тащить чемоданы. (Уходитъ съ Ицкой).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Губанинъ и Ревекка.

Губанинъ (по уходѣ Ивана и Ицки). Знаете что я вамъ скажу?

Ревекка. Нѣтъ не знаю...

Губанинъ. А вотъ что...

Ревекка. Ну—съ,—что?

Губанинъ. Ничего... Продолжать не смѣю, вы, пожалуй, обидитесь... Но если позволите сказать вамъ правду...

Ревекка. Говорите, если это въ предѣлахъ скромности, а то...

Губанинъ. Что это: «а то»?

Ревекка. (Потупивъ глазки). Я дѣвушка, и потому судите сами....

Губанинъ. Ахъ, вы дѣвушка?

Ревекка. Что же тутъ вы находите удивительнаго?

Губанинъ. Удивительнаго въ васъ я нахожу очень много; дѣйствительно, вы достойны удивленія, но въ настоящее время мое удивленіе смѣнилось благоговѣйнымъ почитаніемъ... Нѣтъ, виноватъ, не почитаніемъ, а обожаніемъ...

Ревекка. (Отрицательно покачавъ головой). Какъ это похоже на правду... Что вы меня дурочкой считаете?

Губанинъ. Сохрани меня Богъ, что вы!...

Ревекка. Видя первый разъ дѣвушку, обожать ее нельзя. Моментально можетъ человѣкъ понравиться — и только, но обожать можно только за хорошія качества, а вы меня не знаете...

Губанинъ. Я обожаю васъ, за вашу красоту...

Ревекка. Полноте смѣяться...

Губанинъ. Что—вы не вѣрите? Вы думаете, что я говорю неправду?

Ревекка. Конечно, неправду...

Губанинъ. Ахъ, какая вы скромница! Да вѣдь вы сами знаете, что—красавица, ну къ чему же тутъ кокетничать? Ну посмотрите на себя въ зеркало. Развѣ можно не обожать такія прелестныя щечки, отъ которыхъ вѣютъ розы; а вашъ греческій носикъ, а эти губки, эти жемчужные зубки, эти глазки, полныя жизни, жгучія какъ огонь... Эти... черные какъ смоль волосы!... Да развѣ мое сердце не способно подчиняться красотѣ?!? (Входятъ Иванъ и Ицко съ чемоданами).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣже, Иванъ и Ицко.

Иванъ. Тащи, Тащи, не кряхти!...

Губанинъ. (Перемѣняя разговоръ). Весело вы проводите время?

Ревекка. Да, ничего...

Иванъ (поставивъ чемоданы, къ Ицкѣ). Ну—пойдемъ за поклажей.. подсоби (Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Ревекка и Губанинъ.

Губанинъ. И такъ вы видите, что я сказалъ правду...

Ревекка. А хоть бы и такъ, такъ что жъ изъ этого?

Губанинъ. О!—для меня тутъ много заключается... Развѣ это уже не счастіе имѣть такую красавицу квартирную хозяйку? Да что же мы не сядемъ съ вами?! Садитесь, пожалуйста (ставитъ ей стулъ).

Ревекка. Благодарю васъ, но мнѣ некогда, у меня есть дѣло... Я должна оставить васъ...

Губанинъ. Ахъ, что вы, что вы?!!... Если вы оставите меня, я сейчасъ же оставлю вашъ домъ и переѣду въ другую гостинницу. Садитесь лучше [Ревекка садится]. Не прикажете ли папиросу? [подаетъ портъ—сигаръ].

Ревекка. Благодарю васъ, я не курю.

Губанинъ. И очень хорошо дѣлаете, если не курите, папиросы портятъ зубы и глаза, а въ особенности зубы [садится противъ нея], тогда какъ теперь ваши прелестные зубки бѣлы какъ перлы... [Всторону]. Ну теперь меня отсюда и коломъ не выгонишь.

Ревекка. Вы сюда на службу пріѣхали?

Губанинъ. Нѣтъ... я пріѣхалъ по собственной надобности.

Ревекка. Должно быть имѣніе въ западныхъ губерніяхъ хотите купить?

Губанинъ. И этою даже не желаю... Я просто путешественникъ, скитающіяся по Россіи единственно для изученія нашей торговли... Ну—да это всторону. А вы вотъ лучше скажите мнѣ ваше имя и отечество...

Ревекка. Меня зовутъ Ревеккой Давидовной...

Губанинъ. Ревеккой Давидовной?!!... Прекрасное имя, романическое, знаете... Мнѣ оно въ особенности нравится...

Ревекка. А ваше?

Губанинъ. Зовутъ Владиміромъ, по батюшкѣ Петровичемъ... А мое имя вамъ нравится?

Ревекка. Да, ничего....

Губанинъ. Ничего—и только?!... Ахъ, счастливъ тотъ, кому вы нравитесь, а еще болѣе тотъ кто вамъ нравится... Какъ бы я желалъ узнать имя этого счастливчика...

Ревекка. Такого счастливчика или, по моему, несчастливчика нѣтъ еще...

Губанинъ. Позвольте вамъ не повѣрить... Вы такъ молоды, прекрасны, что нельзя и предположить, что бы вы имѣли менѣе дюжины вздыхателей... А?

Ревекка. Не знаю... Я даже сомнѣваюсь въ ихъ существованіи...

Губанинъ. Ну, полноте скромничать... Тутъ нѣтъ ни чего дурного. Это дѣлаетъ честь дѣвицѣ, у которой цѣлая фаланга обожателей, а что они есть у васъ, такъ это вѣрно—какъ дважды два четыре... Да, я первый вашъ обожатель, я первый готовъ за васъ въ огонь и въ воду (входятъ Иванъ съ Ицкой, неся чамоданы; Губанинъ перемѣняетъ разговоръ). А что скажите: могу я здѣсь достать кислой кочанной капусты?

Ревекка. Можете... (Улыбается).

Губанинъ. Я, знаете, самый страстный охотникъ до капусты. (Едва удерживаетъ смѣхъ).

Иванъ (къ Губанину). Ну, выдумали, сударь!... въ мясоѣдъ капусты захотѣли! Богъ съ вами!... (къ Ицкѣ). Идемъ, послѣдній чемоданъ остался да ящикъ маленькій. (Уходятъ).

Губанинъ. [По уходѣ Ивана и Ицка]. Отъ вашихъ обожателей я сдѣлалъ скачекъ къ кислой кочанной капустѣ, для того что продолжать начатый разговоръ при людяхъ считалъ нескромнымъ, теперь же отъ капусты перескакиваю прямо къ вашему сердцу... Оно, знаете, не совсѣмъ-то логично, потому что послѣдовательности нѣтъ. Но гдѣ вы найдете правильную послѣдовательность? И сама природа непослѣдовательна... И такъ скажите мнѣ откровенно, ужели ваше сердце не способно любить?... Не способно...

Ревекка. Мое сердце застраховано отъ любви...

Губанинъ. То есть—какъ же это?

Ревекка. Очень просто: я еврейка, вотъ вамъ и все...

Губанинъ. Господи Боже мой! Какъ будто у еврейки сердце другаго устройства, какъ будто еврейка космополитъ въ этомъ случаѣ, какъ будто еврейка....

Ревекка. (Улыбаясь). Какъ будто вамъ болѣе не о чемъ говорить, какъ только о несчастной еврейкѣ!?...

Губанинъ. О несчастной?!... Развѣ вы несчастны?...

Ревекка. Далась вамъ еврейка!.. Я говорю вообще о еврейкахъ...

Губанинъ. Ну такъ скажите, пожалуйста, почему же ваше сердце застраховано отъ любви?

Ревекка. Какъ будто вы не знаете?

Губанинъ. Не знаю, хоть убейте.

Ревекка. Я еврейка,— талмудистка!... Насъ очень рано выдаютъ замужъ и не спрашиваютъ нравится женихъ или нѣтъ... Женихи же смотрятъ на своихъ невѣстъ не болѣе какъ на орудіе для размноженія рода человѣческаго и женъ своихъ считаютъ гораздо ниже себя. Стало быть о любви тутъ и помину нѣтъ... Христіанина полюбить нельзя, потому что между мной и христіаниномъ такая религіозная пропасть, такая бездна, которую перескочить нельзя... А главное то, что христіане смотрятъ на еврейку какъ на какое то животное, которое поддается только червонцамъ...

Губанинъ. Помилуйте, что вы это говорите!... Такихъ понятій были наши дѣды и прадѣды, но они давно въ могилѣ спятъ вѣчнымъ сномъ... Цивилизація положила конецъ этимъ узкомѣщанскимъ воззрѣніямъ...

Ревекка. Полноте заступаться... Я увѣрена, что и вы того же мнѣнія....

Губанинъ. (Притворно обидѣлся). Вотъ это мило... Вотъ за это благодарю васъ!..

Ревекка. Не стоитъ благодарности, я сказала вамъ правду...

Губанинъ. Правду? Но вѣдь вы меня не знаете?

Ревекка. Дай Богъ, что бы вы были исключеніе... Но какъ то не вѣрится... Я, знаете, такъ много встрѣчала людей съ такимъ взглядомъ, что, право, даже не вѣрится, чтобъ были люди иныхъ понятій... Было у насъ много примѣровъ: молодые мужчины—изъ вашихъ, одни достигали цѣли чрезъ золото; дѣйствительно, находились такія еврейки... Вѣдь во всякомъ обществѣ есть исключенія... Но за то большая часть евреекъ увлекалась фальшивыми ласками любви; эти еврейки бросались въ объятія мужчинъ безъ всякой корысти, и послѣ эти падшія дочери Сіона не только были оставлены своими обольстителями, но даже своими родными,— оставлены въ такой безднѣ, изъ которой нѣтъ выхода... Такъ

вотъ видите, что лучше ни кого не любить, чѣмъ слѣпо повиноваться своему сердцу и послѣ навѣки заклеймить себя позоромъ... Что вы такъ на меня смотрите?...

Губанинъ. Ничего, ничего, продолжайте; я слушаю васъ [въ сторону]. Какъ она мила,—такъ точно и умна. Ну, Губанинъ, покажи, что и ты не глупъ! (къ ней). Все сказанное вами хотя и односторонно немножко, но справедливо. Только позвольте вамъ замѣтить, что вы уклонились отъ нашего разговора... Я утверждаю, что и еврейка можетъ любить, какъ и всякая женщина другой народности...

Ревекка (Улыбаясь). Вы перемѣнили свой шуточный тонъ на болѣе серьозный... Тѣмъ лучше, я люблю говорить серьезно.... (смотритъ на него). Да, Владиміръ Петровичъ, еврейка можетъ любить, и ужъ если полюбитъ кого, такъ полюбитъ, какъ могутъ любить только дочери востока, она готова быть рабыней любимаго ею человѣка....

Губанинъ. Ну, скажите, намилость, развѣ можно смотрѣть на васъ, слушать васъ и не удивляться?... Я удивленъ, я пораженъ!... Вы такъ прекрасны, такъ умны, такъ развиты, что я... (Входятъ Иванъ и Ицко).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣже, Иванъ и Ицко.

Иванъ [несетъ чамоданъ]. Ну вотъ и все перетаскали, слава тебѣ Господи!... Ухъ!... [къ Ицкѣ]. Ладно, братъ, спасибо.... (обтираетъ потъ платномъ). Взопрелъ...

Ревекка (Губанину). У васъ много вещей...

Губанинъ. Да, порядочно...

Иванъ (Губанину). Что жъ, сударь, чай будете кушать?

Губанинъ. Да, приготовь...

Иванъ. Приготовь... приготовь... Вотъ я сперва прикажу самоваръ поставить, тогда и приготовлю [къ Ицкѣ]. Согрѣй-ка, братъ, самоваръ, поживѣе.

Ицко. Заразъ (поспѣшно уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣже безъ Ицка.

Губанинъ (къ Ревеккѣ). Вы гдѣ воспитывались?

Ревекка. Сперва я воспитывалась у тетушки; она очень богатая и образованная... У ней свой пансіонъ для еврейскихъ

дѣвочекъ; потомъ чтеніемъ книгъ довершила свое маленькое образованіе....

Губанинъ. Вы охотница до чтенія?

Ревекка. Большая охотница...

Губанинъ. Какія же вы читали и читаете книги?

Ревекка. Разныя, читаю и научнаго содержанія, и романы, и повѣсти....

Губанинъ. Русскія?

Ревекка. Да,... но, къ несчастію, здѣсь мало русскихъ книгъ, все больше польскія и нѣмецкія... потому и приходится читать ихъ... Впрочемъ, я довольно читала и русскихъ авторовъ.... Бѣлинскаго, Лермонтова, Пушкина, Гоголя, Державина, Языкова, Кукольника...

Губанинъ. [Перебиваетъ ее]. Который же изъ этихъ уважаемыхъ авторовъ вамъ болѣе всѣхъ по душѣ пришелся?

Ревекка. Признаюсь откровенно, мнѣ болѣе всѣхъ нравится Лермонтовъ.... И за нимъ Пушкинъ....

Иванъ [къ Губанину]. А булокъ прикажете къ чаю?...

Губанинъ. Ну, конечно...

Иванъ. Конечно... конечно... Вотъ я сперва схожу, куплю, такъ ужъ и будетъ конечно.... (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣже безъ Ивана.

Ревекка. Что это онъ вамъ такъ грубо отвѣчаетъ?

Губанинъ. Онъ у меня ужъ такой бутузъ... Съ самой колыбели моей со мной не разручался, такъ эта грубость ему извинительна...

Ревекка. (Встаетъ). Ну, однако мнѣ нужно идти... До свиданья...

Губнинъ. Куда же вы?!.. Да посидите еще нѣсколько минутъ... Мнѣ съ вами такъ пріятно бесѣдовать, что...

Ревекка. Благодарю васъ, за комплиментъ, но у меня есть дѣло....

Губанинъ. Стаканъ чаю выкушайте...

Ревекка. Благодарю васъ, не могу... Право, мнѣ некогда...

Губанинъ. Какъ досадно!.... Не смѣю васъ удерживать.... Будьте только добры и любезны ко мнѣ, навѣщайте меня почаще... Повѣрьте, что всякая минута, проведенная съ вами, для меня дороже золота....

Ревекка. Охъ, какой вы однако охотникъ до комплиментовъ!...

Губанинъ. Клянусь честью, что говорю правду.... Я лгать не люблю...

Ревекка [Улыбаясь]. Часто посѣщать васъ мнѣ нельзя; во первыхъ потому, что у меня лавка, я сама торгую въ ней; во вторыхъ, дѣла по дому всѣ на мнѣ. Отецъ сидитъ постоянно за талмудомъ, мать хлопочетъ по хозяйству, братъ занимается химіей, готовится въ провизоры... Въ третьихъ, частыя посѣщенія могутъ породить сплетни....

Губанинъ. Что же вы хотите, что бъ я умеръ съ тоски? Пожалѣйте меня хоть сколько нибудь...

Ревекка. Въ такомъ случаѣ почаще присылайте вашего человѣка ко мнѣ въ лавку, за покупками, а за полученіемъ денегъ я сама буду къ вамъ являться... хорошо?

Губанинъ. Не только хорошо, но даже прекрасно!... Я каждый часъ буду Ивана посылать за чѣмъ нибудь въ лавку, а вы послѣ этого сейчасъ же являйтесь ко мнѣ за деньгами....Г-мъ.... Мнѣ будетъ пріятно, а вамъ полезно... Придумано прекрасно....

Ревекка. Ну, а пока до свиданья! (кланяется и хочетъ идти).

Губанинъ. [Загораживаетъ дорогу]. Ручку, ручку, ручку!... Безъ этого не пущу.... (она протягиваетъ руку, онъ беретъ и крѣпко жметъ). У—ухъ!...

Ревекка [кричитъ]. Ой—ой--ой!... больно!...

Губанинъ. За то мнѣ хорошо...

Ревекка. Вы эгоистъ... [Вырываетъ руку]. Бѣжать отъ васъ!... (Дѣлаетъ движеніе).

Губанинъ. [Загораживаетъ путь]. Не пущу безъ того, что бы еще разъ не пожать вашу ручку...

Ревекка. Да вы больно жмете....

Губанинъ. Неправда... Это вамъ такъ кажется... [Беретъ руку]. Ну, развѣ больно?!..

Ревекка. [Кокетничая]. Больно....

Губанинъ [смотритъ на руку]. Ручка то, ручна то!!!... Ахъ, ахъ!... [цѣлуетъ руку]. Пухленькая, миленькая, правильная!... (еще цѣлуетъ). Ну, теперь могу сказать—до свиданья... [пускаетъ руку]. Помните:—до свиданья!

Ревекка. Хорошо.... До свиданья! [уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Губанинъ одинъ.

Губанинъ [по уходѣ Ревекки]. Вотъ сюрпризъ, такъ сюрпризъ. Признаюсь, не ожидалъ подобной встрѣчи.... [ходитъ по комнатѣ]. И умна, и развита, и красавица... Да, красавица... Ну и характе-

рецъ то мой хорошъ... Сегодня утромъ былъ по уши влюбленъ въ одну незнакомку, которая сидѣла со мной въ вагонѣ, а теперь готовъ признаться въ любви къ этой очаровательной жидовочкѣ... [ходитъ и поетъ]. «Непостоянство въ жизни сладость»... [говоритъ]. Разумѣется; сладость, однообразіе надоѣдаетъ... [подходитъ къ фортопьянамъ]. А!... фортопьяны? [Беретъ аккордъ]. Фу, какъ растроены!...

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Губанинъ и Ревекка.

Ревекка. А! Вы умѣете играть на фортопьянахъ? Вотъ видите, сударь: этого удовольствія въ другой бы гостинницѣ вы не получили....

Губанинъ. Для меня уже то удовольствіе, что снова вижу васъ у себя... А фортопьяны ваши слишкомъ разстроены, поэтому удовольствія доставлять не могутъ....

Ревекка. А я пришла снова къ вамъ, за паспортами, за вашимъ и человѣка вашего, для прописки; у насъ нынче строго, на счетъ этого... Я давеча хотѣла взять, но забыла....

Губанинъ. Зачѣмъ вамъ мой паспортъ, когда я самъ налицо предъ вами, а?!

Ревекка. Давайте, давайте!... Этимъ не шутятъ, сударь....

Губанинъ. А что вы мнѣ за это дадите, а?

Ревекка. Напротивъ, я хочу съ васъ же попросить двугривенный на прописку....

Губанинъ. Я человѣкъ коммерческій, привыкъ, знаете, что бы мнѣ за все платили... Но для васъ я сдѣлаю исключеніе и ограничусь однимъ только поцѣлуемъ вашей ручки... (Вынимаетъ изъ дорожной сумки 2 паспорта и подаетъ ей). Это мой... а это вотъ моего человѣка... а вотъ и двугривенный на прописку (подаетъ). А это за прописку (цѣлуетъ руку).

Ревекка. Какой вы лизоблюдникъ!.. [Идетъ]. До свиданья.

Губанинъ (Загораживаетъ дорогу). Ручку, ручку, ручку!...

Ревекка. Пустите!...

Губанинъ. Дайте ручку, такъ пущу. (Беретъ руку). Ну вотъ мерси... (цѣлуетъ и жметъ руку). Охъ вы—сердцеѣдка!..

Ревекка. Ой—ой!... Да вѣдь больно же..-

Губанинъ. Ахъ, если бы можно было всю жизнь, весь вѣкъ вотъ такъ продержать вашу ручку въ своей,—да ужъ что дѣлать!.. (Роспускаетъ). До свиданья!...

Ревекка. (Долго, молча, смотритъ на него, тяжело вздыхаетъ и говоритъ): До свиданья! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Губанинъ одинъ.

Губанинъ. (Посмотрѣвъ ей въ слѣдъ). Это чортъ, а не дѣвица!.. Глаза—точно раскаленные гвозди;—юркнули прямо въ сердце.... [ходитъ по комнатѣ]. Бредитъ Лермонтовымъ, значитъ, душа поэтическая.... Фу!... Даже жарко сдѣлалось! [ходитъ и напѣваетъ]:

«Леди, вы со мной шутили,
«Богъ проститъ вамъ, вы дитя!...
«Но вы жизнь мнѣ отравили,
«Сердце. . . . . [входитъ Иванъ].

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Губанинъ, Иванъ, потомъ Мовша и Ицко.

Иванъ [съ булками; говоритъ про себя]. Ну городъ, чтобъ его волки съѣли... путной булочной нѣтъ, все жиды да жиденята.... Пишмя кишатъ по улицамъ, точно муравьи въ муравейникѣ.... синой такъ и разитъ... Попали же въ городокъ!...

Губанинъ. Иванъ! Вѣчно ты ворчишь, никогда отъ тебя аскаваго слова не добьешься...

Иванъ. Не добьешся!.... г-мъ.... Изъ моей ласки чаю же напьетесь.... Я дѣло говорю, пошто было ѣхать въ этотъ городъ?...

Губанинъ. Какъ *пошто?* Да развѣ ты не знаешь, что я ѣзжу для торговой цѣли?!...

Иванъ. Для торговой цѣли... Тутъ путной собаки не сыщешь, а вы для цѣли! [Махаетъ рукой]. Ваше дѣло-съ. [Входятъ Мовша съ подносомъ и Ицко съ самоваромъ].

Мовша [поставивъ на столъ подносъ съ чайнымъ приборомъ, поспѣшно и униженно обращается къ Губанину]. Ясневельмозному, высокоблагородственному господину, яснесіятельному пану... [кланяется и цѣлуетъ Губанина въ локоть руки] здравія зелаю! [кланяется].

Губанинъ. Здравствуй!... Что тебѣ нужно?

Мовша. Ухъ... Ай—вай!... Мнѣ ни цего не нузно, мнѣ ни цего не нузно... Мозе ясносіятелсному господину пану, цто нузно?!... Ухъ...Ай—вай!... Я могу слузить господину пану, всѣмъ могу... *Дали Букъ* такъ... Тылько птицьяго молока не достану, а то все могу доставить пану... *Якъ пана Бога кохамъ*... Я факторъ; цестный факторъ этой гостинницы... Ухъ... Ай—вай!...

Губанинъ. Ты факторъ!?!... Прекрасно. Въ послѣдствіи ты будешь нуженъ мнѣ, а теперь ступай...

Мовша. (Вытираетъ лицо свое грязнымъ платкомъ). А я, ясне-

вельмозный господинъ панъ, такъ бѣзалъ, такъ сибко бѣзалъ, какъ узналъ, сто вы пріѣхали...

Губанинъ. Напрасно! Ты мнѣ не нуженъ...

Мовша (Помолчавъ). Мозе сто купить нузно?... Я заразъ сбѣгаю...

Губанинъ. Ничего не нужно... ступай!...

Мовша (помолчавъ). Мозе въ тіятръ захотите,—я заразъ схозу... А вотъ и афисецка. (Вынимаетъ изъ кармана и подаетъ); нынце славная игра...

Губанинъ. Здѣсь есть театръ!?... Вотъ какъ! Играютъ по русски?

Мовша. Такъ есть, такъ есть... по рюсски... Приказите сбѣгать за билетомъ?

Губанинъ. Нѣтъ, благодарю; я сегодня усталъ съ дороги... Не до театра... Оставь афишу, быть можетъ надумаюсь идти...

Мовша (Сдѣлавъ движеніе къ двери, возвращается къ Губанину и говоритъ таинственно и лукаво). А мозетъ быть ви соскуцитесь одни?... [Мигая глазами]. Я утѣсеніе вамъ достану, хоросее прекрасное утѣсеніе достану... Ухъ!... Ай—вай!...

Иванъ (Обваривастъ чай). Эхъ, какіе у тебя безстыжіе бѣльмы-то!... Видишь-чай, баринъ усталъ съ дороги, а ты все свое городишь... Ступай не проѣдайся...

Губанинъ (Мовшѣ). Хорошо, голубчикъ, ступай... Я позову тебя, когда будешь нуженъ...

Мовша. Слусаюсь, господинъ панъ... Вы только крикните, я явлюсь... заразъ явлюсь... Я здѣсь завсегда... я...

Иванъ. Ступай, коли говорятъ тебѣ, паршивый пархъ.... (Мовша, злобно посмотрѣвъ на Ивана, дѣлаетъ поклонъ Губанину, цѣлуетъ локоть и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Губанинъ (къ Ивану). Какой ты, Иванъ, невѣжа,—ни съ кѣмъ ты почеловѣчески поговорить не можешь, всегда облаешь....

Иванъ. Облаешь... облаешь!... Не ручки ли ему прикажете лизать? какъ же, дожидайтесь!...

Губанинъ. Кто тебя заставляетъ руки лизать?! Что ты говоришь?.. я не понимаю... Мнѣ не нравится, что ты невѣжливъ.

Иванъ. За что же съ жидомъ вѣжливымъ быть? Развѣ жидъ человѣкъ?... Тварь какая то, а не человѣкъ....

Губанинъ. Замолчи, Иванъ, ты мнѣ надоѣлъ... (смотритъ въ афишу, Иванъ подаетъ ему стаканъ чаю). Ба,..ба...ба!... Иванъ! Да тутъ у насъ нашелся знакомый, актеръ Пазухинъ...

Иванъ. Ну, и слава Богу, коли нашелся... Эка невидаль!..

Губанинъ. Поди позови комнѣ, еврея-фактора...

Иванъ. Позови... позови.... Да што же ему здѣсь дѣлать? На што онъ вамъ понадобился?...

Губанинъ (Сердито). Иванъ!?!

Иванъ (тоже сердито). Слушаюсь!.... слушаюсь!.... (Ворчитъ и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Губанинъ одинъ.

Губанинъ. (Молча ходитъ по комнатѣ). А еврейка у меня изъ головы нейдетъ.... Вотъ характерецъ-то!.... Увидѣлъ и того.... Загорѣлось сердце, закипѣла кровь... Да и она, какъ нарочно, такая хорошенькая. Чего хорошенькая,—красавица! Я видѣлъ въ Петербургѣ картину «Бандитка»,—ну, какъ двѣ капли воды, еврейка похожа на нее... Такіе же огненные глаза, такая же ядовитая улыбка (останавливается). Да, недаромъ школьные мои товарищи называли меня — «скоропостижнымъ»... Не ошиблись, други! У меня все это такъ скоро клеится... Право, я влюбиться готовъ въ еврейку... (Подходитъ къ окну и растворяетъ его). Батюшки, какой прелестный видъ!... Какіе холмы, горы!... Точно Швейцарія... И какъ фантастически освѣщены заходящимъ солнцемъ!... Ну, какъ тутъ не влюбиться?!... Говорятъ, что горный воздухъ въ этихъ случаяхъ благотворенъ и много способствуетъ любовнымъ интрижкамъ... Испытаю, право, испытаю... А жена моя, что на это скажетъ? (молчитъ). Что жъ жена?!... Жена на брегахъ Волги, а я на берегахъ Виліи... Притомъ же я болѣе платоническій обожатель женской красоты... Такъ тутъ грѣшокъ не великъ... (послѣ молчанія). А скверно рано жениться!.... Ей Богу, скверно!... Да и наши женщины какъ то того... Нѣтъ въ нихъ чего-то жгучаго, палящаго... Да, невольно приходятъ на умъ стихи Лермонтова (читаетъ):

«На нашихъ дамъ морозныхъ
«Съ досадой я смотрю,
«Угрюмыхъ и серьезныхъ
«Фигуръ ихъ не терплю... (входитъ Иванъ).

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Губанинъ, Иванъ, потомъ Мовша.

Иванъ (насмѣшливо). Сейчасъ благопріятель вашъ пожалуетъ къ вамъ...

Губанинъ. Какой благопріятель?

Иванъ. Какой... извѣстно какой... Жидъ—факторъ,—вотъ кто такой... (Губанинъ хочетъ что то сказать, но увидѣвъ входящаго Мовшу, удерживается).

Мовша (поспѣшно и униженно). Ясневельмозный господинъ панъ звать изволилъ меня? (кланяется).

Губанинъ. Да, звалъ; вотъ видишь ли въ чемъ дѣло...

Иванъ (Беретъ стулъ и подаетъ Мовшѣ). Сдѣлайте милость, господинъ жидъ, садитесь, пожалуста, а то, чего добраго, устанете...

Мовша. Ницево... Благодарствуйте... Я постою...

Губанинъ (Бросивъ сердитый взглядъ на Ивана,— ласково обращается къ Мовшѣ). Садись, голубчикъ...

Мовша. Благодарствуйте, я постою...

Губанинъ. Садитесь, я этого хочу...

Мовша. Заразъ, заразъ (робко садится на стулъ).

Иванъ (Бросается къ Мовшѣ). Ахъ ты чучело гороховое! ты и взаправду сѣлъ!?.. (Еврей встаетъ).

Губанинъ. Иванъ!?... Я не позволю тебѣ такъ безобразничать, слышишь ты? я не позволю... (къ Мовшѣ). Садись, голубчикъ... Ну, ну, безъ обиняковъ, садись (Мовша садится). Иванъ подай мнѣ сюда мой стаканъ съ чаемъ... (Иванъ подаетъ). Да налей ему другой...

Иванъ. Стакана нѣтъ...

Губанинъ. Прикажи подать... Скорѣе, безъ отговорокъ!... (Иванъ сердито уходитъ за стаканомъ).

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Тѣже безъ Ивана.

Губанинъ (по уходѣ Ивана, отдаетъ Мовшѣ свой стаканъ). Все равно, пей ты мой стаканъ, мнѣ Иванъ подастъ другой...

Мовша (не беретъ) Кусайте, господинъ панъ, сами, я подоэду...

Губанинъ. Ну, ну, не ломайся (Еврей беретъ). Садись... (входитъ Иванъ).

ЯВЛЕНІЕ 18 е.

Тѣже и Иванъ.

Иванъ (подавая налитый чаемъ стаканъ Мовшѣ). Ба!.. ужъ онъ трескаетъ?!..

Губанинъ. Дай мнѣ этотъ стаканъ...

Иванъ. Дай мнѣ... дай мнѣ... Вотъ я его сперва выполощу,

а потомъ и дамъ... Я думалъ, что пархъ изъ него будетъ пить, такъ и не полоскалъ... (Выливаетъ чай въ полоскательную чашку, полощетъ стаканъ, вытираетъ его и подаетъ Губанину). Кушайте-съ...

Губанинъ. Ты, Иванъ, совсѣмъ испорченъ...

Иванъ. Испорченъ... испорченъ... Вы хоть кого испортите... Вы на счетъ порчи мастера...

Губанинъ. Молчи, пожалуста (къ Мовшѣ). Какъ тебя зовутъ?

Мовша. Мовшей... Мовшей... (ставитъ на столъ выпитый стаканъ). Благодарствуйче, господинъ панъ... (Утираетъ потъ на лицѣ).

Иванъ (сквозь зубы]. И имя то собачье...

Губанинъ. Иванъ!?... (къ Мовшѣ). Скажи, пожалуста, голубчикъ, ты знаешь актера Пазухина?

Мовша. Ухъ... якъ-зе не знать?!.. Ай—вай!.. знаю, господинъ панъ. Дали Букъ, знаю... я ему слюзилъ прездe...

Губанинъ. Какъ его имя?...

Мовша. А якъ его имя-то?-. якъ его имя-то?... (прищелкиваетъ. Ухъ... тцъ... тцъ... тцъ... якъ его... Ухъ... Ай вай, запямюнтувалъ...

Губанинъ. Не Степанъ ли Павловичъ?

Мовша. Енъ самый, енъ самый, такъ есть, господинъ панъ... Степанъ Павловицъ...

Губанинъ. Далеко онъ живетъ отсюда?

Мовша. Недалецко, господинъ панъ, недалецко, черезъ тылько два дома...

Губанинъ. Ну такъ ты сбѣгай къ нему и попроси его сейчасъ сюда... Вотъ тебѣ карточка, отдай ему (Достаетъ изъ бумажника картопку и подаетъ ему).

Мовша. (Взявъ карточку). Слюсаюсь... заразъ, господинъ панъ... (хочетъ идти).

Губанинъ. Да забѣги къ здѣшней хозяйской дочери, возьми сотню сигаръ рублей въ пятнадцать и принеси ихъ сюда, а за деньгами пусть она сама сейчасъ придетъ сюда...

Мовша. Слюсаюсь, господинъ панъ, слюсаюсь... Въ одинъ моментъ сбѣгаю. (Убѣгаетъ).

ДѢЙСТВІЕ 1-е.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Въ 1-мъ и 2-мъ дѣйствіи:

Пазухинъ.
Губанинъ.
Ревекка.
Мовша.
Иванъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Вильнѣ, 1-е у Пазухина, 2-е у Губанина.

Небольшая комната съ небогатой мебелью. Стѣны увѣшаны портретами знаменитыхъ писателей и актеровъ. Направо отъ зрителя стоитъ шкафъ съ книгами, рядомъ этажерка съ бумагами, на верху которыхъ лежитъ человѣческой черепъ. Налѣво, у окна, письменный столъ, далѣе—въ глубинѣ кровать и ширмы, еще далѣе дверь.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Пазухинъ одинъ.

Пазухинъ (читаетъ вслухъ) «Забава, исправляющая нравы, есть счастливѣйшее изобрѣтеніе ума человѣческаго. Что плѣнительнѣе живой картины, гдѣ добродѣтель, изображенная яркими красками жизни, возвышаетъ душу зрителя, а порокъ, выставленный во всей гнусности, производитъ отвращеніе и ужасъ?» (Перестаетъ читать и думаетъ) Да... Такъ думалъ и писалъ великій нашъ актеръ Плавильщиковъ, такъ думаютъ всѣ разумные люди... [читаетъ] «Человѣкъ, служащій проводникомъ этихъ чувствъ, вѣрно достоинъ всякаго уваженія, а имя его—актеръ!» (перестаетъ читать и молчитъ). Это было сказано тогда, когда на искуство смотрѣли грубо, но цѣнили истинныя дарованія... Ныньче же, напротивъ, на искуство драматическое смотрятъ какъ на зеркало жизни; фельетонисты разныхъ газетъ грызутся между собой, все ради искуства; составляются артистическіе клубы; поступаютъ цѣлые легіоны новобранцевъ разныхъ лѣтъ и сословій въ храмъ Таліи и Мельпомены; но идеалъ актера не только не приближается къ русскому актеру, но даже все болѣе и болѣе теряется въ туманной дали... Въ Россіи слово актеръ равносильно паяцу или шуту.... Почему же это такъ? (Думаетъ) Винить въ этомъ нашу публику и актеровъ нельзя, тутъ вся вина падаетъ на руководителей драматическаго искуства, допускающихъ на сцену всякой сбродъ, открывающихъ

двери въ храмъ искуства бездарностямъ, потому что бездарности зачастую сопутствуютъ протекція и презрѣнный металъ.... Тогда какъ, напротивъ, молодое и безпомощное дарованіе встрѣчаетъ на каждомъ шагу препятствіе попасть на сцену.... И робость, и бѣдность, постоянные провожатые истиннаго таланта, какъ кошмары преслѣдуютъ его.... Примѣры на глазахъ, актеровъ множество, а талантовъ почти нѣтъ, а если они и есть то задавлены, загнаны... Одна бездарность только свирѣпствуетъ на сценѣ; въ угожденіе публикѣ она такія штуки выкидываетъ, что и самому первому въ свѣтѣ клоуну не сдѣлать.... Такъ какъ же послѣ этого не звать нашихъ актеровъ паяцами?.. [Встаетъ и ходитъ по комнатѣ] Эхъ!... Даже жолчь разливается когда начнешь думать о своемъ званіи... Гмъ... Актеръ!... Артистъ!... Заманчиво, чортъ возми!.. Для молодого, неопытнаго юноши, какимъ я былъ два года назадъ, сдѣлаться актеромъ была великая и неизбѣжная цѣль въ жизни. Ну вотъ я актеръ... и увѣренъ, что хорошій актеръ, но чтожъ изъ этого?... Лишенія и непріятности, на каждомъ шагу... Поссорился съ отцемъ, чуть не проклятъ имъ, и все за то, что актеръ; а какая польза изъ того что я актеръ?—никакой... И полюбить-то серьезно нельзя, скажутъ: актера взаимностью нельзя дарить, онъ вѣдь шутъ... Приволокнуться за актеромъ можно, если только наружность представительна.... Старыя дѣвы, да вдовушки любятъ удѣлять по нѣскольку часовъ хорошенькимъ актерамъ... Вѣдь есть же и такіе, ей Богу есть.... Была же глупость влюбиться въ еврейку; въ эту коварную жидовку, которая, кромѣ золота, ничего въ мірѣ не можетъ любить.... Ну, будь я не въ ссорѣ съ отцемъ, тогда бы другое дѣло было. Денегъ было бы много и она моя была бы... А теперь!... Теперь она и ухомъ не ведетъ: что ей за дѣло, что я умираю отъ любви къ ней... Она денегъ хочетъ, а у меня кромѣ пламеннаго сердца, человѣческаго черепа (показываетъ на черепъ), нѣсколькихъ книгъ, да связки ролей ничего нѣтъ... (ходитъ и напѣваетъ).

«Златыя мечтанья
«Давно улетѣли,
«Однѣ лишъ страданья
«Остались въ удѣлъ...»

Да, съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ сюда Губанинъ, мечтанья мои улетѣли и, должно быть, навсегда... Вотъ двѣ недѣли я не былъ у Губанина и не видалъ ее... Если бы любила, то пришла бы навѣстить, провѣдать... (Стукъ въ дверь) Кто тамъ?

Голосъ Ревекки [за дверью] я... Ревекка.

Пазухинъ Ревекка?!!.. Возможно ли? [Бросается къ двери и отпираетъ ее].

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Пазухинъ и Ревекка.

Ревекка [Входитъ и, посмотрѣвъ на Пазухина, говоритъ] Здравствуйте, злой ревнивецъ... [протягиваетъ ему руку]. Что это, здоровы ли вы?

Пазухинъ (пожимаетъ руку). Я здоровъ, а что же?...

Ревекка. Да помилуйте, двѣ недѣли вы къ намъ не показывались, я ужъ думала, что вы захворали и пришла...

Пазухинъ [цѣлуя у ней руку]. Навѣстить меня?!..

Ревекка. О, нѣтъ... Я пришла получить съ васъ должокъ.

Пазухинъ [Блѣднѣя]. Получить должокъ?!.. Гмъ... И только?

Ревекка [Весело]. А еще что же?

Пазухинъ (Въ волненіи). Нѣтъ, я такъ... ничего... Сколько я вамъ долженъ?

Ревекка. За 5 фунтовъ сахару и полфунта чаю...

Пазухинъ. Сколько же именно?..

Ревекка. Два рубля и семьдесятъ пять копѣекъ...

Пазухинъ (Вынимаетъ изъ стола деньги). Получите (отдаетъ).

Ревекка. Благодарю васъ (Принимаетъ). Ну—съ, досвиданья (собирается уходить).

Пазухинъ. Куда же вы?...

Ревекка. Какъ куда!—домой.

Пазухинъ. Успѣете еще... посидите немного... мнѣ такъ пріятно видѣть васъ...

Ревекка. Неужели?

Пазухинъ. Честное слово... Уже-ли это для васъ новость?

Ревекка. (Съ лукавой улыбкой). Конечно, новость...

Пазухинъ. А если такъ, то не удерживаю...

Ревекка. А, если такъ, то я остаюсь у васъ, на нѣсколько минутъ... Заприте дверь...

Пазухинъ (Идетъ и запираетъ дверь, потомъ подходитъ къ Ревеккѣ, беретъ ее за руку, садится рядомъ съ ней и долго смотритъ на нее). Послушай, Ревекка, что ты со мной дѣлаешь?

Ревекка. А что?

Пазухинъ. Какъ будто не знаешь?

Ревекка. Не знаю... Ей Богу, не знаю.

Пазухинъ. Холодностью своею ты убиваешь меня.

Ревекка. Ахъ, Боже мой! Нельзя же всѣмъ быть такимъ горячимъ, какъ ты...

Пазухинъ (Послѣ молчанія). Нѣтъ, но любишь ты меня...

Ревекка. Да развѣ можно любить такого злаго какъ ты... Ну что смотришь такъ печально?..

Пазухинъ. (Со вздохомъ). Ошибся я въ тебѣ!..

Ревекка. Ахъ, какой ты сегодня свирѣпый!

Пазухинъ. Послушай, Ревекка:.. Ужъ если ты не любишь меня, то...

Ревекка. То пожалѣй меня!.. Такъ, что ли?.. Это слова Жадова, изъ «Доходнаго мѣста,» а не твои голубчикъ... Я очень хорошо помню, какъ ты игралъ Жадова, но я, мой другъ, не Полина...

Пазухинъ. И я, мой другъ, не Жадовъ... Я хотѣлъ тебѣ сказать, что если ты не можешь любить меня, то покрайней мѣрѣ не смѣйся надо мной...

Ревекка. (Напѣваетъ). «Томимъ любовью страстной...» Изъ какой это оперы, не помнишь ли?

Пазухинъ. Нѣтъ не помню... За этой справкой обратись лучше къ Губанину, ты же у него часто бываешь.

Ревекка. [Не слушаетъ его и поетъ]. «Златыя мечтанья, давно улетѣли»... Неужели ты не знаешь откуда это?..

Пазухинъ. Нѣтъ не знаю... Спроси у Губанина.

Ревекка. Лгунъ... Я сама слышала за дверями, какъ ты пѣлъ «Златыя мечтанья,» а говоришь, что незнаешь откуда.

Пазухинъ. Ты слышала какъ я пѣлъ?..

Ревекка. Слышала, и въ особенности у тебя хорошо послѣднія слова вышли: «Однѣ лишь страданья остались въ удѣлъ».

Пазухинъ. Тебѣ нравится?

Ревекка. Разумѣется... (Оба молчатъ). Скажешь ли ты мнѣ, наконецъ, изъ какой это оперы?..

Пазухинъ. Изъ «Пуританъ.»

Ревекка. А говоритъ не знаю... Ты злой сегодня...

Пазухинъ. Твоя правда... сегодня до крайности я взбѣшенъ на свою жизненную обстановку, готовъ истерзать на мелкіе части перваго встрѣчнаго и поперечнаго...

Ревекка. И меня? (Улыбается).

Пазухинъ (Тоже улыбается). Тебя первую...

Ревекка. Ахъ, какой ты страшный!.. (Смѣется).

Пазухинъ. Тебѣ, Ревекка́, весело, а мнѣ, право не досмѣха...

Ревекка. Что же мнѣ плакать прикажешь?

Пазухинъ. Сегодня тебя я рѣшительно не понимаю.

Ревекка. Что ты меня не понимаешь, такъ это такая истина, противъ которой спорить грѣшно. .

Пазухинъ. Благодарю васъ за откровенность...

Ревекка. Не стоитъ благодарности.

Пазухинъ. Мы опять съ вами будемъ на *вы*?

Ревекка (Разсѣянно). Конечно... *Вы*, гораздо приличнѣе чѣмъ *ты* (подходитъ къ черепу). Послушайте, Пазухинъ!..

Пазухинъ. Что прикажете?

Ревекка. Приказывать я вамъ не смѣю... Мнѣ только хотѣлось сказать, что и мы съ вами черезъ нѣсколько лѣтъ, будемъ сперва въ могилѣ, а потомъ, черепа наши, вотъ какъ этотъ, быть можетъ, попадутъ въ комнату, для украшеній.

Пазухинъ. Для физіологическихъ наблюденій, хотите вы сказать?

Ревекка. Для украшеній, я говорю...

Пазухинъ. Быть можетъ вашъ черепъ будетъ украшать какой нибудь великолѣпный будуаръ...

Ревекка. Почему же именно мой, а не вашъ...

Пазухинъ. Потому что твой... Ахъ, пардонъ, извините, вашъ черепъ...

Ревекка. Мнѣ кажется, что *ты* гораздо лучше *вы*, а?

Пазухинъ (Сдерживая улыбку). Это зависитъ отъ васъ?

Ревекка (Посмотрѣвъ на него). А мнѣ кажется наоборотъ. (Беретъ черепъ въ руки). Бѣдненькій черепъ, думалъ ли твой властелинъ, что его голова попадетъ въ комнату актера, на кипу его ролей?.. Я думаю, нѣтъ; иначе онъ завѣщалъ бы зарыть себя поглубже...

Пазухинъ. Почему же это такъ?

Ревекка. Очень просто... Кому пріятно, послѣ смерти, быть забавой, посмѣшищемъ, предметомъ для физіологическихъ наблюденій и вообще свидѣтелемъ разныхъ дѣлъ и житейскихъ дрязгъ.

Пазухинъ. Мертвые срама не имутъ...

Ревекка. А вѣдь тоже любилъ, вѣроятно?... Быть можетъ этотъ безобразный видъ былъ когда нибудь красавцемъ и....?

Пазухинъ. Это черепъ женщины...

Ревекка. А?!!.. Вы даже и это знаете?...

Пазухинъ. Знаю.

Ревекка. Откуда вы его достали?

Пазухинъ. Изъ клиники.

Ревекка. Изъ клиники? (ставитъ его). Какъ это слово для меня непріятно!... Фи!...

Пазухинъ. (Улыбаясь). Нѣтъ, не бойтесь, его я нашелъ на берегу Волги, гдѣ было древнее кладбище, и съ тѣхъ поръ не разстаюсь съ нимъ.

Ревекка. Храните его какъ талисманъ?...

Пазухинъ. Нѣтъ, просто для того, чтобъ этотъ черепъ почаще напоминалъ мнѣ о пустотѣ нашей жизни, о продажности женщинъ (Ревекка улыбается), о ничтожествѣ нашемъ и о ковар-

ныхъ увѣреніяхъ въ любви.... Каждое утро этотъ черепъ невѣдомой женщины заставляетъ меня самому себѣ читать мораль... Когда мнѣ сдѣлается грустно, я мысленно съ нимъ начинаю бесѣдовать....

Ревекка. Быть можетъ эта женщина умерла отъ любви? М—сье Пазухинъ! скажите, не знаете ли вы — любила ли эта женщина, когда была жива?

Пазухинъ. Не знаю... Спросите черепъ... (Улыбается).

Ревекка (къ черепу). Скажи мнѣ, безобразный черепъ, любилъ ли ты въ жизни кого нибудь? Былъ ли счастливъ въ любви или обманутъ?.... Понялъ ли тебя твой идеалъ или нѣтъ?.... а?.... Молчитъ! (Вздыхаетъ). Не слышитъ теперь онъ ни оскорбленій, ни похвалъ, ни увѣреній... Ему теперь, кромѣ покоя, ничего не нужно... На лицѣ нѣтъ ни злобы, ни зависти... Только какая то непонятная улыбка какъ будто замерла на костяхъ... Вотъ и мы съ вами, м-сье Пазухинъ, будемъ также молчать...

Пазухинъ. Да, когда будемъ въ другомъ мірѣ, въ мірѣ вѣчной любви...

Ревекка. Вы злой, вы не будете въ томъ мірѣ.

Пазухинъ. Я увѣренъ, что буду тамъ, потому что мое сердце есть безпредѣльный океанъ любви...

Ревекка. Для всѣхъ?

Пазухинъ. Нѣтъ, только для васъ.

Ревекка. Неправда.

Пазухинъ. Какъ неправда?

Ревекка. Да такъ... Если бъ вы любили меня, то не стали бы на всѣхъ перекресткахъ кричать, что я такая и сякая... что я сфинксъ въ человѣческомъ образѣ, что я вампиръ, сосущій золото, что я продажная женщина, что я, наконецъ, сдѣлалась любовницей Губанина...

Пазухинъ. Да, это я говорилъ и имѣлъ на это причины... Ревновать васъ я имѣю право; вы знаете сами... Три мѣсяца тому назадъ я имѣлъ честь добиться отъ васъ перваго поцѣлуя. Вы сказали мнѣ, что любите меня и будете принадлежать только мнѣ.... «На вѣки твоя» прошептали вы мнѣ тогда.... Увлеченіе ли это было, шутка ли, или расчетъ, я не знаю, но этимъ вы заставили меня считать васъ своей; я уже началъ рисовать розовые планы будущей семейной жизни; привыкъ къ мысли, что вы моя, и вдругъ... (Разводитъ руками).

Ревекка. Что это: «и вдругъ»? Продолжайте...

Пазухинъ. И вдругъ я начинаю замѣчать въ васъ, вмѣсто жаркой пламенной взаимности, одну холодность...

Ревекка. Продолжайте, я слушаю.

Пазухинъ. Мало этого, вы начали видимо завлекать Губа-

нина. Впрочемъ, это понятно,—онъ богатъ, а вамъ это и на руку... Извините за откровенность, но я поклялся при первомъ удобномъ случаѣ вамъ высказать все то, что такъ долго и больно томило мое сердце— Позвольте же мнѣ досказать все...

Ревекка. Говорите, говорите!...

Пазухинъ. Мнѣ извѣстно, что вы по нѣскольку разъ въ день бываете у Губанина, просиживаете тамъ по цѣлымъ часамъ, цѣлуетесь съ нимъ...

Ревекка. Послѣднее ложь...

Пазухинъ. Не знаю, ложь или нѣтъ, только я слышалъ.... Знаю также, что Губанинъ вамъ подарилъ браслетъ съ медальіономъ (Ревекка показываетъ руку, на которой надѣтъ браслетъ). Вы его взяли, и прекрасно... Значитъ за что нибудь взяли... Потомъ я... Да что вамъ говорить, вы сами должны знать, лучше меня— есть ли поводы ревновать васъ или нѣтъ...

Ревекка. Кончили?

Пазухинъ. Хотѣлъ кончить, но не могъ... Да, вотъ что еще: двѣ недѣли я не былъ у васъ, а вы не прислали даже у знать о моемъ существованіи... Видно, какъ вы любите!...

Ревекка. Теперь все?

Пазухинъ. Нѣтъ не все, но для нынѣшняго раза и этого достаточно...

Ревекка. Нѣтъ, говорите,—теперь или никогда...

Пазухинъ (смотритъ на нее). Какъ никогда?!

Ревекка. Да такъ: постоянными своими упреками вы надоѣли мнѣ...

Пазухинъ. И прекрасно!... Только вамъ слѣдовало объ этомъ пораньше сказать, а не мучить меня лживыми увѣреніями...

Ревекка. Въ порывахъ ревности, вы столько наклеветали на меня, что я не понимаю, какъ до сихъ поръ люблю васъ...

Пазухинъ. Вы... вы любите меня?! (Смѣется).

Ревекка (со вздохомъ). Къ несчастію!..

Пазухинъ. Какъ жаль!..

Ревекка. Да очень жаль... потому что вы не стоите моей любви... Вы думаете, что если я еврейка, такъ должна за честь и счастіе считать, если меня любитъ христіанинъ, что еврейка безропотно должна выслушивать оскорбленія отъ своего обожателя?..

Пазухинъ. Этого я не думаю.

Ревекка. Выслушайте же теперь меня и не возражайте на то, что говорится въ минуты откровенности; я вамъ хочу многое высказать...

Пазухинъ. Сдѣлайте милость (садится возлѣ нея).

Ревекка. Вы, вѣроятно, знаете, м-сье Пазухинъ, что женщина у евреевъ считается не болѣе какъ орудіе для достиженія

матеріальныхъ цѣлей мужа? (Пазухинъ утвердительно качаетъ головой). Воспитаніемъ и образованіемъ дочерей своихъ евреи отцы— за малымъ исключеніемъ такъ называемой нашей аристократіи— занимаются очень мало, можно сказать, почти вовсе не занимаются, потому что, по ихъ понятіямъ, женщинѣ еврейкѣ не нужно знать того, что мужчинѣ... Я не изъ аристократическихъ евреекъ и, подобно всѣмъ моимъ одноплеменницамъ, обречена судьбой безропотно сдѣлаться рабой своего мужа и съ нимъ вмѣстѣ погрязнуть въ пошлый міръ коммерческихъ расчетовъ и разныхъ сдѣлокъ... Мы должны забыть, что и мы люди способные, какъ и другія женщины чуждой намъ расы, откликаться на все прекрасное... Намъ даже въ синагогѣ, въ храмѣ молитвы отведено особенное мѣсто отъ мужчинъ, за желѣзной рѣшеткой, какъ звѣрямъ...

Пазухинъ. [Улыбаясь]. Вы обладаете большимъ краснорѣчіемъ...

Ревекка. Не перебивайте меня... Я говорю, какъ умѣю.... Я дала себѣ слово высказать вамъ все то, что такъ давно томило мое бѣдное сердце... Позвольте же продолжать...

Пазухинъ. Извольте, извольте, я слушаю...

Ревекка. При такой тюремной обстановкѣ, какую я вамъ сейчасъ представила, вянетъ красота дѣвицы—еврейки, глохнутъ въ ней всѣ прекрасныя качества и, неболѣе какъ черезъ годъ послѣ сватьбы, она дѣлается отупѣлымъ автоматомъ... Перспектива, какъ видите, не привлекательная! Еврейка не виновата въ своей нравственной смерти... Ей ужъ не о любви приходится думать!...

Пазухинъ. Я не понимаю однако, къ чему вы это говорите; это нейдетъ къ дѣлу.

Ревекка. Прошу васъ, м-сье Пазухинъ, хладнокровно слушать меня далѣе.... Я этою требую по своему праву.... А вы знаете, что право на это я имѣю.

Пазухинъ. Виноватъ!... продолжайте...

Ревекка. Вы смѣетесь? въ такомъ случаѣ я замолчу...

Пазухинъ. Нѣтъ, ради Бога, говорите (цѣлуетъ ея руку). Я слушаю...

Ревекка (продолжаетъ). Бываютъ, конечно, исключенія: находятся въ нашей средѣ такія личности, которыя по своей натурѣ превозмогаютъ всѣ трудности жизненной обстановки, борются съ злой своей судьбой, хотя открыто и не протестуютъ; потому что протестъ ихъ не будетъ услышанъ никѣмъ... Если же услышатъ его родные, то еще болѣе стѣснятъ и безъ того нерадостную жизнь... Къ такимъ исключеніямъ принадлежу и я...

Пазухинъ. Вотъ что?!

Ревекка. Вы удивляетесь?.. Не удивляйтесь... Я, быть можетъ, сама уже была бъ отупѣлой, апатичной еврейкой, если бы

не имѣла настолько силы воли, чтобы проложить самой себѣ дорогу къ свѣту...

Пазухинъ. Честь и слава вамъ!

Ревекка. Ваша правда; я горжусь этимъ... Сама я захотѣла учиться у своей тетушки, сама, наконецъ, познакомилась съ лучшими литературными произведеніями, — однимъ словомъ — образовала себя сама настолько, насколько нестыдно быть образованной любой женщинѣ.... Наконецъ, я пришла къ такому убѣжденію, что на другомъ поприщѣ я была бы полезнѣе, чѣмъ сидѣть въ лавкѣ да завертывать мыло и другіе предметы торговли своимъ покупателямъ.... Горько и грустно было мнѣ, послѣ такого сознанія!... Всѣ на меня смотрятъ какъ то презрительно. И въ самомъ дѣлѣ! что такое еврейка — продавица?!... Слуга, раба—не болѣе!... О, какъ убійственно было такое сознаніе!!... (машетъ рукой). Христіане покупатели одни, чуть не командуютъ тобой, другіе нахально ухаживаютъ за тобой... Евреи смотрятъ какъ на вещь, родители какъ на служанку, или правильнѣе выразиться—на ломовую лошадь... И въ этихъ-то условіяхъ жизни я находила минуты, когда мечтанія уносили меня въ счастливый міръ фантазій!.. Душа моя тогда искала чего то... Чего именно, вы вѣроятно догадываетесь?

Пазухинъ (серьозно). Нѣтъ.

Ревекка. Я вамъ скажу... Душа моя искала свой, уже заранѣе сложившійся, идеалъ, которому можно было бы передать свои вѣчныя муки, мимолетныя радости, и за него ухватиться, какъ за своего спасителя, который могъ бы извлечь меня изъ царства мрака на свѣтъ Божій... Кандидатовъ для этого было много; за мной ухаживало многое множество молодыхъ людей, изъ разныхъ— народностей, искавшихъ моего поцѣлуя... Но на всѣ ихъ ласки, увѣренія и услуги я отвѣчала непринужденною, веселою холодностью. Ихъ, конечно, это бѣсило, а меня забавляло... Наконецъ пріѣзжаетъ одинъ русскій актеръ къ намъ въ городъ, останавливается у насъ и я на другой день полюбила его... Полюбила его первый разъ въ жизни... Этотъ актеръ вы,— скрывать нечего... Да и сами вы, я думаю, знаете объ этомъ лучше меня... Я дѣвушка не глупая и за что же нибудь я васъ полюбила. За деньги я васъ полюбить не могла; потому, во первыхъ, что у васъ нѣтъ ихъ, а во вторыхъ, не денегъ я искала... Вы мнѣ понравились, вотъ и все... Вы хороши собой, имѣете прямой и честный характеръ, постоянны въ своихъ желаніяхъ,—черты которыя сейчасъ же узнаются дѣвицами... Я знала, что и я вамъ понравилась, знала, что вы полюбили меня и потому, не думая ни о чемъ, безотчетно отдалась вамъ, кинулась въ ваши объятія и успѣла сродниться съ мыслію, что вы мой

на вѣки, на всю жизнь..... Покрайней мѣрѣ я убѣждена, что кромѣ васъ я любить ни кого не могу... И что же? на мое желаніе уѣхать куда нибудь съ вами, хоть на край свѣта, вы отвѣтили, что нужно подождать до окончанія вашего контракта съ дирекціей; я жду и, скрывая свои планы на будущее счастливое, исполняю свои дневныя обязанности. Вы начинаете ревновать меня по всѣмъ, съ кѣмъ я должна говорить по обязанности продавщицы и хозяйки дома... Пріѣзжаетъ къ намъ въ номеръ вашъ знакомый Губанинъ, вы кричите, что я сдѣлалась его любовницей... Что я вампиръ въ человѣческомъ образѣ, сосущій золото... Но, такъ ли это?!.. Я могла бы согласиться на предложеніе Губанина — взять съ него двадцать тысячъ и уѣхать съ нимъ куда глаза глядятъ; однако я не приняла этихъ лестныхъ кондицій...

Пазухинъ. Онъ вамъ это предлагалъ?!...

Ревекка. Я съ вами не шучу.

Пазухинъ. Подлецъ!....

Ревекка. Дѣйствительно, я приняла отъ него браслетъ съ медальономъ; но онъ этого настоятельно требовалъ, въ противномъ случаѣ хотѣлъ выѣхать отъ насъ и заявить моему отцу о причинѣ его выѣзда. Судите сами, могла ли я отказать ему въ этомъ, когда мои родители заставляютъ меня съ нимъ кокетничать, потому что каждый день онъ доставляетъ намъ громадный барышъ... Развѣ я виновата въ томъ, что каждое мое посѣщеніе Губанина стоитъ ему большихъ денегъ? Я къ нему являюсь только за полученіемъ денегъ по счету за забранный товаръ въ нашей лавкѣ... Онъ самъ этого желалъ, это желаніе поддерживаютъ и мои родители... А вы командируете цѣлый легіонъ шпіоновъ—подсматривать, что дѣлается у Губанина, и получаете свѣдѣнія отъ нихъ, что я цѣлуюсь съ нимъ... Но, послушайте— уже ли вы не знаете, что при свидѣтеляхъ не цѣлуются? Кто жъ это могъ видѣть, я бы хотѣла знать?... Вы молчите, значитъ это созданіе вашего воображенія; какъ это благородно!... (Голосъ ея дрожитъ, на глазахъ блеснули слезы). За то, что дѣвушка-еврейка отдала вамъ все, рѣшительно все, вы безславите ее на каждомъ перекресткѣ. (открываетъ медальонъ) Смотрите: чей это портретъ въ медальонѣ?... Я васъ спрашиваю, чей этотъ портретъ? (Съ любовью смотритъ на него). Отвѣчайте же!

Пазухинъ. (посмотрѣвъ) Мой.

Ревекка (заплакавъ). За что же вы меня оскорбляли?

Пазухинъ (Растерявшись). Я, право... я не зналъ... Ахъ, Боже мой!... (Въ сторону). Что я надѣлалъ!...

Ревекка (продолжая плакать). Вы думаете, что я пришла и въ самомъ дѣлѣ за долгомъ?... Вотъ ваши деньги, оставьте ихъ у себя... Вы думаете, что если прежде я получала съ васъ долги,

а не дарила их вам, так, поэтому, и не люблю вас? Но вы сами мнѣ сказали, что не примете отъ меня ничего въ подарокъ, исключая моей фотографической карточки... Что всякой подарокъ отъ женщины мужчинѣ, находящемуся къ ней въ такихъ же отношеніяхъ, какъ мы съ вами, клеймитъ его позоромъ... Что это достойно только человѣка низкаго...

Пазухинъ (опускается на колѣна). Ангелъ мой! Ревекка! Прости безумнаго... Клянусь тебѣ Богомъ, что все это я надѣлалъ изъ любви къ тебѣ... Вѣдь если бы я не любилъ тебя...

Ревекка. А знаешь ли, что въ первый день пріѣзда Губанина, когда онъ хотѣлъ остаться со мной наединѣ, я нарочно сочинила ему, что меня дома ждетъ женихъ-еврей, чтобы только уйдти отъ него?...

Пазухинъ (цѣлуетъ ея руки). Прости меня, Ревекка!... Ну, перестань плакать; я не могу равнодушно смотрѣть на твои слезы, онѣ для меня хуже всякой пытки... Ну, перестань, а то я и самъ заплачу... Ей Богу заплачу...

Ревекка. Не мѣшай мнѣ... Послѣ слезъ бываетъ легче.

Пазухинъ. Ну вотъ ты какая!... Да полно же, прости меня!...

Ревекка. Я не сержусь на тебя...

Пазухинъ (цѣлуетъ ея руки). Ну, прости меня!...

Ревекка. Дай мнѣ стаканъ воды...

Пазухинъ. Сейчасъ (Бѣжитъ къ столу, наливаетъ изъ графина стаканъ воды и подаетъ ей). Пей и успокойся...

Ревекка (Пьетъ воду и отдаетъ стаканъ Пазухину). Я не понимаю, чего ты хочешь отъ меня?

Пазухинъ (Садится рядомъ съ ней). Я хочу очень немногаго... Чтобы никто не смѣлъ, исключая меня, прикоснуться къ тебѣ; чтобы радоваться твоею радостію, гордиться твоею гордостію мнѣ одному... Наконецъ, я хочу того, чтобы люди уважали тебя и несмѣли бы дѣлать тебѣ нахальныя предложенія...

Ревекка. Такъ зачѣмъ же дѣло стало?... Я готова бѣжать съ тобой куда угодно, хоть сейчасъ... Ты желаешь, чтобы я крестилась, я готова принять христіанство, хотя знаю, что не скоро сдѣлаюсь доброю христіанкой, потому что я и своей-то религіи не знаю... Что же дѣлать, когда безъ этого нельзя намъ повѣнчаться.

Пазухинъ. Объ этомъ мы съ тобой поговоримъ въ другое время, а теперь прошу тебя успокоиться. (Обнимаетъ ее и цѣлуетъ). Ангелъ ты мой!... Вотъ чего бы я хотѣлъ, чтобы такъ, какъ мы теперь сидимъ, обнявшись, просидѣть, не разлучаясь, всю жизнь! (Декламируетъ ей на ухо стихи).

«Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
«Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ...»

Ахъ ты моя ненаглядная! (Цѣлуетъ ее).

Ревекка. Ради Бога, прошу тебя, увези меня отсюда поскорѣе, иначе я съ ума сойду!...

Пазухинъ. Если ты хочешь, изволь... Изъ любви къ тебѣ, я брошу театръ, помирюсь съ отцемъ своимъ и...

Ревекка. Нѣтъ, театра ты не бросай... Прошу тебя, не приносить мнѣ этой безполезной жертвы. Мнѣ ничего не нужно, я хочу только быть вѣчно съ тобой... Милый ты мой! Уѣдемъ поскорѣе въ глубину Россіи, въ какой нибудь провинціальный городъ, гдѣ есть театръ, тамъ ты можешь играть, да и я... пожалуй, тоже...

Пазухинъ. Что?! Ты хочешь сдѣлаться актриссой?!

Ревекка. А почему бы и не такъ?... Развѣ я не могу играть?

Пазухинъ. Напротивъ, мой другъ, мнѣ кажется ты будешь вторая Рашель: у тебя столько огня, столько чувства, искренности.

Ревекка. Ну, такъ ты не будешь больше мучить меня ревностью? а?...

Пазухинъ. Нѣтъ, тысячу разъ—нѣтъ!

Ревекка (цѣлуетъ его). Приходи уже вечеромъ въ 9 часовъ, въ Ботанической садъ; оттуда мы пойдемъ на горы... Хорошо?

Пазухинъ. Ну, конечно... Развѣ дурно можещь ты сказать? (Цѣлуются).

Ревекка. Безъ комплиментовъ; я не люблю ихъ... Ну говори—придешь въ садъ?

Пазухинъ. Приду, на крыльяхъ Амура прилечу.

Ревекка (улыбаясь). Нѣтъ ужъ, зачѣмъ на крыльяхъ? лучше такъ, а то, пожалуй, оборвешься и убъешься... [Цѣлуетъ его]. Не стоилъ бы этого, да что дѣлать; я плохо владѣю собой... Теперь ты не будешь больше пѣтъ: «златыя мечтанья давно улетѣли?»...

Пазухинъ. Не буду, а замѣню другимъ, своимъ романсомъ: «проснулись забытыя страсти...»

Ревекка. Умникъ! (Цѣлуетъ его). Однако, который часъ?

Пазухинъ (смотритъ на часы). Ровно два...

Ревекка. Неужели?.. (смотритъ). Ахъ, какъ я засидѣлась у тебя! (Встаетъ). Прощай. (Стукъ въ дверь).

Пазухинъ (прислушивается). Постой, кто то идетъ. (Кричитъ). Кто тамъ?

Голосъ Ивана. Я, сударь... Я—съ, Иванъ.

Пазухинъ. Человѣкъ Губанина.

Ревекка. Вотъ тебѣ разъ!... Онъ ужасный болтунъ; пожалуй, разболтаетъ домашнимъ, что меня засталъ у тебя...

Пазухинъ. Въ такомъ случаѣ, ступай за ширмы, а когда, онъ войдетъ, ты можешь незамѣтно уйдти въ дверь.

Ревекка. Такъ я и сдѣлаю. Прощай [цѣлуетъ его]. Смотри же не забудь про Ботаническій садъ [скрывается за ширмы].

Пазухинъ [подходитъ къ двери и отворяетъ ее]. Войди, Иванъ. [Иванъ входитъ, замѣтно что клюкнулъ].

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Пазухинъ, Ревекка и Иванъ.

Иванъ. Здравствуйте, сударь... (кланяется). Барынъ мой приказалъ вамъ кланяться и просилъ васъ пожаловать къ нему сегодня, безпремѣнно пожалуйте.

Пазухинъ. Зачѣмъ?

Иванъ. Не знаю—съ зачѣмъ.. Стало быть нужно, коли просить велѣли... А вотъ вамъ писулька отъ него... [Подаетъ ему письмо; въ это время Ревекка крадется къ двери и, пославъ Пазухину воздушный поцѣлуй, скрывается въ дверь]. Что это сударь?...

Пазухинъ [распечатавъ письма]. А что?

Иванъ [осматривается кругомъ]. Да никакъ кто-то за ширмами есть у васъ?... Не помѣшалъ-ли я?...

Пазухинъ. Это тебѣ почудилось, у меня никого нѣтъ.

Иванъ [засматриваетъ за ширмы]. И впрямь почудилось... Старъ ужъ становлюсь.

Пазухинъ [прочитавъ письмо]. Иванъ, хочешь рябиновки?

Иванъ. [Ухмыляясь]. Рябиновки?...

Пазухинъ. Да, рябиновки...

Иванъ. Гмъ... Отчего не выпить рябиновки?—могу—съ..

Пазухинъ [подходитъ къ окну, беретъ бутылку и рюмку и подноситъ Ивану]. Пей...

Иванъ [кланяется]. За ваше здоровье, сударь [пьетъ].

Пазухинъ. А повторить?...

Иванъ. Могимъ-съ... рябиновка чудесная!...

Пазухинъ. Пей.

Иванъ (пьетъ). На долгія вамъ лѣта, сударь... Въ животѣ точно заяцъ забѣгалъ-съ, ей Богу-съ!... Чудесная рябиновка! Гдѣ вы ее покупаете-съ?

Пазухинъ. Домашняго приготовленія... Самъ настаивалъ.... Хочешь еще?

Иванъ. Если милость ваша будетъ, не откажусь...

Пазухинъ (наливаетъ и подаетъ ему). Пей.

Иванъ. Дай Богъ вамъ счастія и хорошенькую жену, сударь. (пьетъ). Ухъ!... важно-съ!...

Пазухинъ (поставивъ наливку на прежнее мѣсто). Скажи, пожалуста, Иванъ, часто къ барыну твоему ходитъ еврейка, хозяйская дочка?

Иванъ. Еврейка-то? Гмъ!... Почитай каждый часъ. Ей Богу-съ.. А коли когда долго не идетъ, такъ баринъ сейчасъ меня и посы-

лаетъ въ лавку къ ней, скажи, говоритъ, Иванъ, чтобы она мнѣ вотъ того-то и того-то принесла... А жидовкѣ это и на руку.

Пазухинъ. А что же они дѣлаютъ, когда остаются съ ней въ комнатѣ?

Иванъ. Что, извѣстно что... Бѣса тѣшатъ. Играютъ въ жмурки, визжатъ, поютъ, хохочутъ, просто срамъ... Мой баринъ, что ему?... Гмъ!... Не смотритъ что она жидовское отродье... Ему это все равно; онъ ужъ такимъ уродился... Я, говоритъ, Иванъ, хочу узнать, какъ любятъ жидовки, ну вотъ и узнаетъ...

Пазухинъ. А меня вспоминаютъ?

Иванъ. Вспоминаютъ, вспоминаютъ... Мой баринъ говоритъ, что для него это очень чувствительно, что вы съ нимъ ссориться изволите... Ступай, говоритъ, Иванушка, уговори его; ну я и пошелъ... Сударь! Позвольте мнѣ еще рюмочку, рябиновки... Наливка то больно хороша...

Пазухинъ. Съ удовольствіемъ (наливаетъ и подаетъ). Пей.

Иванъ (Ухмыляясь). Пей, да дѣло разумѣй... За ваше здоровье! (пьетъ). Уфъ!... Наливка антикъ!... Покорнѣйше благодарю васъ... Что же ему прикажете сказать въ отвѣтъ?

Пазухинъ. Ничего.

Иванъ. Какъ ничего. Что вы, сударь! помилуйте! Не хорошо-съ такъ, право, не хорошо.... Лучше жить въ любви да въ мирѣ, ей Богу, такъ-съ... Я ему скажу что вы придете, а?...

Пазухинъ. Не пойду я къ этому подлецу.

Иванъ. За что же, сударь, вы его ругаете: онъ супротивъ васъ ничего не имѣетъ... Ей Богу-съ...

Пазухинъ. Скажи ему, что я не буду у него и что если онъ хочетъ видѣться со мной, то можетъ пожаловать ко мнѣ на квартиру, а къ нему я не пойду... Такъ и скажи...

Иванъ. Такъ и сказать?

Пазухинъ. Такъ и скажи.

Иванъ. Слушаюсь... Какъ угодно-съ... А что, сударь, могу еще я рюмочку пропустить?

Пазухинъ. Не много ли будетъ?

Иванъ. Нѣтъ, не много-съ... Въ самую плипорцію.

Пазухинъ [наливаетъ и даетъ]. Пей.

Иванъ (выпивъ). Ну, вотъ теперь, прощенья просимъ-съ... (Кланяется).

Пазухинъ. Прощай, Иванъ.

Иванъ. Кланяться, значитъ, не нужно-съ?

Пазухинъ. Не нужно...

Иванъ. Гмъ!... Такъ-таки и сказать?

Пазухинъ. Такъ и скажи.

Иванъ. Слушаюсь.... Прощайте, сударь... (кланяется и идетъ къ двери, въ которую, запыхавшись, вбѣгаетъ Мовша и сбиваетъ съ ногъ Ивана). Тише, пархъ ослѣпъ?...

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣже и Мовша.

Мовша (къ Ивану). Ти сямъ ослѣпъ... (къ Пазухину). Здравія желаю, васе благородственное, панское благородіе, здравствуйце, господинъ—панъ... (Подходитъ къ нему и шепчетъ ему на ухо).

Пазухинъ. (Въ волненіи). Неужели?

Мовша. Дали-Букъ!

(Конецъ 1-го дѣйствія).

С. Калугинъ.

УСПѢХИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Освященіе храма, во имя новоявленнаго святителя Тихона Задонскаго, въ м. Брагинѣ, Рѣчицкаго уѣзда, перестроеннаго изъ латинскаго костела, 1867 года 13-го августа.

Прежде чѣмъ опишемъ скромное торжество освященія сего храма, хоть вкратцѣ скажемъ о судьбѣ его, какъ и всѣхъ православныхъ храмовъ Божіихъ, въ здѣшней странѣ, обращенныхъ во времена уніи сперва въ уніатскія церкви, а потомъ, при помощи іезуитовъ, и въ латинскіе костелы. Такова же участь была и сего храма! Это была прежде домовая церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, устроенная на вратахъ замка владѣльцевъ здѣшней мѣстности, русскихъ князей Вишневецкихъ, а потомъ, въ 1744 году, перенесенная на то мѣсто, гдѣ и нынѣ находится. Когда брагиноселецкій монастырь [1]) былъ обращенъ изъ православнаго въ

1) Монастырь, въ 5-ти верстахъ отъ м. Брагиня. Фундушъ на этотъ монастырь выданъ 1609-г. года 29-го іюня княземъ Адамомъ Вишневецкимъ и женою его, урожденною Ходкевичъ. Документъ этотъ помѣщенъ подъ № 43-мъ 1848-о года въ книгѣ древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи.

уніатскій, тогда и эта церковь обращена въ уніатскую, и современемъ въ латинскій костелъ, такъ какъ и сами князья Вишневецкіе, бывшіе искони православными, только послѣ 1744-о года совратились въ латинство. Старожилы еще помнятъ уніатскаго священника Фирасевича, бывшаго священнослужителемъ при сей церкви, и принадлежавшаго къ числу брагиноселецкихъ базиліанскихъ монаховъ, такъ какъ эта церковь была приписана къ сказанному монастырю. Можно думать, что латинское духовенство, при содѣйствіи іезуитовъ и польскихъ пановъ, завладѣло этою церковію около 1791-о года. Съ того времени, до поступленія въ православное вѣдомство 1), этотъ костелъ былъ филіальнымъ,—безъ приходнымъ, приписнымъ къ остроглядовицкому приходскому костелу. Итакъ латинской пропагандѣ удалось только уніатскую церковь въ м. Брагинѣ обратить въ костелъ, и жители, защищаемые организованнымъ еще съ 1745-о года при брагинской Николаевской церкви братствомъ, и по настоящее время (нынѣ соединеннымъ съ церковнымъ совѣтомъ) существующимъ,—не поддались вліянію ксендзовъ и пановъ, а остались вѣрными своему исконному православію, такъ что здѣсь, т. е. въ м. Брагинѣ, не было ни одного латинника.

Бывшій этотъ костелъ—деревяный, на каменномъ фундаментѣ, построенный на востокъ, съ боковыми придѣлами,—ризницею и пономарнею, — на разстояніи 6-ти саженей отъ Николаевской церкви. Современемъ, этому зданію данъ былъ латинскій видъ, чрезъ пристройку съ фронта башни для колоколовъ, гдѣ устроены были для эффекта и часы. Зданіе это—изъ тесанаго брусья, весьма прочное, хоть и старое. Нынѣ, по снятіи башни и ветхой изъ гонты крыши, пристроенъ передній придѣлъ; вся церковь покрыта желѣзомъ; внутри поставлены двѣ печи, сдѣлана штукатурка и потолокъ; также устроенъ новый, хоть не богатый, но благовидный иконостасъ 1).

---

1) При обыскѣ въ костелѣ 1864-о года 5-го ноября, найдена уніатская риза и выносной крестъ. На основаніи этихъ находокъ и выше изложенныхъ данныхъ и переданъ этотъ костелъ въ православное вѣдомство, по распоряженію г. начальника края, 1865-о года 12-го апрѣля.

1) Устройство этой церкви стоитъ уже болѣе 2000 руб. сер.; но еще церковь не окрашена снаружи и нуждается въ утварныхъ вещахъ, какъ то: гробницѣ, евангеліи, напрестольномъ крестѣ, двухъ хоругвахъ и хотя однихъ священническихъ облаченіяхъ. Израсходовано на устройство церкви кошельковой суммы 800 р., собрано церковнымъ совѣтомъ 800 р., но приговорамъ во-

Этотъ новоустроенный храмъ, съ помощію Божіею и Его великаго угодника святителя Тихона, въ день посвященный его памяти, т. е. 13-го августа, освященъ брагинскимъ благочиннымъ, священникомъ Максимомъ Ѳремичемъ, по благословенію высокопреосвященнѣйшаго Михаила, архіепископа минскаго. Въ освященіи храма участвовало девять сосѣднихъ священниковъ и діаконъ. По предварительномъ оповѣщеніи чрезъ сосѣднія волостныя управленія о предстоящемъ освященіи храма, народа собралось къ сему дню приблизительно около двухъ тысячь, въ числѣ коихъ богомольцы были и за 50 верстъ, въ особенности изъ м. Лоева. Всенощное бдѣніе съ вечера отправлено было въ св. Тихоновской церкви, а утромъ 13-го числа въ Николаевской, самостоятельной, въ коей была совершена ранняя литургія. Говѣвшихъ и удостоенныхъ принятія святыхъ Христовыхъ таинъ въ обѣихъ церквахъ было 300 душъ, кромѣ дѣтей. Богослуженіе въ свято-Тихоновской церкви окончилось въ часъ по полудни [1]. Въ богомольцахъ замѣтно было особенное благоговѣніе и пламенная молитва къ новоявленному Святителю,—такъ что, не смотря на многочисленное стеченіе народа, въ теченіи цѣлаго дня господствовала и въ церкви, и на площади, и по домамъ безпримѣрная тишина, спокойствіе и трезвенность. По окончаніи богослуженія, духовенство и всѣ почетнѣйшіе богомольцы, радушно были угощены настоятелемъ—благочиннымъ, чѣмъ Богъ послалъ.

При семъ, не лишнимъ считаю сказать и о слѣдующемъ обстоятельствѣ, относящемся къ судьбѣ новоустроеннаго храма. Не прошло еще и недѣли послѣ освященія сего храма, какъ ему уже угрожала опасность отъ пожара. 17-го августа, въ 8 часовъ вечера, вспыхнулъ пожаръ вблизи св. Тихоновской

лостнаго управленія 280 р., въ которомъ поставлена икона св. Александра Невскаго, въ память 4-го апрѣля 1866 года и 25-го мая 1867-о года. Настоятелемъ благочиннымъ собрано, по просительной книгѣ, 815 р, занято церковнымъ совѣтомъ 875 р., прислано изъ Москвы, отъ трехъ неизвѣстныхъ лицъ, по 3 р. изъ г. Вознесенска, отъ начальника 14-й бригады, 10 р., изъ Харькова отъ неизвѣстной 2 р., изъ м. Радуля 3-ри воздушка отъ купца Михнева, отъ черниговскаго купца Чеплеевскаго покрывала на престолъ и жертвенникъ, помѣщикъ Высоцкій прислалъналойную икону св. Тихона.

1) По окончаніи литургіи, произнесена была благочиннымъ сообразная обстоятельству проповѣдь, въ которой объяснена судьба новоосвященнаго храма и многознаменательность праздника, совпавшаго съ днемъ, посвященнымъ церковью памяти святителя и чудотворца Тихона.

церкви. Въ пяти саженяхъ отъ храма, въ пустопорожней еврейской лавкѣ, снаружи,— не отъ дверей, а съ задней стороны, въ прогнившемъ бревнѣ, сдѣланъ поджогъ. Пока огонь подымался подъ крышу, сбѣжавшійся народъ разбросалъ ее на пяти пустопорожнихъ лавкахъ и погасилъ пламя [1]). Причина пожара разслѣдованіемъ не открыта; но несомнѣнно то, что ее нужно искать въ злобной зависти какого нибудь врага православія.

Да сохранитъ Господь и Его великій угодникъ св. Тихонъ храмъ сей отъ всякаго злаго обстоянія до скончанія вѣка, и да внимаетъ онъ возносимымъ въ немъ молитвамъ! Да подастъ Господь, души спасеніе, и тѣлу здравіе всѣмъ тѣмъ, кои принесли посильныя жертвы на храмъ сей, а съ ними и намъ немощнымъ строителямъ, въ семъ дѣлѣ потрудившимся.

Брачинскій благочинный, священникъ Максимъ *Эремичъ*.

2.

Освященіе церкви въ с. Порѣчьи (Слонимскаго уѣзда).

Въ тотъ же самый день, когда вся православная Вильна радостно ликовала, празднуя обновленіе и освященіе своего великолѣпнаго каѳедральнаго собора, столь долго и еще недавно напоминавшаго своимъ куполомъ всему здѣшнему краю о бѣдственной для него коронѣ *Ягеллоновъ*,—и въ здѣшнемъ сельскомъ уголкѣ происходило церковное торжество, при обстановкѣ далеко выходящей изъ ряда обыкновенныхъ. Къ 22 числу октября, распоряженіемъ епархіальнаго начальства, поручено было архимандриту жировицкаго Успенскаго монастыря *Николаю* освященіе вновь оконченной постройкою каменной порѣцкой св. Георгіевской церкви. Село *Порѣчье*, подобно многимъ другимъ, получившее свое наименованіе отъ положенія надъ рѣкою (*Щарою*), отстоитъ отъ уѣзднаго города Слонима только въ 8 верстахъ. Здѣшній приходъ, почти удвоенный отъ присоединенія къ нему нѣкогда самостоятельнаго *Костровицкаго*, коего церковь осталась приписною къ *Порѣцкой*, по со-

---

1) Церковный совѣтъ послѣ сего случая вошелъ съ просьбою къ г. начальнику губерніи о снесеніи пяти ветхихъ вблизи церкви, пустопорожнихъ лавокъ. Нынѣ, по рѣшенію губернскаго правленія, лавки эти снесены.

вершенной обветшалости временной часовни, наскоро, такъ сказать, сколоченной на мѣстѣ сгорѣвшаго прежняго приходскаго храма, давно уже и настоятельно нуждался въ постройкѣ новой, соотвѣтственной святыни. Давно уже и длилась по этому предмету безполезная переписка, пока событія послѣдняго времени не привели наконецъ къ настоящему благодѣтельному сознанію священныхъ правъ нашей народности и православія. Въ числѣ прочихъ, ассигнована была, по вѣдомству мѣстной палаты государственныхъ имуществъ, сумма 9,500 р. с. и на постройку порѣцкой церкви. При представленіи плана и смѣты, б. главный начальникъ края М. Н. Муравьевъ выразилъ желаніе: не льзя-ли на смѣтную сумму, при веденіи постройки хозяйственнымъ образомъ, соорудить, вмѣсто деревянной, каменную церковь, хотя бы и немного въ меньшихъ размѣрахъ? За изобиліемъ въ здѣшней мѣстности булыжнаго камня и по изъявленной прихожанами готовности содѣйствовать, какъ въ подвозкѣ прочихъ строитечьныхъ матерьаловъ, такъ и въ самой постройкѣ, благая мысль главнаго начальника края оказалась вполнѣ примѣнимой, и вотъ, съ помощію Божіей и съ благословенія высокопреосвященнѣйшаго нашего архипастыря, начатая съ 1-го августа 1865 г. постройка нынѣ благополучно окончена.

По счастливому стеченію обстоятельствъ, въ то самое время, когда уже были сдѣланы всѣ необходимыя приготовленія къ освященію новаго храма, мѣстный церковный совѣтъ извѣстился, что г. начальникъ здѣшней губерніи, ожидаемый на дняхъ и въ г. Слонимѣ, ревизуетъ сосѣдственный Волковыскій уѣздъ. Церковный совѣтъ рѣшился просить его превосходительство почтить своимъ присутствіемъ предстоящее въ с. Порѣчьѣ православное торжество. И. Н. Скворцевъ отвѣтной телеграммой изъявилъ свою готовность. Благосклонный отвѣтъ начальника губерніи, какъ не льзя болѣе, способствовалъ великолѣпію православнаго праздника; ибо, коль скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что его превосходительство прямо по пути прибудетъ въ Порѣчье, всѣ слонимскіе высшіе чины поспѣшили воспользоваться настоящимъ случаемъ—для присутствованія при настоящемъ торжествѣ.

О. архимандритъ *Николай*, слонимскій соборный протоіерей *Соловьевичъ*, мѣстный деречинскій благочинный и сосѣдственное духовенство прибыли въ Порѣчье наканунѣ дня освященія

Всенощная отслужена была того же числа въ новой церкви; въ слѣдующее-же утро, послѣ ранней обѣдни въ старой церкви, перенесенъ былъ, при многочисленномъ крестномъ ходѣ, св. антиминсъ въ новый храмъ, отстоящій болѣе чѣмъ въ полуверстѣ отъ прежняго; непосредственно затѣмъ начался и трогательный обрядъ освященія новаго Божіяго дома.

Еще до начала священнаго обряда, прибылъ г. начальникъ губерніи, вмѣстѣ съ г. попечителемъ виленскаго учебнаго округа, ревизующимъ подвѣдомственныя ему заведенія, въ сопровожденіи директора гродненской гимназіи. Чинъ освященія, соборная литургія и затѣмъ молебствіе, съ провозглашеніемъ многолѣтія нашему Августѣйшему Монарху и всему Царствующему Дому, святѣйшему правительствующему Сѵноду, высокопреосвященному митрополиту Іосифу—и наконецъ всѣмъ благодѣйствующимъ, какъ вообще храмамъ Божіимъ, такъ и въ особенности вновь сооруженному, продлились за часъ послѣ полудня. Два хора пѣвчихъ: слонимскій и составленный изъ учениковъ мѣстнаго народнаго училища, чередовались при богослуженіи. Во время-же причастнаго произнесено было мѣстнымъ священникомъ о. *Александромъ Горячко* теплое слово. Послѣ богослуженія, присутствующіе обозрѣвали въ подробности новую святыню, коей внутренняя обстановка, особенно-же иконостасъ и прочіе образа, вышедшіе изъ мастерской московскаго художника Александра Сергѣевича *Титова*, украсившаго своими произведеніями многіе уже изъ церквей нашего края, ничего почти не оставляютъ желать. Наружнымъ видомъ церковь тоже очень красива и даже оригинальна, при разноцвѣтной мозаикѣ своихъ каменныхъ стѣнъ и бѣлой кирпичной облицевкѣ фронтона карнизовъ и пиластровъ; жаль только, что она покрыта гонтомъ, а не желѣзомъ. Еще можно-бы пожалѣть о ея близости къ рѣкѣ. Повидимому, строителямъ желательно было воспользоваться готовою каменною оградою, уцѣлѣвшей отъ прежней, нѣкогда стоящей на этомъ мѣстѣ, церкви.

При выходѣ изъ церкви, г. начальникъ губерніи съ своей стороны поблагодарилъ мѣстнаго мироваго посредника Владиміра Николаевича *Лаврова* за его ревностное и просвѣщенное вліяніе, приведшее къ столь скорому и успѣшному окончанію дѣло постройки храма.

Затѣмъ, мѣстный священникъ, по православному обычаю,

просилъ пріѣзжихъ гостей откушать у него хлѣба-соли.—Кстати здѣсь упомянуть, что, кромѣ названныхъ уже участниковъ настоящаго торжества, въ числѣ богомольцевъ находились всѣ гг. офицеры квартирующей въ здѣшнемъ уѣздѣ 26 артиллерійской бригады, вмѣстѣ съ своимъ бригаднымъ начальникомъ и тремя батарейными командирами — а также первые явившіеся къ намъ здѣсь піонеры—землевладѣльцы: гг. Н. Е. *Извѣковъ* (предводитель здѣшняго дворянства), дѣйствительный статскій совѣтникъ *Брозинскій* и Н. Н. *Редутто.*

За обѣдомъ, среди общей одушевленной бесѣды, смолкавшей только при раздававшемся отъ времени до времени стройномъ пѣніи слонимскаго хора, когда г. начальникомъ губерніи провозглашенъ былъ тостъ за здоровье обожаемаго нашего Монарха, восторженное *ура* долго сливалось съ прекрасно исполненнымъ народнымъ гимномъ.

Сейчасъ-же послѣ обѣда, выйдя къ собранному и угощаемому предъ священническимъ домомъ народу, Иванъ Николаевичъ пожелалъ раздѣлить и съ нимъ Царскій тостъ, встрѣченный громогласными радостными восклицаніями.

Въ тотъ-же самый день, долженъ былъ совершиться въ Слонимскомъ уѣздѣ и другой такой-же обрядъ освященія (мѣстнымъ благочиннымъ) оконченной капитальною перестройкою *бѣлавицкой* приходской св. Георгіевской церкви, коссовскаго благочинія, отстоящей въ 5 верстахъ отъ м. *Коссова.*

Въ заключеніе, да позволено намъ будетъ высказать одну мысль, которая многихъ здѣсь приводитъ въ раздумье, многихъ же въ серьозное, вполнѣ-понятное смущеніе. Успѣхи православія и неотдѣльной отъ него русской народности, благодареніе Богу, ежедневны и несомнѣнны, въ нашемъ краѣ. Въ особенности, именно въ послѣднее время, дѣло пошло на ладъ и послѣдовало естественному, спокойному, но безостановочному теченію, когда прежнее какое-то прискорбное средостѣніе между пріѣзжими дѣятелями и мѣстнымъ православнымъ духовенствомъ, наконецъ, само-собою рушилось, почти повсемѣстно. Постройки новыхъ, основныя передѣлки, или преобразованія изъ костеловъ другихъ православныхъ святынь, ежедневныя возсоединенія единицъ и десятковъ, перѣдкія обращенія сотенъ и цѣлыхъ даже тысячъ, вмѣстѣ съ самими иновѣрными доселѣ пастырями, составляютъ непрерывную хронику нашихъ *Епархіальныхъ Вѣдомостей, Вѣстника западной Россіи* и столь

часто появляются, на самомъ видномъ мѣстѣ, на столбцахъ *Виленскаго Вѣстника*. Отчего-же все это не только мало вызываетъ сочувствія тѣхъ органовъ нашей періодической *прессы*, которые, повидимому, спеціально интерессуются дѣлами здѣшняго края, но, какъ бы, преднамѣренно упускается ими изъ виду, такъ сказать *игноририруется?* Столь систематическая невнимательность къ важнымъ и достовѣрнымъ фактамъ, при извѣстной чуткости означенныхъ органовъ къ самымъ сказочнымъ отголоскамъ, раздающимся изъ Сѣверо-Западнаго края, слишкомъ ужъ отзывается чѣмъ-то предвзятымъ, съ чѣмъ, конечно, никакъ не можетъ быть солидарнымъ общественное мнѣніе нашей святой Руси. Ибо, кто-же осмѣлится равнодушно къ притекающимъ къ ней тысячамъ новыхъ чадъ, помахивать на нихъ рукой, потому только—что это еще не милліоны? Нѣтъ; православная Русь никогда не встрѣчала и не встрѣчаетъ такимъ образомъ ни *своихъ обрѣтающихъ*, ни *своихъ обрѣтаемыхъ*.

Корреспондентъ.

(Вил. Вѣст.)

3.

Посвященіе градскаго собора въ г. Кобринѣ.

17-го сентября, въ городѣ Кобринѣ послѣдовало освященіе каменнаго собора, построеннаго въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, во имя св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго. Много было разныхъ интригъ противъ мѣстности и самой постройки; но стараніе и настойчивость нѣкоторыхъ истинно русскихъ людей и кобринскаго благочиннаго, священника Льва Пашкевича, достигли того, что позлащенные кресты пяти-главаго собора торжественно вознеслись надъ окружающими домами евреевъ и надъ извивающимися широкими лентами—рѣкою Мухавцомъ и московскимъ шоссе. Наканунѣ дня освященія, въ 6 часовъ вечера, громкій звукъ колокола возвѣстилъ всѣмъ православнымъ жителямъ Кобрина о началѣ торжества. Горожане и крестьяне собрались густыми массами и, не имѣя возможности помѣститься въ церкви, заняли всю ея площадь. Въ 7 часовъ прибылъ преосвященный Игнатій, епископъ брестскій, и встрѣченъ былъ мѣстнымъ духовенствомъ. Началась всенощная, во время которой преосва-

щенный помазалъ елеемъ всѣхъ прикладывавшихся къ иконѣ св. Александра Невскаго.

Утромъ 17-го числа, въ 9 часовъ, совершено было водоосвященіе, а въ 10 часовъ прибылъ преосвященный и приступилъ къ освященію храма и совершенію литургіи. Величественное представилось зрѣлище, когда владыка съ антиминсомъ на головѣ, сопровождаемый многочисленнымъ духовенствомъ и стройнымъ хоромъ пѣвчихъ, вышелъ изъ храма. Музыка Устюжскаго пѣхотнаго полка встрѣтила его гимномъ: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ!" Звуки эти смѣшались съ колокольнымъ звономъ, и густыя массы народа, окружавшія соборъ, пали ницъ, узрѣвъ грядущаго Царя Славы. Предъ окончаніемъ литургіи, кобринскимъ благочиннымъ о. Львомъ Пашкевичемъ произнесено было приличное торжеству, и весьма теплое слово гдѣ онъ указалъ на всѣ препятствія, которыя терпѣла постройка освященнаго храма.

При освященіи пѣли два хора пѣвчихъ: одинъ кобринскаго духовнаго училища, другой—собранный изъ мальчиковъ окрестныхъ народныхъ училищъ съ ихъ наставниками. По совершеніи молебствія и многолѣтія Государю Императору, преосвященный вышелъ къ народу, поздравилъ его съ настоящимъ торжествомъ и благословилъ хлѣбъ-соль, приготовленную на площади. Въ $3^1/_2$ часа былъ данъ въ залѣ кобринскаго дворянскаго клуба роскошный обѣдъ, устроенный по подпискѣ предсѣдателемъ церковнаго комитета и мироваго съѣзда, Г. П. Шабловскимъ. На этомъ обѣдѣ, кромѣ преосвященнаго, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, присутствовало все находившееся въ городѣ духовенство. Вечеромъ того же дня, въ залѣ клуба былъ весьма оживленный танцовальный вечеръ.

П.—бецкій.

(Вил. Вѣст.)

4.

Освященіе новолокскаго костела.

Друйскій благочинный, свящ. Павелъ Бирюковичъ донесъ, что *новолокскій* римско-католическій костелъ (бывшій православною церковью въ 1514 году), переданный въ православное вѣдомство, по надлежащемъ приспособленіи, 23 іюня освященъ на пра-

вославную церковь во имя св. великомученицы Параскевы, приписную къ перебродскому приходу.

5.

Освященіе пригодичской церкви.

На крутомъ берегу р. Нѣмана, вся въ садахъ и на холмахъ, раскинулась деревенька въ 21 дворъ; имя ей *Пригодичи.* Она находится въ 8 верстахъ отъ Гродны, въ Гродненскомъ же уѣздѣ. Мѣстоположеніе этой казенной деревни до того живописно, что самый холодный флегматикъ невольно нарушитъ свою апатію и будетъ восхищаться красотою природы. Здѣсь, на одномъ изъ высокихъ холмовъ, надъ самымъ Нѣманомъ, возвышается деревянная церковь. 24 сего іюня она освящена преосвященнымъ епископомъ брестскимъ Игнатіемъ, въ честь Рождества Іоанна Предтечи. Здѣсь, замѣчу, никогда не было самостоятельнаго прихода, а деревня Пригодичи была приписною, и бывшій здѣсь костеликъ считался *филіальнымъ.* Населеніе Пригодичъ почти исключительно православное. Спрашивается, для чего же, среди не латинскаго прихода, стоять костелу? Не былъ ли послѣдній однимъ изъ многихъ религіозно-политическихъ польско-латинскихъ стратегическихъ пунктовъ, которыхъ такъ много и доселѣ на всемъ протяженіи Западной Россіи, отъ рр. Вислы и Нѣмана до р. Днѣпра и дальше до горъ Карпатскихъ? Такая несообразность присутствія костела среди православнаго населенія въ д. Пригодичахъ бросалась каждому въ глаза. И вотъ, этотъ костелъ упразднѣнъ и обращенъ въ церковь, съ припискою ея къ приходу села Верцилишекъ. Торжество освященія этой церкви совершилось обычнымъ порядкомъ. Народу было множество. Въ этотъ же день, въ 4 часа утра, сошлись сюда богомольцы крестными ходами изъ сосѣднихъ селъ. Причастниковъ было такъ много, что ихъ пріобщали изъ двухъ Чашъ. Говѣть къ храмовымъ и другимъ большимъ праздникамъ—древній православно-русскій обычай, уцѣлѣвшій и въ Пригодичахъ. Мужики съ женами и дѣтьми, въ праздничныхъ костюмахъ, не только наполнили весь храмъ, но усѣяли собою весь холмъ, на которомъ стоитъ церковь. Сколько мы замѣтили, архіерейское священнослуженіе произвело на богомольцевъ сильное впечатлѣніе. Иные взобрались на хоры, другіе принесли съ собою скамеечки, чтобы ставши на нихъ, удобнѣе видѣть *старца-святителя;* иные даже плакали

отъ умиленія. На лицѣ каждаго была замѣтна тихая радость. Когда преосвященный, послѣ богослуженія, выходилъ изъ церкви, вся толпа тѣснилась около него и спѣшила принять благословеніе съ такимъ усердіемъ, что я невольно перенесся мыслію въ Кіево-Печерскую Лавру, вспомнилъ всегдашній *„входъ со славою“* тамошняго владыки изъ покоевъ въ соборную церковь Лавры и обратный его ходъ въ покои, послѣ богослуженія, когда бываетъ невообразимая толкотня молящагося люду, спѣшащаго подъ благословеніе архипастыря. Только, въ Кіевѣ эта всегдашняя толпа богомольцевъ состоитъ изъ постоянно приходящихъ туда разныхъ представителей всѣхъ уголковъ Россіи, исключая только западноруссовъ, давно отторгнутыхъ польскимъ латинствомъ отъ Кіева и его всероссійской святыни; а въ этомъ краю около своихъ владыкъ хоть теперь толпятся западноруссы. Благодареніе Богу, что послѣдніе хоть теперь стали сознавать связь свою съ своими же владыками; а было время, когда и эту связь нахально разрывала польская интрига.....

По окончаніи богослуженія, все молившееся въ церкви общество было угощено о. Владиміромъ Страховичемъ (къ приходу котораго поступаетъ эта церковь) хлѣбомъ-солью, по русскому обычаю. Это угощеніе было предложено въ домѣ упраздненнаго пригодическаго волостнаго правленія. За обѣдомъ, во время котораго архіерейскій хоръ спѣлъ духовный концертъ и общеизвѣстную пѣсню *„Славься,“* было провозглашено два тоста: за Государя Императора и за преосвященнаго Игнатія. Отвѣтомъ на тосты было многолѣтіе и крики „ура,“ которые долго и долго не умолкали.

Гр. К—ій.

6.

Освященіе приходскаго храма въ м. Картузъ-Березѣ, Пружанскаго уѣзда.

Вотъ, что сообщилъ въ редакцію мѣстный священникъ по поводу этого торжества. Событія 1863 и 64 годовъ окончательно вызвали къ жизни литовско-русскій народъ, посѣявъ новыя сѣмена русской народности. Благоразумными мѣрами правительства и отеческою его заботливостію воскресаетъ этотъ народъ, сбросивъ съ себя столь долго тяготившія его оковы. Онъ чувствуетъ, какъ возрождаются въ немъ новыя силы, зародышъ

которыхъ не въ состояніи были убить систематически разсчитанные удары, направляемые всегда искусною рукою; онъ помнитъ грустное свое прошедшее и съ распростертыми объятіями отдается всецѣло Россіи, чтобы занять мѣсто въ великой семьѣ русской.

Обративъ вниманіе на нравственное развитіе народа, правительство, съ отеческою предусмотрительностію, коснулось первой насущной его потребности. Малочисленность и бѣдность православныхъ храмовъ, въ противуположность несоразмѣрному количеству костеловъ (особенно въ Гродненской губерніи, при всей незначительности католиковъ), не замедлили вызвать мѣры къ возстановленію того единственнаго звѣна, которое нѣкогда соединяло порабощенный край съ родною ему Велико-россіею, и, благодареніе Богу, западный край сталъ украшаться храмами. Въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, мы постоянно читаемъ о новыхъ закладкахъ церквей и обновленіи ветхихъ, — даже объ обращеніи упраздненныхъ костеловъ въ православные храмы. Правительство, по силѣ возможности, отпускаетъ на этотъ предметъ значительныя суммы, а щедрые датели изъ Великой Россіи постоянно протягиваютъ руку помощи родственному имъ литовско-русскому народу но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и сами прихожане, при незначительныхъ пособіяхъ со стороны правительства, спѣшатъ заявить неподдѣльную любовь свою и уваженіе къ исповѣдуемому ими православію посильными денежными вкладами во славу Божію. Къ такимъ то приходамъ безспорно принадлежитъ приходъ картузъберезской церкви.

По смѣтѣ, утвержденной въ 1864 году, на обновленіе березской церкви гродненскою палатою государственныхъ имуществъ (такъ какъ церковь эта состояла въ казенномъ имѣніи) отпущено 3,773 р. 18 коп.; но для истиннаго благолѣпія храма, къ какому приведенъ онъ, сумма эта оказалась слишкомъ недостаточною, такъ что надо отдать полную справедливость безкорыстной заботливости церковнаго совѣта, столь неутомимо соревновавшаго мѣстному священнику въ дѣлѣ успѣшнаго окончанія предпринятыхъ работъ. Нынѣ березскій храмъ по истинѣ можно назвать не возобновленнымъ, но вновь созданнымъ храмомъ, такъ величественъ онъ въ сравненіи съ прежнимъ, у котораго заимствовалъ однѣ только стѣны. По крайней мѣрѣ можно полагать, что на отдѣлку его употреблено до 10-ти тысячъ рублей; если посчитать безплатные труды не малаго прихода въ теченіи полутора года производившейся починки.

29-го Іюня сего года храмъ этотъ во имя верховныхъ апостоловъ Петра и Павла торжественно освященъ его преосвященствомъ Игнатіемъ епископомъ брестскимъ, при стеченіи многочисленнаго народа въ присутствіи военныхъ и гражданскихъ властей города Пружанъ.

Не могу не высказать при этомъ нѣсколькихъ словъ по случаю праздничнаго торжества.

Церковный совѣтъ, предполагая по ходу работъ окончить постройку къ дню храмоваго праздника, просилъ его преосвященство украсить присутствіемъ своимъ торжество этого дня и лично освятить для нихъ приходскій храмъ. Маститый пастырь, удрученный лѣтами, подвигся однако исполнить задушевное желаніе скромныхъ просителей; и вотъ они увидѣли тотъ величественный обрядъ освященія храма и то торжественное архіерейское служеніе, которое издревле сохраняется въ одной только православной церкви. Что говорить о томъ духовномъ восторгѣ, которымъ наполнялись тогда сердца земледѣльцевъ? Скажу только—они молились,—и молитва ихъ, вѣрую, услышана Богомъ.

Наканунѣ предстоявшаго духовнаго торжества, толпы народа изъ окрестныхъ деревень, собрались около храма къ 2-мъ часамъ по полудни для встрѣчи его преосвященства съ хлѣбомъ и солью, по заведенному русскому обычаю. Погода стояла тихая и ясная. Его преосвященство изволилъ прибыть въ 6 часовъ вечера въ квартиру, приготовленную для него въ домѣ священника, при неумолкаемомъ звонѣ во всѣ колокола и встрѣченъ былъ духовенствомъ селецкаго благочинія, частію пружанскаго и слонимскаго, совмѣстно съ военными и гражданскими властями Пружанскаго уѣзда. Послѣ кратковременнаго отдыха, владыка отправился къ обновленному храму и, у входа поблагодаривъ народъ за поднесенный ему хлѣбъ и соль, приступилъ къ совершенію всенощной, по окончаніи которой возвратясь на квартиру, раздѣлилъ вмѣстѣ съ гостями вечернюю трапезу, предложенную радушными хозяевами. На слѣдующій день совершена была ранняя литургія въ кладбищенской церкви, откуда духовенство, сопровождаемое народомъ, совершило крестный ходъ къ обновленному храму.

Въ 10-ть часовъ утра началось торжественное освященіе храма, не рѣдкое уже явленіе въ нашей сторонѣ, но величественное и единственное предъ глазами усердныхъ богомольцевъ березскаго прихода. За обѣднею произнесено было мѣстнымъ

священникомъ приличное торжеству слово (въ слѣдъ за симъ печатаемое); а по окончаніи литургіи и благодарственнаго молебна, преподавъ благословеніе народу, преосвященнѣйшій владыка отправился на званый обѣдъ, устроенный въ домѣ священника, гдѣ встрѣченъ былъ гимномъ: „коль славенъ," исполненнымъ мѣстными пѣвчими. Во время застольной бесѣды, членъ совѣта, лѣсничій, надворный совѣтникъ Г. Козыревъ, отъ имени церковнаго совѣта, благодарилъ его преосвященство и всѣхъ присутствующихъ гостей за участіе, которое они пожелали принять въ ихъ приходскомъ праздникѣ, и въ краткой рѣчи, проникшей всѣхъ сочувствіемъ, коснувшись обновленія церкви, исчислилъ тѣ трудности, какія преодолѣлъ совѣтъ какъ по недостаточности отпущенной суммы, такъ и по недоброжелательству р. католиковъ, употреблявшихъ всевозможныя происки и клеветы, чтобы замедлить и пріостановить успѣшно оканчиваемое благое дѣло. Къ концу обѣда, во время заздравнаго тоста въ честь Государя Императора, крестьянскіе мальчики пружанскаго народнаго училища согласно и стройно пропѣли русскій народный гимнъ съ акомпаниментомъ музыки, и громкое задушевное ура! за здравіе и благоденствіе возлюбленнѣйшаго Монарха, далеко огласило окрестность.

Въ 6-ть часовъ вечера его преосвященство, сопровождаемый напутственными пожеланіями, отправился въ Слонимскій уѣздъ.

Такъ совершилось освященіе березской церкви. Невѣста Христова предстоитъ нынѣ предъ Богомъ въ бѣлой одеждѣ, окаймленной зеленью развѣсистыхъ тополей и величественно высится глава Ея въ небесной лазури, посылая издалека благословеніе свое путнику. Умолкло ликованіе праздника; обыденная жизнь снова потекла своей колеей: но воспоминаніе о прошломъ торжествѣ глубоко запало въ душу безхитраго селянина. И долго будетъ повторяться разсказъ, переходя отъ отца къ сыну, объ освященіи Божьяго храма.

СЛОВО

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ПРИ ОСВЯЩЕНІИ БЕРЕЗСКОЙ ПЕТРО-ПАВЛОВСКОЙ ЦЕРКВИ.

Во имя Отца и Сына и св. Духа.

Плакалъ нѣкогда народъ израильскій и старѣйшины его, когда, по возвращеніи изъ плѣна вавилонскаго, Богъ сподобилъ ихъ

молиться въ новомъ храмѣ, плакалъ потому, что новопостроенный далеко уступалъ и несоотвѣтствовалъ величію и славѣ разрушеннаго храма Соломонова. Плакать и мнѣ хочется, мои возлюбленные, но—отъ радости и отъ умиленія сердца, при мысли, что эта святыня, обращенная фронтомъ къ громадному по—картезіянскому костелу, нѣкогда совмѣстившему въ себѣ богатство и искуство италіянской живописи и архитектуры, поставленная какъ бы для того, чтобы въ теченіи девяноста пяти лѣтъ испытать одно уничиженіе и отчужденіе меньшей сестры ея римской церкви, въ настоящемъ году преобразилась въ новый, если и уступающій въ богатствѣ велико-русскимъ, то въ сравненіи съ прошедшимъ, въ благолѣпный и приличный храмъ Господень. О, по истинѣ смѣло могу воскликнуть съ Пророкомъ: *велія слава храма сего послѣдняя, паче первыя.*

Какъ ни понятно храмъ этотъ говоритъ за себя, въ настоящее время, къ душевному моему прискорбію, я почти ничего не могу сказать вамъ о судьбѣ его въ теченіе вѣка. Лѣтопись этого уголка крайне бѣдна документами. Изъ неясныхъ записей и разсказовъ старожиловъ, я только то могу сообщить, что церковь эта построена 1772 года, издержками богатыхъ монаховъ картезіянскихъ, а главнымъ образомъ стараніемъ священника Даніила Сушинскаго. Не могу не отозваться съ похвальной стороны объ этомъ добромъ пастырѣ. Поступивъ на бѣдный приходъ съ высшимъ образованіемъ и исполняя должность профессора богословскихъ наукъ въ бывшемъ картезіянскомъ училищѣ, онъ удостоенъ былъ милостиваго вниманія монаховъ—обѣщанія за труды его построить для него каменный домъ. Но добрый пастырь, вмѣсто дома для себя, съ усиленными просьбами, позаботился о домѣ Божіемъ. Поступокъ, свидѣтельствующій объ истинномъ призваніи, ясно говоритъ намъ, что бывшее уніятское духовенство, насиліемъ вовлеченное въ злосчастную унію, охотнѣе желало молиться въ убогой церкви, чѣмъ въ богатыхъ и пышныхъ костелахъ и, всегда тяготясь оковами, возложенными на нихъ папскимъ латинствомъ, ожидало только вождя...., который бы утолилъ алчущую братію свою водами православнаго благочестія.

Внутренняго украшенія и приличнаго иконостаса церковь эта, кажется, ожидала до настоящаго времени, И удивительно; помѣщики, среднее сословіе и болѣе зажиточные крестьяне,—все это, совратившись изъ православія въ латинство, не только не пособляло, напротивъ фанатически преслѣдовало все право-

славное-русское. Малое число бѣдныхъ прихожанъ, подъ руководствомъ бѣднаго священника, едва влача жизнь въ борьбѣ нравственной и физической, не могло и задумывать объ украшеніи церкви. Сколько нуждъ самыхъ серіозныхъ, сколько оскорбленій самыхъ обидныхъ, сколько неправдъ самыхъ несправедливыхъ не только каждый русскій видѣлъ во очію своею, но и испыталъ на себѣ!

Но, братья и христіане, *древняя мимоидоша, се быша вся нова.* Прошли и для насъ времена тяжкія и неудобоносимыя. Да и къ чему воспоминаніями прошедшаго я буду опечаливать ваше сердце, когда мы въ настоящій нашъ церковный праздникъ имѣемъ столько причинъ къ радости? Не прошло трехъ лѣтъ послѣ мятежной бури, вихремъ пронесшейся надъ нашими глазами, мы и сами ожили: и сколько православныхъ храмовъ уже воздвигнуто въ литовскомъ краѣ, а сколько еще воздвигается и украшается во славу Божію, въ отраду и утѣшеніе всѣхъ истинныхъ поклонниковъ Отца Небеснаго! Благодареніе Богу, починка и нашей церкви уже кончена и молитвеннымъ священнодѣйствіемъ освящена въ жилище славы Божіей.

Такъ, христіане, радоваться и благодарить Бога, мы имѣемъ много побужденій. Храмъ нашъ возобновленъ щедротами Благочестивѣйшаго нашего Государя Императоьа Александра Николаевича; для освященія его, на нервый кличъ вашъ, не смотря на отдаленность путешествія и преклонность лѣтъ, подвигся маститый нашъ пастырь; раздѣлить радость по случаю праздника поспѣшили многіе представительныя лица. Не доказываетъ ли это, что Благочестивѣйшій нашъ Монархъ, облагодѣтельствовавшій васъ въ матеріяльномъ отношеніи, вмѣстѣ какъ нѣжнѣйшій отецъ радѣетъ и о спасеніи душъ вашихъ; не ясно ли говоритъ, что и вся православная Россія, безъ различія званій и состояній, смотритъ на васъ, какъ на своихъ братьевъ и во всемъ сочувствуетъ вашимъ интересамъ? Постарайтесь же на дѣлѣ оказаться достойными всѣхъ благодѣяній, оказываемыхъ вамъ, строгимъ исполненіемъ лежащихъ на васъ обязанностей по отношенію къ Богу и сему храму, пламенною любовію и непоколебимой вѣрностію къ великому нашему Монарху и отечеству, всегдашнимъ повиновеніемъ властямъ, поставленнымъ надъ вами. Вотъ условія, исполненіе которыхъ можетъ упрочить ваше благосостояніе и содѣлать васъ достойными сынами великой семьи русской.

Послѣ сего къ вамъ, И. В., и прочіе члены совѣта, обращаюсь

съ словомъ живѣйшей моей благодарности. Ваше живое и дѣятельное участіе—труды и заботы въ дѣлѣ возобновленія и украшенія сего храма, даютъ мнѣ полное право — ваши дѣла представить другимъ въ урокъ и назиданіе, а мнѣ молитвенно пожелать, да крѣпнетъ въ васъ, во спасеніе ваше, святая вѣра такъ же, какъ крѣпко возобновленъ этотъ храмъ, да украшается душа ваша всѣми добродѣтелями христіанскими, какъ, при вашемъ усердіи и стараніи украшенъ этотъ домъ Божій.

Наконецъ слово мое и къ вамъ, присутствующіе здѣсь братія, именующіе себя католики. Вы не разъ уже слышали отъ меня и сами хорошо понимаете, что счастіе и благоденствіе каждаго народа состоитъ въ единствѣ вѣры, мыслей и убѣжденій. Не должно ли это вразумить васъ единеніемъ вѣры тѣснѣе соединиться съ вашими велико-русскими собратіями, чтобы быть вполнѣ вѣрноподданными великаго Царя русскаго, и единымъ сердцемъ и едиными устами прославлять Бога въ этомъ возобновленномъ храмѣ. Аминь.

Свящ. Ав. Горбацевичъ.

7.

Освященіе церкви св. Александра-Невскаго въ селѣ Кочищахъ.

Въ селѣ Кочищахъ, Минской губерніи, Мозырскаго уѣзда, въ 50-ти верстахъ отъ г. Мозыря, освящена была 2-го сего февраля православная двухъ — этажная деревянная церковь, во имя св. Александра-Невскаго, вновь перестроенная изъ римско-католическаго костела усердіемъ прихожанъ и приписанная, за неимѣніемъ при ней въ настоящее время особаго священника, къ ближайшей церкви въ селѣ Ремезахъ. Освященіе совершалъ, за болѣзнію мозырскаго благочиннаго, протоіерея Георія Тарнопольскаго, которому это дѣло поручено было епархіальнымъ начальствомъ, барбаровскій благочинный, священникъ мозырской Пятницкой церкви Іоаннъ Шенецъ, съ соборомъ священниковъ: мелешковичскаго вице - благочиннаго Луки Скородинскаго Якова Занцевича, ремезовско-кочищскаго Романа Гласко, михалковскаго Александра Орлова и кароменско-ельскаго Андрея Перепечи. Обрядъ освященія совершенъ былъ съ приличною торжественностію; часы и чтеніе изъ апостола читалъ михалковскій народный учитель г. Кулаковъ, съ такою сознательною отчетливостью, какую желательно было бы всегда замѣчать въ чтеніи нашихъ причетниковъ и

народныхъ учителей; при освященіи и въ божественной литургіи очень хорошо пѣли два хора, ремезовско кочищскій и королинско-ельскій, составленые изъ крестьянскихъ мальчиковъ-учениковъ, при пособіи мальчиковъ изъ скородинскаго училища, подъ непосредственнымъ дирижированіемъ отцевъ Гласко и Перепечи. Считаемъ неизлишнимъ сказать нѣсколько словъ о самой новоустроенной кочищской церкви и о торжествѣ по случаю ея освященія, дабы воздать подобающую честь усердствовавшимъ въ дѣлѣ ея обновленія и украшенія.

Село Кочищи, состоящее въ арендномъ завѣдываніи мозырскаго еврея Бахмана, находится въ глухой и лѣсистой мѣстности, окруженной болотами. Около 1848 года здѣсь построенъ былъ помѣщикомъ Гутерманномъ Пясецкимъ, безъ разрѣшенія начальства, красивый деревянный костелъ надъ усыпальницею, въ которой хоронимы были члены семейства помѣщика. Съ какою цѣлію онъ его построилъ, неизвѣстно; какъ бы то ни было, костелъ стоялъ, незаконнымъ и совершенно неумѣстнымъ образомъ, среди сплошнаго православнаго населенія, состоящаго болѣе чѣмъ изъ 860 душъ обоего пола. Что существованіе костела въ Кочищахъ не обходилось безъ посягательствъ на православіе со стороны латино-польской пропаганды, объ этомъ можно судить потому, что еще въ 1860 и 1861 годахъ, въ домѣ помѣщика, дѣти православныхъ крестьянъ обучаемы были польскимъ молитвамъ. Костелъ этотъ построенъ былъ при содѣйствіи православныхъ крестьянъ, которые доставляли и матеріалы для зданія, и содержаніе для рабочихъ, бывъ обнадежены помѣщикомъ, что, въ вознагражденіе за это, онъ исправитъ имъ ветхую православную церковь, существовавшую тогда въ Кочищахъ. Въ 1859 г. церковь эта сгорѣла, и крестьяне, надѣясь на обѣщанную помѣщикомъ помощь въ дѣлѣ устройства для нихъ церкви, обратились къ нему съ просьбою о содѣйствіи имъ въ постройкѣ для нихъ вновь православной церкви; но помѣщикъ забылъ о своихъ обѣщаніяхъ и уклонялся отъ построенія церкви, не смотря на всѣ просьбы и домогательства крестьянъ. Между тѣмъ вспыхнулъ польскій бунтъ; построенный помѣщикомъ, въ отдаленной и глухой мѣстности, костелъ сдѣлался удобнымъ сборнымъ пунктомъ для людей, желавшихъ скрыть свои дѣйствія и по ночамъ распѣвавшихъ въ немъ революціонные гимны. Съ октября 1864 г., со времени упраздненія кимбаровскаго (вблизи г. Мозыря) монастыря ордена цестеровъ, къ приходу котораго принадлежалъ кочищскій костелъ,

богослуженіе въ немъ прекратилось. Да и для кого было совершать его, когда во всемъ селѣ, кромѣ помѣщицы съ сыномъ, кузнеца и солдатки, не насчитывалось ни одпаго римско-католика? Оскверненный мятежными демонстраціями костелъ, оставленъ былъ въ такомъ примѣрномъ небреженіи, что въ нижнемъ этажѣ его жидъ тайно держалъ и продавалъ водку. 5-го марта прошлаго года, костелъ былъ наконецъ законнымъ порядкомъ закрытъ, и въ тотъ-же день крестьяне единодушно составили приговоръ о безотлагательномъ устройствѣ, въ упраздненномъ зданіи костела, православной церкви во имя св. Александра Невскаго, въ ознаменованіе своей преданности къ особѣ Царя-Освободителя. Желаніе ихъ теперь исполнилось.

Отрадно сказать, что въ дѣлѣ закрытія костела въ Кочищахъ, кромѣ властей, принимали живѣйшее участіе сами кочищскіе крестьяне. Такъ, въ короткое время поднялся русскій духъ загнаннаго здѣшняго полѣшука! На имѣвшіеся по сгорѣвшей въ 1859 г. кочищской церкви 200 руб. и на пожертвованныя самими крестьянами особо деньги, тотчасъ по закрытіи костела, приступлено было комитетомъ, составившимся изъ благочиннаго, протоіерея Тарнопольскаго, начальника уѣзднаго жандармскаго управленія, маіора Вилля и мѣстнаго приходскаго священника Гласко съ церковнымъ совѣтомъ, къ устройству православной церкви въ упраздненномъ зданіи костела,—составленъ былъ планъ иконостаса, съ употребленіемъ оставленныхъ рамъ отъ римско-католическихъ алтарьковъ, пріисканы были мастера изъ мѣщанъ, такъ рѣдкіе въ нашей мѣстности, заключены были съ ними контракты на починку церкви, покраску ея снаружи и внутри, на устройство иконостаса и написаніе иконъ. Нижній этажъ зданія прихожане предполагаютъ передѣлать со временемъ также въ церковь, во имя святителя Николая Чудотворца. Наблюденіе за приведеніемъ всѣхъ этихъ проектовъ въ исполненіе, по просьбѣ о. благочиннаго и церковнаго совѣта, принялъ на себя г. начальникъ мозырскаго жандармскаго управленія, корпуса жандармовъ маіоръ Вилль. И вотъ въ настоящее время, въ верхнемъ этажѣ бывшаго костела, устроена освященная нынѣ церковь во имя св. Александра-Невскаго, дѣлающая честь и примѣрному усердію прихожанъ, и распорядительности г. маіора, который, съ свойственною ему энергіей, ускорилъ дѣло перестройки костела въ церковь и самъ,

не смотря на свою болѣзнь, неоднократно ѣздилъ въ Кочищи и слѣдилъ лично за всѣми работами.

Особаго вниманія въ церкви заслуживаетъ иконостасъ, отличающійся необыкновеннымъ изяществомъ рѣзьбы и иконописанія. Рѣзьбу и позолоту производилъ мозырскій мѣщанинъ Песемскій а иконы писалъ, съ оригиналовъ мозырской соборной церкви, подъ наблюденіемъ отца протоіерея, сначала мѣщанинъ Майковъ, а по смерти его проживающій въ селѣ Лельчицахъ (Мозырскаго уѣзда) мѣщанинъ Шукановъ. Такъ устроенъ изъ ничего почти самый изящный иконостасъ, какого не имѣетъ ни одна изъ окрестныхъ сельскихъ церквей. Жаль только, что въ церкви недостаетъ одного изъ главныхъ украшеній—паникадила, на покупку котораго у крестьянъ, при всемъ ихъ усердіи, недостаетъ средствъ. Наши купцы, торгующіе въ этомъ краю, сдѣлали бы очень христолюбивое и богоугодное дѣло, если бы помогли съ своей стороны кочищскимъ крестьянамъ присылкою въ ихъ церковь этого недостающаго въ ней, украшенія.

Прилагаемъ при семъ, для общаго свѣдѣнія, опись расходовъ и пожертвованій, сдѣланныхъ по настоящее время, на устроеніе кочищской церкви.

На перестройку церкви и устройство въ ней иконостаса употреблено: 200 руб. изъ церковной суммы, оставшейся послѣ сгорѣвшей въ 1859 г. церкви, и 284 руб. изъ суммы, пожертвованной прихожанами. Прихожанами же куплены, на 214 р. 82 ¹/₂ к., слѣдующія вещи: а) колоколъ въ 3 пуда, колоколъ въ 1-нъ пудъ 23 фунта и колоколъ въ 1-нъ пудъ, итого 5 п. 23 фун., на 117 руб. 7²/₈ коп., б) 10 аршинъ золотой парчи на ризу, 23 р. в) крестъ и кустодіи, 1 руб. 50 коп., г) 2 напрестольные подсвѣчника накладнаго серебра, 23 руб., д) кропило, 50 коп., е) кадильница накладнаго серебра, 2 руб. 50 коп., ж) иконы къ царскимъ вратамъ, съ позолоченными ризами, 5 руб., з) ковшикъ для теплоты накладнаго серебра, позолоченный внутри, 2 руб., и, стальное копье съ ручкою изъ слоновой кости, і) мѣдный кувшинъ съ тазомъ, 3 р., к) большія накладнаго серебра лампады, 11 р., л) лампады же накладнаго серебра, меньшаго размѣра, 9 р., м) лампады же накладнаго серебра, меньшаго размѣра, къ царскимъ вратамъ, 2 р. 25 коп., н) всенощное блюдо, накладнаго серебра, съ полнымъ къ нему приборомъ, 14 р. Староста Ѳедоръ Копачъ пожертвовалъ праздничный ручной крестъ и празднич-

вое евангеліе, въ богатомъ малиновомъ бархатномъ переплетѣ и золотой оправѣ, пожертвовано крестьяниномъ той же деревни Емельяномъ. Неизвѣстнымъ лицемъ пожертвованы: катапетасма, престольное облаченіе, пелена на престолъ, три воздуха къ св. сосудамъ, шесть стѣнныхъ позолоченныхъ канделябровъ и четыре стальныхъ прибора къ четыремъ лампамъ.— Изъ этого перечня христолюбивые жертвователи могутъ видѣть, что церковь имѣетъ и въ чемъ она нуждается.

По освященіи церкви, на божественной литургіи, послѣ причастнаго стиха мѣстный священникъ, отецъ Романъ Гласко, сказалъ поученіе, которое слушаемо было съ такимъ общимъ и единодушнымъ вниманіемъ, что, во все продолженіе проповѣди, въ церкви, переполненной народомъ, не слышно было ни малѣйшаго шороха. Положивъ въ основаніе своей проповѣди мысль о благоговѣйномъ усердіи къ храму Божію, данномъ въ примѣрѣ царя Давида, пастырь, обращаясь съ своимъ духовнымъ чадамъ, похвалилъ ихъ за ихъ собственное усердіе, доказанное ими построеніемъ церкви, при чемъ сказалъ что бревна, изъ которыхъ она построена, и масло употребленное на ея покраску, они доставляли нѣкогда для костела, въ надеждѣ имѣть обновленную православную церковь, но, по своеволію не признающихъ ея людей, надежды эти доселѣ оставались неисполненными; православные христіане скорбѣли и молились вмѣстѣ съ своимъ пастыремъ, и Господь услышалъ ихъ молитвы: когда своеволіе мятежниковъ дошло наконецъ до того, что они не устыдились осквернить этотъ храмъ революціоннымъ пѣніемъ, тогда Богъ отнялъ его у нихъ и передалъ его достойнѣйшимъ. На этомъ мѣстѣ поученіе пастыря было необыкновенно интересно. Изложивъ, такимъ образомъ, вкратцѣ, исторію кочищскаго храма, проповѣдникъ обратился съ благодарнымъ словомъ къ г. начальнику мозырскаго жандармскаго управленія.—Затѣмъ проповѣдникъ, снова принимаясь за прерванную на минуту нить поученія, весьма краснорѣчиво и вразумительно развилъ мысль о святости и важности храма Божія, увѣщевая своихъ прихожанъ достойнымъ образомъ воспользоваться его обладаніемъ, и заключилъ поученіе молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу, да пребываетъ благодать и милость Его вѣчно на храмѣ семъ и на всѣхъ молящихся въ немъ.

По окончаніи божественной литургіи, о. вице-благочиннымъ Лукою Смородскимъ прочтено было въ церкви пастырское посла-

ніе къ кочищскихъ прихожанамъ мозырскаго благочиннаго, протоіерея Георгія Тарнопольскаго, въ которомъ отецъ благочинный, объясняя невозможность быть ему самому при освященіи кочищскаго храма, по случаю тяжкаго недуга, поздравлялъ прихожанъ съ исполненіемъ задушевнаго ихъ желанія имѣть у себя храмъ Божій и, похваливъ ихъ за любовь къ церкви Божіей, поставлялъ такое усердіе ихъ въ этомъ отношеніи въ примѣръ другимъ. Это выраженіе справедливаго вниманія достоуважаемаго о. протоіерея къ усердію и трудамъ кочищскихъ прихожанъ очевиднымъ образомъ порадовало ихъ.

По прочтеніи этого посланія, діаконъ мозырской соборной церкви Стефанъ Глыбовскій провозгласилъ многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому, св. Синоду и архіепископу минскому Михаилу, всѣмъ сочувствовавшимъ и содѣйствовавшимъ обновленію храма и всѣмъ православнымъ христіанамъ.

По окончаніи божественной литургіи, всѣ чиновные посѣтители, приложившись къ кресту, отправились въ домъ кочищской экономіи, гдѣ приготовленъ былъ для нихъ нескудный пріемъ.

При торжествѣ освященія кочищской церкви и на божественной литургіи присутствовали: начальникъ мозырскаго уѣзднаго жандармскаго управленія корпуса жандармовъ маіоръ А. А. Вилль съ супругою, трое изъ штата мозырской гимназіи, инспекторъ народныхъ училищъ минской губерніи Г. И. Кулжинскій, усердно заботившійся о соблюденіи порядка между учениками народныхъ училищъ во время крестнаго хода и наблюдавшій, чтобы они шли по-парно, уѣздный исправникъ Мищенко, помощникъ исправника Лопушинскій, засѣдатель полицейскаго управленія Кольчевскій, мировой посредникъ 1-го участка Цѣнинъ, бывшій городской голова И. К. Сайковскій, городской голова Олещенко, членъ думы Марцинкевичъ, секретарь Свириденко, бухгалтеръ Яниславскій, судебный слѣдователь Матросовъ, стряпчій Маркіановичъ, почтмейстеръ Семеновъ, засѣдатель уѣзднаго суда Козловъ, секретарь полицейскаго управленія Хоецкій, смотритель городской больницы Гласко, смотритель острога Бугаевскій, трое ротныхъ командировъ и докторъ 123-го пѣхотнаго козловскаго полка и трое помѣщиковъ. Чиновничество было въ полной парадной формѣ. Народъ, въ праздничномъ одѣяніи, стекся на торжество въ такомъ количествѣ, что не могъ вмѣщаться въ церкви и многимъ пришлось

стоить въ саду кочищской экономіи, въ которомъ церковь эта построена.

Кочищскіе прихожане озаботились принятіемъ посѣтителей изъ уѣзднаго чиновничества, приготовивъ для нихъ и помѣщеніе въ домѣ экономіи, и завтракъ, и экипажи на обратный путь для неимѣющихъ экипажей. Предъ начатіемъ завтрака, г. начальникъ уѣзднаго жандармскаго управленія вышелъ къ собравшемуся предъ домомъ экономіи народу и, поднявъ чарку водки, приготовленной для народа, провозгласилъ тостъ „за здравіе Его Величества; громкое и задушевное „ура!" было отвѣтомъ народа на этотъ тостъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ же провозгласилъ тостъ „за процвѣтаніе православія." И этотъ тостъ, предложенный какъ нельзя болѣе кстати, принятъ былъ торжествующимъ народомъ съ тѣмъ же выраженіемъ полнѣйшаго сочувствія и радости. Затѣмъ г. исправляющій должность инспектора мозырской гимназіи, Е. Д. Добровольскій, поднявъ чарку и поздравивъ православный народъ съ счастливымъ и прекраснымъ окончаніемъ постройки храма, бывшей предметомъ ихъ давнихъ задушевныхъ желаніи и, пожелавъ ихъ дѣтямъ православно-русскаго образованія, возгласилъ тостъ „за здравіе православнаго народа," на что снова раздалось единодушное „ура!"; потомъ поздравили народъ духовенство и другіе присутствовавшіе при торжествѣ. Между тѣмъ, предъ домомъ экономіи, явилась скрипка и бубенъ, и ликующій народъ пустился въ пляску, безъ малѣйшаго однако нарушенія приличія.

Послѣ завтрака, въ залу введены были ремезовско-кочищскіе пѣвчіе и, по требованію гостей, пропѣли нѣсколько разъ гимнъ „Боже, Царя храни" и извѣстную пѣсню:

Да здравствуетъ нашъ Царь,
Нашъ добрый Государь!
И тѣломъ и Душей
Мы вѣрные Его и т. д.

Восхищенные этимъ пѣніемъ гости обласкали бѣдныхъ дѣтей и одарили деньгами. По справедливости, нельзя не отдать чести отцу Роману за стройное пѣніе мальчиковъ, а также и отцу Андрею за его хоръ. Пѣніе этихъ дѣтей несомнѣнно дѣйствуетъ на крестьянъ самымъ благотворнымъ образомъ, и даже вѣрнѣе иныхъ проповѣдей, не всегда доступныхъ ихъ простому уму. При пѣніи этой пѣсни присутствовали и римско-католики. Трудно было уга-

дать, какое впечатлѣніе она произвела на нихъ; но они слушали ее со вниманіемъ. Дай Богъ, чтобы торжество 2-го февраля оставило въ душахъ всѣхъ одинаковыя чувства мира и искренняго согласія, чтобы наконецъ забыто было все, чѣмъ разрушается наше общее благо на потѣху и радость общихъ нашихъ враговъ.

Такъ совершилось и кончилось торжество освященія церкви въ с. Кочищахъ, которое, вѣроятно, у всѣхъ, присутствовавшихъ при немъ, оставило по себѣ одно изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній.

Надобно полагать, что, по освященіи этой церкви, епархіальное начальство озаботится устроить изъ нея особую, а не приписную только къ с. Ремезамъ, церковь и назначить къ ней особаго священника, какъ это было прежде; иначе въ ново-освященной церкви, безъ особаго при ней священника, богослуженіе будетъ совершаться не такъ часто, какъ желаютъ того, и въ правѣ желать, ея прихожане.

Не можемъ не упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, случившемся съ нами на обратномъ пути изъ с. Кочищъ. Мы желали посѣтить въ с. Ельскѣ отца Андрея и, полагая, что ближайшій къ церкви домъ принадлежитъ ему, попали—въ жидовскую корчму, справляющую шабашъ. Въ XII т. св. зак., ч. I. изд. 1857 г., уст. стр., ст. 457 постановлено: „не должно у тѣхъ площадей, на коихъ находятся церкви, имѣть питейные дома; „ст. 438:“ питейные домы на большихъ улицахъ должны быть отъ церквей не ближе, какъ въ сорока саженяхъ.“ Признается ли это постановленіе обязательнымъ въ с. Ельскѣ, гдѣ старая церковь и старая корчма стоятъ одна отъ другой на разстояніи едва ли большемъ и 15-ти саженей?

Кириллъ Мысовскій.

г. Мозырь,
6 февраля 1868 г.

(Сообщено редакціи Вѣст. запад. Рос.)

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

О ВЛАДѢЛЬЧЕСКИХЪ ГОРОДАХЪ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Въ „Кіевл." пишутъ: „Край нашъ — единственная, можетъ быть, въ Европѣ мѣстность, въ которой уцѣлѣли обломки такъ вредно дѣйствовавшаго на свободное развитіе городскаго сословія средневѣковаго феодализма, завѣщанные переходнымъ временемъ польскаго господства. Со времени существованія нашей газеты мы не разъ указывали въ ней на аномалію существованія *владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ въ юго-западномъ краѣ.* Въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ находится 8 владѣльческихъ городовъ (Бердичевъ и Липовецъ въ Кіевской губ.; Дубно, Ровно, Заславъ, Староконстантиновъ и Острогъ въ Волынской губ., и Ямполь въ Подольской) и 339 мѣстечекъ (въ Кіевской 109, въ Волынской 129 и въ Подольской 101). Нѣкоторыя изъ этихъ мѣстечекъ не только равняются по значенію съ уѣздными городами, но даже далеко превосходятъ ихъ: чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить мѣстечки Бѣлую-Церковь, Немировъ, Славуту, Ярмолинцы—съ такими уѣздными городами, какъ напр. Таращa или Липовецъ. Что же касается до казенныхъ мѣстечекъ, то число ихъ гораздо ничтожнѣе числа владѣльческихъ: всѣхъ ихъ 64 (въ Кіевской губ. 13, въ Волынской 27 въ Подольской 24). Для русскаго уха, для жителей центральной Россіи, странно звучатъ слова „владѣльческій городъ." Существованіе этихъ остатковъ чуждаго феодализма ничѣмъ не оправдывается и не имѣетъ никакого смысла, кромѣ развѣ продленія господства въ краѣ польскаго шляхетства. Помѣщичьи города тѣмъ страннѣе видѣть въ юго-западномъ краѣ, что въ царствѣ Польскомъ, 28-го октября 1866 г., они уже уничтожены. Мысль о снятіи съ городской собственности юго-западнаго края ярма, наложеннаго на нее феодальнымъ произволомъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ, занимаетъ главную мѣстную администрацію уже два года. Въ настоящее время, какъ намъ передавали изъ вѣрнаго источника, предположено, приступивъ къ собранію подробныхъ свѣдѣній о городскихъ поселеніяхъ, просить объ устройствѣ особой коммиссіи, для составленія проекта преобразованія городовъ и мѣстечекъ западнаго края. Городское хозяйство, находящееся въ доволь-

но неудовлетворительномъ состоянiи, и преобразованiе городоваго управленiя, нынѣ, какъ извѣстно, выработываемое для городовъ имперiи вообще, едва ли не потребуетъ особыхъ видоизмѣненiй для городовъ нашего края. Всѣ они, исключая быть можетъ одинъ Кiевъ, имѣютъ такое преобладанiе польскаго и еврейскаго элементовъ, что необходимо общественное управленiе въ нихъ, до поры до времени, устроить такъ, чтобы преобладающiе элементы не могли захватить въ нихъ городское хозяйство, въ ущербъ и безъ того едва замѣтному православному—русскому элементу."

(Совр. Лѣт.)

ЕЩЕ ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА ОБЕРЪ-ПРОКУРОРА СВ. СИНОДА ЗА 1866 Г.

Церковныя Приходскiя Школы.

Дѣятельность православнаго духовенства на поприщѣ народнаго образованiя была продолжаема и въ 1866 году. Къ первой половинѣ этого года состояло 19,436 церковно-приходскихъ школъ съ 383,181 учащимися обоего пола.

Изъ общаго числа учащихся болѣе одной трети приходится на семь православныхъ епархiй западнаго края и на епархiю рижскую, а именно 144,893. Самое большое количество школъ заведено въ трехъ югозападныхъ губернiяхъ: здѣсь обучалось въ 3,763 школахъ 86,175 дѣтей. Изъ нихъ около половины, 39,820, слѣдовательно болѣе 4/10 общаго числа учащихся, принадлежатъ къ кiевской епархiи. Подъ просвѣщеннымъ и неутомимо бдительнымъ руководствомъ преосвященнаго митрополита кiевскаго Арсенiя, дѣло народнаго образованiя съ каждымъ годомъ прiобрѣтаетъ большiе успѣхи. Въ теченiе 1866 года число учащихся въ школахъ, содержимыхъ духовенствомъ, увеличилось въ его епархiи почти на 5 т. Многiя школы переполнены учащимися; число обучающихся въ церковно-приходскихъ школахъ г. Кiева значительно уже превысило число учениковъ въ народныхъ училищахъ учебнаго округа; въ училищѣ Притиско-Николаевской церкви обучалось 115, Цареконстантиновской 27 и Новостроенской 187 дѣтей беднѣйшихъ жителей. Въ м. Корсунѣ обучалось 73 мальчика и 27 дѣвочекъ; въ Млiевѣ 115 мальч. и 18 дѣвоч.; въ с. Рассавѣ 75 мальч. и 25 дѣвоч.; въ Доброй 100 мальч. и 50 дѣвочекъ.

Высоко возбужденная любовь къ ученію отъ дѣтей переходитъ и къ взрослымъ крестьянамъ: въ праздничные и воскресные дни они собираются въ школу, въ послѣобѣденное время, для изученія грамоты. Число таковыхъ въ селѣ Доброй простирается до 73 лицъ отъ 16 до 40 лѣтняго возраста.

Послѣ западныхъ епархій сравнительно успѣшнѣйшее развитіе церковно-приходскихъ школъ достигнуто въ епархіяхъ: херсонской, екатеринославской, черниговской и смоленской.

Обученіе въ приходскихъ школахъ, кромѣ священнослужителей и причетниковъ, возложено на воспитанниковъ семинарій. Но тамъ, гдѣ, какъ въ нѣкоторыхъ приходахъ петербургской епархіи, было по два по три и болѣе училища на приходъ, обучали и свѣтскія лица православнаго исповѣданія, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства. Законоучительскую же должность всегда исполняли священники или діаконы. Въ большинствѣ училищъ мальчики и дѣвочки обучались вмѣстѣ. Но въ иныхъ епархіяхъ заведены и отдѣльныя школы для дѣвочекъ, гдѣ наставницами состоятъ жены и дочери священнослужителей и многія изъ воспитанницъ училищъ дѣвицъ духовнаго званія. Во многихъ школахъ, напримѣръ, въ епархіяхъ минской, олонецкой, петербургской, тобольской, онѣ учатъ дѣвочекъ, кромѣ предметовъ начальныхъ народныхъ училищъ, и разнымъ женскимъ рукодѣльнымъ работамъ.

Надзоръ за учебнымъ и религіозно нравственнымъ состояніемъ школъ лежитъ на обязанности мѣстныхъ благочинныхъ. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, какъ-то: въ кіевской, тульской, завѣдываніе школами поручено преосвященными особымъ священникамъ—наблюдателямъ. Для управленія школами кіевской епархіи учрежденъ, сверхъ того, при тамошней консисторіи особый педагогическій совѣтъ изъ ректора семинаріи, 3 протоіереевъ и смотрителя кіево-софійскаго духовнаго училища. Не ограничиваясь симъ, преосвященные сами постоянно наблюдали за дѣятельностью духовенства, давали ей надлежащее направленіе, а при дѣлаемыхъ ими обозрѣніяхъ епархіи не опускали случая посѣщать училища, производили испытанія учениковъ и ученицъ и такимъ образомъ лично удостовѣрялись въ степени усердія духовенства и въ успѣшности учащихся.

По свидѣтельству преосвященныхъ, учебное состояніе школъ находится въ довольно удовлетворительномъ положеніи, судя по тѣмъ ничтожнымъ средствамъ, какими располагаетъ духовенство. Кромѣ чтенія, письма, изученія нужнѣйшихъ церковныхъ молитвъ, краткой св. исторіи, катихизиса и первыхъ правилъ ариѳметики, въ нѣкоторыхъ школахъ преподавались и начала грамматики, читались книги, относящіяся до сельскаго хозяйства, естественной исторіи и географіи. Церковное пѣніе также болѣе и болѣе входитъ въ кругъ пред-

метовъ обученія: при многихъ церквахъ кіевской, подольской и другихъ епархій устроены прекрасные сельскіе хоры изъ учениковъ церковно-приходскихъ школъ.

Давая начальное умственное образованіе, школы вмѣстѣ съ тѣмъ служили съ большимъ успѣхомъ и религіозно-нравственному развитію и направленію учащихся. Преосвященный могилевскій свидѣтельствуетъ, что при помощи распространяющейся грамотности въ его епархіи, подростающее поколѣніе народа преимуществуетъ предъ старшимъ въ знаніи символа вѣры, заповѣдей и молитвъ. Изъ отчета олонецкаго преосвященнаго усматривается, что дѣти, наставляемыя въ церковныхъ училищахъ въ истинахъ вѣры и христіанской дѣятельности, стараются осуществить ихъ и въ собственной жизни, усердно и часто посѣщаютъ храмъ Божій; при чемъ нѣкоторые участвуютъ въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ; въ домахъ, вмѣсто площадныхъ игръ и пѣсень, занимаются чтеніемъ книгъ или пѣніемъ церковныхъ пѣснопѣній; считаютъ непремѣнною обязанностію исполненіе христіанскаго долга исповѣди и св. причастія. Такое настроеніе учащихся имѣетъ весьма благодѣтельное вліяніе на самыя семейства, къ которымъ они принадлежатъ. Обучающіяся въ церковно-приходскихъ училищахъ дѣти раскольниковъ болѣе сближаются съ духовенствомъ, пріобрѣтаютъ правильныя понятія о православной церкви и навыкъ посѣщать храмъ Божій, чрезъ что и сами родители, менѣе упорные, начинаютъ оказывать болѣе уваженія къ православному духовенству.

Матеріальное положеніе церковновно-приходскихъ школъ далеко необезпечено. Не говоря о кіевской епархіи, гдѣ въ этомъ отношеніи сдѣлано болѣе, чѣмъ въ другихъ епархіяхъ, духовенство, за рѣдкими исключеніями, не только обучаетъ въ сихъ школахъ безмездно, или безъ опредѣленнаго вознагражденія, но по большей части само же должно удѣлять на нихъ изъ собственныхъ скудныхъ средствъ. Школы по большей части помѣщаются въ домахъ духовныхъ лицъ, изъ которыхъ многіе устроили для сего на собственный счетъ особыя помѣщенія; многія школы снабжаются на счетъ же священниковъ и учебными пособіями; наконецъ значительное число школъ получаютъ отъ священно-церковнослужителей все свое содержаніе; по одной харьковской епархіи такихъ школъ 18. Столь безкорыстная дѣятельность могла бы быть въ высшей степени благотворна, если бы само духовенство было достаточно обезпечено, и еслибъ, съ другой стороны, сельское населеніе повсюду съ должнымъ участіемъ относилось къ дѣлу своего просвѣщенія. Къ сожалѣнію, имѣющіяся отъ многихъ епархіальныхъ преосвященныхъ свѣдѣнія показываютъ, что простой народъ, мало понимая существенную пользу отъ обученія, съ равнодушіемъ и небреженіемъ

смотритъ на церковно-приходскія школы, неохотно отдаетъ въ нихъ своихъ дѣтей и не принимаетъ на себя заботы объ обезпеченіи содержанія училищъ, ссылаясь на свои собственныя нужды или даже на то, что дѣти не имѣютъ времени ходить въ школу, будучи заняты домашними сельскими работами. Духовенство, послѣ многолѣтнихъ своихъ трудовъ на пользу народнаго образованія, не найдя для себя никакой поддержки въ своихъ прихожанахъ, и будучи само крайне стѣснено въ средствахъ къ жизни, стало ослабѣвать въ своей энергіи. Со стороны же святѣйшаго синода не можетъ быть оказано церковно-приходскимъ школамъ необходимаго пособія по неимѣнію на это въ его распоряженіи денежныхъ средствъ. Прискорбнымъ послѣдствіемъ сего было уменьшеніе въ 1866 году школъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ. Впрочемъ были и другія тому причины. Такъ, въ тульской епархіи на сокращеніе числа сельскихъ школъ вредно вліялъ неурожай 1865 года; крестьяне не могли затрачивать на училища и той ограниченной суммы, которую они удѣляли въ прежніе годы; дѣти ихъ, вмѣсто училищъ, отдавались въ заработки. Въ костромской епархіи, вслѣдствіе умноженія училищъ при волостныхъ правленіяхъ, закрыты многія церковно-приходскія школы, какъ не нужныя. Въ полоцкой епархіи нѣкоторыя изъ школъ этого рода поступили въ вѣдомство министерствъ государственныхъ имуществъ и народнаго просвѣщенія, а другія, оставясь въ епархіяльномъ вѣдомствѣ, слились одна съ другой.

О НАЗВАНІИ КІЕВСКОЙ РУСИ РОССІЕЙ.

Не очень давно было толкованіе о томъ, будто кіевская и вся западная *Русь* не называлась *Россіей* до ея присоединенія къ Руси восточной; будто и названіе *Малой Россіи* или *Малороссіи* придано кіевской Руси уже по соединеніи ея съ Русью великою или московскою. Чтобы уничтожить навсегда этотъ несправедливый и не-русскій толкъ, надо обратить его въ историческій вопросъ: когда въ Кіевѣ и въ другихъ западно-русскихъ областяхъ своенародныя имена *Русь, Русскій*, начали замѣнять, по греческому произношенію ихъ, именами *Россія, Россійскій?*

Отвѣтъ: съ девяностыхъ годовъ XVI-го вѣка, въ правленіе короля Сигизмунда III-го, то есть, вскорѣ послѣ того, какъ земля кіевская и все княжество литовское были присоединены къ Польшѣ, на люблинскомъ сеймѣ 1569 года.

Основаніемъ такого отвѣта служатъ тоговременные акты письменные и книги, печатанныя въ разныхъ областяхъ рус-

скихъ, присоединенныхъ къ Польшѣ. Приведу свидѣтельства тѣхъ и другихъ.

1) Вотъ *первая* книга, напечатанная въ Кіевѣ, въ типографіи печерской лавры — *Часословъ*, 1617 года. Въ предисловіи къ ней іеродіакона Захарія Копыстенскаго сказано: „Се, правовѣрный христіанине и всякъ благоговѣнный читателю, отъ нарочитыхъ мѣстъ въ *Россіи* кіевскихъ, сирѣчь лавры печерскія....“

2) Въ послѣсловіи къ *Анѳологіону*, изданному 1619 года, типографъ Памво Берында говоритъ къ читателю о лаврѣ печерской: „ее убо приноситъ ти... матеръ твоя *въ Россіи Малой*.“

3) Въ *Поученіяхъ св. Дороѳея*, напечатанныхъ 1628 года, лаврскій намѣстникъ Филоѳей Кизаревичъ съ братіей говорятъ, что сія книга издана въ общую пользу „великаго и славнаго *народа Россійскаго* и прочіихъ народовъ пресладчайшаго языка славенска.“

4) Основательница кіевскаго богоявленскаго братства, Анна Гулкевичевна Лозкина, въ своей записи о томъ 1615 года, говоритъ, что она учреждаетъ его — „правовѣрнымъ и благочестивымъ христіаномъ *народу россійскаго*, въ повѣтехъ воеводствъ кіевскаго, волынскаго и браславскаго будучимъ.“

5) Въ „реестрѣ братскомъ,“ тогда же начатомъ, сказано: „Начинаемъ сіе душеспасительное, друголюбное братство церковное въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ..... на утѣшеніе и утвержденіе въ благочестіи *нашему Россійскому роду*“ и т д.

6) А вотъ еще стихъ изъ *Вѣршей* ректора кіевобратской школы, Кассіана Саковича, на погребеніе гетмана Петра Конашевича—Сагайдачнаго, напечатанныхъ 1622 года:

„Зоставивши теды намъ святыню въ *Россіи*.“

7) Окружная грамота, напечатанная въ Кіевѣ 1629 года, начинается такъ: „Іовъ Борецкій, милостію Божіею архіепископъ митрополитъ Кіевскій, и Галицкій и *всея Россіи*, всѣмъ посполитого *Россійскаго рода*, такъ въ коронѣ польской, яко и у великомъ князствѣ литовскомъ, всякого достоинства, духовного и свѣтцкого, высокого шляхетного и низшого посполитого стану людемъ...“

Но довольно о Кіевѣ; обратимся къ землѣ Галицкой.

8) Тамъ львовское братство въ своей типографіи прежде всего издало *Грамматику*, 1591 года, въ наставленіе „многоименитому *Россійскому* роду.“ Въ ней упоминается о пришествіи патріарха Іереміи „во страны *Россійскія*,“ митрополитъ кіевскій и галицкій Михаилъ (Рагова) именуется „архіепископомъ всея *Россіи*.“

9) Того же 1591 года львовское братство обращалось въ Москву къ царю Ѳеодору Ивановичу, съ просительными посланіями, въ которыхъ именуютъ его „свѣтлымъ царемъ

Россійским," вспоминають „князя Владиміра, крестившаго весь *Россійскій* родъ" и т. п.

10) Минуя другіе акты и книги, назову еще *Октоихъ*, изданный—во Львовѣ 1630 года; тамъ сказано въ посвященіи о братствѣ—„въ градѣ Леондополи *Малыя Россіи*.

Въ землѣ волынской находимъ тоже.

11) Въ числѣ книгъ, напечатанныхъ въ Острогѣ, извѣстна *Книга Василія Великаго* (о постничествѣ), изданная 1594 года. Въ ея предисловіи встрѣчается такое выраженіе: „вы же, о православный *Россійскій народе!*"

12) Въ мѣстечкѣ Рохмановѣ, принадлежавшемъ княгинѣ Иринѣ Вишневецкой, Кириллъ Транквиліонъ — Ставровецкій напечаталъ 1619 года свое *Евангеліе учительное*. Въ одномъ предисловіи говоритъ онъ: „ревностію поревновахъ о спасеніи братіи моей, рода моего *Россійскаго*." Въ другомъ предисловіи встрѣчается выраженіе: „по всей *земли Россійской*."

Такое же употребленіе именъ „Россія, Россійскій" было тогда и на сѣверо-западѣ русскомъ.

13) Въ столичномъ городѣ литовскаго княжества Вильнѣ, гдѣ была долго и резиденція митрополитовъ кіевскихъ, Михаилъ Рагоза первый изъ нихъ сталъ писать въ своемъ титулѣ: „всея *Руссіи*" или „всея *Россіи*," — какъ это видно изъ подлинныхъ актовъ 1590 — 1599 годовъ. Такъ продолжалъ писать и его преемникъ, уніатскій митрополитъ Ипатій Потѣй, въ 1600 — 1608 годахъ. А прежніе митрополиты кіевскіе, бывшіе до Михаила Рагозы, писали: и всея *Руси* или „всея *Русіи*." Такъ писали въ своемъ титулѣ и московскіе митрополиты, бывшіе до учрежденія патріаршества въ Москвѣ. Первый патріархъ московскій Іовъ писалъ уже: „и всея *Росіи*" (въ 1589—1586 годахъ).

14) Въ предисловіи къ *Евангелію учительному* патріарха Каллиста, напечатанному 1616 года въ Евю, коштомъ Богдана Огинскаго, сказано, что русскій переводъ этой книги—„выданьемъ зъ друку, на всѣ широкіи славного и старожитного *народу Россійского* краины разосланъ...."

15) Жители города Ратна, въ 1614 году писаси къ преемнику Потѣя, Іосифу Рутскому, о непринужденіи ихъ къ уніи: „отче архіепископе всего *Россійскаго языка!*"

Но возвратимся къ Кіеву. По возобновленіи здѣсь православной митрополіи въ 1620 году, митрополиты Іовъ Борецкій, Исаія Копинскій, Петръ Могила, продолжали писать въ титулѣ: „и всея *Россіи*."

Приведу нѣсколько выраженій изъ писаній Петра Могилы.

16) Въ его предисловіи къ *Анеологіону*, изданному 1636 года, читаемъ: „святого великого *Россійского князя* Владиміра"—„и всей *церкви* православной *Россійской*" — „презацный *народъ Россійскій*."

17) Въ его пригласительномъ листѣ къ луцкой братіи на

кіевскій соборъ 1640 года, сказано: „отъ немалаго часу вся православная *церковь Россійская*, будучи отъ апостатовъ въ великомъ преслѣдованю, не могла прійти до того, абы волковъ драпѣжныхъ отдалити отъ себе.“

18) Въ грамотѣ патріарха Θеофана, писанной въ генварѣ 1621 года, при отъѣздѣ его изъ Кіева, сказано: „смиренія нашего благословеніе всѣмъ благочестивымъ христіаномъ въ *Малой России*.... сыномъ *церкви Россійскія* восточныя.“

19) Гетманъ Богданъ Хмельницкій, въ своемъ бѣлоцерковскомъ универсалѣ, 1648 года писалъ: „Вамъ всѣмъ обще *Малоросіяномъ* о томъ доносимъ, такъ и до компанѣи военной, на предлежащее съ нимижъ Поляками дѣло военное васъ вызываемъ и заохочуемъ. Кому мила вѣра благочестивая, отъ Поляковъ на унѣю претворяемая; кому зъ васъ любима цѣлость отчизны вашей, *Украины Малороссійской*....“—О уволненю отъ бѣдъ лядскихъ всего *народа Малоросійскою*.... и т. п.

20) Въ заключеніе, привожу отрывокъ изъ отвѣтнаго письма Гетману Хмельницкому отъ Запорожской Сѣчи, писаннаго 3 генваря 1654 года, передъ наставшимъ уже присоединеніемъ Малороссіи къ Великой Россіи. „А замыслъ вашъ, щобъ удатися и буди зо всѣмъ *народомъ Малоросійскимъ*, по обоихъ сторонахъ Днѣпра будучимъ, подъ протекцію великодержавнѣйшого и пресвѣтлѣйшого *монарха Російскою*, за слушный быти признаваемъ, и даемо нашу войсковую вамъ пораду, абысте того дѣла не оставляли и оное кончили, якъ ку найлутшой ползѣ отчизны нашой *Малоросійской*....“

М. Максимовичъ.

(К. Еп. Вѣд.)

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

(Письмо къ редактору Вил. Вѣст.)

„Голосъ“ посвящаетъ двѣ большихъ статьи (См. №№ 259 и 275) филологическому вопросу, съ патріотической точки зрѣнія разсматриваемому. Что же, это очень хорошо и въ нѣкоторомъ смыслѣ публистично: если разсуждать о желѣзныхъ дорогахъ, акцизѣ и другихъ важныхъ матеріяхъ, то почему же, я васъ спрашиваю, не писать передовыхъ статей о склоненіяхъ и спряженіяхъ? Нашъ братъ, филологъ, прочтетъ ихъ съ жадностію и поблагодаритъ ученую редакцію „Голоса,“ и притомъ же патріотическая филологія,—какъ хотите, этого еще не выдумали и нѣмцы, пресловутые изобрѣтатели обезьянъ! Но обращаюсь къ дѣлу. „Голосъ“ въ своихъ филологическихъ статьяхъ отправляется отъ совершенно вѣрнаго положенія. Онъ доказываетъ необходимость замѣны иностранныхъ словъ русскими. Правда, не ново это положеніе и идетъ оно еще отъ Шишко-

ва; но вѣдь и „Голосъ“ не увѣренъ, что оно ново. Мало ли старыхъ хорошихъ истинъ! А вѣдь, что ни говорите, пріятно было бы замѣнить: тротуаръ—*топтырней*, портупею—*мечевисомъ*, галоши—*мокроступами*, кавалера—*всадникомъ* и пр. и пр. Но, сочувствуя филологическимъ статьямъ „Голоса“ и ихъ направленію, мы не можемъ не замѣтить въ авторѣ ихъ, нашемъ собратѣ, нѣкоторой неопытности, отсутствія филологической снаровки. Обрусѣніе собственныхъ и нарицательныхъ именъ и фамилій, большая часть которыхъ—прилагательныя, безспорно, очень важно, еще важнѣе прослѣдить въ нихъ шагъ за шагомъ, букву за буквой, присутствіе польскаго элемента, полонизма, ополяченія; но филологъ „Голоса,“ къ сожалѣнію, не придерживается ученой классификаціи, принятой въ нашей наукѣ Такъ онъ не отдѣляетъ корней отъ суфиксовъ, а потому остается не объяснимымъ: какіе изъ фамильныхъ суфиксовъ слѣдуетъ считать ополяченными и какіе нѣтъ? Какіе корни благонамѣренны и какіе коварны и склонны къ полонизму? Объяснимся примѣрами. Если фамильное окончаніе *скій* считать шляхтопапистскимъ, то придется вѣдь Шуйскихъ, Воротынскихъ, Одоевскихъ, Вознесенскихъ, Преображенскихъ и мн. др. считать шляхтопапистами; о *вичъ* можно сказать тоже самое. Притомъ же, это произведетъ множество неудобствъ какъ въ именахъ существительныхъ, такъ и въ прилагательныхъ, да и обидно будетъ для многихъ извѣстныхъ и почтенныхъ фамилій. Напримѣръ, если слова: *Кояловичъ* (фамилія извѣстнаго нашего ученаго и публициста) передѣлать въ *Кояловъ* или *Каялинъ* (отъ р. Каяли „у Дона великаго“); *Говорскій* (фамилія извѣстнаго патріота-журналиста) въ *Говоровъ; Мачинскій* (добрый нашъ знакомый, извѣстный руссофилъ изъ смоленскихъ бояръ) въ *Мачиновъ* и т. д. и т. д.,—если, я говорю, передѣлать сіи фамиліи на русскія, то сколько окажется практическихъ затрудненій: а) во-первыхъ, названные мною и другіе русскіе люди съ иностранными фамиліями (въ томъ числѣ и вы, М. Г.,—я не говорю о *дѣятеляхъ*) могутъ обидѣться; б) во-вторыхъ, Каяловы, Мачиновы и Говоровы могутъ найдтись индѣ (указываю на извѣстнаго грамматиста Говорова, кажется, живущаго въ Тамбовѣ) и... пожалуй, тоже обидятся. Перехожу къ нарицательнымъ именамъ. Не вижу ни какой пользы и даже—не обинуясь скажу—вижу положительный вредъ, продѣлку шляхтепапистовъ въ замѣнѣ шталмейстера и прочихъ придворныхъ должностей словами: конюшій, ловчій, крайчій и пр.; ибо если допустить сіи слова въ языкъ, какъ разъ придешь къ коморіямъ, подскарбіямъ, старостамъ, старостинамъ и т. п. Вообще, повторяю, слѣдуетъ серьознѣе вдуматься въ этотъ предметъ и подвергнуть его болѣе строгому анализу. Еще слабѣе фонетическая сторона разбираемаго нами этюда, свидѣтельствующая, — да извинитъ насъ авторъ, — о недостаточности ученой его подго-

товки. Недостаточно еще преслѣдовать польскія *пши*канья, *рже*канья и *дзя*канья: а носовые звуки, а юсы?... Вы ихъ и забыли! И допускаете!... И не хотите понять ихъ шляхетско-ксендзовской зловредности!... И оставляете слѣды ихъ въ нашемъ языкѣ!... Воля ваша, а это не спроста... По нашему, ужь лучше пусть остается *офицеръ*, даже *офисье*, чѣмъ казацкое, напримѣръ, *хорунжій*, ибо сіе послѣднее слово сохраняетъ носовой звукъ (т. е. *суть* польщизны): иное, конечно, было бы дѣло, если бы это слово говорилось—*хоружій*. Надобно быть послѣдовательнымъ, г. новый филологъ, и ужь если изгонять польщизну, такъ нечего церемониться съ звуками и благодушествовать. Нельзя же, напримѣръ, говорить: я мну, ты м*не*шь, сем*ени*, врем*ени*, тел*енок*ъ, порос*ен*окъ и т. д.; ибо извѣстно, что подчеркнутыя буквы произошли отъ малаго юса (а польское en); приведенныя нами слова слѣдуетъ говорить и писать такъ: я мяу (мати), ты мяушь или мяуешь, сéмя, врéмя, теля, порося, телю, поросю, телемъ, поросемъ и т. д. *Исключеніями* (exceptions) надобно хорошенько позаняться. Конечно, пріятно Гонсѣвскаго обратить въ Гусева или Гусятникова; ну а что, если онъ перейдетъ въ совершенно русское слово, но съ признаками юса—Гусененкинъ. Вѣдь возможно!

Что касается, г. редакторъ, до вашей полемики съ „Голосомъ,“ то я, признаюсь, не понимаю, изъ-за чего вы-то горячитесь! Не вы ли сами распространялись о разныхъ степеняхъ обрусѣнія и говорили, что можно довольствоваться каждою изъ нихъ тогда-то и тогда. Чего же вамъ еще!

Буквоѣдовъ.

КЪ РИМСКОМУ ВОПРОСУ.

(прямой взглядъ на дѣло).

Хвастливый походъ пресловутаго авантюриста, Гарибальди, на Римъ, окончившійся, какъ извѣстно, постыднымъ пораженіемъ, все таки оставилъ вопросъ нетронутымъ—быть или не быть владыкѣ Ватикана въ ряду свѣтскихъ властителей. Опять пошли толки о конгрессѣ и конференціяхъ, опять заскрипѣли перья дипломатовъ. Выйдетъ ли что нибудь изъ этого, нѣтъ ли—одному Богу извѣстно: но Европа съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за всѣмъ тѣмъ, что совершается въ столицѣ папства, что рано или поздно должно потрясти весь католическій міръ и неизбѣжно отразиться и на судьбахъ церкви истинной. Перечитать все то, что пишется и печатается теперь по этому жгучему вопросу, нѣтъ никакой возможности, а привести всѣ толки и разсужденія къ одному знаменателю и того менѣе. Намъ однакожь удалось встрѣтить практически-вѣрный взглядъ, ведущій къ разъясненію того, что нужно дѣлать въ

этомъ водоворотѣ мнѣній, отдаляющихъ рѣшеніе вопроса о свѣтской власти одного изъ христіанскихъ патріарховъ.

„Гарибальди,—пишетъ изъ Лаго-Маджоре, корреспондентъ „Сѣверной Почты“,—въ своемъ преслѣдованіи папства похожъ на человѣка, который, зажмуривъ глаза, размахиваетъ по воздуху саблей: дѣлаетъ много шуму, но мало толку. Его крестовый походъ противъ „черной язвы“ приноситъ болѣе чести его усердію, чѣмъ находчивости и особенно практическому смыслу. Чтобы вести войну противъ этихъ людей, надо прежде построить родъ крѣпости, откуда бы можно было стрѣлять не одними словами. Спрашивается: кого совратишь съ проторенпаго вѣками пути, кого присоединишь къ какому-то „ученію разума“, когда ни одно изъ оснований этой новой религіи не обусловлено практическимъ осмысленіемъ? Свѣтское папство падетъ само собою, когда совершится преобразованіе духовнаго папства; но, чтобы преобразовать духовное, необходимо начать съ какого нибудь серьозно-обдуманнаго, положительнаго и частью осуществленнаго въ дѣлѣ плана. Если бы Гарибальди, вмѣсто того, чтобы проповѣдывать, что настало время низвергнуть папство и обратиться къ „чистому источнику вѣры“, указалъ, что это за источникъ, гдѣ онъ находится, что имѣетъ въ виду, и на чемъ основывается,—его пропаганда могла бы быть несравненно болѣе дѣйствительною. Слѣдовало бы начать съ того, чтобы учредить особую церковь, которая была бы совершенно независима отъ папы. Въ Сициліи существуетъ же апостолическое легатство, которое Пій IX хотѣлъ было недавно уничтожить, но которое италіанское правительство отстояло. Исторія давняя. Когда великій графъ Рожеръ I завоевалъ въ 1089 году Сицилію, онъ заставилъ сицилійцевъ, зависѣвшихъ отъ константинопольскаго патріарха (notabene), принять латинскую вѣру и объявилъ себя главою церкви. Послѣ долгихъ споровъ, папа Урбанъ II утвердилъ это титло за нимъ и его наслѣдниками. Разумѣется, то же право перешло отъ королей сицилійскихъ къ Виктору-Эммануилу. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовало бы ввести въ новую церковь, вмѣсто латинскаго, народный языкъ, возстановить брачное состояніе духовенства, и за тѣмъ организовать пропаганду противъ папства съ миссіонерами и членами, въ pendant обществу паолоттовъ. Въ проповѣдникахъ недостатка не будетъ. Ихъ доставитъ само же католическое духовенство. Толковать объ отвлеченной мечтѣ—значитъ понапрасну тратить трудъ и время. Какъ бы то ни было, а чтобы начать чѣмъ нибудь, надо прежде всего снять съ католическихъ священниковъ характеръ касты, дѣлающій его чуждымъ интересамъ, стремленіямъ и нуждамъ общества, среди котораго они живутъ. У каждаго изъ нихъ два государя: одинъ на мѣстѣ, другой, болѣе могущественный, въ Римѣ. Это уже дурно; но еще хуже то, что ни у кого нѣтъ ни отца, ни брата, ни сестры. Есть племянницы, но это родство временное...

Патеръ живетъ своей особой жизнью, чуждый обществу по душѣ, по крови, и сближающійся съ нимъ только во имя своихъ матеріальныхъ нуждъ и интересовъ. Цѣль его, пріобрѣсть какъ можно болѣе денегъ. Но онъ обогащается въ большей части случаевъ не для себя, а для своихъ братій. Его прямой наслѣдникъ—каста, а главный сборщикъ податей при жизни—*святой* отецъ, опирающійся на чужеземное войско, чтобы поддержать свою власть, и на чужое достояніе, чтобы поддержать свое войско, не переставая увѣрять двѣсти милліоновъ католиковъ (не мы считали!) что „его царствіе не отъ міра сего.“

Нѣтъ сомнѣнія, человѣчество шло бы неестественнымъ путемъ, если бы, усиливаясь уничтожить власть, поддерживающую столько злоупотребленій не въ одномъ гражданскомъ быту, оно не имѣло цѣлію уничтоженіе и злоупотребленій религіозныхъ. Этого-то и опасается папство. Увѣнчаются ли усилія преобразователей желаннымъ успѣхомъ въ нашъ вѣкъ—еще вопросъ. Между тѣмъ было бы нелишнимъ немедленно начать контръпропаганду, помимо дипломатическихъ комбинацій.

„Теперь пишутъ въ газетѣ Liberté хотятъ упрочить памятникъ, въ которомъ сдѣлана брешь нѣсколько столѣтій тому назадъ, и не невѣрующими, не скептиками и атеистами, а блестящими свѣтилами церкви—упрочить правленіе, надъ которымъ произнесенъ приговоръ Бернардомъ, Фенелономъ. Вотъ что, въ XII столѣтіи, писалъ Бернардъ, признаваемый католиками за святаго, въ своемъ трактатѣ De Consideratione. кн. IV гл. 6 и 7.

„Св. Павелъ говоритъ: „Никто изъ служащихъ Богу не долженъ вмѣшиваться въ дѣла мірскія. Государи и владѣтели земные поставлены судьями надъ бренными дѣлами міра сего. Зачѣмъ проникаете вы въ область, вамъ не принадлежащую? Зачѣмъ хотите вы пожинать на полѣ, которое не ваше? Занятіе этими дѣлами недостойно васъ, потому что вы должны заниматься дѣлами гораздо высшими... Гдѣ найдете вы, чтобы апостолы когда нибудь творили судъ надъ людьми, установляли границы или раздѣляли владѣнія? Я нахожу, что апостолы были судимы, но не вижу нигдѣ, чтобы они судили кого либо. Это послѣдуетъ нѣкогда, въ день общаго суда: но этотъ судъ не наступилъ. Ваша власть распространяется на грѣхи, а не на имущества. Сколько я знаю, св. Петръ, котораго ты служишь преемникомъ, не облекался въ шелковыя одежды, не покрывалъ себя золотомъ и драгоцѣнными каменьями, не являлся всенародно, верхомъ на бѣломъ иноходцѣ, огражденный стражами и придворными служителями. Во всемъ этомъ ты преемникъ не св. Петра, а Константина. Даю тебѣ совѣтъ допускать эти вещи какъ временныя, но не считать ихъ обязательными. Но, скажешь ты мнѣ, ты увѣщеваешь меня пасти драконовъ и скорпіоновъ, а не овецъ. Потому-то я говорю, что надобно ратовать противъ нихъ болѣе словомъ, нежели мечемъ, ибо, зачѣмъ бу-

дешь ты употреблять мечъ, когда тебѣ уже приказано вложить его въ ножны?“

Никто не можетъ упрекать Фенелона во враждебности къ независимости св. престола; но и онъ пишетъ слѣдующее:

„Нѣтъ такой вещи, которой не могъ бы пріобрѣсть апостольскій престолъ отъ дѣтской любви вѣрующихъ, предполагать что онъ не станетъ присвоивать себѣ свѣтской власти. Пусть удалятъ это несчастное обстоятельство,—и все будетъ возстановлено... Хотите вы отрѣшить духовную власть отъ свѣтской и избѣжать смятенія, служащаго источникомъ столькихъ золъ? Обратите ваши взоры къ церкви, процвѣтавшей во времена мучениковъ. Тогда они свободно творили принадлежащій ей судъ надъ душами, не требуя свѣтской власти. Какъ охотно отреклась бы невѣста Христова отъ своихъ владѣній, своихъ братствъ, своихъ жалкихъ отличій отъ міра сего, лишь бы, возвратиться въ то положеніе!“ *(Дом. Бес.)*

РѢЧЬ НАЧАЛЬНИКА ПЛОЦКОЙ УЧЕБНОЙ ДИРЕКЦІИ А. А. ПОПОВА,

(18-ю сентября 1867 года)

произнесенной имъ на обѣдѣ у начальника губерніи барона М. Е. Врангеля, въ день освященія вновь воздвигнутаго въ Плоцкѣ православнаго храма.

„При провозглашеніи тоста за строителей храма, каждый изъ насъ, безъ сомнѣнія, разумѣетъ подъ именемъ строителей не однихъ членовъ церковнаго комитета, но и всѣхъ содѣйствовавшихъ дѣломъ или словомъ къ тому, что, наконецъ, и въ нашемъ городѣ, лежащемъ на западной окраинѣ государства, воздвигнута православная *святыня, подобающая дому Господню*, и тѣмъ удовлетворено не только наше религіозное, но и національное чувство. Да, національное чувство, — потому что православіе и русская народность, русская народность и православіе—это понятія близкія, родственныя, понятія, которыя русскій человѣкъ не отдѣляетъ въ своемъ представланіи одно отъ другаго. И справедливо. Иначе онъ долженъ бы былъ не признавать истины въ исторіи; иначе онъ долженъ бы былъ отказаться отъ многаго изъ своего славнаго прошедшаго, въ которомъ православіе составляетъ, такъ сказать, жизненную артерію русской народности.

Въ самомъ дѣлѣ, на какой бы мы ни остановились эпохѣ, выражающей нашу историческую жизнь въ извѣстное время, мы сейчасъ же увидимъ сильное вліяніе православія на ходъ событій. Я не говорю уже о такомъ фактѣ какъ принятіе христіанской вѣры въ русской землѣ, когда православіе легло въ основаніе нашей цивилизаціи, нашего быта въ смыслѣ государственномъ, церковномъ, общественномъ и частномъ. Я

возьму другія событія, совершавшіяся подъ вліяніемъ причинъ вовсе нерелигіозныхъ, напримѣръ, событія изъ періода удѣловъ и смутнаго времени. Что же мы видимъ?

Въ то и другое время русская земля, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, переживала моменты самые критическіе, самые безотрадные. Но тутъ поражаетъ насъ тотъ фактъ, что, среди разнаго рода затрудненій и неустройствъ во всѣхъ современныхъ событіяхъ православіе выступало благотворною силою, противодѣйствующею всему вредному, антинаціональному, и поддерживающею все полезное, все совершающееся въ духѣ народномъ. Такъ, во время княжескихъ междоусобій православіе, съ одной стороны, являлось примирительнымъ началомъ съ евангельскими словами мира и любви а съ другой—было хранителемъ національнаго сознанія о единствѣ всей земли русской, указывая, что священное для Новгорода, Суздаля и Владиміра было свято также для Кіева Галича и Холма. Во время ига монгольскаго, не смотря на нѣкоторую свободу, предоставленную церкви чингисовымъ закономъ *Аса-наме* (книги запретовъ), она не отдѣлила своихъ интересовъ отъ интересовъ народныхъ, и не переставала выставлять въ лицѣ служителей алтаря то ходатаевъ за князей и народъ, то мудрыхъ совѣтниковъ князей, то, наконецъ, самихъ воиновъ. Вспомнимъ, какую истому, по словамъ лѣтописца, понесъ св. митрополитъ Алексій, предпринявъ путешествіе въ орду, чтобы принести миръ землѣ руссей; вспомнимъ что самая битва куликовская, этотъ первообразъ битвъ полтавскихъ и бородинскихъ, эта предвозвѣстница освобожденія русской земли отъ ига монгольскаго, послѣдовала по благословенію преподобнаго Сергія; вспомнимъ, наконецъ, что на берегахъ Непрядвы и Дона сражались и иноки, которыхъ имена отмѣтила исторія. Во время собиранія восточной Руси, вслѣдствіе хода событій, Москва сдѣлалась центромъ, вокругъ котораго стали сосредоточиваться отдѣльныя княжества. Но право на такое значеніе первопрестольная столица наша пріобрѣла окончательно только тогда, когда святой митрополитъ Петръ избралъ ее мѣстомъ своего пребыванія, и когда первый собиратель земли русской исполнилъ благочестивое желаніе святителя, выраженное имъ въ слѣдующихъ словахъ: „если ты успокоишь мою старость и воздвигнешь здѣсь храмъ, достойный Богоматери, то будешь славнѣе всѣхъ иныхъ князей, и родъ твой возвеличится, кости мои останутся въ семъ градѣ, святители захотятъ обитать въ немъ, и руки его взыдутъ на плеща враговъ нашихъ.“ Съ тѣхъ поръ минуло съ небольшимъ сто лѣтъ, и величественный иконостасъ величественнаго храма Успенскаго соединилъ уже въ себѣ особенно чтимыя народомъ святыя иконы храмовъ удѣльныхъ княжествъ. Завѣтъ святителя исполнился; разновластіе пало.

Перехожу къ другой эпохѣ. Эпоха эта, какъ время самаго

тяжкаго испытанія для русской земли, извѣстна въ исторіи подъ именемъ смутнаго времени. Дѣйствительно, время было смутно: царство оставалось безъ царя, во главѣ правленія стояла слабая дума боярская; измѣна, крамола, мятежъ поколебали весь государственный строй; къ довершенію зла, отважные искатели приключеній, прикрываясь тѣнію давно лежавшаго во гробѣ сына Іоаннова, съ такою же дерзостью простирали святотатственные виды на корону мономахову, съ какимъ вѣроломствомъ хотѣлъ возложить ее на себя государь иноземный—питомецъ іезуитовъ. При такихъ бѣдствіяхъ, казалось, что часы существованія русской земли были сочтены. Но ее хранило православіе. И вотъ, — изъ душной темницы раздается голосъ патріарха Гермогена, — голосъ, обращенный къ національному чувству русскаго народа, и народъ этотъ, какъ евангельская паства, послушная голосу своего пастыря, съумѣлъ отличить языкъ истины отъ языка лжи, языкъ вѣры отъ языка невѣрія, и возсталъ на защиту вѣры, отечества, закона и народности. Русская земля была спасена, и притомъ не тогда, когда во главѣ возстанія стояли только Ляпуновы, Трубецкіе, Заруцкіе, а тогда, когда явились Минины, Пожарскіе, и около нихъ Палицыны и Діонисіи.

Кажется, приведенныхъ мною фактовъ достаточно, чтобы видѣть, какъ велико было вліяніе православія на рѣшеніе самыхъ жизненныхъ, самыхъ національныхъ вопросовъ нашей исторіи. Послѣ этого понятно, почему русскій человѣкъ тѣсно связываетъ идеи о народности съ идеею о православіи, и почему послѣ великихъ національныхъ событій, когда народное чувство бываетъ особенно возбуждено, онъ чаще всего выражаетъ благодарность свою Богу, построеніемъ храмовъ. Но никогда, можетъ быть, національное чувство не проявлялось у насъ такъ полно и сознательно, какъ въ настоящее царствованіе и никогда, можетъ быть, и народъ не выражалъ такого усердія къ построенію храмовъ, какъ въ настоящее время. При этомъ, однако, общемъ національномъ настроеніи умовъ, есть мѣстности, въ которыхъ чувство національное, вслѣдствіе самаго хода событій, высказывается какъ-то полнѣе, какъ-то выразительнѣе, нежели въ другихъ. Всякій изъ насъ знаетъ событія послѣднихъ лѣтъ на западной окраинѣ государства. Русскій Царь и вся Россія были оскорблены въ самыхъ священныхъ, самыхъ неприкосновенныхъ правахъ своихъ открытымъ возстаніемъ, поддержаннымъ завистливою политикою иноземныхъ державъ. Это оскорбленіе вызвало такой взрывъ народнаго негодованія, при которомъ воля, мысли и желаніе всѣхъ русскихъ сдѣлались одною волею, одною мыслію, однимъ желаніемъ: недопускать посторонняго вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла. Въ полномъ сознаніи своихъ правъ, Россія заявила ихъ предъ цѣлымъ міромъ съ такимъ достоинствомъ и такъ категорически, что враги наши поняли, что

Россія чести своей никому не отдасть, и смолкли. Спокойствіе въ краѣ возстановлено. Торжество было полное, національное. Естественно, что при такихъ событіяхъ благоговѣйное чувство русскаго народа ощущало потребность въ выраженіи благодарности Тому, Кто крѣпость людямъ своимъ даетъ, а недостатокъ въ Божіихъ храмахъ для здѣшняго православнаго населенія указывалъ въ чемъ должно состоять это выраженіе благодарности. Отсюда возникла мысль о построеніи православныхъ церквей въ нѣкоторыхъ городахъ здѣшняго края. Мысль эта прежде другихъ мѣстностей осуществилась въ нашемъ городѣ. Съ небольшимъ за два года предъ симъ, въ глазахъ нашихъ былъ положенъ краеугольный камень въ основаніе храма, освященіе котораго совершено сегодня нашимъ архипастыремъ — нарочно прибывшимъ для этого торжества, и тѣмъ усугубившимъ нашу радость.

Вотъ смыслъ нашего настоящаго праздника. Въ этомъ смыслѣ слышится приговоръ исторіи. Всякій, кто бы онъ ни былъ, при взглядѣ на православную русскую святыню, воздвигнутую въ томъ городѣ, который еще недавно былъ сценою смутъ и безпорядковъ, общихъ краю, пойметъ не только силу русской вѣры и народности, но и приговоръ исторіи, а русскій дѣятель, кромѣ того, въ знаменательныхъ словахъ, избранныхъ его высокопреосвященствомъ для надписи при входѣ въ храмъ: „*Господи посли свѣтъ Твой и истину Твою,*" почерпнетъ указаніе, что источникъ силы нашей есть сама правда Божія.

Подъ живыми впечатлѣніями сегодняшняго торжества собрались мы здѣсь, и за трапезою, предложенною намъ радушнымъ хозяиномъ, русская семья спѣшитъ выразить свое сочувствіе къ строителямъ храма. Имѣя честь самъ состоять членомъ церковнаго комитета, я по себѣ могу судить какъ высоко мы цѣнимъ это сочувствіе. Но чѣмъ выше мы цѣнимъ его, тѣмъ болѣе сознаемъ, что оно прежде другихъ строителей должно принадлежать нашему православному духовенству, которое въ ревности своей о домѣ Божіемъ собирало на построеніе его въ разныхъ мѣстахъ нашего государства посильныя приношенія, составившія въ общности сумму до 5,000 руб. Этимъ приношеніямъ обязаны мы, что постройка храма окончена въ настоящемъ году.

Но заслуга православнаго духовенства, по отношенію къ вновь воздвигнутому храму, не заключается только въ этомъ: она идетъ гораздо далѣе. По благословенію нашего архипастыря, около храма Божія воздвинутъ храмъ науки; при церкви явилась школа для образованія православныхъ дѣтей меньшей братіи нашей. Надобно знать всю настоятельную потребность въ православныхъ училищахъ для здѣшней мѣстности, чтобы вполнѣ оцѣнить заслугу духовенства въ этомъ отношеніи. Извѣстно, что русскіе православные, поселившись въ здѣшнемъ краѣ въ разное время и вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ,

живутъ большею частію разбросанно, и по бѣдности не только не могутъ дать дѣтямъ своимъ воспитаніе въ духѣ своей вѣры и народности во вновь возникнувшихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и учредить начальныя училища, то есть воспользоваться правомъ, дарованнымъ благостію Монарха всѣмъ народностямъ. Правда, учебное начальство, въ виду такой необходимости, исходатайствовало пособія отъ казны, для учрежденія на первый разъ пяти православныхъ начальныхъ училищъ въ плоцкой дирекціи, но трудность въ пріисканіи народныхъ русскихъ учителей могла замедлить открытіе училищъ, если бы на такое благое дѣло, какъ воспитаніе бѣдныхъ русскихъ дѣтей, не отозвалось мѣстное православное духовенство. Наши пастыри не только вызвались быть наставниками въ русскихъ школахъ, но и предупредили этотъ вызовъ основаніемъ двухъ школъ при церквахъ здѣшней губерніи, и одна изъ этихъ школъ, именно, въ г. Млавѣ, содержимая чинами таможеннаго вѣдомства, достигла въ настоящее время замѣчательнаго развитія какъ по успѣхамъ учащихся, такъ и по устройству. Лице, которому училище это обязано своимъ преуспѣяніемъ, находится здѣсь, между нами. Это нашъ новый пастырь, отецъ Владиміръ, назначенный, по благословенію его высокопреосвященства, блюстителемъ и законоучителемъ здѣшней православной школы, которая, безъ сомнѣнія, при новомъ руководителѣ пачнетъ новый періодъ своей учебной дѣятельности, послѣ почти трехлѣтняго существованія. Вообще, при содѣйствіи здѣшняго православнаго духовенства, въ плоцкой учебной дирекціи открыто пять православныхъ школъ, въ которыхъ получаетъ образованіе 96 православныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ; кромѣ того вскорѣ имѣетъ послѣдовать открытіе шестой школы, въ г. Пултускѣ, для которой исходатайствовано тоже пособіе отъ казны.

Вотъ заслуга здѣшняго православнаго духовенства, въ дѣлѣ народнаго образованія. Пастыри наши остаются тѣми же народными учителями, какими они были за 900 лѣтъ предъ симъ, при Владимірѣ св. и Ярославѣ мудромъ. Такое высокое служеніе духовенства дѣлу народнаго образованія, увеличиваетъ заслугу его и относительно построенія храма, а съ тѣмъ вмѣстѣ возлагаетъ на насъ нравственный долгъ, выразить ему самое глубокое сочувствіе и дѣломъ, то есть, содѣйствіемъ къ поддержанію церковныхъ училищъ въ матеріальномъ отношеніи, и словомъ, т. е. пожеланіемъ преуспѣянія его благой дѣятельности на пользу вѣры и народности. Если первому уже положено начало открытіемъ попечительства при новомъ храмѣ, то никогда, можетъ быть, не представится намъ болѣе благопріятнаго случая выразить послѣднее какъ теперь, когда мы празднуемъ освященіе православнаго храма, къ построенію котораго такъ много содѣйствовало православное духовенство, и потому я увѣренъ, что каждый изъ насъ съ глубо-

кимъ сочувствіемъ приметъ тостъ за здравіе русскаго православнаго духовенства!“

РУССКІЕ ВЪ ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦІИ.

Подъ такимъ заглавіемъ напечатана въ „Zukunft“ большая статья, содержаніе которой мы передаемъ здѣсь читателямъ въ сокращеніи:

„Одинъ изъ узловъ, развязка котораго составляетъ для Австріи насущную потребность,—мы видимъ въ Галиціи. Съ русскими, въ сферѣ конституціи, цивилизаціи и свободы, поступаютъ теперь безцеремонно: *все русское хотятъ отнять у нихъ силою и навязать имъ вмѣсто этого польское.*“ Такой смыслъ имѣютъ новѣйшія административныя постановленія о галицкомъ училищномъ совѣтѣ и о *преподаваніи на польскомъ языкѣ* въ галицкихъ школахъ. Въ виду этихъ постановленій, тщеславіе поляковъ не знаетъ границъ. Прежде, по крайней мѣрѣ, горькую сущность прикрывали сладкою наружностью, а теперь поляки уже скупятся и на сладкія слова и прямо поражаютъ въ сердце русскихъ этими непріятными для нихъ постановленіями. Въ галицкихъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ поляки составляютъ даже меньшинство въ сравненіи съ русскими, происходитъ *открытая агитація*, имѣющая цѣлью *введеніе въ тамошнихъ школахъ польскаго языка* и вытѣсненіе русскаго, между тѣмъ какъ *до сихъ поръ русскіе допускали для польской молодежи преподаваніе на польскомъ языкѣ.* Эта агитація идетъ довольно успѣшно, потому что въ городахъ и мѣстечкахъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы русскіе не были избираемы въ общинные совѣты и чтобы главныя мѣста въ нихъ принадлежали полякамъ, и въ то же время полякамъ благопріятствуютъ въ высшихъ сферахъ. *Съ какою поспѣшностью и торопливостью* пользуются теперешними обстоятельствами для полонизаціи русскихъ—можно видѣть изъ того, что ни разу *не дожидались рѣшеній областнаго учебнаго совѣта*, который одинъ имѣетъ право распоряжаться преобразованіемъ училищъ и перемѣною языка при преподаваніи.

„*Поляки въ другихъ мѣстахъ жалуются на то, что ихъ національность притѣсняется;* какъ же теперь должны русскіе принять эти мѣры польской національности, достигшія до того, что все русское въ Галиціи считается *чѣмъ то чуждымъ и даже преступленіемъ противъ государства и церкви?* Нѣкоторые польскіе вожди говорятъ: „*Мы должны отплатить русскимъ зломъ за зло.*“ Стало-быть тутъ чувства гуманности умолкаютъ и здравый смыслъ имѣетъ мало силы. Далѣе говорятъ: „*Русскій языкъ и кирилица отворяютъ дверь Россіи въ Галицію, а галицкимъ русскимъ въ Россію.*“ И на этомъ основаніи противъ русскихъ употребляются всевозможныя средства и выстав-

ляется на видъ, что они совершенно заражены „московитизмомъ“ и „восточною схизмою.“ Такой образъ дѣйствій противъ русскихъ предписываетъ польскій *проектъ для ихъ истребленія 1717 года*, именно въ слѣдующихъ словахъ: „Для того, чтобы легче подавить русскихъ, должно выставлять на видъ всѣ непристойныя (?) стороны ихъ обычаевъ, всѣ оскорбительныя стороны ихъ дѣйствій противъ римской церкви, всѣ скандалезныя исторіи ихъ поповъ, въ каковыхъ не можетъ быть недостатка,— дабы доказать этимъ свѣту, что поляки имѣютъ достаточную причину дѣйствовать такимъ образомъ. Въ томъ случаѣ, если дѣйствительныя обвиненія противъ русскихъ окажутся недостаточными, что впрочемъ невѣроятно, то для содѣйствія нашимъ планамъ можно пустить въ ходъ искусно придуманные вымыслы и распространять приписываемыя ихъ попамъ и епископамъ сочиненія, оскорбляющія честь польскаго имени и римско-католическую религію“ (См. Ieckel. Polens Staatsveränderungen. Wien. 1803, стр. 132). Нѣкоторые говорятъ также, что „*усиленіе польскаго элемента въ Галиціи посредствомъ полонизаціи русскихъ полезно.*“ Едва ли! Даже между поляками есть благоразумные люди, сознающіе безразсудность такого образа дѣйствій. Да и для самой Австріи эта полонизація русскихъ не очень выгодна, такъ какъ у поляковъ на заднемъ планѣ все-таки стоитъ *возстановленіе старой Польши*. Галицкіе нѣмцы говорятъ, что если это уже необходимо, то они лучше согласны принадлежать Пруссіи, Россіи или Турціи, чѣмъ Польшѣ. И такой-то взглядъ преслѣдуютъ всѣми силами разъяренные поляки, выставляя его *антиавстрійскимъ* тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ только *антипольскій*. Но что же дѣлать, если *русскіе на галицкомъ сеймѣ составляютъ меньшинство*, тогда какъ въ самой странѣ они составляютъ большинство? Русскіе въ Галиціи находятся съ 1772 года подъ австрійскимъ владычествомъ: зачѣмъ же ихъ постоянно оставляютъ въ пренебреженіи? Опасаться панславизма нечего.... Поляки хорошо знаютъ это, но они хотятъ ускорить столкновеніе между Австріей и Россіей. Что выйдетъ изъ этого столкновенія для Австріи, то да покроютъ боги мракомъ неизвѣстности!“ (*Москва*).

ЕЩЕ О ПОЛЬСКОЙ СПРАВѢ.

Въ передовой статьѣ *Московскихъ Вѣдомостей* 9-го января, напечатано:

„Нѣтъ на свѣтѣ людей, которые давались бы такъ легко и такъ часто въ обманъ, какъ поляки. Со временъ самыхъ отдаленныхъ и до сегодня, они довѣрчиво поддаются политическимъ интригамъ, которыя то и дѣло мистифирують ихъ, и пользуются ими какъ орудіемъ. Вышелъ бы томъ изъ одного

перечня тѣхъ мистификацій, какимъ подвергались поляки въ продолженіе всего своего безпорядочнаго политическаго существованія. Не заходя далеко въ старь, достаточно будетъ указать на событія текущаго столѣтія, во все продолженіе котораго Польша постоянно играла жалкую роль обманутой жертвы. Обнародаваніе переписки Наполеона I и многихъ другихъ официальныхъ документовъ неоспоримо доказываетъ, что отъ начала до конца великой эпопеи первой французской имперіи, глава ея съ холоднымъ и жестокосерднымъ разсчетомъ употреблялъ поляковъ какъ орудіе для обезпеченія успѣха разнымъ замысламъ, которые внушало ему ненасытное его честолюбіе. Съ этою цѣлью онъ питалъ въ нихъ надежды, которыхъ несбыточность совершенно понималъ, и сообщалъ между тѣмъ Александру I, чрезъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, г. Шампаньи, слѣдующее завѣреніе: „Я хочу изгладить слова Польша и поляки не только изъ политическихъ сдѣлокъ, но даже изъ самой исторіи.“ Съ 1815 по 1863 г., не воспользовавшись нисколько жестокими уроками опыта, поляки дали убаюкать себя изъявленіями мнимаго сочувствія, которыя дѣлали имъ исключительно съ тою цѣлью, чтобы поддерживать между ними химеру возстановленія великаго польскаго государства на развалинахъ Россіи. Въ продолженіе почти половины столѣтія журналистика, парламенты и правительства западной Европы неизмѣнно держались этой системы подстрекательства. Поляки, съ своей стороны, столь же неизмѣнно поддавались обману, и становились его жертвами. Г. Гизо весьма справедливо сказалъ: „Всѣмъ на свѣтѣ служила Польша, но никто никогда не служилъ ей.“ Была минута предъ итальянскою войной въ 1859 г., когда казалось, что Наполеонъ III хочетъ уклониться отъ этой пагубной системы, и доказать свое намѣреніе не только не пользоваться, по примѣру своихъ предшественниковъ, услугами Польши, но оказать ей самой истинную и дѣйствительную услугу, то-есть содѣйствовать ея примиренію съ Россіей, которой, и по праву сильнаго, купленному тысячелѣтнимъ трудомъ, и по исконному историческому праву, принадлежитъ большая часть земель, на которыя поляки предъявляютъ свои притязанія. Кажется даже, что въ то время Наполеонъ III былъ не прочь способствовать присоединенію къ Россіи и австрійской провинціи Галиціи. Но это было расположеніе случайное, не долго продержавшееся, и четыре года спустя, тюльерійскій дворъ уже несся на всѣхъ парусахъ въ направленіи противоположномъ, служа въ свою очередь слѣпымъ орудіемъ Англіи, и приготовляя Пруссіи ея будущее торжество. На этотъ разъ поляки опять дались въ обманъ. Они повѣрили въ дѣйствительность крестоваго похода противъ Россіи, въ ничтожество русскаго общественнаго мнѣнія, въ заказную поддѣльность русскаго патріотизма, и удовлетворяя потребностямъ политики, искавшей исхода для своихъ затрудненій, навлекали на себя

бѣдствія, которыя чувствуются какъ бѣдствія и Россіей, не могущею отдѣлять себя отъ своей западной окраины."

Это пишетъ русскій патріотъ: послушаемъ, что говоритъ польскій патріотъ г. Мѣрошевскій о томъ же вліяніи Франціи и обманѣ Польши, въ своей, по многимъ отношеніямъ, замѣчательной книжкѣ: „Очеркъ двухвѣковой политики польскаго народа" (Szkic dwuwiekowej polityki polskiego narodu, przez Sobiesława Mieroszewskiego *) съ эпиграфомъ: „La raison a besoin de l'expérience; mais l'expérience est inutile sans la raison," взятымъ со словъ короля Станислава, разумѣется, обращенныхъ имъ къ полякамъ. На стр. 28, о вліяніи Франціи во времена еще самобытности Польши, сказано: „Первое дѣятельное вмѣшательство Франціи въ польскія дѣла начинается съ той поры, какъ кардиналъ Ришелье положилъ себѣ развлекать силы Австріи посредствомъ диверсій въ краяхъ, прилегающихъ къ ней съ противуположной стороны... Но эти попытки притянуть Польшу на французскую сторону разбивались о политику Сигизмунда III, который принужденъ былъ наконецъ заключить шестилѣтнее альтмарское перемиріе съ Густавомъ-Адольфомъ, главнымъ противникомъ Австріи." На стр. 29: „За это Франція отблагодарила Швеціи, помогая ей вознестись быстро на степень первоклассной державы... Оттуда явное пристрастіе французскаго кабинета въ посредничествѣ между Швеціею и Польшею при заключеніи оливскаго трактата." На стр. 30: „Оливскій трактатъ доставилъ Швеціи обладаніе Лифляндіею, и тѣмъ самымъ заключенъ ко вреду Польши... Но цѣль трактата достигнута тѣмъ, что австрійское вліяніе въ Варшавѣ вытѣснено было французскимъ"... На стр. 31: „Послѣ неудавшейся надежды посадить на польскій престолъ принца Конти, Франція, озабоченная дѣлами юга и запада, совсѣмъ почти не обращала вниманія на Польшу, вслѣдствіе чего ей трудно было возстановить свое вліяніе, и притомъ тогда, когда уже проявилось въ Польшѣ другое вліяніе (кромѣ австрійскаго)—вліяніе Россіи... Желаніе возвести опять Станислава Лещинскаго на польскій престолъ, побудило Людовика XV принять участіе въ избраніи короля по смерти Августа II..." На стр. 32: „Но французскій кабинетъ, дѣйствуя несоотвѣтственно важности предпринятыхъ имъ плановъ, вмѣсто улучшенія, ухудшилъ еще положеніе края, подвергая его новымъ смутамъ и непріязни сосѣднихъ державъ... Такая политика произвела впервые весьма печальныя послѣдствія при Янѣ-Казимірѣ. Партія реформы, подстрекаемая Франціею, и въ рѣшительную минуту ею оставленная, довела дѣла до самаго жалкаго положенія... Подобнымъ образомъ и протекція, оказанная Лещинскому, могла ли что нибудь сдѣлать, когда ограничивалась высылкою несполна 2,000 человѣкъ и нѣсколькихъ

*) Вѣна, 1867, in—8°. Съ этой книжкой польскій Варшавскій Дневникъ познакомилъ своихъ читателей въ 166 нумерѣ 1867 г.

изгнившихъ кораблей?...“ На стр. 33: „Хотя вышеприведенные результаты доказательно свидѣтельствуютъ о свойствѣ французскаго вліянія на польскія дѣла, тѣмъ не менѣе позднѣйшая политика версальскаго кабинета оказалась еще пагубнѣйшею для Польши. Въ доказательство, сошлемся на поддержку анархической конфедераціи барской, которая несвоевременнымъ своимъ заявленіемъ привела къ раздѣлу Польши. Затѣмъ, если отреченіе отъ монархическаго принципа, передъ тѣмъ столь строго представляемаго французскимъ кабинетомъ, задержало развитіе политической реформы, — первый толчокъ къ которой данъ былъ тѣмъ же кабинетомъ,—то съ другой стороны, подавая конфедератамъ помощь, неспособную ни въ какомъ случаѣ обезпечить имъ побѣду, Франція становилась отвѣтственною, не только за ослабленіе и разореніе Польши, но вмѣстѣ и за подверженіе опасности ея политическаго быта. Могущественные сосѣди готовы были отомстить за это Польшѣ въ каждую минуту—что́ и случилось на самомъ дѣлѣ...“ На стр. 34: „Трудно не сознать, что все поведеніе Франціи во время барскаго повстанья, равно какъ и изумительное равнодушіе, оказанное ею при видѣ раздираемой на клочки Польши, слишкомъ ясно показываютъ, какъ мало интересовалъ ее жребій края, который она, во вниманіи къ его анархическому настрою, не соизволила зачислить въ категорію полезныхъ для нея органовъ. Шумныя декламаціи, произнесенныя во время послѣднихъ ея раздѣловъ нѣкоторыми членами національнаго конвента, и неподкрѣпленныя со стороны французской республики ни малѣйшими усиліями къ спасенію погибающаго, — останутся краснорѣчивѣйшимъ доводомъ солидарности дѣйствія и воззрѣнія на польскую справу всѣхъ французскихъ правительствъ, помимо принциповъ, принятыхъ ими и возвѣщенныхъ во всеуслышаніе.“

Такова картина политики, которой Франція держалась относительно Польши до послѣднихъ ея раздѣловъ. „Но политика наполеоновская—пишетъ Мѣрошевскій—еще болѣе перещеголяла республику въ этомъ эгоистическомъ стремленіи, начиная отъ простаго эксплуатированія поляковъ до совершеннаго пожертвованія ихъ дѣломъ собственнымъ своимъ видамъ...“

На стр. 112, переходя къ эпохѣ, предшествовавшей образованію Герцогства Варшавскаго, авторъ говоритъ: „Заключая люневильскій трактатъ, Франція, за то что нѣсколько лѣтъ пользовалась польскими легіонами во время итальянскихъ и нѣмецкихъ кампаній, отплатила совершеннымъ умолчаніемъ о попранныхъ правахъ Польши; потомъ отблагодарила Польшѣ высылкою ея сыновъ въ убійственныя для нихъ экваторныя страны, какъ будто дозволенное участіе въ порабощеніи свободныхъ негровъ могло служить вознагражденіемъ за пролитую кровь...“ На стр. 113: „Самый фактъ образованія Герцогства Варшавскаго, съ наполеоновской точки воззрѣнія, оказывается ничѣмъ болѣе, какъ простымъ слѣдствіемъ необходимости, ро-

зультатомъ самаго развитія событій, весьма благопріятныхъ для побѣдителя, а совсѣмъ не результатомъ предвзятыхъ намѣреній относительно Польши. По этому не усилія къ „*отбудованью*“ прежняго польскаго государства—хотя это и возвѣщалось офиціально свѣту—привлекли наполеоновскія полчища съ Эльбы на Вислу, а самый успѣхъ французскаго оружія, вслѣдствіе чего не могло же не возникнуть какихъ нибудь результатовъ для края, ставшаго театромъ войны. Способъ же распоряженія польскими землями сдѣлался пробнымъ камнемъ благоволенія Наполеона къ польскому народу...“ На стр. 114: „Онъ не только не воротилъ Польшѣ завоеванной у Пруссіи приморской провинціи, но и отдалъ бѣлостокскій округъ Россіи... Это было со стороны Франціи первымъ признаніемъ раздѣловъ Польши... Дань, платимая польской кровью въ Испаніи, не могла насытить этой жадной политики; немилосердно выжимала она жизненные соки изъ этого отломка старой Польши, и, какъ въ началѣ варшавскаго герцогства, такъ и въ дальнѣйшемъ его развитіи, явила себя равнодушной и неблагодарной къ полякамъ...“ На стр. 115: „Въ 1809 году, когда герцогство, лишенное собственныхъ силъ высылкою польскихъ легіоновъ, отразило нападенія и перенесло даже театръ войны во владѣнія противника—какую награду получило оно за эту важную для Франціи диверсію?... Трактатомъ шенбрунскимъ отдана ему только западная Галиція, а восточная, точно также завоеванная польскимъ оружіемъ, возвращена Австріи, причемъ тарнопольскій округъ уступленъ Россіи... Такъ угодно было протектору польскаго народа. Результатъ кампаніи 1812 г., разрушившій зданіе французской имперіи, былъ карой, и вмѣстѣ осужденіемъ системы наполеоновской политики.“

Тутъ авторъ разсматриваетъ взаимныя отношенія поляковъ и императора Александра I, во время кампаніи 1812 года, съ той же точки возрѣнія на французскую политику, потомъ разбираетъ дальнѣйшія событія и, представивъ картину мятежа 1830 года, на стр. 159, говоритъ: „Вмѣшательство Франціи въ дѣло повстанья имѣло цѣлью успокоить мнѣніе тѣхъ французовъ, которые роптали на бездѣйствіе правительства, и обольщать поляковъ надеждой, что Франція, если не съ оружіемъ въ рукахъ, то на худой конецъ, своей интервенціей окажетъ имъ помощь. Такъ, вся политика французская была ни чѣмъ инымъ, какъ демонстраціей и притворствомъ. Но до какой степени сильна была у поляковъ вѣра въ эту интервенцію, можно судить по тому, что хотя французскій кабинетъ и сформулировалъ уже свою доктрину въ принципѣ безусловной политической неинтервенціи, однакожъ разочарованіе послѣдовало не прежде, какъ въ минуту окончательнаго упадка дѣла.“

Не толи самое говоритъ русскій публицистъ? „Неужели не довольно горько такое разочарованіе?“ спрашиваетъ онъ, въ

заключенie своей статьи. Правда на свѣтѣ одна, въ Москвѣ ли, въ Вѣнѣ, или гдѣ бы она ни заявлялась. Sapientibus sat.

ПОЛЯКИ ВЪ ТУРЦІИ.

Польско-турецкія теоріи пана Духинскаго все болѣе и болѣе входятъ въ политическую программу поляковъ. Кто не знаетъ знаменитой книги Духинскаго „Polacy w Turcji.“ и другихъ брошюръ и лекцій этого политическаго баши-бузука? Вооруженный поддѣльнымъ знаменемъ современной науки, и явившись какимъ-то тунискимъ пиратомъ въ этой наукѣ; онъ давно уже изрекъ во всеуслышаніе Европы слѣдующій турецкій парадоксъ, который, впрочемъ, для его соотечественниковъ кажется глубокою политическою истиною: „*Самый естественный союзникъ Польши, есть Турція*, но отнюдь не Франція и не Англія. *Дай Богъ, чтобы Турція была могущественна*, потому что только съ могуществомъ Турціи можетъ рости и наша сила!“

Казалось бы, больше этого ужь нечего и сказать—такѣ поразительны эти слова политическаго памфлетиста, который выступаетъ, притомъ во всеоружіи современной эрудиціи; но для человѣческаго безумія, какъ и для человѣческаго ума, нѣтъ границъ. Нѣтъ границъ и для дикаго задора развинченной фантазіи политическаго маніака. Политическій баши-бузукъ, являясь во всеоружіи науки, высыпаетъ передъ вами цѣлый арсеналъ аргументовъ довольно турецкаго свойства. Турція должна быть могущественна; надо спалить цѣлый городъ, чтобъ испечь себѣ яйцо—„этого требуетъ географическое положеніе обѣихъ странъ (Турціи и Польши?), этого требуютъ наши историческія отношенія къ нѣмцамъ и москалямъ, главнѣйшимъ нашимъ сосѣдямъ на Востокѣ и Западѣ—сосѣдямъ, союзы противъ которыхъ съ волохами и другими, одинаково слабыми сосѣдями, не имѣютъ никакого значенія·“

Когда мы читали это турецкое Profession de foi современнаго польскаго памфлетиста, мы думали, что это шутка или просто взрывъ долго сдерживаемой страсти, которая прорвалась и затопила собою послѣдніе остатки мысли. Мы думали, что съ языка раздраженнаго человѣка сорвалось невольно неразумное слово, сорвалось второпяхъ, на зло москалю. Но раздраженный прорывается не послѣдовательно, нерѣдко забываетъ то, что сказалъ въ болѣзненномъ припадкѣ страсти, и отказывается отъ своихъ неразумныхъ словъ. Время доказало, что жалкія политическія слова сказаны были въ силу принципа, правда, такого же жалкаго, но все же принципа, и не только повторялись неоднократно, но стали базисомъ политической доктрины поляковъ, вошли даже въ ихъ гражданскій кодексъ. Польскій ученый, со всею силою дикой, разнузданной политической страсти, старается дока-

зать, что не существуетъ и не должно существовать никакихъ національныхъ вопросовъ, ни требованій національныхъ, ни принципа національности. Все это фантазіи, „недоразумѣнія"... Національныя требованія, принципъ національностей, во имя котораго совершаются теперь такія великія дѣла, идетъ ломка границъ между государствами, исчезновеніе самыхъ государствъ—все это *недоразумѣніе!* Создалась единая Италія—по недоразумѣнію! Раздробленная Германія превратилась въ цѣльнаго могучаго гиганта—по недоразумѣнію! „Въ *этихъ* недоразумѣніяхъ (говоритъ г. Духинскій), по-преимуществу, виноваты кабинеты, которые и тамъ пробуждаютъ народные вопросы, гдѣ ихъ никогда не было." Какіе же это кабинеты, которые такъ неразумно пробуждаютъ вопросы, гдѣ ихъ никогда не было? Да и притомъ, „не было" еще не значитъ „быть не можетъ." Во всѣхъ этихъ недоразумѣніяхъ—въ неразумномъ пробужденіи народныхъ вопросовъ, виновата Вѣна: въ Вѣнѣ 25 лѣтъ работали книгами, брошюрами, стихотвореніями и картинками надъ тѣмъ, *чтобъ возбудить не думавшіе о своемъ существованіи славянскіе народы* противъ нѣмцевъ и мадьяръ." Напрасно работали, напрасно пробуждали славянъ къ сознанію! Лучше было бы имъ не знать о своемъ существованіи, не чувствовать ни болей, ни униженія—вотъ теорія Духинскаго. Между-тѣмъ, на зло польской теоріи, нашлись безумцы, которые, сидя въ своихъ рабочихъ кабинетахъ, выпускали въ свѣтъ цѣлый рядъ брошюръ, книжекъ, стихотвореній и картинокъ, гдѣ осмѣливались доказывать, что хлопъ—не хлопъ, а такой же человѣкъ какъ и панъ, что хлоповъ и не должно быть, что славяне—не хлопы ни пановъ, ни нѣмцовъ, что они не ингредіентъ другихъ народностей, сознающихъ свое бытіе, а такія же народности, какъ и прочіе народы. И вотъ эти кабинетные безумцы сдѣлали страшное зло: они разбудили спавшихъ хлоповъ; хлопы почувствовали себя людьми; масса хлоповъ сознала въ себѣ силу народности. Вотъ что досадно и горько польскому публицисту!

И такіе люди, съ такими азіятскими понятіями живутъ въ XIX вѣкѣ! И такіе люди еще претендуютъ на званіе руководителей европейской политики! Теоріями г. Духинскаго пропитаны всѣ поляки. Теоріи г. Духинскаго поколебали убѣжденія даже многихъ изъ знаменитыхъ публицистовъ Запада. Но о нихъ мы уже говорили. Мы теперь хотимъ говорить о явленіяхъ болѣе глубокаго нравственнаго безобразія. По теоріи г. Духинскаго, турки—единственные друзья славянъ Балканскаго Полуострова. Славяне въ Турціи не должны тяготиться своимъ положеніемъ, потому что „*взглядъ турецкихъ славянъ, считающихъ турокъ своими врагами, весьма ошибоченъ.*" Турки, слѣдовательно, благодѣтели славянъ: черногорцы не понимаютъ этихъ благодѣяній, и бунтуютъ противъ своихъ благодѣтелей. Неблагодарные! Болгары тяготятся, осыпаемые, задавливаемые благодѣяніями баши-бузуковъ. Неразумные! Сербы не понимаютъ всей великости жертвы, которую приносятъ имъ турки, охраняя своими пушками

сербскія крѣпости и даже сербскую столицу — и тоже ропщутъ. Неблагонамѣренные! „*Еслибъ эти народы* (болгары, сербы и черногорцы) *не пришли къ самосознанію, то турокъ былъ бы для нихъ братомъ или, по крайней мѣрѣ, не чувствовали бы они того, что терпятъ*... Дикое въ этихъ послѣднихъ словахъ, принимаетъ уже грандіозные образы; дикое доходитъ до великаго, до высокаго! Зачѣмъ было приводить турецкихъ славянъ къ самосознанію—развѣ это не варварство? Пусть бы они себѣ думали, что они турки, что турокъ—ихъ братъ! А еслибъ они не считали турка братомъ, то хоть ужь не чувствовали бы того, что терпятъ, не чувствовали бы боли, когда ихъ, за неплатежъ харача, сажаютъ въ яму, наполненную гадами, или вырываютъ у нихъ ногти..... Да вѣдь это отвратительно! До такого цинизма не унижался еще ни одинъ европейскій публицистъ...

Но отвратительное въ теоріи было бы сносно, еслибъ оно и оставалось въ теоріи. Хуже всего то, что эта безнравственная теорія проводится поляками въ жизни, въ политикѣ. Разнузданный бредъ дикаго маніака сталъ основою политическаго евангелія бѣдныхъ поляковъ. Мы называемъ ихъ бѣдными, потому что какъ не жалѣть людей, дошедшихъ до такого умственнаго и политическаго разврата!

Не многимъ, вѣроятно, извѣстно, что поляки являются въ Турціи уже довольно значительнымъ и вліятельнымъ элементомъ. Многіе польскіе эмигранты, которымъ не посчастливилось въ Европѣ, которые столкнулись тамъ съ строгими требованіями цивилизаціи, и не нашли въ себѣ столько воли и честности, чтобъ подчиниться нравственному кодексу Европы, переселились въ Турцію, гдѣ для ихъ податливой совѣсти могло быть привольнѣе и гдѣ они могли не стѣсняться узкими рамками чести, обязывающей уважать и человѣческую личность и человѣческое слово. Въ Турціи удобнѣе было жить по турецки: тамъ можно было идти разомъ объ руку и съ честью, когда честь выгодна, и съ подлостью, когда выгоднѣе подлость. Турецкія понятія о нравственности эластичны. Такимъ образомъ, поляки, переселившіеся въ Турцію, бросались на все, на что только можетъ броситься человѣкъ, порѣшившій съ своею совѣстью. Болѣе стойкіе, болѣе цѣльные и честные характеры, которыхъ всегда бываетъ незначительный процентъ, направили свою дѣятельность на служеніе общечеловѣческимъ интересамъ. Иные нашли себѣ, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе сподручныя занятія: кто пошелъ въ учителя къ дѣтямъ богатыхъ турокъ, кто въ гувернеры, кто въ купеческую контору, на биржу. Иные поступили на службу турецкому правительству—то въ войска, то въ канцеляріи. Нѣкоторые приняли мусульманство, большею частью по разсчету, изъ ближайшихъ выгодъ. Болѣе способные или честолюбивые успѣли занять довольно высокое положеніе. Изъ польскихъ пановъ подѣлались паши. Другіе паны превратились въ баши - бузуковъ; иные стали турецкими казаками. Панъ Чайковскій превратился

въ Садыкъ-пашу и добился даже значительнаго вліянія при дворѣ. Онъ сталъ центромъ польской партіи въ Турціи. Около него сгруппировались эмигранты, и радіусъ этого эмиграціоннаго круга все болѣе и болѣе удлинялся.

Турецкая теорія г. Духинскаго нашла сначала довольно узкое примѣненіе. Но, такъ или иначе, поляки все же служили исламизму и азіатскимъ началамъ. Болѣе всего они ненавидѣли москалей. Они силились даже заставить служить своимъ цѣлямъ русскихъ раскольниковъ, живущихъ въ Турціи, думая черезъ нихъ дѣйствовать и на нашихъ раскольниковъ. Фантазіи ихъ, конечно, заходили за предѣлы возможнаго и логическаго, какъ это и всегда случалось съ поляками. Польско-турецкая партія имѣла единомышленниковъ и въ Австріи—какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Львовѣ. Нѣкоторые туркофилы дѣйствовали довольно осторожно, маскируя турецко-польскія теоріи болѣе благовидными формами. Въ мечтахъ турецкихъ поляковъ носилось отдѣленіе Малороссіи отъ Россіи. Для этого нужно было дѣйствовать литературнымъ путемъ, и для этой цѣли имъ какъ нельзя болѣе пригодился такъ-называемый украинскій сепаратизмъ. Турецкая партія поляковъ избрала своимъ органомъ выходившій въ Австріи на малорусскомъ нарѣчіи журналъ „Мету" и изъ него громила москалей, какъ бы дѣйствуя солидарно съ украинскими сепаратистами. При помощи Турціи, Малороссія отдѣлялась отъ Россіи и соединялась съ Польшею на федеративныхъ началахъ; для Малороссіи должны были воскреснуть времена уніи со всѣми ея прелестями, москали изгонялись совсѣмъ изъ Европы и т. д. Все это были, конечно обольстительныя фантазіи, и нѣкоторые изъ недоучившихся гимназистовъ повѣрили имъ, увлеклись ими собственно потому, что ровно ничего не смыслили въ политикѣ, а изъ исторіи прошли только до пуническихъ войнъ. Но прискорбная сторона дѣла оказалась только впослѣдствіи, именно теперь.

Когда, вслѣдъ за возстаніемъ кандіотовъ, началось глухое броженіе въ другихъ областяхъ Турціи, поляки, подобно воронамъ, чующимъ кровь, почуяли запахъ кровавой поживы въ этомъ броженіи. Они устремили всѣ свои надежды на Турцію, изъ поддержки которой думаютъ извлечь свои выгоды. Оказалось возможнымъ примѣнить къ дѣлу теоріи г. Духинскаго. „Самый естественный союзникъ Польши — есть Турція... Дай Богъ, чтобъ Турція была могущественна"—вотъ что говорили поляки наперекоръ голосу всѣхъ честныхъ людей Европы. Надо дать туркамъ возможность угнетать христіанъ; надо задушить кандіотовъ; надо покрѣпче прибрать къ рукамъ турецкихъ славянъ. Словомъ, надо помочь варварству противъ цивилизаціи. Турки должны имѣть въ христіанахъ рабовъ, безсловесныхъ хлоповъ, да и что станется съ Европою, когда въ ней не будетъ хлоповъ? Для пановъ пришли тяжкія времена: хлоповъ нигдѣ не осталось—ни на западѣ ни въ Россіи, а безъ хлоповъ жить благородному человѣку невозможно. Европа представляетъ безобразіе—нѣтъ ни одного пана, ни одно-

го помѣщика, ни одного хлопа, а все только люди и люди... Остался одинъ благословенный уголокъ на концѣ Европы, гдѣ еще сохранились и паны и хлопы, гдѣ достояніе и жизнь хлопа въ рукахъ пана, гдѣ хлоповъ сѣкутъ безпощадно, вѣшаютъ и продаютъ, какъ скотину—уголокъ этотъ Турція. Вотъ почему хлополюбивое сердце поляка лежитъ къ Турціи; вотъ почему эмигранты, въ послѣднее время, потянулись на Балканскій полуостровъ.

Молва о близкомъ разрѣшеніи восточнаго вопроса заставила поляковъ встрепенуться. Имъ представилась ужасная картина въ ближайшемъ будущемъ; съ изгнаніемъ турокъ изъ Европы—ни одного хлопа не останется на свѣтѣ! Понятно, что надо спасать Турцію, надо хоть на Балканскомъ полуостровѣ удержать подобіе знаменитой своимъ безславіемъ Рѣчи-посполитой, съ ея угнетенными подданными, съ палачами-панами и со всѣми ея прелестями. Агенты Садыка-паши, какъ панъ Морозевичъ и другіе, бросились въ Европу для вербовки эмигрантовъ въ польско-турецко-казацкій легіонъ, призваніе котораго—охранять Турцію. Великій эксдиктаторъ маленькаго народа, панъ Лангевичъ, тоже перебрался въ Турцію и записался въ рабы султана. Лангевичу, отлично умѣвшему организовать шайку жандармовъ-вѣшателей и кинжальщиковъ, поручено турецкимъ правительствомъ организовать турецкую полицію. Кто насъ увѣритъ въ томъ, что полиція турецкая, руководимая такимъ министромъ, какъ Лангевичъ, не проникнется теоріями жандармовъ-кинжальщиковъ и не будетъ дѣйствовать съ турецкими христіанами, какъ дѣйствовали ея прототипы въ Варшавѣ?... Все это говоритъ, однако, до какого нравственнаго униженія могутъ дойти люди, когда они пойдутъ на перекоръ требованіямъ своего вѣка и требованіямъ правды и человѣчности. Поляки, гордящіеся тѣмъ, что они когда-то были чуть не самымъ передовымъ народомъ въ Европѣ, что въ управленіи своимъ государствомъ они допускали самое широкое примѣненіе свободныхъ представительныхъ началъ, эти поляки пошли теперь въ услуженіе къ туркамъ, рѣшились служить подпорою деспотизму и самымъ крайнимъ азіатскимъ принципамъ! Этой странности своего политическаго поведенія они ничѣмъ не могутъ оправдать: въ оправданіе свое они не могутъ сказать, не имѣютъ права сказать, что ратуютъ противъ деспотизма или абсолютизма, какъ они говорили прежде. Прежде они могли сказать, въ очищеніе своей совѣсти, что они являются вездѣ, гдѣ идетъ борьба *за свободу*. На имени Пулавскаго или Косцюшки не можетъ лежать пятна за то, что они служили въ Америкѣ, что, на ряду съ прочими американцами, они сражались за свободу штатовъ

Неудивительно было видѣть поляковъ въ рядахъ итальянской арміи, въ волонтерскихъ отрядахъ Гарибальди, и всегда гдѣ только шла борьба за независимость. Но чѣмъ извинитъ имъ исторія то ренегатство, которое теперь овладѣло ими? А исторія должна будетъ сопоставить имена Лангевича и Фуада-паши, свободолюбивыхъ сыновъ Полоніи и турецкихъ баши-бузуковъ. Кто повѣритъ,

что Лангевичъ въ Польшѣ и Лангевичъ въ Турціи, Лангевичъ-диктаторъ и Лангевичъ трехбунчужный паша—одно и тоже? Кто захочетъ вѣрить, что диктаторъ Лангевичъ бился съ москалями за освобожденіе поляковъ и западнорусскихъ крестьянъ отъ „московскаго ярма," когда трехбунчужный паша Лангевичъ, чрезъ два года послѣ этого, бьется уже за подчиненіе турецскому ярму турецкихъ славянъ и грековъ? Это униженіе полное, такое униженіе, глубже котораго быть не можетъ. Поляки въ Турціи — это окончательное самоосужденіе, это позорный столбъ—въ самомъ унизительномъ значеніи позорный, къ которому сами себя привязали поляки. Поляки въ Турціи, поляки, помогающіе туркамъ продержать подольше въ кандалахъ славянъ и грековъ—это позорнѣе и гнуснѣе поддѣлки кредитныхъ билетовъ....

Но, въ то же время, поляки въ Турціи дѣлаютъ громадную нравственную услугу Россіи. До сихъ поръ въ Европѣ еще многіе остались при томъ ошибочномъ мнѣніи, что дѣйствія русскихъ, въ отношеніи къ полякамъ, не могутъ быть оправданы. Появленіемъ Лангевича и другихъ поляковъ въ Турціи, съ Россіи снимается послѣдній упрекъ, наложенный на нее клеветою враговъ, и сторонники польской справы могутъ убѣдиться теперь, какова была чистота побужденій поляковъ, когда они возстали противъ Россіи, будто бы, за свою свободу и за свободу народа. Отчего бы имъ теперь не стать за свободу турецкихъ христіанъ, вмѣсто того, чтобъ изображать изъ себя нѣчто въ родѣ янычаръ?

При всемъ томъ, появленіе поляковъ въ Турціи не можетъ не отразиться важными послѣдствіями на судьбѣ этой державы. Поляки, безъ сомнѣнія, не поддержатъ, а ускорятъ паденіе османскаго царства, хотя оно и безъ поляковъ быстро склонялось къ паденію. Поляки большіе мастера губить государства, которыя даютъ имъ власть въ руки: поляки погубили свое царство—ускорятъ гибель и Турціи. Уже слышится что-то польское въ послѣднихъ распоряженіяхъ турецкаго правительства: безъ сомнѣнія польскіе грамотѣи сочиняютъ для турецкихъ министровъ депеши и циркуляры—такъ и видятся въ каждой бумагѣ поляки: ихъ тонъ ихъ стиль, ихъ блистательное краснорѣчіе и полное отсутствіе политическаго такта.

Мы готовы думать, что поляки въ Турціи скорѣе расшатаютъ своимъ усердіемъ зданіе блистательной Порты, чѣмъ греки своимъ возстаніемъ. Если въ послѣднее время турецкое правительство высказало довольно безцеремонный и самохвальный тонъ въ отношеніи къ Россіи, то конечно благодаря нашимъ старымъ друзьямъ, Лангевичамъ, Чайковскимъ, Морозевичамъ и друг., которымъ природа положительно отказала въ политическомъ чутьѣ и тактѣ. Корабельныя крысы предчувствуютъ гибель корабля, и заранѣе оставляютъ его, когда онъ еще не вышелъ въ море, а поляки именно тогда и стали перебираться на ветхій корабль Турціи, когда онъ всего ближе къ гибели. *(Приб. къ Вар. Дн.)*

О ПОЛЬСКИХЪ ИНТРИГАХЪ, КЛОНЯЩИХСЯ КЪ ТОМУ, ЧТОБЫ ПОССОРИТЬ ПРІѢЗЖИХЪ РУССКИХЪ СЪ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМИ И ВЛАСТЯМИ.

На выполненіе подобной задачи они изощряютъ всѣ силы своего гибкаго характера. Полюбуйтесь какъ это дѣлается.

Первая задача состоитъ въ томъ, чтобы воспрепятствовать новичкамъ видѣться и совѣтоваться, на первыхъ порахъ, съ вѣрными и прошколенными русскими людьми. Съ этою цѣлью обыкновенно говоритъ: «Г-нъ №№ (имя рекъ) очень хорошій человѣкъ, но онъ ужасно занятъ, рѣдко принимаетъ... притомъ чудакъ и скептикъ... да, впрочемъ, онъ мало бывалъ въ губерніи, хотя ученый, умный человѣкъ... однакожь-такъ какъ онъ необходимъ будетъ для формальностей, то вы къ нему заѣзжайте. Чтоже касается дѣла, то я (бѣлопольскій) вамъ все разскажу... «Надобно знать здѣшнюю обстановку»—таинственно прибавляетъ житомирскій политикъ, и ведетъ агнца въ кабинетъ, или везетъ въ имѣнье, а тамъ происходятъ такія бесѣды, что тѣни Маккіавелли и Лойолы такъ и порываются съ радости вернуться въ этотъ лучшій изъ міровъ. Въ кабинетѣ раскрывается планъ имѣнія и надъ нимъ расточаются слезы и вздохи. «Намъ ничего не нужно! Мы готовы сами продать имѣнія и бросить все..... только пустите насъ съ честью!» Русскій, разумѣется, съ участіемъ освѣдомляется о причинѣ такого отчаянія. Тутъ патетически указываютъ ему на планъ, на то, что въ имѣніи чрезполосица (при этомъ прилично упоминаются мировые)... крестьяне де-рады этой чрезполосицѣ, чтобы пожить на чужой счетъ и проч. и проч. Тутъ бѣлопольскій, опять ударяется въ тонъ сердечныхъ изліяній: «Возьмите, хозяйничайте! я почти даромъ готовъ продать.... вотъ вамъ довѣренность на управленіе.... нужды нѣтъ, что купчей не сдѣлано... я вамъ вѣрю, только пощадите меня, платите пока %-ный сборъ (непремѣнное условіе!) и совѣтую вамъ, предательски добавляетъ панъ, совѣтую хлопотать о разверстаніи, иначе ничего не сдѣлаете. Вы русскій, вамъ удастся непремѣнно, не то, что намъ, несчастнымъ загнаннымъ». Переговоривши такимъ-то келейнымъ манеромъ, покупщикъ ѣдетъ и къ сильнымъ міра и къ *прошколеннымъ русскимъ*, которыхъ вдругъ озадачиваетъ петиціями о сложеніи контрибуціи, обязательномъ разверстаніи и проч., да еще похваливаетъ продавца: «прекрасный, молъ, человѣкъ—душа на распашку!» Власти только руками разводятъ. «Помилуйте, говорятъ они соотечественнику,— да вѣдь это политическое шулерство, имѣніе еще не ваше, чегожъ вы кричите?» Собесѣдникъ, въ свою очередь, изумленъ; онъ отправляется въ знакомый «кабинетъ»: Чтожъ вы, молъ, разсказы-

вали? Вѣдь вы меня поставили въ глупѣйшее положеніе».—«Да вы не слушайтесь, отвѣчаютъ ему, это все оригиналы, немного фанатичны; они, впрочемъ, отличные, благородные люди... а вы, знаете что? махнитека съ прошеніемъ прямо въ Кіевъ... этакъ-то скорѣе все сладится»! Такъ вотъ какъ устраиваются дѣла! Предположимъ, что русскому удастся выхлопотать что-либо, или разсорить деньги на задатки и преждевременное хозяйство,—тутъ ему и карачунъ. Вдругъ является придирка за придиркою, запродажная уничтожается; «бѣлопольскій» явно и торжественно протестуетъ о своей невинности, а между «*друзьями*» хохочетъ до упаду и всѣмъ трещитъ: «Ото, повядамъ пану, якъ ошукалемъ того дурня!... ото московскій баранъ»!... Не правда-ли, какъ красиво выходитъ! Недавно и польскій и русскій Житомиръ хохоталъ буквально до слезъ—первый, разумѣется, изъ подтишка, а второй—громко и съ примѣсью злости. Пріѣхалъ сюда одинъ честный и скромный, но пренаивный и предобродушный господинъ. Ему пустили въ глаза такую же шутиху, ослѣпили, опутали да, на радостяхъ, ввернули газетную статейку, а тотъ ее и подмахни. Между тѣмъ дѣло покупки пошло въ затяжку... Баринъ видитъ обманъ, не успѣлъ образумиться, а тутъ другой, третій, такъ что несчастный покупщикъ только за голову хватается. Вдругъ, на страницахъ одной газеты, впрочемъ не югозападной, разцвѣтаетъ его статья, въ которой онъ превозноситъ факторовъ и польскихъ землевладѣльцевъ, увѣряя, что они такъ и рвутся продавать имѣнія, да чуть ли не русскіе, вишь, виноваты. Вотъ хохоту то было! Даже въ театръ меньше стали ѣздить,—на что, молъ, театръ: туда деньги платить надобно, а тутъ и безъ денегъ такія штуки передъ тобою выкидываютъ, что только за бока держись!

Теперь положимъ, что польскій землевладѣлецъ продалъ, наконецъ, имѣніе русскому; казалось бы дѣло конечно—такъ нѣтъ: и тутъ необходится безъ курьезовъ. Пріѣзжаетъ, напримѣръ, панъ прощаться съ громадою, послѣ продажи имѣнія: «Ну! бувайте здорови,—говоритъ онъ—я уже теперь не вашъ панъ, дай Богъ вамъ всего лучшаго»! Громада, разумѣется, любопытствуетъ знать: что за человѣкъ новый панъ? «О, добрѣйшій человѣкъ!—спѣшитъ успокоить ихъ бывшій владѣлецъ — «Ужъ я такого вамъ даю, что будете благодарить, я васъ вѣдь любилъ и дурному не отдалъ-бы». Громада *дякуетъ*, но нѣкоторые интересуются знать: будетъ ли, молъ, новый баринъ платить по прежнему, напримѣръ, хоть за подводы? — «Больше дастъ, только просите — внушаетъ имъ панъ—новый владѣлецъ чудесный человѣкъ: онъ и полтора рубли не пожалѣетъ, онъ богатый да предобрый! все готовъ для васъ сдѣлать, только хорошенько просите». Послѣ такого добраго внушенія, приличнаго спича и прощальной водки, панъ у-

ѣзжаетъ, а на его мѣсто является новый владѣлецъ. Живетъ онъ себѣ въ имѣніи, да хозяйничаетъ, — вдругъ, въ одно прекрасное утро, управляющій докладываетъ, что крестьяне отказываются ставить подводы менѣе полутора рубля. Владѣлецъ рѣшаетъ такъ: если молъ не хотятъ—Богъ съ ними! нужно панать посторонних, — и уѣзжаетъ въ Житомиръ, гдѣ и гоститъ, не чуя бѣды. А она тутъ какъ тутъ: прискакиваетъ къ нему предмѣстникъ (панъ) и съ тревожнымъ участіемъ объявляетъ, что «въ имѣніи неспокойно,—мужики бунтуютъ». Русскій, разумѣется, спѣшитъ въ деревню, гдѣ и удостовѣряется, что бунта никакого нѣтъ, а есть недоразумѣніе, источникъ котораго онъ узнаетъ только впослѣдствіи. Вотъ вамъ одинъ изъ многихъ польскихъ рецептиковъ для устройства желаемыхъ отношеній пріѣзжихъ русскихъ съ крестьянами.

Мы не говорили о партіи «краснопольскихъ», но скажемъ, что какъ она, такъ и бѣлая партія, солидарны вполнѣ только въ одномъ, а именно, во враждѣ къ Россіи. Несомнѣнно, однако же, что бразды правленія навремя перейдутъ, если не перешли ужѐ, въ руки бѣлыхъ. Всѣ вышеупомянутыя продѣлки клонятся къ тому только, чтобы затянуть дѣло и парализировать его, если не совсѣмъ, то по крайней-мѣрѣ до европейской войны, или какого-нибудь политическаго переворота, неблагопріятнаго Россіи, гдѣ и «красные» могутъ пригодиться. Покамѣстъ же можно ручаться за то, что, если р. католичество будетъ также сильно, какъ теперь, если затянется дѣло русскаго землевладѣнія и, вообще, если мы уклонимся отъ нынѣшняго, вполнѣ національнаго образа дѣйствій, то «бѣлопольскіе», черезъ 10[1]). или 20 лѣтъ непремѣнно опять какъ и въ 1863 году, подстроютъ дѣла къ бунту или къ подольской суматохѣ 1861 года.

Надѣемся, что, послѣ всего сказаннаго, никто не упрекнетъ насъ въ отптимизмѣ; но мы не желаетъ впасть и въ другую крайность. Нынѣшняя борьба русскихъ началъ съ организованною, изворотливою и неутомимою враждою, можетъ быть вдесятеро труднѣе и опаснѣе штыковой борбы 1863 года. Но, что же изъ этого слѣдуетъ? Хорошъ воинъ, который, видя вдвое, втрое сильнѣйшаго врага, опуститъ рсии и уйдетъ! Главное въ томъ, что намъ нужно видѣть опасность. Въ этомъ печать представляетъ огромное пособіе. Мы одно только твердимъ, — что теперь самое удобное время бороться, потому что польская маска упала въ 1863 году, и мы увидѣли измѣну вокругъ насъ, въ нашемъ обществѣ, въ нашихъ канцеляріяхъ, въ нашемъ войскѣ— словомъ всюду. Зачѣмъ же забывать, зачѣмъ остывать? Теперь

1) Раньше, если мы предадимся оптимизму. Ред.

опять, мало помалу, надѣваются личины, опять ростутъ плевелы на русской почвѣ,« опять фальшивый сантиментализмъ мнимыхъ жертвъ, мнимая покорность и беззащитность польскихъ мирныхъ собственниковъ» и проч. Какимъ же образомъ бороться?—Содѣйствовать во-первыхъ твердому и неукоснительному выполненію правительственныхъ мѣръ, потому что если-бы всѣ онѣ буквально выполнялись со временъ Екатерины II-й, то вопроса обрусенія давно-бы можетъ быть и не было. Онъ коренился на продажности, политической безнравственности и тайной измѣнѣ польской администраціи, точно также, какъ и вопросъ еврейскій. Теперь все мѣстное русское общество должно стоять на сторожѣ этихъ вопросовъ, срывать личины, распутывать и обнаруживать нити интригъ и злоупотребленій, нещадить и псевдо-русскихъ дѣятелей. Sapienti sat!—Вотъ въ чемъ борьба! Но мы стоимъ таки на своемъ и нисколько не сочувствуемъ тѣмъ, которые озабоченно и разслаблено восклицаютъ: а что если будетъ переворотъ въ правительственной системѣ? а что если администрація перемѣнится на польскій ладъ?—куда мы тогда? Припомнился намъ, при этомъ случаѣ анекдотъ про Петра Великаго, у котораго одинъ адмиралъ просилъ оффиціально: «Что если поднимается буря? куда укроется флотъ, едва сформированный? — Царь написалъ резолюцію: «окольничій Насѣкинъ свиннымъ ухомъ подавился»! Дѣйствительно, всѣхъ бѣдъ, какія могутъ случиться, не перечислишь. Между тѣмъ, вотъ уже пять лѣтъ, въ которыя хотя администрація въ западномъ краѣ и мѣнялась, даже не одинъ разъ, а система не мѣняется. Отчего не оглянуться назадъ, не посмотрѣть на то, что уже сдѣлано и не утѣшить себя (не говоримъ усыпить) хорошими результатами, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что называется, намотать на усъ пробѣлы и промахи. Это можетъ поощрить къ новой борьбѣ и отрезвить во многомъ.

(Вол. Губ. Вѣд.)

О ЧИСЛѢ ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЙ, ПОЛУЧАЕМЫХЪ ВЪ ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Считаемъ не лишенными интереса помѣщаемыя ниже свѣдѣнія о числѣ періодическихъ изданій (преимущественно газетъ), полученныхъ, въ 1867 г., чрезъ почтовыя конторы Волынской губ.

Сѣверная Почта выписывалась въ числѣ — — — 84 экз.
Journal de St.-Petersbourg — — — — — — — 8 —
Судебный вѣстникъ и сенатскія вѣдомости — — 30 —
Русскій Инвалидъ — — — — — — — — 45 —

Солдатская бесѣда и чтеніе — — — — — — — 63 —
Биржевыя вѣдомости — — — — — — — — 38 —
Собраніе распоряженій по м-ву финансовъ — — — 94 —
Земледѣльческая газета, и труды В. Э. Общества — 6 —
Промышленная газета — — — — — — — — 2 —
Медицинскихъ газетъ и журналовъ — — — — — 10 —
Семейные вечера, воскресное чтеніе, домашняя бесѣда 21 —
Другъ народа, народный голосъ, народ. газета и мірской вѣстникъ — — — — — — — — — 127 —
Сынъ Отечества — — — — — — — — — 121 —
Вечерняя газета — — — — — — — — — 35 —
Иллюстрированная газета — — — — — — — 16 —
Русскій базаръ, модный магазинъ, ваза, моды и новости, русскій ремесленникъ — — — — — — — 63 —
Искра, будильникъ, развлеченіе — — — — — 17 —
Музыкальныхъ журналовъ — — — — — — — 5 —
Одесскій вѣстникъ, рижская газета — — — — 9 —
Вѣстникъ Западной Россіи — — — — — — 16 —
Кіевскій телеграфъ — — — — — — — — 153 —
Кіевлянинъ — — — — — — — — — — 67 —
Московскія вѣдомости — — — — — — — 70 —
Москва — — — — — — — — — — — 50 —
С.-Петербургскія вѣдом. на Русскомъ языкѣ и на нѣмецкомъ 2 —
Голосъ — — — — — — — — — — — 46 —
Современный листокъ — — — — — — — 11 —
Русскія вѣдомости — — — — — — — — 22 —
Вѣсть *) — — — — — — — — — — 475 —
Польскихъ газетъ — — — — — — — — 448 —
Еврейскихъ газетъ — — — — — — — — 19 —
Иностранныхъ — — — — — — — — — 83 —

Какъ видно изъ приведеннаго списка, въ Волынской губерніи много получается польскихъ и иностранныхъ газетъ.—Это явленіе на стоько естественно, какъ полученіе въ центральныхъ губерніяхъ во-множествѣ московскихъ, петербургскихъ и др. русскихъ газетъ и журналовъ, потому что здѣшнее помѣщичье населеніе состоитъ въ огромномъ большинствѣ изъ поляковъ. Изъ Русскихъ-же изданій особенно много распространена газета «Вѣсть», преимущественно въ той же средѣ. Сочувствіе поляковъ къ «Вѣсти» доходитъ у насъ до того, что, напримѣръ, изъ Фасовской почтовой станціи, помѣщикъ Мяновскій получаетъ 48.

---

*) Мы не понимаемъ, какъ и почему на подобный фактъ не обратятъ серьознаго вниманія.

Ред.

Цихоцкій и Влодковскій по 96-я экземпляровъ каждый. Не только десятками, но и по нѣсколько экземпляровъ—никто въ губерніи другихъ русскихъ газетъ не выписываетъ, кромѣ помѣщика Шаулинскаго, получающаго изъ тойже станціи 144 экземпляра «Кіевскаго Телеграфа». Нѣтъ основанія предполагать, чтобы «Вѣсть» была популярна въ Волынской губ. болѣе, чѣмъ въ остальныхъ Западныхъ губерніяхъ. Еслиже и въ другихъ западныхъ губерніяхъ она выписывается, предположимъ, въ такомъ-же числѣ экземпляровъ, какъ у насъ, то становится понятнымъ, почему редакція Вѣсти, получая, за сочувствіе польскимъ интересамъ, до 43,000 руб. сереб., считаетъ здѣшнихъ чиновниковъ, служащихъ русскому дѣлу «босоногими патріотами».

Не дѣлая ни какихъ выводовъ, изъ представленнаго перечня газетъ, о господствующемъ направленіи мѣстнаго образованнаго населенія, предоставляемъ объ этомъ судить читателямъ.

(Вол. Губ. Вѣд.)

ПИСЬМА ИЗЪ ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦІИ ВЪ 1867 г.

I.

Когда галицкій горецъ остановится на бескидскомъ верху Карпатъ и, окинувъ своимъ взоромъ безпредѣльную долину, разостланную отъ подошвы горъ, какъ разноцвѣтный коверъ, на сѣверъ и сѣверо-востокъ, спроситъ самъ себя: какія земли такъ хороши, какой царь ихъ держитъ и какія люди тамъ живутъ? И, призадумавшись, изъ своего народнаго преданія, чистаго какъ вѣчно журчащіе источники его горъ, добудетъ онъ свой политическій догматъ, говорящій что все—горы, рѣки, кедровые лѣса и необозримая земля—принадлежитъ Богу, Русскому Царю и народу русскому. Откуда взялось это преданіе у нашего горца и у подолянина?—неразгаданный вопросъ. Въ концѣ концовъ, оно живетъ въ его памяти, и толкуй ему что хочешь, онъ не вѣритъ, а вѣритъ свое, что Русскій Царь желаетъ *православному міру добра*, ляхи и нѣмцы портятъ всякое благое дѣло. По той причинѣ такъ *зле на свѣтѣ*. Народъ правъ въ своемъ сужденіи. Не кто иной какъ одни ляхи, съ ополяченными нѣмцами-католиками, истребляютъ еще въ зародышѣ духовное и матеріальное благосостояніе галицко-русскаго народа, который ищетъ и ищетъ защиты отъ своего бѣдствія то въ Вѣнѣ, то въ львовской администраціи и, не доискавшись ея, припоминаетъ свою давнюю быль о Царѣ Русскомъ, о русскихъ земляхъ и ихъ могуществѣ. Ударь лишь слегка въ эту струну его души событіями изъ новой исто-

ріи русской державы, и онъ отзовется неожиданно, съ полнотою силъ. Знаютъ то и понимаютъ очень хорошо враги Руси и бѣшено клевещутъ въ настоящее время на Русскаго Царя и Россію. Довѣріе народа къ австрійскому правительству подорвали, чтобы довести народъ до мысли о Польшѣ. Чего опасались, то между народомъ и развилось. Онъ не можетъ и подумать, что польская Рѣчь Посполитая могла существовать подъ предводительствомъ тѣхъ пановъ, которыхъ онъ хваталъ во время каждаго возстанія и держалъ подъ строгимъ карауломъ. Онъ слышитъ, что ляхи злобятся на Русскаго Царя и на Русь, и толкуетъ то по своему. Польская партія безсознательно пропагандируетъ въ пользу Россіи, которая хоть бы посыпала полною рукой рублями, не достигла бы больше того, что дѣлаютъ въ пользу ея польскіе емиссары — навязываньемъ своей политическо-развратной вѣры: народъ противопоставляетъ ей свой твердый политическій догматъ о Русской землѣ, могуществѣ Русскаго Царя и его благотвореніяхъ православному міру. Всѣ ляцкія политическія письма служатъ поводомъ къ насмѣшкѣ нашему народу. «*Возьми и сожги эту ляцкую брехню*», зашумѣли крестьяне въ Долинѣ (городокъ Стрыйскаго уѣзда), зайдя въ корчму, гдѣ имъ читалъ полякъ-мѣщанинъ брошюру на москалей и московскаго Царя, «*иначе*,— продолжали наши люди, — мы *тебя сожжемъ, если проболтнешь еще слово на Царя и россіянъ*». Началась ссора, и ляцкіе агитаторы отошли съ синяками. Такія сцены нынѣ у насъ въ восточной Галиціи не рѣдкость. Въ деревнѣ Подпечоры, уѣзда Станиславскаго, довольно зажиточный крестьянинъ посылалъ своего сына въ гимназію; мальчикъ попался въ польскій домъ и, наслышавшись польской болтовни, сталъ говоритъ, что онъ и его отецъ—поляки, и когда прибылъ въ родительскій домъ, твердилъ то же и хулилъ все русское. «*Не дамъ тебя болѣе въ ляцкія школы*», сказалъ отецъ; «*у меня лучшая для тебя школа; ты будешь за пять дней опять тѣмъ, къ чему родился*». Крестьянинъ сдержалъ свое слово, и его мальчикъ уже пришелъ въ разумъ. Крестьяне наши, учреждая сельскія школы вездѣ въ восточной Галиціи, остерегались ополяченья своихъ дѣтей. «*Лише хорони Боже учити нашихъ дѣтей якъ ляховъ, которы нечого не знаютъ, развѣ бунтоватись*». Такова стереотипная фраза нашихъ крестьянъ. Польская партія употребляетъ всѣ средства, чтобы вырвать народныя школы изъ-подъ управленія русскаго духовенства и его консисторій, хотя изъ польскихъ помѣщиковъ едва десять на всю восточную Галицію поддерживаютъ школу, въ своемъ помѣстьи, и хотя наши крестьяне вездѣ учредительными грамотами подчинили на вѣчныя времена свои школы русскимъ духовнымъ властямъ. Польская пар-

ція, разсчитывая на свою литературу, думаетъ посредствомъ ея подбить нашъ народъ. Нѣмцы помогаютъ ей очевидно. «*Еслибы въ цѣлой Галиціи жилъ польскій народъ, Россія не была бы намъ опасна*, говорятъ намъ нѣмцы явно; *мы ошиблись или, лучше сказать, галицкіе руссы насъ обманули, Мы не знали исторіи Галиціи, теперъ же, вчитавшись въ нее, видимъ, что этотъ край—истинная Россія* (wahres Russland)». Что-жь, мы виноваты развѣ, что никто прежде не учился нашей исторіи? Еще болѣе убѣдятся въ русскомъ характерѣ нашей области, когда познакомятся съ нимъ въ этнографическомъ отношеніи, и лучше бы сдѣлали, когда бы позволили намъ быть тѣмъ, чѣмъ мы быть должны, нежели угнетать народъ, безъ того натерпѣвшійся. Намъ могутъ надѣлать преда, могутъ казнями и коварствами запугать нѣкоторыхъ изъ малодушныхъ, а другихъ привести къ молчанію, но все это не уничтожитъ насъ и духа народнаго не убьетъ. Мы это навѣрно знаемъ; однакожъ, сердце наше сжимается, когда вездѣ и всегда утверждаютъ, что мы очень счастливы, что намъ не дѣлаютъ ни малѣйшаго зла, и что только московско-святоюрская партія испускаетъ несправедливые вопли. Но этотъ вопль раздается изъ груди русскаго народа по сей и другой сторонѣ Карпатъ!

Галицкое чиновничество, въ настоящую пору, послѣ организаціи политической, состоящее изъ однихъ поляковъ или приверженцевъ польской идеи нѣмцевъ, хлопочетъ безпрерывно, какъ бы вырвать русскій народъ изъ-подъ вліянія поповъ и поповичей. Опять идутъ они тѣмъ самымъ путемъ, какъ десять лѣтъ тому назадъ. Кричатъ, что наше духовенство подготовляетъ народъ для москалей и возмущаетъ противъ Габсбурговъ; а русское духовенство не молчитъ и тоже себѣ кричитъ: *подайте доказательства*. Во многихъ мѣстахъ у русскихъ приходскихъ священниковъ произвели полицейскую ревизію, и хотя ничего не найдено, даже малѣйшаго слѣда заговора, все-таки пускаютъ между народомъ вѣсти о существующемъ заговорѣ въ пользу русской державы. Что-жь изъ этого выходитъ? Крестьяне опять толкуютъ по-своему и утверждаютъ: *что если попы въ заговорѣ, то они, какъ разумнѣйшіе, хорошо знаютъ, гдѣ и съ кѣмъ русскому народу лучше*. Въ галицкихъ епархіяхъ обязано духовенство каждаго уѣзда собираться въ какомъ-нибудь приходѣ четыре раза въ годъ на пастырскія совѣщанія, а какъ въ этихъ собраніяхъ всегда и народныя дѣла обсуждались и еще донынѣ обсуждаются, то Голуховскій приказалъ начальникамъ уѣздовъ доставлять въ губернскія управленія рапорты обо всемъ, что они могли узнать о собраніяхъ русскаго духовенства. Тѣмъ онъ подаетъ польскому чиновничеству средство составлять клеветы раз-

личнаго рода на наше духовенство, и эти клеветы всегда обнаруживаются въ духовныхъ коммиссіяхъ. Благоразуміе и опытность галицко-русскаго духовенства не дозволяютъ и самымъ лютѣйшимъ врагамъ изловить его на противозаконномъ дѣлѣ. Какой будетъ конецъ этого насилія и утнетенія галицкой Руси—вѣдаетъ одинъ Богъ.

Солонина.

(Москва).

ГОЛОСЪ ПРАВОСЛАВНАГО СВЯЩЕННИКА.

Въ 111 № «Виленскаго Вѣстника» помѣщена корреспонденція изъ Минска, авторъ которой, наговоривъ много неправды, бросаетъ тѣнь на образъ дѣйствій мѣстнаго духовенства и отношенія онаго и къ вызваннымъ на наставническія должности великорусскимъ семинаристамъ, и вообще ко всѣмъ новоприбывшимъ русскимъ людямъ. Корреспонденція эта, кромѣ того, что изобилуетъ неприличными фразами, затрогиваетъ притомъ интересы православнаго бѣлорусскаго духовенства, странныя выходки противъ котораго не могутъ быть оставлены безъ отвѣта и возраженій. Авторъ корреспонденціи изъ Минска опровергаетъ маленькую статейку, помѣщенную въ 123 № «Москвы,» въ которой высказано было мнѣніе многихъ сельскихъ священниковъ, что «для обрусѣнія здѣшняго сельскаго населенія было бы весьма полезно вызвать сюда, на особенныхъ льготахъ и поселить, хоть по нѣсколько семей на каждую волость, крестьянъ изъ внутреннихъ великороссійскихъ губерній.» Въ той же статейкѣ сдѣланъ намекъ, что «несовсѣмъ довольны вызванными изъ великороссійскихъ губерній на должности наставниковъ народныхъ училищъ семинаристами, за то, что пріѣзжіе педагоги сразу становились съ сельскимъ населеніемъ и съ мѣстнымъ духовенствомъ въ непріязненныя отношенія, осмѣивая укоренившіеся временемъ въ бѣлоруссахъ обычаи и осуждая духовенство за всякое отступленіе отъ церковныхъ обрядовъ, существующихъ въ великороссійскихъ гурерніяхъ.» Корреспондентъ «Виленскаго Вѣстника,» какъ по всему видно, и самъ прирадлежащій къ числу прибывшихъ на наставническія должно сти, взялся опровергнуть заявленное въ «Москвѣ» мнѣніе о наставникахъ.

Прежде всего авторъ позволяетъ себѣ неумѣстно подшучивать надъ «разсказами многихъ сельскихъ священниковъ» и положительно утверждаетъ, что «сплошь и рядомъ голоса эти говорятъ то, чего сами не понимаютъ,..» Объявить такой странный при-

говоръ противъ цѣлаго сословія, или общества,—болѣе чѣмъ не умѣстно. Далѣе, принимая на себя роль публициста, авторъ глубокомысленно доказываетъ неумѣстность водворенія здѣсь великорусскихъ крестьянъ и толкуетъ, что велико-русскій крестьянинъ «совершенно непохожъ на русскаго крестьянина и что отъ такого переселенія не будетъ проку.» Авторъ по своей дальновидности даже предвидитъ, что великорусскіе крестьяне, переселившись сюда, будутъ здѣсь жить «въ чистыхъ и опрятныхъ избахъ, будутъ имѣть довольно скотинки, заниматься хлѣбопашествомъ по своему; земледѣльческія орудія у нихъ будутъ лучше, чѣмъ у здѣшнихъ мужиковъ» *) и т. п. Если великорусскіе крестьяне могутъ найдти здѣсь всѣ удобства къ деревенской жизни, въ такой степени, что въ состояніи будутъ жить въ чистыхъ избахъ, имѣть довольно скота и улучшенныя земледѣльческія орудія и проч., то что же помѣшаетъ имъ воспользоваться здѣсь гостепріимствомъ нашего края, водвориться въ немъ, такъ чтобы здѣшняя жизнь была имъ не въ тягость,—тѣмъ болѣе, что здѣсь все русское, все для нихъ родное? Будто у насъ мало великорусскихъ крестьянъ, мѣщанъ и разнаго рода торговцевъ, которые, прибывъ въ здѣшній край и свыкшись съ обычаями здѣшней страны, поселились здѣсь навсегда и нимало не думаютъ тужить но оставленной родинѣ. Почему-же великорусскому крестьянину не ужиться съ бѣлорусскимъ? Ихъ связываетъ одна вѣра, одинъ языкъ, однѣ историческія преданія, почти одни и тѣ же народные обычаи, словомъ,—потребности и вся жизнь общественная и частная у тѣхъ и другихъ если не совсѣмъ однѣ и тѣ же, то покрайней мѣрѣ родственны. Съ нашими бѣлорусскими крестьянами не могутъ только уживаться пришельцы имъ чуждые: такъ, замѣчается, что вызванные здѣшними помѣщиками колонисты изъ Познани и другихъ онѣмеченныхъ польскихъ провинцій, не могли свыкнуться съ здѣшнимъ населеніемъ потому, что они здѣсь не свои,—у нихъ и вѣра, и языкъ, и обычаи показались здѣшнимъ крестьянамъ чуждыми. Но великорусскій крестьянинъ у насъ свой, и крестьяне бѣлоруссы смотрятъ на него, какъ на своего брата. Посмотрите на отношенія нашихъ

---

*) Кстати здѣсь замѣтить, что слово мужикъ есть выраженіе презрѣнія къ простому народу, равносильное и тождественное эпитету скотъ, созданному польскою шляхтою, чтобы клеймить имъ деревенскій людъ—крестьянъ. Непонятно, почему минскій корреспондентъ называетъ крестьянъ великорусскихъ—крестьянами, а здѣшнихъ—мужиками. Кажется, что именованіе крестьянъ мужиками должно было бы прекратиться вмѣстѣ съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права. Авт.—Напрасно почтенный авторъ такъ думаетъ. Слово мужикъ [происходящее отъ мужа] ничего презрительнаго въ себѣ не имѣетъ: великорусскіе крестьяне сами себя называютъ мужиками, этимъ же именемъ называютъ ихъ и жены («мой мужикъ,» говорятъ онѣ). Ред.

крестьянъ къ великорусскимъ, прибывающимъ сюда по разнымъ промысламъ и заработкамъ, и вы подивитесь взаимному между ними сближенію и довѣрію. Мы такъ же несогласны съ убѣжденіемъ корреспондента, что великорусскій крестьянинъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ будетъ неопустительно ходить въ церковь и слѣдить здѣсь за нѣкоторыми отступленіями отъ обрядовъ. Мы полагаемъ, что здѣшній крестьянинъ, при всей безотрадности нравственныхъ началъ, неблагопріятно сложившихся для него подъ вліяніемъ историческихъ судебъ края, едва ли не поусерднѣе къ церкви крестьянина великорусскаго. Авторъ корреспонденціи главнымъ преткновеніемъ для великорусскаго крестьянина въ здѣшнемъ краѣ поставляетъ какія-то непонятныя намъ отступленія отъ церковныхъ правилъ и обрядовъ; онъ даже влагаетъ въ уста великорусскаго крестьянина что-то въ родѣ морали, которою тотъ долженъ поставить втупикъ здѣшняго священника. Для каждаго православнаго священника, гдѣ бы онъ ни былъ,—въ Сѣверо-Западномъ ли краѣ, въ великороссійскихъ или малороссійскихъ губерніяхъ, и хотя бы на самыхъ отдаленныхъ окраинахъ Россіи,—вездѣ уставъ одинъ и тотъ же, однѣ и тѣ же богослужебныя книги, одни и тѣ же обряды, одно и то же богослуженіе. Присмотритесь хорошенько, г. корреспондентъ, къ здѣшнему богослуженію, побывайте въ любой церкви,—городской или сельской, въ какомъ бы ни было, даже самомъ глухомъ захолустьѣ, и вы нигдѣ не усмотрите воображаемаго вами отступленія отъ устава и общецерковныхъ обрядовъ. Конечно, у насъ вы не найдете поручнаго въ храмѣ сбора, обычая непомѣрнаго по приходу хожденія, съ цѣлью славить Христа, въ нѣкоторые праздники, и нѣкоторыхъ другихъ церковныхъ обрядностей, которыя хотя и соблюдаются въ какомъ нибудь великорусскомъ селѣ, или положимъ тамъ, откуда г. корреспондентъ родомъ; но эти обряды и обычаи должны оставаться мѣстными и никакъ не слѣдуетъ навязывать ихъ непремѣнно нашему краю; они у насъ были бы неумѣстны, какъ были бы и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они не введены. Мы вполнѣ увѣрены, что великорусскій крестьянинъ, если бы онъ поселился здѣсь, понялъ бы вѣрнѣе свои отношенія къ православному священнику, чѣмъ понимаетъ ихъ корреспондентъ, и относился бы нему съ тѣмъ же уваженіемъ, съ какимъ вообще относится къ своимъ пастырямъ весь бѣлорусскій православный народъ. Если г. корреспонденту кажется, что здѣшніе священники «вообще стоятъ гораздо далѣе отъ своихъ прихожанъ, чѣмъ священники великорусскихъ и малорусскихъ губерній,» то это происходитъ просто отъ непониманія имъ взаимныхъ отношеній, сложившихся подъ вліяніемъ уваженія и довѣрія народа къ своимъ священникамъ, отстоявшимъ здѣсь православіе и права русской

народности, бывшія подъ гнетомъ вѣковаго насилія и крайне враждебныхъ элементовъ; напротивъ, всѣ прибывшіе въ край единогласно утверждаютъ, что священники здѣсь стоятъ гораздо выше въ общественномъ мнѣніи, чѣмъ священники великорусскіе *), а нравственное вліяніе ихъ на народъ не требуетъ коментаріевъ,— оно оцѣнено всемилостивѣйшимъ вниманіемъ и рескриптомъ Государя Императора, засвидѣтельствовано высшимъ начальствомъ и сознано общественнымъ мнѣніемъ всей Россіи.

Далѣе, говоря о томъ, что «здѣшніе священники не совсѣмъ довольны вызванными на наставническія должности семинаристами,» г. корреспондентъ замѣчаетъ, что «не одними наставниками здѣсь недовольны, а всѣми вообще вновь прибывшими, потому что всѣмъ не нравится тотъ лоскъ, которымъ покрыты всѣ здѣшнія жизненныя формы.» На это отвѣчаемъ: относительно наставниковъ— иными довольны, иными не довольны. Священники, по своему званію, какъ представители религіозныхъ интересовъ въ краѣ, поставлены главными блюстителями нравственно религіознаго преуспѣянія народныхъ школъ и болѣе другихъ должны сочувственно, съ пастырскою любовію, относиться и относятся къ народнымъ училищамъ и наставникамъ оныхъ. Но можно ли было отнестись сочувственно къ тѣмъ, которые, на первыхъ порахъ своей наставнической дѣятельности, успѣли заявить себя съ весьма невыгодной стороны, какъ по своимъ нравственнымъ качествамъ, способностямъ и познаніямъ, такъ и по отсутствію охоты къ трудолюбію и усердія къ выполненію своихъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ довѣріемъ русскаго общества и вызвавшаго ихъ начальства. Отъ такихъ учителей едва ли можно надѣяться добраго ученія и едва ли можно относиться къ нимъ сочувственно. Мы знаемъ г. М., одного изъ прибывшихъ наставниковъ, въ селѣ Пр—ахъ, Минскаго уѣзда, который, желая устранить вліяніе священника на довѣренную ему мировымъ посредникомъ школу, запиралъ дверь училища, когда видѣлъ священника идущаго въ оное, по обязанности законоучителя и наблюдателя, и священникъ, во избѣжаніе скандала, долженъ былъ вовсе отказаться отъ законоучительской должности. Такія и тому подобныя отношенія прибывшихъ наставниковъ къ священникамъ встрѣчались не въ одномъ мѣстѣ и не въ одномъ уѣздѣ. Но съ другой стороны, мы знаемъ наставниковъ и отличныхъ, вполнѣ благонадежныхъ, у-

*) Долгомъ считаемъ засвидѣтельствовать, что общественное мнѣніе въ остальной Россіи теперь совершенно иначе относится къ духовенству, чѣмъ 10—15 лѣтъ тому назадъ, и что великорусское духовенство вполнѣ теперь этого заслуживаетъ. Ред.

сердныхъ и вполнѣ понимающихъ свое дѣло, которые съ духовенствомъ живутъ дружно,—которые къ сердцу приняли стремленія здѣшняго народа къ образованію, энергично и разумно взялись вести и ведутъ дѣло ученія какъ нельзя лучше, заслуживъ довѣренность крестьянъ и уваженіе къ себѣ мѣстнаго духовенства;—это мы заявляемъ категорически, во всеуслышаніе, чтобы не толковали и другіе, какъ толкуетъ минскій корреспондентъ, будто здѣшніе священники *вообще* недовольны прибывшими наставниками.

То, что мы сказали о наставникахъ, относится и ко всѣмъ, вновь прибывшимъ. Бѣлорусское духовенство и вообще здѣшнее православное населеніе смотрятъ на прибывшихъ великоруссовъ, какъ на представителей въ нашемъ краѣ не только русскаго, но и православно русскаго элемента, которые не только должны быть сами вполнѣ и искренно проникнуты русскими вѣрованіями, русскими стремленіями и русскими задачами въ семъ краѣ, но и быть насаждателями и производителями этихъ началъ, выясняя оныя практическою своею дѣятельностью. Въ образѣ ихъ жизни и общественныхъ отношеній должна осязательно отражаться идея православія и русской народности,—должно живо и искренно высказываться сочувствіе къ русскому дѣлу, къ православно-русскимъ интерессамъ; нашъ взглядъ—общій и всего этого мы вправѣ ожидать отъ прибывшихъ сюда великоруссовъ. Но когда бросаются въ глаза нѣкоторыя явленія обратнаго свойства; когда мы замѣчаемъ нѣкоторыя странности прибывшихъ русскихъ людей, или узнаемъ, что они смотрятъ на насъ, тоже русскихъ, но здѣшнихъ уроженцевъ, недовѣрчиво, если даже не непріязненно; когда случается увидѣть, что иной великоруссъ не протянетъ руки священнику, когда тотъ по обычаю православному желалъ бы благословить его; когда приходится болѣзненно слушать отъ великорусскаго чиновника слишкомъ либеральныя сужденія и доктрины о православіи, или видѣть неприличную его позу въ церкви во время богослуженія; когда прибывшему въ волостное правленіе великорусскому чиновнику, или мировому посреднику, на страстной седмицѣ, подаютъ, сунъ, и жаркое и «русскій дѣятель» не вмѣру насыщается этими яствами: то, конечно, всякъ видящій и все сіе разумѣвающій по неволѣ зажмуритъ глаза и скажетъ: «вѣроятно, это не русскій!» Какъ угодно судите, а такіе господа, хоть бы они прибыли сюда изъ самаго сердца Россіи, здѣсь намъ не по сердцу, и при многихъ другихъ недостаткахъ, *о нихъ же не лѣть есть и глаголати*, здѣсь не совсѣмъ терпимы: пора это сказать прямо и откровенно. Но изъ-за этихъ ли господъ, которые по большей

части, по волѣ начальства возвратились уже во свояси, намъ русскимъ,—прибывшимъ и здѣшнимъ уроженцамъ, враждовать между собою? Нѣтъ, мы вовсе не склонны къ враждѣ; мы не замѣчаемъ даже этой вражды; мы любимъ и почитаемъ прибывшихъ сюда тѣхъ «дѣятелей великоруссовъ,» которые съ достоинствомъ исполняютъ свое призваніе. Мы готовы даже заимствовать отъ нихъ все то, что для насъ и для дѣла русской народности необходимо и полезно. Но при всемъ томъ и они съ своей стороны недолжны же чуждаться того лоска, который усвоенъ здѣшнему краю его историческими судьбами и обычаями, и который ни мало не можетъ поколебать благодѣтельныхъ началъ, предначертанныхъ волею Государя Императора, нуждами края и общественнымъ мнѣніемъ всей Россіи.

Минскій корреспондентъ, разрѣшая вопросъ неудовольствія священниковъ къ прибывшимъ наставникамъ, говоритъ: «наставники поставлены и съ духовенствомъ, и съ крестьянствомъ лицомъ къ лицу: на ихъ долю выпала двойная борьба». Но справедливо ли это, пусть судитъ теперь читатель. Мы признательно благодарны г. редактору «Виленскаго Вѣстника» за его оговорку, противопоставленную этой мысли минскаго корреспондента, какъ равно и за всѣ три замѣтки г. редактора, поставленныя подъ тремя столбцами разбираемой нами статьи. Нѣтъ, г. корреспондентъ, борьба вамъ предстоитъ съ невѣжествомъ, необразованностью, пороками и предразсудками, вездѣ и во всѣхъ, а не съ крестьянствомъ и духовенствомъ. Не вражды здѣсь ищите; но, чрезъ посредство школы, утверждайте взаимную между населеніемъ связь, скрѣпляйте братское чувство. Духовное, моральное единство между нами такъ необходимо, что мы должны стремиться къ упроченію его всѣми силами, всей глубиною нашего сердца.

Источникомъ неудовольствія священниковъ къ наставникамъ минскій корреспондентъ полагаетъ 150 рублей наставническаго жалованья, которые, будто бы, отдаются пріѣхавшимъ семинаристамъ предпочтительно предъ священниками, привыкшими, по словамъ корреспондента, соединять съ должностью наставника свои личные интересы. Рядомъ съ этимъ авторъ поставляетъ вопросъ—чья дѣятельность полезнѣе въ училищѣ, священниковъ или пріѣхавшихъ семинаристовъ, и разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу послѣднихъ; онъ даже видитъ вредъ отъ совмѣщенія должности наставника въ лицѣ священника и говоритъ, что знаетъ примѣры, гдѣ священники только носятъ названіе наставниковъ, а должность эту исполняютъ или причетники, или „подобные имъ грамотѣи»; знаетъ также примѣры въ Бѣлоруссіи, что для требоисправленій по своимъ приходамъ священники назначаютъ из-

вѣстные дни, такъ крещеніе младенцевъ совершается только по субботамъ». Жаль, что корреспондентъ не узналъ еще, что браки въ Бѣлоруссіи обыкновенно совершаются въ воскресные и праздничные дни, а то, вѣроятно, и этимъ фактомъ онъ воспользовался бы въ подкрѣпленіе своихъ сужденій о духовенствѣ. Ни одинъ изъ священниковъ не можетъ назначить неизмѣннымъ правиломъ извѣстный день для требоисправленія, тѣмъ болѣе для таинства крещенія, которое обусловливается разными случаями и разными днями, но не однимъ днемъ въ недѣлѣ; если бы священникъ и захотѣлъ (что невѣроятно) назначить прихожанамъ, для такой надобности какъ крещеніе младенцевъ, одинъ извѣстный день, прихожане, конечно бы, его не послушали или принесли куда слѣдуетъ жалобу. Но такихъ примѣровъ ни гдѣ не было и быть не можетъ. Дѣло въ томъ, что бѣлорусскій крестьянинъ, во время крѣпостнаго права шесть дней работавшій въ пользу своего помѣщика, только и имѣлъ возможность соблюсти обряды своей вѣры въ дни праздничные и воскресные, и для окрещенія младенцевъ могъ пригласить воспріемниковъ только послѣ возвращенія ихъ отъ экономическихъ работъ, которыя оканчивались къ вечеру въ субботу. Отъ этого почти повсемѣстно сложилась привычка у крестьянъ крестить новорожденныхъ младенцевъ по субботамъ, въ вечернее время, на канунѣ воскреснаго дня. Этотъ обычай, утвердившійся временемъ, и по настоящее время упорно соблюдается, не смотря на всѣ старанія со стороны приходскихъ священниковъ. Отъ совмѣщенія въ одномъ лицѣ двухъ должностей не можетъ страдать ни та, ни другая: инструкціею народнымъ учителямъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ (ст. 24 примѣчаніе) вмѣнено наставникамъ, священникамъ имѣть способныхъ и благонадежныхъ помощниковъ, и при такомъ порядкѣ вещей, при личномъ контролѣ и неусыпной заботливости наставника—священника, подкрѣпленной неопустительною дѣятельностью его благонадежнаго помощника, дѣло обученія идетъ успѣшнѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ подвизаются наставники свѣтскіе, или изъ прибывшихъ семинаристовъ, которые, какъ дознано опытомъ, не скоро пріобрѣтаютъ педагогическій навыкъ вести дѣло народнаго воспитанія и не обходятся безъ употребленія пріемовъ схоластическихъ. Въ отчетѣ по управленію минскою дирекціею народныхъ училищъ за 1866 годъ, мы находимъ многія статистическія данныя, служащія къ подкрѣпленію нашего мнѣнія: такъ изъ числа лучшихъ училищъ, которыя обязаны своими успѣхами благоразумной и неутомимой дѣятельности наставниковъ, означено въ семъ отчетѣ: училищъ, состоящихъ въ вѣденіи наставниковъ-священниковъ и одного діакона 20, въ вѣденіи здѣшнихъ и одного молодечнянскаго семинаристовъ—9 и въ вѣденіи прибывшихъ великорусскихъ

семинаристовъ—6 (стр. 21 и 22); изъ числа училищъ, отличившихся устройствомъ пѣвческихъ хоровъ, въ семъ же отчетѣ показано: состоящихъ въ вѣденіи наставниковъ - священниковъ и одного діакона училищъ 7, въ вѣденіи здѣшнихъ и одного молодечнянскаго семинаристовъ—4, въ вѣденіи прибывшихъ великорусскихъ семинаристовъ—1 (стр. 17 и 18). Всѣ эти несомнѣнныя данныя, показанныя въ отчетѣ, на основаніи наблюденія инспекторствующихъ лицъ, краснорѣчиво говорятъ въ пользу наставниковъ—священниковъ.

Священникъ I. Янушевскій.

сксь перес

сии

изъѣся съ

гимма: „

тѣ:

и овать:

ворс

чикъ"

я жи

на 186

изс по

рѣ, 6

нут «В

и ется

стел о—

мѣс

оло

I

и з

ніе

емн

бе

ской пересылкою во всѣ го-
спи
изъ ться съ своими требованія-
ги ла: „Вѣстникъ за-
тѣ
и ровать: редактору-издателю
ворскому, *въ Вильну.*
никъ" за *истекшіе* годы
я жителей Вильны, по 5
на $18^{63}/_{64}$ годъ—для пер-
изс по 7 руб., за $18^{64}/_{65}$,
рѣ о 6 руб., для послѣднихъ
нут «Вѣстникъ, за *истекшіе*
и ется 5% уступки въ цѣ-
сте %—100,—20%.
мѣс
оло

. Говорскій.

и я
ніе
ем

берискаго Правленія.

ой
—
къ
КЪ
ру
ат-
мъ
ов-
на
г.
мъ
вн
вн.
бы
во.
съ

въ
на.
гъ.

въ
ама
ніе
об-
ла.
ніе
нія
7.
ной
ръ-
5.—
ка.
еб-
2.—
нъ-
ихъ
да-
ной

ЖАНІЕ 1-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ ЗА 1868 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ 1-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІ

ЗА 1868 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА

Отъ куда пошла земля русская

и рече Олегъ Кіевъ се буди мати градомъ русскимъ

ВИЛЬНА

1868.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція „**Вѣстника Западной Россіи**“ едва ли не больше его подписчиковъ сѣтуетъ на запаздыванье выходомъ, его книжекъ. Редакція принимаетъ и будетъ принимать противъ этой непріятности всѣ свои средства и усилія и увѣрена, что, при всей несостоятельности виленскаго типографскаго производства, она войдетъ, въ непродолжительномъ времени, въ сроки своего изданія.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VI,—1868.

КНИЖКА II.

ТОМЪ I.

ВИЛЬНА.
Въ Типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ въ зданіи Гимназіи противу Губернскаго Правленія.

1868.

Дозволено Цензурою 20-го марта 1868 года. Вильна.

I.

—

№ 3.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Челобитная отъ русскихъ князей къ цареградскому патріарху о благословеніи на кіевскую митрополію избраннаго ими полотскаго архіепископа Іоны. 1488 г.

Иже по чину архіерея великаго Господа Бога Спасителя нашего Іисуса Христа пръвостоятельному и его всѣмъ (всимъ) ученикомъ и апостоломъ равно власть имущему, въ яже отпущати грѣхи истинному подателю, въсточныя христіанскія церкви обручителю и тоя и сыновъ ея по вселеннѣй правителю и въ таковыхъ свѣтлому свѣтилнику православному, и отъ настоящаго нынѣ вълненія богодухновеннѣ церковь и соборъ ея утѣшающому и кротко и правително къ тихому пристанищу приводящому и руцѣ живодателныхъ водъ источники нескудно вездѣ по вселенѣй всѣмъ изливающому, святѣйшому, и честнѣйшому, и благословенѣйшому, великому, житіемъ равноангел-

ному, господину господемъ и отцу отцемъ киръ имрк святѣйшому патріарху, великому архіерею Константиноградскому, о Господѣ радоватися!

Сынове послушанія ти князи Русскіи, живущіи подъ державою великого господаря, наяснѣйшого пана Казиміра короля Польского, и великого князя Литовскаго, и Русскаго, и иныхъ невымовныхъ земель владителя, иже держащіи вѣру православную Греческую, Богу помогающому, неоступно, и до смерти, челомбитіе главъ пашихъ съ всѣми чувствы тѣлъ нашихъ великому святителству твоему чрезъ посла послали есмо. Вѣдомо да есть святителству твоему, яко предъ симъ въ мало мимошедшое время, Богу тако извольшу, отець нашь и учитель нашь, съ служебникъ святыни ти, добрепомянутый господинъ Симеонъ, митрополитъ Кіевскій, архіепископъ всеа Руси, житья отъиде, и престолъ митрополіи Кіевскія не мало вдовствуя бѣ; намъ же пепрестанно прилежнымъ моленіемъ господаря нашего упросившимъ, да повелитъ его держава избрати годнаго настоятеля престолу Кіевскому и всея Руси; его же величеству нами умолену, тако повелѣвшу. И тако взысканію многу бывшу въ всихъ странахъ державы господаря нашего, и по многихъ времонныхъ днѣхъ обрѣтохомъ мужа свята, достойна вѣры, умѣющаго въ разумныхъ правителя христьянству, въ писаніехъ сугубо наказаннаго, могущаго иныхъ позловати (пользовати), и противящимся закону нашему силного возбранителя и устъ таковѣмъ затыцателя, господина Іону, архіепископа Полоцкого. Оному же вышереченпому архіепископу велико не хотящу и недостойна себе глаголющу, по повелѣніемъ господаря нашего и моленіемъ и прошеніемъ пашимъ, напередъ всего духовенства и посполства, едва умоленъ, волю приложи къ тому. Нынѣ же предреченый господинъ нашъ Іона архіепископъ, призволеніемъ господаря нашего короля ег

державства и зъ листы его державы величества, послалъ къ святительству твоему, яко къ отцу отцемъ и подателю повсюду благословенія, посла своего мужа выбраннаго, честнаго господина Іосифа, архимандрита и настоятеля монастира Святыя Троицы, иже въ Слуцку, благословенія требуючи отъ святительства твоего, яко да вразумѣетъ святительство твое въ листѣхъ господаря нашего и въ рѣчахъ послѣ оного. Мы же вси, имже образомъ бѣ написанная и глаголанная, отъ мала и до велика весь сонмъ, сынове Русскіи, якоже предрекохомъ, сынове послушанія паствы твоея, православія уряду церкви Греческыя, молитву и прошеніе наше възсылаемъ святительству твоему, яко да учинитъ святыня твоя къ нашему утвержденію, ради тѣснящихъ насъ въ вѣрѣ, милосердно да не умедлитъ отъ руки твоей мечь духовный отцу, нашему, имже оборонити насъ добро творящихъ, а злымъ изъначала.... *) явлено о томъ самому величьству святыни твоей разумно, яко да видѣвшее дарованіе и благословеніе святителства твоего, вси по вселеннѣй державы господаря нашого, великаго князьства Литовскаго и Русскаго, усердно возрадуемся, хвалы въздавающи щедротамъ и милосердному благоутробію святительства вашего. Что ради самовидно обличне съслужебнику твоему, отцу нашому, невмѣстно преити тамо; но благоутробіемъ и смиреномудріемъ на краткое наше и неразумное написаніе вънми, святителю, и прошенія и моленія нашего, яко милостивый и щедрый отецъ, не презри, но пріими паче всѣхъ о Христѣ Іисусѣ о Господи нашомъ, Ему же слава съ Отцемъ и съ Святымъ Духомъ. Аминь.

Изъ рукописи въ листъ, хранящейся въ библіотекѣ Супрасльскаго Благовѣщенскаго монастыря и значащейся

*) Здѣсь пропускъ.

по каталогу подъ № 4. Рукопись содержитъ списки Псалтыри и нѣкоторыхъ другихъ книгъ Священнаго Писанія, сдѣланные съ изданія Скорины. Документъ составляетъ позднѣйшій списокъ съ первоначальнаго проэкта челобитной; нѣсколько сдѣланныхъ въ текстѣ пропусковъ переписчикъ надписалъ на сторонѣ; здѣсь эти вставки внесены въ текстъ.

2.

Дарственная запись Константина Ивановича, князя Острожскаго, Смолевичской Св. Николаевской церкви на три волоки земли съ огородами и сѣнокосами. 1507.

Въ имя светое а нераздѣльное Троицѣ Бога Отца и Сына Духа Светого аминь. Нѣхъ се то стане ку вѣчной памети аминь той речи, а ижъ вѣчне речи звыкли то люде бачнїи письмомъ варовати а то на часы потомне зоставяти, абы то съ памети людской не выплынело, што уваживши я тое у себе добре, ижъ каждый чоловѣкъ, беручи добродѣйства одъ пана Бога наивышого, повинонъ тежъ оному дяковати и водлугъ наилѣпшого приможенья своего милуючи Его зо всего сердца своего хвалу Его светую помножати розшерати, абы на каждымъ мѣстѣ име Его вызнаване и увельбене было, хотечи той умыслъ и передъсевзятье мое до скутку привести и по собѣ на вѣкуистую паметку зоставить въ имя Его светое, бо што умыслиломъ выконывамъ просечи его светое милости, абы передъсевзятье до скутку привелъ и оно благословилъ и предъ маестатемъ его святымъ вдячьне принялъ и мнѣ грѣшному чоловѣкови ту на тымъ мизерномъ свѣтѣ, а потымъ и въ онымъ крулевствѣ своимъ небеснымъ милостивымъ быти рачилъ. Пре

то я Константынъ князь Острожскій, панъ Виленскій, гетманъ найвышшый, чиню явно и сознаваю тымъ моимъ вѣчистымъ листомъ добровольнымъ записомъ усѣмъ посполите и кождому зособна, кому бы того потреба была вѣдати, нинѣйшымъ и напотымъ будучого вѣку людемъ, ижъ я помененый Константынъ князь Острожскій, панъ Виленскій, гетманъ найвышшый, зъ доброй воли моей зажываючи въ тымъ, правъ свободъ и волностій шлехетскихъ водлугъ пашыхъ великого княжества Литовского описаныхъ, на честь и на хвалу пану Богу всемогучому въ Тройцы светой единому и благословеной Дѣвицы панне Марые, Матки Божой, збудовалемъ церковь въ имѣнью моимъ Смолевицкимъ *), въ повѣтѣ Минскомъ лежачымъ, которую то церковь зъ ласки его светое добудовавши на.... отцы священники слуги Божіе мешкали при той церкве, и въ ней хвалу наивышшому обычаемъ христіянскимъ услугуючи набоженство порядкомъ церковнымъ одправовали, и зъ того наданья выхованье и оздобу церкви на хвалу Божую мѣли, па которую то церковь мою Смолевицкую заложенья светое Миколы тымъ листомъ и добровольнымъ записомъ моимъ на вѣчность и непорушне записуе, дае, даруе и фундуе въ имѣнью моимъ Смолевицкимъ волоки двѣ грунту пашного зъ огородами сяножатьми во три змѣны, огородъ тое церкви надъ озеромъ морги два и домъ также збудованый церковный для мѣшканья отцомъ священникомъ; сѣножать первая, называющаяся Черница **), другая Прехода, третья въ Калюзѣ, четвертая у речки Жежелки, пятая сѣножать въ Пресынку

---

*) Мѣстечко Смолевичи, прежде принадлежавшее къ Минскому уѣзду, въ настоящее время принадлежитъ къ уѣзду Борисовскому; оно находится въ 36 верстахъ отъ города Минска.

**) Черница, Прехода, Калюга, рѣчка Жежелка, Пресынокъ, Слобода Езерицкая, это—урочища, гдѣ была фундушевая земля. Онѣ сохранили такія же названія и до настоящаго времени.

третяя волока въ слободѣ Езерицкой также зъ сѣножатьми тымъ листомъ доброволнымъ записомъ моимъ на вѣчность и непорушне записуе и дае и даруе и фундуе; даю волности отцомъ священникомъ, при той церкви будучимъ, въ имѣнью моимъ Смолевицкимъ на потребу ихъ власную въ млынѣ Смолевицкомъ молоть безъ мѣрки завше, при тымъ тежъ домъ церковный на плацу нашымъ и огородъ для... варива, то вѣчпе зоставати маеть при церкви Божой. Которые то отцове свещенники мають люди научати и до хвалы Божой намовяти, абы пана Бога знали и ему яко пану и Створцы своему служили. Въ тымъ маютъ отцове священники упоминати а непослушныхъ водлугъ уставъ церковныхъ карати, и повинни они парафяне до тое церкве належачые своимъ отцомъ священникомъ во всемъ въ потребахъ церковныхъ допомогати, а по смерти моей маютъ о душѣ моей печаловати и въ церкви Божой молитвами своеми при хвалѣ Божой вспоминати. И то все яко се вышей чоме.... записуе дае и фундуе на вѣчне часы на тую церковь.... при той церкви новинни будуть отцове священники слуги церковные для спѣванья и одправованья набоженства, якожъ то наданье мое и та фундацыя вѣчными часы при той церквѣ помененой ненарушне и вѣчне трвати.... которую то церковь до владзы юрздычной его милости отца владыки Кіевского подае, еднакъ жъ подавцами тое церкви назначамъ и описуе державчыхъ имѣнья Смолевичи яко пановъ дѣдичныхъ по моей смерти нозосталыхъ.... тотъ листъ мой доброволный записъ зъ речою въ нимъ описаною дае то церкви Божой и отцомъ священникомъ слугамъ Божимъ, которые въ ней будутъ на вѣчне часы пребывати, до которого я Константынъ князь Острожскій, панъ Виленскій, гетманъ найвышый печать свою приложилъ и рукою подписалъ. А при томъ за очевистою прозьбою моею ихъ милости

люди зацные земяне того повѣту, которые того будучи свѣтками печати свое приложили и руки подписали, а мяновите его милости: панъ Ежый Скуминъ Тишковичъ, его милость панъ Иванъ Стеткевичъ, его милость панъ Богданъ Ивановичъ Василевичъ, князь Соломерецкій. Писанъ въ Смоловичахъ. Подъ лѣты Божого Нароженья тысяча пятсотъ семого, мѣсеца Марта двадцать семого дня, индыкта десятого Константынъ Ивановичъ Князъ Острожскій, панъ Виленскій, гетманъ найвышый. Богданъ Ивановичъ Василевичъ князь Соломерецкій рукою власною. Ежый Скуминъ Тишковичъ рукою власною. Иванъ Статкевичъ рукою власною.

(Сборникъ докум.)

3.

Грамота короля Александра, данная по жалобѣ протопопа Харлампія подстаростему Ивану Шимбору, о перенесеніи церкви Рождества Богородицы изъ Бѣльскаго замка на другое годное мѣсто. 1507 г.

Александръ, Божіею милостію, великій король Польскій, князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жомонтскій, Сѣверскій, Мазовецкій, Инфлянтскій и иныхъ. Войту и подстаростему нашому пану Ивану Шимбору. Жаловалъ намъ попъ замковый Бѣльскій Пречистенскій Харлампей, старшій протопопъ о томъ, что жъ дей онъ трудность маетъ, какъ приходить на утреню и на всякъ часъ: ворота замыкаютъ, а къ томужъ дей па праздники сего жъ горей. Матку Божью Рожество Ей люде душатся. Пакъ годъ тому пазадъ какъ мы, господарь, будучи въ Бѣльску, разсмотрѣ-

ли, а къ тому и отецъ Васіянъ, владыка, къ намъ писалъ. Иножъ приказуемъ вашей милости, пане подстаростій, штобысь тую церковь Матки Божей Рожества Еи зъ того замку перенеслъ на мѣсто годное. ижъ бо дей зъ наданья княгини Вассы Михайловое, бабки нашое, создана есть, гдѣ жъ бо и тѣло еи положено предъ Богородицею, которое съ богомольемъ пренеси. Преди жъ сего отецъ Васіянъ владыка мѣстце нехай посветить, албо попы пошлетъ, иначей не сдѣлаешь. Писанъ у Ломжи. Подъ лѣты Божого Нароженья 1507, мѣсеца Апрѣля 17, индикта 10. Alexander Rex. Василей Горностай.

Доставлено изъ Бѣльска.

4.

Двѣ королевскія грамоты о пожалованіи церкви Св. Іоанна Богослова въ Витебскѣ земли на Плоской горѣ со льготами крестьянамъ, которые поселятся на ней. 1522 г.

I. Жикгимонтъ, Божою милостью, король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, княже Прусское, Жомоитскій и иныхъ. Воеводѣ Витебскому, маршалку нашому, пану Ивану Богдановичу Сапѣзѣ. Билъ намъ чоломъ попъ церкви Светого Ивана Богуслова зъ Витебска Аѳанасей и просилъ въ насъ, абыхмо дали ему мѣстцо двумъ чоловѣкомъ на селидбу со огороды подлѣ церкви Светого Ивана Богуслова двумъ человѣкомъ на селидбу со огороды Плоское горы ему дали. И ты бы тое мѣстцо казалъ ему завести и подати. Писанъ у Вильни, подъ лѣто Божого Нароженья 1522, мѣсеца іюля 31 дня, индикта 10. Копоть писаръ.

Внизу видны слѣды печати изъ красного воска. На

оборотѣ акта позднѣйшая польская помѣтка о его содержаніи. Ветхъ. Хранится въ архивѣ Витебскаго Успенскаго собора.

II. Жикгимонтъ, Божею милостью, король Польскій и великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомоитскій, Мазовецкій и иныхъ Воеводѣ Витебскому, маршалку нашому, пану Ивану Богдановичу Сопѣзѣ и иншымъ воеводамъ Витебскимъ, хто и напотомъ отъ насъ тотъ замокъ Витебскъ будетъ держати. Билъ намъ чоломъ священникъ нашъ и богомолецъ церкви Божей Светого Ивана Богослова зъ Витебска Офанасей и просилъ въ насъ землицы пустовщины, абыхмо дали къ церкви Божей мѣсто земли подлѣ церкви Божей Светого Ивана Богослова Плоское горы, напервѣй почонъ отъ рѣки Видбы рвомъ Ярковымъ просто до великое дороги уличное, а тою дорогою великою къ старому острогу, а тымъ острогомъ старымъ у Видбу жъ рѣку. И мы есмо на него чоломбитье то вчинили, тую землю къ церкви Божей придали вѣчно и неподвижно, гдѣ жъ бы собѣ мѣлъ священникъ сколко чоловѣковъ посадить для церкви Божей, ижъ тая церковь Божая на поли стоитъ за мѣстомъ, а велми зъубожена отъ непріятелей нашихъ, Московского, и его милости, светого храма служачи, не маютъ чимъ ся поживить. И мы есмо, для упалости храма Божего, тую землю пустовщину придали есмо церкви Божей Светому Ивану Богослову. И тежъ приказуемъ тобѣ, штобы еси тую землю казалъ завести и подать къ церкви Божей. Конечно маеть священникъ Аѳанасей и по немъ будучіе священницы, въ того светого храма Божего служачіи, и тую земли къ церкви Божей держати, а которыхъ людцей священницы на той земли посадять, ино тымъ людемъ церковнымъ не надобѣ знати ни которыхъ служебъ, ни подачокъ всякихъ, ни сторожи воротное городовое не знати имъ съ того местца. Вси тыи пошлины и подачки и тежъ и

службы отставили есмо съ того местца тымъ людемъ церковнымъ на вѣчныи часы для церкви Божой. А кому будетъ дѣло до тыхъ людей церковныхъ, ино свещенницы маютъ сами тыи свои люди и рядити и ими справовати водлугъ данины нашое господарское. И приказуемъ тобѣ, пане Иване, абы еси того священника Аѳанасія и по немъ будучихъ священниковъ тое церкви Божей ото всякихъ кривдъ обаполныхъ боронилъ и не далъ ихъ кривдити никому ни въ чомъ конечно. Писанъ у Вильни, подъ лѣто Божего Нароженья 1522, мѣсеца іюля 31 день, индикта 10. Копоть писаръ.

Внизу видны слѣды восковой печати. На оборотѣ акта позднѣйшая польская помѣтка о содержаніи акта. Писанъ на поллистѣ. Ветхъ. Хранится въ архивѣ Витебскаго Успенскаго собора.

5.

Запись князя Василія Ивановича Соломерецкаго Покровскому Соломерецкому монастырю. 1540 г.

Се я князь Василей Ивановичъ Соломирицкій приписую тыи люди, што есми купилъ у Вашенцовичъ су 30 копа къ церкви Божей манастырю Покрову Пресвятой Богородицы въ Соломиричу, гдѣ родители мои лежать. А естли тыи люди мои выметъ...., ино за тую тридцать копъ грошей маютъ индѣ гдѣ люди купити и къ тому тежъ манастырю въ Соломиричи тыи люди привернути. А то все чиню тымъ собѣ память и родителемъ моимъ навѣчно. А не маетъ жадинъ сынъ мой тымъ манастыремъ расправляти, ани которымъ ся обычаемъ уступати, только жона моя Ганна. А по своемъ животѣ, маетъ жона

моя тотъ манастырь полецати у въ опеку съ тыхъ моихъ сыновъ одному которому пашому сыну, видячи водлѣ годности охотнѣйшого ку церкви Божей, на вѣчную память мнѣ и родителемъ моимъ. А естли бы некако хто съ того выступить, або будетъ перекажати, тотъ будетъ со мною судъ мѣти на второе пришествіе передъ Богомъ. А мають тыи люди вышеписаныи къ тому манастырю и съ подводами, и съ дякломъ, на которую колвекъ работу игуменъ поверпеть; ани намѣстникъ Соломирецкій безъ бытности жоны моее, а, по животѣ жоны моее, сынъ нашъ, маючи тотъ манастырь у опецѣ, не маеть тыхъ винами карати людей; единъ игуменъ того монастыра маеть ими справовати, во всемъ судити и рядити и винами ихъ карати. А намѣстникъ нашъ у Соломиричи не маеть ихъ ни судити, ани радити и ни чимъ ся не уступати; бо и серебщизну игуменъ же на тыхъ людехъ маеть брати. А для всякого свѣдомья и вѣчное твердости, тое нашо приданье вышеписаное вписали есмо у Евангеліе напрестольное въ манастыри нашомъ Покрова Пресвятое Богородицы. А не маеть того приданья моего жона моя Ганна, ани дѣти наши ни которымъ обычаемъ рушити, хотя бы и тотъ Ивашенцевичь тыи люди вышеписаныи выкупилъ борздо по животѣ моемъ. Ино нихто не маеть тыми пѣнезми тридцатма копами грошей користовати. Лечь ты пѣнези мають на вѣчныи часы церкви Божей служити манастырю нашому Покрова Пресвятое Богородицы въ Соломиричахъ. А хто тое нашо приданье отъ того манастыря рушить, рушь того самого Богъ и Пресвятая Богородица въ сій вѣкъ и въ будущій. Писанъ въ лѣто 7048, мѣсеца Марта 4 день, индикта 13.

Запись эта находится въ рукописномъ Евангеліи, хранящемся въ Богоявленскомъ Кутеинскомъ монастырѣ. Въ этомъ Евангеліи въ началѣ каждаго Евангелиста

сдѣлано живописное украшеніе въ видѣ сложной арабески, переплетенной по угламъ цвѣтами, заглавіе писано четырьмя красками и заглавная буква во всю страницу. Вышеприведенная запись помѣщена на двухъ сторонахъ чистаго ласта передъ Евангеліемъ отъ Луки. Datum *переходитъ на первую страницу Евангелія отъ Луки. Подлинникъ ея писанъ съ титлами и сокращеніями.*

6.

Грамота Стефана Баторія, утверждающая уставъ и порядокъ цеха и братства шапошниковъ виленской Пречистенской церкви на Росѣ. 1582 г.

Лѣта Божего Нароженья 1588, въ четвергъ, мѣсеца Мая 5 дня.

Предъ славными паны бурмистры и радцы мѣста Виленского, на [тотъ часъ въ посполитомъ] собранью на ратуши будучими, пришедши учтивые люди закону Римского и Греческого мѣщане мѣста Виленского старшіе мистрове трохъ ремествъ, то есть шапочники, што шапки аксамитные и суконные шыють и робять, сермяжники и ноговичники, которіе до одного цеху, за вѣдомостью и позволеньемъ враду мѣстского первѣй, а потомъ за потвержденьемъ и привиліемъ его королевское милости нашого милостивого пана схадцки свое мають и всѣ справы свое цеховые посполу у одномъ собранью своемъ отправуютъ, сами зъ особъ своихъ и именемъ всее братьи своее молодшое мистровъ цеху ихъ шапочницкого явне есть оказали привилей свой цеховый отъ славное и светое памети короля его милости Стефана апан нашого зешлого, цеху ихъ сполному зъ ласки

его королевское милости на постановенье и потверженье цеху ихъ и змоцненье артыкуловъ ихъ цеховыхъ черезъ позволенье врадовое, имъ первый уфаленыхъ наданый, подъ датою року прошлого тисяча пять сотъ осмдесятъ второго, мѣсеца Мая первого дня, писаный на паркгаменѣ писмомъ рускимъ съ подписомъ руки его королевское милости и съ печатью привѣсистою великого князства Литовского. И просили, абы тотъ привилей его королевское милости, цеху ихъ наданый, врадъ мѣстскій Виленскій, до вѣдомости своее врадовое припустивши и его огледавши, для вшелякихъ пришлыхъ якихъ кольвекъ причинъ и припадковъ, абы напотомъ и завжды о немъ каждый, кому бы то вѣдати было належало, вѣдалъ, до книгъ врадовыхъ мѣстскихъ радецкихъ приняти и вписати позволили, ведлѣ спососбу и иншихъ цеховъ мѣстскихъ Виленскихъ упривиліеваныхъ. Которого привилію тымъ тромъ ремествомъ шапочъникомъ и серяжникомъ и наговичникомъ на одинъ цехъ отъ его королевское милости имъ наданого, врадъ мѣстскій Виленскій, огледавши и передъ собою его прочитати казавши, до книгъ мѣстскихъ врадовыхъ радецкихъ вписати за прозбою ихъ допустили и позволили. А такъ ся въ собѣ слово отъ слова маеть: Стефанъ, Божью милостью король Польскій, великій кназь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомоицкій, Ифлянскій, княже Седмигородское и иныхъ. Ознаймуемъ симъ листомъ пашимъ всимъ вобецъ и кождому зособна, кому бы того потреба была вѣдати, нинѣшнимъ и напотомъ будучимъ. Били намъ господару чолемъ нодданные наши, мѣщане мѣста Виленского ремесла шапочницкого оксамитного, серяжницкого и ноговичнницкого, на имя Супронъ Стефановичъ, Кузма Остановичъ, Павелъ Яковлевичъ, Тимофей Григорьевичъ, Яковъ Давыдовичъ а Гарасимъ Мвхайловичъ, сами и именемъ всее братьи своее

ремеслъ помененыхъ, и покладали передъ нами на писмѣ порадокъ братства и цеху своего сполного тыхъ трехъ ремеслъ, которій имъ за прозбою ихъ и за позволеньемъ войта, бурмистровъ и всее рады мѣста Виленского подъ печатью мѣстскою выданъ есть, просечи насъ господара, абыхмо, то ку вѣдомости нашой припустивши, тое постановленье ихъ, нижей описаное, во всемъ при моцы зоставивши, привиліемъ нашимъ то имъ утвердили. А такъ, мы господаръ, съ повинности пашое межи иншими справами непоследней постерегаючи того, яко бы въ мѣстѣхъ панства нашого, звлаща въ тутошнемъ стóлечномъ мѣстѣ Виленскомъ панства великого князства Литовского, не только што доброго порядку уняти мѣло, але и овшемъ всякій добрій порадокъ ку славѣ нашой господарской и ку доброму речи посполитое безъ шкоды и нарушенья правъ и вольностей мѣстскихъ, ку оздобѣ ихъ становити и примножати могли, за чоломбитьемъ тыхъ подданыхъ нашихъ, велѣли есмо тое постановенье цеху ихъ сполного ремеслъ поменоныхъ, передъ нами покладаное, ку вѣчной памети и твердости тыхъ всихъ речей, въ немъ нижей описаныхъ, въ сесь нашъ привилей вписати, слово отъ слова такъ ся въ собѣ маетъ: Мы, войтъ, бурмистры и радцы мѣста Виленского. Чинимъ явно тымъ нашимъ листомъ всимъ вобецъ и кождому зособна, кому бы тс належало вѣдать, нинѣшнимъ и панотомъ будучимъ, ижъ, будучи намъ въ звыкломъ собранью нашомъ на ратушу въ радѣ мѣстской, пришедши передъ насъ учтивые люди ремесла шапочницкаго, што шапки аксамитные робять, и тежъ сермяжники и ноговичники, мистрове и мѣщане Виленскіе, съ пилностью просили насъ, абыхмы имъ тыхъ трехъ ремествъ, для учтивости и порадку мѣстского, у въ одномъ мѣстцу и сполныхъ схацкахъ братство и цехъ прикладомъ иншихъ цеховъ мѣстскихъ упривиліеваныхъ

мѣти допустили и позволили, якожъ и артыкулы тому своему цеху потребные сами собѣ за намовою всее братьи своее сполне списавши предъ нами на писмѣ оказали. Которыхъ тыхъ артыкуловъ мы врадъ мѣстскій вычитавши и добре ихъ зрозумѣвши, ижъ всей речи посполитой мѣстской и иншимъ цехомъ и обывателемъ мѣсткимъ не есть на жадной переказѣ и шкодѣ, а тому ихъ братству и цеху есть потребный и пристойный, за полною намовою тымъ вышей менованымъ мужомъ и мѣщаномъ Виленскимъ троимъ реместникомъ, серм ажникомъ, то есть шапочникомъ, сермяжникомъ и ноговичникомъ, вси посполу одинъ цехъ и брацтво и схацки сполные мѣти и тыхъ всихъ артыкуловъ, которіе передъ нами показовали, вживати зъ вирхности враду нашого мѣстского въ томъ мѣстѣ Виленскомъ есмо допустили, якожъ и симъ листомъ нашимъ имъ допущаемъ и вживати имъ самимъ и потомству ихъ на вѣчные часы позволяемъ, и тые артыкулы братству и цеху ихъ уфаленые и потвержоные на писмѣ за печатью мѣстскою врадовою до цеху ихъ выдать есмо казали, которіе такъ ся въ собѣ слово отъ слова маютъ: Артыкулы потребные цеху шапочничкому. Напервѣй, водлѣ звычаю и порадку въ иншихъ цеховъ мѣста Виленского, вся братья, то есть шапочники и сермяжники и ноговичники, изшедшися въ домъ свой братскій, на сполную схацку вчиненый, въ каждый рокъ на часъ первый, то есть на день светого Юрья, свято урочистое, которое бываетъ въ мѣсецу Апрѣлю по веснѣ, за сполною намовою маютъ съ посродку себе выбрати старшихъ чотырохъ мужовъ людей добрыхъ, статечныхъ, осѣлыхъ и вѣры годныхъ, въ тыхъ ремеслахъ добре вмѣетныхъ, то есть двухъ шапочниковъ, а третего зъ ремесла сермяжницкого, а четвертого зъ ремесла ноговичницкого, которіе тые чотыри мужи обраные маютъ быть въ томъ ихъ цеху и брат-

ствѣ старостими черезъ цѣлый рокъ, порадковъ и добрихъ звычаевъ и пожитковъ цеховыхъ и братскихъ съ пилностью догледати и перестерегати мають, подъ присегами своими. И въ тыхъ же чотырохъ старостъ скринька цеховая братская, то есть въ старшого скринька, а у трехъ молодшихъ ключи въ схованью и иншіе вшелякіе справы и речи цеховые въ завѣдованію быть мають и тыежъ старостове, на рокъ обраные..... въ кождый рокъ, кгды рокъ будетъ приходить всей братьи цеховой въ дому братскомъ со всихъ справъ своихъ и пожитковъ братскихъ и и цеховыхъ личбу и скутечную вѣдомость вчинить и дать мають и будутъ новинни. Артыкулъ 2. Для потребъ братскихъ и цеховыхъ вся братья старшая и молодшая за обосланіемъ тыхъ рочныхъ до дому братского до сполной намовы повинни будутъ въ цехахъ пильновать въ каждую двѣ недѣли, то есть въ каждомъ мѣсецы разъ, до которыхъ схачокъ вси старшіе и молодшіе братья цеховые маютъ ся сходить, вси трезвы и седѣти на мѣстцахъ своихъ учтиве и пристойне и о томъ розмовлять, о што будутъ обосланы, а не о чомъ иншомъ. И каждый пришодши маетъ дати по полгрошу до скрыньки цеховое. Артыкулъ 3. А естли бы тежъ для якое потребы его ке却олевской милости нашого милостивого пана, або мѣстское, тогды на роскаsанье пановъ бурмистровъ и радецъ, не ждучи тыхъ двухъ недѣль, до дому братского вся братья цеховая обосланые сходитися, и о томъ, што отъ пановъ бурмистровъ будетъ наказано, розмавяти маютъ. Артыкулъ 4. А естли бы тежъ до поспо литое цеховое схаџки братья до того цеху вписные старшіе або молодшіе колько ихъ, альбо и одинъ которій зъ нихъ обосланый не пришолъ, каковый кождый зъ нихъ маетъ быти каранъ виною братскою, то есть за первое непристье свое маетъ дати вины до скриньки цеховое три гроши Литовскихъ, а за второе непристье

свое маеть дати шесть грошей, а за третій разъ двանадцать грошей, а за четвертый разъ яко непослушный, окромъ вшелякого отпусту, маеть дати каменъ воску, што на немъ старостове рочные пильне отправити и до скриньки цеховое маютъ взяти неотпустне о соромоту. А вѣдь же каждого брата старшого и молодшого отъ таковыхъ винъ вымовить и вольнымъ вчинить причина слушная, то есть хороба обложная, або веселье въ дому, або смерть жоны, дитяти и пріятеля. Артыкулъ 5. Тежъ до каждыхъ схажокъ цеховыхъ вси братья старшіе и молодшіе безъ брони сходитися маютъ, посварковъ або словъ неучтивыхъ одинъ другому задавати не маютъ, а естли бы тежъ которій братъ пьянъ або съ бронею до цеху пришолъ, або на которого брата слова неучтивые почалъ примавять и лаять, таковый за первымъ разомъ маетъ дати вины до скриньки дванадцать грошей, а за вторимъ разомъ гривну, то есть сорокъ осмъ грошей Литовскихъ, а за третимъ разомъ неотпустне каменъ воску и седѣнье маетъ принять на ратушу двѣ недѣли, яко непослушный и упорный, до которого седѣнья маетъ быти обосланъ мѣстскими слугами отъ ихъ милости пановъ бурмистровъ и радецъ, за обжалованьемъ старость рочныхъ. Артыкулъ 6. Тежъ естли бы свовольный а упорный братъ цеховый, которій же кольвекъ старшій або молодшій при схадцѣ цеховой, для упору своего, зваду почалъ, и которого брата чимъ же кольвекъ ранилъ або образилъ, тогды старостове рочные таковоro свовольного брата заразъ мѣстскими слугами або цеклярми поймавши, до везенья мѣсткого до ратуша маютъ дати осудити, и тамъ же на ратуши панове бурмистрове и радцы таковоro выступноко брата за то маютъ карать седѣньемъ и виною, ведлѣ узнанья своего, которыхъ винъ половица маетъ быть паномъ бурмистромъ и радцемъ и половица до скриньки цеховое. Артыкулъ 7. Ста-

роста роковый самъ который зъ нихъ старшій, або молодшій, кгды бы ся въ томъ братствѣ и цеху непристойне справовалъ и заховалъ, што было надъ пристойность цеховую, и ку шкодѣ того цеху або скриньки братское, теды вся братья цеховая таковаго старосту, за вѣдомостью враду мѣстского бурмистровского и радецкого, съ того мѣстца зложивши, а другого на то мѣстцо всадить мають. Артыкулъ 8. А для лѣпшого ихъ порядку того ихъ цеху шапочницкого, вси мистрове сами господари на ворстатѣ своемъ работниковъ то есть товаришовъ, которіе зъ мыта робять, не мають мѣти больши только товаришовъ двухъ, а хлопятъ зъ науки двухъ, которыхъ хлопятъ, кгды на ремество пріймовати будутъ, тогды на первой схадцѣ мистръ цеховый, которій до себѣ хлопца пріймуетъ, теды по выштью мѣсеца, маеть его до реестра цехового вписати и всей братьи оповѣдать, и вписного до скриньки маеть быть дано два гроши только. Артикулъ 9. Хлопятъ на таковое ремество вси мистрове цеховые не мають на большіе лѣта собѣ до службъ вытегивать, и брать только каждый съ нихъ хлопця выростка на навуку и выслугу маетъ взяти на чотыри лѣта. Артикулъ 10. Кгды хлопецъ лѣта свои вмовеные въ мистра своего цехового выслужить и ремества се навчить, теды панъ его маеть въ цеху то оповѣдать и до реестру дать вписать, а записаного маетъ быть до скриньки дано два гроши, и тотъ же хлопецъ, кгды зъ науки выйдетъ, тогды первый рокъ за товарища въ ого жъ мистра пана своего маетъ робить, а нѣ въ кого инного: а мыта за работу его до року ему маеть быть дано небольши только копа грошей Литовскихъ, а потомъ отробивши рокъ въ мистра своего и заплату взявши, вольно будетъ тому товаришу его у иншихъ мистровъ цеховыхъ зъ мыта робить еще два годы. Артыкулъ 11. Мистрове цеховые вси старшіе и молодшіе не мають одинъ отъ

другого товариша ани учня отбавять до себе, а естли бы ся таковый мистръ оказалъ, естли бы товариша або учня отъ брата своего отбавить або надъ тую уставу братскую больши въ себе товаришовъ або хлопятъ мѣлъ, або хлопца до реестру вписать не далъ, або въ ремеслѣ якую ужъ переказу вчинилъ, а то бы на его явне было показано, таковый кождый за первымъ разомъ вины маеть дать до скриньки братское грошей двванадцать, а за вторымъ разомъ дати вины грошей двадцать чотыри, а за третимъ разомъ камень воску и седѣти маеть на ратуши двѣ недѣли. Артикулъ 12. Тежъ естли бы за мистра або за брата цехового товаришъ жаденъ которій зъ науки выйдеть, не маеть быть принятъ ажъ первѣй по выштью своемъ зъ науки въ тогожъ мистра своего на варстатѣ седечи зъ мыта цѣлый рокъ будетъ робить, а потомъ у иншихъ мистровъ два роки зъ мыта маеть робить, а потомъ право мѣстское на ратуши у пановъ бурмистровъ и пановъ радецъ принять и присягу мѣсту вчинить маеть. Артыкулъ 13. А ижъ въ тыхъ ремеслахъ того цеха шапочницкого, сермяжницкого майстеръ штукъ жадныхъ чинить и вендровать отъ мѣста до мѣста товаришомъ не есть потреба, кгды жъ тое ремество и безъ того быти можеть, тогды каждый того ремества товаришъ естли бы хотѣлъ мистромъ цеховымъ зостать и на себе робить, маеть первѣй на себе мѣстское принять право, а до скрыньки цеховое братское вкупу четыри копы грошей Литовскихъ маеть дати и всее братьи упросить, абы до цеху его собѣ за брата приняли и до реестру вписали, а колацыи жадные справованы быти не мають. Артыкулъ 14. Каждому таковому товаришу цеховому и иншимъ людямъ, до того ихъ цеху не вписаному, ремество ихъ шапочницкое, сермяжницкое и ноговицкое робить по мѣстѣ шинковать и продавать невольно, але врадъ мѣстскій за прозбою и жонданьемъ ихъ таковыхъ вы-

ступныхъ, естли бы ся оказать и реместву ихъ пере-казу явную чинить мѣли, маеть гамовать и таковым свовольнымъ людямъ не маеть допущать тое работ ихъ робить, и ихъ карать маютъ винами врадовыми яко выступныхъ людей. Артыкулъ 15. Шапокъ муз-кихъ, невѣстьихъ, новыхъ, аксамитныхъ, едвабных и конныхъ подшитыхъ футромъ и неподшитыхъ ро-бить такъ тежъ и шатъ едвабныхъ и суконных старихъ на шапки перешивать и перероблявать кравцы и иншіе вшелякіе реместники не маютъ, ко-торіе до цеху ихъ шапочницкого не вписные, под срокгимъ караньемъ и подъ виною врадовою. Ар-тыкулъ 16. Мистрове цеховые и товариши и учн ихъ у продаванью своихъ товаровъ ремесныхъ н рынку и на каждомъ мѣстцу одинъ другому переказ чинити и купцовъ отбавляти и отзывати не маютъ подъ винами вышейменоваными и описаными цехо ными и врадовыми. Артикулъ 17. Крамари и крам-ници Виленскіе шапокъ невѣстьихъ подшитыхъ неподшитыхъ на крамахъ своихъ и на локтяхъ про-давати не маютъ тыхъ, которіе бы отъ кого иншог куповать, або сами робить мѣли; але отъ ремести-ковъ цеховыхъ купивши, на зыскъ продавать мает быть вольно. Артыкулъ 18. Тымъ же мистромъ це-ховымъ до потшиться шапокъ музскихъ и женских футра вшелакіе и бобри до шапокъ куповать вольн такъ отъ гостей пріѣждживхъ, яко и отъ мѣщанъ тол-ко па работу свою властную а не на перекупъ. Ар-тыкулъ 19. Гости, купцы, купчики пріѣжджые до мѣ-ста Виленского суконъ сермяжныхъ и полотна возомъ на ринку шинковаты не маютъ, але в господѣ съ комори продавати и шинковать на локот фунтомъ, вагою,.... альбо хто жъ кольвекъ домово роботы сукна або полотна до мѣста Виленского при-везъ, то вольно имъ на ринку зъ воза продавати шинковати на локоть. Артыкулъ 20. Старосте

рочные и вся братья цеховая каждый самъ отъ себе маеть того съ пильностью дозирать, абы братъ который цеховый мѣстскій...... и суконъ сермяжныхъ въ купчовъ пріѣждчихъ ие закуповалъ, але абы вся братья, ведлѣ премноженья, а звлаща люди вбогіе, хто кольвекъ што преможеть, собѣ вольно купилъ, а естли бы то на которого мистра цеховаго было переведено и досвѣтчоно, естли бы хто перекуповалъ, таковый каждый маеть быть отъ враду мѣстского и отъ братьи цеховое каранъ винами вышей описаными. Артыкулъ 21. Естли бы которій братъ цеховый умеръ, теды, по смерти его, жонѣ его тое ремество съ товаришами и учнями вольно робить и уживать только до року и до шести недѣль, а не далѣй, а потомъ маеть быти отъ враду отъ цеху ей то заборонено. Артыкулъ 22. Тежъ естли бы вдова пошла за мужъ за вдовца, або за товариша того жъ цеху и тотъ товаришъ естли бы не былъ уписный до цеху, тогды таковый товаришъ вдову, што вдову пойметь, вписного до скриньки цеховое маеть дать только двѣ копѣ грошей и право мѣстское принять, яко иншая братья. Артыкулъ 23. На похованье брата умерлого вся братья маеть быть обослана отъ старостъ рочныхъ, а естли бы которій братъ обосланій не былъ на похованью брата вмерлого, таковый вины маеть дать до скриньки три гроши Литовскихъ. Артыкулъ 24. А ижъ въ тыхъ ремествахъ вся братьи вписная есть послушенства до Церкви хрестіанского закону Грečeского, тогды олтарь и богомольство свое и приходъ свой мають мѣти до церкви *Светое Пречистое*, на предмѣстью Виленскомъ на Росѣ, на которій олтарь и на иншіе потребы церковные и на попа, ведлѣ намовы и постановенья, которое межи собою вчинять, съ тое скриньки цеховое и братское мають накладати и давати, такъ тежъ и на шпиталь. Артыкулъ 25. А до потребъ господарскихъ

и мѣстскихъ, кгды иншіе цехове мѣстскіе, веди порадковъ своихъ звыклыхъ, на спотыканье его королевское милости въ поле, або на сторожу мѣстскуи выходити будуть, тогды тотъ цехъ шапочницкій за цехомъ швецкимъ и зъ своимъ прапоромъ ходити и мѣстце мѣти мають. Артыкуль 26. Каждый мистр того цеху, которій ново мистромъ зостанеть, до року и до шести недѣль на тое ремество учня и товариша пріймовать до себе не маеть, подъ виною цеховою полкопы грошей Литовскихъ; а по выштью року и шести недѣль, вольно ему на науку приняты одного учня и товариша тежъ одного и небольшъ, и то каждый мистръ кгды учня пріймовать будетъ, теды его по принятью до себе въ чотырохъ недѣляхъ маетъ дати до реестру цехового вписати, а больши въ себе надъ тою чотыри недѣли невписного не маетъ держати надъ виною двадцать грошей литовскихъ, а кгды ся учень въ того мистра вывчить, теды оповѣдного до скриньки цеховое тотъ учень маетъ дати шесть грошей. Артыкулъ 26. Естьли бы тежъ вдова по которомъ мистру цеховомъ зосталая пошла за товариша або за учня того жъ ремества и цеху и того ремества вживать хотѣли, тогды тотъ товаришъ або учень, што вдову поиметъ, также яко и иншіе право мѣстское на ратуши принявши до скриньки цеховое чотыри копы грошей литовскихъ маетъ дати.—Артыкулъ 28. А сынове мистровскіе естьли бы по смерти отцовской, або и за живота отца своего оженившися, мистромъ цеховымъ зостать и на своемъ варстатѣ тое ремество робить которій съ нихъ хотѣлъ, теды до скриньки братское не маетъ большъ дать только дванадцать грошей Литовскихъ.— Артикулъ 29, Тежъ естли бы которій мистръ цеховый або и товарищъ тогожъ ремества и цеху, взгаржаючи братьею своею цеховою, а тыхъ артыкуловъ и всего цеху послушнымъ быти и до

схажокъ цеховыхъ за обосланьемъ отъ старшихъ приходити не хотѣлъ, або естлибы покутне зъ дому подъ правомъ мѣстскимъ лежачого подъ присутъ замковый выпровадившися и бискупій и якійкольвекъ иншій, поддавшися ку шкодѣ того цеху ремество робить хотѣлъ, таковому каждому непослушному а упорному съ цеху маеть быть заказано, абы жаденъ хлопецъ ани ученъ ани товаришъ у него не робилъ, и на ринку до торгованья не маеть быть припущонъ и за помочью вряду мѣстского маеть быть грабенъ и каранъ седѣньемъ и виною, ведлѣ узнанья врадового.
Артыкулъ 30. Естли бы тежъ которому брату цеховому албо комужъ кольвекъ потреба якая вказывала цехъ обослать, тогды за тое обосланье до скриньки братское не маеть быти дано большъ только гроши три, а слугамъ цеховымъ, которіе обходить будуть, гроши два; а вѣдь же естли бы въ потребѣ якой комужъ кольвекъ выналезокъ цеховый здалъ се быть неслушный, теды тотъ, хто цеху обосланья потребовалъ, маеть ся съ тою справою, которую въ цеху мѣти будеть, отозвать на ратушу до пановъ бурмистровъ и радецъ и тамъ же на ратушу разсправу и розсудокъ отъ враду мѣстского собѣ одержать и приняти маеть.
Артыкулъ 31. Тежъ на торгъ зъ речами або товаромъ продажнымъ каждый мистръ отъ себе не маеть посылать хлопятъ, только по одному, и въ продажи тыхъ своихъ товаровъ, такъ тежъ и у приймованью роботы и челяди або учневъ своихъ, одинъ другому не маеть чинить жадное переказы и шкоды подъ виною цеховою полкопы грошей Литовскихъ.— Надъ то все тотъ цехъ пречечоный съ тыхъ винъ цеховыхъ имъ иншихъ грошей, которіе до скриньки ихъ цеховое и братское приходити будуть, маютъ и повинни будуть, ку потребѣ и оздобѣ речипосполитое мѣстское, зброи и ручницы куповать и барвы и иншіе речи, цеху належачіе, справовать, и въ томъ же цеху

и братствѣ своемъ ховать приспораючи и прибавляючи въ каждой рокъ ведлѣ премноженья цеховoго што быти можеть. Писанъ у Вильни. Лѣта отъ Нароженья Сына Божого Пана и Збавителя нашого тисеча пять сотъ осмдесятъ второго, въ четвергъ, четвертое недѣли по Великодню, мѣсеца Мая десятого дня. У того постановенья ихъ печать мѣста Виленского и подписъ руки писарское тыми словы: Иванъ Андреевичъ Куянъ, писаръ мѣста Виленского, властная рука. Которое постановенье и порядокъ цеху и братства сполного шапочницкого аксамитного и суконного ремесла, ноговичницкого и сермяжного, передъ нами покладаного и въ сесь нашъ привилей вписаного, мы, господарь, ни въ чомъ ненарушаючи, во всихъ пунктѣхъ и артыкулѣхъ при моцы оставили есмо, и симъ привилеемъ нашимъ то имъ вѣчне утвержаемъ. Ку тому тежъ просили насъ господаря вышейописаные подданые наши мѣщане цеху того сами и отъ всее иншое братьи своее, абыхмо имъ тую вольность, которая въ постановенью ихъ описано не было, прикладомъ иншихъ цеховъ, отъ насъ упривилѣеваныхъ надали, ижъ бы имъ въ каждый рокъ чотыри разы празники свои, то есть первый на день Светого Юрья Вешнего, другій на день светого Яна, третій на день Нароженья Пречистое Светое, а четвертый на Громницы (Срѣтеніе) вольно мѣти и медъ розсытивши, водлугъ потребы братское, на каждое такое свято по три дни тотъ медъ сытивши межи собою выпить, а воскъ зъ розсыченья того меду оборочати на свѣчи до церкви Светое Пречистое на Росѣ и тежъ на пoхованье умерлыхъ, и абы есмо ихъ отъ плаченья капщизны, чопового и отъ медницъ вызволили а тотъ домъ братства ихъ отъ стоянья всякого гостя вольнымъ учинили, ижъ бы они тымъ снаднѣй всякіе справы свои, братству ихъ належачіе, безъ переказы справовати могли. Въ чомъ мы, господарь, прозбу

ихъ видечи быть слушную, позволили есмо и симъ привильемъ нашимъ вольность имъ даемъ, ижъ они мають въ каждый годъ по чотыры разы на празники вышейпомененые ку потребѣ братству медъ сытити, и на каждое таковое свято медъ розсытивши по три дни межи собою пити и воскъ зъ розсыченья таковаго меду мають оборочать на свѣчи до Светое Пречистое на Росѣ, и тежъ на пafованье умерлыхъ, отъ котораго розсыченья меду на празники менованые не мають они капщизны, чопового и отъ медницы давати и платити не будутъ повинни вѣчными часы, а особливе тотъ домъ братскій, лежачій на Росѣ, недалеко отъ церкви Светое Пречистое на предмѣстью подлѣ дому Хомы Роского, до которого се они въ потребахъ братскихъ сходять и праздники мѣваютъ, отъ станья всякихъ гостей, такъ при бытности нашой господарской въ тутошнемъ мѣстѣ Виленскомъ, яко и безъ бытности нашое, вольнымъ чинимъ и вѣчне симъ привильемъ нашимъ вызволяемъ и на твердость тыхъ всихъ речей и вольностей, тому цеху и братсвту шапочницкому, серимжницкому и ноговичницкому отъ насъ имъ наданого, дали есмо сесь нашъ привилей съ подписомъ руки нашое господарское, до которого и печать нашу привѣсити есмо велѣли. Написанъ у Вильни. Лѣта Божьего нароженья 1582, мѣсеца Мая 21 дня. Въ того привилею подпись руки его королевской милости Латинскими словы есть написано: Stephanus Rex, и подпись руки писара его королевской милости Русскими словы: Венцлавъ Агрипа, писаръ. А по вписанью того привилея его королевской милости до книгъ врадовыхъ вышейпомененному цеху шапочницкому, сермяжницкому и ноговичницкому выданъ есть.

Внизу видны слѣды печати. Писанъ на пергаминѣ большаго формата. Хранится въ библіотекѣ Литовской Духовной Семинаріи.

7.

Увязчій (вводный) листъ дворянина Годе(б)скаго епископу Полотскому Аөанасію Тер(ле)цкому, на владѣніе имѣніями архіеписко(пі)іи, съ инвентаремъ. 1588 г.

I. Я, Өедоръ Кгодебскій, дворянинъ его королев(ь)ское милости, сознаваю тымъ моимъ увяждчымъ ли(с)стомъ, ижъ, за посланьемъ и листовнымъ росказаньемъ его королевское милости пана моего милостивого, на поданье имѣней, добръ владычеству Полоцкому, Витебскому и Мстиславскому належачыхъ, велебному въ Бозѣ его милости архіепископу владыцѣ Полоцкому, Витебскому и Мстиславскому киръ Афтанасію Терлецкому, за данною оному отъ короля его милости, тогды въ року теперѣшнемъ тисяча пятьсотъ осмъдесятъ осмомъ, мѣсеца декабря третего дня, будучы мнѣ тутъ у Полоцку, въ замку вышнемъ Полоцкомъ, у дому намѣстника Полоцкого, пана Якуба Семашка, пры отправованью на онъ часъ рочковъ кгродскихъ, а маючы пры собѣ возного земли Полоцькое, именемъ Деменьтея Прокоповича, отъ тогожъ пана Якуба Семашка, намѣстника Полоцького, зъ уряду прыданого, и сторону шляхту людей добрыхъ, и напервѣй показываломъ передъ паномъ намѣстникомъ и передъ немало людьми добрыми шляхтою, обывательми воеводства Полоцького, которые на тотъ часъ при врадѣ были, прывилей данину его королевское милости, на тую архіепископію Полоцькую верхопомененному его милости архіепископу даный. Показываломъ тежъ два листы его королевское милости, то есть: одинъ листъ до всихъ обывателей воеводства Полоцького, а другій листъ до его милости пана воеводы Полоцького писаные, въ которыхъ писати его королевская милость росказати рачылъ (изволилъ), абы такъ ихъ милость,

панове обыватели земли Полоцькое, яко тежъ и его милость панъ воевода, о томъ вѣдаючы воли его королевское милости, въ томъ противни не были. Подаломъ тежъ до пана намѣстника листъ отвористый отъ его милости пана воеводы Полоцького до него писаный, въ которомъ его милость писать росказати рачылъ, абы онъ вси имѣнья и пожитки, владычеству Полоцькому належачые, такъ, яко то зошлый архіепископъ Полоцькій, небожчыкъ (покойный) отецъ Өеофанъ Богданъ держалъ, черезъ мене, посланца его королевское милости, тому архіепископу теперешнему отцу Афтанасію Терлецкому въ моцъ и вжыванье подавати не забораня лъ. Которые листы его королевское милости передъ урядомъ и передъ всими паны шляхтою, которые на онъ часъ были, чытаны. А по прочытанью тыхъ листовъ, панъ намѣстникъ, не хотечы на онъ часъ чытать вслухъ передъ всими людьми листу пана воеводиного, до него писаного, взявшы его отъ мене, до дня третего на отказъ мнѣ съ того листу, то есть, сегожъ мѣсеца Декабра пятого дня, отложылъ. Вѣдь же я домагаломъ ся того, абы тотъ листъ его милости пана воеводинъ до книгъ кгродскихъ Полоцькихъ слова отъ слова вписанъ, а мнѣ выписъ съ книгъ выданъ былъ. На што панъ намѣстникъ позволившы, тотъ листъ до книгъ кгродскихъ вписати казалъ, а мнѣ выписъ подъ печатью его и съ подписомъ руки писара кгродского Полоцького, пана Миколая Подборского, одъ нихъ выданъ естъ. И кгды тотъ пятый день мѣсеца Декабра прыпалъ, тогды панъ намѣстникъ, не кончечы тое справы со мною, зложылъ ми еще рокъ до дня третего, сего мѣсеца Декабра семого дня, давшы того прычыну, же дей безъ ознайменья ихъ милости пановъ шляхты, а меновите пану Есифу и пану Андрею.... Рыпиньскимъ, сыномъ владыки зошлого Полоцького, и иншымъ паномъ шляхтѣ, которые сполне со мною церковъ Светое

Софеи печатовали: отказу и становенья скутечного (положительнаго), вашмостю пане Кгодебскій, чынити не могу, а такъ будь дей вашмость до того дня терпливымъ. А кгды тотъ день самый мѣсеца Декабра прыпалъ, домагаломъ ся у пана намѣстника, абы имѣнья и вси добра, къ владычеству Полоцькому прыслухаючые, въ воеводствѣ Полоцькомъ лежачые, тому, кому то належыть, черезъ мене подаваны были, и абы се онъ водлугъ листу его милости пана воеводиного заховуючы, воли его королевское милости ни въ чомъ противенъ не былъ. На то панъ намѣстникъ повѣдилъ: готовъ дей есми росказанью его милости пана моего досить чынити, ино же дей перьвѣй вашмость возми отъ мене зъ завѣданья церковъ Светое Софеи зъ скарбами церковными, тутъ у замку вышнемъ Полоцкомъ, тогды дей и вси имѣнья, владыцѣ належачые, вашмость подавати будешъ. А язъ, ему на то отказъ чинечы, повѣдилъ тыми словы: кгды отецъ владыка не будетъ мѣть за поданьемъ отъ мене имѣней, съ которыхъ бы сторожа, водлугъ давного звычаю, той церкви зъ скарбами, которыхъ, яко маю вѣдомость, же есть много, быти мѣла, тогды нельза ми се то важить, абыхъ перьвѣй церковъ отъ вашмостя взялъ, а потомъ имѣнья; але нехай поѣду по тыхъ имѣньяхъ подаючы ихъ его милости архіепископу, тамъ же взявшы певную вѣдомость о той сторожы, съ которага села передъ тымъ до тое церкви належала, тогды, взявшы сторожовъ, а оттулъ *)....... Светое Софеи зъ скарбами зъ завѣданьа отъ вашмостя вземшы, его милости архіепископу самому, або умоцованому его милости, подамъ; якожъ панъ намѣстникъ наперьвѣй самъ черезъ себе подалъ мнѣ дворъ владычный, въ замку вышнемъ Полоцкомъ, пры церкви Светое Софеи, который я зъ владзы пана намѣстниковой взявшы, бу-

---

*) „Зверпувши и тую церковь." Въ текстѣ выблекли чернила.

дованье въ немъ на особливый реестръ списалъ есми; а потомъ, прыдавшы мнѣ панъ намѣстникъ служебника своего Яна Миколаевича и того жъ возного Дементьея Прокоповича зъ ураду, до тыхъ имѣней ѣхати и его милости архіепископу самому, або умоцованому его милости, подавати позволилъ. А такъ я, заховуючыся водлугъ воли и листовного росказанья его королевское милости, а маючи пры себѣ того возного повѣтового зъ служебникомъ пана намѣстниковымъ, а земянина господарьского воеводства Полоцького пана Семашка Яцьковичу Телицу, и наперьвѣй въ року теперешнемъ осмдесятъ осмомъ, мѣсеца Декабра осмого дня, у Четвергъ, прыѣхавшы до фольварку владычнего, до двора, называемого Струненьского, у мили отъ Полоцка лежачого, будованья въ немъ все и подданыхъ меновите, также шкоды,........ раду Полоцкого, по зостью небожчыка владыки починеные, на особливый реестръ по достатку списалъ и сыну его милости архіепископа Полоцького, пану Богдану Терлецкому, за моцъю, ему отъ отца его даною, въ моцъ подалъ есми. А потомъ назавтрѣе у Пятницу, сего-жъ мѣсеца Декабра девятого дня, прыѣхавшы мнѣ до другого села владычнего, называемого Усвицы, подданыхъ всихъ меновите и шкоды ихъ на тотъ же реестръ списалъ и тому пану Богдану Тарлецькому подалъ есми. Того-жъ дня прыѣхавшы мнѣ до фольварку владычнего, называемого Тенвченьского, а маючы пры собѣ того-жъ возного съ служебникомъ пана намѣстниковымъ и вжо двухъ шляхтичовъ. то есть: земянина господарьского воеводства Полоцького пана Григорья Шышку и того-жъ пана Семашка Телицу, будованье въ немъ все и подданыхъ меновите, также шкоды ихъ, на тотъ же реестръ списавшы, тому-жъ умоцованому подалъ есми; вѣдь же тамъ у дворцы на Тетчы обачывшы не мало людей, зачынивсешы ся имъ у свѣтлицѣ, и посламомъ

того возного и тыхъ двухъ шляхтичовъ, довѣдываючы се о тыхъ людехъ, для чого тутъ, у тотъ дворецъ зъѣхавшы се, прыбываютъ, а и впоминаючы тежъ оныхъ, абы вжо съ того дворца владычнего прочъ ѣхали, кгды-жъ вжо тотъ дворецъ его милости отцу владыцѣ Полоцькому подаломъ; которые, за наупомненьемъ возного, повѣдилъ одинъ зъ нихъ до возного, иже-имъ я естъ урадникъ Черсвяцкій Станиславъ Мерла, и за росказаньемъ его милости пана намѣстника Полоцького, пана Якуба Семашка, и пана Миколая Подборского, писара кгродского Полоцького, увезанья въ тотъ дворецъ бороню и не поступуе, а ижъ вжо тотъ дворецъ и люди списавшы на инвентаръ, подалемъ, а никто ми не бронилъ. . . . . . . то и самъ я мовилъ до нихъ, абы вжо тому дворцу Течьчы дали покой и съ тое свѣтлицы абы прочъ шли. А они тежъ, оповѣдавшы се возному и сторонѣ, вышедшы съ свѣтлицы, съ того дворца прочъ отъѣхали. А на третій день, того-жъ мѣсеца Декабря десятого дня, у Суботу, съ тымъ вознымъ и зъ стороною шляхтою верхопомененою, пры служебнику пана намѣстниковомъ, прыѣхавшы мнѣ до четвертого села владычнего, называемого Завечелья, подданныхъ всихъ меновите и шкоды ихъ на тотъ же реестръ списавшы, тому умоцованому подалъ есми, а того подаванья тыхъ фольварковъ и селъ, меновите Струньни зъ населицами и зо всими прылеглостями, Течьча, Усвицы и Завечелья мнѣ на онъ часъ нихто не боронилъ. Того-жъ дня прыѣхавшы мнѣ и до пятаго села владычнего, называемого Долецъ Великихъ и Веснищка, тамъ служебникъ пана Ленарта Чарнавского, служебникъ его милости пана воеводы Полоцького, Станиславъ Боровскій, показавшы листъ отворыстый отъ пана своего, до него писаный, а маючы пры собѣ многихъ козаковъ Полоцькихъ съ розными бронями, до бою належачыми, именемъ пана своего мнѣ, посланцу короля его мило-

сти, спротивился и тыхъ селъ верхопомененыхъ умоцованому архіепископа Полоцкого подавати и подданыхъ на реестръ списовати мнѣ не допустилъ; завинившы тымъ подданымъ подъ стома копами грошей на пана воеводу Полоцкого, срокго имъ грозилъ, абы мене, также и того, кому бымъ ихъ подавати мѣлъ, послушни не были, повѣдаючи, же дей панъ мой мнѣ тыхъ селъ, которые-я отъ него въ завѣданью своемъ маю, до горла боронити казалъ, и такъ дей того боронити буду. А затымъ я, освѣтчывшыся тымъ вознымъ и стороною шляхтою, людьми добрыми верхопоменеными, прочъ есми оттуль отъѣхалъ. А назавтрее у Недѣлю, сего-жъ мѣсеца Декабра одинадцатого дня, прыѣхавшы мнѣ до шостого имѣнья владычнего, называемого мѣстечка Воронеча, тамъ забѣгши тотъ же верхопомененый Станиславъ Боровскій, тыми жъ словы именемъ пана своего мнѣ противилъ се и того имѣнья Воронеча умоцованому архіепископа Полоцького подавати и подданыхъ списывати мнѣ не допустилъ, завинившы тымъ подданымъ подъ тисечма копами грошей на пана воеводу Полоцкого, срокго имъ грозилъ, абы мепе и того, кому бымъ ихъ подавати мѣлъ, послушни не были, и повѣдилъ, ижъ дей и того имѣнья зъ роскаванья пана моего моцно боронити буду. Яко жъ я оттуль, освѣтчывшыся вознымъ и сторопою шляхтою, людьми добрыми верхопоменеными, прочъ есми отъѣхалъ. Того-жъ дня, прыѣхавши мнѣ до семого села владычнего, называемого Уличъ, тамъ забѣгши тотъ же Станиславъ Боровскій, тыми жъ словы мовилъ и именемъ пана своего мнѣ спротивилъ се и того села Улича умоцованому архіепископа Полоцкого подавати и подданныхъ списывати мнѣ не допустилъ и повѣдилъ: не задавай дей вашмость, пане Єгодебскій, собѣ трудности и працы, абысь мѣлъ ѣздити до тыхъ селъ владычнихъ, меновите до Бѣлого,

до Каменя Хороброва, до Крынокъ, до Деготокъ, до Оходна и до Звоного, бо дей конечне маючы росказанье пана своего, тыхъ всихъ селъ моцно бороню и боронити буду. Што все я тымъ возным и стороною шляхтою, людьми добрыми, освѣтчалъ. А ижъ я взялъ того певную вѣдомость, же сторожа до церкви Светое Софеи зъ села Дольца и Весницка, которыхъ мнѣ подавати не допущоно и спротивено се, передъ тымъ здавна належала, съ тыхъ прычынъ, не маючы певное сторожы до тое церкви зъ скарбами, на сей час зъ завѣданья пана намѣстникового брати и ее отпечатовати, такъ-же скарбовъ списовати, важыти ся не смѣлъ есми. А потомъ, прыѣхавшы мнѣ тутъ до Полоцка, року теперешнего осмдесятъ осмого, сего мѣсеца Декабра дванадцатого дня, у Понедѣлокъ, ходилъ съ тымъ же вознымъ и съ тою стороною, людьми добрыми вышейноменеными, до ратуша мѣста Полоцкого. Тамъ же кгды панъ Дмитръ Добрынскій, лентвойтъ Полоцкій, посполъ зъ бурмистрами, райцами и лавниками мѣста Полоцкого, яко дня судового на справахъ мѣстца свои засѣли, тогды, показавши я передъ ними листъ его королевское милости пана моего милостивого, до мене писаный, домаголъ ся, повѣдаючы тыми словы, ижъ маю того вѣдомость, же архіепископъ зошлый Полоцкій, отецъ Өеофанъ Богданъ, мѣлъ пляцы свои тутъ у мѣстѣ Полоцкомъ на посадѣ Великомъ у Плиговкахъ, на которыхъ пляцахъ люди побудовавшы се мѣшкають и повинность всякую зошлому владыцѣ полнивали; а такъ хотечы я и то зъ рамени его королевское милости теперешнему архіепископу Полоцкому, его милости отцу Афтанасію Терлецкому, водлугъ листу его королевское милости, до мене писаного, подать; напоминаю и прошу васъ, абысте зъ владзы враду вашого тымъ мѣщаномъ всимъ передо мною стати казали, абымъ ихъ на реестръ списалъ и тому, кому то н

лежить, подалъ. Тогды панъ лентвойтъ, обмовившы се зо всею радою мѣстскою, на тые слова мои отказъ чинечы, повѣдилъ тыми словы: не есть дей то у вѣдомости нашой, абы отецъ владыка зошлый мѣщане свои и пляцы тутъ у мѣстѣ Полоцькомъ на посадѣ Великомъ у Плиговкахъ за жывота своего мѣти мѣлъ; про то дей и теперь уступовать вашмостю не маемъ чого, бо дей не есть есмо мощни мѣщанъ короля его милости ни............ заводить, але дей его королевская милость, вольно хотя и по........., мѣста Полоцкого кому хотечы отдать. Затымъ освѣтчывшыся я возным з стороною, людьми добрыми, прочъ есми зъ ратуша отшолъ. А тотъ прывилей и листы короля его милости до пановъ шляхты, обывателей земли Полоцкое, до его милости пана воеводы Полоцького и до мене дворанина господарского писаные, для подпору права его милости архіепископу Полоцькому, до рукъ сына его милости, верхопомененого пана Богдана Терлецького, отдалъ есми. И на томъ его милости отцу Афанасію Терлецькому, архіепископу Полоцькому, черезъ сына его милости пана Богдана Терлецькего, далъ сесь мой увяжчый листъ, подъ моею печатью и подписомъ властное руки моее, такъ же подъ печатьми и подъ написаньемъ рукъ властныхъ возного повѣтового Деменьтея Прокоповича и тыхъ пановъ шляхты, которые въ той справѣ при мнѣ были и того суть добре свѣдоми, то есть: пана Грыгорья Шишки и пана Семашка Телицы. Писанъ у Полоцку. Лѣта по Нароженью Сына Божего тисеча пятьсотъ осмдесятъ осмого, мѣсеца Декабра трынадцатого дня, водлугъ нового календару.

Подписи сдѣланы по руски. Телица подписался красною вязью. Печати истерлись. Доставленъ о. Юркевичемъ. Писанъ на двухъ листахъ. Весьма ветхъ.

II. Реестръ, альбо инвентаръ списанья добръ имѣней и селъ, владычеству Полоцкому прислухаючыхъ, у земли Полоцкой лежачихъ, которые я Ѳедоръ Кгодебскій, дворянинъ его королевское милости, велебному въ Бозѣ его милости архіепископу владыцѣ Полоцкому, Витебскому и Мстиславскому, киръ Афтанасію Терлецкому, въ моцъ подалъ есми року теперешнего 1588, мѣсеца Декабра, розными днями.

То есть наперьвѣй дворъ владычній въ замку вышнемъ Полоцкомъ. Въ немъ будованья: свѣтлицы двѣ на подклѣтахъ напротивко себе, одна съ коморою, межы ними сѣнь, свѣтлица поземная, изба напротивко, межы ними сѣнь, свѣтлица на подъизбицы, напротивко клѣть на подклѣтѣ, межы ними сѣнь, спижарня на пивницы, стайня, броваръ старый, лазня, клѣточка малая.

Ку тому двору замковому фольварокъ у мили отъ Полоцка, прозывтемый на Струньни. Въ немъ будованье: свѣтлицы двѣ съ коморами напротивко себе, одна съ нечью, а другая безъ печы, межы ними сѣнь непокрытая, изба челядная зъ сѣньми, одрына форостеная, соломою покрытая, у гумнѣ осѣть одна. Въ томъ фольварку и въ гумнѣ збожья ниякого молочоного и не молочоного и на поляхъ засѣяного, также ни якое маетности, кони и быдла въ оборѣ нѣтъ ничого.

Церковь передъ дворомъ новопостановленая, заложенья Светого Пророка Ильи.

Подданые прихожыя, до того фольварку прислухаючые, меновите на поселицахъ: старецъ Васко Якимовичъ — дымъ 1, Стасъ Михновичъ — дымъ 1, Петръ Яновичъ—дымъ 1, Савиная вдова, именемъ Овдотья—дымъ 1, Андрей съ Хары(то)номъ—дымъ 1, подданый церковный Иванъ Безносичъ—дымъ 1, Андрей Ильиничъ Барверъ—дымъ 1, Бояринъ на Бѣлѣ Водѣ, Иванъ Грышковичъ—дымъ 1.

Повинность съ тыхъ подданыхъ за рокъ тепереш-

ній осмдесятъ осмый, мѣсеца августа одинадцатого дня, черезъ врадника зошлого архіепископа Полоцкого Ѳеофана Богдана, черезъ Илью Туковича, выбраная, то есть: старецъ Васко Якимовичъ далъ грошей копъ 2, Стасъ Михновичъ далъ грошей копу 1, Петръ Яновичъ далъ грошей копу 1, Савиная вдова, именемъ Овдотья, дала грошей копу 1, Андрей съ Харытономъ дали грошей копу 1; чынить грошей копъ шесть.

По смерти отца владыки зошлого Ѳеофана Богдана, намѣстникъ Полоцкій панъ Якубъ Семашко съ тыхъ же подданыхъ взялъ, то есть: у старца Васка Якимовича грошей копъ 3, у Стася Михновича взялъ грошей копъ 2, у Петра Яновича взялъ грошей копъ 2, у Савиное удовы грошей копъ 2, у Андрея и въ Харытона грошей копъ 2; чынить грошей копъ одинадцать.

А надто надъ повинность тыхъ подданныхъ, служебникъ пана Ленарта Чарнавского, Станислявъ Боровскій, прымушаючы ихъ до роботы незвыклое, о шкоду прыправовалъ, то есть, черезъ шесть недѣль наймуючы роботниковъ, на кождую недѣлю по десети грошей даючы, на роботу до него посылали, въ чомъ они, кождый зъ нихъ, шкодують собѣ по копѣ грошей Литовскихъ; чынить грошей копъ пять.

Фольварокъ на Тетъчы: въ немъ будованья, то есть: свѣтлица новая зъ сѣньми, свѣтлочокъ старыхъ также зъ сѣньми двѣ, одна безъ печы; клѣтей старыхъ двѣ; изба челядная зъ сѣньми непокрытыми; стайня безъ воротъ, соломою покрытая; лазня; гумно, въ которомъ будованья большъ нѣтъ; только осѣтъ одна. Въ томъ фольварку и въ гумнѣ збожья ни якого молочоного и не молочоного и на поляхъ засѣяного, также ни якое маетности, коней и быдла въ оборѣ нѣтъ ничого.

Церковъ передъ дворомъ заложенья Светого пророка Ильи; въ ней книгъ розныхъ личбою семъ; евангеліо серебромъ оправное, позлотисто.

По смерти отца владыки зошлого въ року теперешнемъ осмдесятъ осмомъ зостало збожья пашни дворное у гумнѣ не молочоного, то есть: жыта копъ двадцать, пшеницы копъ полтрети, ярицы копъ три, ечменю копъ полторы, овса полкопы. Съ того вымолочоно, за росказаньемъ пана намѣстниковымъ, жыта бочокъ Полоцкихъ десеть, пшеницы осминокъ пять, ярицы бочка одна, ечменю осминокъ чотыри.

Подданые прыхожые, ку тому фольварку прислухаючые: Старецъ, на име Охромей Демидовичъ Краско—дымъ 1, Андрей Олексѣевичъ—дымъ 1, Лаврынъ Юрьковичъ—дымъ 1, Ходоръ Семеновичъ—дымъ 1, Васко Семеновичъ—дымъ — 1, Ониско Готовчичъ—дымъ 1, Софронъ Бородавичъ—дымъ 1, Нестеръ Антиповичъ Бурый — дымъ 1, Олексѣй Петровичъ—дымх 1, Крапъ Семеновичъ—дымъ 1, Иванъ Яковлевичъ—дымъ 1, Иванъ Шершневичъ—дымъ 1, Матеей Ивановичъ Сопко—дымъ 1, Матеей Ламачъ — дымъ 1, Бирна Латышъ — дымъ 1, Янко Белышевичъ—дымъ 1, Янко на Веркудѣ—дымъ 1, Курыло на Веркудѣ—дымъ 1, Никипоръ Провада—огородникъ 1.

Повиность съ тыхъ подданыхъ намѣстникъ Полоцкій панъ Якубъ Семашко, черезъ служебника своего Ивана Поповку, выбралъ, то есть, зо всего села огуломъ взялъ доли мѣрою Полоцкою зо всякого збожа, а меновите: Жита бочокъ 23. Ярицы бочокъ 9 и полъ. Пшеницы бочокъ 5. Ечменю бочокъ 7 и полъ. Гречихи бочокъ 5. Гороху бочка 1 и осминокъ 5. Коноцель сѣменныхъ бочка 1.

Всего того збожья чинить бочокъ сорокъ семъ и осминокъ двѣ, которое все збожье, такъ пашни дворное, яко и дольное, панъ намѣстникъ, нѣтъ вѣдома, гдѣ обернулъ.

Къ тому фолварку Тетчонскому село Уевица; въ немъ люди прихожые, меновите: Старецъ, на име Васко Иваиовичъ Плѣшко — дымъ 1, Карпъ Тимофее-

евичъ—дымъ 1, Грыдько Ивановичъ Плѣшко—дымъ 1, Купрыянъ Омельяновичъ—дымъ 1, Охромей Марковичъ—дымъ 1, Конашъ Ивановичъ—дымъ 1, Кононъ Климятичъ—дымъ 1, Денисъ Науиовичъ—дымъ 1, Яковъ Левоновичъ Тараль—дымъ 1, Иванъ Левоновичъ Тараль—дымъ 1.

Повинность съ тыхъ подданыхъ за рокъ теперешній осмдесятъ осмый черезъ пана Марка Рыпинского, сына отца Владыки зошлого, еще пры животѣ отца его выбраная, то есть: у Старца Васка Ивановича Плѣшка взялъ грошей 80, у Карпа Тимоѳеевича взялъ грошей копъ 2 и грошей 10, у Грыдька Ивановича Плѣшка взялъ грошей копъ 2, у Купрыяна Омельяновича взялъ грошей 50, у Охромея Марковича взялъ грошей копъ 2, у Конаша Иваповича взялъ грошей 100, у Дениса Наумовича взялъ грошей копу 1, у Якова Левоновича Тараля взялъ грошей копъ полторы, у Ивана Левоновича Тараля взялъ грошей копъ полторы; сумою чынить грошей копъ четырнадцать.

По смерти небожчыка отца владыки зошлого Ѳеофана Богдана, намѣстникъ Полоцкій панъ Якубъ Семашко знову съ тыхъ подданыхъ повинность въ року теперешнемъ осмдесятъ осмомъ выбиралъ, а меновите: у старца Васка Ивановича Плѣшка взялъ грошей 80, у Карпа Тимоѳеевича взялъ грошей копъ 2 и грошей 10, у Грыдька Ивановича Плѣшка взялъ грошей копъ 2, у Купрыяна Омельяновича взялъ грошей 50, у Охромея Марковича взялъ грошей копъ 2, у Конаша Ивановича взялъ грошей 100, у Конона Климятинича взялъ грошей 24, у Дениса Наумовича взялъ грошей копу 1, у Якова Левоновича Тараля взялъ грошей копъ полторы, у Ивана Леоновича Тараля взялъ грошей копъ полторы; сумою чынить грошей копъ четырнадцать и грошей 24.

Иванъ Ларыоновичъ Поповка, прыѣхавши до села

Усвицы.свовольне взялъ на тыхъ подданыхъ верхопомененыхъ зо всего села напервѣй грошей 72, жита мѣры Полоцкихъ—2, а въ тотъ часъ жито куповано въ торгу по сороку грошей; ечменю—полмѣры, который на тотъ часъ куповано мѣру по двадцать чотыры гроши; куровъ—20, а самаго Васка Плѣшка безвинне до везенья у ланцугъ (чѣпь) сажалъ, и зособна взялъ на немъ грошей 53.

Ку тому жъ двора Тетченскому село Завечелье; подданые того села, меновите: старецъ Сидоръ Ивановичъ—дымъ 1, Лука Кузминичъ—дымъ 1, Васко Даниловичъ—дымъ 1, Коношъ Карниловичъ—дымъ 1, Пилипъ Сопроновичъ — дымъ 1, Иванъ Купрыяновичъ—дымъ 1, Трухонъ Юдиничъ—дымъ 1, Иванъ Довыдовичъ—дымъ 1, Сидоръ Ходоровичъ—дымъ 1, ДемешкоХодоровичъ—дымъ 1,Грышко Корниловичъ—дымъ 1, Омельянъ Кононовичъ—дымъ 1, Карпъ Наплѣхъ—дымъ 1.

По смерти отца владыки зошлого Ѳеофана Богдана, въ року теперешиемъ осмдесять осмомъ, намѣстникъ Полоцкій Якубъ Семашка повинность съ тыхъ подданыхъ выбралъ; огуломъ зо всего села взялъ доли четвертое зо всякого збожья мѣрою Полоцкою, то есть:........

Шкоды тыхъ подданыхъ: напервѣй выбранъ серебщызны: взялъ панъ намѣстникъ зо всего того села отъ сохъ семнадцати по грошей трынадцати и по два пѣнези; того сумою чынить грошей копъ тры и грошей сорокъ чотыры, пѣнязи чотыры.

А потомъ—въ тый день съ тыхъ же подданыхъ, вмѣсто сторожовщызны, надъ звычай и повинность стародавную, взялъ грошей копъ двѣ и грошей чотыры; у старца Ивановича а у Луки Кузминича взялъ невинне овса бочки тры.

ЦЕРКВИ У ПОЛОЦКУ.

Церковъ соборная Светое Софѣи въ замку вышнемъ Полоцкомъ.

Добра, на прыдѣлы въ той церкви наданые:

къ прыдѣлу Светое Тройцы село въ Замшанѣхъ, наданое отъ великого князя Полоцкого Андрея; человѣки тры передѣ тымъ было;—

къ тому-жъ прыдѣлу село на Вшачы, наданное отъ великого князя Полоцкого Семена; въ томъ селѣ передъ тымъ было человѣковъ пять;—

къ тому-жъ прыдѣлу у мѣстѣ Полоцкомъ на посадѣ Великомъ было передъ тымъ дворищъ семъ, на которыхъ мѣщане мѣшкаючы, попу поземъ плачивали;—

ку придѣлу Всихъ Светыхъ село у Кушликахъ, наданье земянъ Полоцкихъ пановъ Корсаковъ; въ томъ селѣ передъ тымъ было человѣковъ семнадцать.

Церковъ Светого Спаса у мѣстѣ Полоцкомъ на посадѣ Великомъ.

Церковъ на томъ же посадѣ Рожества Хрыстова. Къ той церкви село на Рожтовскомъ, человѣковъ чотырнадцать, огородникъ одинъ; тое село на низъ рѣки Двины.

Церковъ Светого Козмы - Демъяна заложенья, въ мѣстѣ Полоцкомъ на посадѣ за Полотою.

Ку той церкви, водлугъ давного наданья, теперешній священникъ Давидъ Петровичъ держитъ село на Начы, въ которомъ передъ тымъ было чоловѣковъ шесть; а иншое езоитомъ отдано.

Што тежъ, водлугъ писанья его королевское милости и тежъ водлугъ писанья его милости пана воеводы Полоцкого, упоминаломъ ся у пана Якуба Семашка намѣстника Полоцкого, абы вси доходы за рокъ теперешній осмдесятъ осмый зъ имѣней владычнихъ, за вѣдомостью его выбраные, черезъ мене его мило-

сти архіепископу Полоцкому отдалъ; на то панъ наместникъ поведилъ, ижъ то все, штокольвекъ зъ имней владычнихъ выбралъ, до пана воеводы Полоцкого, пана своего, отослалъ.

А при томъ подаванью тыхъ именей былъ на онъ часъ при мне возный воеводства Полоцкого Дементей Прокоповичъ, отъ пана наместника зъ ураду придaный; у фольварку Струньни и въ селе Усвицы былъ тежъ при мне земянинъ господарскій воеводства Полоцкого панъ Семашко Телица; а у фольварку Тетчы и въ селе Завечелью были вжо при мне съ тымъ вознымъ два шляхтичы: земянинъ господарскій того жъ воеводства Полоцкого панъ Григорей Шишка и тотъ же панъ Семашко Телица. Которого подаванья черезъ мене тыхъ добръ верхопомененыхъ, владычеству Полоцкому належачыхъ, на сесь реестръ все меновите и по достатку списавшы, его милости архіепископу Полоцкому киръ Афтанасію Терлецкому, черезъ сына его милости пана Богдана Терлецкого, подъ печатью и съ подписомъ руки моее властное, также подъ печатьми и подъ написаньемъ рукъ властныхъ того возного и тыхъ пановъ шляхты верхопомененыхъ, далъ есми. Писанъ у Полоцку. Лета по Нароженью Хрыста Сына Божьего 1588, месеца Декабря 13 дня.

Подписи: Өедоръ Ивановичъ Кгодебскій, дворенинъ его королевской милости, властною рукою подписалъ. Дементей Прокоповичъ, возный, рукою властною. Семашекъ Телица, рукою властною подписалъ. Григорей Тишка, руку свою подписалъ.

Печати совершенно истерлись. Доставленъ Полотскимъ Благочиннымъ О. Юркевичемъ. Писанъ на трехъ листахъ четкою скорописью; нумерація обозначена числами славянскими. Весьма ветхъ.

II.

АВСТРІЙЦЫ ВЪ ГАЛИЦІИ. *)

Quel que soit le mode d'élection des représentants du pays, l'élement nobilaire y dominera infailliblimént.... Le peuple polonais n'á de confiance que dans ses compatriotes, les Polonais; donc pour arriver à la pacification du pays, il faut que la Pologne soit gouvernée par des Polonais.

Ɵ. K. Schédo-Ferroti.

Защита уніатской церкви.—Желанія австрійскаго правительства. Противодѣйствіе полонизма. — Проявленіе великаго будованія.— Чарторыйскіе.— Бдительность австрійцевъ.—Герцогство Варшавское и прежніе польскіе порядки.—Австрійское правительство послѣ 1815 г.—Галиція въ 1831 г.

Религіозное угнетеніе населенія Галиціи также ослабло тотчасъ съ переходомъ подъ австрійскую власть. Русское духовенство было доведено польскимъ игомъ до отчаяннаго положенія нищеты и невѣжества. Часто уніатскіе священники не знали даже церковныхъ догматовъ. Они были лишены средствъ и училищъ для полученія хотя какого либо образованія. Марія Терезія дала первыя пособія этому плачевному состоянію русскаго духовенства. Она постановила на первый случай, чтобы дѣти русскихъ священниковъ Галиціи могли поступать въ духовную семинарію, прежде уже учрежденную для уніатовъ въ Венгріи. Уніатскому духовенству, имѣвшему самыя скудныя средства къ существованію, было назначено жалованье отъ казны; права духовенства русскаго были во всѣхъ отношеніяхъ сравнены съ правами духовенства римскаго, и послѣднему было строго предписано оказывать духовнымъ лицамъ уніатовъ должное уваженіе [1]). Въ Перемышлѣ древній русскій соборъ былъ издавна отнятъ и переданъ латинскому духовенству. Рус-

---

*) См. Кн. 1 Вѣст. Зап. Россіи.

[1]) Die poln. Rev. p. 18.

скіе возвели другой; но при оскудѣвшихъ средствахъ и этому храму ежедневно угрожало крушеніе. Императрица отпустила 40,000 гульденовъ для возведенія новаго уніатскаго собора [2]).

Но радикальныя преобразованія для быта галицкаго населенія послѣдовали при преемникѣ Маріи Терезіи—императорѣ Іосифѣ II (1780—1790). Русское духовенство было особенно ему обязано своимъ возвышеніемъ.

Императоръ былъ непримиримымъ противникомъ ультрамонтанства и клерикальной партіи. Іосифъ II, пишетъ Вутеръ [3]) надѣлалъ много хлопотъ р. католическому духовенству; онъ запретилъ своимъ епископамъ, безъ его позволенія, сноситься съ Римомъ; папскія буллы до приведенія въ исполненіе должны были предварительно пройти чрезъ его цензуру. Онъ запретилъ епископамъ ходатайствовать о дарованіи имъ папою, нѣкоторыхъ правъ (facultates quinquenales), а уполномочивалъ ихъ къ тому собственною властью, какъ напр. на разрѣшеніе браковъ въ извѣстной степени родства, на разводы и т. п. также на право разрѣшенія нѣкоторыхъ грѣховъ, принадлежащее папѣ (casus reservati summo pontifice). Многіе каноническіе законы, касающіеся семейной жизни и бракосочетаній, Іосифъ II собственною властью, частью умножилъ, а частью сократилъ, или ввелъ новые. Многія дѣла изъ вѣдѣнія духовнаго суда имъ были предоставлены суду гражданскому; даже самихъ ксендзовъ онъ подчинилъ гражданскому суду, отъ котораго они доселѣ были совершенно свободны. Онъ упразднилъ много монастырей обоего пола и даже своими постановленіями вмѣшивался въ церковную службу: онъ уничтожилъ процессіи, крестные ходы, торжественное хожденіе на богомолье и духовные братства. Чтобы воспитать клериковъ по своему, онъ основалъ такъ называемыя *генеральныя* семинаріи, совершенно независимыя отъ бискуповъ; каѳедры въ этихъ семинаріяхъ были розданы богословамъ и канонистамъ, которые были ему извѣстны тѣмъ, что раздѣляютъ его взгляды. Бискупы, архибискупъ вѣнскій, примасъ Венгріи и другіе подавали императору прошенія противъ этихъ его нововведеній, чрезъ посредство папскаго нунція при австрійскомъ дворѣ; но Іосифъ II пренебрегъ

---

[2]) p. 18. [3]) H. G. Wauters: Historiae ecclesiasticae. Lovanii 1888 T. III p. 315. Это свѣдѣніе мнѣ обязательно доставилъ И. Я. Козловскій.

просьбами и предостереженіями, а нѣкоторыхъ за то даже подвергъ взысканіямъ. Папа Пій VI въ 1782 г. самъ отправился въ Вѣну, чтобы вразумить Императора. Іосифъ II принялъ его съ большими почестями, много наобѣщалъ, мало сдѣлалъ, и съ своимъ совѣтникомъ графомъ *Кауницемъ* продолжалъ свои реформы по прежнему.

Съ уничтоженіемъ монастырей правительство могло располагать большими средствами. Іосифъ II, по уничтоженіи монастыря доминиканскихъ монаховъ во Львовѣ, отдалъ зданія монастыря со всѣми его обширными постройками и садомъ подъ уніатскую семинарію, назначилъ большія суммы для содержанія учителей и учениковъ, и ввелъ все преподаваніе на *русскомъ* языкѣ. Можно себѣ вообразить восторгъ населенія, пишетъ авторъ „польскихъ революцій" [1]) если вспомнимъ что его письма служили полякамъ предметомъ постоянныхъ издѣваній. Вслѣдъ за тѣмъ было учреждено при богословскомъ факультетѣ во Львовѣ особое отдѣленіе для уніатовъ, въ которомъ все преподаваніе было также на русскомъ языкѣ.

Имущество отъ р.-католическихъ монастырей и костеловъ было отобрано и его доходы были назначены для содержанія духовенства, одинаково латинскаго и уніатскаго. Для нихъ были учреждены двѣ консисторіи и правительство назначило суммы на ихъ содержаніе.

Императоръ Леопольдъ поддерживалъ всѣ учрежденія своего предшественника; а Францъ пошелъ далѣе. При немъ была возстановлена прежняя уніатская митрополія. Такими мѣрами было возстановлено образованіе въ средѣ уніатскаго духовенства и устроенъ безбѣдный его домашній бытъ; и русскіе священники были вполнѣ достойны этихъ правительственныхъ о нихъ заботъ. Самыя условія домашней жизни ставили русскаго священника въ другое положеніе, нежели безбрачнаго ксендза. Пастырь сельскаго населенія въ восточной Галиціи, по словамъ автора „Воспоминаній"—вмѣстѣ съ тѣмъ и земледѣлецъ; онъ постоянный образецъ для своей духовной паствы, какъ домохозяинъ и семьянинъ [2]). Нравственный бытъ русскаго духовенства, костеломъ прежде умышленно погру-

---

[1]) p. 18.

[2]) In dieser Beschaftigung wie in seiner Familie ein Muster von Wirthschaftlichkeit und Sittenreinceit für seine Gemeinde. p. 23.

жаемаго въ глубокое научное невѣжество, выработался среди гоненій и притѣсненій, когда дикому напору клерикальнаго латинства оно могло противупоставлять только чистоту христіанскихъ добродѣтелей и смиренія. Въ борьбѣ со вторгающимся могущественнымъ р.-католицизмомъ, православіе видѣло всю крайнюю необходимость ограждать свое духовенство отъ соблазнительныхъ вносимыхъ примѣровъ. „Если священникъ, сказано въ уставѣ львовскаго братства, не будетъ жить цѣло, мудрено и добродѣтельно, какъ подобаетъ священникамъ, а станетъ заниматься безчинствомъ и пьянствомъ, не радя о церковной службѣ, то братчики могутъ его удалить отъ должности и вмѣсто него поставить другаго" [1]).

Прикрѣпить и привязать Галицію къ коронѣ Австріи было постоянною заботливостью ея монарховъ. Они не могли, при пестротѣ населенія австрійскихъ областей, огерманизировать Галицію. При сравнительной численности нѣмецкаго и галицкаго населеній, попытка ввести нѣмцевъ-земледѣльцевъ въ Галицію замерла въ началѣ; не болѣе удачна была и колонизація въ ней нѣмцевъ-землепашцевъ, предпринятая Іосифомъ II. Грубые колонисты швабы, по замѣчанію автора „Воспоминаній," въ самомъ невыгодномъ для себя свѣтѣ отличаются отъ туземнаго крестьянскаго сословія.

Галиція была драгоцѣнною областью въ составѣ Австрійской имперіи, богатая, плодородная, съ важнымъ особеннымъ источникомъ доходовъ отъ соляныхъ копей, съ покорнымъ, кроткимъ и смышленымъ населеніемъ. Это населеніе вносило превосходный элементъ въ составъ австрійской арміи. „Въ Галиціи русскій уступаетъ вообще поляку въ воспріимчивости и въ ловкости,—говоритъ авторъ „Воспоминаній,"—но превосходитъ его въ настойчивости, вѣрности, преданности и холодномъ, ничѣмъ не потрясаемомъ, мужествѣ. Въ австрійскихъ войскахъ русскій, равно какъ и полякъ, однимъ словомъ галичанинъ, пользуется славою лучшаго, терпѣливѣйшаго и надежнѣйшаго солдата. Фактъ рѣшенный, что русская армія никогда не претерпѣвала такаго пораженія, чтобы она была обращена въ бѣгство; отъ первыхъ схватокъ съ татарами и поляками до послѣдней крымской войны, въ случаѣ пораже-

---

[1]) Пам. Кіев. Ком. Т. III Ч. III § 6; Флеровъ стр. 184.

нія, всегда слѣдовало отступленіе съ сохраненіемъ полнаго порядка" 1).

Дѣйствія австрійскаго правительства въ Галиціи, въ человѣколюбивыхъ, имъ приводимыхъ въ исполненіе предначертаніяхъ, совершенно согласовались съ государственными требованіями и были тѣмъ успѣшнѣе, что имъ сочувствовали подданные остальныхъ областей Австрійской имперіи.

Правительство старалось привязать къ себѣ пріобрѣтенную область поднятіемъ нравственнаго состоянія населенія, его развитіемъ и улучшеніемъ его быта; но оно нашло въ этой области враждебный къ себѣ элементъ *польско-шляхетскій*. Этотъ элементъ, въ населеніи видя только рабочую силу и предаваясь ученіямъ польской справы, шелъ къ достиженію своихъ экономическихъ и политическихъ цѣлей путями совершенно обратными тѣмъ, по которымъ шло правительство.

Въ отношеніи къ правамъ исповѣданій и образованія духовенства полонизмъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы не допустить до уравненія русскаго духовенства съ р.-католическимъ. Но Императоръ Іосифъ II, по словамъ автора „Воспоминаній," не принималъ никакихъ возраженій и объясненій и, съ пламенною энергическою настойчивостью устраняя всѣ препоны, сравнилъ оба исповѣданія въ правахъ и преимуществахъ.

Введеніе правды въ судахъ и точнаго исполненія постановленій и законовъ имѣло свою темную сторону. Въ Галиціи паны всѣми силами старались поддержать старые порядки; они нравственно развращали и чиновниковъ-нѣмцевъ, которыми правительство расчитывало внести новый духъ, новое настроеніе въ среду мѣстныхъ служащихъ.

Паны были обязаны содержать при имѣніяхъ чиновниковъ, въ званіи *мандатаровъ*, производившихъ дѣла первой инстанціи, для двороваго суда и расправы. Эти *мандаторы* 2) обыкновенно при имѣніи исполняли и обязанность экономовъ. Паны подкупали также чиновниковъ высшихъ инстанцій и ставили

(1) Die Poln. Rev. p. 23.

(2) Ихъ въ шутку называли *мартовскими* философами (Maerzphilosophen), потому что въ эти должности обыкновенно поступали невыдержавшіе въ заведеніяхъ экзаменовъ, бывавшихъ въ мартѣ мѣсяцѣ (изъ свѣдѣній сообщенныхъ изъ Австріи).

ихъ на свою сторону; они сыпали червонцы въ ихъ кошельки и для домашняго обихода снабжали ихъ сельскими продуктами 1). Всякія мѣры правительства не долго могли удерживаться въ первоначальномъ своемъ значеніи. Мало по малу паны, при вѣками развившемся взяточничествѣ, въ практическомъ примѣненіи постановленій водворяли прежнія беззаконія, и своеобразною польскою легальностью ставили ихъ подъ защиту коронныхъ чиновниковъ, втянутыхъ къ участію въ беззаконіяхъ.

Мѣры правительства для образованія простолюдина остались совершенно безплодными вслѣдствіе происковъ пановъ, которые, видя крестьянъ, защищаемыхъ административною властью, опасались ихъ образованія. Правительство, желая устранить отъ себя всякую тѣнь обращенія къ стѣснительнымъ мѣрамъ, соглашалось, чтобы обученіе не было обязательнымъ (2). Образованіе русскаго сельскаго населенія особенно не нравилось панамъ и они, пользуясь недостаточнымъ изученіемъ австрійцами духа населенія въ восточной Галиціи, тѣмъ съ большимъ успѣхомъ напускали *тьму* и *мьму*. Правительство знало, что славянскій языкъ остался церковнымъ языкомъ русскаго богослуженія, и уподобляло его латинскому языку въ богослуженіи р.-католическомъ; потому, при учрежденіи уніатскихъ духовныхъ учебныхъ заведеній правительство, внимая желаніямъ русскаго духовенства, постановило преподаваніе на языкѣ уніатской церкви. Этимъ путемъ въ духовныя заведенія съ славянскимъ языкомъ вошла кириллица и русская рѣчь. Въ народныхъ же школахъ дѣло было поведено иначе; по польскимъ разъясненіямъ правительство почитало, что языкъ русскаго населенія Галиціи есть нарѣчіе польскаго языка, и потому польскій языкъ съ латинскою его азбукою былъ принятъ для школъ Галиціи. Для русскаго простолюдина было достаточно одной мысли, что въ *школѣ учатъ* по польски и литерамъ не церковныхъ его книгъ, чтобы не посылать туда сына. Сельскія школы потому стали предметомъ одинаковой ненависти, какъ землевладѣльца, такъ и земледѣльца, и обратились въ мертвую букву.

Передъ первымъ раздѣломъ Австрія, какъ держава р.-ка-

(1) Die poln. Rev. p. 10.
(2) Schulzwang gab es in Galizien keinen. p. 20.

толическая, надѣялась, что при государственномъ разложеніи, къ которому шла Рѣчь-Посполитая, поляки, направляемые своимъ духовенствомъ, отъ русскихъ и пруссаковъ бросятся въ объятія священной Римской Имперіи. Марія Терезія потому открыто заявляла, что ею присоединенныя области были ей навязаны. Австрія не приняла участія во второмъ раздѣлѣ; но была за то вознаграждена при послѣднемъ. Австрія, какъ сумма разноплеменныхъ областей, за недостаткомъ собственнаго преобладающаго кореннаго населенія, расчитывала поставить привыкшихъ къ крамоламъ пановъ и шляхту между двухъ огней, между сословіемъ крестьянъ и магнатами. Заботы правительства, внушаемыя человѣколюбіемъ, просвѣщеніемъ и политикою, дѣйствительно повели къ тому, что населеніе предалось австрійскому правительству и оно дорожитъ нынѣшнею властью. Съ магнатами вышло иначе; ласкаемые въ Вѣнѣ, они долго, до 1848 года только мистифировали правительство и обошли даже самаго князя *Меттерниха*. Въ Польшѣ шляхта не допускала своими конституціями ни пожалованій, ни ношенія какихъ либо титуловъ; но, по обычному теченію польскихъ дѣлъ, Польша изобиловала титулованными фамиліями, особенно графскими, и нѣкоторые даже назвали свои владѣнія графствами, а далѣе уже сами себя величали *графами*. Польскіе магнаты легко пріобрѣтали въ Вѣнѣ титулы князей и графовъ Священной Римской имперіи, потому что австрійское правительство тѣмъ самымъ обращало ихъ въ добровольныхъ подданныхъ императора. Время послѣ перваго раздѣла особенно было обильно раздачею титуловъ въ Вѣнѣ; а послѣ окончательнаго раздѣла Австрія признала личными графами бывшихъ польскихъ сенаторовъ. (1) Польскіе магнаты постоянно были привѣтливо встрѣчаемы въ Вѣнѣ, и австрійская столица стала любимымъ ихъ зимнимъ пребываніемъ. Князь Адамъ-Казиміръ *Чарторыйскій* былъ въ 1782 г. назначенъ начальникомъ галицкой гвардіи (2).

Чарторыйскіе переѣхали, предъ послѣднимъ раздѣломъ, въ свое галицкое имѣніе, Сеняву; Пулавы были разорены. Пребываніе въ Галиціи отразилось тѣмъ, что тамошніе паны-

---

(1) По сообщенному разысканію.

(2) Julian Ursin Niemcewicz „Pamiętniki Czasów moich.“ Paryż 1847. p. 70.

явились первыми сотрудниками къ *великому будованію* въ 1796 году. На превращающихся туманныхъ картинахъ, рисуемыхъ событіями того времени, начинаютъ выясняться личности вождей, приступившихъ къ устройству массы для *польской справы*. На одной изъ нихъ (1795 г.) видимъ пановъ въ своемъ общественномъ быту. Они почитаютъ дѣло Польши поконченнымъ; безъ заднихъ мыслей о приготовленіи средствъ къ новому возстанію, они продолжаютъ прежній образъ жизни, только въ замкахъ общественнаго порядка наложенныхъ австрійскимъ правительствомъ, и роскошно веселятся на львовскихъ контрактахъ. Среди пиршествъ въ яркоосвѣщенныхъ салонахъ являются магнатскія личности примирителями внутреннихъ ссоръ и руководителями общественнаго мнѣнія. Князю *Понинскому* необходимость указываетъ оправдать, что онъ никогда не переставалъ быть *польскимъ патріотомъ*.

Другая картина (1796—1797) переноситъ насъ въ Придунайскія княжества. При неустроенныхъ еще работахъ *великаго будованія*, Ксаверій *Домбровскій* съ нагнанною туда ватагою, которая должна была служить пушечнымъ мясомъ, не получая дальнѣйшихъ распоряженій, собирается дѣйствовать на собственную руку и расчитываетъ, со вторженіемъ въ Галицію, по примѣру рѣзни въ Варшавѣ и Вильнѣ 1794 года, найдти во Львовѣ соучастниковъ въ учащейся молодежи, въ панскихъ дворовыхъ, въ городскихъ ремесленникахъ и въ преступникахъ, сидѣвшихъ въ тюрьмахъ. Трагическая попытка *Денисхи* была первымъ разыграннымъ *фарсомъ*.

Въ третьей картинѣ (того же времени) видимъ завязывающуюся польскую дѣятельность: *великое будованіе* принимаетъ осязательныя формы, зодчіе пытаются въ Парижѣ привести французское правительство къ принятію вооруженнаго участія въ польской справѣ, а въ Краковѣ (6 января 1796 г.) составляютъ *актъ возстанія*, для увлеченія польскимъ патріотизмомъ и для вербовки сторонниковъ на многочисленныхъ предстоящихъ крещенскихъ контрактахъ. Послѣ львовскаго съѣзда шлютъ въ западную Россію тайнаго эмиссара *Гедройця* проповѣдывать польскій патріотизмъ и въ Константинополь отправляютъ четырехъ депутатовъ, двухъ отъ Галиціи—князя *Яблоновскаго* и *Рымкевича*, и двухъ отъ Польши—*Шумлянскаго* и *Блю-*

ла (1), съ извѣстіемъ, что многочисленныя подписи утвердили *актъ къ возстанію*, скрѣпленный обоими депутатами отъ Галиціи (2). Французская директорія приказала переименовать его въ *актъ конфедераціи* (3).

Въ четвертой картинѣ (1708—1800) зодчіе *великаго будованія* организируютъ сѣть для *польской справы* и въ разставленныя западни ловятъ сотрудниковъ. *Ѳаддей Чацкій*, ретивый сторонникъ *Чарторыйскихъ*, со времени еще пулавскихъ съѣздовъ великаго сейма завязываетъ польско-патріотическія общества, подъ фирмою *литературнаго* и *торговаго*. Рядомъ съ домашней работою, зодчіе, послѣ дипломатическихъ неудачь, ищутъ заслужить милость французскаго правительства и гонятъ тысячами увлеченныхъ и навербованныхъ бѣдняковъ въ легіоны. Въ западной Россіи является изъ Галиціи доминиканскій монахъ, для приглашенія мѣстныхъ латинскихъ монастырей къ принятію участія въ вербованіи. Надъ подземною, *кротовою* работою, подъѣдающею жизненные корни страны, на поверхности подымаются заключенія и ссылки; за ними на Западѣ кровавыя битвы, въ которыхъ гибнутъ мистифируемые сыны небывалой *польской ойчизны*, во имя ксендзо-шляхетской идеи. Зодчіе нанизываютъ изъ французскихъ бюллетеней подвиги поляковъ, чтобы убѣдить Францію, что она обязана прійдти на помощь творцамъ конституціи 3 Мая; а вдали за океаномъ уже виднѣется Сан-Доминго. Австрія хватаетъ бѣгущихъ домой изъ легіоновъ и въ свои полки отсылаетъ *дезертировъ*.

По словамъ записокъ Каетана *Кожмяна* (4), приводимыхъ здѣсь въ извлеченіяхъ, „послѣ усмиренія революціи 1794 г., послѣ *запалу* надеждъ и опасеній наступили съ занятіемъ австрійскими войсками части Польши, называемой *Западною Галиціею*, *гробовая затишь*, *скорбь и печаль*. Люблинскій подкоморжій графъ *Длускій* тщетно подавалъ австрійскому императору *меморіалъ*, съ просьбою сохранить имя Польши для части отошедшей къ Австріи, сохранить въ ней языкъ и администра-

(1) Angeberg. Recueil. p. 118.
(2) Бывшаго подскарбія *Чарторыйскихъ*.
(3) Oginski, T. II, p. 153, 137.
(4) Pamiętniki Kajetana Koźmiana (1780—1815). Poznań 1858 Oddział I, XIII: Wspomnienia z czasów rządu Austryackiego. Рус. В. въ 1865, познакомилъ съ ними русскихъ читателей.

цію (связыкъ и уржонды). На австрійское правительство надѣялись: съ его вѣдома устроивалось возстаніе и держались совѣты въ Вѣнѣ и Дрезденѣ; Австрія ничего не получила по сейму (второму раздѣлу), потому не могла быть довольною сосѣдями; относительно же поляковъ не имѣла никакихъ поводовъ ихъ преслѣдовать. Но надежды разлетѣлись при первыхъ шагахъ австрійцевъ. Польскіе эскадроны и роты, избѣгая мести русскихъ, искали спасенія въ предѣлахъ Австріи; но тамъ они были разоружены, кони и оружіе были забраны, а люди угрозами, иногда и побоями, были вынуждены вступать въ ряды австрійскихъ войскъ. Съ офицеровъ снимали чины и *наряжали ихъ въ штиблеты* простыхъ рядовыхъ. Стало очевиднымъ, что мы стали подданными менѣе кроткаго правительства—стали рабами. Что сказать напр. о новомъ правительствѣ, которое вѣшало схваченныхъ изъ отряда *Дениски*, и палками заставило уважаемаго (слушнего) обывателя *Рациборовскаго* (2) признать себя виновнымъ въ сношеніяхъ съ тѣмъ же *Денискою*. Кто зналъ императора Франца и высшихъ сановниковъ въ Вѣнѣ, тотъ понималъ, что подобныя преслѣдованія правительства, удалявшія отъ него сердца новыхъ подданныхъ, были дѣломъ австрійскихъ чиновниковъ-демократовъ. Они вводили правительство въ заблужденіе *ложными доносами* объ угрожающей опасности, съ намѣреніями выслужиться." Такъ, на пользу *польской справы*, писалъ въ эмиграціи (въ 1848 году) свои записки старикъ Каетанъ *Кожмянъ*, литераторъ, до 1831 года польскій чиновникъ, который съ юности (съ 1785 г.) былъ горячимъ поклонникомъ *Чарторыйскихъ*, поэтъ, всегда ласкаемый въ Пулавахъ. *Кожмянъ* въ 1848 г. не расчитывалъ, что настаетъ время для разъясненія польскихъ мистификацій,

(1) p. 242. Изъ записокъ *Огинскаго* (T. II p. 259) видимъ, что этотъ *Рациборовскій* былъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей этого краковскаго возстанія и былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ свѣдущій, усердный и патріотъ. „Графъ *Дзялынскій*, продолжаетъ *Огинскій*, не скрывалъ трудности предпріятія (собрать въ своемъ имѣніи Яблоновѣ вождей, въ томъ числѣ и *Рациборовскаго*), потому что крайни были бдительность и строгость австрійцевъ въ Галиціи; графъ *Дзялынскій* однако обошелъ ихъ, пославъ къ каждому довѣреннаго человѣка съ изустнымъ приглашеніемъ." *Рациборовскій* дѣйствительно прибылъ и былъ въ числѣ постановившихъ планъ для будущихъ дѣйствій, (p. 261) гл. XIV стр. 43.

и что *великое будованіе*, было уже *наканунѣ* своего перехода во второй фазисъ.

Въ запискахъ *Кожмяна* мы встрѣчаемъ еще нѣсколько знаменательныхъ строчекъ относительно Галиціи. Изъ нихъ видно, что, съ паденіемъ Польши, началось пробужденіе между тамошними ополяченными русскими, которые являются въ видѣ *отпечивающихся поляковъ*, *анти-поляковъ въ восточной Галиціи* (отпечоныхъ поляковъ — анты-поляковъ въ Галиціи-всходней). Эти, по его словамъ, въ своей средѣ имѣя много бывшихъ сторонниковъ тарговицкой конфедераціи, *интригами* попадали особенно на мѣсто судей и окружныхъ коммиссаровъ австрійской администраціи (1). Этому примѣру слѣдовали и кровные поляки; одинъ изъ нихъ, *Стржаковскій*, дошелъ до того, что высказалъ, что „если бы видѣлъ, что въ немъ осталась хоть одна польская жила, то велѣлъ бы ее вырвать" (2). Польское общественное мнѣніе послѣ раскрытыхъ польскихъ продѣлокъ никакъ не могло водвориться въ Галиціи. „Поляки въ Галиціи, пишетъ *Кожмянъ*, не могли принимать участія въ пробужденіи умственной польской жизни, участвовать въ учено-литературныхъ занятіяхъ поляковъ въ Пруссіи и Россіи. Въ краѣ не было дозволено никакихъ газетъ, кромѣ нѣмецкихъ. Масса туземцевъ только догадывалась о какихъ - то дѣлахъ, при внезапныхъ арестованіяхъ Игнатія *Потоцкаго*, маршала *Малаховскаго*, *Пирамовича* и *Закржевскаго*" (3).

Первенствующая роль *Чарторыйскихъ* въ темныхъ работахъ *великаго будованія* начинаетъ выясняться уже на первыхъ порахъ. *Чарторыйскіе* въ 1793 году предъ началомъ Костюшкинскаго возмущенія, изъ Дрездена переѣхали въ Вѣну (4), время революціи провели въ Галиціи въ Сенявахъ, а на зиму съ 1795 на 1796 переѣхали въ Краковъ. Пулавы быстро отстроивались послѣ разоренія — туда *Чарторыйскіе* и перемѣстили свое пребываніе. Австрійцы, послѣ выкинутаго фарса *Денискіи*, перемѣнили систему и стали зорко слѣдить за всѣми польскими оборотами, а вступившій на прусскій престолъ,

---

(1) Koźmian T. II p. 264.
(2) p. 248.
(3) p. 250. *Пирамовичъ* былъ экс-іезуитъ, изъ близкихъ приверженцевъ *Чарторыйскаго*. (Niemcewicz).
(4) Ч. I, стр. 339.

молодой король Фридрихъ Вильгельмъ III своими милостями и привѣтливостью явился утѣшителемъ польской скорби (1).

Рождающееся *великое будованіе* перемѣщалось съ *Чарторыйскими:* возстаніе 1794 года устроивалось въ Дрезденѣ и въ Вѣнѣ, пишетъ *Кожмянъ;* 6 января 1796 г. въ Краковѣ составился актъ возстанія, пишетъ *Огинскій*. *Чарторыйскіе* въ 1798 году переѣзжаютъ въ Пулавы, и подпольная дѣятельность оживилась *въ Варшавѣ*, а въ Галиціи стала замирать. *Чарторыйскіе*, верховные мастера *великаго будованія*, ловко укрываются четырьмя слоями сотрудниковъ. Взглянемъ на Галицію, которая стала первымъ театромъ дѣйствій.

На сцену являются: графы *Вьлегорскій* и *Ржевускій*—примирителями, графъ *Дзялынскій*—высшимъ руководителемъ, графы Игнатій *Потоцкій* и *Малаховскій*—мѣстными дѣятелями для сношенія съ эмигрантами. ГрафиняКонстанція *Замойская*, сестра князя Адама Казиміра *Чарторыйскаго*, отличается своею ревностью къ поддержанію еще Костюшкинскаго возстанія, а ея сынъ Александръ не щадилъ денежныхъ средствъ на формированіе польскихъ легіоновъ. За магнатами идутъ менѣе ясневельможные сотрудники, магнаты избираютъ личности, найденныя пригодными во время охоты за популярностью магнатовъ, особенно охоты *Чарторыйскихъ*, которыхъ выработанная ловкость постоянно выясняется изъ польскихъ мемуаровъ того времени (2). Этимъ сотрудникамъ, пяти членамъ краковскаго подпольнаго комитета, предоставлена работа, которая оставляетъ слѣды, уже уловимые для слѣдственныхъ коммиссій, составляя такъ сказать переходъ къ нисшей степени, которой назначается уже нести свою голову для польской справы; они же сносятся съ *довудцами*-вождями вербуемыхъ для пушечнаго мяса мятежей. Наконецъ идетъ послѣдній слой работниковъ—рядовыхъ въ шайкахъ. Эти составляютъ послѣднюю оболочку *великаго будованія*, ихъ дѣйствія

---

(1) Kozmian T. I p. 243. Oginski: Memoires T. II. Kozmian T. II p. 45.

(2) Въ запискахъ Кожмяна находимъ, что *Оржимайло*, какъ мы выше видѣли, одинъ изъ главныхъ дѣятелей 1796 и 1797 г. въ Галиціи, былъ небогатый панъ, прежде адвокатъ, который, по милости князя Адама Казиміра *Чарторыйскаго*, былъ Латычевскимъ подстаростою, и на сеймѣ 1788 года принадлежалъ къ его приверженцамъ (Kozmian T. II p. 43).

уже никакъ не могутъ быть затаенными—а они-то, при тьмѣ и мглѣ и становились первыми отвѣтчиками предъ слѣдственными коммиссіями. При подобномъ устройствѣ работъ *великаго будованія* и, при безпрерывно обрывающихся нитяхъ въ показаніяхъ слѣдственныя коммиссіи не могли добраться до центра, при тьмѣ и мглѣ работники низшихъ степеней могли легко увертываться отъ подробныхъ показаній, такъ какъ и слѣдственныя коммиссіи имъ вѣрили, что всякій работникъ *великаго будованія* знаетъ только дѣло *будованія* и того, кто его самаго посвятилъ, остальныхъ же знаетъ только подъ псевдонимами или вовсе не знаетъ. Какая же судьба постигла участниковъ? Перехваченныя депеши *Нарбута* оставили князя Адама Казиміра *Чарторыйскаго*, при его связяхъ въ Вѣнѣ, только въ подозрѣніи; графы *Малаховскій* и *Потоцкій* были арестованы; но при недостаткѣ уликъ оправдались и были освобождены; членъ тайнаго краковскаго комитета *Рациборовскій*, подъ палками, собственнымъ признаніемъ выяснилъ при бывшихъ въ рукахъ правительства явныхъ уликахъ свою подпольную дѣятельность на субсидіяхъ придунайскимъ выходцамъ. *Довудцы*, опасаясь что обнаруженная страпня можетъ привести къ выдачѣ ихъ турецкимъ правительствомъ, по требованію Австріи, спаслись бѣгствомъ въРоссію, а шаечники приговорены военнымъ судомъ и повѣшены.

Полонизмъ расчитывалъ, что давнія слѣдственныя дѣла навсегда останутся въ архивахъ, и за нихъ не возьмутся для разъясненія позднѣйшихъ событій; онъ расчитывалъ что давнія сочиненія ревнителей польской справы съ обозначеніемъ иногда дѣятелей начальными буквами или съ сокращеніемъ [1]), останутся вполнѣ понятными только въ польскомъ мірѣ. При подобныхъ расчетахъ, полвѣка спустя, преданный сотрудникъ *Чарторыйскаго* берется польскими аргументами напустить новый запасъ *тьмы и мглы*; онъ выставилъ виновниками вражды поляковъ къ австрійскому правительству австрійскихъ чиновниковъ и являющуюся въ восточной Галиціи анти-польскую партію, которую онъ признаетъ постыдною для полонизма (на нашъ

---

[1]) Въ запискахъ *Огинскаго* встрѣчаемъ многихъ дѣятелей, обозначенныхъ начальными буквами; но въ концѣ находится алфавитный указатель съ полными фамиліями; *Кожмянъ* сокращаетъ фамиліи, а фамиліи имъ означенныя начальною буквою, выписаны сполна въ оглавленіи.

ветыхъ) [1]). Австрійская мѣстная администрація якобы нарушила добрыя намѣренія австрійскаго правительства и разрушила преданность поляковъ къ австрійскому престолу [2]). Сочиняя басни о заговорахъ; у *Кожмяна*, *Рациборовскій* [3])—уважаемый обыватель, а шайка *Деньски*,—отрядъ прежнихъ польскихъ войскъ, который (въ 1797 году!) искалъ укрыться и переходилъ изъ Подольской губерніи въ Буковину [4]).

Въ слѣдующей главѣ найдемъ водвореніе работъ великаго будованія въ предѣлахъ Пруссіи. Съ отбытіемъ же *Чарторыйскихъ* изъ Кракова „при строгихъ мѣрахъ австрійскаго правительства, Галиція была какъ бы обречена на смерть, пишетъ *Кожмянъ*, она представляла видъ костенѣющаго трупа мертвеца."

Австрійское правительство крутыми распоряженіями спасало жителей отъ повторенія фарсовъ и отъ заразы полонизмомъ, для подпольной дѣятельности котораго, зодчіе *великаго будованія*, добыли таки отъ прусскаго правительства разрѣшеніе самыхъ благовидныхъ и благонамѣренныхъ польскихъ учрежденій. Магнаты и паны старались имѣть обширныя связи (обширне звіонзки) съ австрійскими властями затаивая польско - патріотическія мечты. Также глубоко затаивались онѣ и въ средѣ польскаго духовенства, не смотря на оживленіе ихъ путями римской духовной іерархіи, съ тѣхъ поръ какъ въ 1798 г. высшее духовенство въ Пруссіи съ гнезненскимъ архибископомъ во главѣ, съ появленіемъ *Чарторыйскихъ* въ Пулавахъ, примкнуло къ *земному будованію*. Польское духовенство хотѣло было прикрыть свои козни для возбужденія простолюдиновъ въ Галиціи религіознымъ покровомъ, провозглашая Божію Матерь—*Королевою Польскою;* но австрійскимъ правительствомъ было издано „*строгое запрещеніе называть Пресвятую Дѣву—польскою*

---

1) Т. II. р 248.

2) По правиламъ *великаго будованія* ревнители польской справы обязаны были возбуждать правительства противъ мѣстныхъ ими учреждаемыхъ администрацій, указывая, что ихъ озлобленіе и алчность служили къ разрушенію влеченій преданности поляковъ къ трону. *Кожмянъ* при этомъ случаѣ увлекся до того, что даже отозвался безъ обычныхъ польскихъ прилагательныхъ (la grande spoliatrice) объ императрицѣ Екатеринѣ.

3) Онъ назвалъ его *Рациборскимъ* 4) р. 242.

королевою съ угрозою кары тѣмъ, кто будетъ ей въ этомъ (pod tem godłem) *смѣлъ приносить молитвы* [1])"

Во время австрійской кампаніи 1805 года Галиція осталась совершенно спокойною.

Положеніе дѣлъ измѣнилось съ появленіемъ въ 1806 году герцогства Варшавскаго; тогда подпольная дѣятельность въ герцогствѣ уже сдѣлалась явною, и австрійская администрація не могла задержать напора проповѣдей полонизма извнѣ, при которомъ ободрились и *затаившіеся мѣстные польскіе патріоты*. Въ 1809 году снова возгорѣлась война между Франціею и Австріею; въ ея предѣлы вступили польскія войска подъ начальствомъ князя *Понятовскаго*; а въ восточную Галицію вступили русскіе, какъ союзники Наполеона. Польскія войска были радостно встрѣчены; польскія дамы съ балконовъ и оконъ махали платками, бросали букетами [2]), магнаты для усиленія войскъ набирали и выставляли на свой счетъ полки, роты, эскадроны [3]); чиновники, поляки, (за немногими исключеніями) сообщали о всѣхъ дѣйствіяхъ и движеніяхъ австрійскихъ войскъ, даже хватали австрійскіе разъѣзды и препровождали ихъ въ войска *Понятовскаго* какъ плѣнниковъ. По мѣрѣ очищенія страны австрійцами, поляки учреждали свое временное правительство первоначально въ Климонтовичахъ, имѣніи графа Игнатія *Потоцкаго* [4]), а потомъ перенесли его во Львовъ и подчинили центральному правительству въ Варшавѣ. Скоро произошелъ разладъ.

Первымъ къ тому поводомъ было то, что *Понятовскій* потребовалъ изъ Варшавы интенданта для устройства продовольствія вступившимъ русскимъ войскамъ. Назначенъ былъ *Рембаинскій*, который, прибывъ въ Люблинъ, занялъ самый обширный домъ на площади, устроился со всѣми для себя удобствами, велѣлъ городу себѣ выплачивать по 10 червонцевъ въ сутки, началъ распоряжаться съ неограниченною властью и постоянно давалъ чувствовать притязанія герцогства Варшав-

---

[1]) Koźmian T. II p. 262.
[2]) Koźmian T. I p. [3]) T. II p. 10.
[4]) Такъ Константинъ *Чарторыйскій*, меньшой сынъ князя Адама Казиміра, и его двоюродный братъ *Замойскій* выставили каждый по одному полку; *Малаховскій* и *Подгородецкій* снарядили по эскадрону.

скаго на господствованіе (претензіи ксенства Варшавскіего до приможенитуры, до старшенства и до высшосци надпровинціон Галицийскон)[1]). Оставшіеся чиновники-нѣмцы бѣжали.

За тѣмъ явились новыя причины къ неудовольствію. Предсѣдателемъ управленія въ Галицію былъ назначенъ графъ *Замойскій*, племянникъ князя *Чарторыйскаго*. Въ управленіи засѣдали два нѣкогда бывшіе адвоката *Гржимайло* и *Венленскій*, котораго братъ былъ въ Варшавѣ министромъ. *Гржимайло*, хотя былъ креатура *Чарторыйскаго*, но во время составленія въ 1796 г. краковскаго *акта возстанія*, ласкаемый и превозносимый графомъ *Дзялынскимъ*, послѣ первенствующей роли, которую ему тогда, въ опасное время было дозволено разыгрывать въ подпольномъ мірѣ *великаго будованія*, теперь вовсе не былъ доволенъ второстепенною ролью. *Гржимайло* не хотѣлъ понять что магнаты, какъ развѣнчанные претенденты, питали польскую справу. А потому графъ *Замойскій* и былъ поставленъ въ главѣ правительства Познани, а графы Игнатій *Потоцкій* и *Матусевичъ* были отправлены депутатами къ Наполеону; а онъ, бывшій адвокатъ, хотя и польскій патріотъ вовсе не принадлежалъ къ той породѣ, которая одна давала право занимать въ Польшѣ бывшія должности. Впрочемъ и самъ *Гржимайло* „занимался болѣе пирами и праздниками, чѣмъ дѣломъ; онъ искалъ популярности, и за тѣмъ съ *Венленскимъ* отправился въ Варшаву, гдѣ они выдавали себя за *делегатовъ* или уполномоченныхъ отъ галицiйскихъ обывателей“, какъ пишетъ *Кожмянъ*[2]). „Братъ *Венленскаго*, пишетъ онъ далѣе, какъ министръ, имѣлъ доступъ до государственнаго совѣта въ Варшавѣ, коего предсѣдателемъ былъ графъ Станиславъ *Потоцкій*, который по женѣ не былъ пріятелемъ *Замойскому*, почему былъ пріятелемъ *Сташицу*, врагу *Замойскаго*, и начатая интрига пошла легко и успѣшно,“ (интрига ктурон укнули латво и спѣшне имъ се повіодла). Такъ по старому порядку Рѣчи Посполитой пошли дѣла въ возстановленномъ герцогствѣ Варшавскомъ.

По умиротвореніи Европы въ 1815 году, Австрія, возвративъ Галицію, энергически приступила не только къ возобновленію введенныхъ ею прежде порядковъ, но по этому пути пошла далѣе. Временное властвованіе Россіи въ Тарнополь-

[1]) Т. II р. 8.
[2]) Т. р. 22. [3]) р. 45.

ской области указало австрійскому правительству на одно новое обстоятельство, которое князь Меттернихъ не оставилъ безъ вниманія. Когда граница между Подоліею и Галиціею стала свободна, то много жителей, особенно женщинъ, вопреки вѣковыхъ ученій объ уніи и о Римѣ, видя въ Кіевѣ русскія святыни, направлялись туда на богомолье, и ужъ не довольствовались пограничною Почаевскою лаврою. Австрійское правительство хотѣло галицкою уніатскою митрополіею ослабить въ народныхъ понятіяхъ значеніе митрополіи кіевской." Въ 1817 году, не смотря на всѣ доводы и противудѣйствія мѣстнаго латинскаго духовенства, греко-уніатскій митрополитъ былъ учрежденъ въ Галиціи и императоръ Францъ I прослушалъ цѣлую божественную службу въ уніатскомъ соборѣ во Львовѣ. Восторгъ русскихъ галичанъ былъ неописанный, замѣчаетъ авторъ „Воспоминаній", когда, послѣ 500 лѣтъ, они снова увидѣли государя въ стѣнахъ русскаго храма своего, присутствовавшаго при богослуженіи, которое для р. католиковъ служило предметомъ издѣваній и презрѣнія.

Послѣ всѣхъ выходокъ полонизма, въ смутное время наполеоновскихъ войнъ, австрійское правительство всего настойчивѣе заботилось, чтобы явно обнаружившемуся враждебному шляхетскому элементу противупоставить другой, болѣе надежный— элементъ сельскаго населенія.

Князь *Меттернихъ* предвидѣлъ послѣдствія возстановленія Царства Польскаго и возстановленія польской національности. На вѣнскомъ конгрессѣ, противудѣйствуя *Чарторыйскому*, онъ старался отговорить отъ подобныхъ мѣръ императора Александра Павловича; но польскій патріотъ одержалъ верхъ надъ австрійскимъ дипломатомъ. Когда полонизмъ, поддерживаемый властью и закономъ, быстро воспрянулъ въ Царствѣ Польскомъ, которое стало очагомъ крамольной дѣятельности, въ то время *Меттернихъ* сильнѣе, заботливѣе и настойчивѣе сталъ выживать польскую національность изъ Галиціи.

По возстановленіи общаго мира въ Европѣ, первымъ губернаторомъ, назначеннымъ въ Галицію, былъ баронъ *Гауэръ*, съ рѣшительностью взявшійся за мѣстныя дѣла; но существеннымъ дѣятелемъ былъ назначенный земскимъ президентомъ (Landes-President) баронъ *Кригъ*. Мѣнялись губернаторы; но баронъ *Кригъ* около 30 лѣтъ оставался на своемъ мѣстѣ и былъ довѣреннымъ сотрудникомъ всѣхъ, послѣдовательно назначае-

мыхъ губернаторовъ и въ князѣ *Меттернихѣ* находятъ постояннаго покровителя и опору.

Баронъ *Кригъ* неуклонно проводилъ одну и туже мысль — раздѣлять изъ населенія слои, доступные крамолѣ, и ослаблять ихъ; онъ далъ то направленіе теченію дѣлъ, которое оказало положительное свое вліяніе на послѣдовавшія событія. Доселѣ австрійское правительство смотрѣло на населеніе Галиціи сквозь польскія очки. Баронъ *Кригъ* самъ началъ изучать населеніе.

Австрійское правительство, лаская магнатовъ и возвышая нравственныя силы простолюдиновъ, для противодѣйствія развитію вліянія полонизма изъ сосѣдняго царства, пользовалось тѣмъ, что высшее дворянство воспитывалось на французскомъ языкѣ, и водворило нѣмецкій языкъ, какъ языкъ преподаваній въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ; польскому языку учили, какъ языку иностранному. Въ Галиціи началось положительное онѣмеченіе вліятельныхъ классовъ особенно въ томъ слоѣ, которое считало себя туземнымъ и ополячившимся подъ польскимъ правительствомъ. Правительственныя мѣры содѣйствовали этому онѣмеченію въ томъ отношеніи, что баронъ *Кригъ*, во время своего тридцатилѣтняго управленія близко изучивъ связи и вѣтви панскихъ домовъ, зорко слѣдилъ за домашнимъ бытомъ, и на государственной службѣ подвигались только тѣ, которые дѣйствительно изгоняли полонизмъ вмѣстѣ съ языкомъ отъ домашняго очага. *Полякъ не могъ подняться выше капитанскаго чина, служа въ войскахъ.* Религія не служила оттѣнкомъ отъ австрійцевъ и всѣ, безъ заднихъ мыслей дѣйствительно переходившіе въ лагерь новаго отечества, не только въ своихъ фамиліяхъ стали выкидывать шипящія буквы; но даже *Замойскіе* обращались въ Zollich'овъ. Несмотря ни на какія усилія сторонниковъ полонизма удержать польскія географическія названія, австрійское правительство съ назойливою настойчивостью водворило нѣмецкія названія въ языкѣ офиціяльномъ, а въ восточной Галиціи народъ и понынѣ не называетъ мѣстностей иначе, какъ старыми именами. Поляки много бы дали за то, чтобы въ названіи главнаго города Львова (Lemberg), пригодная для стремленія полонизма гибкость русскаго языка допустила бы хоть одну шипящую букву [1]).

---

[1]) Изъ замѣтокъ, полученныхъ изъ Австріи.

Баронъ *Кригъ* относительно сословій систематически возвышалъ крестьянина для ослабленія шляхетства, и русское населеніе предпочиталъ польскому для ослабленія полонизма. Открывъ остатки давней русинской народности, онъ сталъ ее усиливать; по словамъ автора „Воспоминаній,“ она должна была для Австріи, неимѣющей собственной преобладающей національности, навсегда сохранить Галицію отъ всякихъ русскихъ и польскихъ притязаній. Для этой цѣли *Кригъ* хотѣлъ искусственно создавать особую *галицко-русскую* національность, онъ сталъ особенно заботиться о развитіи въ русскомъ племени врожденной смышленности, помощью образованія и созданія особаго галицко-русскаго письменнаго языка. „Всѣ усилія барона *Крига*, пишетъ авторъ „Воспоминаній,“ разбились однако объ упорную оппозицію дворянства, отстоявшаго за польскимъ языкомъ исключительное право быть языкомъ для преподаванія. Только въ 1844 году измѣнились обстоятельства, когда извѣстный *Куземскій* взялъ дѣло въ свои руки. Онъ наэлектризовалъ консисторію, и достигъ наконецъ того, что убѣдилъ и всѣ власти. Послѣ многовѣковаго изгнанія, языкъ населенія былъ введенъ и въ его школы. Такъ возникла галицко-русская грамотность, благодаря ревности *Куземскаго* и горячему участію барона *Крига*. *Кригъ*, въ истинныхъ интересахъ Галиціи, какъ австрійской области, такъ и въ интересахъ австрійскаго монарха, оказалъ величайшія заслуги династіи, постоянно и во всякихъ обстоятельствахъ давая предпочтеніе крестьянину и русскому предъ шляхтичемъ и полякомъ 1).

„Австрійское правительство доселѣ мало заботилось о мѣстномъ языкѣ и держало его на заднемъ планѣ, болѣе по невѣдѣнію, нежели по системѣ. Подобное положеніе дѣла привело бы окончательно къ тому, что галицкіе русскіе кинулись бы въ объятія великоруссовъ. Чѣмъ болѣе они находили преградъ въ своихъ стремленіяхъ къ обработкѣ своего роднаго языка, тѣмъ болѣе въ нихъ созрѣвала мысль, что лучше имъ вовсе отказаться отъ своихъ усилій, и вмѣсто того, чтобы разработывать свой языкъ до литературнаго совершенства новаго языка, лучше обратиться къ родственному

1) Baron Krieg wirkte überall im wahren Interesse des Landes, wie des Monarchen, in dem er den Bauern und die Ruthenen, dem Adel und Polen bei jeder Gelegenheit vorzog. p. 21.

великорусскому. Бури 1848 года привели къ равноправности національностей, и русскіе галичане принялись за работу съ цѣлью грамматически и ороографически упрочить свой языкъ какъ самостоятельный, и къ обособленію его, какъ отъ польскаго, такъ равно и отъ великорусскаго.

„Въ 1819 году явилась первая галицко-русская азбука въ печати. Въ тридцатыхъ годахъ при польскомъ вліяніи, одинъ туземный литераторъ явился съ предложеніемъ принять польскую ороографію; но оно было точно также отринуто, какъ знаменитое нападеніе (der famose Angriff) министерства *Туна* на русскія письмена (1). Кто хотя нѣсколько знакомъ съ славянскими языками, тотъ не можетъ не поздравить галичанъ съ сохраненіемъ *кириллицы*, которая одна соотвѣтствуетъ словянскимъ звукамъ чеховъ, словаковъ, поляковъ, словенцевъ, кроатовъ.....“

„Въ тридцатыхъ годахъ, когда нѣкоторые галицко-русскіе литераторы выказали разнообразную дѣятельность въ своей литературѣ, тогда это обстоятельство возбудило вниманіе поляковъ, и изъ числа ихъ нѣсколько человѣкъ бросились сочинять и собирать народныя галицко-русскія стихотворенія съ цѣлью поглотить усилія туземцевъ писателей (2); но неудача постигла и эти попытки. „Пока стоитъ свѣтъ, русскій не будетъ братомъ поляка,“ говоритъ пословица, и событія 1846 и 1848 года доказали, что русскіе галичане постепенно все болѣе привязывались къ австрійской монархіи и австрійской династіи“ (3).

При переустройствѣ Галиціи, барону *Криgу* предстояли большія затрудненія для образованія мѣстной администраціи соотвѣтствующей цѣли. Австрійское правительство въ этомъ отношеніи силою обстоятельствъ далеко не поставило себя въ такія выгодныя условія, въ какія стала Пруссія. При пестротѣ національностей въ Австрійской имперіи, она пріобрѣтала еще новую—въ области, которая была отдѣлена отъ кореннаго нѣмецкаго населенія; а въ то же время въ Пруссіи

---

(1) Для введенія даже въ церковныя книги.

(2) Die p. Rev. p. 22.

(3) Wacław z Oleska: „Pieśni polskie i russkie ludu Galicyjskiego“ we Lwowie 1833; Z. Paula: „Pieśni ludu russkiego w Galicyi. Lwow, 1840.

округлившейся последнимъ раздѣломъ, нѣмцы охватывали польскія земли и тотчасъ устремлялись поверхъ павшихъ границъ Рѣчи Посполитой. Австрія, лишенная преобладающаго населенія, долго не отказывалась отъ надежды притянуть къ себѣ польскія влiятельныя сословія кротостью и милостями, а потому избѣгала мѣръ, на которыя поляки могли бы отвѣчать громкими воплями. Поляки въ Галиціи долго молчали о правахъ, данныхъ крестьянамъ, объ устройствѣ уніатскаго духовенства, потому что ихъ жалобы изобличали бы, что ихъ возгласы о либерализмѣ, прогрессѣ, правосудіи были только одними громкими фразами. Австрійское правительство обходило вопросъ землевладѣнія; потому сплошная масса влiятельнаго сословія пановъ оставалась спокойною, и администрація вербовалась изъ туземцевъ. Послѣ 1815 г. правительство старалось влить новую жизненную струю въ чиновничество Галиціи назначеніемъ нѣсколькихъ личностей изъ другихъ областей; но оно не могло прійдти къ тѣмъ результатамъ, какихъ достигала Пруссія. Тамъ во вновь пріобрѣтенныхъ областяхъ правительство не только водворяло германскій элементъ широкими льготами, но оно заботилось и о его зажиточности. Кромѣ того, помимо большаго содержанія, которымъ, со времень Фридриха Великаго, отличалась Пруссія, въ числѣ прусскихъ служащихъ было и множество людей съ собственнымъ состояніемъ. Различіе въ матеріальныхъ средствахъ отражалось въ невыгодную сторону, при сравненіи съ австрійскою администраціею. Неимущіе служащіе нѣмцы, прибывшіе на службу въ Галицію, встрѣчали тамъ взяточничество, веденное на широкую руку, и чиновники *на низшихъ* должностяхъ поддавались искушеніямъ панской щедрости, въ то время какъ въ Пруссіи домашняя семейная нужда служащихъ не стучалась въ дверь, не вела къ нравственному паденію. Въ Познани прусское общество ярко высказывало свой нравственный перевѣсъ надъ польскимъ.

Деморализація проникала въ среду нѣмцевъ, прибывающихъ въ Галицію; подобное положеніе дѣлъ потворствовало всѣмъ шляхетскимъ домогательствамъ и вредило правительству въ глазахъ населенія, которое терпѣло отъ разнообразной, ему причиняемой кривды. *Гауэръ и Кригъ* подали себѣ руку и принялись энергически за очищеніе администраціи. Въ ихъ рукахъ было одно средство — притянуть на службу въ Галицію

людей образованныхъ и создать изъ нихъ новую служащую среду, съ другимъ настроеніемъ, другаго закала. Баронъ *Кригъ* неутомимо разыскивалъ и привлекалъ въ край людей достойныхъ, отдѣлывался отъ особенно рекомендуемыхъ польскими магнатами, покровительствуемыхъ въ Вѣнѣ, и безъ всякаго милосердія и сожалѣнія изгонялъ взяточниковъ. „Эти недостойные слуги государства, пишетъ авторъ „Воспоминаній," въ томъ числѣ нѣсколько человѣкъ, занимавшихъ высшія должности, были удалены способами равнозначущими тяжкому наказанію." Призываніями и привлеченіями служащихъ изъ другихъ областей, въ особенности изъ развитой Богеміи (aus dem intelligenten Böhmen), составъ служащихъ очистился (die Beamtenschaft war purificirt), образовался новый составъ вполнѣ надежный, который могъ имѣть уже вліяніе и на высшія австрійскія сферы, что подняло его духъ, содѣйствовало преуспѣянію самаго дѣла и австрійскіе чиновники съ каждымъ годомъ становились болѣе ревнивы (eifersüchtich) къ своей чести и своему значенію; но съ образованными служащими усилился антагонизмъ между администраціею и поляками. 1831 годъ далъ благія послѣдствія настроенія администраціи къ справедливости и правдѣ тою преданностью населенія Галиціи къ правительству, которая еще разительнѣе выказалась во время слѣдующихъ мятежей. Но достоинство австрійской администраціи было создано *Кригомъ* и держалось его личными заботами; администрація не имѣла прочнаго корня. Въ 1848 году выбылъ *Кригъ*, настали новыя обстоятельства для Австріи и полонизмъ, пользуясь ими, вошелъ спустя нѣсколько лѣтъ въ свою прежнюю силу.

Въ 1830 году сбылось то, что въ 1815 году предвидѣлъ князь *Меттернихъ* на вѣнскомъ конгрессѣ, когда поляки предъ русскимъ правительствомъ іеремiадами воспѣвали свои несчастія и страданія временъ раздѣловъ Польши.

Мятежъ въ 1830 году вспыхнулъ въ Варшавѣ и шляхетство въ Галиціи встрепенулось. Австрійское правительство придвинуло войска, приняло самыя энергическія мѣры, дабы не дать разлиться мятежу далѣе, но скоро совершенно успокоилось, увидѣвъ грозное положеніе, принятое крестянами противъ готовимой крамолы. Лишь только вѣнскій кабинетъ убѣдился, что мятежъ въ Польшѣ не вовлечетъ Европу въ войну, то онъ уже видѣлъ и исходъ начатой борьбы. Австрія перемѣ-

ила тактику, не уклоняясь отъ своей давней цѣли постепенаго уничтоженія силы и значенія шляхетскаго элемента, а сегда недальновидные паны тотчасъ попали въ западню.

Поляки ясно видѣли, что австрійское правительство стало мотрѣть сквозь пальцы на всѣ польскія снаряженія, и они рписали наружныя формы австрійскаго надзора вдоль граицы дипломатическимъ хитростямъ противъ Россіи; изъ этого ключали, что дипломатическое искусство князя *Чарторыйкаю* увѣнчивается, и что Австрія не земедлитъ принять воруженное участіе въ польской справѣ. Австрійцы съ больимъ удовольствіемъ смотрѣли, какъ исчезавшіе изъ Галиціи оляки собирались въ рядахъ польской арміи, какъ Галиція чищалась отъ польско-патріотическихъ головъ.

Польская молодежь Галиціи спѣшила стать подъ польскія намена, пишетъ авторъ „Воспоминаній", а поляки, остававвіеся дома, были не менѣе дѣятельны къ поддержанію мятежа енежными сборами, закупкою лошадей, пороха, свинца, оруія, которые жиды тайно препровождали чрезъ границу; женцины готовили корпію, и своими презрительными насмѣшками реслѣдовали неувлекавшихся. Австрійское правительство чредило бдительный надзоръ за всею польскою границею, служащіе исполняли строгія инструкціи съ тою ревностью усердіемъ, которыми они въ то время отличались. Предъ многочисленными корчмами, которыя для разоренія населенія zur Ruin des Bauers) паны сдавали въ аренду жидамъ, собираись большія нежели въ обычное время толпы крестьянъ и обсуживали современныя обстоятельства. Служащіе могли тогда ближе всмотрѣться въ воззрѣнія, вѣрованія, чувства и намѣренія крестьянскаго сословія. Австрійскіе чиновники, изъ недавно прибывшихъ въ страну, думали, что они попали въ среду мятежниковъ и каждаго крестьянина почитали достойнымъ быть отправленнымъ въ Шпильбергское или Куфштейнское заточеніе; но скоро разубѣждались, и иногда комическимъ образомъ. По всей Галиціи выяснялись вкоренившіяся въ крестьянинѣ нерасположеніе къ поляку-пану и ненависть ко всему, что только напоминало польское владычество и польскую національность. Еще много было стариковъ, которые живо помнили время за 60 лѣтъ бывшаго польскаго господства, страданія и свои собственныя и своихъ отцовъ, и — на крестьянскихъ сборищахъ послышались угрозы, которымъ чрезъ

15 лѣтъ суждено было осуществиться (1). Австрійскіе чиновники отъ своихъ вышепоставленныхъ скоро получили, подъ сурдинкою, намеки, чтобы они не принимали горячо къ сердцу дѣла объ охраненіи границы и не портили бы его излишнимъ усердіемъ (2). Одинъ молодой окружной начальникъ захватилъ двухъ паничей, своихъ львовскихъ хорошихъ пріятелей, пробиравшихся къ Вислѣ. Напрасно молили они его о пощадѣ, призывая всѣхъ святыхъ и во имя героинь ихъ общихъ закулисныхъ похожденій львовскаго театра. Служащій остался непоколебимъ и съ самодовольнымъ чувствомъ исполненнаго долга предсталъ предъ вслѣдъ за тѣмъ прибывшимъ начальникомъ. Велико было его разочарованіе, когда между четырехъ глазъ, онъ получилъ отъ своего старшаго вмѣсто похвалы головомойку... Панычамъ намекнули, что ночнымъ бѣгствомъ они могутъ избавиться отъ дальнѣйшихъ непріятностей. Утромъ крестьянская изба, въ которой они были арестованы, оказалась пустою (3)...

„Въ Галиціи всѣ польскіе патріоты рѣшили поддерживать возстаніе всѣми своими силами; но разладъ въ Варшавѣ отражался и на Галиціи, смотря по получаемымъ вѣстямъ. Тутъ осуждали *Хлопицкаго*, тамъ бранили *Скржинецкаго*, одни превозносили *Чарторыйскаго* и въ немъ видѣли спасителя, другіе *Лелевеля*, историка и демократа, а потомъ поочередно проклинали то одного, то другаго. Сегодня ругали измѣнниками и шпіонами аристократовъ, а на другой день демократовъ; то тѣхъ, которые вели польскую дипломатію, то тѣхъ, которые требовали продолженія войны."

Когда, послѣ ряда неудачъ, штурмъ Варшавы привелъ мятежъ къ окончательной гибели, тогда бѣглецы являлись въ Галицію толпами, въ плачевномъ положеніи и искали въ ней убѣжища. Ихъ видъ возбуждалъ всеобщее соболѣзнованіе, какъ между ихъ единоплеменниками, такъ и въ средѣ австрійцевъ.

Австрійское правительство во время всего мятежа вполнѣ убѣдилось, что его система дѣйствій увѣнчалась успѣхомъ, что населеніе окрѣпло въ своемъ настроеніи, преданности къ правительству, и что его сила пріобрѣла такой перевѣсъ надъ крамольнымъ настроеніемъ пановъ, что австрійской власти

(1) Die poln. Rev. p. 4. (2) p. 8. (3) Die poln. Rev. p. 8.

нечего было опасаться въ будущемъ. Заботы правительства твердо за нимъ закрѣпили массу народа, и оно безбоязненно дозволило многимъ выходцамъ остаться въ Галиціи. Иные купили имѣнія и стали помѣщиками, а другіе арендаторами, учителями, наставниками, художниками. Многіе вовсе безъ занятій проживали у своихъ друзей или родныхъ. Австрійское правительство дорого поплатилось за то, что считая себя достаточно уже сильнымъ, подъ вліяніемъ человѣколюбивыхъ влеченій, сдѣлало уступку полонизму. Какъ отплатили ему поляки за дарованное убѣжище? „Они образовали, пишетъ авторъ „Воспоминаній,"—горючій матеріалъ для будущаго. Разсѣянные по всей странѣ, по городамъ и по усадьбамъ, они составили сѣть заговорщиковъ, которую эмиграція раскинула по цѣлой Галиціи" 1).

(Продолженіе будетъ).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ДРЕВНИХЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ЦЕРКВАХЪ ГОРОДА ВИЛЬНЫ.

Въ 1569 году, т. е. въ годъ прибытія въ сѣверо-западную Россію іезуитовъ, у православныхъ въ Вильнѣ была 21 церковь, онѣ же приходскія, три придѣла и три монастыря, у римско-католиковъ же одинъ костелъ соборный, шесть монастырей, семь монастырскихъ костеловъ и, что весьма замѣчательно, одинъ приходскій костелъ—св. Іоанна. Число р. католиковъ въ это время было крайне незначительно, такъ что въ 1536 году ксендзъ Іоаннъ Богемскій писалъ, что „въ литвѣ русскіе всѣ, а изъ литовцевъ большая часть исповѣдывали православную вѣру, остальные же (литовцы) язычники." 2) Даже и въ 1578 году польскій писатель Александръ Гвагнинъ свидѣтельствовалъ, что „хотя нѣкоторые изъ русскихъ дворянъ, подданныхъ польскаго короля, исповѣдывали лютеранскую и кальвинскую вѣру, но все народонаселеніе и большинство магнатовъ и дворянъ твердо держались своей древле-православной вѣры." 3) Между тѣмъ, спустя 50 лѣтъ,

---

1) Die poln. Rev. p. 13.

2) Mores, leges et ritus ominum gentium, 2-е изданіе. Фрибургъ (въ вел. кн. Баденскомъ.

3) Sarmatiae Europeae descriptio, въ соч. RespublicaMoscoviae et urbes Лейденъ 1580.

т. е. въ 1609 году православныхъ церквей въ Вильнѣ было только 12, [1]) а въ 1799 году церковь Благовѣщенская оставалась при православныхъ, а Троицкая и Никольская при уніатахъ, остальныя же изъ древнихъ или обращены въ жилые дома, или же отъ нихъ остались только голыя стѣны. Исторія виленскихъ православныхъ церквей нынѣ достаточно разработана, а только церкви св. Анны, Варвары, Петра, Крестоводвиженская и монастырь Вознесенскій извѣстны по одному названію.

Описаніемъ виленскихъ церквей успѣшно занимались архимандритъ Троицкаго монастыря Арсеній Хрулькевичъ, профессоръ бывшаго виленскаго университета Михаилъ Гомолицкій, Θеодоръ Нарбутъ и священникъ Антоній Пщолко. Хрулькевичемъ была приготовлена къ печати грамадная рукопись свѣдѣній о введеніи христіанства въ сѣверо-западномъ краѣ, но, къ несчастью, авторъ, вскорѣ послѣ ея составленія, скончался и рукопись пропала. Михаилъ Гомолицкій вполнѣ былъ знакомъ съ названною пропавшею рукописью еще при жизни автора, и потому напечатанныя имъ въ польскомъ журналѣ „Wizerunki", редактированномъ извѣстнымъ ксендзомъ И. Шидловскимъ, свѣдѣнія о здѣшнихъ церквахъ надо считать на столько же принадлежащими ему (Гомолицкому), сколько и Хрулькевичу. У отца Антонія Пщолко не мало находится свѣдѣній по нашему вопросу въ „Русской Вильнѣ„ и въ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ при разныхъ церковныхъ праздникахъ. Нарбутъ, наконецъ, много пишетъ о нашемъ предметѣ въ „Исторіи литовскаго народа." Мы намѣрены поговорить о церквахъ, извѣстныхъ доселѣ по одному только названію.

ЦЕРКОВЬ СВ. АННЫ.

Въ бывшемъ бернардинскомъ огородѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нынѣшняго костела св. Франциска и Бернардина и костела св. Анны, находилась православная каменная церковь св. Анны. Нынѣ послѣ нея осталась значительная часть стѣнъ, въ которыхъ устроенъ бернардинами жилой домъ. Кѣмъ и когда церковь основана—неизвѣстно; но остатки стѣнъ свидѣтельствуютъ о ея глубокой древности. Объ ней упоминается въ описаніяхъ осады Вильны въ 1394 году; [2]) значитъ она существовала прежде 1386 года, т. е.

---

[1]) Актъ передачи виленскихъ прав. церквей уніатскому митр. Поцѣю отъ 11 августа 1609 года. Подлинникъ писанъ порусски.— Wizerunki.

[2]) Нарбутъ.

прежде, чѣмъ Ягайло перешелъ въ латинство, такъ какъ послѣ этого года онъ, конечно, не позволилъ бы построить православную церковь въ чертѣ замка, ибо та мѣстность, гдѣ была церковь, до начала XV вѣка, находилась въ чертѣ нижняго замка. Послѣ 1469 года, въ нѣскольких шагахъ отъ церкви св. Анны, построенъ польскимъ королемъ, Казиміромъ IV (Ягайловичемъ), запретившимъ, по наущенію своего сына, св.Казиміра, строить новыя и возобновлять старыя православныя церкви, 1) костелъ св. Франциска и Бернардина и монастырь для бернардиновъ которые, согласно своему призванію, сейчасъ же и начали разными эффектными обрядами и процессіями завлекать православныхъ въ свой костелъ и, наоборотъ, отвлекать ихъ отъ хожденія въ церковь. Даже старались было совратить въ латинство и самую великую княгиню литовскую Елену Іоанновну, не стѣсняясь нисколько предосудительностью средствъ, за что нерѣдко и жаловался на нихъ своему зятю, великому князю литовскому Александру Іоаннъ Васильевичъ III. 2) Но такъ какъ бернардинскія мѣры оказались безуспѣшны и церковь св. Анны выдержала невредимо всѣ ухищренія пропаганды, то папа Александръ VI, въ 1501 году, опредѣлилъ построить въ Вильнѣ и костелъ св. Анны. Достовѣрно извѣстно, что до 1501 года, костела св. Анны не было въ Вильнѣ; 3) а только послѣ названнаго года Анненскій костелъ (нынѣ существующій) впервые построенъ въ семъ городѣ, рядомъ съ православною церковью того же названія, сперва изъ дерева, а потомъ, по совѣту іезуитовъ, изъ камня, на средства короля Сигизмунда Августа; костелъ этотъ оконченъ передъ 1581 годомъ съ замѣчательнымъ великолѣпіемъ, въ готическомъ стилѣ. 4) Въ этомъ (1581) году, состоялось освященіе новаго костела и введено костельное братство: въ праздникѣ участвовали даже и епископы, въ томъ числѣ и величайшій врагъ православія—львовскій епископъ Соликовскій, учредитель сего братства. Согласно своему происхожденію, братчики св. Анны носили на шеѣ медали золотыя или серебряныя, съ ношеніемъ которыхъ сопряжено прощеніе грѣховъ. 5) Кромѣ того, точно также рядомъ съ тою же церковью построенъ іезуитами и жилой

1) Breviarium romanum—Молитвенникъ ксендзовъ.
2) Нарбутъ.—кс. Пржіялговскій.
3) М. Балинскій.—Крашевскій,—гр. Ев. Тышкевичъ.
4) Тѣже.
5) Societas s. Annoe, Краковъ 1590 г. А. Киркоръ—Przechadzki po Wilnie.

домъ. 1) Такимъ образомъ, около 1581 года православная церковь св Анны была окружена, со стороны города, іезуитскимъ домомъ, костеломъ св. Анны, костеломъ св. Франциска и Бернардина и бернардинскимъ монастыремъ; съ противной же стороны, рѣкою Вилейкой и высокой непроходимой горою, такъ-называемой *Лысой*. Спрашивается: могла ли она существовать дольше, находясь въ такомъ сосѣдствѣ, при такой обстановкѣ?

КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

Домъ умалишенныхъ, находящійся между дворцомъ виленскихъ генералъ-губернаторовъ, р.-католическимъ соборомъ и игнатьевскими казармами въ Вильнѣ, и есть бывшая православная церковь Крестовоздвиженская. Она была каменная 2) и основана, если не далеко прежде, то уже ни какъ не позже, какъ въ концѣ XV вѣка, именно при Еленѣ Іоанновнѣ, заступницѣ православія въ Литвѣ. Чтобы подавить крестовоздвиженскую церковь, епископъ и виленскій капитулъ, въ соборномъ костелѣ, на мѣсто главнаго алтаря св. Станислава, поставили новый въ честь Воздвиженія Честнаго Креста и выхлопотали отъ папы Александра VI отпущеніе грѣховъ за молитву передъ симъ алтаремъ. Это было 13 мая 1501 года, а 11 сентября того же года опять присланы изъ Рима въ Вильну мощи святыхъ, по преимуществу тѣхъ, во имя коихъ тогда въ семъ городѣ процвѣтали православныя церкви, какъ: мощи Параскевы, Варвары, Николая, Космы и Даміяна, и что главное въ нашемъ вопросѣ—частичка Креста Господня. 3)

Такъ какъ частичка Креста Христова не привлекла народа въ костелъ болѣе прежняго и онъ постарому не переставалъ посѣщать Крестовоздвиженскую церковь, то виленскій капитулъ, въ 1503 г., счелъ нужнымъ ввести многіе новыя обряды, болѣе эффектные, касающіеся чествованія частички 4), которые, замѣчательно, въ первой половинѣ слѣдующаго XVII вѣка совершенно были оставлены ксендзами 5), потому что въ это время Крестовоздвиженская православная церковь уже не существовала. Кромѣ того, въ 1542 году, построенъ при р. католическомъ соборѣ придѣлъ Крестовозди-

1) Нарбутъ.—Крашевскій.

2) Іезуитъ Свѣнцицкій, Theatrum s. Cazimiri, Вильна 1604 г.— Wizerunki.

3) Копія Буллы Reliquiarum въ актахъ виленскаго капитула.

4) Акты виленскаго р. католич. капитула отъ 30 мая 1503 г.

5) Тамъ же отъ 6 октября 1649 г.

женскій 1), (нынѣ обращенный въ складъ костельныхъ вещей) а черезъ годъ—и особо часовня возлѣ самой православной Крестовоздвиженской церкви. Вотъ какъ это было. Въ началѣ XVI вѣка виленскіе р. католическіе епископы начали жить въ своемъ дворцѣ, находившемся тамъ, гдѣ нынѣ дворецъ генералъ-губернаторовъ, при которомъ находился и садъ, простиравшійся до самой Крестовоздвиженской церкви. Епископъ Павелъ Ольшанскій, въ 1543 году, построилъ въ своемъ саду, насупротивъ церкви, часовню въ честь Воздвиженія Креста. Часовня была деревянная и существовала долго, упразднилась въ XVII вѣкѣ. 2) Въ 1574 г., одинъ изъ іезуитовъ былъ проповѣдникомъ, а другіе два духовниками въ виленскомъ соборномъ костелѣ, которые и присвоили себѣ православную церковь и при ней поселились, подъ предлогомъ, что имъ негдѣ жить. 3) Между тѣмъ, въ 1622 году, епископъ Евстафій Воловичъ началъ строить, оттуда въ нѣсколькихъ шагахъ, костелъ Игнатія Лойолы и монастырь для іезуитовъ, которые, съ своей стороны, костелъ Крестовоздвиженскій (бывшая церковь) въ 1635 году передали братчикамъ бонифратрамъ, которые въ стѣнахъ ея устроили домъ умалишенныхъ, а на ея мѣсто воздвигли костелъ новый, совершенно сходный съ прежде существовавшимъ и рядомъ съ нимъ. 4)

Это сдѣлано бонифратрами для окончательнаго упраздненія православной церкви; тѣмъ болѣе, что не только по конституціямъ 1609 и 1627 годовъ, но что главное—по конституціи того же 1635 г., святыни и фундуши православныхъ должны принадлежать православнымъ; значитъ не передѣлали бы ее въ домъ умалишенныхъ, бонифратрамъ пришлось бы ее возвратить православнымъ. 5) Здѣсь кстати замѣтить, что костелъ, построенный бонифратрами, освященъ во имя св. Іоанна Божія,—тѣмъ неменѣе, народъ и польскіе писатели не перестаютъ называть его и по нынѣ Крестовоздвиженскимъ.

ЦЕРКОВЬ СВ. ВАРВАРЫ.

Въ былыя времена, особенно въ XV, XVI и XVII вѣкахъ, правый берегъ рѣки Виліи, гдѣ нынѣ предмѣстье Рыбаки, еврейское

1) Крашевскій.

2) Крашевскій, Гомолицкій. Акты в. р. капитула, отъ 11-го февраля 1615 года. Крашевскій. Wizerunki.

3) Wizerunki.—Кс. Пржіалговскій.

4) М. Балинскій—Гр. Крашевскій.— Ев. Тышкевичъ.

5) Volumina Legum.

кладбище и цитадель, былъ многолюдно населенъ и оживленъ торговлей; здѣсь находились амбары товаровъ, сплавливаемыхъ по Виліи, здѣсь же находился и извѣстный стеклянный заводъ князя Мартина Палецкаго, равно и королевская псарня. 1) Точно тамъ же находилась и православная церковь св. великомученицы, Варвары; костела тамъ не было. 2) Въ 1534 году ксендзъ Валеріанъ Протасевичъ купилъ три усадьбы, а король Сигизмундъ I подарилъ ему на томъ предмѣстьи четвертую, съ цѣлью построить тамъ домъ для новообращенныхъ, разумѣется изъ православія въ латинство. Попавъ въ виленскіе епископы, Валеріанъ на свое мѣсто назначилъ викарнаго Альбинуса, который и жилъ въ сказанномъ домѣ „прозелитовъ.“ Вскорѣ усадьбы достались виленскому капитулу. Согласно прошенію, 6-го февраля 1577 года, часть названной земли, принадлежавшей капитулу за рѣкой Виліей, отдана ректору виленской коллегіи, іезуиту Станиславу Варшевицкому, и извѣстному своимъ фанатизмомъ проповѣднику іезуиту Петру Скаргѣ, гдѣ и былъ построенъ домъ и основанъ садикъ, и гдѣ Скарга сочинялъ свои проповѣди и рѣчи противъ православія. 3) Вскорѣ послѣ этого, іезуиты завладѣли близъ лежащею православною церковью св. Варвары и обратили ее въ костелъ. Когда съ 1655 по 1661 годъ войска Алексѣя Михайловича занимали Вильну и велѣно было возвратить православныя церкви, захваченныя уніатами и латинниками, то и въ названной церкви св. Варвары опять начали было служить православные 4) Само собою разумѣется, что послѣ выхода русскихъ войскъ изъ Вильны, эту церковь опять присвоили себѣ іезуиты. Въ 1702 году, войска Карла XII цѣлый мѣсяцъ стояли лагеремъ на сказанномъ правомъ берегу Виліи, грабили городъ, по преимуществу же іезуитовъ. 5) По всей вѣроятности въ это время палъ окончательно названный іезуитскій домъ, садикъ и, что главное, уничтожена и церковь св. Варвары. Здѣсь кстати замѣтить, что еще въ томъ же году, на названномъ предмѣстьи, гдѣ находилась церковь св.

---

1) Хроника Ривія,—Ѳ. Нарбутъ.—М. Балинскій.

2) Кс. Г. Браунъ.—Urbium praecipuarum theatrum. Кельнъ 1599. Планъ Вильны, написанный до 1623 года, и находившійся у Марциновскаго—Крашевскій.

3) Акты виленскаго капитула.—Ревизія виленскаго соборнаго костела съ 1743 года.

4) Крашевскій.

5) Тотъ же.

Варвары, поселились монахи кармелиты-босые (костелъ ихъ назывался св. Іосифа), въ слѣдующемъ же (1703) году, немножко подальше, на Снипишкахъ,—іезуиты, (костелъ которыхъ построенъ во имя св. Рафаила).

ЦЕРКОВЬ СВ. ПЕТРА.

Церковь св. Петра, кіевскаго святителя находилась тамъ, гдѣ нынѣ домъ, первый отъ Острыхъ воротъ, принадлежащій собору литовскихъ митрополитовъ. Она была деревянная, небольшая и, какъ намъ кажется, построена около 1345 г., потому что въ это время учрежденъ праздникъ названному святому и основана св. Троицкая церковь, которой она принадлежала и надъ Острыми воротами находилась чудотворная икона Пресвятой Богородицы. Это послѣднее обстоятельство имѣло, по нашему мнѣнію, болѣе всего вліянія на постройку сей церкви, такъ какъ народъ собирался при Острыхъ воротахъ и желалъ отслужить церковныя службы возлѣ чудотворной иконы. Поэтому, мы видимъ, что какъ только кармелиты босые, поселившіеся здѣсь въ 1626 году, чрезъ улицу, упразднили ее, что случилось до 1633 года 1), то, желая хоть отчасти восполнить потерю ея, въ это же самое время Іоанномъ Тышкевичемъ построена, оттуда въ нѣсколькихъ шагахъ, часовня или, точнѣе, придѣлъ при св. Троицкой церкви, во имя Благовѣщенія или, что тоже, въ честь Островоротной иконы Пр. Богород. 2)

ВОЗНЕСЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Сей монастырь находился между церковью Пречистыя Богородицы и Спасскимъ мостомъ, именно тамъ, гдѣ нынѣ домъ Андреевскаго. 3)

Когда и кѣмъ построенъ—неизвѣстно. Намъ кажется, что монастырь построенъ вмѣстѣ съ церковью Пречистыя Богородицы, иначе — бывшею митрополіею западной Россіи, которая крайне древная по своему основанію: по всей вѣроятности, она или, можетъ быть, церковь Спасителя, основана въ концѣ XII вѣка или же въ самомъ началѣ XIII; а только около 1350 года, на томъ же самомъ мѣстѣ построена церковь новая, громадная, Пречистыя

1) Дѣло объ обмежеваніи св.-Троицкой горы съ 1633 года, находящееся въ Св. Троицкомъ архивѣ.—Wizerunki.

2) Wizerunki.

3) Акты виленскаго капитула отъ 26 октября 1590 года.

Богородицы вел. кн. лит. Ольгердомъ и его второй супругою Іуліаніей, урожденной княжной тверскою. 1)

Въ 1595 году іезуиты напали на митрополію и близь лежащій монастырь и, завладѣвъ ими, не отдавали ихъ до тѣхъ поръ, пока священники и монахи не приняли уніи. 2) Въ 1664 году, виленская митрополія, значитъ вмѣстѣ съ нею Спасская церковь и Вознесенскій монастырь, отданы архіепископу полоцкому Гаврілу Колендѣ. Митрополитъ принялся всѣми мѣрами подавлять православныхъ; тѣмъ болѣе, что они пособили русскимъ войскамъ Алексѣя Михайловича взять Вильну: для вящшаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, 29-го августа 1668 года митрополиту дана королевская грамота, въ силу которой ему позволено безразлично отнимать церкви, монастыри, фундуши (имущества) отъ православныхъ, ни сколько не обращая вниманія на то, что онѣ недавно признаны закономъ за православными. 3) Поднято ужаснѣйшее гоненіе на православныхъ; но виленскій магистратъ не отдавалъ Колендѣ православныхъ святынь и ихъ фундушей. Начался всѣмъ извѣстный процессъ митрополита съ виленскимъ магистратомъ, продолжавшійся съ 1668 по 1672 годъ и стоившій Колендѣ жизни. 4) Во время его наряжена коммиссія такъ называемая Королевская для осмотра виленскихъ церквей и ихъ фундушей, дѣйствовавшая по указаніямъ Коленды и въ духѣ польщизны. Въ 1671 году, названною коммиссіей древняя православная чудотворная Островоротная икона Богородицы отдана кармелитамъ-босымъ костела св. Терезіи 5), церковь св. Петра и Павла на Зарѣчьи закрыта, въ церкви же Спасской и въ монастырѣ Вознесенскомъ устроенъ госпиталь, 6) который въ послѣдствіи (послѣ 1800 года) перешелъ въ частную собственность;— нынѣ домъ Андрѣевскаго.

Жегота.

---

1) Дубинскій, сборникъ правъ и привиллегій г. Вильны. Вильна 1778.—И. Даниловичъ, Tygodnik Petersburski.

2) Wizerunki. Запись имѣнія Ваки въ пользу митрополіи Станислава Сапѣги, отъ 1 мая 1600 и отъ 20 мая 1602 г.

3) И. Кульчинскій—Specimen ecleniae Ruthenicae, Парижъ 1859 г. (перепечатка).

4) Тоже Кульчинскій. Wizerunki.

5) Исторія Остробрамской иконы въ Русск. Вѣстникѣ за 1867 г.

6) Wizerunki.—Пщолко.

ВѢРОТЕРПИМОСТЬ ПАПЪ.

(Историческій очеркъ).

Довольно вѣрное средство заставить противника молчать состоитъ въ томъ, чтобъ ему выдернуть языкъ. Лучше, если, сверхъ того, ему отрубятъ и руки, чтобы онъ не могъ ни говорить, ни писать. Но самое вѣрное средство положить конецъ всякимъ пререканіямъ—это повѣсить или сжечь противника.

Правило іезуитской морали.

Западная церковь, вслѣдствіе различныхъ политическихъ обстоятельствъ, получила особенное іерархическое устройство, значительно отличающее ее отъ другихъ церквей. Самое характеристическое отличіе его состоитъ въ томъ, что въ главѣ этой церкви поставилъ себя папа, соединяющій въ своей особѣ и духовную и свѣтскую власти и стремящійся къ неограниченному владычеству надъ всѣмъ христіанствомъ. Притязанія его далеко превосходятъ притязанія всякаго другаго деспота-восточнаго или западнаго; потому что обыкновенные монархи довольствуются тѣмъ, если подданные поступаютъ сообразно волѣ государя, а его апостольское святѣйшество желалъ и требовалъ, чтобы западные христіане не только „поступали," но и „думали" такъ, какъ ему угодно. И дѣйствительно, въ западномъ христіанствѣ все вращалось около папы, его приговоры считались закономъ для всѣхъ. Онъ былъ для церкви не только главою или средоточіемъ, но какимъ-то олицетвореніемъ ея, и какъ Людовикъ XIV, говорилъ: „государство—это я", съ такимъ же точно правомъ и папа могъ сказать: „церковь—это я". Соотвѣтственно такому воззрѣнію и всякое оскорбленіе папы, всякое отрицаніе его свѣтской власти трактовалось какъ оскорбленіе церкви, какъ нападки на религію,—и папы не пропускали ни одного случая—объявлять еретикомъ, отступникомъ отъ вѣры каждаго, кто заслужилъ ихъ проклятія по чисто-политическимъ причинамъ. Такъ они дѣйствовали во всѣ времена своего неограниченнаго владычества, такъ они дѣйствуютъ и нынѣ, постоянно отождествляя понятія о папствѣ съ понятіемъ о христіанствѣ. Какъ легко, послѣ этого, впасть въ ересь!

Не смотря однакожь на то, что папы издавна облекли себя такимъ чрезвычайнымъ могуществомъ, что даже величайшіе

монархи трепетали передъ ними; не смотря на то, что вѣрные слуги папъ, разсѣянные по всему міру, подвергали строгому суду всякаго, кто хотьбы сколько нибудь провинился предъ папствомъ или римскимъ католичествомъ или даже подозрѣваемъ былъ въ этомъ грѣхѣ,—не смотря на все это, даже во времена наибольшаго процвѣтанія папской деспотіи, являлись мыслители, отваживавшіеся колебать эту страшную твердыню и нападавшіе не только на ученіе римскаго католичества, но и на самыя основанія римской іерархіи. Казалось бы, представленіе папскаго всемогущества, страхъ проклятія и соединенныхъ съ нимъ ужасныхъ послѣдствій должны были удерживать міръ отъ поступковъ, даже отъ мыслей, могущихъ возбудить гнѣвъ Рима; но вышло на оборотъ, и тутъ-то оправдалось извѣстное замѣчаніе, что туго натянутыя струны—лопаются.

Нападенія такъ называемыхъ еретиковъ на римскую церковь и на ея ученіе начинаются, сколько извѣстно изъ исторіи, съ девятаго и десятаго вѣка, то есть со времени отпаденія церкви римской отъ церкви вселенской или точнѣе—съ эпохи вполнѣ опредѣлившагося властолюбія папскаго. Они направлены были главнымъ образомъ на нѣкоторые церковные обряды. Особенно расплодился корень ереси въ верхней Италіи и въ южной Франціи, хотя прозябаніе его совершалось втайнѣ. Но, въ чемъ состояли ученіе и правила тогдашнихъ еретиковъ, объ этомъ молчатъ современные лѣтописцы, и только встрѣчаемъ общую оговорку въ родѣ слѣдующей: „До свѣдѣнія церкви дошло, что въ такой-то странѣ такіе-то или многіе не раздѣляютъ правой вѣры римскихъ-католиковъ.“ Такихъ людей обыкновенно называли тогда „манихеями“, не потому, впрочемъ, чтобъ они слѣдовали ученію извѣстной подъ этимъ названіемъ гностической секты;—это былъ синонимъ еретика. Манихеемъ считался всякій, кто не согласовался съ римскимъ католичествомъ. Уже съ десятаго вѣка стали высказываться требованія, чтобы еретиковъ или манихеевъ казнить безъ всякаго суда и разбора. Впрочемъ, кажется, тогда еще поступали съ ними не такъ сурово, но въ одиннадцатомъ вѣкѣ заговорили уже въ другомъ тонѣ. Въ 1017 году, во времена папы Венедикта VIII, одинъ реймсскій пресвитеръ открылъ, что два священника въ этомъ городѣ, Стефанъ и Лизой—еретики, что у нихъ не мало и послѣдователей. Донесено было объ этомъ папѣ и французскому королю Роберту; оба они постановили: судить еретиковъ

на соборѣ, имѣвшемъ открыться въ Орманѣ. Стефанъ и Лизой, вмѣстѣ съ тринадцатью своими послѣдователями, потребованы на соборъ и должны были исповѣдать свою вѣру. Они сдѣлали это, какъ наивно разсказываетъ современный писатель Глаберъ Рудольфъ, съ такою ясностью и остроуміемъ, что собравшіеся епископы не въ состояніи были опровергнуть ихъ; однакожь всѣ эти патнадцать публично сожжены на кострѣ, потому что не хотѣли обратиться.“ Это были первые извѣстные еретики, которые пострадали на кострѣ. Въ чемъ состояла ихъ ересь, этого акты орманскаго собора не объясняютъ, въ этихъ актахъ они называется просто манихеями, а потому и осуждаются на смерть.

Думать, что казнью этихъ пятнадцати нанесенъ былъ смертельный ударъ всему еретичеству, значило бы допустить большую ошибку, потому что уже въ 1025 году Герардъ, епископъ аррасскій долженъ былъ снова созвать соборъ, чтобы положить преграду усиливавшемуся еретичеству. Изъ извѣстій объ этой новой ереси видно, что послѣдователи ея заимствовали свое ученіе отъ какого-то Гангульфо, родомъ изъ Италіи, и почитали это ученіе древнѣйшимъ въ церкви, основаннымъ на библіи. Ни соборъ, ни епископъ, не занялись обличеніемъ ереси, но такъ какъ „новые еретики не утверждались въ католичествѣ,“ опредѣлено было сжечь ихъ на кострѣ, по примѣру вышеупомянутыхъ пятнадцати. Но и этою мѣрою не положенъ конецъ ереси; напротивъ, она распространялась все болѣе и болѣе, какъ показываетъ созванный въ 1069 г. соборъ въ Тулузѣ. На этомъ соборѣ нашли нужнымъ судить не только самихъ еретиковъ, но и тѣхъ, которые принимали ихъ у себя или защищали. Еретики эти, между прочимъ, нападали на безнравственность и ханжество тогдашняго духовенства. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, если епископы и папа всѣми силами старались подавить это ученіе, тѣмъ болѣе, что послѣдователи его уже образовали настоящую секту. Они раздѣлялись на два класса: такъ называемые credentes, т. е. вѣрующіе вообще, и perfecti или electi, т. е. совершенные или избранные, которые считали своею обязанностью проповѣдывать другимъ евангеліе и защищать свою вѣру. Подавить ересь было не такъ легко, какъ казалось сначала папамъ, потому что, если по мѣстамъ и сожигали десятокъ-другой еретиковъ, то perfecti взамѣнъ казненныхъ, своими проповѣдями пріобрѣтали вдесятеро больше новыхъ послѣдова-

телей. Ересь теперь получила собственное названіе,—прежнее же имя Манихеевъ было оставлено. Это новое названіе было „Вальденсы.“ О происхожденіи такого названія разсказывается слѣдующее: „Въ первой половинѣ двѣнадцатаго вѣка, во времена папы Иннокентія II, въ городѣ Ліонѣ жилъ одинъ богатый купецъ, по имени Петръ Вальдо или де-Вальдо, и для него однимъ католическимъ священникомъ, по имени Стефаномъ, переведены были евангеліе и значительная часть всей библіи. Петръ ревностно поучался въ чтеніи библіи и такъ проникся ея духомъ, что продалъ все свое имѣніе и деньги роздалъ нищимъ. Затѣмъ сталъ онъ проповѣдывать евангеліе и, разумѣется, скоро пришелъ въ столкновеніе съ римско-католическими священниками, почему былъ осужденъ и долженъ былъ бѣжать. Но не смотря на то, что священники вооружали противъ него всѣхъ и, что самъ папа требовалъ его къ отвѣту въ Римъ, Петръ не переставалъ проповѣдывать евангеліе, и къ нему стекалась тьма послѣдователей, которые, чтобы почтить его память, назывались по его имени Вальдо—„Вальденсами.“ Таково обыкновенное повѣствованіе о происхожденіи Вальденсовъ; но оно основано на чистой баснѣ, потому что не было никогда купца, прозывавшагося Вальдо, не было также и мѣстности во Франціи съ такимъ наименованіемъ. Происхожденіе сказки объясняется тѣмъ, что извѣстный историкъ Пильхдорфъ, издавшій въ тринадцатомъ вѣкѣ большое сочиненіе о Вальденсахъ, между значительнѣйшими членами ихъ именуетъ и извѣстнаго Петра, которому даетъ прозваніе „Waldensis.“ Отсюда читатели этого сочиненія заключили, что Петръ вальденскій былъ основателемъ секты Вальденсовъ, и съ поверхностностію, съ какою обыкновенно обращались прежде съ фактами, тотчасъ составили повѣсть о Петрѣ Вальдо. Сущность дѣла въ томъ, что названіе Вальденсовъ извѣстно было уже въ одиннадцатомъ столѣтіи и что Пильхдорфъ за тѣмъ даетъ прозваніе Петру—Вальденскій потому, что онъ былъ выдающеюся личностью между Вальденсами. Короче сказать: Вальденсы первоначально назывались неВальденсами, но тогдашніе писатели называли ихъ попеременно: то Valenses, то Vaudois, то наконецъ Vadoys, смотря потому, на какомъ языкѣ писали—на латинскомъ, французскомъ или романскомъ. Всѣ эти названія происходятъ отъ слова Val или Vaux, означающаго „долина,“ и подъ Valenses разумѣли сначала жителей долинъ, т. е. обитателей піемонтскихъ, альпійскихъ

долинъ, куда проникло ученіе первыхъ еретиковъ и гдѣ держалось оно все время *).

Что же это были за Вальденсы, и въ чемъ состояло ихъ религіозное ученіе? Къ нимъ принадлежали, по крайней мѣрѣ въ началѣ, только самые бѣдные и мало образованные. Это были, какъ говорятъ, „простецы", и религіозное ученіе ихъ образовалось также просто. Тутъ и рѣчи не могло быть о теологической системѣ или выработавшемся догматѣ; вся ихъ ересь состояла сначала въ томъ лишь, что они имѣли у себя романскій переводъ библіи, которой они строго держались, и не имѣли другихъ претензій, какъ только быть „апостолическими" христіанами. По этому они отвергали все, что съ теченіемъ времени вошло въ римскую церковь; особенно же гнушались они римскаго клира, который жизнью своею представлялъ разительную противоположность тому идеалу пастыря, какой начертанъ въ евангеліи. Но преимущественно ненавистенъ имъ былъ глава клира, римскій папа, и они называли его нерѣдко вавилонскимъ вааломъ или антихристомъ. Понятно, какими глазами смотрѣли клирики на эту ересь, хотя последователи ея жили въ горныхъ равнинахъ тихо и беззаботно и открыто не вступали съ римско-католиками въ борьбу. Когда же вальденское ученіе перешло за піемонтскія горы и распространилось по всей южной Франціи, такъ что его стали принимать даже дворяне и бароны, тогда досада клира достигла высшей степени и рѣшено было строжайшимъ образомъ преслѣдовать Вальденсовъ. Преслѣдованіе со стороны клира устремлено было преимущественно на такъ называемыхъ провозвѣстниковъ вѣры, т. е. на тѣхъ, которые осмѣливались открыто проповѣдывать ученіе евангелія, съ особеннымъ же негодованіемъ западная церковная исторія упоминаетъ объ именахъ Петра и Генриха Бруиса, нарицая ихъ ересіархами.

Въ началѣ XII вѣка они изъ Италіи перешли во Францію. Хотя ихъ признавали за бѣглыхъ монаховъ, въ сущности же это были вальденскіе perfecti, задачею которыхъ было болѣе и

---

*) Въ небольшомъ стихотвореніи: „La nobla Leyçon," относящемся къ концу XII вѣка, Вальденсы называются Vaudes. Названіе это, очевидно, имѣетъ такое же происхожденіе, какъ и французское Vaudois. Это лучше всего доказываетъ, что основателемъ упомянутой секты былъ не Петръ Вальденскій, жившій въ XII вѣкѣ.

болѣе распространять проповѣдь евангелія. О дѣятельности упомянутыхъ лицъ извѣстно очень мало; говорятъ только, что одинъ изъ нихъ, именно Петръ Бруисъ около 1120 года въ с. Жиллѣ былъ убитъ народомъ, который возбужденъ былъ противъ него священниками. Съ большею обстоятельностью разсказывается о Генрихѣ Бруисѣ; именно, что онъ совершенно открыто проповѣдывалъ свое ученіе въ Лозаннѣ, Моксѣ, Перигэ, Бордо, Архѣ, Пуатье и особенно въ Тулузѣ, что народъ считалъ его святымъ, и потому въ каждомъ городѣ или селеніи, куда онъ приходилъ, дѣлались ему торжественныя встрѣчи, процессіи, крестные ходы. При такихъ обстоятельствахъ, у него, конечно, не было недостатка въ слушателяхъ, народъ стекался во множествѣ уже для того, чтобы поглазѣть, нерѣдко въ толпу слушателей вмѣшивались и клирики, какъ съ ясностью говоритъ объ этомъ епископъ Гильдебертъ. Этотъ епископъ разсказываетъ, что среди различныхъ женщинъ, оплакивавшихъ свою прежнюю грѣховную жизнь, онъ видѣлъ нѣсколькихъ священниковъ, которые во время проповѣди Генриха Бруиса повергались на колѣна и вслухъ исповѣдывали свои грѣхи. Нѣкоторые изъ этихъ священниковъ заходили такъ далеко, что снимали одежду своего сана и открыто вступали въ еретическую секту. Все это не могло не встревожить епископа и онъ, послѣ проповѣди Генриха Бруиса, немедленно отправился въ Римъ, донести папѣ Евгенію III о плохомъ состояніи религіозныхъ дѣлъ въ южной Франціи. Папа тоже немедленно послалъ во Францію кардинала Албериха остійскаго, положить конецъ безчинству Вальденсовъ. Кардиналъ Алберихъ объѣзжалъ подозрѣваемые въ ереси города и мѣстности съ большою торжественностью, въ сопровожденіи множества одаренныхъ талантами краснорѣчія клириковъ, въ числѣ которыхъ находился и знаменитый аббатъ Бернардъ клервосскій, и старался дѣйствовать на народъ проповѣдями своихъ витій; самою главною, впрочемъ, заботою его было—схватить Генриха вмѣстѣ съ другими вальденскими проповѣдниками. Когда ему удалось сдѣлать это, онъ отослалъ ихъ въ Италію, гдѣ они должны были за свое проповѣдничество поплатиться жизнію или вѣчнымъ заточеніемъ. Это было въ 1148 году. Вскорѣ послѣ этого, въ томъ же самомъ году, папскій легатъ, взявъ напередъ отъ всѣхъ рыцарей и бароновъ южной Франціи клятву, что они пребудутъ вѣрны римской церкви и будутъ преслѣдовать еретиковъ,—возвратился въ Римъ, въ полномъ

убѣжденіи, что съ заточеніемъ еретическихъ учителей положенъ конецъ и самой ереси.

Но въ этомъ кардиналъ весьма ошибся, потому что, хотя вальденское ученіе главнымъ образомъ находило себѣ сочувствіе въ простомъ только народѣ, однакожъ вальденскія общины слишкомъ хорошо уже организовались, такъ что убыль нѣсколькихъ „совершенныхъ" не могла разрушить самихъ общинъ, которыя болѣе и болѣе распространялись. Ужъ не причинило большаго вреда даже и то, что въ 1163 году папа Александръ III произнесъ на нихъ торжественное проклятіе и повелѣлъ князьямъ южной Франціи считать вальденсовъ еретиками, отринутыми отъ человѣческаго общества и конфисковать ихъ имущества. Ученіе ихъ проникло даже за предѣлы Франціи, такъ напр. въ городѣ Трирѣ открыты были въ это же время четыре еретика (два изъ священниковъ) и осуждены на смерть. Съ такою же строгостью поступали съ ними и въ Англіи, гдѣ, въ качествѣ вальденскаго проповѣдника, явился одинъ нѣмецъ, по имени Герольдъ, который пріобрѣлъ себѣ до тридцати послѣдователей. Самого Герольда осудили на смерть, а послѣдователи его были отлучены отъ церкви, имѣнія ихъ конфискованы и, наконецъ самихъ заклеймили раскаленнымъ желѣзомъ, чтобы каждый гнушался ими, какъ отверженными. И въ Лотарингіи явились проповѣдники и пріобрѣли себѣ много послѣдователей особенно оттого, что въ ихъ рукахъ былъ переводъ евангелія на народное лотарингское нарѣчіе. Это послѣднее обстоятельство такъ раздражило папу Иннокентія III, что онъ велѣлъ сжечь еретическій переводъ *). Не менѣе плодоносную почву нашли еретическіе проповѣдники въ Нидерландахъ. Здѣсь упоминаютъ объ одномъ проповѣдникѣ, по имени Тамхелькѣ, который съ пламенною ревностью проповѣдывалъ противъ р. католическихъ священниковъ, за что, въ 1126 году осужденъ на смерть. Всего же болѣе раздражало папъ то, что дерзкое ученіе еретиковъ проникло даже въ Италію и въ Арнольдѣ бресчійскомъ нашло себѣ надежнаго защитника. Ар-

*) Извѣстно, что въ западной церкви запрещены всякіе переводы библіи. Первое такое запрещеніе сдѣлано было папою Григоріемъ VII, за тѣмъ оно, по разнымъ случаямъ, повторяемо было и другими папами. Какимъ разсчетомъ руководствовались папы, запрещая пользоваться библіею, объ этомъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

нольдъ, получившій свое прозваніе отъ города Бресчіи, въ которомъ онъ родился, еще въ ранней молодости познакомился съ вышеупомянутымъ Генрихомъ Бруисомъ, и въ 1139 году въ первый разъ выступилъ съ укоризнами противъ развращеннаго и предавшагося міру духовенства. Ученіе его въ скоромъ времени нашло себѣ послѣдователей и даже произвело революціонное движеніе противъ тамошняго епископа, у котораго смѣлый проповѣдникъ отважился оспоривать право на мірскія владѣнія. Изъ Бресчіи отправился Арнольдъ въ Римъ, чтобы и тамъ, пользуясь неурядицею по случаю двойственнаго папства (Анаклетъ II и Иннокентій II), проповѣдать евангеліе и вмѣстѣ съ религіозною свободою добыть и возстановленіе политической независимости римлянъ. Эта двойственная цѣль его проповѣди, въ которой онъ не только нападалъ на развращенность клира и испорченность церкви, но и мірскую высоту и могущество папства считалъ совершенно противорѣчащими духовному сану, и здѣсь доставила ему множество приверженцевъ. Весь народъ римскій присталъ къ нему, и Арнольду удалось пробудить въ немъ мысль, что гораздо лучше было бы предоставить управленіе вѣчнымъ городомъ „свѣтскимъ“ властямъ, чѣмъ „духовнымъ.“ Въ 1139 году умеръ антипапа Анаклетъ, и такъ какъ чрезъ это Иннокентію II досталось безспорное единовластіе, то онъ, естественно, воспользовался имъ для того, чтобы поразить анаѳемою своего дерзкаго противника. Арнольда заключили въ тюрьму, его сочиненія были сожжены; однакожъ ему удалось бѣжать во Францію, гдѣ онъ сошелся съ знаменитымъ Абелярдомъ, тоже еретикомъ, хотя и не вальденскимъ. Такъ какъ и здѣсь онъ видѣлъ себя не безопаснымъ отъ папы, то бѣжалъ въ Швейцарію, гдѣ, начиная съ 1140 года, дѣйствовалъ на пользу вальденской вѣры частью въ Констанцѣ, частью въ Лозаннѣ и Цюрихѣ. Въ 1154 году, когда, по смерти Анастасія IV, взошелъ на папскій престолъ Адріанъ IV, римляне отправили къ Арнольду депутацію и приглашали его возвратиться въ ихъ городъ. Онъ послѣдовалъ приглашенію, и появленіе его здѣсь имѣло слѣдствіемъ то, что Римъ снова возсталъ и изгналъ папу. Не смотря на то, что Арнольдъ уже преданъ былъ проклятію, Адріанъ разразился на возмутителя вторичнымъ проклятіемъ, наложилъ интердиктъ на Римъ и немедленно обратился съ просьбою о помощи къ Фридриху Гогенштауфену. Римляне, съ своей стороны, отправили посольство къ императору и просили его, какъ

недавняго римскаго императора, сдѣлать семихолменный ихъ городъ метрополіею имперіи и постоянною резиденціею императора. Фридрихъ не зналъ на что рѣшиться, но наконецъ склонился на сторону папы, можетъ быть, изъ уваженія къ главѣ церкви, а вѣроятнѣе руководясь тѣмъ презрѣніемъ, съ какимъ Барбарусса смотрѣлъ на всѣ революціонныя движенія. Императоръ вошелъ въ ближайшіе переговоры съ Адріаномъ и, за обѣщаніе короновать императорскою короною, обязался не только подчинить опять римлянъ ихъ архипастырю, но и выдать Адріану самого виновника революціи, Арнольда бресчійскаго; это было въ 1155 году; лишь только увидѣлъ папа въ своей власти ненавистнаго еретика и бунтовщика, Арнольда, тотчасъ осудилъ его на сожженіе. Напрасно спѣшили римляне, узнавши о положеніи дѣла, спасти любимаго народнаго трибуна; они нашли только его пепелъ, потому что Адріанъ велѣлъ поторопиться исполненіемъ своего приговора. Такъ скончался Арнольдъ бресчійскій, можетъ быть, самый смѣлый изъ вальденскихъ проповѣдниковъ.

Но не смотря на то, что папы уже въ это время смерть и казнь начали считать лучшимъ средствомъ къ искорененію ереси, ересь однако распространялась все болѣе и болѣе, и вальдены въ скоромъ времени, хотя и не всегда подъ этимъ названіемъ, появились въ большей половинѣ Европы. Въ Ліонѣ и окрестностяхъ ихъ называли „добрые люди“ (boni homines) или „ліонскіе нищіе“ (pauperes de Lugduno), въ верхней Италіи они носили названіе „Генриціаны“ или „Петробрусіаны“ безъ сомнѣнія, въ память Генриха и Петра Бруисовъ; въ Ломбардіи они назывались „ломбардскими нищими или униженными“ (Humiliati), въ другихъ мѣстахъ „каѳарами“ т. е. чистыми, хотя имя это менѣе прилично было имъ, чѣмъ другой сектѣ, появившейся около этого времени. Эта новая секта была гностическая и имѣла происхожденіе восточное; на востокѣ послѣдователи ея назывались „Павликіанами“ за свою исключительную приверженность къ апостолу Павлу. Они всего болѣе распространились въ Арменіи и по горамъ Кавказскимъ. Въ девятомъ вѣкѣ они встрѣтили отъ византійскихъ императоровъ такое преслѣдованіе, что большая часть ихъ бѣжала въ Болгарію и въ другія провинціи, уже завоеванныя тогда магометанами; остальные же переселились на западъ и особенно въ верхнюю Италію. Здѣсь имъ удалось основать общины въ городахъ

Альби, Флоренціи, Сполетто, Виченцѣ, Банволо и Конкорецо, а нѣсколько позже они проникли и въ южную Францію. Такъ какъ здѣсь они нашли уже организовавшуюся еретическую секту, во многомъ съ ними согласовавшуюся (это секта вальденсовъ), то очень естественно, что они не только присоединились къ ней, но даже совершенно смѣшались. И тѣ и другіе (Павликіане и Вальденсы) отвергали все внѣшнее богослуженіе, всѣ обряды и церемоніи римской церкви. Тѣ и другіе основывались исключительно на Новомъ Завѣтѣ, какъ на единственномъ первоисточникѣ истины, не признавая ни преданія, ни буллъ, ни папства. Если они и расходились въ нѣкоторыхъ пунктахъ, напр. въ ученіи о таинствахъ, о твореніи міра и т. д., но главное въ томъ, что и тѣ и другіе отрицали римское католичество, хотѣли уничтожить папство. Такъ, къ концу двѣнадцатаго вѣка мы видимъ въ южной Франціи множество еретическихъ общинъ, въ которыхъ, какъ напр. въ Тулузѣ, въ Альби и Кагорѣ, Павликіане и Вальденсы были такъ перемѣшаны, что почти нельзя было однихъ отличить отъ другихъ, и потому-то р. католическая партія подъ именемъ „Каѳаровъ" разумѣла какъ Павликіанъ, такъ и Вальденсовъ, а равно и и всѣхъ еретиковъ тогдашняго времени. Хотя встрѣчаются и разныя другія названія, напр. Котереллы, Бесколы, Брабантцы, Наварцы, Аррагонцы и т. д., но всѣ эти названія, заимствованныя отъ городовъ или мѣстностей, гдѣ еретики были многочисленнѣе, доказываютъ только, что ересь тогда далеко уже распространилась *), и поэтому неудивительно, если р. католики, и во главѣ ихъ папа, рѣшились наконецъ положить предѣлъ такому нестроенію. Заточеніе или сожженіе „отдѣльныхъ," хотя и главныхъ еретиковъ, что было въ ходу до сихъ поръ, не приводило къ цѣли, напротивъ, еретичество болѣе и болѣе утверждалось. Чтобъ избѣжать опасности быть побѣжденными, нужно было избрать другое средство, болѣе вѣрное; такимъ средствомъ было „повальное истребленіе еретиковъ."

(Окончаніе впредь).

---

*) Еретики назывались еще Сабатами, отъ испанскаго слова sabata, означающее сандаліи, потому что каѳарскіе проповѣдники, чтобы и внѣшностію уподобляться апостоламъ, имѣли обыкновеніе носить на ногахъ сандаліи. Множество названій, даваемыхъ еретикамъ, свидѣтельствуютъ, что р. католики вѣрно и точно не знали ученія своихъ противниковъ, потому что иначе они довольствовались бы однимъ названіемъ, болѣе характеристическимъ.

III.

ИНСИНУАЦІИ „ВѢСТИ."

Характеръ «Вѣсти» всякій день принимаетъ болѣе и болѣе вредное направленіе для интересовъ русской вѣры и народности въ западномъ краѣ Россіи. Мы оставляемъ въ сторонѣ намѣренія и теоріи *барской* газеты, касающіяся интересовъ сѣверо-восточной Россіи какъ потому, что это не наше дѣло, такъ и потому, что эта газета почти забыла свой общерусскій характеръ и изъ газеты *барской* преобразилась, чуть ли не исключительно, въ газету *панскую*, въ покровительницу *угнетеннаго* въ краѣ полонизма. Снисхожденію русской администраціи, русскаго общества, позволявшимъ такъ открыто, съ такимъ возростающимъ ожесточеніемъ и такою ненаказанностію продолжать «Вѣсти» адвокатуру польской «справы,» — поистиннѣ, нѣтъ предѣловъ. Самыя полезныя и необходимыя административныя мѣры, служащія къ возрожденію края, къ возвращенію ему древлеисторической физіономіи и нерѣдко получившія Высочайшую санкцію, постоянно встрѣчаются «Вѣстью» неосновательнымъ обсужденіемъ и даже дерзкимъ осужденіемъ. Всѣ корреспонденціи изъ западнаго края, какъ бы онѣ неосновательны и лживы ни были, находятъ въ «Вѣсти» самый радушный пріемъ и самое злорадостное поддакиванье, если только онѣ направлены къ униженію, оклеветанію русскихъ и пользѣ поляковъ. Всѣ, крѣпко стоящіе на стражѣ русскаго въ краѣ преобладанія, всѣ опасные для латинопольской пропаганды, для польскаго «будованья» люди и корпораціи осыпаются въ «Вѣсти» такою циническою бранью, какой нѣтъ примѣра ни въ какой прессѣ. Все, что люди благонамѣренные,

энергичные, разумные сѣютъ на здѣшней почвѣ, за чѣмъ такъ заботливо и умѣючи ухаживаютъ,—все это «Вѣсть» топчетъ, рветъ, усиливается заглушить своими плевелами. Частностей не указываемъ какъ потому, что онѣ у всѣхъ предъ глазами, такъ и потому, что онѣ, въ буквальномъ смыслѣ, неисчислимы. Нѣтъ ни одного № «Вѣсти», не загрязненнаго инсинуаціей, ложью, клеветой, вербовкой въ пользу своей задачи общественнаго мнѣнія, власти, извѣтомъ, потачкой, панской іеремiадой и другими въ этомъ родѣ образчиками публицистики. Приведши все вышесказанное къ одному знаменателю, по неволѣ задаешься вопросами: чѣмъ можно объяснить такое, можно сказать, святотатственное глумленіе «Вѣсти» надъ всѣмъ завѣтнымъ для насъ и святымъ? что это за «оппозиція» въ такой націи, гдѣ слава Богу, нѣтъ ни «правой», ни «лѣвой», стороны, а гдѣ есть только Центръ, къ которому должны сходиться гармонически, математически всѣ *радіусы* русскаго круга? не потому ли существуетъ это зло нравственное, почему существуетъ ядовитая змѣя, холера, засуха и всякое другое зло физическое? кто поддерживаетъ, кто сочувствуетъ открыто-враждебному направленію этой газеты? Впрочемъ, послѣдній вопросъ явился въ нашей бесѣдѣ съ «Вѣстью» только по требованію контекста: читатели и почитатели «Вѣсти», конечно, всѣ тѣ, чьи интересы она такъ геройски отстаиваетъ. Если польскіе землевладѣльцы одной Волынской губерніи выписывали въ прошломъ году этой газеты около 500 экземпляровъ; то всѣ девять западныхъ губерній составляли контингентъ друзей «Вѣсти» около 5000 [1]), которые, не смотря на плачь «Вѣсти» о нищетѣ своихъ кліентовъ, платили дань своему адвокату въ количествѣ около 50,000. А такъ какъ эти кліенты не ограничиваются одпѣми девятью западными губерніями, а разсыпаны по всѣмъ десяти губерніямъ бывшаго царства польскаго и отчасти по всей Россіи; то мы затрудняемся опредѣлить подлинную цифру бюджета «Вѣсти», такъ выгодно ведущей свою адвокатуру.—Правда, въ послѣднее *время*, «Вѣсть» дол-

1) Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ втрое больше польскихъ помѣщиковъ, нежели въ юго-западныхъ.

жна дѣлиться своею добычею съ «Новымъ Временемъ», 1) но намъ отъ этого нисколько не легче.

Впрочемъ, не имѣя возможности и намѣренія слѣдить за всѣми декларадіями «Вѣсти», мы тѣмъ не менѣе обязаны остановить вниманіе свое и другихъ на главнѣйшихъ и любимѣйшихъ мотивахъ ея западно-русскихъ варіацій. Хотя клеветы на мировыя учрежденія, на разныхъ чиновниковъ, на самоуправленіе народа составляютъ обязательную чуть не для всякаго № «Вѣсти» тему; но мы проходимъ ее молчаніемъ какъ потому, что она носитъ на себѣ характеръ общей элегіи объ утраченномъ невозвратно благополучіи барства и крѣпостничества, такъ и потому, что эти клеветы всякій разъ были ниспровергнуты самыми категорическими и безспорными заявленіями, такъ равно и потому, что въ этихъ клеветахъ замѣчается слишкомъ гомеопатическая доза инсинуаціи политической—для того, чтобы на нее стоило обращать вниманіе въ настоящемъ случаѣ.

Всего болѣе сердобольная душа «Вѣсти» скорбитъ и возмущается при одномъ *воображеніи* о бѣдности, разореніи и угнетеніи своихъ кліентовъ. Тоска «Вѣсти» для насъ понятна: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, радоваться, когда страдаютъ друзья. Но намъ-то что за дѣло до отношеній «Вѣсти» къ своимъ кліентамъ и возбуждаемыхъ ими чувствъ. Тоска, какъ продуктъ сердца и воображенія, какъ чувство, весьма часто бываетъ чувствомъ безотчетнымъ, безпричиннымъ, неосновательнымъ. Нужно только обладать извѣстною степенью впечатлительности, раздраженіемъ нервовъ, женскою сентиментальностью, чтобъ оплакивать смерть мухи, впадать въ отчаяніе отъ царапины иглой и проч. Но «Вѣсть» завопитъ: тутъ страдаютъ не мухи, а люди, и при томъ цѣлое сословіе! Положимъ, что страдаютъ; но всякое ли страданіе дѣлаетъ для насъ обязательною печаль объ участи страдальца? Чтобы чувство состраданія было основательнымъ, нужно сперва безошибочно рѣшить вопросъ: кто страдаетъ, какъ и за что? Латинская пословица говоритъ: nemo laeditur nisi a semet

1) Съ этимъ, далеко не новымъ „Временемъ“ мы надѣемся скоро познакомиться и познакомить.

ipso 1); вольный, но вѣрный переводъ этого афоризма можетъ быть выраженъ русскою пословицей: мы сами причиною своихъ несчастій. Если бы мы даже не расширяли объема этихъ афоризмовъ до значенія, внушаемаго буквальнымъ ихъ смысломъ, все-таки мы не смѣли бы выгородить изъ этого объема страдальцевъ, оплакиваемыхъ «Вѣстью.« Рѣшаемъ поставленные выше вопросы. Кто страдаетъ? страдаютъ эксплуататоры земли русской, страдаютъ люди, всей душой, всѣмъ сердцемъ ненавидящіе все русское, православное, постоянно измышляющіе средства вредить намъ и не дѣлающіе теперь *физическаго* вреда потому только, почему не дѣлаетъ его связанный по рукамъ и ногамъ преступникъ, но не упускающіе ни малѣйшаго случая интриговать противъ насъ—и въ своей, и въ заграничной прессѣ, шушукаться съ «бѣглою полоніей», сѣять среди насъ разныя междоусобія и восторгаться какими-то надеждами и проч. Какъ страдаютъ? страдаютъ матеріальнымъ образомъ, страдаютъ тѣми лишеніями, устранить которыя значитъ усилить преобладаніе въ краѣ людей враждебныхъ преобладанію русскому, усилить средства вредить *намъ,* ассигновать фондъ для будущихъ возстаній. *Лишній* избытокъ часто располагаетъ къ злоупотребленію богатствомъ, къ вреднымъ соблазнамъ, увлеченіямъ и прихотямъ; а въ рукахъ панскихъ всегда ведетъ къ затѣямъ политическимъ, къ заготовленію средствъ—свергнуть съ себя «московское иго», востановить Польшу въ границахъ 1772 года; порукой опытъ. За что страдаютъ? за зложелательство Россіи, за вѣчныя противъ нея враждебныя затѣи, за муки и пытки, которыя тяготѣли надъ западной Россіей въ теченіи вѣковъ, за подстрекательство запада къ враждѣ съ Россіей, за открытыя возстанія противъ самаго гуманнаго правительства и т. подоб. Все это, скажетъ «Вѣсть» „дѣла давно минувшихъ дней"; всѣмъ этимъ бѣдствіямъ непричастно настоящее поколѣніе; послѣднее хочетъ мириться, но вы отталкиваете его отъ себя вашимъ недовѣріемъ, вашею ненавистью. Изворотъ весьма неу-

1) Есть еще латинскій афоризмъ положительный въ томъ же родѣ: quisque suae fortunae faber (всякій есть кузнецъ своей судьбы).

дачный! Послѣднему бѣдствію не прошло еще и половины земской давности; творцы его не успѣли еще измѣниться даже тѣломъ, тѣмъ болѣе душею; могилы нашихъ мучениковъ за вѣру и отечество еще дымятся свѣжею кровью; новѣйшее поколѣніе только и живетъ и дышетъ надеждою на близость слѣдующаго да обливается слезами отъ fiasco минувшаго „повстанья." Не къ „Вѣсти", а къ польскимъ помѣщикамъ,—къ ихъ чести и совѣсти,—обращаемся мы и спрашиваемъ ихъ: многіе ли изъ нихъ могутъ, поднявъ руку къ небу, сказать *въ душѣ своей:* мы не участвовали ни въ инициативѣ, ни въ развитіи послѣдняго бунта, ни нравственно, ни матеріально, ни физически? Не многіе могутъ сказать это, не погрѣшивъ предъ Богомъ и своею совѣстью. При ихъ даже нейтралитетѣ,—не говоримъ преданности долгу и присягѣ,—не могло бы развиться возстаніе до такихъ грустно-широкихъ размѣровъ; ихъ безучастіе въ немъ, какъ безучастіе огромнаго большинства, парализовало бы самую попытку возстанія, въ самомъ ея зародышѣ; горсть болѣе чѣмъ они горячихъ и неосторожныхъ, подвергшихся послѣ законной отвѣтственности за открытое буйство, при всей своей необузданности, не посмѣлабъ и подумать *о войнѣ съ Россіей (!)*, еслибъ она не была *фактически* убѣждена въ такой либо другой ихъ солидарности съ нею, еслибъ она видѣла раздвоеніе силъ въ собственной своей средѣ, предвидѣла реакцію или хоть апатію къ бунту въ большинствѣ своихъ соотечественниковъ,—а главное, при ихъ безучастіи въ минувшемъ возстаніи, откуда бы взялся его 30 миліонный бюджетъ? Правительству очень хорошо извѣстны тѣ *весьма немногіе* изъ ихъ среды, которые относились безучастно и даже честно къ минувшей катастрофѣ, и которые, потому, выгорожены имъ отъ отвѣтственности предъ закономъ и отъ всѣхъ тѣхъ непріятностей, которыя достались имъ въ удѣлъ. Не всѣмъ, поэтому, къ лицу роль, «угнетенной невинности:» nemo laeditur nisi a samet ipso...

Но мы раскаялись въ нашемъ увлеченіи, мы желаемъ съ вами жить впредъ любовно и мирно,—заговорите вы. Полноте, господа! Пускай вѣритъ вамъ на „слово гонору"

„Вѣсть“, „Новое Время“ и кто либо другой, болѣющій сочувствіемъ къ вамъ либо легковѣріемъ, но мы вамъ не повѣримъ. Вы теперь каетесь потому, что больше пока дѣлать нечего, вы каетесь на словахъ, а въ глубинѣ духа строите противъ насъ новые ковы; вы мирны потому, что не можете бороться, что „справа“ ваша приняла дурной оборотъ, что своими объясненіями въ любви надѣетесь что либо выторговать у правосудія власти, незлобія Россіи. Да, говоря откровенно, мы и не хотѣли, и не успѣли, въ теченіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ, заслужить вашу любовь и дружбу въ такой степени, какъ вы увѣряете. Мы въ это время вынуждены были употреблять противъ васъ мѣры, далеко не располагающія къ тѣмъ чувствамъ, въ которыхъ вы объясняетесь и для которыхъ мы не находимъ основанія: мы укротили ваше „повстанье“; мы конфисковали и секвестровали имѣнія вашихъ друзей, родныхъ; мы обложили ваши помѣстья довольно чувствительнымъ процентнымъ сборомъ; мы приняли надлежащія мѣры противъ вашей религіозно-политической пропаганды на будущее время, мы—однимъ словомъ—поставили васъ и ваши надежды въ довольно стѣснительное положеніе; за чтожъ вы могли перемѣнить въ отношеніи къ намъ свои стародавнія, укоренявшіяся вѣками, чувства,—изъ неукротимыхъ враговъ преобразиться въ дружелюбныхъ и мирныхъ согражданъ, сосѣдей, когда мы не подали ни малѣйшаго повода къ такому крутому и безпричинному перевороту въ вашихъ симпатіяхъ? Да, господа, мы абсолютно не вѣримъ искренности вашихъ примирительныхъ и дружелюбныхъ увѣреній, какъ дѣйствію безъ причины, какъ явленію, не объясняемому ни исторіей, ни психологіей, ни ходомъ событій. Мы тогда повѣримъ искренности вашего примиренія, когда вы породнитесь съ нами душой и тѣломъ, когда вы сдѣлаетесь тѣмъ, кѣмъ было большинство вашихъ предковъ, когда вы de facto перестанете быть поляками—*папистами*. А до тѣхъ поръ, пока насъ будетъ раздѣлять эта религіозно-политическая пропасть, какъ можемъ повѣрить мы вашему дружелюбію, когда вы не представляете никакихъ фактическихъ, положительныхъ его доказательствъ, когда оно противорѣчитъ даже извѣстной вашей аксіомѣ: „до скончанія міра (не

еводимъ порусски) не сдѣлается полякъ братомъ *моска-я*.“?

Съ особеннымъ, заслуживающимъ лучшую участь, рве-іемъ «Вѣсть» занимается іеремiадой о 23°/о сборѣ, кото-ымъ обложены имѣнія польскихъ землевладѣльцевъ. Эта ремiада исчерпала свою тему до микроскопическихъ, можно казать, инфузорій. Ловкій и усердный адвокатъ ста-ается задѣть всѣ фибры сердца, всѣ отрасли политики, кономіи. Хлопоты его, точно, не напрасны: ударъ по арману, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ударъ по страсти къ еволюціямъ, — ударъ довольно чувствительный. Тутъ, мѣстѣ съ интересами кліентовъ, страдаютъ посредствен-ю и интересы адвоката: если, какъ увѣряетъ «Вѣсть», ля взноса 23°/о сбора, панамъ приходится иногда прода-вать пріятное и даже необходимое; то имъ уже не совсѣмъ удобно бросать 10 рублей на выписку «Вѣсти». Горе, *сугубое* горе! Но, оставляя въ сторонѣ личный взглядъ на это горе «Вѣсти» и ея кліентовъ, посмотримъ на него съ тѣхъ же сторонъ, съ которыхъ смотритъ на него «Вѣсть», только взглядомъ болѣе здоровымъ и безпристрастнымъ.

Вѣсть усиливается доказать, что 23°/о сборъ не есть мѣра раціональная и цѣлесообразная—ни въ финансовомъ, ни въ политическомъ отношеніи. «Вѣсть» обязана гово-рить такъ по требованію своей профессіи, но во всякомъ случаѣ ея краснорѣчіе не выдержитъ самой поверхностной критики. Въ мотивахъ, которыми руководилась мысль, обложившая панскія имѣнія 23°/о сборомъ, элементъ фи-нансовый такъ нераздѣльно соединенъ съ элементомъ политическимъ, что разсматривать ихъ отдѣльно почти невозможно. Поэтому просимъ снисхожденія у тѣхъ, кто замѣтитъ вторженіе одного изъ нихъ въ область другаго и постараемся, насколько то возможно, удовлетворить не-давно употребленному слову: *почти*.

Коль скоро поступаетъ въ казну какой либо денежный сборъ, онъ уже составляетъ ея достояніе, капиталъ, при-ращеніе финансовъ націи. Стало быть 23°/о сборъ есть, вопреки увѣреніямъ «Вѣсти», съ одной стороны, мѣра финансовая. Это до того ясно, что тутъ оказываются излишними всякія мудреныя соображенія. Поступая на приходъ, казенные сборы идутъ, конечно, и въ расходъ.

Этотъ расходъ, какъ трата прихода на потребности общественныя, на нужды края или націи, есть расходъ далеко производительнѣе, необходимѣе и законнѣе всякаго расхода, производимаго частными лицами, которыя, пожалуй, могутъ употребить излишки своего достатка на сочиненіе хоть крошечнаго «повстанья». Западный край, состоя въ исключительномъ положеніи, требуетъ и особыхъ расходовъ, такъ сказать, двойнаго, въ сравненіи съ другими мѣстностями, бюджета, на удовлетвореніе двойныхъ его нуждъ. Въ этомъ краѣ, какъ окраинѣ Россіи, как воротахъ въ Россію, какъ въ области, умиротворенной только *снаружи,* — необходимо содержать относительно большую армію. Чиновники края, большинство которыхъ прибыло сюда изъ внутреннихъ губерній, для возмѣщенія людей, служившихъ большею частію по инструкціи «Польскаго катихизиса», естественнымъ образомъ, вовлекли правительство въ экстренные расходы на ихъ переселеніе, обзаведеніе, усиленіе ихъ контингента и средствъ, гарантирующихъ безбѣдное ихъ существованіе въ странѣ чужой, малопроизводительной и потому страдающей дороговизною жизненныхъ потребностей. Въ теченіи вѣковъ систематически угнетаемое и подавляемое, родное краю православіе требовало усиленныхъ средствъ къ его поднятію: къ возобновленію полуистлѣвшихъ, поруганныхъ, къ возстановленію уничтоженныхъ храмовъ православныхъ, къ превращенію сжимавшей сердце нищеты ихъ въ благолѣпіе, достойное святынь религіи господствующей, къ перестройкѣ, по разнымъ причинамъ, многихъ костеловъ въ церкви православныя, къ поднятію благосостоянія православнаго духовенства, отстоявшаго, вмѣстѣ съ народомъ, въ здѣшнемъ краѣ русскую вѣру и народность, ознаменовавшаго свою миссію подвигами исповѣдниковъ и мучениковъ и доведеннаго враждебною пропагандой до послѣдней степени нищеты и униженія. Вопіющая необходимость замѣнить польскую въ краѣ интеллигенцію русскою вызвала правительство на весьма значительные расходы, какихъ потребовало открытіе множества новыхъ и реформа прежнихъ народныхъ училищъ, со всѣми соприкосновенными къ этой мѣрѣ обстоятельствами. Содержаніе среднихъ учебныхъ заведеній, по закону справедливости, должно бы, болѣе чѣмъ на по-

ловину, относится на долю привиллегированных здѣшних сословій, так как дѣтьми их переполнены гимназіи и прогимназіи и так как самое обиліе этих заведеній находится въ связи съ обиліемъ, или точнѣе— несоразмѣрнымъ отношеніемъ привиллегированнаго сословія къ непривиллегированному. Вотъ сколько крупныхъ (не говоримъ о второстепенныхъ) и неотложныхъ расходовъ должно дѣлать русское правительство въ здѣшнемъ краѣ, по случаю его исключительнаго и ненормальнаго положенія. А такъ какъ главною причиной этой исключительности и ненормальности края—*протеже* «Вѣсти», то весьма естественно требовать отъ нихъ и восполненія хоть около четвертой (менѣе) части этихъ (экстренныхъ) расходовъ, быть можетъ и обременительныхъ для нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, но за то полезныхъ и неизбѣжныхъ для общества, для края, для государства. А пользы общія, конечно, должны быть предпочитаемы пользамъ *нѣкоторыхъ* недѣлимыхъ.

Напрасно также «Вѣсть» усиливается ослабить политическое значеніе 23°|o сбора съ польскихъ имѣній; такое значеніе этого сбора очевидно и какъ нельзя больше цѣлесообразно. Если большинство польскихъ землевладѣльцевъ присвоило себѣ когда то земли русскія незаконно, владѣли ими жестоко; если они изъ областей русскихъ извлекали въ свою безраздѣльную пользу весь ихъ трудъ и производительность; если всѣ мысли и дѣйствія ихъ были направлены къ стушеванью въ русской странѣ русской вѣры и народности; если они своими возстаніями разоряли край, вовлекали Россію въ огромные расходы на подавленіе ихъ бунтовъ, на реорганизацію страны,—то 23°|o сборъ оказывается даже слишкомъ слабымъ возмездіемъ историческимъ и юридическимъ для уничтоженія всѣхъ этихъ золъ, для покрытія этихъ расходовъ. Напрасно, поэтому, «Вѣсть» вопіетъ: если это наказаніе, то гдѣ преступники? Стоитъ только ей сбросить съ глазъ то покрывало, которое мѣшаетъ ей видѣть предметы въ нормальномъ ихъ видѣ и освѣщеніи, чтобъ она увидѣла преступниковъ. Они,—какъ это мы сказали и доказали выше,—составляютъ большинство обложенныхъ теперь 23°/o сборомъ. Небудь они въ большемъ или меньшемъ долгу

предъ Россіей, не было бы послѣдняго бунта, не было бъ его послѣдствій, въ томъ числѣ и того сбора, который такъ прискорбенъ для «Вѣсти» и ея кліентовъ, и которымъ, болѣе чѣмъ на половину, ослабляются силы враговъ и предотвращаются попытки къ повторенію прошедшаго.

Говоря о политической сторонѣ 23% сбора, мы не можемъ не натолкнуться на ту печальную картину, которую рисуетъ „Вѣсть“, для возбужденія въ комъ слѣдуетъ сострадания къ *безвыходному* положенію польскихъ землевладѣльцевъ. По ея мнѣнію, имъ уже нечего продавать, поля ихъ не обработаны, не обсѣменены, они сами чуть не близки къ нищенской сумѣ. Эти преувеличенія объясняются весьма естественно: предметъ, лежащій на глазахъ, уже потому самому дѣлается невидимымъ; собственное горе располагаетъ къ расширенію его объема, преувеличенію его качества; страданія друзей „Вѣсти“ невольно вводятъ въ ея элегію мотивы похороннаго марша; ей уже мерещится голодная смерть и кліентовъ, и адвоката, и самаго края. Насколько это воображаемое злополучіе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, едва ли нужно объяснять. Хотя „ржондъ народовый“ произвелъ въ шкатулкахъ панскихъ, быть можетъ, втрое большую эксплуатацію, чѣмъ всѣ процентные сборы; но паны все еще не такъ нищи, какъ воображаетъ „Вѣсть:“ они только поузили нѣсколько свои панскія замашки, сократили штатъ своихъ «дворовъ», стали играть «по маленькой», меньше проматываются заграницей, сдѣлались, то есть, практичнѣй и предусмотрительнѣй, больше принимаютъ личнаго участія въ распоряженіяхъ по хозяйству, больше обратили вниманія на фабричное и заводское производство, на улучшеніе оброчныхъ статей и проч. А если бывали случаи (весьма рѣдкіе), что какой нибудь помѣщикъ, для своевременнаго взноса процентнаго сбора, поставленъ былъ въ нуждѣ, кромѣ предметовъ роскоши, продать крестьянамъ клочекъ земли, лѣсу, оброчную статью; то мы, по поводу этого несчастія, можемъ только повторить русскую пословицу: «нѣтъ худа безъ добра», а не предаваться, вмѣстѣ съ «Вѣстью», напрасному отчаянію; потому что, въ такихъ рѣдкихъ случаяхъ, земля попадаетъ въ руки самыя производительныя, бережливыя и благонадежныя и дѣлается

достояніемъ народныхъ массъ, составляющихъ оплотъ государства—политическій и экономическій, количественный и качественный.

Изъ предыдущихъ намековъ уже видно, что безвыходность положенія польскихъ землевладѣльцевъ относится къ самому крупному, такъ сказать, родовому преувеличенію «Вѣсти». Исходъ изъ этого положенія такъ простъ, естественъ, что мы изумляемся— мнимому или дѣйствительному—недостатку сообразительности адвоката польскихъ помѣщиковъ, его нежеланію или неумѣнью присовѣтовать имъ, къ облегченію своихъ затрудненій, мѣру самую цѣлесообразную. Вмѣсто того, чтобы продавать вещи завѣтныя и необходимыя, разставатьси съ фамильными портретами, имѣющими такую условную цѣнность и такое огромное значеніе для панскаго *гонора**), или что тоже— вмѣсто того, чтобы заниматься ощипываньемъ листиковъ на деревѣ злополучія,—отчего бы не вырвать съ корнемъ самаго дерева,—не продать, то есть, самаго имѣнія, или не промѣнять его на равноцѣнное имѣніе во внутреннихъ губерніяхъ? Правда, это радикально противорѣчило бы первому § извѣстнаго «Польскаго Катихизиса», строго-настрого запрещающему продавать панскія имѣнія «москалямъ» и даже приказывающему, всѣми возможными мѣрами, стараться выжить изъ края русскихъ помѣщиковъ; но чтожъ дѣлать, когда это самое благоразумное и дѣйствительное средство къ исходу изъ стѣснительнаго положенія, къ историческому возврату краю прежней, родовой его физіономіи, къ уничтоженію государства въ государствѣ, къ посильному, со стороны польскихъ землевладѣльцевъ, осуществленію мѣропріятій власти, не противныхъ духу указа 10-го декабрн 1865 г., и къ нѣкоторому примиренію съ исторіей и съ нами, о которомъ такъ много говорять иные, но практическихъ признаковъ котораго мы— зрячіе туземцы не замѣчаемъ.—Не нужно забывать и того, что 23% сборъ не есть такая безпримѣрная и невыносимая экономическая тяжесть, какою воображаетъ ее «Вѣсть»: въ тѣхъ націяхъ, гдѣ обложены податью помолъ хлѣба, всякое окно, всякая дверь, всякій предметъ роскоши, всякое животное (не говоримъ о тягости поземельныхъ,

*) И во часту напоминающему ихъ православно-русское происхожденіе.

рентныхъ и всякихъ другихъ налоговъ), весьма многіе благодарилибъ Бога и правительство за удѣленіе на нужды государства 23% со ста.

Всего несостоятельнѣе въ «Вѣсти» обобщеніе интересовъ польскихъ землевладѣльцевъ съ интересами края. Такъ какъ между интересами тѣхъ и другаго никогда не было и не будетъ ничего общаго, то историческія аксіомы, что польскіе землевладѣльцы никогда не удѣляли своихъ избытковъ на пользы общія: на поднятіе благосостоянія народа, на его образованіе, нравственность, здоровье, довольство, удобства путей сообщенія; что они безъ устали дрались съ безсильною властью и обществомъ за свои привиллегіи, за широтою которыхъ всегда такъ неразлучно слѣдовала тѣснота среднихъ, особенно низшихъ сословій, какъ тѣнь за тѣломъ; что они заботились только о своемъ избыткѣ, разгулѣ, *фацеціяхъ* (продѣлкахъ), произволѣ; что весь трудъ и производительность страны были поглощаемы ими безконтрольно, безраздѣльно, и что, слѣдовательно, край всегда въ токой же мѣрѣ бѣдствовалъ, въ какой мѣрѣ благоденствовали привиллегивированныя сословія—паны и ксендзы. Что было всегда, то можетъ быть и теперь: и настоящее благосостояніе края находится почти внѣ всякато отношенія къ бѣдности польскихъ землевладѣльцевъ,—болѣе, при томъ, чѣмъ на половину преувеличенной. Мы употребили слово *почти* не для ослабленія нашей мысли, а потому только, что не исключаемъ и польскихъ помѣщиковъ изъ общей массы населенія края. Но страданія (не забудемъ—преувеличенныя) этихъ недѣлимыхъ края такъ мало замѣтны—и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи, что едвали должно объ нихъ сокрушаться съ безутѣшностью «Вѣсти». Еслибъ эти страданія даже гармонировали съ іеремiадой шляхетной газеты, и тогда онѣ относились бы къ страданіямъ края, какъ 15,000 (около) *) къ 11 мильонамъ. Но дѣло въ томъ, что большая половина этихъ страданій относится къ области вымысла, а другая—меньшая половина не причиняетъ краю тѣхъ бѣдъ, которыя пугаютъ «Вѣсть». Стоитъ только какому нибудь кабинетному мечтателю взглянуть теперь наблюдательнымъ окомъ на западную Россію, и онъ

*) Подлинную цифру опредѣлить теперь невозможно.

увидитъ картину, рѣзко противорѣчащую той іеремiадѣ, которою печалитъ себя и думаетъ разжалобить другихъ «Вѣсть». Народъ измѣняется къ лучшему—и нравственно, и матеріально—такъ рѣзко, такъ быстро, что не успѣваешь слѣдить за прогрессомъ его счастья. Надъ нимъ сбылись слова евангелія: «древнее миновалось, все настало новое». Свободный трудъ и сознаніе своей человѣчности такъ подняли уровень его быта, что съ трудомъ вѣришь дѣйствительности этого метаморфоза и недавняго злополучія, съ трудомъ убѣждаешься, что этотъ метаморфозъ произошелъ не въ теченіи пяти вѣковъ, а въ пять лѣтъ. Поля крестьянъ, и свои, и принанятыя, и прикупленныя у помѣщиковъ, прекрасно удобрены, обработаны, засѣяны; вмѣсто прежняго запустѣнія и въ избѣ, и на гумнѣ, и въ хлѣвахъ, вездѣ теперь обиліе и полнота; мѣсто лаптей заняли сапоги, заплатанное рубище смѣнила новая *свита* (зипунъ) и добрый кожухъ (тулубъ), первая даже нерѣдко изъ фабричнаго сукна; вмѣсто одной тощей—изъ костей и кожи—клячи, теперь у мужичка пара здоровыхъ воловъ, одна—другая кругленькая лошадь, двѣ—три коровы, три—четыре десятка разныхъ птицъ; не смотря на то, что крестьянинъ платитъ разныхъ податей гораздо больше 23% своей производительности, у него настолько завелись лишнія деньги, что нѣкоторые изъ нихъ знакомятся съ употребленіемъ сахару, обзаводятся самоваромъ, ѣздятъ въ телегахъ, окованныхъ желѣзомъ; не смотря на непроизводительность почвы сѣверозападныхъ губерній, у народа станетъ хлѣба до новой жатвы, у многихъ есть зерно и картофель для сбыта, въ краѣ не будетъ голода, отъ котораго страдаютъ теперь даже нѣкоторыя изъ хлѣбородныхъ губерній; то аксіома, что хлѣбъ народныхъ массъ питаетъ страну, тогда какъ большинство хлѣба помѣщичьяго, непосредственно, или чрезъ руки еврея, сбывается за границу, или идетъ на винокурни. Просимъ вѣрить «Вѣсть» и всѣхъ ея печальниковъ о бѣдствіяхъ края, что нарисованная сейчасъ картина не есть продуктъ кабинетной фантазіи, а фотографическій снимокъ съ натуры, и что нѣкоторыя затрудненія, нѣкоторыхъ польскихъ помѣщиковъ, нисколько не вліяютъ на положеніе страны.

Позаимствовавъ у своихъ кліентовъ довольно пріемовъ

іезуитской публицистики, „Вѣсть" не брезгаетъ никакими средствами въ отстаиванью польскихъ интересовъ. Однимъ изъ такихъ пріемовъ есть предложеніе своихъ непрошенныхъ услугъ администраціи западной Россіи. На этотъ пріемъ особенно налегаетъ „Вѣсть" при всякой перемѣнѣ администраціи въ краѣ. Лишь только она зачуетъ, — а чутье у нея, надо сознаться, весьма тонкое, — лишь только она зачуетъ, а тѣмъ болѣе—увидитъ эту перемѣну, тотчасъ забѣгаетъ администраціи впередъ, съ густымъ ѳиміамомъ лести, съ полною коллекціей низкопоклонства, коварныхъ совѣтовъ, опасеній, предостереженій, надеждъ, инсинуацій, ложныхъ доносовъ, клеветъ на лучшихъ людей края, на опаснѣйшихъ антагонистовъ польской справы (*). Намѣренія понятны: всякій разъ, когда только прежняя администрація заставляетъ „Вѣсть" и ея друзей испытывать разочарованія, она старается отыскать въ ней какія нибудь пятна и пробуетъ удачи съ новой. Она дѣлаетъ это потому же, почему утопающій готовъ ухватиться за подставляемую ему бритву: она думаетъ выторговать у новой администраціи для своихъ протеже тѣ блага, которыхъ не могла добиться отъ прежней; легкомысліе, излишекъ фантазіи поляковъ постоянно увлекаютъ мысль ихъ и чувство въ область несбыточныхъ мечтаній и надеждъ. Но если намѣренія самыя честныя и общеполезныя теряютъ всѣ свои достоинства отъ неразумныхъ и преступныхъ пріемовъ къ ихъ осуществленію, то что сказать о намѣреніяхъ и пріемахъ „Вѣсти?" И тѣ и другія — по меньшей мѣрѣ — безтактны и напрасны. Какой начальникъ края воспользуется инсинуаціями газеты, характеръ и направленіе которой пріобрѣли такую незавидную репутацію, намѣренія которой такъ расходятся съ намѣреніями огромнаго большинства общества и всѣхъ почти органовъ нашей прессы? Какой администраторъ предпочтетъ совѣты „Вѣсти" внушеніямъ своего долга, своей совѣсти, своимъ личнымъ наблюденіямъ и соображеніямъ, пользамъ края и государства, Россіи и православія? Какой государственный мужъ станетъ руководствоваться инстру-

1) Тоже самое дѣлаетъ и „Новое Время", но ей эти предѣлы какъ то сподручнѣе и родственнѣе.

ціями панской газеты, когда ему извѣстна воля и намѣренія русскаго Монарха, когда ему знакомы, для него дороги нужды общества, мѣры въ «обрусѣніи» края? Не сочтетъ ли правитель края излишнюю навязчивость «Вѣсти» въ соправители какимъ-то посягательствомъ на управленіе его мыслью, его чувствомъ, дѣятельностью? Если „Вѣсть" не пойметъ силы этихъ вопросовъ, то мы изумляемся бѣдности ея смысла, а если пойметъ и будетъ упорствовать въ своей тактикѣ, то мы еще больше будемъ изумляться ея отвагѣ и упрямству.

Но мы должны кончить разъ навсегда бесѣду нашу съ „Вѣстью" и просили бы ее, и съ своей стороны, не озабочиваться своими о насъ рекламами и ругательствами. Поэтому мы ничего не скажемъ ни объ урокахъ вѣжливости и литературнаго приличія, которые „Вѣсть" имѣетъ отвагу преподавать другимъ, тогда какъ сама назвала лучшихъ людей въ западной Россіи „сумасбродами, сволочью," тогда какъ она истощила все краснорѣчіе распивочныхъ заведеній въ ругнѣ „Вѣстника Запад. Россіи;" ни о пророчествѣ „Вѣсти," что польскія имѣнія, какимъ то чудомъ, вопреки ясной и непреложной Высочайшей волѣ, перейдутъ въ руки евреевъ; ни о задушевномъ ея желаніи, чтобы въ западной Россіи скорѣе открылись (или точнѣе даны были въ руки панамъ) земскія учрежденія, чтобы скорѣе были изгнаны изъ края люди, мѣшающіе осуществленію ея и друзей ея желаній; ни о примиреніи съ людьми, которые и не думаютъ съ нами *серьезно* мириться, и съ которыми мы и не думаемъ *напрасно* ссориться; ни объ обратномъ завоеваніи (sic!) западныхъ и привислянскихъ губерній, когда онѣ будутъ отняты у насъ поляками (sic!); ни объ «отдѣленіи полонизма отъ католицизма», ни о всякихъ другихъ мечтахъ, которыми переполнены разныя рубрики этой *шляхетной* газеты. Эти мечты, какъ продуктъ сердца и фантазіи, стоятъ внѣ всякихъ условій критики.

Мы только не можемъ пройдти молчаніемъ того іезуитизма въ публицистикѣ «Вѣсти», по внушенію котораго она всѣ свои парадоксы старается выводить (точнѣе прицѣпить) изъ аксіомъ гражданскихъ, получившихъ Высочайшую санкцію. Если только въ началѣ рекламы, пе-

редовой статьи, корреспонденціи и проч., «Вѣсть» задается указомъ 19 февраля, будьте увѣрены, что она займется трактаціей объ ужасныхъ послѣдствіяхъ свободы крестьянъ: о пьянствѣ, грабежахъ, разбояхъ, нищетѣ, голодѣ, и проч., будетъ сѣтовать объ освобожденіи народа „отъ власти высшаго сословія" и вопить о „необходимости установленія цѣльнаго, сильнаго организма властей [1]), не снизу, а сверху." Лишь только „Вѣсть" исходитъ изъ указа 10 декабря, рескрипта 13 мая, можете смѣло разсчитывать, что она будетъ хлопотать о панскихъ привиллегіяхъ, о самоволіи простолюдья, трактовать о миролюбіи, привязанности къ Россіи польской шляхты, о незаконности и вредѣ репрессивныхъ въ отношеніи къ ней мѣръ, объ объятіяхъ, съ которыми встрѣчаетъ она русскихъ землевладѣльцевъ края и проч. и проч. Маневръ этотъ такъ надоѣлъ даже почитателямъ „Вѣсти", такъ противенъ условіямъ самой популярной логики, что можетъ возбуждать только саркастическую улыбку къ людямъ, думающимъ поймать кого нибудь на примапку такую грубую, безвкусную, такъ неудачно замаскированную. Очевидное дѣло, что Высочайшіе указы послѣдняго царствованія, положившіе инициіативу безчисленныхъ, благодѣтельныхъ, незабвенныхъ реформъ, проникшихъ всѣ фибры русской жизни,—не для „Вѣсти"; пусть же она и будетъ тѣмъ, чѣмъ хочетъ быть, пусть не прикрывается забраломъ тѣхъ законоположеній, борьбу съ которыми—прямую или косвенную—она сдѣлала своею задачей. Это будетъ, по крайней мѣрѣ, откровеннѣе, если не безвреднѣе.

---

1) Тоже—крѣпостничества, въ другомъ только родѣ.

IV.

—

ЕВРЕЙКА-ТАЛМУДИСТКА. (*)

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ, ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ НРАВОВЪ. ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,—СЪ ПРОЛОГОМЪ.

(Продолженіе).

ДѢЙСТВІЕ 2-е.

Дѣйствіе происходитъ тамъ же, гдѣ и прологъ, съ прибавленіемъ только множества ящиковъ съ сигарами. На одномъ столѣ стоитъ графинъ съ водой.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Губанинъ одинъ.

Губанинъ (смотритъ въ окно). Какой сегодня прекрасный день!... Вотъ бы ѣхать куда нибудь за городъ, съ Ревеккой... Этакъ въ Закретъ попить тамъ парного молока, подышать чистымъ воздухомъ, связать ей вѣнокъ изъ васильковъ.... Право, не махнуть ли?... А Пазухинъ-то какъ же будетъ? Вѣдь онъ навѣрно прійдетъ ко мнѣ... Я ему такое письмо написалъ, что нельзя неприйти. [Ходитъ по комнатѣ]. Охъ, эта жидовка!... съума скоро меня сведетъ... Скверно только то, что она неприступна, какъ гранитная скала... Ужъ что я ни дѣлалъ, къ какимъ обольщеніямъ ни прибѣгалъ,—все по напрасну!... Даже досадно дѣлается, чортъ меня возьми!... Неужели все даромъ потраченное время, всѣ хитрости, подарки, деньги, хлопоты, все это должно пропасть безслѣдно и... Нѣтъ! И характеръ то мой хорошъ!... Ужъ если захотѣлъ чего, то давай непремѣнно... Фу! даже жарко дѣлается,

*) См 1 кн. Вѣст. Зап. Россіи.

когда о ней думаю... [Думаетъ]. Ну, а что если она, какъ я замѣчаю—влюблена въ Пазухина, а что?.. что тогда. [Молчитъ]. Гмъ, что я сказалъ!... Какую чспуху сморозилъ! Да развѣ жидовка можетъ любить? Да развѣ эта хорошенькая мумія.... Чортъ знаетъ, что я такое говорю... Можетъ быть и любитъ?... Нѣтъ, ужъ лучше пускай она будетъ холодной муміей, неспособною любить ни кого, чѣмъ дѣвицей, любящей Пазухина... Изъ одного самолюбія тогда я готовъ провалиться сквозь землю... (Ходитъ и что то напѣваетъ). О, женщины, женщины, вы моя слабость... Сколько глупостей дѣлалъ и дѣлаю я въ своей жизни все для васъ, хорошенькія созданія! По правдѣ сказать, мнѣ вѣдь только дорогъ первый мигъ любовнаго угара; потомъ, я всегда дѣлаюсь равнодушнымъ къ той женщинѣ, которая увлекала меня... [Пожимаетъ плечами]. Такова уже моя натура!... Примѣромъ служитъ моя жена... [Ходитъ и насвистываетъ]. Вѣдь самъ знаю, что это скверно и подло, да что же прикажете дѣлать? Нельзя же изъ за этой глупости пересоздавать себя!.. А впрочемъ, я говорю это въ минуту волненія... Можетъ быть черезъ часъ я другое заговорю, я весь составленъ изъ противорѣчій... (Ходитъ и напѣваетъ):

«Ея любовь, казалась мнѣ,
«Недосягаемымъ блаженствомъ.
«Жить, умереть у милыхъ ногъ—
«Инаго я желать не могъ.»

Вотъ, что значитъ часто читать Пушкина! распѣваешь его стихи на каждый удобный случай... (Входитъ Иванъ).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Губанинъ и Иванъ.

Губанинъ. Ну, что сходилъ?
Иванъ. [Пошатывается]. Сходилъ-съ...
Губанинъ. И что же?
Иванъ. Ни чего-съ...
Губанинъ. Какъ—ни чего?
Иванъ. Да такъ-съ... Все какъ должно-съ...
Губанинъ. Да что должно-то?
Иванъ. Что должно-то?.. Извѣстно что... Супротивъ сытаго дѣльца нейдетъ...
Губанинъ. Кто нейдетъ?
Иванъ. Я ужъ вамъ докладывалъ.
Губанинъ (посмотрѣвъ на него). Ты пьянъ, Иванъ.
Иванъ. Пьянъ?... Гмъ!... А вы развѣ подносили мнѣ?...
Губанинъ. Я вижу, что ты пьянъ.

Иванъ. Плохо, значитъ, видите... Я всего двѣ рюмочки по наперсточку рябиновки выпилъ, а вы ужъ, сейчасъ и пьянъ!..

Губанинъ. Ты, Иванъ, становишься невыносимъ... И что это съ тобой сдѣлалось, я удивляюсь; дома ты почти вина въ ротъ не бралъ, а здѣсь запоемъ началъ пить...

Иванъ. Дома?!.. дома?!.. Дома-то другое дѣло, тамъ родимая сторона... На сердцѣ тоска тамъ не ложится... А здѣсь просто волкомъ вою. Скука смертная,—родного-то мало... Ну вотъ я и горюю по своей дальней сторонкѣ. Только и отведешь душу, что выпьешь... Право, такъ... Дома-то Волга матушка, а здѣсь рѣка Вилія... Дома-то выйдешь на набережную, да поглядишь на рѣку-то родную, такъ сердце запрыгаетъ отъ радости... И пароходы-то, и барки-то и всякая всячина... А тамъ, глядишь возлѣ грудка лоцмана пѣсню поютъ... да такую, какую здѣсь развѣ въ тіятрѣ услышишь... Ну вотъ мнѣ и скучно, вотъ я и пью...

Губанинъ. Да ты мнѣ скажи, пожалуйста, отдалъ ты письмо Пазухину или нѣтъ?

Иванъ. Все какъ должно-съ...

Губанинъ. Просилъ ты его сюда?

Иванъ. Все какъ должно-съ...

Губанинъ. Ну что жъ онъ?

Иванъ. Ничего-съ... Все какъ должно...

Губанинъ. Придетъ онъ или нѣтъ?

Иванъ. Придетъ?!.. придетъ?!.. А почемъ я знаю—придетъ ли?...

Губанинъ. Да что же онъ тебѣ сказалъ?

Иванъ. Что?—Извѣстно что... кланяйся, говоритъ, своему барину, а моя нога, говоритъ, Иванушка, у него не будетъ больше...

Губанинъ. Такъ онъ не будетъ?

Иванъ. Извѣстно не будетъ...

Губанинъ (въ сторону). Ну, и слава Богу, если не будетъ.

Иванъ. Не хочешь ли, Иванушка, говоритъ рюмочку рябиновки? Отъ чего же сударь, я говорю, не хотѣть? ну и выпилъ одну...

Губанинъ. Ну что, онъ у тебя распрашивалъ о хозяйской дочери или нѣтъ?

Иванъ. Спрашивалъ... спрашивалъ... Что, говорятъ, твой баринъ съ ней дѣлаетъ, когда она бываетъ у него? А я говорю:

Губанинъ (Строго). А ты что?

Иванъ (Оправляясь). Ничего...

Губанинъ. Нѣтъ врешь, сказывай, что ты говорилъ ему?...

я знаю тебя, ты ее на всѣхъ углахъ чернишь... Говори, что ты ему сказалъ?

Иванъ. Не знаю, говорю, что дѣлаютъ...

Губанинъ. Дуракъ!...

Иванъ. Отъ васъ больше видно ничего не выслужишь.

Губанинъ. Ступай, проспись сперва, а потомъ я съ тобой буду говорить.

Иванъ. Буду говорить, буду говорить... Да вы спросили бы прежде меня, стану ли я съ вами разговаривать?.. «Буду говорить!..» Меня вамъ учить нечего, вы бы за собой-то смотрѣли... Я съ жидовками шашней не заводилъ... Да-асъ...

Губанинъ. Иванъ!!?...

Иванъ. Чего-съ?

Губанинъ. Не забывайся... Пошелъ вонъ, болванъ!

Иванъ. Эхъ, баринъ, баринъ не вводите меня пьянаго въ грѣхъ!... А то, я сейчасъ по телеграфу вашей супружнице дамъ знать, какую вы здѣсь комерцію завели... Право, такъ-съ!...

Губанинъ (Хочетъ что то сказать, но услыхавъ звонокъ останавливается). Ступай, отопри... Слышишь, звонятъ? Вѣрно Пазухинъ...

Иванъ. Слышу... Пускай звонитъ, не великій господинъ... Обождетъ... (Второй звонокъ).

Губанинъ. Ступай же, отопри, а то звонокъ оборвутъ...

Иванъ. Не смѣютъ оборвать... Къ мировому стащу...

Губанинъ. Здѣсь мировыхъ нѣтъ.

Иванъ. Полиція есть, а это еще хуже будетъ. (Третій звонокъ). Ишь его, лукавый понукаетъ. (Четвертый звонокъ). Иду, иду!... (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Губанинъ одинъ, потомъ Мовша.

Губанинъ. Да вотъ, извольте видѣть... Онъ пьяный можетъ, дѣйствительно, кашу такую заварить. Телеграмму пошлетъ женѣ, ну и пошла писать!.. И валяй, Ермошка, во вся тяжкая!.. Что дѣлать, нужно терпѣть... (Вбѣгаетъ, запыхавшись, Мовша.

Мовша (цѣлуетъ въ плечо Губанина). На сто тысячь лѣтъ, зеляю господину благородственному пану, быць здоровимъ... (кланяется).

Губанинъ. Здравствуй, Мовша... Что тебѣ?

Мовша. Ухъ! (Прищелкиваетъ). Ницево... Я тылько такъ... такъ... Мозетъ сто вамъ, ясновельможный баринъ, пузно?...

Губанинъ. Да пока ничего... Впрочемъ, сходи въ лавку,

скажи хозяйской дочери, чтобъ она принесла мнѣ ящикъ сигаръ, такихъ, какія я постоянно беру...

Мовша (оскаливъ зубы). Цигари?... Зацѣмъ вамъ цигари? У васъ есть много ихъ. (Показываетъ на множество ящиковъ).

Губанинъ (Посмотрѣвъ на него, говоритъ въ сторону). Какова рожа то!? [къ нему]. Много сигаръ, это правда, да толку то мало... Ты понимаешь меня? [Мовша дѣлаетъ неопредѣленные жесты, Губанинъ говоритъ въ сторону]. Не понимаетъ, и прекрасно (къ нему). Я люблю курить однѣ только сухія сигары, а у меня въ ящикахъ оказались все сырыя... Понялъ?

Мовша. Чи-такъ?... (Дѣлаетъ наивную рожу).

Губанинъ (Передразниваетъ его). «Чи-такъ?..» Ты, братецъ мой, говоришь такъ, что тебя самъ чортъ не разберетъ... Ну что это: «чи-такъ?..» говори, братецъ, по русски...

Мовша. Ну сто такое?—Ай-вай!... Я-зе и говорю по рюсски... Бо я самъ рюсскій еврей...

Губанинъ Ну ступай же, голубчикъ, позови... то есть прикажи, принести Ревеккѣ ящикъ сигаръ... Только, пожалуйста сухихъ.

Мовша. Заразъ... (Дѣлаетъ къ нему нѣсколько шаговъ и, оглянувшись назадъ, говоритъ таинственно). А ви знаете сто?...

Губанинъ. А что?

Мовша. Ухъ!... Гвалтъ, дали-Букъ, гвалтъ!...

Губанинъ. Да что такое?

Мовша. Господина пана Пазухина въ тюрьму хоцятъ посядиць...

Губанинъ. Въ тюрь—му!?!... За что?

Мовша. За долги...

Губанинъ. Кто?

Мовша. Одинъ закладцикъ изъ насихъ... Енъ узе и карманныя денезки внесъ... Меня господинъ Пазухинъ посылалъ къ нему попросить обоздать немнозко, а онъ не хоцетъ...

Губанинъ. Ну что же Пазухинъ?

Мовша. Ницево... стозе ему дѣлать, езели денегъ нема...

Губанинъ. А великъ ли долгъ?

Мовша. Цетириста рублей...

Губанинъ. Ну, а ты устрой какъ нибудь, что бы этотъ еврей обождалъ... Нельзя же заворотъ тащить!...Да еще въ тюрьму... Это, значитъ, навсегда его опозорить, осрамить...

Мовша. Такъ есть, такъ есть... осрямить...

Губанинъ. Ты попроси его обождать до бенефиса Пазухина...

Мовша. Просилъ, дали-Букъ, просилъ, да енъ нехоцетъ больсе здать... Карманныя деньги внесъ...

Губанинъ. Кормовыя, а не карманныя... Ахъ ты русскій!..

Мовша. Кормовыя, такъ... Извините, господинъ—панъ, обмувился...

Губанинъ. Жаль Пазухина, онъ славный малый...

Мовша. А такъ есть, такъ есть... Енъ славный, отлицный господинъ-панъ-баринъ...

Губанинъ. Какъ же тутъ быть то? [ходитъ по комнатѣ].

Мовша (Дѣлаетъ сладкую физіогномію). Мозетъ быть ви... ви... ви ясносіятельная вася вельмозная благородственная—дворянская степенство помозете господину пану Пазухину?..

Губанинъ. Я? какимъ же это образомъ?...

Мовша (Въ голосѣ его слышится моленіе). Заплатите за него. Вамъ великая ясновельмозность цетириста рублей ницего не стоютъ... (Цѣлуетъ его въ плечо).

Губанинъ (помолчавъ). Что же?... Развѣ Пазухинъ говорилъ тебѣ объ этомъ?...

Мовша (какъ бы испугавшись). Ни, ни, ни!... Якъ пана Бога кохамъ, ни... Енъ мнѣ объ васъ ницего не говорилъ... Я ему сталъ говорить о васъ... [Мнется]. А енъ сказалъ, сто бы объ васъ я ему немувилъ...

Губанинъ. Ну самъ видишь, что помочь ему при всемъ моемъ желаніи, я не могу... Онъ не приметъ отъ меня денегъ, я знаю его хорошо, онъ гордъ, какъ дьяволъ...

Мовша. Ухъ! Ай-вай!—Мозно такъ сдѣлать, сто господинъ панъ Пазухинъ и самъ не будетъ знять, какъ ви ему помозете...

Губанинъ. Какъ же это такъ, я что-то не понимаю?

Мовша. Ви тылько заплятите этому еврею, возьмите отъ его вексель и науците еврея сказать пану-Пазухину, что онъ съ него будетъ здать до бенефиса... А тамъ ви сами получите съ него... Ну сто зе, развѣ это дурно, а?

Губанинъ. Геніально... Ай да, Мовша! истинный сынъ израиля!... Ступай, веди жо мнѣ этого жида, я куплю вексель... Рѣшено...

Мовша (цѣлуетъ его въ локоть). Заразъ! [Бѣжитъ].

Губанинъ. Да незабудь забѣжать къ хозяйской дочери...

Мовша. Цигаръ вамъ принести?—незапамятую и довиденія. [Убѣгаетъ].

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Губанинъ одинъ.

Губанинъ. Вотъ истинные друзья какъ дѣлаютъ, а еще Пазухинъ сердится на меня! Да для него я готовъ все отдать; все

[уд]вительно, исключая Ревекки... Ну ее я не желалъ бы уступить. Ходитъ по комнатѣ). Сегодня я придумалъ такое искушеніе, такую штуку, противъ которой устоять трудно... (Ходитъ и думаетъ). «А — а! — А! — а! (Заканчиваетъ руладой). Потомъ подходитъ къ столу и беретъ книгу). Въ ожиданіи очаровательной жидовочки, заняться хоть чтеніемъ... Что это попалось мнѣ? [Читаетъ]. «Гигіена и усовершенствованіе человѣческой красоты въ ея линіяхъ, формахъ и цвѣтѣ». А ну-ка, посмотримъ, что за книжечка. [Перелистываетъ и читаетъ]. «О красотѣ по поламъ» Ахъ вотъ это дѣло! (читаетъ) «Физическая красота не одинакова у обоихъ половъ; признаки, характеризующіе ее, различны.» Кому же это ново? (Продолжаетъ читать). «У мужчины кости крѣпкіи, мускулы...» (Читаетъ про себя). Гмъ... гмъ... гмъ... (Въ слухъ). «Женщина представляетъ болѣе нѣжное строеніе...» (Читаетъ про себя). Гмъ... гмъ!... (Въ слухъ). «Ея атласная кожа покрываетъ привлекательныя формы. (Перестаетъ читать и бросаетъ книгу). Должно быть авторъ сей Гигіены такой же рьяный обожатель женскихъ прелестей какъ и я... [Беретъ другую книгу]. Тутъ что? [Читаетъ]. «Мильда». (Читаетъ про себя, входитъ Ревекка).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Губанинъ и Ревекка.

Ревекка (держа въ рукахъ сигары). Что вы читаете, м-сье Губанинъ?

Губанинъ. Пардонъ, мадмоазель... Вы такъ тихо вошли, что я и не замѣтилъ...

Ревекка. Что вы читаете?

Губанинъ. Да вотъ про похожденія литовской миѳологической богини любви-Мильды... Про ея любовныя проказы, съ однимъ смертнымъ... (Присматривается ей). Что это?.. У васъ какъ будто глаза заплаканы?

Ревекка. Неужели?

Губанинъ. Увѣряю васъ... Посмотритесь въ зеркало.

Ревекка (Подходитъ къ зеркалу). Да, красны... Но это оттого, что я много терла ихъ рукою.

Губанинъ. Позвольте вамъ не повѣрить... Ваши глаза красны и *влажны,* а отъ тренія влажными они быть не могутъ. Да, наконецъ, и въ голосѣ вашемъ есть что-то такое музыкально-страдательное... Послушайте: не скрывайте отъ меня—вашего друга, ничего. Повѣрьте, что я способенъ на все (беретъ её за руку), на все, для васъ...

Ревекка (отнимаетъ руку). Вотъ сигары, позвольте получить за нихъ деньги. (Подаетъ ящикъ).

Губанинъ [Принимаетъ сигары, ставитъ ихъ къ прочимъ ящикамъ]. Сперва вы присядьте, потомъ побесѣдуйте, и тогда уже получайте деньги...

Ревекка. Извините... Но мнѣ, право, некогда сидѣть у васъ, меня дожидается....

Губанинъ (Перебиваетъ ее). Женихъ вашъ, скажете вы, какъ прежде?... Но я вамъ теперь не повѣрю... У васъ ни какого жениха нѣтъ... Довольно, если одинъ разъ меня надули.

Ревекка. Меня ждетъ въ лавкѣ мать... Позвольте же деньги за сигары. Право, мнѣ некогда.

Губанинъ. Присядьте сперва. (Показываетъ на стулъ).

Ревекка. Въ такомъ случаѣ пусть за вами будетъ... Я приду въ другое время [кланяется и хочетъ идти].

Губанинъ. (Забѣгаетъ). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не пущу!... Мнѣ нужно сообщить вамъ одно очень серьезное дѣло; удѣлите мнѣ пять минутъ,—прошу васъ (цѣлуетъ ея руку).

Ревекка. Дѣло вы скажете?

Губанинъ. И очень важное... Садитесь, пожалуйста (ставитъ стулъ).

Ревекка (Садится). Только, смотрите, не болѣе пяти минутъ, я и то рискую...

Губанинъ. Ну, полноте, чѣмъ вы рискуете?..

Ревекка. Не тратьте времени даромъ, скорѣе къ дѣлу. Говорите, какое имѣете до меня дѣло?

Губанинъ [Садится противъ нея]. А вотъ какое. (Смотритъ на нее). Я васъ люблю...

Ревекка (Дѣлаетъ движеніе). Это старая пѣсня...

Губанинъ. Сейчасъ будетъ новая...

Ревекка. Послушаемъ, умнѣе ли будетъ старой.

Губанинъ. Надѣюсь... Если не умнѣе, то во всякомъ случаѣ практичнѣе.

Ревекка. Продолжайте.

Губанинъ. Ревекка Давидовна! вы милы, очаровательны, прелестны, какъ Венера Милосская!...

Ревекка. Боже мой!—да говорите вы о дѣлѣ...

Губанинъ (Продолжаетъ). Глаза ваши сыплютъ искры, отъ которыхъ воспламеняется все, на что упадутъ онѣ; ваша улыбка, скользящая по милымъ губкамъ, какъ магнитъ притягиваетъ къ себѣ все осмысленное, живущее и любящее... Но ваше сердце! [Разводитъ руками и останавливается].

Ревекка. Что, мое сердце?—Продолжайте!

Губанинъ. Ваше сердце, извините меня, если я скажу: хо-
(но, какъ ледъ.

Ревекка. Въ этомъ я не виновата... Такой ужъ холодной
дана.

Губанинъ. Будто?... Ужели вы не способны воспринимать
вественныя чувства Мильды?

Ревекка [Разсѣянно]. Какія чувства?

Губанинъ. Которыя вливаетъ въ сердце сама Мильда, ли-
вская богиня любви... Вотъ я только что читалъ брошюрку
ей. Она богиня, и то любима, а вы смертная, и держитесь
риступнѣй богини... Этимъ вы оскорбляете Мильду!..

Ревекка. Мнѣ помнится что я тоже читала кантату о Миль-
... Но за любовь къ смертному она была изгнана богами съ
говскаго Парнасса на землю.

Губанинъ [Перебиваетъ ее]. Такъ, такъ, на землю, ваша прав-
... Въ Литву ее согнали, разливать свой нектаръ въ сердца лю-
й; вотъ даже есть стихи къ этому, послушайте, я прочту (чи-
етъ).

«Пала ты Мильда; но надъ сердцами,»
«Ты сохранила тѣже права.»
«Счастья свѣтило! Ты между нами:»

акъ вотъ видите, богиня любви между вами, всѣмъ расточаетъ
руями блаженство, всѣ съ благодарностью принимаютъ его,
олько одна вы, гордая, не хотите воспользоваться услугами
ильды!... [Смотритъ на Ревекку, которая во время чтенія задумалась].
а что съ вами?... О чемъ вы думаете?

Ревекка. Такъ, ни о чемъ... Продолжайте, я слушаю!

Губанинъ. Нѣтъ, вы сегодня на себя не похожи. Вѣрно лѣ-
ой ногой съ кровати ступили?...

Ревекка (Вздыхаетъ). Да, лѣвой...

Губанинъ. Боже мой! какъ вы вздыхаете!... Да скажите,
ади Бога, что это съ вами? Откройте мнѣ ваши завѣтныя думы,
желанія, я вамъ открою свои (беретъ ее за руку). Повѣрьте, Ревек-
ка Давидовна, я васъ такъ люблю, такъ люблю, что готовъ ис-
полнить все, что вы захотите... Всякое ваше желаніе для меня
законъ... Требуйте отъ меня, чего хотите, все сдѣлаю, только...
(Голосъ его дрожитъ) подарите меня вашей взаимностью... вашими
ласками... и я готовъ на всѣ жертвы!...

Ревекка. Скоро ли вы начнете о дѣлѣ то? Вѣдь пять минутъ прошли...

Губанинъ [Смотритъ на нее и цѣлуетъ руки]. «Ни на волосъ любви. Куда какъ хороши,» скажу вамъ словами Грибоѣдова... А между тѣмъ, я въ бѣшенство прихожу отъ любви къ вамъ.

Ревекка. Вы, пожалуй, кусаться начнете?!

Губанинъ. Я готовъ не только укусить васъ, а цѣликомъ проглотить даже, безъ всякаго гарнира...

Ревекка. Какой вы обжора!

Губанинъ (Вздыхаетъ). Да, нельзя не быть прожорливымъ... Послушайте, Ревекка Давидовна! Ужели вы свою золотую весну хотите омрачить осенней холодностью?... Ужели вамъ нравится постылое одиночество?... [Беретъ руку и цѣлуетъ]. Въ ваши лѣта только и любить, только и наслаждаться любовью, а вы хотите идти на перекоръ природѣ!... Вѣдь любить только тогда хорошо, когда на лицѣ цвѣтутъ розы, когда нѣтъ еще линій, которыя накладываетъ время... Вы сами впослѣдствіи будете жалѣть объ этомъ времени, даромъ потраченномъ и несогрѣтомъ любовью. Раскаяваться будете, но будетъ поздно... Подумайте хорошенько, жизнь наша... жизнь наша...

Ревекка. Безконечный трудъ—хотите вы сказать?

Губанинъ. Пожалуй и такъ... Жизнь есть безконечный трудъ, согласенъ съ этимъ... Но, при физическомъ трудѣ, человѣку необходимо духовное занятіе, это занятіе есть любовь... Да и наконецъ при трудѣ необходимъ для женщины помощникъ, для мужчины помощница... Это законъ природы, съ которымъ спорить нельзя, послушайте, Ревекка Давидовна, согласитесь на мое предложеніе.

Ревекка. На какое предложеніе?

Губанинъ. Полюбите меня взаимно, повѣрьте, что я буду отличный помощникъ... Вы мой кумиръ, которому готовъ служить до самой могилы... Полюбите!...

Ревекка. (Перебиваетъ его). «Любить... но кого же?... на время—не стоитъ труда, а вѣчно любить невозможно.»

Губанинъ. Вы Лермонтова цитируете... Въ такомъ случаѣ потрудитесь хорошенько вдуматься въ слова: «на время—не стоитъ труда,»...

Ревекка. Нѣтъ, я на время не могу любить; ужъ если любить, такъ любить вѣчно.

Губанинъ. Клянусь вамъ Богомъ, что я буду любить васъ вѣчно, что я не могу измѣнять любимой женщинѣ, что я...

Ревекка. Скажите, пожалуйста, по чемъ вы платили за аршинъ этого сукна? (Показываетъ на сюртукъ).

Губанинъ. Это сукно съ моей фабрики... Такъ какъ же, Ревекка Давыдовна, ужели вы....?

Ревекка. Что это, скажите пожалуйста, рубашка ваша батистовая, или голландская?

Губанинъ. Батистовая...

Ревекка. Почемъ платили за дюжину?

Губанинъ. Полтораста рублей...

Ревекка. [Перебиваетъ его]. Вы дорого платили за сорочки; здѣсь можно дешевле достать.

Губанинъ. Э, Богъ съ ними!... Ахъ, Ревекка Давидовна! вы такъ очаровательно прекрасны, такъ граціозны, что кажется сама природа создала васъ только для любви... А вы отвергаете ея дары, не хотите попировать жизнію... Зачѣмъ вы не испытаете, какъ сладокъ пиръ жизни?!..

Ревекка. Ахъ я и забыла спросить у васъ, скажите, вы любите дичь?

Губанинъ. Нѣтъ... Да и вы, кажется, также, потому что всякая дичь для васъ *трефъ*.

Ревекка. Вотъ поэтому то я ее и *не слушаю*. (Смѣется).

Губанинъ. [Обидѣвшись]. Такъ, по вашему, я дичь говорилъ?

Ревекка. Да... стрѣляли...

Губанинъ. Какъ это «стрѣляли?»

Ревекка. Очень просто... Вы говорили то, чему не сочувствовали... Что приходило вамъ въ эту минуту въ голову, то и говорили; по моему, это также стрѣльба, холостыми зарядами...

Губанинъ. Что же вы этимъ хотите сказать? что я обманываю васъ, такъ, что ли?

Ревекка. Да, вы говорили неправду.

Губанинъ. Неправду?... Вотъ какъ!... Въ такомъ случаѣ прошу васъ доказать, что я говорилъ неправду.

Ревекка. Извольте, если вы хотите... Во первыхъ, вы человѣкъ женатый, у васъ молодая супруга... Вы любили свою жену до вѣнца безумно; вы клялись ей въ вѣрности и неизмѣнности, и сами были убѣждены, что говорили правду...

Губанинъ. Откуда извѣстны вамъ такія подробности?

Ревекка. Вотъ это мило... «Откуда!»... Да вѣдь вы сами давали мнѣ читать вашъ дневникъ... Ваши бесѣды съ самимъ собой...

Губанинъ. Ахъ да, да, да!... Пардонъ, забылъ... Продолжайте.

Ревекка. Потомъ, женившись, вы, какъ сами говорите, послѣ медоваго мѣсяца, охладѣли къ своей супругѣ. Полюбили какую то Сонички, потомъ влюбились въ Черкешенку, а когда и она вамъ наскучила, вы кинулись къ ногамъ какой то Олиньки... Потомъ...

Губанинъ. А это какъ вамъ извѣстно?

Ревекка. Да все изъ вашего дневника.

Губанинъ. [Въ сторону]. Проклятый дневникъ!

Ревекка. И теперь вы увѣряете меня въ своей пріязни и любви?...

Губанинъ. Не только увѣряю, но клянусь...

Ревекка. Э, полноте? (Смѣется). Ваши клятвы и увѣренія только въ силѣ до первой встрѣчи съ хорошенькой женщиной... Спросите свою память,—сколько вы женщинъ любили, скольким клялись, измѣняли. Не придется ли бѣжать въ лавку за счетами?.. Такъ какъ же вамъ вѣрить послѣ этого?

Губанинъ. Моя любовь къ вамъ будетъ послѣдней, клянусь честью, послѣдней; мое сердце будетъ принадлежать на вѣчныя времена только вамъ одной...

Ревекка. И вы думаете что я повѣрю вамъ?! (Смѣется). Это забавно... Не тратьте по пустому словъ... Вините вашъ дневникъ, ваши бесѣды съ самимъ собой. Если бы я не читала его, то, быть можетъ, и повѣрила бы вашимъ словамъ, а теперь... (Качаетъ отрицательно головою) не вѣрю... Да и наконецъ, если бы вы любили меня, то не стали бы предлагать мнѣ унизительныя условія. Но я не оскорбляюсь на васъ за это, потому что къ подобнымъ нахальнымъ предложеніямъ я привыкла. Да и какъ оскорбиться бѣдной еврейкѣ, родители которой заставляютъ, ради своихъ выгодъ, равнодушно сносить ихъ? Чѣмъ она, наконецъ, можетъ заявить свой протестъ противъ дерзостей нахаловъ?— Ругательствомъ? но на ругательство она получитъ въ избыткѣ тоже самое... (Закрываетъ глаза). Фу! даже душно становится, когда подумаю, сколько я перенесла разнаго рода оскорбленій и обидъ отъ мужчинъ!... (Маленькое молчаніе). Что вы такъ на меня смотрите?

Губанинъ. Ничего, ничего... Продолжайте, я слушаю.

Ревекка. И хорошо дѣлаете, потому что я говорю это въ порывѣ откровенности... Такой часъ на меня нашелъ... Прошу васъ, бросьте ухаживать за мной... Вѣдь вы ничего отъ меня не

юбьетесь, это я вамъ говорю откровенно и серьозно... Денегъ я ашихъ не возьму; любить васъ не могу...

Губанинъ. Почему же?

Ревекка. Потому что не могу...

Губанинъ. Меня только не можете любить, или никого?

Ревекка. Да, именно васъ...

Губанинъ. Благодарю за откровенность.

Ревекка. Не стоитъ благодарности... Въ ней ничего дурнаго ѣтъ.

Губанинъ. (Кусая губы). Конечно!...

Ревекка. Будемъ-те друзьями, только, ради создателя, не оскорбляйте меня вашими предложеніями!... Я ихъ не пріиму... Вы дивляетесь, что жидовка не возьметъ денегъ?—Что дѣлать! Есть ѣрно и жидовки, имѣющія понятіе о деньгахъ и о чести. (Щелкаетъ альцемъ). Если будете думать противное о лавочницахъ, то ошиетесь, какъ ошиблись теперь.

Губанинъ. Я впередъ буду думать, что у этихъ лавочницъ вреекъ, вмѣсто сердца, пучекъ чесноку.

Ревекка. Вотъ вы уже начинаете говорить колкости за то, то я вамъ честно высказалась... Вы несправедливы, м-сье Губаинъ...

Губанинъ. Ни какихъ вамъ колкостей я не говорилъ, я хоѣлъ сказать, что еврейки лавочницы не могутъ любить...

Ревекка. Нѣтъ, напротивъ, и онѣ любятъ; (Значительно) тольо, конечно, не всѣхъ же..

Губанинъ. Ну, конечно, конечно... Но мнѣ бы хотѣлось знать, почему я вамъ не нравлюсь?

Ревекка. Да просто потому, что вы не въ моемъ вкусѣ... ясно?

Губанинъ. Напротивъ, пасмурно... Желалъ бы я знать, кто въ вашемъ вкусѣ,—ужъ не Пазухинъ ли?..

Ревекка. Нѣтъ...

Губанинъ. А мнѣ кажется—онъ..., потому что онъ сказалъ мнѣ самъ, что вы ему отвѣчаете.

Ревекка. Онъ вамъ сказалъ?!!..

Губанинъ. Да, за это-то мы съ нимъ и поссорились...

Ревекка. Онъ вамъ сказалъ?!.. Да вы не шутите?

Губанинъ. Увѣряю васъ, что правда...

Ревекка. Странно!... Я ему не давала на это ни какаго права... Или, быть можетъ, онъ пошутилъ... (Встаетъ). Однако мнѣ пора, вмѣсто пяти минутъ я просидѣла полчаса... До свиданья... Надѣюсь, что нынѣшній разговоръ останется между нами...

Губанинъ. О, конечно!... Только, видите ли, что я вамъ

хотѣлъ бы сказать... Послушайте, Ревекка Давидовна!... Какъ бы это вамъ выразить?...

Ревекка. Что такое?.. (Смотритъ на него). Какъ у васъ горятъ глаза!...

Губанинъ. Не мудрено; я весь въ огнѣ...

Ревекка. (Улыбаясь). Не прикажете ли крикнуть пожарныхъ?

Губанинъ. Моего пламени водой не зальете... Послушайте, Ревекка Давидовна! Да неужели вы?... Ахъ, Боже мой!... Зачѣмъ же вы кокетничали со мной?..

Ревекка. Я съ вами кокетничала? Здоровы ли вы?...

Губанинъ. Нѣтъ, нездоровъ... Я чувствую, я чувствую, что что-то такое дьявольское со мной дѣлается... Я не ручаюсь за себя... Бѣгите отъ меня прочь, или я... Нѣтъ, постойте, постойте, еще минуту!... Вы только подумайте, что чрезъ нѣсколько лѣтъ мы съ вами будемъ въ могилѣ, что все это, что видите вы, исключая любви, — ничтожество.. Ахъ, Боже мой, что я говорю!.. Вотъ, что вы со мной сдѣлали; вотъ смотрите, любуйтесь на меня... Ревекка Давидовна, скажите, чего вы желаете; я все, рѣшительно все исполню...

Ревекка. Ничего мнѣ отъ васъ не нужно... Прощайте. [Хочетъ идти].

Губанинъ. (удерживаетъ ее). Нѣтъ, постойте... Я такъ васъ не пущу, вы должны... Вы должны покрайней мѣрѣ...

Ревекка. Напротивъ, вы должны мнѣ за сигары, я сейчасъ пойду въ лавку и запишу въ книжечку.

Губанинъ. [Посмотрѣвъ на нее]. Нѣтъ, не записывайте, я сейчасъ вамъ отдамъ (Вынимаетъ бумажникъ и отдаетъ). Получите за сигары.

Ревекка. Благодарю васъ.

Губанинъ. (Вынимаетъ изъ портфеля билеты и показываетъ ей). А вотъ и билеты.. Видите, какъ много ихъ въ этой пачкѣ? Возьмите; съ ними вы много сдѣлаете въ жизни, вѣдь они въ настоящее время...

Ревекка. (Досказываетъ). Ничтожество!

Губанинъ. Какъ, ничтожество!? они главный міровой двигатель.

Ревекка. Но вы сами, минуты двѣ тому назадъ, говорили, что все, что видимъ мы, — ничтожество... Не будьте же фразеромъ.

Губанинъ. Да, я говорилъ, и не отпираюсь.. Дѣйствительно все, что видимъ мы, исключая любви, ничтожество. Одна только любовь безсмертна и вѣчно будетъ господствовать въ сердцахъ у людей. Но такъ какъ до настоящаго времени еще не узнали

ученые, что такое любовь, рождается ли она, какъ и у всѣхъ животныхъ, на землѣ, или посылается намъ съ неба, то я ее дѣлаю предметомъ невещественнымъ, и видимое вами ничтожество (показываетъ на пачку денегъ) есть только прилагательное того чувства, которое я къ вамъ питаю...

Ревекка. Послушайте, вы человѣкъ богатый; тѣ деньги, которыя вы хотите пожертвовать мнѣ—отдайте бѣднымъ города Вильны.. Ихъ много у насъ... Раздайте сами и повѣрьте, что послѣ этого добраго дѣла васъ не будетъ мучить раскаяніе, въ такой щедрости; напротивъ, у васъ не только минуты, часы, дни, а мѣсяцы и годы будутъ блаженно-спокойны... Да наконецъ, скольким семействамъ вы доставите средство къ существованію; скольких бѣдняковъ вы сдѣлаете на нѣсколько лѣтъ безбѣдными! Если же вамъ пришлось бы мнѣ отдать эти деньги, то впослѣдствіи какъ бы вы жалѣли и раскаявались!...

Губанинъ. Сохрани меня Богъ!...

Ревекка. Полноте, полноте... Это вы говорите теперь, когда объяты пламенемъ, а когда пылъ этого огня пройдетъ и вы прійдете въ нормалное состояніе, то откажетесь отъ своихъ словъ.

Губанинъ. Позвольте васъ поцѣловать!?!

Ревекка. (Дѣлая къ двери движеніе). Нѣтъ, не позволяю.

Губанинъ. [Загораживаетъ ей дорогу]. Вѣдь только поцѣловать?!

Ревекка. А вамъ этого мало?

Губанинъ. А для васъ это много?

Ревекка. Конечно... Впрочемъ, вы въ такомъ настроеніи, что съ вами опасно говорить [Дѣлаетъ движеніе].

Губанинъ. Я пожертвую эти деньги бѣднымъ людямъ, какъ вы желаете; только позвольте васъ поцѣловать.

Ревекка. Когда пожертвуете, тогда я васъ сама поцѣлую, а теперь досвиданья.

Губанинъ. Нѣтъ ужъ извините... [Обнимаетъ ее и цѣлуетъ, въ это время входитъ Пазухинъ и, увидѣвъ поцѣлуй, останавливается, какъ вкопанный].

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

тѣже и Пазухинъ.

Ревекка. [Не видавъ Пазухина, вырывается изъ объятій Губанина]. Это наглость!... вы забылись!...

Губанинъ. (Увидѣвъ Пазухина, говоритъ въ сторону). Э... чортъ его принесъ!...

Пазухинъ. (Сдерживаетъ свое волненіе и обращается къ Губанину). Такъ вы за этимъ меня звали, что бы полюбоваться на эту картину?... Придумано прекрасно!

Губанинъ. (къ нему). Здравствуй (подходитъ къ нему). Ну ты опять начнешь?...

Пазухинъ. Прошу васъ дальше...

Губанинъ. Да что съ тобой? Ужели такая глупость тебя тревожитъ?...

Пазухинъ. (Не слушая Губанина). Картина дѣйствительно прекрасная; но вы напрасно расчитывали на ея эффектъ... Его она не сдѣлала... Вы думали что я упаду въ обморокъ и заранѣе торжествовали, видя меня лежащимъ безъ чувствъ... Да, было бы смѣшно и глупо, если бъ это случилось; къ счастью, я умѣю хорошо владѣть собой. И теперь не вы, а я торжествую; ваша картина открыла мнѣ глаза, теперь я вижу все ясно и все здраво понимаю... Мнѣ жаль прошедшаго, не потому что я любилъ безумно, нѣтъ, а просто потому, что былъ игрушкой одной женщины—виноватъ, дѣвицы, которая ничто иное, какъ сфинксъ...

Ревекка. (Почти плача). За что же вы-то меня оскорбляете? Развѣ я виновата, что меня одинъ наглецъ поцѣловалъ насильно...

Пазухинъ. [Смѣясь]. «Насильно»!... Перестаньте морочить меня, я вамъ уже сказалъ сейчасъ, что все теперь вижу ясно... Впрочемъ, о васъ я больше ничего не скажу, потому что упреки и сѣтованія мои для васъ будутъ непонятны. Вамъ смѣшно будетъ... Разбили жизнь человѣку, отчего же не смѣяться?!... Для васъ это должно быть великимъ утѣшеніемъ. Впрочемъ, вамъ истинная любовь неизвѣстна... Вы кокетничали со мной, теперь кокетничаете съ Губанинымъ, будете кокетничать и обирать еще многихъ, желаю вамъ успѣха въ этомъ и умолкаю. (Обращается къ Губанину). А вамъ, молодой человѣкъ, стыдно смѣяться надъ прежнимъ своимъ товарищемъ, который любитъ и котораго обманывали... Вы сами любите, какъ вижу я теперь... Я никакъ не ожидалъ, что вы настолько будете подлы...

Губанинъ. Расходился, какъ пѣтухъ индѣйскій. Да выслушай же насъ...

Пазухинъ. Имѣйте мое сердце и, послѣ той картины, которую я видѣлъ сейчасъ и послѣ того, что слышалъ часъ тому назадъ отъ этой дѣвицы, которую вы сейчасъ поцѣловали, и вы поймете состояніе моего духа. Но, помните, м-сье Губанинъ, за эту шутку надмной я сдѣлаю съ вами то, чего вы никогда неожидали.

Губанинъ. Что именно?

Пазухинъ. Я вамъ отомщу.

Губанинъ. (Смѣясь). Сдѣлайте милость.

Пазухинъ. Да еще такъ отомщу, что...

Губанинъ. Пожалуйста, дѣлайте все, какъ знаете, только не

пугайте меня... Я васъ не боюсь, да и прошу васъ повоздержаться отъ неумѣстнаго крика, здѣсь не кабакъ.

Пазухинъ (Посмотрѣвъ на него говоритъ съ презрѣніемъ). Знаю, что я не въ кабакѣ, но тѣмъ не менѣе съ людьми весьма не порядочными... [Уходитъ, хлопнувъ дверью].

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

тѣже безъ Пазухина.

Ревекка. (Въ слезахъ). Ну, вотъ видите... видите, что вы надѣлали?!... Какъ вамъ не стыдно, милостивый государь!... Что теперь подумаетъ Пазухинъ?...

Губанинъ. Охота вамъ обращать вниманіе на слова какого нибудь сумасшедшаго Пазухина! Что онъ вамъ гувернеръ, отецъ или супругъ, что такъ дорожите его мнѣніемъ?...

Ревекка. Онъ... онъ очень порядочный молодой человѣкъ и я дорожу мнѣніемъ его... Теперь онъ Богъ знаетъ, что подумаетъ.

Губанинъ. Порядочный! (Смѣется). Порядочность его вы видѣли сейчасъ... Развѣ порядочный человѣкъ можетъ оскорбить женщину...

Ревекка. Что вы говорите? Его оскорбленіе въ сравненіи съ вашимъ ничего не значитъ... Вы меня такъ оскорбили, что я не нахожу словъ....

Губанинъ. (Улыбаясь). Можетъ быть потому вы и плачете?

Ревекка. Ахъ, какой вы дерзкій, какой вы скверный, какой вы гадкій!...

Губанинъ. Будто?

Ревекка. Теперь это разойдется по всему городу, узнаетъ отецъ, узнаютъ...

Губанинъ. Не безпокойтесь, некому говорить будетъ объ этомъ... Пазухина не сегодня, такъ завтра посадятъ въ тюрьму...

Ревекка. Въ тюрьму!?—за что?

Губанинъ. [Смотритъ на нее]. За долги...

Ревекка. За долги?—Вотъ какъ!... Я не знала, что онъ долженъ...

Губанинъ. Четыреста рублей... Отъ души желаю ему сѣсть поскорѣе и просидѣть подольше...

Ревекка. Конечно... Прощайте.

Губанинъ. Ручку, ручку, ручку!... (Забѣгаетъ къ ней).

Ревекка. (Строго). Если только вы приблизитесь ко мнѣ, то я такой подниму гвалтъ, что всѣ сосѣди сбѣгутся. Лучше не подходите. (Губанинъ даетъ мѣсто). Вотъ такъ-то... Эхъ вы, м-сье Гу-

банинъ, въ другихъ вы находите милліарды недостатковъ, въ себѣ только одни достоинства, вы слѣпы... Прощайте (Убѣгаетъ).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Губанинъ одинъ, потомъ Мовша.

Губанинъ. (Немножко подумавъ). Теперь сомнѣній больше нѣтъ, что она его любитъ... (Поправляетъ свои волосы). Я съ носомъ... (Ходитъ по комнатѣ). Вотъ тебѣ и жидовка!... Да и за дѣло мнѣ, ей Богу, за дѣло. (Подходитъ къ столу, наливаетъ изъ графина въ стаканъ воду и пьетъ). Не влюбляйся въ первую встрѣчную - поперечную... Не будь самонадѣяннымъ повѣсой, глупымъ волокитой... Э, чортъ возьми!... Такъ сдѣлалось мнѣ жарко, что даже во рту сохнетъ (Подходитъ къ столу, наливаетъ воду и пьетъ). Ѣхать въ ванну, а то, пожалуй, воспаленіе можетъ случиться... Фу... фу!.. (Вбѣгаетъ Мовша).

Мовша. (Вбѣгаетъ и цѣлуетъ Губанина въ плечо). Какъ вы приказали, такъ и сдѣлалъ... Енъ присолъ.

Губанинъ. Кто?

Мовша. А енъ самій... Заклядцикъ изъ насихъ, которому господинъ-панъ Пазухинъ долзенъ цетыреста рублей... Ви, ясносіятельное благородство, обѣсцялись заплятицъ за пана Пазухина...

Губанинъ. Вотъ дурака нашелъ!... За всякаго знакомаго я обязанъ платить... Да этакъ никакихъ денегъ не хватитъ.... (Пьетъ воду).

Мовша. Но ви, васе благородственное панство, сами зеляли выруцить господина Пазухина?...

Губанинъ. Убирайся ты къ чорту, съ закладчикомъ и съ Пазухинымъ!... Пусть его сажаютъ въ тюрьму, я самъ за это готовъ заплатить...

Мовша. Ци такъ?

Губанинъ. Пошелъ вонъ, я тебѣ говорю; ты мнѣ надоѣлъ... Ну!...

Мовша. Заразъ, заразъ. (Дѣлаетъ движеніе къ двери и оборачивается къ Губанину). А сколько вы дадите, васа ясновельмозность, сто бы посадиць пана Пазухина въ турму?

Губанинъ. Ахъ, уйди ты пожалуйста, съ моихъ глазъ, а то не пеняй... (Показываетъ кулакъ).

Мовша. Заразъ. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Губанинъ, потомъ Иванъ.

Губанинъ. (Ходитъ по комнатѣ). О самолюбіе, самолюбіе!... Въ настоящее время я готовъ убить Пазухина. (Входитъ Иванъ).

Иванъ. (Идетъ, шатается и рукой что-то ловитъ въ воздухѣ, какъ ловитъ муху). Постой, косолапый, я тебя поймаю... (Сжимаетъ кулакъ) Ага!... Попался длиннохвостый чортъ!... Вотъ, я тебя!... (Опускается на стулъ).

Губанинъ. (Посмотрѣвъ на Ивана). Ну, часъ отъ часу не легче, баринъ до чертиковъ влюбился, а лакей до чертиковъ напился... Нужно скорѣе убираться отсюда. (Пьетъ воду).

Иванъ. (Прищелкиваетъ). Ходи, ходи, катай, валяй... фью! (Свищетъ). Изловилъ... Ага!... (Прикладываетъ руку къ уху). Жужжитъ!...

(Конецъ 2-го дѣйствія).

С. Калугинъ.

ДИССОНАНСЫ НАШЕЙ ЖИЗНИ.

(Изъ вчерашняго).

Что-жъ, коли подлецъ, то и подлецъ. Не будь подлецомъ, то и не будутъ надъ тобою смѣяться.

Гоголь.

I.

Широко раскинулся губернскій городъ *...ъ на некрутыхъ берегахъ одной, довольно большой, рѣки, занимающей почетное мѣсто на картѣ Европы. Далеко расползлись во всѣ стороны его грязныя и неопрятныя улицы и скрываются въ сѣрой, туманной дали. Звукъ его колоколовъ слышенъ за пять верстъ и предупреждаетъ васъ о приближеніи къ большому городу. Не доѣзжая къ нему трехъ верстъ, по петербургскому шоссе, вы поднимаетесь на небольшую возвышенность, и взорамъ вашимъ представится лощина, окаймленная зеленѣющими холмами и буграми. Въ глубинѣ ея, какъ бы укутанный въ синеватый туманъ, во всей своей прелести, предстанетъ предъ вашими любопытными и восхищенными глазами *...ъ, съ своими высокими колокольнями, зеленѣющими садами и огородами. Глазъ вашъ не можетъ налюбоваться живописно разбросанными кучами домовъ, сгущающимися къ центру города. Вонъ, посреди города, что-то блещетъ, серебрится, волнуется, играетъ прихотливыми цвѣтами на солнцѣ и извивается, какъ лента. Это—рѣка, воду которой жители преимущественно употребляютъ для чая. Вонъ, налѣво, на берегу этой рѣки, изъ кучи зелени выглядываетъ на свѣтъ Божій, своими

красными крышами, довольно большое зданіе, съ живописно-лѣпящимися вокругъ него пристройками,—это такъ называемый дворецъ, гдѣ живетъ теперь начальникъ губерніи. Отъ этого зданія, которое стоитъ на довольно возвышенной мѣстности, такъ что отсюда виденъ весь городъ, какъ на ладони, по берегу рѣки тянется длинная, березовая аллея. Это городской бульваръ, на которомъ, въ праздничные дни, играетъ полковой оркестръ и гуляетъ большими группами публики.

Здѣсь мѣстные джентльмены, бѣлорусскіе фешонэбли (я описываю одинъ изъ губернскихъ городовъ западнаго края), ухаживаютъ за прелестными барышнями, которыя гуляютъ обыкновенно на этомъ-же бульварѣ, такъ какъ въ городѣ нѣтъ болѣе пригоднаго для этой потребности мѣста. Правда, есть такъ называемыя Лукишки, — загородная роща,—вонъ та, которую вы видите на право, на краю города или, лучше сказать, за городомъ, надъ берегомъ рѣки; отсюда они, т. е. Лукишки, кажутся намъ съ вами какъ бы опрокинутою изъ горшка кучею зелени; но тутъ, за далью, неудобно назначать свиданія, и единственно по этой причинѣ никто здѣсь ихъ не назначаетъ. Пѣшкомъ сюда далеко; на извощикѣ не выгодно: нужно истратить для этого нѣсколько гривенъ, а нынче деньгами всѣ дорожить стали. Вонъ, высоко къ поднебесью высится городская каланча. Какъ красива и прелестна она отсюда, со своею стеклянною будкою и съ едва замѣтными двумя шестами, на которыхъ, въ случаѣ пожара, выкидывается флагъ! Какъ милы отсюда эти узенькія, коричневыя улицы, съ копошащимися на нихъ жителями! Какою бѣлизною сверкаютъ на солнцѣ стѣны каменныхъ зданій, какою яркостью красокъ щеголяютъ деревянные домики и крыши домовъ! Какъ мило вьется къ верху тонкой струйкой дымокъ на темноголубомъ фонѣ неба! И вся эта картина залита яркимъ свѣтомъ утренняго іюльскаго солнца, лучи котораго алмазами сверкаютъ на водѣ рубинами искрятся на красныхъ крышахъ, яркимъ золотомъ горятъ на позлащенныхъ крестахъ церквей и милліардами изумрудовъ разсыпались по темной и свѣтлой зелени. Въ ту минуту, какъ глазъ вашъ нѣжится этою картиной, вы свободно вдыхаете всѣми вашими легкими здоровый, ароматическій, деревенскій воздухъ; до уха вашего долетаетъ отдаленный, неясный, мягкій шумъ городской жизни.

Налюбовавшись вдоволь, вы торопите ямщика, ямщикъ лошадей и спѣшите скорѣе въ городъ вкусить этой восхитительной, буколической жизни. Вотъ гдѣ поэтическая жизнь! восклицаете вы; вотъ гдѣ именно магометовъ эдемъ! Какъ счастливы, вѣроятно, тѣ избранные, которые живутъ въ подобномъ раю! Такъ

ирьируете вы на тему о счастливой жизни, находясь въ востор-
енномъ состояніи отъ виднѣющагося предъ вами фантасмагориче-
каго ландшафта. Погоняете чуть не въ шею (если вы членъ че-
овѣколюбиваго общества, и въ шею если вы не членъ) ямщика,
мысленно уже находитесь въ городѣ и испытываете всѣ удоволь-
вія идилліи.—Но успокойтесь, приведите свои чувства въ долж-
ый порядокъ! Не спѣшите такъ, лучше подышите здѣсь побол-
е свѣжимъ воздухомъ. Куда вы мчитесь?... Смотря на васъ,
нѣ становится смѣшно: вы, точно маленькій ребенокъ, гонитесь
мотылькомъ; все, что издали казалось прелестнымъ, далеко не
аково на самомъ дѣлѣ.. Это ни болѣе, ни менѣе какъ оптическій
бманъ и вы скоро почувствуете разочарованіе...

Когда вы подъѣзжаете къ городу, вамъ прежде всего бросится
а встрѣчу воздухъ, пропитанный міазмами и испареніями, свидѣ-
ельствующими о близости большаго города. Этотъ воздухъ,
оторый непріятно подѣйствуетъ на ваши носовые органы и нер-
ы, сразу отрезвитъ васъ отъ того впечатлѣнія, подъ обаяніемъ
отораго вы такъ мчались, очертя голову. По мѣрѣ приближенія
ъ городу, восхитительная картина измѣняется: розовый колоритъ,
ридававшій столько прелести дѣйствительности, исчезаетъ, какъ
очная тѣнь, и голая дѣйствительность, безъ всякаго покрывала,
редстаетъ предъ вами. Неясный шумъ превращается въ гамъ и
оворъ, который оглушаетъ васъ. Жиды, жидовки, полу-нагіе ре-
бятишки, часто безъ рубашенки, но непремѣнно въ ермолкѣ, шны-
ряютъ тамъ и сямъ, чуть не лѣзутъ подъ ноги лошадей; бѣгутъ,
суетятся и кричатъ. Мимо васъ ползетъ коляска екатерининскихъ
временъ, запряженная парою почтенныхъ лѣтъ клячей. Должно
быть губернскій тузъ совершаетъ путешествіе къ другому тузу,
для дипломатическихъ переговоровъ о вчерашнемъ преферансѣ или
ералашѣ. Вслѣдъ за нею тащится маленькая телега бѣлорусса,
запряженная крошечною, худою лошаденкою. Въ телегѣ лежитъ
пьяный бѣлоруссъ и, что есть мочи, горланитъ какую-то пѣсню;
подлѣ него сидитъ баба и горько плачетъ на свою долю, которая
надѣлила ее пьяницей - мужемъ. Хозяйство ихъ разстроилось
вслѣдствіе его безалаберности: дома нѣтъ ни хлѣба, ни соли; ше-
стеро нагихъ ребятишекъ сидятъ въ избѣ съ тощими желудками.
Мать съ отцомъ отправились въ городъ, чтобы продать послѣднюю
корову и на эти деньги какъ нибудь пробиваться до новаго хлѣба.
Корова продана и половина денегъ пропита. Вѣроятно, пропились
бы и остальныя, но материнское чувство сильно заговорило въ
женщинѣ. и она, не смотря на побои, зуботычины и брань мужа,
отняла ихъ. Какъ не плакать ей послѣ этого? Какъ не плакать
ей весь вѣкъ, живя такимъ образомъ? Смотря на эту картину,

вамъ становится грустно, вы отворачиваетесь и переносите взор на стѣны домовъ и зданій, которыя теперь оказываются грязным неопрятными; на деревянные домики, такъ мило выглядывавші издали, и оказавшіеся не привлекательными, разваливающимися ла чугами, въ которыхъ царствуютъ нищета, грязь и нерѣдко порок и преступленіе. Восхитительная березовая аллея, осѣняющая буль варъ, при вашемъ приближеніи къ ней, на половину теряетъ сво прелесть. На каланчу смотрѣть не хочется.

По мѣрѣ приближенія къ центру города, шумъ и движеніе у меньшаются, потому что жизнь и дѣятельность только тамъ, гд живутъ предпріимчивые евреи, именно: на окраинахъ города Мертвенность и безжизненность города становятся сильно замѣт ными. Иногда только попадется вамъ чиновникъ съ кокардою н полинялой шапкѣ, методически шагающій въ свою палату или судъ или какой чернорабочій. Вонъ, солдатъ, остановившись на тро туарѣ, продаетъ голенищи старой бабѣ, которая сильно торгует ся о нѣсколькихъ копѣйкахъ, которыхъ такъ мало у нея и ко торыя добываются ею тяжелымъ трудомъ. Вотъ какая-то обод ранная жидовка тащитъ за рога свою козу, которая оглашаетъ вс улицу рѣзкимъ крикомъ. Изъ сосѣднихъ воротъ выбѣжалъ пѣ тухъ, спасаясь отъ ножа повара и, опустивъ хвостъ и сжав крылья, бѣжитъ во всю прыть мимо бабы и солдата; вслѣдъ з нимъ выбѣжалъ поваръ въ грязномъ фартукѣ и чистомъ колпак и съ крикомъ: «дяржите мошенника! дяржите!» пустился за ним въ догонку. Баба прекратила споръ о двухъ копѣйкахъ и расто пырила на встрѣчу мошеннику руки; солдатъ замахалъ голени щами; мальчикъ, несшій съ починки заплатанные сапоги стол начальника Пупковскаго, разинулъ ротъ и тоже пустился н встрѣчу мошеннику. Изъ кабака, заслыша шумъ, высуну лись двѣ грязныя рожи, глянули апатично, помутившимися гл зами, на сцену съ пѣтухомъ-мошенникомъ; одна изъ них съ сине красною бородавкою на носу, сплюнула особеннымъ об разомъ сквозь зубы, и обѣ снова скрылись. Одна изъ этих физіономій, именно съ бородавкою, принадлежитъ публичном писцу Казиміру Злотувкѣ, прогнанному изъ службы по третьем пункту, *по прихоти судьи;* другая принадлежитъ, просудив шемуся въ тяжбѣ, *шляхцицу*. Все, что имѣлъ, просудилъ онъ и теперь послѣдній рубль пропиваетъ съ Злотувкой, который строчитъ ему тутъ-же, въ кабакѣ, апелляціонную жалобу въ се натъ на неправильное рѣшеніе палаты. Обѣ личности—горькія пьяницы и въ хмѣлѣ ищутъ забвенія своего горя. Ѣдете даль ше—и снова все тихо и спокойно вокругъ васъ. Изъ-подъ во ротъ выбѣжала дворняжка, заслыша пискъ и скрипъ вашей не-

мазанной почтовой телеги и съ громкимъ лаемъ бросилась къ лошадямъ. Въ минуту телега очутилась окруженною стаей разношерстыхъ собакъ, которыя съ остервенѣніемъ бросаются на груди лошадямъ, хватаютъ ихъ за ноздри и ноги; иныя, отъ безсильной злобы, грызутъ ступицы колесъ. Наконецъ и собаки бросили безполезную возню, разбрелись по дворамъ и предались прерванной на минуту сладкой лѣни. Снова тихо. Вотъ, въ концѣ улицы, спокойно гуляютъ съ чувствомъ собственнаго достоинства двѣ свиньи, съ закручеными кренделькомъ хвостами; понуривъ голову, плетется куда-то, съ тощими боками, корова. Снова мимо васъ мелькаютъ грязные, неопрятные дома, въ которыхъ мирно и однообразно, какъ въ заведенной машинѣ, плетется грязная, обыденная, житейская проза, съ необходимыми сплетнями, ссорами, картами, попойками и драками.'

— Господи! да гдѣ-же то, что я видѣлъ? Гдѣ та поэтическая чудная, восхитительная жизнь, которую почти я ощущалъ? восклицаете вы, озираясь вокругъ.

На одной изъ самыхъ грязныхъ улицъ этого города стоитъ домикъ, съ высокою ветхою крышей и покривившеюся калиткою. Въ тихіе вечера, изъ растворенныхъ его оконъ, слышатся дребезжающіе звуки дрянной гитары, иногда съ акомпаниментомъ гармоники, и виднѣется на улицѣ, предъ домомъ, кучка слушающихъ мальчугановъ съ разинутыми ртами. Кухарки, идя утромъ на рынокъ, плутовски косятся на его окна; дѣвки, проходя мимо за водою, звонко смѣются. Домъ этотъ, по улицѣ, имѣетъ четыре окна; но вниманіемъ всѣхъ пользуется одно, послѣднее отъ калитки, на подоконникѣ котораго разбросаны сапожныя щетки, засаленныя карты, пригодныя для трилистика и дурачка, и крышка отъ помадной банки, съ разведенною ваксою. Здѣсь квартируютъ чиновники, служащіе въ какой-то палатѣ.

Въ домѣ три комнаты. Въ первой, довольно просторной, но бѣдно меблированной, живетъ сама хозяйка, владѣтельница домика,—старая, толстая и жирная женщина, Елена Александровна Капусцянская. Она, отъ утра до глубокой ночи, молится по всѣмъ костеламъ, сколько ихъ есть въ городѣ, собираетъ городскія новости и содержитъ на хлѣбахъ чиновниковъ. Чиновники живутъ въ остальныхъ двухъ комнаткахъ и имъ принадлежитъ окошко, такъ интересующее прохожихъ зѣвакъ, къ которому шлются иногда тайные вздохи и изъ котораго слышится дуэтъ на гитарѣ съ гармоникой. Въ настоящее время у Капусцянской живетъ четыре человѣка и платятъ ей за квартиру, обѣдъ и чай по восьми рублей въ мѣсяцъ каждый. Она очень недовольна ихъ малочисленностью:

по ея экономическимъ разсчетамъ, съ четырехъ нахлѣбниковъ рѣшительно нѣтъ никакой пользы.

На городской башнѣ допотопные часы пробили четыре, и въ домикѣ, по всѣмъ комнаткамъ, послышался сильный запахъ кухни. Четыре чиновника уже возвратились изъ палаты, гдѣ они служили, и сидѣли, въ комнатѣ хозяйки, за столомъ, на которомъ дымилась большая чашка съ супомъ. Хозяйка сидѣла на кровати и разсказывала имъ собранныя ею сегодня новости.

— Такъ кто умеръ, хозяюшка? спрашиваетъ Іосифъ Сильвестровичъ Конюшковскій,—молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати; съ блѣдно-желтымъ лицемъ, не высокимъ лбомъ, узкими, кошачьими глазами и рѣзко-выдавшимися скулами. Тонкія, синія губы, окаймляющія широкій ротъ, выказываютъ злой его характеръ.

— Я же говорю: панна Тэкля; помните, которая была невѣстою Юзефовича, что служитъ въ палатѣ имуществъ? Отецъ ея, Лыткевичъ, былъ женатъ на моей троюродной сестрицѣ. То-то, бѣдненькая, намучилась она съ нимъ! Онъ былъ *велькій піякъ* 1)! Разъ, пошелъ онъ въ палату, какъ теперь помню, это было въ субботу,—день не присутственный и они только-что жалованье получили. Собрались чиновники на службу; членовъ нѣтъ; они куда-то забрались и послали за *вудкой* 2). Лыткевичъ былъ архиваріусомъ. Роспили два шкалика, показалось мало: «еще *тржеба* 3) выпить!» Послали еще и еще выпили. Раскутившись, имъ еще захотѣлось: еще послали и еще выпили. Такимъ образомъ, они истребили этой проклятой вудки чуть-ли не ведра четыре! Другимъ ничего; а онъ, какъ полнокровный, такъ и поплатился: его мертваго привезли домой. И померъ, бѣдняга. ей, бѣдненькой, дали потомъ пенсіончикъ..... Остальныхъ на другой день *пресыдэнтъ* 4) велѣлъ арестовать. Вотъ до чего доводитъ вудка! поучительно закончила хозяйка.

Чиновники, въ продолженіе этого разсказа, усердно улепетывали супъ.

— Да, пани совѣтникова, нынче сильно стали умирать. Говорятъ, все отъ тифозной горячки? замѣтилъ Іосифъ Сильвестровичъ.

— Богъ знаетъ, отъ чего; только сильно умираютъ. Вчера померъ, *свенты ему покуй*, 5) панъ Дрыгайло. Знаете, что служилъ сначала въ палатѣ имуществъ, а потомъ въ коммиссіи продовольствія?

Не получая никакого отвѣта, такъ какъ чиновники сильно

---

1) Большой пьяница. 2) Водкой. 3) Нужно. 4) Предсѣдатель. 5) Святой ему покой.

были заняты стоявшимъ у каждаго передъ носомъ супомъ, хозяйка продолжала:

— Что женатъ былъ на своей двоюродной сестрѣ?... Говорятъ, на роднѣ нельзя жениться: Богъ не благословляетъ такой союзъ. А вотъ, онъ же женился на ней. Послалъ въ Римъ прошеніе, получилъ *индультъ* 1), повѣнчался и жилъ хорошо и счастливо... Только нужно въ Римъ посылать: безъ индульта папы не благословятъ!

— Что правда, то правда, *совѣтниковочка:* безъ индульта папы, дѣйствительно, нѣтъ благословенія глубокомысленно замѣтилъ Іосифъ Сильвестровичъ, возясь на тарелкѣ съ костью. А дорого ему стоилъ индультъ?

— Порядочно: при прошеніи онъ послалъ въ Римъ двѣсти рублей, на благолѣпіе косцела *свентэго Піотра* 2)... Химка! неси жаркое, скомандовала хозяйка, замѣтя, что чашка, стоявшая на столѣ, опустѣла.

По этой командѣ, немедленно появилась изъ кухни облизывающаяся кухарка—Химка, съ высоко подоткнутою юпкою.

Разговоръ пріостановился и взоры всѣхъ покосились въ ту сторону, откуда она появилась.

Одинъ изъ обѣдавшихъ, именно Станиславъ Осиповичъ Слѣдзьковскій, незамѣтно шмыгнулъ въ свою комнату, чтобы выпить, для здоровья, передъ поросенкомъ, котораго Химка поставила на столъ. Станиславъ Осиповичъ былъ замѣчательный человѣкъ: онъ рѣшилъ окончательно, что водка-необходима человѣку. По его мнѣнію, водка полезна здоровому, для здоровья; а въ болѣзняхъ можетъ служить самымъ дѣйствительнымъ лѣкарствомъ, стоитъ только смѣшать ее кое съ чѣмъ, напр. съ толченымъ перцемъ, и др. Она служитъ средствомъ для возбужденія сна, аппетита; мозгъ, подъ вліяніемъ ея дѣятельнѣе работаетъ, въ радости и въ горѣ—она одно спасенье. У Станислава Осиповича, въ тотъ день, когда ему не случалось проглотить ни одной рюмки,—что, впрочемъ, бывало очень рѣдко,— появлялось небольшое трясеніе рукъ. Это у него отъ рожденія, говорилъ онъ. Когда его *мамуня* собиралась подарить свѣтъ маленькимъ Станиславомъ, то была испугана козломъ, который полюбопытствовалъ взглянуть на родильницу и сунулъ свою любопытную морду съ рогами въ окно спальни, гдѣ она лежала. Въ подтвержденіе справедливости своихъ словъ, Станиславъ Осиповичъ показывалъ всѣмъ невѣрующимъ большое родимое пятно. Отъ водки это трясеніе исчезало.

1) Разрѣшеніе папы вступать въ бракъ родственникамъ. 2) Костела св. Петра.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго Станиславъ Осиповичъ тянулъ цѣлебную ежедневно. Станиславъ Осиповичъ былъ не дуренъ собою: высокій, довольно стройный и съ правильными чертами лица. Но въ этихъ чертахъ и голубыхъ его тусклыхъ глазахъ не было жизни; въ нихъ виднѣлась какаято апатія ко всему окружающему.

— Дѣйствительно, нынѣче народъ сталъ что-то сильно умирать, снова начала хозяйка. Вчера умерла, вѣчный ей покой, пани Анеля, также моя родственница. Ея бабушка съ моею бабушкою были двоюродныя сестры... и совѣтникова пустилась разсказывать подробно исторію пани Анели, въ какой степени родства приходилась она ей, за кого вышла замужъ, гдѣ служилъ ея мужъ, кто онъ былъ и какъ служилъ и много-ли выслужилъ и, наконецъ, отъ чего умерла ея родственница, пани Анеля.

Хозяйка имѣла слабость причислять всѣхъ къ своей роднѣ.

— Вонъ, подлѣ насъ живетъ пани *Катаржина*. Говорятъ тоже при смерти лежитъ... хозяйка пустилась описывать паню Катаржину. А все таки, не смотря на то, что народъ сильно умираетъ, люди женятся да женятся. Въ прошлое воскресенье въ косцелѣ было прочитано по крайней мѣрѣ съ тридцать оглашеній...

— Знаете что? пани совѣтникова, вмѣшался въ разговоръ Вильгельмъ Осиповичъ Фракъ, съ одутловатыми щеками мопса, вотъ скажу вамъ новость, такъ новость! панна Михалина выходитъ за мужъ! произнесъ онъ внятно и торжественно.

— Неужели? что-же я то про это ничего не слыхала, воскликнула хозяйка.

Всѣ тоже пришли въ немалое изумленіе: какъ? панна Михалина выходитъ за мужъ, а я ничего и не зналъ про это, подумалъ каждый; даже Станиславъ Осиповичъ, послѣ рюмки возбудительнаго, истреблявшій страшнѣйшимъ образомъ поросенка, разинулъ ротъ отъ удивленія и вытаращилъ глаза. Такъ эта новость была нова для всѣхъ.

— За кого-же? за кого? посыпалось отовсюду.

— За *коморника* 1) Иванова! Я не знаю, какъ это могла такая умненькая, хорошенькая барышня, какъ панна Михалина, рѣшиться выходить за мужъ за нешляхетнаго. Вѣдь, кто-же Ивановъ? По происхожденію хлопъ: отецъ его былъ хлопомъ *обыватэля* 2) Пюрка. Положимъ, онъ и коморникъ и, какъ говорятъ, умный малый; но все таки хлопъ и ей совсѣмъ не партія. Хоть она и бѣдная дѣвушка, но шляхцянка, а онъ нешляхтичъ всегда останется, а вдобавокъ еще и москаль, закончилъ Вильгельмъ Осиповичъ.

---

1) Землемѣра. 2) Крестьяниномъ помѣщика.

— *Нѣхъ панъ Бугъ брони* 1), что нынче дѣлается на свѣ[тѣ]. Слыханое-ли дѣло, чтобы родовитая шляхцянка выходила за [м]ужъ за нешляхтича и москаля, воскликнула хозяйка, всплеснувъ [ру]ками. Я говорю, что изъ нынѣшней умной, да ученой молодежи, [н]икакаго проку не будетъ. Не удивительно, что панъ Бугъ нака[з]ываетъ насъ неурожаями и разными тифозными горячками. Все отъ [т]ого, что теперь развелось очень много умныхъ, да ученыхъ. Въ [бы]лые годы у насъ не было такихъ умницъ, которыя выходятъ за [м]ужъ за москалей, за то былъ хлѣбъ по двадцати копѣекъ пудъ [и] съ голоду никто не умиралъ; тифозной горячки и не знали. А [т]еперь? умныхъ и ученыхъ много; за то хлѣба мало. Шутка-ли! [Вч]ера я брала у Мовши (еврей лавочникъ) муку по рублю десяти [к]опѣекъ пудъ! Да говоритъ, что еще дороже будетъ, что нынче [н]ужно ждать неурожая... Чрезъ ученыхъ панъ Бугъ и насъ наказываетъ. Скажите, ради Бога: шляхцянка выходитъ за москаля!!

Игнатій Адамовичъ Ловейко, непринимавшій до сихъ поръ никакаго участія въ разговорѣ, сладко облизнулся, покончивъ дѣло съ ляжкою поросенка и положилъ ножъ и вилку на тарелку. Игнатій Адамовичъ тоже былъ молодой человѣкъ, только что начинавшій жить,—средняго роста, съ большими ушами и сѣроватыми большими, на выкатѣ, глазами. Онъ сильно былъ похожъ на болонку.

— Разумѣется онъ ей не подходящая партія, скороговоркою сказалъ онъ, обтирая жирныя губы полою сюртука, но если она умная, а онъ не глупъ, то и будутъ жить счастливо. Вѣдь счастливая жизнь зависитъ не отъ одного шляхетства: и съ хамомъ можно прожить весь вѣкъ хорошо, если хамъ уменъ.

Игнатій Адамовичъ вступился за неравенство брака потому, что самъ ухаживалъ за дочерью присяжнаго казначейства. Впрочемъ, въ этомъ ухаживаньи имъ руководило не сердечное влеченіе, а чистѣйшій разсчетъ; дочь присяжнаго имѣла нѣсколько сотъ рублей и чрезъ протекцію ея отца можно было попасть на службу въ казенную палату, гдѣ самое меньшее жалованье было пятнадцать рублей въ мѣсяцъ.

Пани совѣтникова взглянула свысока, почти съ презрѣніемъ, на говорившаго и промолвила:

— Не знаю, какъ вы, пане *Игнацы;* а по мнѣ, подобное супружество унизило-бы мой *гоноръ* 2) и мою шляхетскую *годность* 3)!

Обѣдъ подходилъ къ концу.

---

1) Да хранитъ насъ Богъ. 2) Честь. 3) Шляхетское достоинство.

— Что-жъ, панове? я намѣрена завтра сварить *зацирку* 1) и сдѣлать зразы 2)? хорошо-ли будетъ?

— Хорошо, пани совѣтникова; пусть завтра будетъ зациречка и зразы,—торопливо отвѣчалъ за всѣхъ Іосифъ Сильвестровичъ: но... тутъ онъ замялся, закашлялъ и сталъ потирать руки: видите-ли, наша добрая совѣтниковочка, сегодня къ намъ пріидетъ въ гости нашъ начальникъ, экзекуторъ; такъ мы... хотѣли просить васъ дать намъ на сегодня самоварчикъ... Хочемъ его угостить. Начальникъ... нельзя-же. И пусть Химка сбѣгаетъ купить шкалика четыре очищенной, да два малиновой...

— *Добже*, 3) пане *Юзэфъ!* я сейчасъ пошлю ее. Доброму дѣлу я всегда готова помочь. Разумѣется, начальника *тржеба* 4) всегда уважить.

Іосифъ Сильвестровичъ ободрился:

— Миленькая совѣтниковочка, подобострастно и нѣжно затянулъ онъ фистулою; въ его прищурившихся глазахъ искрилась покорная просьба: мы рѣшились просить васъ и на счетъ закусочки какой нибудь къ водкѣ. Можетъ быть у васъ осталось не много поросятинки отъ обѣда или, еще лучше, можетъ быть есть кусокъ сала. Титъ Антоновичъ ужасно любитъ при водкѣ сало соленое. Въ палатѣ онъ разъ разсказывалъ, что соленое сальце при водкѣ онъ не промѣняетъ ни на какой «деликатессъ»... Хозяюшка, *змилуйтесь* 5) надъ нами!..

Хозяйка, которая очень уважала пана Юзэфа за его умъ, потому что онъ прочелъ всего Мицкевича, чуть-ли не цѣлаго Конрада Валенрода зналъ на изустъ, постоянно читалъ на сонъ грядущи десятый томъ свода законовъ и былъ степеннаго характера, сейчасъ согласилась снабдить ихъ всѣми приличными для такой важной особы закусками. Одного только Вильгельма Осиповича она не жаловала: онъ увѣрялъ всѣхъ, что у него есть гдѣ-то полтораста десятинъ земли, что скоро онъ получитъ за нее выкупную сумму и что въ приказѣ у него лежитъ четыреста рублей про черный день. Разумѣется, этой фантазіи никто не вѣрилъ: всѣмъ было достовѣрно извѣстно, что у Вильгельма Осиповича, кромѣ того, что на плечахъ, нѣтъ ничего. Нѣсколько разъ его уличали во лжи, но онъ все твердилъ одно и неимовѣрно высоко задиралъ предъ прочими, какъ *обыватэль*, носъ. При томъ же Вильгельмъ Осиповичъ считалъ себя красавцемъ, имѣлъ претензію на свѣтскость, на жилетѣ постоянно носилъ стальную цѣпочку безъ

---

1) Что-то въ родѣ Лапши. 2] Родъ жаркого. 3) Хорошо. 4) Нужно. 5) Смилуйтесь. (Сжальтесь).

сов и эффектно играл ею пальцами. За все это хозяйка льно недолюбливала его.

Из кухни немедленно была вытребована Химка и отправлена командировку в соседний кабак под вывескою: «Юрушаим,» а чиновники, между прочим, отправились всхрапнуть аленько после обеда.

II.

На дворе был хотя іюльскій, но до такой степени сырой и олодный вечер, что многіе, для спасенія себя от сырости, ротопили печи.

А вот и стемнело, и в квартиру четырех чиновников, тускло освещенную двумя сальными свечами, ввалилась корестая, плечистая фигура Тита Антоновича Ноницкаго, с нахлобученною на глаза шапкою; «Нехх бондзе похвалены Езус Христус» 1), важно сказал он.

— На веки векув, амэн!, раздалось в ответ и четыре чиновника в форменных вицмундирах, застегнутых на все пуговицы, со всех ног бросились разоблачать гостя. Кто схватился за его палку, кто искал приличнаго места для шапки с засаленым околышком,—двое вцепились в фризовую шинель, надетую Титом Антоновичем в рукава, и тащили ее изовсех сил.

— Як-же здрове (2) пана советника?

— А, какое там наше здрове! Прожил день, и слава Богу!.. Погода плохая, кости ломит. Чуть—чуть доплелся к вам...

Тит Антонович был мущина лет пятидесяти, с плечами чуть не в полтора аршина, с угреватым лицем, со взглядом из подлобья и с родимым пятном на правой щеке, величиною в медный пятак. Он был, что называется, здоровяк, но имел слабость стонать, охать и жаловаться на потерю здоровья и ревматизмы, пріобретенные им, якобы на действительной службе.

— Пан советник попробовал-бы вытереться в кровати спиртом, настоенным на стручковом перце и выпить на сон грядущи мятной, чтобы вспотеть хорошенько, посоветовал Станислав Осипович.

— Хм! и Тит Антонович махнул обеими руками: пробовал я вытираться и стручковым перцем и камфорным спиртом и муравейным, ничего не помогает.

---

1) Да будет прославлен Іисус Христос. (Приветствіе обыкновенное).

2) Здоровье.

Раздѣванье кончилось: шапку съ кокардою повѣсили на самомъ почетномъ мѣстѣ, подъ образомъ свентэго Антонія; палку поставили въ уголъ, предварительно обтерши грязь съ нея полою сюртука Іосифа Сильвестровича, шинель бережно повѣсили въ углу, на гвоздочкѣ, освидѣтельствовавъ предварительно, крѣпокъ ли гвоздь; Игнатій Адамовичъ занялся калошами и поставилъ ихъ у тепленькой печи, носками вверхъ и подошвами къ печи, чтобъ просохли. На дворѣ отъ вчерашняго дождя было грязновато.

— Наконецъ-то мы дождались счастія видѣть васъ у себя, любезно промолвилъ Іосифъ Сильвестровичъ, съ благоговѣніемъ пожимая руку, когда Титъ Антоновичъ сталъ здороваться.

— Я давно собирался зайти къ вамъ, да некогда было. Сами знаете, сколько я имѣлъ хлопотъ и занятій въ этой проклятой палатѣ. Шутка-ли: съ однимъ архивомъ сколько возни, а тутъ и это экзекуторство; нужно смотрѣть чтобъ и чиновники прилежно занимались, и возиться съ просителями. Вѣдь сколько ихъ въ день перевернется въ палатѣ! А хозяйство, а дѣти! Вонъ, цѣлую недѣлю собирался осмотрѣть, домъ; кажется крыша плоха—требуетъ починки,—некогда, минуты свободной не могу выбрать. Эти дни, какъ нарочно, столько хлопотъ имѣлъ, что просто дохнуть некогда было. То панъ презыдэнтъ проситъ сбѣгать сюда—туда: и то ему нужно купить, и того поискать. Проситъ, нельзя отказаться... вѣдь начальникъ. Стань отказываться, да отнѣкиваться, такъ и прогонитъ со службы: иди тогда по міру безъ *кавалка* 1) хлѣба, съ цѣлымъ семействомъ. Съ начальствомъ такъ нельзя. Чѣмъ-же мы и можемъ обратить на себя вниманіе, чѣмъ мы можемъ заслужиться? Большимъ истребленіемъ бумаги? Какъ бы не такъ! Пиши, сколько хочешь истребляй; всей не испишемъ. Сами знаете, сколько у насъ дѣла, такъ тутъ какъ ни трудись, хоть лопни отъ работы, ничего не сдѣлаешь. Какъ капля въ морѣ твоя работа и этой капли никто не увидитъ. Этимъ, мои милы панове, ничего не выиграемъ на службѣ. Живя такимъ образомъ, вѣчно будемъ ходить съ пустымъ *жолондкѣмъ* 2). Нѣхай насъ панъ Бугъ брони отъ этого! При этомъ Титъ Антоновичъ, какъ бы невзначай, бросилъ набожный взглядъ на столъ, на которомъ увидѣлъ достаточное количество полуштофовъ съ разноцвѣтными жидкостями, и потеръ руки отъ удовольствія.

— Сегодня довольно прохладно на дворѣ и немного сыровато отъ вчерашняго дождика,—совершенно равнодушно замѣтилъ онъ и снова потеръ руки.

— Тржеба выпить *келишекъ* 3), сейчасъ согрѣетесь; да вы-

1) Куска. 2) Желудкомъ. 2) Рюмку.

пить малиновой, чтобъ немного вспотѣть, замѣтилъ внушительно Станиславъ Осиповичъ: вамъ не мѣшаетъ вспотѣть, поясницѣ легче станетъ.

— Да что мы стоимъ, пане совѣтнику? Прошу присѣсть къ столу, разсыпался мелкимъ бѣсомъ Іосифъ Сильвестровичъ.

Совѣтникъ двинулся.

— Не садитесь къ окошку: тамъ дуетъ. Вотъ тутъ,—тутъ покойнѣе будетъ сидѣть. Ближе къ печи, это вамъ здоровѣе...

Всѣ бросились усаживать совѣтника: кто выбиралъ пошире и здоровѣе скамейку, кто такъ себѣ поднялъ возню; Игнатій Адамовичъ предлагалъ къ услугамъ свою подушку:

— Мягче будетъ сидѣть вамъ, увѣрялъ онъ.

— Вильгельмъ Осиповичъ тащилъ кожаную и совѣтовалъ кожаную положить подъ сидѣнье, а пуховую подушку Игнатія Адамовича засунуть за спину, чтобъ покойнѣе было больной пояснице администратора.

Станиславъ Осиповичъ суетился около малиновой.

Когда все успокоилось и когда Титъ Антоновичъ съ важностью усѣлся на кожаной подушкѣ, засунувъ за спину пуховую, Станиславъ Осиповичъ торжественно поднесъ объемистый стаканъ, церемонно промолвивъ: нѣхай-же, совѣтникъ, бэндзѣ ласкавъ 1) насъ осчастливить.

— Ой! не много-ли будетъ? замѣтилъ Титъ Антоновичъ, умильно покосившись на объемистый стаканъ. Чтобъ голова хуже не разболѣлась. У меня отъ насморка эти дни и такъ голова болитъ.

Станиславъ Осиповичъ побожился, что отъ одной рюмки сдѣлается легче въ груди.

Подумавъ съ минуту—пить, или еще не пить, Титъ Антоновичъ взялъ стаканъ изъ рукъ подававшаго, приблизилъ его къ прищуренному лѣвому глазу—правый совсѣмъ закрылъ—и, полюбовавшись на искрившійся пунсовымъ цвѣтомъ лучь свѣта, залпомъ проглотилъ все.

Хозяева бросились подавать ему для закуски сахаръ и крендельки.

— Хорошая водка... славная! Гдѣ вы ее покупаете? спросилъ Титъ Антоновичъ, переставъ морщиться.

Ему почтительно доложили, что эта наливка есть издѣліе «Юрушалима.»

— А я такъ не жалую наливки, замѣтилъ Станиславъ Осиповичъ, наливая себѣ очищенной: хоть наливки хороши и вкусны, но я не терплю ихъ за то, что фабриканты, для цвѣта, прибав-

---

1) Будетъ милостивъ.

ляютъ въ нихъ сандалъ, или фарнабокъ красный и разныя ингредіенціи 1). По моему мнѣнію ничего нѣтъ здоровѣе очищенной, безъ всякой примѣси.

— Ну—съ, какъ-же вы тутъ поживаете панове? сказалъ Титъ Антоновичъ, неудостоивъ отвѣтомъ замѣчаніе Станислава Осиповича, противурѣчившее его похваламъ наливкѣ.

И онъ обвелъ глазами всю комнату.

Іосифъ Сильвестровичъ взглянулъ многозначительно на оробѣвшаго Станислава Осиповича и съ укоризною, незамѣтно, покачалъ головою, какъ бы желая сказать: ну, братъ, ты вѣчно гадишь, да портишь дѣло.

Химка съ хозяйкой, съ удивленіемъ и любопытствомъ, разсматривали экзекутора, чрезъ щель, оставленную несовсѣмъ притворенною дверью.

Квартира чиновниковъ была очень невзрачна. Позеленѣвшія отъ сырости, голыя стѣны, простыя, самыя неприхотливыя кровати съ истасканными одѣялами и тощими подушками; нѣсколько деревянныхъ табуретокъ и перемаранныхъ чернилами некрашенныхъ столовъ. На столѣ, подлѣ стѣны, семикопѣечное маленькое зеркальце, нѣсколько фотографическихъ женскихъ портретовъ въ мѣдныхъ рамочкахъ и кучка насыпаннаго табаку. Въ одномъ углу комнаты, на гвоздочкахъ, скромно висѣли два поношенныхъ сюртука; подлѣ нихъ гордо пестрѣлись модные клѣтчатые брюки и виднѣлось нѣсколько довольно истасканныхъ лѣтнихъ пальто. Въ противуположномъ углу висѣлъ лубочный образъ св. Антонія падуанскаго и знаменитая гитара, съ четырьмя струнами.

Четыре чиновника, какъ и большая часть провинціальной, чиновной мелюзги, только что начинающей служебную дѣятельность, были, что называется, голыши. Они ходили въ истасканныхъ сюртукахъ съ вытершимися локтями и покраснѣвшими пуговицами, въ вытершихся до нельзя панталонахъ и истоптанныхъ сапогахъ. Лѣтняго и зимняго платья собственнаго, они не имѣли. Лѣтомъ лѣтнее, а зимою зимнее платье они добывали у еврейки Соры, платя какую нибудь бездѣлицу за прокатъ. Два черныхъ сюртука, почтенныхъ лѣтъ и два лѣтнихъ пальто служили всѣмъ имъ четыремъ; девяти-рублеваго жалованья, получаемаго ими ежемѣсячно въ палатѣ, едва хватало на квартиру и обѣдъ; а родители ихъ были бѣдная шляхта и помогать имъ не могли; чиновники сами должны были покрывать свои нужды различно, кто какъ могъ: Іосифъ Сильвестровичъ, начитавшись десятаго тома, (разкусивъ судейскую премудрость и будучи смышленнѣе осталь-

1) Отъ ingredi—пряныя примѣси.

ныхъ, зашибалъ *злотые*, сочиняя евреямъ прошенія. Остальные промышляли списываніемъ копій и разными справками. Жизнь ихъ сопряжена была со всевозможными лишеніями,—и эта жизнь, этотъ недостатокъ во всемъ, нерѣдко даже въ десятикопѣечномъ курительномъ табакѣ, была имъ, конечно, не въ сладость. Всѣ они желали улучшенія своего быта. Но какъ? Воспитаніе не приготовило ихъ къ лучшей долѣ; они были безъ всякаго воспитанія и выучились читать и писать кое-какъ, случайно; они даже не имѣли надлежащихъ понятій ни о чести, ни о совѣсти. Окружающая ихъ жизнь и общество научили ихъ безразлично смотрѣть на то, что, по общечеловѣческому понятію, называется честью и совѣстью; въ дѣлахъ чести они были крайне неразборчивы. Они видѣли, какими средствами другіе выбивались изъ чернаго тѣла, какъ заискивали у начальства и лѣзли въ гору—и завидовали имъ. День ото дня имъ больше противѣла настоящая ихъ жизнь. Имъ хотѣлось поскорѣе выползти изъ ничтожества, выйдти въ люди, т. е. занять тепленькое мѣстечко, на которомъ можно было бы набивать карманъ свой *безгрѣшными* доходами, жить въ довольствѣ и наслаждаться благами земными. Они понимали также хорошо, какъ и Титъ Антоновичъ, что трудомъ немного сдѣлаешь въ палатѣ; притомъ же трудъ, — это длинная и скучная пѣсня. Гораздо лучше поискать иного средства обратить на себя вниманіе начальства. Подумавъ, они рѣшили, что нужно задобрить Тита Антоновича: онъ человѣкъ съ вѣсомъ у презыдента; недаромъ же бѣгаетъ по рынку и покупаетъ для него, по сходнымъ цѣнамъ: гусей, поросятъ, индюковъ... Онъ выставитъ ему ихъ на видъ, какъ чиновниковъ прилежныхъ, благонадежныхъ и способныхъ къ службѣ... Вслѣдствіе такого соображенія, они сдѣлали складчину и пригласили къ себѣ въ гости экзекутора.

— Хе! Да вы не по нашему живете! протянулъ Титъ Антоновичъ, кончивъ обзоръ квартиры: въ ваши годы мы не такъ жили... и онъ задумался.

Живо представилась ему картина всей его пройденной жизни.

Титъ Антоновичъ не помнилъ родителей. (Но родился онъ отъ шляхетнаго супружества). Въ дѣтствѣ, какими-то неисповѣдимыми судьбами, онъ попалъ на воспитаніе къ ксендзамъ, которые занялись его дрессированіемъ по всѣмъ правиламъ тогдашней педагогики. Они больше драли и колотили его, чѣмъ учили; а онъ занялся чисткою ихъ сапогъ, уходомъ за домашнею скотиною и служеніемъ *до мшы* 1). Не смотря на всѣ заухорранія и педагогическія порки, грамота съ трудомъ ему давалась и, не смотря на

1) Къ обѣднѣ.

великое значеніе науки, онъ *предпочиталъ книгѣ игру въ бабки* съ мальчуганами, на обширномъ ксендзовскомъ подворьи. Мальчикъ понималъ, что часто дерутъ его несправедливо и это только возбуждало въ немъ безсильную злобу, которую онъ отводилъ на котятахъ, щенкахъ и ксендзовскихъ поросятахъ. Очень можетъ быть, что порка и вся система воспитанія, имѣвшая цѣлью сдѣлать изъ мальчика человѣка дѣльнаго, сдѣлала изъ него какого-то нравственнаго урода. Можетъ быть метода, по которой ксендзы хотѣли сдѣлать его натуру доброю, терпѣливою и по правиламъ которой ксендзъ, отодравъ мальчугана ни за что, подавалъ ему цѣловать, дравшую его руку, приговаривая: ходзь, лайдаку, цалуй въ рэнкенъ! 1), можетъ быть эта метода и сдѣлала изъ него лайдака, въ полномъ смыслѣ слова. Я думаю также, что не мало способствовала нравственной его порчѣ жизнь въ ксендзовской кухнѣ и примѣры прислуги, обкрадывавшей безъ зазрѣнія совѣсти духовныхъ отцовъ. Какъ бы то ни было, только изъ педагогическихъ лапъ ксендзовскихъ онъ вышелъ черезъ-чуръ набожнымъ, хитрымъ, подленькимъ человѣкомъ, съ жестокою, злобною душою, плохо знавшимъ грамоту и окончательно неспособнымъ къ полезной службѣ.

Стукнуло ему 16 лѣтъ; бабки потеряли для него свою прелесть; глаза стали невольно засматриваться на ксендзовскихъ *охмистржинъ* 2). Отцы замѣтили это и, долго не медля, выпроводили отъ себя нарушителя спокойствія ихъ домашней жизни, сдѣлавъ ему на память приличное березовое внушеніе, приправленное ученіемъ: какъ нужно жить на свѣтѣ.

Большую роль въ жизни человѣка играетъ протекція! Не будь ея, хоть напр. у Тита, и онъ бы пропалъ, не имѣя чѣмъ и не умѣя какъ жить на свѣтѣ. Но, къ счастію, явилась у него протекція, явился добрый человѣкъ, съ маленькимъ вѣсомъ въ обществѣ, и онъ попалъ на службу въ гражданскую палату.

Долго здѣсь онъ бѣдствовалъ съ стоическою твердостью, пока, насмотрѣвшись вдоволь на окружающихъ, не сталъ вести себя какъ должно. Смотря на другихъ, сталъ онъ заискивать у начальства, сталъ онъ бѣгать, по ихъ надобностямъ, по рынкамъ и лавкамъ, высматривая, гдѣ бы дешевле купить что секретарю или засѣдателю. Сталъ онъ кланяться имъ въ поясъ, вытягиваться предъ ними въ струнку, подавать калоши, снимать пальто, сталъ имъ льстить— и, не смотря на свою ни къ чему негодность и бездарность, полѣзъ въ гору; счастье улыбнулось ему, и онъ попалъ въ архиваріусы.

1) Ступай, негодяй, цѣлуй руку. 2) Ксендзы обыкновенно держатъ женскую прислугу; эти прислужницы наз. охмистржинами.

Будучи архиваріусомъ, онъ женился; какъ шляхтичъ, онъ женился на шляхцянкѣ,—дѣвицѣ добродѣтельной и черезъ-чуръ плодородной, надѣлившей его чуть не двумя дюжинами ребятъ, по словамъ сосѣдей, вылитыхъ въ отца. Она была тихое, робкое, безотвѣтное созданіе, какъ осиновый листъ дрожавшее отъ одного взгляда деспота-мужа, который постоянно ее колотилъ потому, что какъ онъ говаривалъ, баба-дура, безъ острастки жить не можетъ. Какъ человѣкъ опытный въ практической жизни, онъ женился выгодно: въ приданое получилъ деревянный домикъ о трехъ окнахъ, на офицерской улицѣ; мужескую, бобровую коротенькую шубу, въ которой онъ и теперь зимою ходитъ на службу, и фризовую шинель, съ которою мы познакомились въ началѣ этой главы.

Жалованья архиваріуса ему, какъ семейному человѣку, было мало. И вотъ онъ удвоилъ свои происки; еще болѣе сталъ льстить, унижаться, на службу сталъ являться всегда гладко выбритымъ, съ прилизанными височками, въ форменномъ вицмундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы. Еще усерднѣе сталъ онъ бѣгать по базарамъ и лавкамъ, по хозяйственнымъ дѣламъ *пана презыдэнта*, его превосходительства Николая Петровича Гринеко; еще дешевле сталъ покупать для него дрова, масло, яйца. Въ городѣ, гдѣ-то, онъ отыскалъ даже хорошее баварское пиво и сталъ покупать по неслыханно дешевой цѣнѣ для его превосходительства, по восьми копѣекъ бутылку (нужно замѣтить, что предсѣдатель былъ большой охотникъ до пива и преимущественно любилъ его послѣ обѣда); для начальника онъ сдѣлался, что называется золотымъ человѣкомъ. За все это онъ получилъ, сверхъ должности архиваріуса, должность экзекутора, заслужилъ у *пана презыдэнта* мнѣніе примѣрнѣйшаго въ свѣтѣ чиновника и получилъ у него вѣсъ и вліяніе. Должность экзекутора была легкая и доходная; такой именно ему и хотѣлось. Сидя на этой должности, онъ не пропускалъ ни одного просителя въ палату, не взявъ съ него пошлины за право входа. Такимъ-то образомъ Титъ Антоновичъ зажилъ припѣваючи.

Остающееся отъ служебныхъ занятій свободное время онъ употреблялъ на приготовленіе домашнихъ чернилъ, которыя вскорѣ такъ прославились въ городѣ, что всѣ воспитанники уѣзднаго училища покупали ихъ только у него, на издѣліе мышеловокъ, которыхъ поставку въ палату, равно и чернилъ, онъ взялъ на себя, за годичную условную плату и, наконецъ, на воспитаніе дѣтей. Титъ Антоновичъ дрессировалъ своихъ дѣтей по той-же педагогической методѣ, по которой воспитывали его ксендзы, о которыхъ онъ

всегда отзывался съ благодарностью, говоря: дай Богъ имъ покой на томъ свѣтѣ! Они сдѣлали изъ меня человѣка.. Главное вниманіе при воспитаніи онъ обращалъ на уроки каллиграфіи.

Самъ онъ терпѣть не могъ грамоты; но понималъ, что грамотному человѣку легче найдти кусокъ хлѣба. При томъ же, шляхтицу и не прилично заниматься какимъ нибудь ремесломъ: лучше быть подъячимъ, нежели честнымъ ремесленникомъ. Вслѣдствіе такихъ принциповъ, онъ обучалъ грамотѣ своихъ дѣтей, хотя ученыхъ Титъ Антоновичъ терпѣть не могъ и отзывался о нихъ презрительно.

Что Титъ Антоновичъ религіозенъ, это могутъ засвидѣтельствовать всѣ его товарищи по службѣ. Онъ каждый день, утромъ идя на службу, непремѣнно забѣжитъ въ костелъ и прочитаетъ годзинки. Въ праздничный день онъ побываетъ во всѣхъ костелахъ города и отслушаетъ, нѣсколько обѣдень.

Одушевныхъ его качествахъ я могу только то сказать, что это былъ человѣкъ съ рѣдкими правилами. Взяточниковъ, подлецовъ и мошенниковъ терпѣть не могъ: «всѣхъ бы ихъ повѣсилъ на первой попавшейся осинѣ!» такъ выражался онъ.

Однимъ словомъ, если вы встрѣчали человѣка плотнаго, коренастаго, съ гладко выбритымъ подбородкомъ, родимымъ пятномъ на правой щекѣ, величиною въ мѣдный пятакъ и кокардой на шапкѣ,—это, должно быть вы встрѣчали Тита Антоновича Ноницкаго, экзекутора палаты и артиста каллиграфіи, учившаго своихъ дѣтей писать по двухъ-копѣечнымъ прописямъ.

— О чемъ вы такъ призадумались, пане совѣтнику? мягко, нѣжно и почтительно раздалось вдругъ въ ушахъ Тита Антоновича.

Титъ Антоновичъ очнулся, поднялъ голову и глянулъ изподлобья на вопрошавшаго Іосифа Сильвестровича.

— Да вотъ такъ себѣ задумался, разсѣянно процѣдилъ онъ сквозь зубы.

Наступило молчаніе.

Іосифъ Сильвестровичъ выразительно взглянулъ на Игнатія Адамовича, тотъ понялъ, всталъ и отправился въ другую комнату, гдѣ, подлѣ грязнаго, пузатаго самовара, облокотясь обѣими руками на столъ и положивъ на нихъ голову, прилежно спала Химка, командированная хозяйкою въ помощь имъ.

Игнатій Адамовичъ занялся разливаніемъ чая.

— Не слыхали-ли чего новенькаго въ городѣ, пане совѣтнику? со свѣтскою развязностью спросилъ Вильгельмъ Осиповичъ, пріятно играя цѣпочкою и сильно жалѣя, что губернаторъ строго-на строго запретилъ чиновникамъ, особымъ циркуляромъ, носить усы.

Губернаторъ былъ, что называется, человѣкъ дѣятельный; строго соблюдалъ каждую букву закона, зорко слѣдилъ за всѣми чиновниками и не позволялъ имъ отступать отъ правилъ. Ослушниковъ онъ изгонялъ изъ службы какъ прокаженныхъ, могущихъ заразить все почтенное стадо.

— Говорятъ, будтобы нашего губернатора тово-съ... въ отставку промолвилъ Вильгельмъ Осиповичъ, желая какъ нибудь разсѣять задумчивость Тита Антоновича, навѣянную на него воспоминаніями.

— Чш! испуганно прошипѣлъ совѣтникъ, вытаращивъ глаза и приложивъ указательный палецъ къ разинутому рту: осторожно говорите!.. не равно узнаетъ, кто говорилъ, тогда бѣда!

— Однако?... это правда? добивался своего Вильгельмъ Осиповичъ, разсчитывая, что при новомъ губернаторѣ можно будетъ украсить физіономію запрещеннымъ.

— Да; про это тихонько толкуютъ; но на вѣрно одинъ Богъ знаетъ... Говорятъ, впрочемъ, будто онъ самъ говорилъ просителямъ о своемъ смѣщеніи.

Вильгельмъ Осиповичъ просвѣтлѣлъ; счастье носить соблазнительные усы казалось осуществляющимся.

— Можетъ быть, Богъ дастъ, новый будетъ строже слѣдить за торговлей, промолвилъ Станиславъ Осиповичъ; можетъ быть при немъ фабриканты побоятся подливать купоросъ въ водку.

— А можетъ быть будетъ еще хуже, философически замѣтилъ Іосифъ Сильвестровичъ.

— Нехай насъ Панъ Бугъ брони отъ этого! со встревоженнымъ видомъ пропѣлъ соло панъ экзекуторъ.

— Не дай Богъ этого!... *нѣхай панъ Бугъ брони* насъ отъ тэго!! хоромъ вторили ему остальные.

Изъ сосѣдней комнатки появилась Химка, таща на облѣзломъ подносѣ стаканы съ мутно желтоватою жидкостью; за нею Игнатій Адамовичъ торжественно несъ бублики. Шествіе остановилось передъ паномъ экзекуторомъ. Сначала Химка хотѣла поставить поднось на столъ, но толчекъ локтемъ въ бокъ и многозначительный взглядъ Игнатія Адамовича напомнили ей правило этикета. Сидѣвшій подлѣ пана экзекутора Іосифъ Сильвестровичъ взялъ самый аппетитнѣйшій стаканъ, поставилъ передъ гостемъ и влилъ туда порядочное количество наливки.

— Пробуйте, пане совѣтнику: не мало-ли сахару?

— Довольно, благодарю васъ, панове, отвѣтилъ экзекуторъ, отвѣдавъ чай.

Однако Іосифъ Сильвестровичъ неудовольствовался этимъ и счелъ непремѣнною обязанностью лично удостовѣриться въ сладости чая.

— Кажется мало? нужно больше положить! какъ бы размышляя про себя, произнесъ Іосифъ Сильвестровичъ, освидѣтельствовавъ своею ложечкою стаканъ пана экзекутора.

Игнатій Адамовичъ бросился подбавлять сахаръ.

— А по моему—произнесъ Станиславъ Осиповичъ, не мѣшало-бы подбавить больше вотъ этой жидкости, для лучшаго цвѣта.

И, не дождавшись отвѣта, онъ подлилъ въ стаканъ порядочное количество малиновки.

Панъ экзекуторъ остался очень доволенъ такимъ вниманіемъ къ нему молодыхъ людей къ ихъ прямому начальнику. Разговоръ, согрѣваемый чаемъ съ наливкою, оживился. Хозяева сначала не много робѣли; но тутъ, при стаканѣ, они освоились съ величіемъ Тита Антоновича и сдѣлались развязнѣе: Вильгельмъ Осиповичъ почтительно освѣдомился у него: выдаютъ ли полякамъ выкупную сумму и, при этомъ, съ высока, по обывательски, взглянулъ на приказную строку—Игнатія Адамовича; тотъ только пожалъ презрительно плечами, не дерзая при начальникѣ вступать въ преніе съ лгуномъ. Развеселившійся Титъ Антоновичъ разсказалъ молодымъ служакамъ очень смѣшную исторію, какую отмочилъ регистраторъ, отправивъ, по ошибкѣ, указъ уѣздному суду въ сенатъ, а сенатскій рапортъ въ уѣздный судъ, и какъ члены суда сильно встревожились, получивъ подобную штуку и не знали, что съ нею дѣлать. Хозяева почли долгомъ громко разсмѣяться, когда Титъ Антоновичъ кончилъ разсказъ; Іосифъ Сильвестровичъ даже схватился, отъ сильнаго смѣха, за животъ.

Больше всѣхъ занималъ гостя бесѣдою свѣтскій Вильгельмъ Осиповичъ; онъ ловко маневрировалъ языкомъ и, съ бойкостью опытнаго великосвѣтскаго льва, умѣлъ поддержать разговоръ и найдти тему для бесѣды. Игнатій Адамовичъ, то и дѣло, шмыгалъ въ другую комнату наливать стаканъ пану экзекутору; Іосифъ Сильвестровичъ, нисколько не жалѣя хозяйскаго сахару, валилъ въ его стаканъ чуть-ли не по семи кусковъ (за то сами они пили въ прикуску, увѣряя, что въ накладку терпѣть не могутъ пить); а Станиславъ Осиповичъ все больше и больше подливалъ гостю наливки, увѣряя, что это очень здорово экзекуторскимъ костямъ и поясницѣ.

— Предъ чаемъ всегда слѣдуетъ выпивать по рюмкѣ очищенной; тогда чай вкуснѣе... говорилъ онъ.

И снисходительный Титъ Антоновичъ, какъ послушный ребенокъ, безаппелляціонно выпивалъ по рюмкѣ очищенной передъ каждымъ стаканомъ, боясь отказомъ огорчить хозяевъ.

Экзекуторъ сильно любилъ выпить и, при томъ, имѣлъ крѣпкую голову: онъ не скоро хмѣлѣлъ. Чиновники прозвали его за это бездонной бочкой: «вали сколько хочешь—какъ съ гуся вода!» говорили они про него.

Станиславъ Осиповичъ не забывалъ и себя: бѣлорусскаго пуншу онъ не пилъ, потому что терпѣть не могъ наливокъ; за то, передъ каждымъ стаканомъ, онъ выпивалъ двѣ рюмки очищенной, что, по его мнѣнію, было гораздо здоровѣе малиновой, въ которую плуты - фабриканты, безъ зазрѣнія совѣсти, валятъ «фарнабокъ.»

— Вотъ, пане совѣтнику, посовѣтуйте, что дѣлать мнѣ съ мозолями? началъ Вильгельмъ Осиповичъ, когда всѣ пріумолкли: просто ужасъ, какъ они безпокоятъ .... на лѣвой еще не такъ; но на правой-то, на правой! до того разболятся, что я не разъ принужденъ былъ въ палатѣ скинуть *бутъ*. Удивляюсь, отъ чего это они у меня? Отъ бутовъ не можетъ быть, потому что я ихъ шью изъ мягкаго товара, изъ выростка и шью просторные!

Титъ Антоновичъ хлебнулъ изъ стакана и чмокнулъ губами.

— Возьми панъ дегтю, отвѣчалъ онъ, но дегтю не свѣжаго, а того, который уже съ колеса сваливается, перетершійся совсѣмъ; намажь его на тряпочку, приложи къ мозоли и носи до тѣхъ поръ, не снимая, пока онъ самъ съ мозолью не отвалится. Мозоли какъ не бывало! Это я самъ спрактиковалъ на себѣ и на своей женѣ. Перетершійся деготь отлично дѣйствуетъ; какъ рукой сниметъ!..

Онъ остановился и протяжно хлебнулъ.

— Или, возьми варъ сапожный и тоже, на тряпочкѣ, приложи къ мозоли... Тоже отлично дѣйствуетъ.

Отъ мозолей разговоръ перешелъ къ политикѣ. Іосифъ Сильвестровичъ, читавшій постоянно губернскія вѣдомости, въ которыхъ услужливый редакторъ изрѣдка угощалъ своихъ читателей краткими свѣдѣніями о ходѣ политическихъ дѣлъ, сталъ разсказывать про Мексику. Всѣ слушали внимательно, потому что нѣкоторые изъ нихъ, кажется, и не подозрѣвали существованія Мексики; самъ даже Титъ Антоновичъ, не мало пожившій на свѣтѣ, только что-то, гдѣ-то слышалъ про нее; но и то забылъ. По его мнѣнію заниматься политикою или «пустяковиною» прилично богатымъ людямъ, которымъ нечего дѣлать. Когда Іосифъ Сильвестровичъ умолкъ и съ самодовольнымъ видомъ сталъ глядѣть на слушателей, желая подмѣтить на ихъ лицахъ впечат-

лѣніе, какое произвелъ онъ своимъ умомъ, то Титъ Антоновичъ, почесавъ носъ, сказалъ:

— Знаешь что, муй коханый 1) Юзэфъ? брось ты этою пустяковиною заниматься. Развѣ тебя за тѣмъ только и учили чтобъ ты занимался политикою, да читалъ газеты и книжки Тебя выучили читать и писать за тѣмъ, чтобъ ты этимъ хлѣбъ добывалъ себѣ; а не за тѣмъ, чтобъ ты читалъ, какъ Иванъ цѣловался съ Маріей и какъ птички, при этомъ, чирикали, или какъ живутъ и дерутся въ Мексикѣ. Что намъ за дѣло до нихъ! Пусть себѣ дерутся, пусть выцарапываютъ себѣ глаза: намъ отъ этого не легче! По моему мнѣнію, лучше прилежнѣе заняться тѣмъ, съ чего хлѣбъ ѣшь, лучше, вотъ, больше обращать вниманія на каллиграфію, стараться какъ можно красивѣе чеканить въ сенатъ рапорты, это въ десять тысячь разъ полезнѣе всѣхъ Мексикъ. И презыдэнтъ, подписывая такой рапортъ, обратитъ вниманіе на почеркъ и, чего добраго, сдѣлаетъ прибавку къ жалованью. И я учу своихъ дѣтей; но развѣ я ихъ учу для того чтобъ они потомъ слѣпили глаза надъ политикою и романсами и ходили безъ бутовъ и съ подертыми локтями? потому что всѣ ученые ходятъ постоянно оборванцами,—нехай ихъ Панъ Бугъ брони отъ этого.

Коханый панъ Юзэфъ внутренно и самъ сознавалъ, что изъ политики да романовъ не сошьешь шубы; но какъ отказаться отъ удовольствія прослыть ученымъ?

— Все это *свентая* правда, пане совѣтнику, возразилъ онъ, разумѣется, прежде всего нужно думать о томъ, съ чего хлѣбъ ѣшь; но не мѣшаетъ иногда знать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ.

— Хи! слушай ты только ихъ, что они пишутъ! съ ѣдкостью затянулъ речитативомъ экзекуторъ. Еслибъ они правду писали, то, пожалуй, отъ нечего дѣлать, не мѣшало бы прочитать. И развѣ они пишутъ то, что дѣлается?... Атъ, пускаютъ «чуръ въ глаза,» а дурни 2) платятъ имъ за это деньги... Нѣтъ, брацишку 3) меня, стараго воробья, на мякинѣ не поймаешь! Знаю я, какъ они пишутъ!...

— Вотъ! люблю я пана совѣтника за то, что всегда правду и дѣльно говоритъ! воскликнулъ Станиславъ Осиповичъ: ну, панове, выпьемъ-же мы за здровѣ нашего ясневельможнего и коханего пана совѣтника, осчастливившаго насъ своимъ посѣщеніемъ.

Такъ какъ рюмокъ было всего двѣ, то всѣ выпили тостъ по очереди. Ясневельможный панъ экзекуторъ прослезился отъ такаго радушія и перецѣловалъ всѣхъ; Іосифъ Сильвестровичъ, въ поры-

1) Любезный. 2) Дураки. 3) Бретецъ.

умиленія и сильно разчувствовавшись, поцѣловалъ въ руку
га Антоновича, чѣмъ несказанно тронулъ его.
— Терпѣть не могу я ученыхъ, снова началъ онъ, проглотивъ
ку хлѣба съ солью, которою закусывалъ заздравный тостъ:
ними просто жить нельзя! Вонъ и у насъ въ палатѣ явился
ный, кажется, семинаристъ. Что-жъ бы вы думали: польза боль-
я съ него палатѣ? Одни только хлопоты, да возня!... Въ про-
колѣ пишется: «сообразивъ обстоятельства сего дѣла *съ зако-
ми*, палата находитъ,» а онъ наваляль: «разсмотрѣвъ всѣ
і обстоятельства, палата нашла!» и увѣряетъ, что такъ луч-
! Значитъ мы всѣ, по его мнѣнію, дурни, а одинъ только
ь и есть розумный 1)?—Этакъ лучше! А куда-же дѣлось: «съ
конами»?... И еще его, какъ дѣльнаго человѣка, посадили въ
рнальный столъ и назначили десять рублей! Нѣтъ, намъ та-
хъ ученыхъ не надо!... Я и такъ говорилъ о немъ съ паномъ
езыдэнтомъ...
— По моему мнѣнію, почтительно замѣтилъ Игнатій Адамо-
ичъ, стараясь поддѣлаться подъ его тонъ, лучше лапти плесть,
жели заниматься книжками; отъ перваго будетъ бо́льшая польза.
Титъ Антоновичъ внимательно посмотрѣлъ на него изъ подлобья.
— Разумѣется... подтвердилъ онъ: — ну, ее, до дьябла 2),
ю эту политику...
Чрезъ минуту успокоившись, онъ продолжалъ:
— Вотъ, меня болѣе интересуетъ то, что картошка въ огоро-
дѣ у меня плохо ростетъ: земля у меня очень жирная, а карто-
фель любитъ песокъ. Да дожди все идутъ: отмочитъ луга, сѣно
будетъ дорого; а у меня коровка есть, такъ нужно и о сѣнѣ думать...
— Ай! и не говорите, пане совѣтнику: и намъ-то ужъ какъ
они надоѣли! воскликнулъ Вильгельмъ Осиповичъ, замахавъ рука-
ми: просто, вотъ какъ! и онъ выразительно провелъ указатель-
нымъ пальцемъ по горлу.
Вильгельмъ Осиповичъ сильно жалѣлъ, что за дождями и
грязью нельзя погулять по бульвару и порисоваться предъ панен-
ками 3) въ клѣтчатыхъ панталонахъ.
— Бѣда съ дождями! жалостно подтянулъ Іосифъ Сильвестровичъ.
— И тифозная по этому у насъ такъ сильна, что погода дрян-
ная, вторилъ Игнатій Адамовичъ.
— Гэрбатка 4) ваша совсѣмъ простынетъ, пане совѣтнику,
нѣжно замѣтилъ Іосифъ Сильвестровичъ.
— Отъ этой погоды всѣ нынче съ насморками возятся, про-
говорилъ панъ совѣтникъ, хлебнувъ гэрбатки: жена моя, просто

1) Умный. 2) Къ чорту. 3) Дѣвицами. 4) Чаекъ.

ужасъ, какъ мучится съ нимъ, даже носъ у нея распухъ, вотъ какъ! И панъ совѣтникъ, приблизивъ свои обѣ руки къ носу и растопыривъ пальцы, показалъ имъ наглядно, до какой степени распухъ носъ у его жены.

— Вы посовѣтуйте ей втягивать въ носъ очищенную воду. Я всегда этимъ лѣкарствомъ пользуюсь; сейчасъ пройдетъ! Завѣряю васъ своимъ *гоноремъ*, совѣтовалъ Станиславъ Осиповичъ.

— Однако у васъ не холодно! замѣтилъ панъ экзекуторъ и всталъ съ мѣста, чтобъ походить по комнаткѣ.

Всѣ бросились отодвигать табуреты и столъ и разчищать мѣсто для прогулки вельможнаго пана экзекутора.

(Продолженіе будетъ).

ЕВРЕИ ВЪ ВАРШАВѢ ВО ВРЕМЯ ПОСЛѢДНЯГО ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА (*).

I.

Наступила весна 61 года. Ожила природа, ожилъ человѣкъ, все улыбается, дышетъ весельемъ и радостью; но не весело, не радостно въ многолюдной и шумной Варшавѣ. Мрачно и сурово глядитъ этотъ городъ, повсюду царитъ гробовое безмолвіе, куда ни повернешься—отовсюду вѣетъ зловѣщимъ уныніемъ; толпы людей безмолвно бродятъ по улицамъ, все безжизненно, мертво,—ни дать, ни взять—кладбище. Мущины плетутся, какъ автоматы, глаза ихъ, вмѣсто обычной спѣси, подернуты уныніемъ; грудь и шея ихъ опутаны черными желѣзными цѣпочками; подумаешь, чего добраго, что сатана своими оковами ведетъ ихъ въ царство тѣней. Женщины въ глубокомъ траурѣ, словно похоронили всѣхъ своихъ роднихъ; вездѣ взоръ встрѣчаетъ непривѣтливыя, пасмурныя лица, какъ будто, по дьявольскому навожденію, черныя тѣни по-

---

(*) Эта брошюра вышла въ Одессѣ на еврейскомъ языкѣ въ истекшемъ году, авторъ ея г. П. М. Смоленскинъ. Мы перевели ее на русскій языкъ, чтобы познакомить русскую публику съ тѣмъ зловреднымъ вліяніемъ, которое имѣли польскія патріотки не только на своихъ «родаковъ», но и на молодыхъ евреевъ. Онѣ, куя изъ самыхъ святыхъ, завѣтныхъ чувствъ ковы противъ москалей, разставляли сѣти всякому встрѣчному, не разбирая, кто въ нихъ попадется свой или чужой. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что по причинѣ чрезвычайной сжатости, свойственной еврейскому языку, мы позволили себѣ сдѣлать нѣкоторыя перифрастическія отступленія отъ подлинника.

лились у насъ вмѣсто людей и чернымъ флёромъ окутали нашъ городъ. Всѣ дома „веселія" закрыты наглухо, самые отчаянные гуляки и кутилы не чинятъ дебошей, не совершаютъ возліяній не распѣваютъ по улицамъ и кофейнямъ своихъ лихихъ мелодій, одни только костелы день-деньской распахнуты настежъ и народъ валитъ въ нихъ—что прибой волнъ къ морскому берегу. По временамъ протянется погребальная процессія; длинная — предлинная вереница черныхъ массъ провожаетъ ее. Но прислушайтесь внимательнѣе къ ихъ напѣвамъ, не похоронныя пѣсни за упокой души преставившагося поютъ они, они оглашаютъ воздухъ пѣснями буйными, возмутительнаго свойства; чуть подойдетъ нѣсколько солдатъ, и ксендзы перемѣняютъ репертуаръ пѣснопѣній, толпы двигаются молча. Ксендзы обходятъ городъ, мутятъ, какъ могутъ, гдѣ могутъ производятъ агитацію и подбиваютъ къ повстанью." Сумасбродный народъ, который души не слышитъ въ своихъ ксендзахъ, дѣтски вѣритъ всякой ксендзовской инсинуаціи. Бумажки, исписанныя съ обѣихъ сторонъ, словно невѣдомой волшебною силой, носятся по воздуху и попадаютъ въ руки прохожихъ; а тѣ въ попыхахъ прячутъ ихъ въ карманы, не прочитавши и не замѣтивъ даже, кто ихъ бросилъ. Извѣстное дѣло, что это указы и прокламаціи пресловутаго подпольнаго жонда. Подобныя объявленія влетаютъ въ комнату всякій разъ, какъ только откроютъ окно, льнутъ къ рукамъ покупателей въ магазинахъ и къ ногамъ колѣнопреклоненныхъ въ костелахъ.

Вотъ вамъ, благосклонные читатели, слабый абрисъ нашего города; теперь завернемъ въ одну изъ самыхъ многолюдныхъ улицъ. Въ этой улицѣ, населенной людьми богатыми, высокаго полета, красуется домъ громадныхъ размѣровъ. Въ одной комнатѣ этого дома сидитъ хорошенькая, молоденькая дѣвушка въ подобающей польской аристократкѣ позѣ, на большомъ креслѣ Она держитъ газету въ рукахъ, но глаза ея устремлены на дверь. То она морщитъ бѣлый, алебастровый лобъ, то стучитъ ножкой по ковру, раскинутому по паркету: видно она нетерпѣливо ждетъ-недождется кого то. Всякому, кто бы ни посмотрѣлъ на эту красавицу, стала бы завидна судьба человѣка, котораго ждетъ она, котораго эта богиня красоты удостоила быть своимъ жрецомъ.

Вдругъ распахнулась дверь и въ комнату не вошелъ, а вбѣжалъ молодой, изящно одѣтый юноша.

— Какъ можно скорѣе отопри дверь въ стѣнѣ, чтобъ спря-

тать эти бумаги, быстро проговорилъ онъ, забывъ даже поздороваться съ миленькой хозяйкой.

Дѣвушка поспѣшно удалилась въ другую комнату, крѣпк ударила по стѣнѣ, гдѣ человѣческое изображеніе тщательн скрывало эту роковую дверь: предъ глазами нашего юноши по явилось отверстіе, и онъ швырнулъ сюда бумаги. Вслѣдъ з тѣмъ дѣвушка вернулась и усѣлась на диванѣ, а юноша занял мѣсто по правой ея сторонѣ; въ лицѣ его весьма краснорѣчив сказывалось выраженіе, что его радость и блаженство не знают границъ.

— Разскажи, милый мой Карлъ, о свѣжихъ твоихъ подвигах и о новостяхъ, которыя ты успѣлъ разузнать, потому что я смерт хочу услышать ихъ, сказала дѣвушка.

— Къ твоимъ услугамъ, милая моя, отозвался юноша.—Вчер мы на обыкновенный манеръ устроили погребальную процессі ксендзы молились, народъ за ними, даже изъ городскихъ началь никовъ примкнули къ нашему шествію и провожали насъ д кладбища; тамъ, какъ водится, мы опустили гробъ въ могилу потомъ, послѣ похоронъ, каждый ушелъ себѣ во свояси. Я один остался на кладбищѣ и спрятался подъ оградой ждать урочна часа.

— Ты одинъ?

— Одинъ одинешенекъ, кромѣ привратника, который занял свой постъ, чтобы, сверхъ чаянія, не приключилась со мно бѣда. Минулъ день, наступила ночь, да такая облачная, чт просто зги не видать, я себѣ знай похаживаю между могилам перехожу отъ одной плиты къ другой, которыя, право, въ ночну темь сдались мнѣ словно живые люди; прислушиваюсь къ чир канью птицъ, лепету листьевъ, не идутъ ли мои сообщники, д не тутъ-то было; прошла полночь, а ихъ нѣтъ, какъ нѣт Дай, думаю, вернусь домой: вѣрно, мои сообщники ужъ пошл на попятный, раздумали пособить мнѣ; какъ вдругъ, откуда н возьмись, ухо мое уловило стукъ человѣческихъ шаговъ; я сви снулъ, въ знакъ, что нахожусь на своемъ мѣстѣ. Тутъ три ч ловѣка тишкомъ подошли и ни гу-гу, раскопали могилу, вынул гробъ и разбили его въ дребезги, хранящіяся тамъ деньги и бумаги передали мнѣ, а сами помчались на своихъ коней и поминай, какъ звали.

— А что новаго въ царствѣ?

— Вѣдь знаешь, милая, нашему брату много говорить не

приходится, потому что человѣку, который хочетъ дѣлать дѣло не слѣдъ пускаться въ разглагольствованія; однимъ словомъ, мнѣ сказали, что огонь мятежа обнялъ города и веси и нежданно-негаданно разгорится въ сильное неугасимое пламя. Значитъ, милая, счастливъ нашъ Богъ, все у насъ есть—и сила, и деньги, никто ужъ теперь, чай, не дерзнетъ сопротивляться намъ.

— Даже баронъ Славадскій и графъ Бѣсовскій, которые сейчасъ понавѣдались о твоемъ возвращеніи, сказали мнѣ, что наши дѣла текутъ, какъ по маслу; затѣи нашего „жонда народовего“ увѣнчаются успѣхомъ, число людей въ лѣсахъ каждый божій день увеличивается, молодежь живо откликается на призывный голосъ: „бунтъ!“ Цѣлые арсеналы ружей и другихъ боевыхъ снарядовъ приготовлены въ разныхъ пещерахъ, въ каждомъ городѣ и селѣ назначены мѣста у пановъ для разсылки писемъ. Войсковые начальники, которые должны вербовать людей, служатъ намъ службу вѣрой и правдой; тѣ, которые доставляютъ намъ свѣдѣнія, исполняютъ свою обязанность добросовѣстно.

Мало того, наготовѣ даже лица, которыя охотно займутъ эти мѣста, когда ихъ собратамъ прійдется не въ мочь.... Словомъ, сѣти раскинуты повсемѣстно и скоро, даже очень скоро, москали попадутся въ простертыя нами для нихъ путы. Не такъ ли, Карлъ? радостно воскликнула дѣвушка, обвивая его своими руками.

— Твое лице, милая Аурелія, дышетъ радостью, но скажи мнѣ, на-милость, безъ утайки, не пугаетъ ли тебя мысль, что, можетъ быть, всѣ наши воздушные замки, сооруженные нашимъ взбалмошнымъ воображеніемъ, рухнутъ въ пухъ и мы заживо будемъ похоронены подъ ихъ развалинами?

— Нѣтъ, нѣтъ, broń Boże отъ такихъ грѣховныхъ помысловъ, они ни къ чему путному не ведутъ, а только приносятъ намъ вредъ, ослабляютъ нашъ духъ и вселяютъ намъ робость. Неужели не знаешь, что намъ нѣтъ другаго пути, кромѣ „впередъ“ да „впередъ“; мосты за нами сняты, а коли вернемся обратно, намъ ужъ не сдобровать: потонемъ въ безднѣ. Поэтому я все твержу: намъ только остается, либо силою, просто наступая на горло, отнять у москалей нашу дорогую ойчизну, либо сгинуть доединаго,—эти послѣднія слова она проговорила въ сильномъ волненіи и глаза ея сверкнули геройскимъ огнемъ.

— Ей-ей, милая, ума не приложу, откуда взялся такой геройскій духъ у женщины, воспитанной въ роскоши и нѣгѣ? Повѣришь, что немногихъ изъ насъ, мущинъ, природа надѣлила

такою самоувѣренностью. Положимъ, примѣрно, я, хотя люблю тебя всей душой, готовъ весело пойти въ огонь и воду, если тебѣ это заблагоразсудится: мнѣ, моя милая, все ни почемъ ради тебя, однако все таки не могу увѣрить себя, что намъ улыбается удача. Много, много на нашемъ пути шероховатостей и помѣхъ, о которыя мы можемъ запнуться. Но пуще всего я печалюсь и мучусь, отчего я втянулъ въ бѣду почтеннаго моего отца, который ни за что, ни про что, погибнетъ вмѣстѣ съ нами.

— Я не знаю, что ты хочешь этимъ сказать и куда мѣтятъ твои загадочныя для меня слова. Говори толкомъ, тогда буду знать въ чемъ дѣло,—съ коварной усмѣшкой замѣтила Аурелія.

— Развѣ не знаешь, что я спряталъ въ молельнѣ моего отца типографическую машину, чтобы мы могли тамъ спокойно печатать наши бумаги?

Аурелія залилась звонкимъ смѣхомъ, — ха, ха, ха.... дѣйствительно, какъ ты не посовѣстился это сдѣлать! слыхано ли, видано ли, чтобы были принесены подобныя запрещенныя вещи въ домъ смирнаго еврея, всецѣло преданнаго русскому правительству и еще руками собственнаго сына, который, ради своей любви въ христіанскую дѣвушку, хочетъ отрекаться отъ религіи своихъ отцовъ!

— Да, тебѣ это смѣшно, а мнѣ напротивъ больно жутко, замѣтилъ Карлъ почти сквозь слезы,—ей, ей, денно и нощно голова моя занята этой страшной думой. Былъ бы я одинъ, безъ отца, я бы весь жертвовалъ собою нашему польскому дѣлу безпрекословно, какъ я теперь всей душой отдался тебѣ; но, что жъ мнѣ дѣлать со старикомъ отцомъ! Сама посуди, могу ли я быть такимъ жестокимъ тираномъ противъ моего многоуважаемаго отца, уши котораго съ дѣтства, можно сказать, ни отъ кого не слыхали худаго слова! Боже мой, Боже мой! что я надѣлалъ! слыханное ли дѣло, чтобы сынъ поставилъ западню своему отцу, чрезъ которую, Боже сохрани, онъ можетъ съ позоромъ и стыдомъ низринуться въ могилу! Охъ, охъ, охъ.... нечего стыда таить, я не перенесу этого мерзкаго и гадкаго поступка, онъ заглушаетъ во мнѣ всякую веселую, радостную надежду.

— Перестань, полно тебѣ вздоръ молоть! что ты, бѣлены, что ли, объѣлся? Я тебя увѣряю, что полицейскимъ даже въ голову не придетъ мысль обыскивать молельню твоего отца, находящуюся въ грязномъ, вонючемъ переулкѣ, гдѣ не шагала нога порядочнаго человѣка; тѣмъ болѣе еще, что она принадлежитъ

воему отцу,—человѣку, по твоимъ словамъ, извѣстному повсюду
ъ честнаго и тихаго.

— Ради самаго Бога прошу тебя, оставь попусту утѣшать
еня. Я очень хорошо знаю, что полиція зорче теперь всякаго
ргуса и она въ такое смутное время просто тысячью глазами
мотритъ во всѣ стороны. При всемъ томъ, по правдѣ говоря,
ѣдь всѣ доносчики изъ нашихъ единовѣрцевъ, которые готовы,
ожалуй, за весьма сходную цѣну отца роднаго продать; отъ
ихъ никакъ не утаишь. Я тебя увѣряю, что скоро они про-
юхаютъ всѣ наши тайны и раструбятъ повсюду. Каждый чело-
ѣкъ, имѣющій хоть каплю претензіи назвать себя порядочнымъ,
езпрестанно долженъ горько упрекать себя за такой поступокъ.—
Нѣтъ, во что бы то ни стало, я рѣшаюсь разъ на всегда про-
лить до послѣдней капли кровь мою для блага польскаго дѣла, но
отнюдь не буду мѣшать туда моего отца, котораго отъ всей ду-
ши уважаю и люблю....

— Впередъ чтобы я не слушала отъ тебя такихъ пошлыхъ
словъ, а то я разсержусь и ни словечка не вымолвлю съ тобою,
закричала Аурелія, не давая ему окончить.—Если бы ты донынѣ
не показалъ мнѣ твоихъ геройскихъ подвиговъ, я бы полагала,
что ты болтаешь эту нелѣпость въ припадкѣ трусости и страха,
продолжала она наставительно. Положимъ даже, по твоему,
отецъ твой и находится въ большой бѣдѣ и онъ погибнетъ отъ
этой бѣды, но развѣ можно жертвовать цѣлымъ народомъ изъ-
за одного человѣка? По твоему также выходитъ, что спокойствіе
индивидуума дороже спокойствія милліоновъ людей! Я не понимаю,
вообразить себѣ не могу, какъ и какимъ образомъ можетъ чело-
вѣкъ считать себя спокойнымъ и счастливымъ, когда ойчизна его
такъ жестоко порабощена. Теперь ты не долженъ думать ни
о твоемъ отцѣ, рѣшительно ни о чемъ и только дума, ведущая
къ освобожденію нашей дорогой ойчизны должна занимать тебя.
Да, много воды утечетъ, пока мы достигнемъ нашей цѣли и еще
больше прольется невинной крови, прійдется намъ нашими
стопами ступать по трупамъ нашихъ сообщниковъ, пока не вы-
живемъ этихъ москалей изъ нашей польской ойчизны. Но что зна-
чатъ наша слава, наша жизнь и все наше богатство предъ
великимъ спасеніемъ, которое принесемъ нашими руками
милліонамъ людей, изнывающихъ подъ тяжкимъ москальскимъ
гнетомъ?—ничтожна наша жизнь, суета—наша слава! Безъ хоро-
шихъ дѣяній память о насъ исчезнетъ, словно волдырь на водѣ,

что мыльный пузырь предъ дуновеніемъ сильнаго вѣтра. Только это благое дѣло,если исполнимъ, пожнетъ намъ лавры въ настоящемъ и сдѣлаетъ насъ безсмертными въ будущемъ поколѣніи.... Карлъ, кажется, давно ужъ пора была бы стонамъ и слезамъ угнетеннаго и порабощеннаго польскаго народа заглушить и потушить твою пламенную любовь къ отцу?!

— Нѣтъ, я сказалъ разъ и не перемѣню моего слова, хоть, какъ подобаетъ всякому и каждому благомыслящему гражданину, дорожу нашей ойчизной, но моя любовь къ отцу гораздо сильнѣе; повѣрь, еслибы не любовь, которою ты плѣнила меня, я бы ни за какія блага на свѣтѣ не согласился поставить машину въ молельню отца, чрезъ что онъ можетъ погибнуть, совсѣмъ неповинный. Охъ, охъ.... только эта любовь теперь заправляетъ мною, я слишкомъ обезсиленъ, чтобы бороться съ нею. Хотя по временамъ мой разумъ вразумляетъ меня и живо представляетъ предъ моими глазами всю гибельную будущность, которую готовлю себѣ и на мгновеніе устращаюсь, сердце мое млѣетъ и жмется; но лишь только ты посмотришь на меня твоими глазами, переполненными любезностью, я забываю рѣшительно обо всемъ и опять дѣлаюсь слѣпымъ орудіемъ въ твоихъ рукахъ.—Говоря это, Карлъ заключилъ ее въ свои объятія и она впила въ него страстно пылающіе глаза свои, которые могли растворить и зажечь почти оледенѣлую кровь старика, а тѣмъ болѣе горячую и пылкую кровь юноши.—За тебя, милая моя, продолжалъ Карлъ съ воодушевленіемъ,—за тебя я готовъ на все, рѣшительно на все, даже всю мою жизнь готовъ поставить на карту. Право, еслибъ ты могла плѣнить и околдовать цѣлые народы, точно какъ людей, ты стала бы царицею всего міра; не диво, потому, что я одержимъ такою пламенною любовью къ тебѣ и сгараю нетерпѣніемъ, ожидая той блаженной минуты, когда буду въ правѣ сказать: „ты моя!“

— Умоляю тебя, Карлъ, милый мой, не вспоминай преждевременно про любовь.

— Я боюсь, быть можетъ время это очень далеко.

— Терпѣніе, терпѣніе, Карлъ, покуда утихнетъ эта кутерьма и наша возьметъ,—тогда я вся твоя; но до той поры прошу тебя и словомъ не пикнуть про любовь, даже не думать о ней. Кстати, Карлъ, ступай какъ можно скорѣе къ ксендзу Франциску и прикажи ему именемъ „жонда народовего“ всячески стараться своими проповѣдями разбудить своихъ спящихъ прихожанъ,—скажи, чтобы

онъ проклиналъ тѣхъ, которые хотятъ теперь сидѣть сложа руки, не участвуя въ „повстаньи,“ пусть онъ лишитъ всякаго, кто не хочетъ помогать собратамъ, идущимъ на борьбу съ москалями, всѣхъ блаженствъ будущей жизни.

— Какъ-же я могу приказывать человѣку, котораго я совершенно не знаю?

— Не безпокойся, онъ хорошо знаетъ тебя, ему даже хорошо извѣстны всѣ твои дѣла. Ступай скорѣе, не мѣшкай!

— Иду.

— Завтра я слишкомъ занята, приходи ко мнѣ послѣ завтра и поговоримъ по душѣ.

— Ахъ еслибъ ты знала съ какою убійственною для меня медлительностью тянется теперь время; я тебѣ говорю, что минуты для меня, словно день цѣлый, а день—ужъ просто цѣлый вѣкъ; но нечего дѣлать, твое повелѣніе я долженъ свято исполнить. Прощай.

— До свиданья.

Когда Карлъ вышелъ и затворилъ за собою дверь, Аурелія аристократически поднялась съ кресла и презрительно-саркастически усмѣхнувшись, покачала вслѣдъ за нимъ головой.— Эхъ ты дурачина, хамова простота, начала она съ презрѣніемъ,— кто это съ дуру увѣрилъ тебя, что я тебя люблю? Въ порывѣ пылкаго воображенія ты созерцаешь привлекательную перспективу и уже воображаешь себѣ, какъ ты будешь моимъ супругомъ, но какъ ты глупъ, какъ ты спѣсивъ,... Никогда, никогда, милый мой. Мыслимо ли это, чтобы польская аристократическая дѣвушка, которая теперь всѣми панами и вельможами ворочаетъ, въ рукахъ которой вся судьба нашей ойчизны, отдала свою душу, свою судьбу презрѣнному и паршивому отродью жидовъ, къ которымъ съ молокомъ матери она всасывала презрѣніе и ненависть. Да, много значитъ для меня твоя жизнь, которою ты въ состояніи жертвовать выражая свою любовь ко мнѣ,—ровно ничего! Нѣтъ, мой милый, за такую мизерную цѣну не пріобрѣтешь себѣ руки польской аристократической дѣвушки. Ты можешь быть увѣренъ, что еслибъ я не чтила и не дорожила совѣтами моего отца, я бы даже и прикинувшись не унизилась говорить съ тобою, жидомъ, любезности; но подожди, когда прійдетъ конецъ этой кровавой сценѣ, тогда увидишь, какъ ты опростоволосился въ своихъ фантастическихъ расчетахъ. Это и такъ будетъ для тебя чрезмѣрною наградою за всѣ твои труды и ста-

ранія, что позволятъ тебѣ вырваться изъ твоего жидовскаго ге-тои и жить съ нами, поляками.

Для большей ясности скажемъ, что Аурелія рѣшительно не чувств-вала никакаго расположенія, ни любви къ нашему молодому Кар[...] который, взаправду, былъ влюбленъ въ нее, какъ говорится, по уш[...] А если она разъигрывала роль влюбленной, позволяла парху—жи[...] любезничать съ собой, строить куры, то потому только, что свято хра-нила іезуитское наставленіе отца, повелѣвающее не трепетать ни предъ какими мерзкими штуками для „высшихъ цѣлей." Дѣло въ томъ, что отецъ ея, нагадивши порядочно и убоясь неспра-ведливой кары дикихъ москалей, спасъ животъ свой бѣгствомъ въ Парижъ. Передъ отъѣздомъ онъ почелъ нужнымъ завѣщать дочери слѣдующее: ты, любимая Аурелія, призвана къ великому дѣлу, не даромъ тебя Господь Богъ взыскалъ двумя хорошими качествами; красотою и умомъ. Употреби эти дары Божіи на пользу. Nasza Polska jeszcze nie zginęła, прійдетъ пора, она стрях-нетъ съ себя ненавистное московское ярмо, подыметъ свою выю, столь долго преклоненную и попранную нашими врагами москалями. Но наша слава, наше величіе не воскреснутъ, если мы, зажму-ривъ глаза, рабски-покорно будемъ взирать на наши невзгоды и бѣдствія. „Разорвемъ наши цѣпи и будемъ свободны,"—вотъ нашъ девизъ. Всякій, дитя мое, въ чьихъ жилахъ течетъ благо-родная польская кровь, обязанъ всячески стараться вредить вра-гу, обезсилить его и стереть съ лица земли. Знай же, что ты въ состояніи совершить много благъ для нашей ойчизны: своею красотою ты можешь заполонить себѣ молодежь, своимъ рѣдкимъ умомъ и быстрымъ, стремительнымъ потокомъ твоего краснорѣчія ты можешь ихъ увлечь; распалять ихъ легко—по-датливыя натуры и направлять противъ нашихъ враговъ. „Ра-зорвемъ наши цѣпи и будемъ свободны"—повторяю тебѣ еще разъ, храни этотъ девизъ пуще всего на свѣтѣ, запечатлѣй его глубоко въ свою душу. Благо нашей дорогой ойчизны должно служить тебѣ путеводною звѣздою, не теряй ея изъ виду. На нашемъ горизонтѣ теперь мрачно, но этотъ мракъ напускной, онъ напу-щенъ нашими недругами; мы можемъ разсѣять его, и намъ улыбнется свѣтлое солнышко. Не брезгай ничѣмъ, что только можетъ идти намъ въ пользу; пасовать передъ грязнымъ и даже самымъ чернымъ поступкомъ не слѣдуетъ: благо нашей ойчизны окраситъ все, даже самое темное, своимъ великолѣпнымъ, луче-зарнымъ свѣтомъ. Жидами намъ тоже теперь не слѣдуетъ пре-

беребрегать, они могутъ намъ пригодиться и ихъ ты должна ловить на свою удочку. Будемъ ихъ гладить по головкѣ, сулить имъ золотыя горы, называть ихъ братьями, покуда Польша не будетъ наша, а потомъ, разумѣется, они съѣдятъ грибъ: жидъ намъ, полякамъ, не пара. Заруби себѣ эти слова, помни ихъ и не запятнай своего имени трусостью и малодушіемъ."—Эти слова пали на благодатную почву. Аурелія принадлежала къ тѣмъ заядлымъ патріоткамъ, которыя до нельзя бываютъ вышколены во всѣхъ іезуитскихъ художествахъ и мастерствахъ; она ловко раскидывала сѣти, передъ всякимъ встрѣчнымъ—поперечнымъ изворачивалась мелкимъ бѣсомъ, чтобы завлекать въ эти сѣти и христіанъ и жидовъ; въ ущербъ своей шляхетской спѣси она якшалась съ молодыми жидками и разсыпалась передъ ними, такъ сказать, въ самыхъ радужныхъ обѣщаніяхъ. Не мудрено, что нашъ Карлъ не устоялъ противъ искушенія и не подозрѣвалъ, что онъ жестоко ошибается а, наоборотъ, заносился весьма далеко въ своихъ заманчивыхъ надеждахъ. Вскорѣ Аурелія забрала въ свои руки бразды правленія почти цѣлымъ революціоннымъ движеніемъ, ея домъ служилъ мѣстомъ сходокъ, тамъ происходили политическія совѣщанія, тамъ читались запрещенныя газеты и преступныя письма.

(Продолженіе впредь).

УСПѢХИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ СЕЛѢ ДАРЕВѢ.

Село Дарево—Новогрудскаго уѣзда, стволовичскаго благочинія, 3-го мироваго участка, въ 5-мъ станѣ. Село это замѣчательно бывшимъ здѣсь до 1833 года монастыремъ, а церковь здѣшняя мѣстно-чтимою явленною иконою Божіей Матери. Едвали нужно и говорить, что разломанная церковь, на мѣстѣ которой возведена настоящая новая, носитъ на себѣ слѣды и бывшей здѣсь уніи и того уничиженія, въ которомъ находилось болѣе двухсотъ лѣтъ православіе въ здѣшней странѣ. За то зданіе церкви, вновь здѣсь воздвинутой, является уже видимымъ знакомъ торжества православія и усердія къ великолѣпію святыни и вѣнценосца

цевъ святой Руси, и исполнителей воли Царской, и самихъ здѣшнихъ православныхъ прихожанъ. Да, къ чести управляющаго государственными имуществами Минской губерніи В. Д. Севастіанова, церковь въ с. Даревѣ построена и изящно, и прочно. В. Д. съумѣлъ найти подрядчика, который, подъ неослабнымъ наблюденіемъ и руководствомъ его и мѣстнаго священника, возвелъ зданіе церкви такъ добросовѣстно, такъ прочно и такъ изящно въ частяхъ и въ цѣломъ, какъ это рѣдко случалось видѣть.

И вотъ освященіе этой церкви совершено 13 ноября истекшаго 1867 г., но не неутомимымъ нашимъ, богомудрымъ архипастыремъ, который въ то время подвизался въ освященіи церквей слуцкаго монастыря и села Замостья, а мѣстнымъ благочиннымъ, протоіереемъ Николаемъ Саввичемъ, въ сослуженіи десяти священниковъ сосѣднихъ приходовъ.

13 ноября стужа была значительная; порывистый восточный вѣтеръ наносилъ снѣговыя тучи и морозилъ сильно. Казалось, при освященіи церкви будетъ мало молельщиковъ. По призыву настоятеля даревской церкви о. І. Миткевича, прибывъ въ село Дарево въ 6 часовъ утра, въ день освященія церкви, я тамъ уже нашелъ о. протоіерея Саввича и двухъ священниковъ, еще наканунѣ туда прибывшихъ, и новогрудскаго лѣсничаго С. В. Алексѣева, который приготовлялся съ пѣвчими колпеницкаго училища къ наступающему богослуженію.

Въ 6 часовъ началось вненощное богослуженіе и кончилось около девяти. Пора было приготовляться и приступать къ освященію церкви; благовѣстъ продолжался, а богомольцевъ не было или почти не было. Съ глубокимъ смущеніемъ стоялъ въ церкви мѣстный священникъ о. Миткевичъ, скорбя о томъ, что духовныя его чада не вняли его пастырскому призыву и не поспѣшили къ торжеству. Между тѣмъ вьюга еще усилилась; нельзя было ожидать большаго стеченія, тѣмъ болѣе, что это былъ день буднишній. Но ровно въ 9 часовъ какъ бы сговорившись, со всѣхъ сторонъ, начали стекаться и пѣшіе, и верховые, и на саняхъ прихожане даревской и сосѣднихъ церквей, такъ что не болѣе какъ чрезъ полчаса церковь уже не могла вмѣстить всѣхъ молившихся и большая половина ихъ помѣстилась въ оградѣ церковной. Въ исходѣ 10 часа совершено водоосвященіе, послѣ котораго о. Іоаннъ обратился съ рѣчью и къ своимъ пасомымъ, благодаря ихъ за усердіе въ постройкѣ церкви, и къ са-

[свящ]еннослужащимъ, почтившимъ своимъ участіемъ ея освященіе; на[к]онецъ послѣдовало освященіе церкви, во время коего богодух[н]овенные псалмы умилительно пѣты были пѣвчими, и за тѣмъ [о]ткрылся крестный ходъ за святыми мощами въ кладбищен[с]кую церковь, находящуюся на горкѣ, параллельно къ самостоя[т]ельной,—разстояніемъ около четверти версты отъ сей послѣд[н]ей.

Умилительно-торжественное было зрѣлище, когда въ предше[с]твіи св. креста, при вѣяніи св. хоругвей—знаменій торжеству[ю]щаго христіанства, а здѣсь и торжествующаго православія, при [п]ѣніи священныхъ пѣснопѣній, священнослужащіе и за ними весь [м]олящійся людъ православный, медленно, тихо и благоговѣйно [с]пускался съ церковной горки и подымался па кладбищенскую, и [о]братно.

Медленно было шествіе и, не смотря на жестокій вѣтеръ, ни[к]то не ускорялъ шаговъ своихъ; казалось, всѣ хотѣли заявить, [н]асупротивъ высящемуся римскому костелу, свое торжество, тор[ж]ество православія и свою духовную радость. По окончаніи освя[щ]енія, провозглашено было многолѣтіе благочестивѣйшему Государю Императору и всему Августѣйшему дому, св. сvноду и высоко[п]реосвященнѣйшему Михаилу, архіепископу минскому, священно[с]лужащимъ и всѣмъ потрудившимся въ созиданіи и украшеніи освященнаго храма.

Божественную литургію совершалъ о. протоіерей Саввичъ, въ сослуженіи шести священниковъ; а во время причастнаго, пишущимъ сіе, произнесено было слово, соотвѣтственное торжеству.

Послѣ богослуженія, члены церковнаго совѣта угощали прихожанъ новоосвященнаго храма, и прихожанъ сосѣднихъ церквей, а священно-служители и почетнѣйшіе гости, участвовавшіе въ торжествѣ освященія церкви, приглашены были радушнымъ хозяиномъ на хлѣбъ-соль. Здѣсь были провозглашены тосты за здравіе Государя Императора, высокопреосвященнаго архипастыря и потрудившихся въ дѣлѣ сооруженія церкви; а хоръ пѣвчихъ колпеницкой церкви исполнялъ въ то время народный гимнъ и „многая лѣта." Скромно и тихо совершилось торжество наше: безъ величественнаго святительскаго священнодѣйствія, въ отсутствіи высшихъ гражданскихъ властей, даже безъ мѣстнаго уѣзднаго начальства; но, при всемъ томъ, впечатлительно и радостно было оно для насъ, и пасомыхъ нашихъ.

Когда, по окончаніи всего богослуженія, священнослужащіе вы-

ходили изъ церкви, весь народъ двинулся къ нимъ за полученіемъ благословенія, и, на поздравленіе съ освященіемъ храма Божія— отвѣчалъ радостными кликами и воззваніями: „дай Богъ еще намъ дождаться такаго *набоженства*,—видѣть и находиться при освященіи церкви."

Лукской церкви священникъ Іаннуарій *Наркевичъ*.

5 декабря 1867 года.

ОСВЯЩЕНІЕ ГЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ВИЛЕНСКОМЪ МАРІИНСКОМЪ ДѢВИЧЬЕМЪ МОНАСТЫРѢ.

Послѣдній день отшедшаго въ вѣчность 1867 года ознаменованъ или лучше—довершенъ новымъ торжествомъ православія, давно желаннымъ и утѣшительнымъ для всѣхъ. Торжество это—освященіе главной церкви виленскаго маріинскаго дѣвичьяго монастыря. Читатели наши помнятъ, что женская обитель маріинская устроена въ Вильнѣ послѣ мятежа, на мѣстѣ женскаго-же римско-католическаго монастыря, такъ называемыхъ *Визитокъ* *), закрытаго по оставленіи послѣдними своего монастыря; но большая часть читателей не знаютъ объ особенномъ мѣстоположеніи обители. Она стоитъ на концѣ города, даже какъ бы за городомъ, въ уединенномъ мѣстѣ, но не въ совершенной отдѣльности отъ города, такъ что, прикрытая стѣнами и тѣнистыми деревьями, удаленная отъ городскаго шума, обитель составляетъ свое особенное цѣлое, могущее удобно жить отдѣльною отъ міра, *иноческою* жизнію; а не прерываясь совершенно съ городомъ, она, посредствомъ удобныхъ путей, представляется безпрепятственною для посѣщенія городскими и другими молитвенниками и молитвенницами; будучи же сооружена на возвышеннѣйшей прекраснѣйшей мѣстности, какъ бы на вѣнцѣ всего города и видимая почти со всѣхъ подъѣздовъ къ городу, она привѣтливо призываетъ за свою спасительную ограду всѣхъ труждающихся и обремененныхъ странницъ дольняго міра, для душевнаго успокоенія и спасенія, до отшествія

---

*) Римско-католическій орденъ монахинь «Визитокъ» посвященъ священному воспоминанію посѣщенія прав. Елисаветы Божіею Матерью; у виленскихъ визитокъ символомъ ихъ призванія было сверхъ того пламенѣющее сердце, изображенія котораго начертаны были на всѣхъ видныхъ мѣстахъ.

ь міръ горній къ Іерусалиму небесному. Со времени освяенія малой теплой церкви, въ память Покрова Пресвятыя огородицы (18-го декабря 1865 г.), монастырь могъ удовлетвоить своей насущной нуждѣ, участвовать въ ежедневномъ церівномъ богослуженіи; но не могъ не чувствовать нужды и въ ілѣе просторномъ храмѣ, по причинѣ тѣсноты и духоты, осоінно въ воскресеніе и праздничные дни, по случаю множества юиравшихся богомольцевъ. И вотъ, нуждѣ этой суждено было ıть удовлетворенною не ранѣе 31 декабря 1867 г.: недостатокъ іежныхъ средствъ для окончательной отдѣлки большаго храма, съ другой стороны, вслѣдствіе желанія устроить его возможно іаголѣпнѣе, тщательная отчетливость въ исполненіи всѣхъ ıботъ, были причиною не скораго его окончанія. За то, благоіреніе и слава Господу, храмъ вышелъ вполнѣ изящный, соотѣтственный заботамъ устроить его для славы великаго Бога для назиданія молящихся: при обиліи свѣта, иконостасъ его— кадемической работы и стариннаго письма на золотомъ полѣ, сполненный символизма вселенской церкви, не взоры только, слаждаетъ, но служитъ именно живою книгою, наглядно изобраіающею предъ молящимися судьбы церкви Божіей на землѣ и а небѣ, и поучающею тайнамъ нашего спасенія въ лицѣ и жизеописаніи Господа нашего Іисуса Христа. Самый внѣшній обазъ храма—крестообразный, съ куполомъ, обращенный алтаремъ іа востокъ, вводитъ въ утѣшительную думу, чудящуюся дѣйтвіямъ промысла Божія, что созданный руками иновѣрныхъ строителей и для иновѣрныхъ цѣлей, храмъ этотъ издревле Спасителемъ міра предназначенъ во святыню, расширеніе и укрѣпленіе свѣтлаго и спасительнаго православія. И Маріинская обитель призвана осуществлять эти предначертанія Промысла: помимо своихъ молитвенныхъ подвиговъ и благоговѣйнаго, умилительнаго, трогательнаго пѣнія при богослуженіяхъ, такъ располагающаго къ теплой, слезной, сосредоточенной молитвѣ, монастырь служитъ прибѣжищемъ и мѣстомъ наставленія и присоединенія въ Вильнѣ къ православію всѣхъ иновѣрокъ, притекающихъ изъ латинства, еврейства и магометанства подъ сѣнь св. нашей церкви; здѣсь же устроенъ и скоро будетъ открытъ пріютъ для воспитанія дочерей недостаточныхъ русскихъ чиновниковъ и дочерей сиротствующихъ или бѣдныхъ родителей мѣстнаго православнаго духовенства, которыя не могутъ поступить въ виленское училище

дѣвицъ духовнаго званія. Эти питомицы, здраво обученныя истинамъ св. православной вѣры, воспитанныя въ началахъ православія, самодержанія и русской народности, со временемъ внесутъ въ свои семейства тотъ спасительный, созидающій благоденствіе страны, духъ, который долженъ *вытѣснить* духъ иноземства, крамолы и разрушенія, такъ сильно въ послѣднія времена внѣдрявшійся въ семейства матерями и дочерями—исповѣдницами той церкви, къ которой принадлежала и *упраздненная* обитель визитокъ. Освященіе новаго храма, было совершено соборнѣ преосвященнѣйшимъ Александромъ, епископомъ ковенскимъ, викаріемъ литовской епархіи, съ обычною въ подобныхъ случаяхъ торжественностью. Храмъ освященъ во имя св. равноапостольной Маріи Магдалины, по имени которой названа и сама обитель. Настоящее празднество, сверхъ множества молитвенниковъ и молитвенницъ, почтили своимъ присутствіемъ гг. помощники главнаго начальника края: по военной части — З. С. Манюкинъ и по гражданской — М. И. Чертковъ, начальникъ виленской губерніи С. Ѳ. Панютинъ съ супругою, графиня Баранова и многіе высшіе военные и гражданскіе чины, а также усердныя къ дѣлу св. вѣры виленскія дамы. По освященіи храма произнесено было благочиннымъ монастыря архимандритомъ Іосифомъ Слово, приноровленное къ мѣсту и обстоятельствамъ событія.

(*Л. Е. В.*)

ОСВЯЩЕНІЕ КЛАДБИЩНОЙ ЦЕРКВИ

въ деревнѣ Клепачахъ, Ивашковичскаго прихода (Пружанскаго уѣзда.)

5-го ноября 1867 года происходило въ деревнѣ Клепачахъ, Ивашковичскаго прихода, освященіе кладбищной деревянной церкви, во имя Успенія Пресвятыя Богородицы.

Деревня Клепачи издавна отличается особеннымъ благочестіемъ и усердіемъ къ святой церкви своихъ жителей. Въ двухъ своихъ половинахъ, принадлежитъ она двумъ сосѣднимъ приходскимъ церквамъ—Ивашковичской и Езерничской, и причты обѣихъ церквей по справедливости считаютъ эту деревню лучшимъ украшеніемъ своихъ приходовъ. Въ этомъ отношеніи Клепачи можно ставить въ примѣръ и для всѣхъ ихъ сосѣдей. Хороша и ихъ деревушка, расположенная на двухъ горкахъ, открывающихъ привольный видъ обширной луговой равнины, по мѣстамъ испещренной мелкими лиственными рощицами и орошаемой обширнымъ, такъ называемымъ, *бездоннымъ* озеромъ, съ которымъ у народа соединено много смутныхъ преданій. И крестьянскіе дома въ Клепачахъ тоже не подъ стать избамъ по другимъ деревнямъ: чистые они, свѣтлые, по большей части съ трубами, а у нѣкоторыхъ хозяевъ внутренніе дворики такіе чистенькіе, что любо глядѣть.

Вотъ жителямъ этой деревушки и запала въ сердце добрая мысль украсить родное кладбище храмомъ Божіимъ. А починъ этому дѣлу принадлежитъ крестьянину Константину Ракевичу, при наставленіяхъ и поощреніи словомъ и личными жертвами священника Ивашковичской церкви отца Игнатія Кончевскаго. При пособіи другихъ усердныхъ крестьянъ той-же деревни, именно: Василія Лабейки, Степана Вовчка, Луки Францкевича и Франца Ракевича, удалось убѣдить прочихъ однодеревенцевъ взяться за доброе дѣло. И вотъ, испросивъ архипастырское разрѣшеніе, приступили добрые люди къ святой работѣ; ни трудовъ они своихъ не жалѣли, ни издержекъ, а когда не въ мочь имъ приходило, тогда высылали въ міръ Божій по своимъ приходамъ однодеревенца своего Игнатія Гущу, и тотъ съ усердіемъ обходилъ весь за весью и собиралъ на пользу устрояемаго храма Божія.

На третій годъ послѣ основанія храма, онъ былъ оконченъ

и наконецъ настал давножданный день освященія онаго. Церковь вышла хотя скромная, но вполнѣ приличная, построена прочно, а иконостасъ въ ней даже красивѣе и лучше, чѣмъ въ очень многихъ приходскихъ церквахъ. Строители храма употребили все стараніе на то, чтобы освященіе церкви было, по мѣрѣ средствъ ихъ, какъ можно торжественнѣе. Собрали два очень стройныхъ пѣвческихъ хора обоихъ своихъ приходовъ Иванковичскаго и Езерничскаго, разукрасили новосозданную церковь и ограду оной всегда зелеными елками, оповѣстили своихъ сосѣдей о своемъ праздникѣ, — и въ день освященія собралось изъ окрестныхъ селъ очень много народа повидѣть и участвовать въ великомъ церковномъ торжествѣ деревни Клепачей. Къ освященію церкви съѣхалось также и пять окрестныхъ священниковъ съ двумя діаконами. Торжество началось еще вечеромъ наканунѣ дня освященія церкви, торжественною всенощной службой, совершенной соборнѣ тремя священниками. Въ темную осеннюю ночь, ярко освѣщенная, оттѣняемая ближнимъ сосновымъ боромъ, новосозданная церковь сіяла великимъ свѣтомъ, бросая обильную массу его по сторонамъ, какъ бы въ вещественное знаменіе того, что вскорѣ она будетъ вмѣщать въ себѣ великое богатство и духовнаго свѣта и обильно будетъ источать великіе дары Божіи всѣмъ ищущимъ свѣта и истины Христовой. На утро слѣдующаго дня совершенъ былъ изъ приходской церкви крестный ходъ въ новосозданную, на шестиверстномъ разстояніи, и за прибытіемъ его тотчасъ приступлено было къ освященію храма, которое, за нездоровьемъ мѣстнаго благочиннаго, совершили трое прибывшихъ священиковъ съ двумя діаконами. За тѣмъ была отслужена и святая литургія.

По окончаніи богослуженія, главный виновникъ торжества крестьянинъ Константинъ Ракевичъ пригласилъ духовенство и почтеннѣйшихъ своихъ сосѣдей и предложилъ въ своемъ домѣ радушное угощеніе. Мы были окружены здѣсь праздновавшими свое и наше торжество—крестьянами, шедшими рука объ руку съ нами всегда неизмѣнно и во время печали и во время радостей; оттого наиболѣе и трапеза у гостепріимнаго хозяина была и сладкая, и веселая.

Такъ создался, такъ освятился новый храмъ Божій въ деревнѣ Клепачахъ.

ИЗЪ МОЗЫРЯ.

9-го сего марта, послѣ всенощнаго бдѣнія, присоединился къ православной церкви ученикъ 7-го класса Мозырской гимназіи, изъ римско-католиковъ, П. Ѳ. Доливо-Добровольскій, принадлежащій къ одной изъ здѣшнихъ дворянскихъ фамилій и, какъ ученикъ, всегда отличавшійся превосходными дарованіями и успѣхами и примѣрнымъ поведеніямъ. Обрядъ присоединенія совершенъ былъ, по чину православно-каѳолической церкви, законоучителемъ Мозырской гимназіи, протоіереемъ Георгіемъ Тарнопольскимъ при многочисленномъ стеченіи народа изъ православныхъ и римско-католиковъ; свидѣтелями присоединенія, въ качествѣ воспріемниковъ, были,—за болѣзнію директора гимназіи,—исправляющій должность инспектора ея Е. Д. Добровольскій и уѣздный исправникъ М. К. Мищенко. На всѣ вопросы священнодѣйствующаго присоединяемый отвѣчалъ весьма явственно и съ такимъ сознаніемъ, въ которомъ выражалась непреклонная рѣшимость и глубокое, зрѣло обдуманное убѣжденіе. Присоединенный стоялъ въ церкви въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ аналоя, на которомъ находилось евангеліе, крестъ и сосудъ съ св. мѵромъ. Послѣ обычныхъ вопросовъ, священнодѣйствующій подвелъ его къ аналою и совершилъ надъ нимъ таинство мѵропомазанія, такъ-какъ присоединяемый не былъ мѵропомазанъ, при превосходномъ пѣніи хора пѣвчихъ, состоящаго изъ учениковъ Мозырской гимназіи. По окончаніи чина присоединенія, священнодѣйствующій сказалъ присоединившемуся нѣсколько поздравительныхъ словъ, выражая свою и общую всѣхъ православныхъ радость о присоединеніи къ православной церкви молодаго человѣка, извѣстнаго въ г. Мозырѣ съ отличной стороны и обѣщающаго быть весьма полезнымъ дѣятелемъ въ этомъ краѣ. „Вы безъ сомнѣнія будете такимъ дѣятелемъ,“ прибавилъ о. протоіерей, „если сохраните въ себѣ духъ истинно-православнаго христіанства. Умилительна была картина, когда товарищи молодаго человѣка, ученики гимназіи, окружили его и стали цѣловаться съ нимъ, выражая неподдѣльную, чистую радость о духовномъ единеніи съ ними ихъ уважаемаго и любимаго товарища. Невольно припомнилось при этомъ многимъ о другомъ молодомъ человѣкѣ изъ римско-католиковъ, который также хотѣлъ присоединиться въ прошломъ году къ св. церкви, но не сдѣлалъ этого

по вліяніямъ чуждыхъ настояній. Г. Доливо - Добровольскій, вознамѣрившись присоединиться къ св. церкви, самъ принялъ мѣры къ устраненію этихъ деморализующихъ вліяній. До самаго почти дня его присоединенія никто въ Мозырѣ не зналъ о его намѣреніи; только товарищи его замѣчали, что въ немъ совершается какая - то перемѣна. За два или за три дня до присоединенія поняли всѣ, какого рода нравственный переворотъ совершился въ немъ. Тогда только многіе римско-католики, въ особенности родственники молодаго человѣка, стали изыскивать средства къ отклоненію его отъ его намѣренія; но было уже поздно. Возвратившись домой, за нѣсколько часовъ до присоединенія, отъ о. протоіерея, молодой человѣкъ нашелъ у себя письмо, въ которомъ умоляли его, заклиная всѣмъ священнымъ, прійдти; онъ отвѣчалъ: „прійду, когда присоединюсь къ православію." Заблаговѣстили ко всеношной, молодой человѣкъ отправился въ церковь, и все было кончено.

„Я всегда чувствовалъ себя русскимъ," говорилъ молодой человѣкъ по присоединеніи къ православію „и меня отдѣлялъ отъ народа только римско-католическій костелъ, который чуждъ ему и къ которому я самъ не имѣлъ особенной симпатіи. Я принялъ православіе, какъ народную вѣру, чтобы вполнѣ, и тѣломъ и душою, принадлежать народу." Вотъ какъ разсуждаютъ люди, истинно любящіе свое отечество и не развращенные фразеологіей и самообольщеніемъ. Истинные патріоты хорошо понимаютъ, въ чемъ состоитъ органическій порокъ нашего края и что собственно нужно для его истиннаго и прочнаго счастія.

К. Мысовскій.

Мозырь, 13 марта 1868 г.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ВИЛЬНА.

4-го апрѣля, въ достопамятный для Россіи день чудеснаго избавленія отъ опасности, грозившей драгоцѣнной жизни нашего Государя, въ Николаевскомъ соборѣ было совершено торжественное служеніе епископомъ Александромъ, въ присутствіи высшихъ

гражданскихъ и военныхъ чиновъ и множества народа; при чемъ смотрителемъ виленскаго духовнаго училища іеромонахомъ Смарагдомъ сказано было, приличное случаю, прекрасное слово. По окончаніи божественной литургіи, изъ собора былъ совершенъ крестный ходъ на Георгіевскую площадь къ Александро-Невской часовнѣ, гдѣ преосвященнымъ Александромъ было отправлено благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и провозглошеніемъ многолѣтія Государю Императору. Крестный ходъ, сопровождаемый множествомъ народа, отправился изъ собора по Большой и Георгіевской улицамъ на площадь, а оттуда, по окончаніи молебствія, обратно въ соборъ по Виленской и Нѣмецкой. Днемъ зданія города были украшены флагами и коврами, а вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ

О сліяніи губерній Царства Польскаго съ Имперіей.

Въ указѣ Нашемъ, данномъ правительствующему сенату 28-го марта 1867 года, Мы возвѣстили волю Нашу принять мѣры къ полному сліянію губерній Царства польскаго съ прочими частями державы Нашей и съ сею цѣлью упразднить всѣ центральныя въ Царствѣ правительственныя учрежденія, съ подчиненіемъ мѣстныхъ по каждому вѣдомству управленій завѣдыванію подлежащихъ министерствъ.

Нынѣ, разсмотрѣвъ составленныя, по соглашенію подлежащихъ министровъ съ намѣстникомъ Нашимъ въ Царствѣ, предположенія относительно упраздненія правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, и утвердивъ заключенія по сему предмету комитета по дѣламъ Царства, повелѣваемъ: означенную коммиссію упразднить и состоящія въ ея вѣдѣніи части управленія подчинить подлежащимъ учрежденіямъ Имперіи на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Губернскія правленія губерній: Варшавской, Калишской, Кѣлецкой, Ломжинской, Люблинской, Петроковской, Плоцкой, Радомской, Сувалкской и Сѣдлецкой, согласно 718 статьѣ II тома свода законовъ, подчинить, въ общемъ, установленномъ для прочихъ губерній Имперіи порядкѣ, правительствующему сенату и, за исключеніемъ тѣхъ отдѣленій сихъ правленій, кои принадлежатъ къ финансовому вѣдомству, причислить къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, подчинивъ сему мини-

стерству и прочія въ означенныхъ губерніяхъ учрежденія, коими доселѣ завѣдывала коммиссія внутреннихъ дѣлъ.

2. Сохраняя за намѣстникомъ Нашимъ въ Царствѣ, какъ за главнымъ начальникомъ края, ближайшее наблюденіе за ходомъ дѣлъ по всѣмъ частямъ управленія, установить отношенія его къ министерствамъ и учрежденіямъ, вѣдѣніе коихъ нынѣ распространяется на упомянутыя выше губерніи, а также и къ мѣстнымъ въ сихъ губерніяхъ управленіямъ на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ дѣйствующими въ Имперіи законами, въ статьяхъ 290—350 общаго губернскаго учрежденія изложенными, опредѣлены таковыя отношенія главныхъ начальниковъ губерній.

3. Дѣла по тѣмъ, входившимъ въ кругъ дѣйствій упраздняемой коммиссіи внутреннихъ дѣлъ предметамъ, кои по прочимъ въ Имперіи губерніямъ подлежатъ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, передать въ завѣдываніе сего министерства; остальныя же части перевести въ вѣдѣніе подлежащихъ министерствъ и учрежденій на основаніяхъ, ниже указанныхъ.

4. Административныя и исполнительныя дѣла по варшавской православной епархіи, производившіяся доселѣ въ коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, сосредоточить нынѣ же въ варшавской консисторіи, съ тѣмъ, чтобы оныя производились и рѣшались епархіальнымъ начальствомъ подъ непосредственнымъ руководствомъ святѣйшаго сѵнода, на общихъ съ другими православными епархіями основаніяхъ.

5. Завѣдываніе общими мѣрами попеченія о развитіи и усовершенствованіи земледѣлія въ вышеупомянутыхъ десяти губерніяхъ предоставить министерству государственныхъ имуществъ, на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ оно вѣдаетъ дѣла сего рода въ прочихъ губерніяхъ.

6. Дѣла, касающіяся торговли и мануфактурной промышленности, передать нынѣ же въ вѣдѣніе министерства финансовъ въ предѣлахъ и порядкѣ, опредѣленныхъ общими узаконеніями Имперіи; дѣла же, относящіяся до купеческихъ гильдій, веденіе списковъ гильдейскихъ купцовъ и разрѣшеніе вопросовъ по гильдейскому уставу оставить, впредь до образованія въ губерніяхъ Царства казенныхъ палатъ, на обязанности мѣстныхъ губернскихъ правленій и въ общемъ завѣдываніи финансоваго въ губерніяхъ Царства управленія. За симъ состоящую при

коммиссіи внутреннихъ дѣлъ особую секцію промышленности упразднить.

7. Состоящій при коммиссіи внутреннихъ дѣлъ мануфактурный совѣтъ нынѣ же упразднить, предоставивъ министру финансовъ, въ городахъ, отличающихся мануфактурною промышленностью, учреждать мѣстные мануфактурные комитеты, на общихъ основаніяхъ, опредѣленныхъ законами Имперіи (ст. 31 уст. промыш. т. XI св. зак.).

8. Заключающіяся въ утвержденномъ Нами 19-го (31-го) декабря 1866 года положеніи о губернскомъ и уѣздномъ управленіи въ губерніяхъ Царства постановленія о предметахъ вѣдомства и предѣлахъ власти тамошнихъ губернскихъ и уѣздныхъ управленій дополнить правилами, при семъ приложенными.

9. Губернаторамъ и губернскимъ правленіямъ поименованныхъ въ 1-й статьѣ настоящаго указа десяти губерній предоставить сноситься непосредственно, по дѣламъ ихъ вѣдомства, съ подлежащими учрежденіями и должностными лицами въ государствѣ, общимъ, установленнымъ въ Имперіи, порядкомъ.

10. Высшее завѣдываніе земскою стражею въ вышепоименованныхъ десяти губерніяхъ сосредоточить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; разрѣшеніе же относящихся до земской стражи дѣлъ по инспекторской и дисциплинарной части, превышающихъ власть губернаторовъ, предоставить главному начальнику края.

11. Всѣ, лежащія на коммиссіи внутреннихъ дѣлъ обязанности по дѣламъ о повинностяхъ: рекрутской, квартирной, подводной и этапной, а также по снабженію войскъ топливомъ, освѣщеніемъ и другими потребностями, возложить временно на учредительный комитетъ, поручивъ оному безотлагательно войдти въ пересмотръ дѣйствующихъ нынѣ правилъ о завѣдываніи означенными дѣлами, съ цѣлью установить такой въ семъ отношеніи порядокъ, чтобы и эти предметы могли быть переданы въ непосредственное вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ на общемъ въ Имперіи основаніи.

12. Равнымъ образомъ временно возложить на учредительный комитетъ окончательное разрѣшеніе тѣхъ дѣлъ по страховой части и сберегательнымъ кассамъ, которыя превышаютъ предѣлы власти губернскихъ учрежденій, поручивъ также означенному комитету изыскать мѣры къ такому устройству сей

части, чтобы она могла быть передана въ непосредственное завѣдываніе министерства внутреннихъ дѣлъ.

13. Впредь до окончательнаго устройства городскаго управленія, предметы вѣдомства и предѣлы власти варшавскаго городскаго магистрата и его предсѣдателя оставить безъ измѣненія, съ подчиненіемъ ихъ непосредственно учредительному комитету по всѣмъ дѣламъ, по коимъ до сего времени они были подчинены коммиссіи внутреннихъ дѣлъ.

14. До введенія въ дѣйствіе новаго положенія объ управленіи благотворительными въ губерніяхъ Царства учрежденіями съ подчиненіемъ оныхъ министерству внутреннихъ дѣлъ — дѣла главнаго попечительнаго совѣта, по коимъ требуется дѣйствующимъ уставомъ онаго разрѣшеніе коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, предоставить временно разрѣшенію учредительнаго комитета.

15. По всѣмъ дѣламъ, предоставляемымъ настоящимъ указомъ вѣдѣнію учредительнаго комитета, равно какъ и по предметамъ, въ вѣдѣніи онаго уже состоящимъ, губернаторы и губернскія правленія остаются въ тѣхъ же къ сему комитету отношеніяхъ, въ коихъ они доселѣ находились къ оному и къ коммиссіи внутреннихъ дѣлъ.

16. Главное завѣдываніе варшавскими театрами, подъ общимъ вѣдѣніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, предоставить нынѣ же намѣстнику въ Царствѣ.

17. Съ передачею въ подлежащія вѣдомства дѣлъ упраздняемой коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, вѣдомствамъ симъ предоставить распоряженіе, на общемъ основаніи, тѣми кредитами и прочими суммами, кои по каждой передаваемой части состояли въ вѣдѣніи означенной коммиссіи.

18. Чиновъ упраздняемой коммиссіи внутреннихъ дѣлъ оставить за штатомъ на общемъ основаніи правилъ устава о гражданской службѣ въ Царствѣ.

19. Всѣ несогласныя съ настоящимъ указомъ и съ приложенными къ статьѣ 8 онаго правила, законоположенія и распоряженія отмѣнить.

20. Приведеніе въ дѣйствіе настоящаго указа Нашего возложить на подлежащія министерства, намѣстника Нашего и учредительный комитетъ въ Царствѣ, съ тѣмъ чтобы коммиссія

внутреннихъ дѣлъ была окончательно упразднена къ 1-му іюля сего 1868 года.

Правительствующій сенатъ не оставитъ учинить надлежащее, къ исполненію настоящаго указа Нашего, распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„*АЛЕКСАНДРЪ*."

Въ С. Петербургѣ,
29-го февраля 1868 года.

Дополнительныя правила къ Высочайше утвержденному 19-го (31-го) декабря 1866 года положенію о губернскомъ и уѣздномъ управленіи въ губерніяхъ Царства польскаго.

I. За передачею предметовъ вѣдомства; упраздняемой коммиссіи внутреннихъ дѣлъ въ вѣдѣніе подлежащихъ министерствъ и учрежденій, согласно статьѣ 3-й Высочайшаго указа 29-го февраля 1868 г., губернскія управленія, въ случаяхъ, превышающихъ ихъ власть, руководствуются слѣдующимъ порядкомъ:

1) Въ дѣлахъ: по завѣдыванію земскою стражею, по полицейскому надзору, объ открытіи книжныхъ магазиновъ, типографій, литографій, фотографныхъ заведеній, справочныхъ, коммиссіонерскихъ и другихъ частныхъ конторъ; о выдачѣ частнымъ лицамъ разрѣшеній на содержаніе оружія; о наложеніи штрафовъ административнымъ порядкомъ; о выдачѣ наградъ за открытіе оружія и за поимку дезертировъ и бродягъ; о высылкѣ иностранцевъ за границу, о высылкѣ изъ мѣстъ жительства и возвращеніи женъ и семействъ преступниковъ—губернскія управленія въ случаяхъ, превышающихъ предѣлы ихъ власти, представляютъ на разрѣшеніе главнаго начальника края.

2) По дѣламъ: о внутреннемъ разграниченіи губерній, объ учрежденіи новыхъ городовъ и переименованіи существующихъ городовъ въ селенія, о губернскихъ и городскихъ гербахъ, о древнихъ, находящихся въ краѣ зданіяхъ, объ открытіи новыхъ клубовъ, по картельнымъ конвенціямъ, и вообще по дѣламъ пограничнымъ; объ устройствѣ новыхъ шоссейныхъ дорогъ; по вопросамъ о веденіи метрическихъ актовъ гражданскаго состоянія; объ устройствѣ кладбищъ и предпохоронныхъ домовъ; о личномъ составѣ чиновъ вѣдомства внутреннихъ дѣлъ; о на-

градахъ за человѣколюбивые подвиги и неслужебныя отличія— губернскія управленія въ случаяхъ, превышающихъ предѣлы ихъ власти и при возникновеніи какихъ-либо недоразумѣній, входятъ съ представленіями въ министерство внутреннихъ дѣлъ чрезъ главнаго начальника края.

3) По всѣмъ прочимъ затѣмъ предметамъ вѣдомства внутреннихъ дѣлъ губернскія управленія, въ случаяхъ, превышающихъ предѣлы ихъ власти, входятъ съ представленіями въ министерство внутреннихъ дѣлъ непосредственно.

4) Въ дѣлахъ: по попеченію о правильномъ ходѣ гминнаго и сельскаго управленія и о должностныхъ лицахъ гминнаго управленія, о включеніи въ городскую черту и исключеніи изъ оной поземельныхъ участковъ и мѣстностей; объ устройствѣ новыхъ или закрытіи существующихъ транспортныхъ станцій для препровожденія внутри уѣздовъ и губерній задерживаемыхъ арестантовъ и другаго рода гражданскихъ преступниковъ, а равно по прочимъ предметамъ, поручаемымъ статьями 11—14 Высочайшаго указа 29-го февраля 1868 года временному завѣдыванію учредительнаго комитета, губернскія управленія въ тѣхъ случаяхъ, когда они доселѣ представляли коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, входятъ съ представленіями въ учредительный комитетъ.

II. Къ числу предметовъ, предоставленныхъ, положеніемъ о губернскомъ и уѣздномъ управленіи въ Царствѣ и послѣдующими постановленіями, личному распоряженію губернатора по губернскому правленію, причисляются (въ дополненіе статьи 16 сего положенія):

1) Опредѣленіе, перемѣщеніе и увольненіе чиновъ подвѣдомственныхъ ему губернскихъ и уѣздныхъ управленій до VII класса включительно, которые не входятъ въ составъ присутствія губернскаго правленія, согласно статьѣ 724 общ. губ. учрежд. св. зак. т. II ч. 1, а также увольненіе въ отпуски до 4 мѣсяцевъ подвѣдомственныхъ чиновниковъ, за исключеніемъ чиновниковъ V класса, коимъ губернаторъ имѣетъ право разрѣшать отпуски не свыше 29 дней (прилож. къ ст. 83 ч. I т. II св. зак.).

2) Разрѣшеніе дѣлъ о выборахъ, назначеніи и увольненіи должностныхъ лицъ еврейскаго вѣроисповѣданія, какъ-то раввиновъ, членовъ божничныхъ дозоровъ, канторовъ при молитвенныхъ домахъ.

III. Разсмотрѣнію и разрѣшенію губернскаго правленія, подъ предсѣдательствомъ губернатора, кромѣ дѣлъ, поименованныхъ въ статьѣ 34-й положенія о губернскомъ и уѣздномъ управленіи, подлежать:

1) Наложеніе взысканій на виновныхъ подвѣдомственныхъ чиновниковъ до VII класса включительно (кромѣ членовъ присутствія), или переданіе ихъ судебной отвѣтственности.

2) Вызовъ лицъ, самовольно удалившихся за границу, преданіе ихъ законной отвѣтственности и водвореніе на мѣстѣ жительства по явкѣ.

3) Дѣла по завѣдыванію, на основаніи установленныхъ правилъ, состоящими въ губерніи передаточными пунктами, учрежденными на границѣ Пруссіи и Австріи.

4) Разрѣшеніе дѣлъ о еврейскихъ божничныхъ округахъ.

5) Утвержденіе городскихъ приходо-расходныхъ годовыхъ росписей до 20.000 руб. дохода и представленіе, чрезъ главнаго начальника края, росписей, превышающихъ эту сумму, на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ.

6) Изъявленіе согласія или несогласія прокураторіи на вчинаніе, отъ имени городовъ, исковъ по спорнымъ дѣламъ городовъ съ частными лицами, а также изъявленіе согласія или несогласія на рѣшеніе судебныхъ мѣстъ по тѣмъ же дѣламъ.

7) Избраніе и назначеніе судебнаго защитника для защиты правъ города по тяжебнымъ дѣламъ, когда искъ противъ города заведенъ отъ имени казны, института и частнаго лица.

8) Утвержденіе мировыхъ сдѣлокъ, окончательно прекращающихъ возникшіе споры между городами и частными лицами, если предметъ спора не превышаетъ 1.000 руб. сер.

9) Принятіе безусловныхъ дарственныхъ записей и пожертвованій въ пользу городовъ, и представленіе министерству внутреннихъ дѣлъ о записяхъ, возлагающихъ на города какія-либо обязательства.

10) Назначеніе сроковъ для ярмарокъ и торговъ по городамъ, а также измѣненіе, по мѣстнымъ соображеніямъ, этихъ сроковъ, согласно съ 463 ст. 1-й ч. II т. св. зак.

11) Представленіе министерству внутреннихъ дѣлъ объ установленіи новыхъ или преобразованіи, либо отмѣнѣ существующихъ погородамъ сборовъ.

12) Распоряженія о размежеваніи, на основаніи существующихъ узаконеній, городовъ и городскихъ земель, а также, о

составленіи плановъ и межевыхъ реестровъ посредствомъ наемныхъ землемѣровъ.

13) Утвержденіе устройства городскихъ земель и принадлежащихъ къ городамъ сельскихъ имуществъ съ правомъ разрѣшать притомъ обмѣнъ общественныхъ городскихъ земельныхъ участковъ на другіе, если стоимость обмѣниваемыхъ участковъ не превышаетъ 1.000 рублей.

14) Утвержденіе устройства городскихъ лѣсовъ и лѣсохозяйственныхъ плановъ.

15) Назначеніе пособій, по мѣрѣ средствъ городскихъ кассъ, для первоначальныхъ училищъ въ городахъ.

16) Сообщеніе учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ заключеній по ликвидаціоннымъ проектамъ, представляемымъ отъ имени городскихъ управленій на города и сельскія имѣнія, къ городамъ принадлежащія.

17) Разрѣшеніе уплаты денегъ за поставленныя войскамъ дрова, свѣчи и солому, по счетамъ, представленнымъ по истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ.

18) Разрѣшеніе, по предварительномъ соглашеніи съ мѣстными начальниками таможенныхъ округовъ, починки состоящихъ въ уединенныхъ отъ городовъ и селеній мѣстахъ, въ опредѣленной 875-ти саженной отъ границы Пруссіи и Австріи чертѣ, строеній, необходимыхъ для хозяйства фабричныхъ и промышленныхъ заведеній.

19) Разрѣшеніе постройки, вмѣсто сгорѣвшихъ строеній, новыхъ въ другихъ мѣстностяхъ, въ предѣлахъ той же губерніи.

20) Заготовленіе на тюремныхъ фабрикахъ одежды для тюремныхъ арестантовъ и отпускъ, по взаимному между собою сношенію губернскихъ правленій, тюремныхъ издѣлій на потребности арестантовъ; въ случаѣ же недостатка сихъ матеріаловъ на тюремныхъ фабрикахъ, заготовленіе оныхъ посредствомъ подряда на ассигнованныя для сего предмета суммы.

IV. Разсмотрѣнію и разрѣшенію губернскихъ правленій, подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора, кромѣ дѣлъ, поименованныхъ въ статьѣ 35-й полож. о губ. и уѣздн. управ., подлежатъ:

1) Окончательное назначеніе установленныхъ пособій нижнимъ воинскимъ чинамъ и семействамъ ихъ, а также испрошеніе разрѣшенія комитета о раненыхъ о назначеніи пенсіона раненымъ нижнимъ чинамъ.

2) Представленіе заключеній объ уплатѣ суммъ на удовлетвореніе ущербовъ по занятію мѣстъ подъ лагери, учебные плацы, маневры и стрѣльбу въ цѣль, когда суммы сіи превышаютъ 5 руб. на каждую команду.

3) Разрѣшеніе построекъ, перестройки и починокъ воинскихъ зданій, не состоящихъ въ инженерномъ вѣдомствѣ, а также гауптвахтъ, на сумму до 300 руб. на каждое строеніе, и окончательное утвержденіе контрактовъ о наймѣ сихъ послѣднихъ до суммы 300 руб., изъ суммъ, на сей предметъ ассигнованныхъ.

V. Коллегіальному разсмотрѣнію и обсужденію присутствія уѣзднаго управленія подлежатъ, сверхъ дѣлъ, означенныхъ въ статьѣ 106-й полож. о губ. и уѣзд. управ., назначеніе установленныхъ наградъ за поимку дезертировъ.

VI. Уѣзднымъ начальникамъ предоставляется увольнять въ отпускъ до 4-хъ мѣсяцевъ чиновниковъ для письма и низшихъ служителей уѣздныхъ управленій.

VII. Дѣла и вся переписка въ губернскихъ и уѣздныхъ управленіяхъ производятся на русскомъ языкѣ.

VIII. Въ случахъ, когда губернскія и уѣздныя управленія, въ порядкѣ ихъ сношеній и внутренняго дѣлопроизводства, встрѣтятъ вопросы, не разрѣшаемые положеніемъ 19-го (31-го) декабря 1866 года и настоящими дополнительными правилами, они руководствуются постановленіями общаго губернскаго учрежденія въ Имперіи.

СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Болѣе чѣмъ когда-нибудь судьбы западныхъ и южныхъ славянъ заслуживаютъ нынѣ сочувственнаго вниманія ихъ родичей! Вожди австрійской политики, съ давнихъ поръ привыкшіе къ привиллегированному значенію опекуновъ, одинъ за другимъ удаляются съ политической арены, не вынося съ собою ничего, кромѣ чувства вражды ко всему и ко всѣмъ, за исключеніемъ немногихъ офиціальныхъ кліентовъ, и не оставляя за собою ничего, кромѣ безвыходныхъ недоразумѣній. Такое впечатлѣніе выносится изъ разсмотрѣнія послѣднихъ актовъ современной имперской думы вѣнской. Принявъ съ самаго начала въ свой составъ лишь односторонних представителей политическихъ интересовъ Цислей-

таніи, она съ каждымъ новымъ шагомъ убѣждается въ некомпетентности своихъ рѣшеній. Каждое ея намѣреніе поражается въ самомъ его зачаткѣ мыслью о грозномъ сопротивленіи отсутствующей въ ея засѣданіяхъ оппозиціи. Клубъ гаснеръ-кайзерфельдскій распался послѣ рѣшительнаго удаленія отъ дѣлъ и отъѣзда въ Прагу его главы, профессора Гаснера. Онъ рѣзко отвернулся отъ „слишкомъ министерскихъ“ стремленій своихъ сотоварищей и этимъ искренно отказался отъ политической программы дуализма. Чешская публицистика, мало ожидавшая такой рѣшительности отъ горячаго противника федерализма и борца централистской системы на пражскомъ сеймѣ, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, въ какомъ смыслѣ профессоръ Гаснеръ разъяснитъ свой образъ дѣйствій на предстоящемъ земскомъ сеймѣ пражскомъ, ибо, сложивъ свое депутатское достоинство въ имперской думѣ, онъ удержалъ за собою званіе земскаго сейма. Польская фракція всего менѣе способна оживить надежды: графъ Адамъ Потоцкій оставилъ Вѣну и никакія миссіи не могли возвратить его имперской думѣ. Графу Тарновскому, посланному къ нему съ цѣлью примиренія, онъ рѣшительно отказалъ отъ дальнѣйшаго участія въ ней, мотивируя свое удаленіе тѣмъ, что дума обратилась въ учредительный комитетъ, дѣятельность котораго не сродна съ назначеніемъ думы, въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ она собралась въ 1867 году. Изъ дѣятельныхъ членовъ польской фракціи д-ръ Землковскій, вице-президентъ палаты депутатовъ, на дняхъ составилъ программу польской депутаціи имперской думы. Въ видахъ безпристрастія, желая стать, въ качествѣ государственнаго мужа, выше національныхъ стремленій представительствуемой имъ націи, Землковскій старается дать своимъ предначертаніямъ значеніе общее, приложимое въ равной мѣрѣ ко всѣмъ народностямъ Австріи. Но въ этомъ-то и ошибка его нехитрой политики. Перейдя въ область внѣшней политики, Землковскій заговорилъ языкомъ специфически-польскимъ, тѣмъ языкомъ, который свойственъ каждому польскому шляхтичу, къ какому бы политическому тѣлу онъ ни принадлежалъ.... Самая автономія политическаго быта народностей Австріи представляется ему въ формахъ, которыя если и удобны, то только для галицкихъ поляковъ. Онъ сосредоточиваетъ въ своей программѣ всю силу областнаго самоуправленія на намѣстникѣ. Нашъ политикъ упускаетъ изъ виду, что такая форма самоуправленія можетъ быть удобна лишь для поляковъ Галиціи, и то лишь

благодаря современному личному составу намѣстничества, составу чисто случайному. Доброе согласіе гр. Голуховскаго съ государственнымъ канцлеромъ, барономъ Бейстомъ, далеко не составляетъ прочнаго условія для блага народностей Австріи. Этой формѣ самоуправленія не порадовались бы другія славянскія народности Австріи—ни чехи, ни хорваты, ни словинцы. Въ этомъ вполнѣ убѣждаютъ насъ дѣла барона Рауха—въ Хорватіи, гр. Гогенварта—въ Штиріи и Каринтіи. Наконецъ, чехи весьма далеки отъ безусловнаго довѣрія своему намѣстничеству, и ихъ публицисты выразили полное несочувствіе предложенію Землялковскаго обратить намѣстничество въ областное министерство, вѣдающее всѣ дѣла внутренняго самоуправленія страны. Словинскіе депутаты, не въ добрый часъ принявшіе это званіе, позднѣе другихъ пришли къ убѣжденію о неумѣстности своей довѣрчивости. Ихъ меморандумъ о равноправности словинскаго нарѣчія съ языкомъ нѣмецкимъ въ Штиріи и Каринтіи вызвалъ оппозицію со стороны нѣмецкихъ представителей Каринтіи, полную презрѣнія къ ихъ народности. Намѣстникъ, въ отвѣтъ на меморандумъ, разъяснилъ, что и безъ того словинское нарѣчіе допускается въ судахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно неизбѣжно, по незнанію языка нѣмецкаго тяжущимися и т. д. Въ виду этихъ оскорбленій правъ національности, славянская журналистика Австріи видитъ единственное объясненіе упорству словинскихъ депутатовъ, все еще занимающихъ свои мѣста въ имперской думѣ, въ тѣхъ 10 гульденахъ, которые получаетъ каждый изъ нихъ за каждое засѣданіе. Ходятъ, впрочемъ, слухи, что и гульдены начинаютъ для нихъ терять свою привлекательность, и что вскорѣ они удалятся изъ Вѣны.

Самую рѣшительную оппозицію составляютъ чехи. Они остались непреклонны въ своей вѣрности историческимъ преданіямъ народности и короны св. Вячеслава и тѣмъ правамъ, которыя на нихъ зиждутся. Объ ихъ чувство правоты, болѣе и болѣе достигающей общеевропейскаго признанія, разбиваются сами собою упреки, на которые такъ щедра Вѣна, начиная съ государственнаго канцлера и кончая ея подкупными газетами. Рейхенбергскій пиръ барона Бейста на столько же способствовалъ усиленію этого чувства правоты, на сколько унизилъ, окомпрометировалъ ораторовъ этого пира. Такъ легкомысленно обвинивъ пѣснелюбивую Прагу въ государственной измѣнѣ, баронъ Бейстъ не остановился на этомъ: онъ заставилъ содрогнуться звуками рус-

скаго гимна и монарха, „котораго неограниченнымъ довѣріемъ онъ пользуется." Этотъ гимнъ, по словамъ Бейста, запираетъ австрійскому императору въѣздъ въ столицу Чехіи, для празднованія коронаціи! Произнося эти слова, канцлеръ, вѣроятно, не разсчитывалъ на ихъ публичность, если только онъ не привезъ съ собою изъ Вѣны самаго обширнаго полномочія—дѣлать честь своего монарха игрушкою фразы. Чехи не надолго остались въ долгу у барона Бейста. 50-лѣтній юбилей открытія краледворской рукописи, торжественно отпразднованный 28-го сентября въ Королевинѣ Дворѣ, далъ чехамъ поводъ высказаться и отозваться на нѣмецкій пиръ въ Рейхенбергѣ. Первая рѣчь д-ра Сладковскаго, произнесенная передъ всею массой стекшагося на національный праздникъ чешскаго народа, была открыта ораторомъ словами Зобоя:

Мужи съ вѣрнымъ братскимъ сердцемъ,
Мужи искренніе взоромъ!

Ораторъ исчерпалъ всѣ мотивы этой пѣсни для воодушевленія патріотической публики. Рѣчь была принята восторженно. На торжественномъ обѣдѣ юбилея былъ провозглашенъ первымъ тостъ за здоровье „короля Франца-Іосифа" старостою Королевина Двора. Вслѣдъ затѣмъ, докторъ Ригеръ произнесъ рѣчь, въ которой, разсмотрѣвъ вкратцѣ значеніе краледворской рукописи въ дѣлѣ возрожденія чешско-славянской народности, ораторъ представилъ горячую оборону ея достовѣрности отъ лживыхъ навѣтовъ подкупныхъ вѣнскихъ лжекритиковъ. Эти воспоминанія увлекли оратора къ бурнымъ выраженіямъ надеждъ на будущее чешско-славянской народности. Послѣднія слова его были повторены массою воодушевленной публики. Рѣчь Ригера носила на себѣ тотъ пламенный колоритъ, которымъ такъ ярко освѣщается каждое его публичное слово. Мысль о славянскомъ единствѣ вызвала новую рѣчь Сладковскаго, въ которой онъ, рѣзко порицая несчастную выходку канцлера на рейхенбергскомъ пирѣ, отклонилъ отъ русскаго гимна всякое политическое значеніе, упрочивъ за нимъ значеніе народное, общеславянское. Во имя идеи славянскаго единства ораторъ, въ заключеніе рѣчи, провозгласилъ славу русскому гимну. Вслѣдъ за этимъ, среди шумныхъ выраженій сочувствія, окружной старшина, г. Смолярж, всталъ для того, чтобъ, признавъ противозаконнымъ провозглашенный докторомъ Сладковскимъ тостъ, возстановить характеръ законности въ праздничномъ собраніи. Какъ объясненіе Сладковскаго, такъ и послѣду-

ющія рѣчи и тосты утишили бурю. Палацкій, ссылаясь на собственную пятидесятилѣтнюю дѣятельность по дѣлу возрожденія народности въ тѣсныхъ предѣлахъ законности, заключилъ пренія слѣдующими словами: „Да, господа, лишь путемъ закона достигнемъ мы своего спасенія, *хотя бы этотъ путь былъ такъ узокъ, какъ остріе меча.*“ Палацкій заключилъ свою рѣчь тостомъ за ...нный городъ, Королевинъ Дворъ. Ганкѣ былъ посвященъ тостъ другомъ его, профессоромъ Пуркине. День этотъ былъ полонъ памятью о Ганкѣ, открывшемъ краледворскую рукопись: былъ открытъ ему памятникъ, заложенъ театръ, названный его именемъ....

Въ виду подобнаго настроенія мыслей и чувствъ народа, трудно объяснить себѣ неразсчетливость вѣнской политики, намѣренно раздражающей ихъ каждымъ своимъ шагомъ. Изъ высшихъ правительственныхъ круговъ исходитъ неумолимое преслѣдованіе духовенства и учителей. На духовенство дѣйствуютъ мѣстные прелаты, руководящіеся правительственными внушеніями. Сильное негодованіе возбудилъ циркуляръ бернскаго епископа (гр. Шафгоче) къ моравскому духовенству. Бернскій прелатъ, исходя изъ тѣхъ же клеветъ подкупной и фальшивой вѣнской журналистики, строжайше увѣщеваетъ свой клиръ забыть интересы народности, „ради смиренія и послушанія.“ Основываясь на нечистомъ источникѣ, онъ смѣло подкрѣпляетъ свои увѣщанія словами св. писанія. Призывая къ священному долгу послушанія, онъ оскорбляетъ невинную совѣсть каждаго члена своей паствы. Съ болѣе сильнымъ натискомъ преслѣдуется сословіе духовенства и учителей въ Хорватіи. Обходя необходимыя условія приличій, хорватскій намѣстникъ, баронъ Раухъ, лично заботится о назначеніи удобнаго для правительства суффрагана къ нерѣшительному, престарѣлому архіепископу, кардиналу Гаулику. Учители и священники цѣлыми десятками смѣщаются или и вовсе удаляются отъ службы, безъ всякаго объясненія причины. Шпіонство вкрадывается во всѣ углы не только общественной, но и семейной жизни хорватовъ. Недавніе борцы народныхъ интересовъ и самоуправленія, достигнувъ высшихъ административныхъ назначеній, передовые хорваты мѣняютъ свои лагери. Скупштины не собираются по жупамъ; областное раздѣленіе Хорватіи вскорѣ приравняется венгерскому (комитаты); придворной канцеляріи грозитъ упраздненіе.

Въ этой средѣ темной интриги и лжи хорватская публицистика

рко слѣдитъ за успѣхами народнаго дѣла въ княжествѣ Сербскомъ, Черной Горѣ, Герцоговинѣ, Босніи. Ими она мѣритъ силы и своего единоплеменнаго, сербо-хорватскаго народа. Не находя себѣ болѣе поживы въ Болгаріи, турецкія войска переступили границы Сербіи. Филиппъ, предводитель народнаго возстанія въ Болгаріи, въ сопровожденіи 17 избранныхъ сотоварищей, удалился уже черезъ Балканы въ Валахію,—по-крайней-мѣрѣ до весны. Турки, награбивши вдоволь въ Болгаріи, на прощаніе жгутъ ея лѣса. Въ плодородной Сербіи они разсчитываютъ на болѣе богатую добычу. Населеніе Герцоговины у Дробняка, рѣки Пивы и Тары уже помѣрилось съ турками. Ими предводительствовалъ сынъ славнаго героя Новицы Церовича, убившаго еще въ 1845 году въ бою знаменитаго Ченгича-Смаил-агу. Церовичъ разбилъ турецкіе отряды. Дальнѣйшія стычки на время были прекращены миротворнымъ посредничествомъ воеводы Петра Вукотича, тестя черногорскаго князя. Высланное изъ Цетинье войско удержало дальнѣйшее движеніе баши-бузуковъ. Послѣдніе собираются въ крѣпостяхъ старой Сербіи: Бѣлополѣ, Пріеполѣ, Сувомъ Долу, Спужѣ, Подгорицѣ; тоже и на границѣ начиная отъ Нишы и до Дрины.

Такъ далеко ученіе корана, вдохновляющее турокъ, отъ тѣхъ обязательствъ, которыя хотѣла наложить европейская дипломатія на турецкое правительство статьями гатти-гумаюна!

Д....

(Варш. Днев.)

ГАЛИЦКО-РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЕЯ ЯЗЫКЪ.

Русская письменность во Львовѣ не прерывалась съ прошлаго столѣтія, благодаря ставропигіальной лаврѣ, уніатской семинаріи и училищамъ, устроеннымъ по мысли Іосифа II, а также благодаря тому, что Іосифъ II велѣлъ русинскому духовенству говорить проповѣди на родномъ языкѣ. Но эта письменность до самаго 1848 года почти исключительно состояла изъ небольшаго количества маленькихъ духовныхъ брошюръ, грамматикъ, сочиненій по древней исторіи Галича, да одъ въ честь уніатскихъ архіереевъ и австрійскихъ намѣстниковъ и тому подобныхъ стихотвореній. Въ этой литературѣ ... правленіе виршей XVII и XVIII вѣка. Таковъ же былъ и

зыкъ, если не хуже. Смѣсь малороссійскаго (которымъ говоитъ народъ въ Галиціи), съ церковнославянскимъ, со множевомъ полонизмовъ, еще и въ XVII столѣтіи,—этотъ языкъ е больше и больше проникался полонизмами, латинизмами и рманизмами. Еще до сихъ поръ дѣйствующее поколѣніе гацкихъ писателей пишетъ по-нѣмецки и по-польски лучше, мъ по-русски. Самый ученый и серьезный изъ писателей ссско-галицкихъ недавно-прошедшаго времени, историкъ Зубцкій, первое свое сочиненіе: „Исторію города Львова", наалъ по-польски. И теперешнія писанія галицко-русскія (за многими исключеніями молодыхъ писателей) кажутся перевомъ съ чужаго языка: очевидно, что авторы думаютъ понецки или по-польски и усиленно заставляютъ себя выраться по-русски. Въ 1848 году, поляки возобновили ревоціонныя попытки во Львовѣ, причемъ иные изъ теперешхъ галицко-русскихъ патріотовъ за одно съ поляками бились улицахъ Львова (напримѣръ г. Дѣдицкій, редакторъ „Слова"). встрійскому правительству показалось удобнымъ употребить я обузданія поляковъ инстинктивное чувство народности у усскихъ галичанъ и нерасположеніе къ полякамъ русскаго ховенства. Оно стало покровительствовать *рутенамъ*, открыь русскія каѳедры во львовскомъ университетѣ, который самъ императоромъ былъ названъ русскимъ (рутенскимъ) униерситетомъ *). Съ тѣхъ поръ главнымъ содержаніемъ галицкихъ писаній стала полемика съ поляками, археологическія казательства правъ галицко-русской народности и разсужденія о галицко-русскомъ языкѣ. Касательно послѣдняго наался и досель вполнѣ не уясненный для галичанъ вопросъ томъ, есть ли это языкъ церковно-славянскій или галицкоусскій собственно или малорусскій вообще или, наконецъ, еороссійскій и въ какихъ отношеніяхъ стоитъ этотъ языкъ къ льскому. Такъ-какъ разсужденія и споры ведутся надъ лите-

*) Мы употребляемъ безразлично слова: русскій, русинскій и рутенскій, все они значатъ одно и тоже. *Русинъ* есть старинная, до сихъ поръ хранившаяся форма, отъ слова Русь. Она встрѣчается въ договорахъ князей кіевскихъ съ греками, а малороссіяне и теперь говорятъ *сербинъ*, *турчинъ*, *жидовинъ*. Рутенами нѣмцы звали прежде и теперь иногда называютъ всѣхъ русскихъ. Такъ-что всѣ три названія одинаково родныя, видовыя же правильныя могутъ быть только велико, мало, бѣло-руссы.

ратурнымъ галицкимъ языкомъ, то, конечно, вопросъ разр
шится не скоро. Съ 1848 года начинается болѣе сильное сбл
женіе галицкихъ русскихъ съ нашимъ государствомъ и литер
турой. Галицкіе писатели стали по временамъ употребля
нашу азбуку *гражданку* (прежде они писали исключител
церковной азбукой), стали перепечатывать наши литератур
произведенія. Разумѣется, имъ больше всего нравились то
жественныя стихотворенія (оды Державина и Хомякова) и ма
россійскія повѣсти (Квітки). Послѣднія скоро пріобрѣли поп
лярность въ Галиціи: „Маруся" Квітки быстро разошлась бол
чѣмъ въ 1,000 экземплярахъ,—цифра неслыханная въ то вре
въ Галиціи. Писали, впрочемъ, галичане все тѣмъ же поч
смѣшаннымъ языкомъ и особымъ правописаніемъ, который он
называютъ *историческимъ*. Это правописаніе стремится сохра
нить начертаніе слова, близкое къ тому, какъ оно пишется в
церковно-славянскомъ языкѣ (какъ писали во время процвѣта
нія кіевской академіи), а для выговора употребляетъ знаки над
буквами. Такъ *о* читается, какъ *и*, *от—вид*, *е—и*, *ѣ—и* и т.
У насъ такое правописаніе употребилъ въ 1829 году г. Макс
мовичъ, для изданія думъ малороссійскихъ. Само собою раз
мѣется, что такое правописаніе затруднительно для перво
чальнаго обученія и вообще для простаго народа. Галицки
писателямъ оно нравится древностью; къ тому же, особенно в
послѣднее время, въ похвалу его они приводятъ то, что слов
написанное ихъ правописью, сохраняетъ близость къ церковн
му и общерусскому литературному правописанію. Но и это в
многихъ случаяхъ только самообольщеніе галичанъ: напр., он
пишутъ вмѣсто малорусскаго остраго *і* вездѣ *ѣ*, и тамъ, гдѣ ег
нѣтъ ни въ велико-русскомъ, ни въ церковно-славянскомъ: в
родительномъ падежѣ единственнаго (напр. повѣсть Метел*ѣ*)
а также въ именительномъ множественнаго (напр., родин*ѣ*)
Притомъ, если ужъ стараться писать ближе къ церковном
то зачѣмъ не писать и напр., ход*илъ*, вмѣсто малороссійска
ход*ивъ* и т. д.? Вотъ образчики рѣчи и правописанія галицки
писателей послѣ 1848 года: „Нѣмъ (прежде чѣмъ) до дѣла пр
ступимо, замѣтимъ прежде, що хочемъ на состояніе, въ кото
ромъ русины во время давнѣйшаго правленія обрѣталися, н
вѣсу спустити; бо плѣняючій сердца день торжества, въ кото
ромъ высокопреосвященный архіерей на галицкій митропол
тальный престолъ вступае, велитъ намъ всѣ терпкія воспом

анія въ непамять пустити, а пользуючися случайностью въ полотѣ радостію наслаждатися.“ (Изъ статьи „Благодѣянія всевѣтлѣйшихъ австрійскихъ монарховъ и правительства ихъ для усиновъ.“ Въ „Галицкой Зарѣ“ за 1860 г., стр. 356). Это бразчикъ слога болѣе духовнаго человѣка. А вотъ отрывокъ зъ опредѣленія „головной рады“ русинскихъ патріотовъ въ 848 г., представляющій болѣе свѣтскій языкъ, какимъ пишутъ алицкіе публицисты: „*Заданьемъ* нашимъ буде розвивати и *носити* народность нашу во всѣхъ ея частехъ: *выдоскональньемъ* зыка нашего, *запровожденьемъ* его въ школахъ выжшихъ и изшихъ, *выдаваньемъ письмъ часовыхъ*, *утримованіемъ* корреспонденціи съ *письмянними* такъ нашими, якъ инными до *щепу* лавянскаго *належащими*“ и т. д.

Мудрено ли, что поляки ни за что не хотятъ признать такого языка самостоятельнымъ, ибо всѣ напечатанныя курсивомъ слова—полонизмы *).

Впрочемъ, въ Галиціи есть еще нѣсколько родовъ литературнаго языка. Во первыхъ, есть два рода стихотворнаго языка. Первый для предметовъ высокихъ, а потому подходящій къ церковному, хотя конечно на малорусской основѣ. Вотъ образчикъ такаго языка изъ „привѣтствія его высокопреосвященству Григорію барону Яхимовичу митрополиту галичской Руси“ въ „Галицкой Зарѣ“ на 1860 г. (церковныя и особенныя малорусскія формы и выраженія напечатаны курсивомъ, полонизмы отмѣчены въ скобкахъ).

Григорій Руси митрополитъ!
Вѣсть та помчалась *зъ* царской палаты
Въ русску *земмицю* (ziemica)—*зъ хаты до хаты*,
  И где лишь только она *вюститъ:*
Радость, веселье въ сердцахъ *заграе*,
  И восхищенья голосъ гремитъ:
Григорій Руси митрополитъ!

*) Замѣчательно, что когда въ Галиціи заведутъ споръ, поляки или русскіе, о русскомъ языкѣ, то почти всегда ведутъ его надъ литературнымъ галицко-русскимъ (см., напр., въ Bibl. Warszawska 1861 года, № 4-й, статью: Podobieństwo i różnica języka polskiego z ruskim, czyli wyrazniey rusińskim, objawionym w elementarzu, wydanym w Wiedniu 1857 roku). Между тѣмъ, еслибъ споръ велся надъ какою нибудь народной пѣснью или сказкою, то скорѣе бы привелъ къ положительному результату. Любопытно, впрочемъ, что недавно галицкій журналъ «Боянъ», перепечатавъ одну, вышедшую въ Москвѣ, брошюру, выразился такъ: «Языкъ, которымъ говоритъ и пишетъ Русь закордонная, ни що иное, якъ нашъ письменный, галицко-русскій» (!?).

А радость сильну внутри сердецъ—
Якъ же ю снести (znieść)—а но *явити?*
Русь ю *явила* и стала вити
Що есть найкрасшій въ свѣтѣ вѣнецъ
Вѣнецъ изъ цвѣтовъ, *котры* бъ не вяли
Хоть бы вѣками лѣта *минали.*
Цвѣтки тѣ родитъ сердце и умъ;
Русь уплела изъ нихъ *áльбумъ* *).

Въ стихотвореніяхъ такаго рода встрѣчаемъ часто формы въ родѣ „свѣжими краски", кованныя слова въ родѣ *украса* и т. п. Менѣе высокіе предметы воспѣваются языкомъ, представляющимъ смѣсь карамзинскаго съ малорусскимъ и польскимъ, какъ высокіе—смѣсь ломоносовскаго съ малорусскимъ.

Четвертый родъ языка мы видимъ въ тѣхъ произведеніяхъ галицкой литературы, которыя назначены непосредственно для народнаго чтенія. Эти писаны языкомъ, какимъ говоритъ народъ въ Галиціи. Такимъ образомъ пишется, напр., прибавленіе къ „Слову" подъ названіемъ: „Додатокъ Слова для громадъ." Вотъ отрывокъ изъ статьи: „Що ся стало въ Парижѣ" при № 45 „Слова" за 1862 г. (Мы тутъ подчеркиваемъ малорусскія слова и формы, несходныя съ нашимъ литературнымъ языкомъ).

„Подъ русскимъ царемъ есть *кусныкъ* Польши, *где аж* до недавна *була паньщина* и всяки *тягари.* Народъ тамъ *бувъ* бѣдный, *бо зъ* одной стороны шляхтичъ, зъ другой польскій ксензы-кляшторники *дерли* и *баламутыли* его, *ажъ доки* Господь Богъ, хотѣвши ихъ *укарати,* не отобравъ имъ розуму; коли *стратили* розумъ, *порвалися,* *буде* тому три *роки,* до бунту на русскаго царя" и. т п.

Только недавно и очень изрѣдка стали появляться въ Галиціи стихотворныя и другія литературныя произведенія, написанныя такимъ близкимъ къ народному языкомъ и складомъ. Изъ всѣхъ этихъ образчиковъ можно видѣть, что у галицкихъ писателей нѣтъ постояннаго и однообразнаго литературнаго языка и что онъ находится въ зависимости отъ привычекъ и отъ вліянія образцовъ, которые имѣются передъ глазами у галицкихъ писателей. Въ дѣтствѣ говорятъ они по селамъ по-малорусски, въ городахъ по-польски; духовное образованіе получаютъ по-церковно-славянски и по-латыни; въ наукѣ и политикѣ имъ приходится имѣть дѣло съ нѣмецкимъ и польскимъ языкомъ. Въ

*) Отмѣченныя здѣсь слова *емлица* и *снести* есть и въ русскомъ, но въ такомъ смыслѣ, какъ здѣсь, не употребляются. На послѣднемъ словѣ и удареніе поставлено польское.

сферѣ поэзіи имъ наиболѣе родственна наша литература ломоносовско-карамзинскаго періода. Потому-то духовныя сочиненія галицкихъ писателей отличаются церковно-славянщиной, публицистика и ученыя сочиненія—полонизмами, латинизмами и германизмами, свѣтская поэзія—ломоносовщиной и карамзинщиной, и ко всему этому они подмѣшиваютъ слова малорусскія и польскія. Формы измѣненій словъ почти всегда славяно-малорусскія. Замѣчательно, что одни и тѣ же лица пишутъ, напримѣръ, стихи языкомъ Ломоносова, а публицистическія статьи пестрятъ полонизмами. Только языкъ статей для народнаго чтенія представляетъ нѣчто цѣльное, несмѣшанное.

Чтобы вопросъ о языкѣ галицкихъ писателей (вопросъ, занимающій весьма сильно самихъ галичанъ) представился полнѣе, мы скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніяхъ его къ языку народа галицко-русскаго и языку нашихъ украинскихъ писателей. Вотъ для примѣра отрывокъ изъ галицко-русской пѣсни. (Подчеркиваемъ слова и формы, отличныя отъ нашего литературнаго языка).

Прилетила зозуленька (кукушка), тай стала ковати:
Ой *щось* я вамъ, добр*и* *люде*, мала *повидати*
Якъ вже гаи (луга) *зазеленили*, я до васъ *вертала* (сь).
Сила-*мъ* (сокр. есмь) *собі* въ темнимъ лісі, *трохимъ* (немного) *спочивала*.
Ажъ ту *разомъ* (вдругъ) щось *здудніло* (загудѣло), я ся *споглянула*
Яке-мъ диво *обачила* (увидѣла), *аже-мъ ся забула*.
А то панщину свобода передъ собов гнала,
Загнала *ю* въ ліси, въ дебры, *щобы* тамъ пропала и т. д.

Какъ видимъ, языкъ этой пѣсни почти совершенно тотъ, что языкъ нашихъ украинскихъ пѣсенъ. Вообще языкъ народа въ Галиціи лишь весьма мало уклоняется отъ языка въ нашей Малороссіи. Между этими уклоненіями болѣе выдаются любовь къ сокращенной, сходной съ церковно-славянскою, формѣ мѣстоименія: *тя, ся, ю;* отдѣленія почти постоянныя *ся* отъ глагола, сходны съ церковно-славянскимъ и польскимъ; любовь къ вспомогательному глаголу, свойственная тоже упомянутымъ языкамъ, напр. ходилисмо, читав-емъ, читав-есь и т. д., а также оригинальную форму творительнаго падежа на *овъ* вмѣсто *ою;* въ такомъ родѣ попадаются иногда въ великой Руси въ областныхъ нарѣчіяхъ отдѣльныя слова, въ родѣ *домовъ* вмѣсто *домой*.

Съ языкомъ пѣсенъ южной Руси сходенъ и языкъ нашихъ

украинскихъ писателей, какъ видно напр. изъ слѣдующаго отрывка изъ Шевченка:

По улыці по підъ *тынню* (плетнями)
Вдова *шкандибае* (хромая идетъ),
Підъ *дзвіницю*, сердешная,
Руки *простягати*
До тихъ самихъ, до богатыхъ,
Що сына въ солдаты
Позаторікъ (третьяго года) *заголили* (забрили)...
А думала жити,
Хочь на старость у невістки
Въ добрі одпочити...
Не довелось... *Выблагала*
Тую копій*чину*
Та *Пречистій* поставила
Свічечку за сына.

Совершенно такимъ же языкомъ пишутъ и писали малороссійскіе прозаики, напр. Марко-Вовчокъ, Квітка и т. п. *).

Сравнивая образцы литературной рѣчи галицкой, украинской и языка народнаго въ Галиціи и Малороссіи, мы приходимъ къ тому вопросу, который особенно интересовалъ всегда какъ польскихъ, такъ и русскихъ писателей въ Галиціи, именно вопросу о томъ, что такое русскій языкъ въ Галиціи и Малороссіи? Какъ мы уже упоминали выше, вопросъ этотъ въ высшей степени запутанъ. Запутанность его происходитъ оттого, во-первыхъ, что споръ ведется надъ галицкимъ литературнымъ языкомъ, который представляетъ самъ по себѣ мѣшанину, а во-вторыхъ оттого, что въ средѣ самихъ грамматиковъ галицкихъ нѣтъ точныхъ научныхъ представленій о томъ, что такое русскій языкъ вообще, и южно-русскій и галицко-русскій въ частности. Галицкія грамматики по характеру сходны съ нашими до-ломоносовскими, когда не отличались формы и реченія церковно-

*) Во время разгара украинскаго движенія, въ нашей литературѣ сдѣланы были попытки педагогическихъ, публицистическихъ и даже ученыхъ статей на украинскомъ языкѣ. Эти попытки были слишкомъ малочисленны для того, чтобъ можно было составить особый родъ литературнаго языка. Можно замѣтить о нихъ слѣдующее: языкъ опыта популярнаго изложенія наукъ ничѣмъ почти не отличался отъ языка народныхъ пѣсень и писателей въ родѣ Шевченка и Вовчка. Языкъ же корреспонденцій, опытовъ критики и науки въ «Основѣ» лексически былъ народно-малорусскій, но по складу являлся переводомъ съ господствующаго литературнаго. Очевидно, что авторы думали на литературномъ языкѣ (какъ галицкіе публицисты по-польски или по-нѣмецки) а только усиливались писать по-малорусски.

славянскія, южно-русскія и великорусскія, вошедшія въ тогдашній языкъ литературный. Оттого сужденія галицкихъ грамматиковъ отличаются субъективностью и такъ измѣнчивы: они соединяютъ формы церковныя и народныя, то съуживаютъ понятія о русскомъ языкѣ до понятія о галицкомъ литературномъ, то расширяютъ до южно-русскаго, то отождествляютъ съ нашимъ господствующимъ литературнымъ языкомъ (такая же неопредѣленность понятій проявилась у членовъ Матицы галицкой, когда предполагалось написать исторію Руси). Путаница увеличивается тѣмъ, что галичане измѣняютъ понятія о русскомъ языкѣ сообразно политическимъ обстоятельствамъ. Оттого твердой основы для рѣшенія спора слѣдуетъ искать не въ Галиціи. Наши филологи, по слѣдамъ знаменитостей славянской филологіи, давно уже пришли къ твердому понятію о томъ, что такое должно разумѣть подъ словами *русскій языкъ*. На стр. 4-й грамматики Буслаева мы находимъ, что русскій языкъ должно понимать, какъ совокупность признаковъ трехъ нарѣчій его: великорусскаго, малорускаго и бѣлорусскаго. На стр. 5-й г. Буслаевъ говоритъ: „Въ исторіи языка то нарѣчіе выступаетъ передъ прочими, которое принадлежитъ средоточію государственной власти. Изъ нарѣчій русскаго языка преимущественно передъ прочими образовалось великорусское, которое и называется языкомъ русскимъ въ отличіе отъ малорусскаго и бѣлорусскаго.“ Изъ этихъ словъ видно, что филологія различаетъ понятія о русскомъ языкѣ — родовое и видовыя. *Народный языкъ въ великой, малой и бѣлой Руси одинаково русскій, и общее родовое понятіе о русскомъ языкѣ составляется изъ отвлеченія общихъ признаковъ всѣхъ этихъ языковъ.* Только съ такими точными, строго-научными понятіями и можно произнести не субъективный приговоръ надъ тѣми образчиками языка, какіе мы привели выше. Мы увидимъ, что языкъ народа и въ Галичѣ будетъ русскій, хотя въ немъ есть слова и обороты, отличные отъ литературнаго языка и сходные съ польскимъ. Сходство словъ и формъ въ родственныхъ языкахъ еще вовсе не есть заимствованіе. Сходство нѣсколькихъ формъ въ языкѣ родственныхъ народовъ, въ языкахъ народныхъ еще не говоритъ въ пользу тождества языковъ, ни даже въ пользу заимствованій. Противъ этого правила погрѣшаютъ больше всего польскіе писатели. Многіе польскіе ученые, замѣтивъ сходныя съ польскими слова и формы въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ (Вишневскій и

Мацієвскій) и въ Несторѣ (Бартошевичъ), произвольно вывел, будто эти памятники или писаны на нарѣчіи польскаго языка, или будто польское вліяніе было очень сильно на тогдашнюю Русь *). Почти всѣ польскіе писатели, особенно публицисты, толкують о томъ, что южнорусскій и бѣлорусскій языки суть виды польскаго или по крайней мѣрѣ сильно полонизированы. Для того, чтобъ опредѣлить заимствованіе слова однимъ языкомъ изъ другаго, мало одного сходства словъ, надо сравнить эти слова въ цѣлой семьѣ языковъ, надо обратить вниманіе на корень слова: тогда окажется, быть можетъ, что сходство словъ происходитъ вовсе не отъ заимствованія, а отъ общаго происхожденія языковъ, отъ общаго древняго корня. Такъ напр., если *деревня* будетъ по-бѣлорусски *вюсь*, какъ и по-польски wieś, такъ она вѣдь будетъ и по церковно-славянски *весь*, а какъ церковно-славянскій языкъ не могъ очевидно занять этого слова у польскаго, то не долженъ былъ занять его и бѣлорусскій; если напр. *кузнецъ* будетъ по-малорусски и по-польски *коваль*, то вѣдь глаголъ ковать есть и въ великорусскомъ языкѣ, есть въ немъ и производственная форма на *аль* (враль); если въ малорусскомъ языкѣ есть, напримѣръ, сходная съ польскимъ форма глагола *маю идти*, то она есть и въ церковномъ языкѣ (имѣти имаши сокровище на небеси); наконецъ, удержаніе вспомогательнаго глагола въ малорусскомъ производитъ форму будущаго *робытиму* (робити иму), которой нѣтъ ни въ церковномъ, ни въ польскомъ языкѣ и т. д. Касательно отношенія южнорусскаго языка къ польскому, слѣдуетъ обратить вниманіе еще на два обстоятельства. Языкъ, какимъ говорятъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, почти не отличается отъ языка правобережной Украйны и Галиціи; если правобережная Малороссія и подвергалась польскому вліянію, то вліяніе это на лѣвобережную малороссію было совершенно незначительно, ибо еще въ концѣ XVI вѣка тамошнее дворянство сохраняло русскую вѣру и языкъ, а уже въ половинѣ XVII вѣка оно было изгнано казацко-крестьянскимъ возстаніемъ, и край былъ присоединенъ къ Россіи; понятно, что въ какія нибудь 40—50 лѣтъ языкъ всего народа подъ вліяніемъ нѣсколькихъ аристократическихъ фамилій не могъ измѣниться

---

*) Вотъ нѣсколько примѣровъ, на которыхъ упомянутые писатели основываютъ свои выводы: *Земь*—земля, *лѣпо*, *слънце*, *дѣ(я)ти яко*, *чи*, *незнаемый*, *тридесять*, *писано есть*, *взялъ будетъ* и т. п.

сколько нибудь значительно. Во вторыхъ, изученіе обломковъ старо-новгородскаго нарѣчія показываетъ большое сходство его съ южно-русскимъ; такъ, напримѣръ, въ объяснительной статьѣ Даля къ его „Толковому словарю живаго великорусскаго языка“ приведенъ длинный рядъ словъ изъ нарѣчій архангельскаго, вологодскаго, пермскаго, вятскаго и т. д., сходнымъ съ малорусскими,—и замѣчательно, что весьма многіе изъ этихъ словъ есть и въ польскомъ *), а какъ несомнѣнно, что польскій языкъ не могъ вліять на вологодскую напр. губернію, то и въ южнорусскомъ эти слова образовались помимо польскаго вліянія. Несомнѣнное заимствованіе малорусскимъ языкомъ изъ польскаго видно только въ словахъ случайныхъ, словахъ быта панско-лакейскаго, да еще заимствованы многія слова быта ремесленнаго и юридическаго, которыя въ свою очередь взяты польскимъ изъ нѣмецкаго или латинскаго, напр., *лыхтарь* (фонарь), *рада* (совѣтъ);—но такія слова по большей части заимствованы и въ русскомъ языкѣ, то изъ нѣмецкаго, то изъ греческаго и татарскаго, напр. *ратуша*, *фонарь*, *ямщикъ* и т. д.

Къ такому заключенію приводитъ серьезное, сравнительное изученіе южно-русскаго нарѣчія. Къ такому заключенію и пришли всѣ почти русскіе филологи, напр.: Максимовичъ, Даль, П. Лавровскій. Послѣдній, которому принадлежитъ самый полный „Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго, сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями“ (въ „Журналѣ Минист. Народ. Просв.“ 1859 г. № 6) говоритъ объ отношеніяхъ малорусскаго нарѣчія къ польскому: „было бы безуміемъ не признавать нарѣчіе малорусское, какъ самостоятельное нарѣчіе въ ряду остальныхъ славянскихъ, и притомъ *отстоящее отъ польскаго*, за исключеніемъ вдавленныхъ временнымъ и случайнымъ польскимъ господствомъ словъ, системою звуковъ и развитіемъ этимологическихъ формъ *также далеко, какъ каждое нарѣчіе юго-восточное отъ нарѣчій сѣверо-западныхъ*.“

Такимъ образомъ, по приговору нашихъ лучшихъ филологовъ, *народный южно-русскій языкъ въ Украйнѣ и въ Галиціи есть языкъ*

---

*) Вотъ нѣсколько для примѣра: *новгор. почекать* (подождать), *черевики* (башмаки), *тверск. трохи* (немного), *сподобать* (полюбить), *досить* (довольно), *шкода* (порча), *ховать* (прятать), *сопсовать* (испортить), *олонецк. робить* (дѣлать), *вологод. бажи(а)ть* (ожидать), *добродій*, *смаковать*, *завсе* (всегда), *заразъ* (сейчасъ) и т. п.

русскій, совершенно отличный отъ польскаго. Этотъ критерiумъ приложимъ теперь къ приведеннымъ выше образчикамъ. За полонизмъ будемъ брать только тѣ сходства языка въ этихъ образчикахъ съ польскимъ, какихъ нѣтъ въ народномъ языкѣ. Образчикъ народной пѣсни галицкой—будетъ русскій; таковъ же будетъ образчикъ статьи изъ Додатка къ Слову, образчикъ языка Шевченки, Марка Вовчка и Квітки. Образчики стиховъ галицкихъ, по своимъ составнымъ частямъ, русскіе уже почти только на половину; но и эта половина языка искусственная, а не живая, ибо такимъ языкомъ (смѣсью ломоносовскаго съ малорусскимъ) никто нигдѣ въ русскомъ мірѣ не говоритъ. Наименѣе русскими будутъ образчики прозы галицкой. Изъ нихъ русскіе будутъ только отчасти фонетика и отчасти формы, складъ же рѣчи и множество словъ и формъ будутъ или церковно-славянско-латинскія или польскія. Въ послѣднее время въ Галиціи многіе стали приближать свой языкъ къ нашему литературному языку, не оставляя, впрочемъ, привычекъ того языка, котораго образцы мы привели. Такимъ образомъ явился еще одинъ мѣшанный языкъ, образцы котораго встрѣтитъ читатель ниже.

Волынецъ.

(Спб. Вѣд.)

ПОНИМАНІЕ РЕЛИГІИ И ОТНОШЕНІЕ ЕГО КЪ НАРОДНОМУ РАЗВИТІЮ.

Религія, подобно живительному свѣтилу, ведетъ народы по пути ихъ развитія, и смотря потому, какъ они къ ней относятся, и какъ назначено имъ промысломъ въ исторіи судебъ, одни изъ нихъ исчезаютъ, не оставляя часто въ исторія слѣда, другіе живутъ и перерождаются въ новую жизнь, для новой дѣятельности на поприщѣ міровыхъ событій.

Исторія XVIII столѣтій ясно доказываетъ, что только спокойная проповѣдь безъ насилія давала прочное христіанство народамъ, такъ что они при свѣтѣ его становились твердо на путь просвѣщенія и достигали нужнаго развитія. Примѣръ мучениковъ первыхъ временъ христіанства гораздо болѣе привлекалъ къ истинѣ, чѣмъ нескончаемый рядъ костровъ, залившихъ Европу, которыми *святая* инквизиція наложила кровавую печать на исторію среднихъ вѣковъ.

Папы римскіе, пользуясь духомъ времени, начали пріобрѣтать власть на западѣ не силою самоотверженія въ пользу человѣчества, а жаждою власти. Войны гвельфовъ и гибеллиновъ были не иное что, какъ усиліе папства высвободиться изъ подъ власти императоровъ. Первосвященникъ церкви вдругъ препоясывалъ мечъ, какъ король, вмѣсто всепрощенія подписывалъ неимовѣрныя казни—бросалъ изъ Ватикана на непокорныхъ громы проклятій,—и коронованныя главы принуждены были склонять смиренное чело, на которое, въ чувствѣ побѣды, папа наступалъ твердой ногою.

Но, для упроченія власти и для огражденія себя отъ суда будущихъ поколѣній, нужно же было составить извѣстный кодексъ, который бы оправдывалъ отношенія духовенства къ народу, очертилъ кругъ власти первыхъ и степень рабства послѣднихъ; особенно это было необходимо, когда короли перестали склонять головы къ стопамъ папъ, а народъ принималъ хладнокровнѣе воззванія къ низверженію государей посредствомъ экскомуникъ и проклятій. Изъ накопившейся вѣками тьмы буллъ, бреве, аллокуцій, проклятій и посланій составлялось вѣками изобрѣтательнымъ умомъ различныхъ орденовъ каноническое римское право, которое дѣйствительно сдѣлалось теперь камнемъ преткновенія и даже адскія силы съ трудомъ теперь могли бы преодолѣть его.

Главнымъ догматомъ каноновъ почитается то, что папа самъ собою составляетъ церковь: „nomine Ecclesiae intelligitur Papa." Пока общій составъ каноновъ не достигъ своихъ полныхъ размѣровъ, до тѣхъ поръ власть духовенства колебалась, папы были низвергаемы королями или возводимы вдругъ по три и по пяти одновременно, въ разныхъ пунктахъ, соотвѣтственно тому, что изъ нихъ къ какой партіи принадлежалъ: Гвельфовъ ли или Гибеллиновъ. И въ этой продолжительной борьбѣ, народъ мало понимавшій событія, не зналъ, гдѣ его церковь и гдѣ религія. Наконецъ соборъ тридентскій наложилъ печать святости на каноны, вѣками составлявшіеся въ пользу папства, такъ что послѣ этого они получили санкцію божественныхъ законовъ.

Спрашивается затѣмъ: сколько во всѣхъ этихъ усиліяхъ умовъ іезуитскихъ принимаетъ участіе самая религія,—религія святая, которой законъ кротокъ, исполненъ милости и человѣ-

колюбія? Іисусъ Христосъ, апостолы и мученики собстве
ною кровью запечатлѣли тѣ спасительныя истины, котор
кроются въ догматахъ религіи. Мѣры, принятыя 1) католици
момъ, имѣли въ виду не развитіе и просвѣщеніе народовъ,
только усиленіе въ Римѣ владычества папъ, въ епархіяхъ еп
скоповъ, въ приходахъ ксендзовъ. Люди со здравымъ умо
и доброй волей, поставлявшіе свое чело на защиту правъ св
его народа, были признаваемы за еретиковъ, гнили въ зам
св. Ангела и въ мавританскихъ башняхъ или сожигались
кострахъ или, наконецъ, успѣвши бѣжать въ свое отечество
найдти единомысленниковъ, составляли на новыхъ началахъ н
зависимую отъ папства церковь.

Взгляните на обширную сѣть латинства, тамъ всѣ безуста
но работаютъ, но въ пользу ли счастья и просвѣщенія нар
довъ?—нѣтъ! Всѣ силы напряжены въ пользу папства. Сосчи
тайте монаховъ въ какомъ угодно католическомъ краѣ—эту па
скую милицію,—и вы убѣдитесь, что ни одно правительств
въ Европѣ не имѣетъ столь зоркихъ наблюдателей за образом
мыслей міранъ и свѣтскаго духовенства. Спросите каждаг
ксендза, какое назначеніе монаховъ? Они скажутъ, что это до
смотръ за епископами. Само собою разумѣется, что это н
въ Россіи, гдѣ папа считается только римскимъ патріархом
а глава церкви Самъ Іисусъ Христосъ—установитель христіан
ской религіи, а не римскаго каноническаго права.

Объемъ нашего письма не дозволяетъ намъ подробно объ
яснить сомнительныя заслуги папства для человѣчества. В
церковной исторіи ничего болѣе не найдете, кромѣ исторіи уси
ленія владычества папы, которое оспаривали кровью частны
лица и цѣлыя государства—и кровавые споры эти развѣ был
вызваны сомнѣніями въ догматахъ религіи? Нисколько! главну
роль всегда играла безпредѣльная, всепоглощающая власть па
пы. Нынѣшнія событія показываютъ, какую блистательну
роль принимаетъ на себя Италія въ судьбѣ народовъ; и можно
напередъ гадать, какой благодарственный памятникъ воздвиг
нетъ человѣчество этой странѣ за борьбу ея съ папствомъ при
распаденіи обветшалаго его зданія.

Ни одна корпорація не принесла столько услугъ папству,
сколько орденъ іезуитовъ. Дѣятельность ужасающая; богатства

1] Вездѣ, гдѣ употребляется слово: католицизмъ, можно разумѣть римскій католицизмъ.

неисчерпаемыя, изобрѣтательность изумительная, ловкость неимовѣрная, настойчивость труда несломимая: нѣтъ задачи, предъ которой останавливался бы ученикъ Лойолы,—и все это для того, чтобъ упрочить владычество папы. Исторія ордена іезуитовъ сопряжена въ каждомъ народѣ, которымъ успѣлъ онъ завладѣть, съ ужасающими воспоминаніями, и акустическое устройство конфессіоналовъ, скважины во всѣхъ стѣнахъ, полахъ и потолкахъ храмовъ сами собою говорятъ о кротости и скромности іезуитовъ. Сойдите въ кляшторныя сутерени,—вы тамъ увидите машины, какія могъ только адскій умъ устроить для изувѣченія невинныхъ страдальцевъ, найдете тамъ все то, что *святая* инквизиція оставила на память человѣчеству: колеса, иглы, щипцы, блоки, короны,—все, что можетъ привести въ ужасъ мысль человѣческую, приводилось въ дѣйствіе съ свирѣпымъ хладнокровіемъ, при общемъ совѣтѣ отцовъ ордена, особенно если жертва препятствовала обществу присвоить милліоны.

Ни одинъ народъ такъ больно не почувствовалъ вліянія іезуитовъ, какъ Польша. Польша должна стыдиться своего рабства папамъ и іезуитизму; для того она и покрываетъ молчаніемъ эту печальную сторону своей исторіи. Однакожъ нужно когда нибудь сказать себѣ правду. Какую пользу принесъ орденъ іезуитовъ вѣковому образованію молодаго поколѣнія Польши?—Правда, каждый зналъ отлично Альвара и языкъ латинскій; но за всѣмъ тѣмъ іезуиты привили Польшѣ, какъ оспу, ненависть къ Россіи и единоплеменнымъ народамъ славянскимъ и поставили ее во враждебныя отношенія къ нимъ, между тѣмъ какъ родственная связь ихъ могла бы послужить основаніемъ могущества, предъ которымъ трепетала бы Европа. Каждый дворъ магната былъ подъ надзоромъ капеллана іезуита, всѣми силами поддерживавшаго планы невидимаго государства, представляемаго генераломъ ордена. Отчего возникла унія, казацкія войны и вся эта кровавая исторія, окончившаяся совершеннымъ паденіемъ Польши? Отчего всѣ сеймы не привели къ благопріятнымъ странѣ результатамъ? Оттого, что программы сеймовъ диктовались съ той стороны, которой не было дѣла до интересовъ Польши. Іезуитизмъ тѣснилъ Польшу все на западъ, отклоняя ее отъ единства съ Россіею и прочими племенами славянскими, для того, чтобы сдѣлать изъ нея плотную стѣну противъ вторженія въ Европу турокъ. Такимъ об-

разомъ погибъ подъ Варною Владиславъ, такъ пролита бы кровь подъ Вѣною—для защиты нѣмцевъ, которые сей часъ вытѣснили своихъ освободителей голодомъ. Отчего не дано бы устроиться Польшѣ у себя? Потому что папы постоянно гна народъ будто на защиту христіанства, провозглашая круціяты обирая деньги и разсыпая вмѣсто ихъ щедрою рукою индул генціи.— Царствованіе Сигизмунда III, Владислава IV, Я Казиміра, не было ли напряженнымъ движеніемъ народа в вредъ самому себѣ? Племенное родство указывало Польш слиться съ Россіею въ одно сильное государство: іезуиты ра зорвали братскую связь двухъ кровныхъ народовъ; но неиз мѣнная воля Провидѣнія наконецъ соединила ихъ въ вѣково ихъ единство. Римскій папа до сего времени своими энцикли ками воспламеняетъ умы поляковъ противъ Россіи; но нельзя не видѣть, на сколько полезно для Польши вліяніе папы, и на сколько силенъ кредитъ его въ католическихъ странахъ. Петръ Скарга, ловкій дипломатъ, понимавшій отлично духъ своего времени, предсказалъ раздѣлъ Польши въ нынѣшнихъ ея границахъ; поляки, слушая это, провозгласили его пророкомъ; почему жъ онъ не обратилъ взоръ своего народа въ ту сторону, куда его направляла самая судьба и племенная связь?

Совсѣмъ другой характеръ представляетъ намъ исторія Россіи. Самая обширная отрасль племени славянскаго сосредоточилась въ себѣ—и, отдѣлившись отъ схоластическаго образованія западныхъ державъ, разработывала у себя принципъ собственной національности. Христіанская православная вѣра, чуждая германизма, не стѣсняемая гибельнымъ вліяніемъ іезуитовъ и папскаго владычества, сливаясь съ понятіями народа охраняла русскій народъ отъ всѣхъ тѣхъ вѣковыхъ катаклязмовъ, которые, волнуя Польшу, приготовили наконецъ ея совершенное разложеніе.

Лучь христіанства въ одно почти время проникъ какъ въ Россію, такъ и въ Польшу. Громадное племя славянъ, которому, какъ видно по всему, суждено играть значительную роль на поприщѣ будущихъ вѣковъ, въ своемъ развитіи восходитъ къ одному началу. Преданія говорятъ, что св. Андрей апостолъ проповѣдывалъ христіанскую вѣру у славянъ. Моравскія новины за 1860 г. даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о заслугахъ для народовъ славянскихъ св. Павла апостола: самъ апостолъ въ посланіи къ римлянамъ говоритъ, что онъ пронесъ слово

вангелія отъ Іерусалима до Иллиріи. Извѣстно изъ исторіи, что Иллирія простиралась отъ Дуная до Адріатическаго моря, была первою осѣдлостью славянъ. Извѣстно и то, что мирные славяне, вытѣсненные отсюда кочующими племенами, поселились при Карпатахъ, большая же часть ихъ возвратилась въ прежнее свое мѣстопребываніе и основала небольшія государства Славоніи, Хорватовъ, Далматовъ, Босніи, Сербіи, Болгаріи и т. д. Кромѣ того св. апостолъ Павелъ выслалъ къ славянамъ, то есть въ Далматію, ученика своего св. Тита. И св. Титъ, какъ епископъ критскій, распространялъ христіанство въ Далматіи, Иллиріи и Панноніи, откуда произошли св. Іеронимъ стридонскій 330 года, папа Іоаннъ IV въ Сіаніи 639 г., императоръ Юстиніанъ 527 г., Велизарій, и т. д. Наконецъ христіанская церковь въ Ѳессалоникѣ или Солуни, основанная св. Павломъ, дала намъ въ послѣдствіи святыхъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія.

Все это относится и къ Польшѣ. По стариннымъ преданіямъ, св. Іоаннъ и Павелъ явились Пясту Коладзѣю или Кошиковичу и окрестили его. Польша затѣмъ развивалась наравнѣ со всѣми славянскими племенами. Мечиславъ 1-й былъ крещенъ съ народомъ по обряду славянскому, принесенному чешскими апостолами. Но пропаганда св. Войцѣха и общая сила тяготѣнія на западъ заставили примкнуть Болеслава Храбраго къ германскому началу; коронація его Оттономъ III., блескъ королевскихъ почестей, услужливость папъ, распространеніе индульгенцій нѣмецкими ксендзами, измѣнили въ Польшѣ характеръ славянскій и вооружили ее противъ Россіи. Здѣсь первое начало борьбы между Россіею и Польшею, которая велась въ продолженіи вѣковъ,—борьбы, которой не въ силахъ были ослабить ни племенныя связи, ни обоесторонніе трактаты, ни безчисленныя жертвы, принесенныя съ той и другой стороны въ пролитой братней крови,—жертвы, которыя даже и въ настоящее время едва успѣваютъ убѣдить, что Польша и Россія связаны на вѣкъ самою судьбою, и что идти противъ нея, значитъ только тратить время и силы.

Кстати здѣсь спросить защитниковъ латинства, сколько Польша пріобрѣла на западѣ отъ германскаго элемента и что потеряла отъ разъединенія своего съ Россіею нетолько въ могуществѣ политическомъ, но и въ умственномъ народномъ развитіи? Когда всѣ единокровныя племена германскаго и рим-

скаго начала сосредоточивались для общей силы въ одно цѣлое, приводя къ очисткѣ и разработкѣ національный языкъ, Польша какъ нарочно стремилась къ чуждому принципу римскому, куда ее гнало схоластическое богословіе. Какая для ней польза, что ученые епископы, проживая въ Римѣ, писали латинскіе трактаты,—между тѣмъ какъ народъ въ грубомъ невѣжествѣ стоналъ подъ гнетомъ пановъ? Просвѣщенію народа не способствовало ни богослуженіе, ни обряды, исполняемые на чуждомъ, непонятномъ латинскомъ языкѣ, и народъ почти совсѣмъ лишенъ былъ христіанскаго образованія.

Самыя счастливыя времена для Польши были подъ скипетромъ Ягеллоновъ, потому что элементы русскій, польскій и литовскій равно преобладали во всѣхъ сферахъ общества; это, какъ нельзя больше, могло бы способствовать соединенію и всѣхъ остальныхъ племенъ въ одно могущественное государство, если бы не помѣшали тому неумѣстныя услуги папства и іезуитовъ, подготовившихъ ожесточенную войну въ XVII столѣтіи, откуда и начинается finis Poloniae.

Извѣстно, что польская аристократія родъ свой ведетъ отъ князей или литовскихъ, или русскихъ; это фактъ, не требующій доказательствъ. Что же касается прочихъ фамилій, то не угодно ли прослѣдить „Monografie historyczno-genealogiczne niektórych rodzin polskich przez Stanisława Kossakowskiego—Tom 2i“—Показано здѣсь болѣе ста фамилій происхожденія русскаго, какъ напримѣръ: фамиліи Бѣловоровъ, Бржостовскихъ, Бутлеровъ, Халецкихъ, Чацкихъ, Ходкевичей, Черскихъ, Четвертинскихъ, Чуриловъ, Юдицкихъ, Колаковскихъ, Красинскихъ, Ледоховскихъ, Любомирскихъ, Любенскихъ,Потоцкихъ,Монюшковъ, Олизаровъ, Тышкевичей, Тызенгаузовъ, Сѣмашковъ, Киселей, Паушовъ, Ельцовъ,Немировичовъ, Быковскихъ, Солтановъ, Князевъ, Капустовъ, Кмитовъ, Чернобыльскихъ, Волчкевичей, Суриновъ; нѣкоторыя изъ этихъ фамилій долгое время сохраняли обряды православной церкви, пока при Сигизмундѣ III не были іезуитами присоединены въ латинство. Что касается графскихъ титуловъ, то это изобрѣтеніе принадлежитъ дарственной хартіи австрійскихъ императоровъ въ XVII столѣтіи. И въ то время число ихъ было въ Польшѣ весьма ограниченное: Тарновскіе, Ходкевичи, Оссолинскіе, Фирлеи, не считая титуловъ конвертныхъ, полученныхъ въ Галиціи за 300 рублей.

Сообразивъ вышесказанное, видимъ, что стремленіе Поль-

ı къ западному устройству и образованію было противно на-дному характеру,—и на сколько Польша отставала отъ Рос-ı, на столько теряла свою автономію и дѣлалась страною ла-нско-нѣмецкою, дѣйствуя въ ущербъ собственной силѣ и раз-тію. Это, несвойственное духу народа, направленіе глав-ıмъ образомъ дано было ему его польскимъ духовенствомъ. Латинское духовенство въ Польшѣ мало заботилось о томъ, обы всѣ формы нравственной жизни народа, его бытъ, его разованіе и развитіе были таковы, чтобы выходили изъ его иродназо характера, и отражались бы какъ въ общественной зни, такъ и въ частной каждаго семейства. Извѣстно изъ оникъ, что до XVI столѣтія ксендзы польскіе были женаты; ке встрѣчаемъ у Самуила Бандке такой крупный примѣръ, о Гедеонъ, епископъ краковскій въ XIII столѣтіи, былъ же-тый. Но іерархическое направленіе среднихъ вѣковъ дало угой оборотъ дѣламъ церкви, хотя вообще осталась таже стема двуличности: вошло въ правило дѣйствовать въ ущер ъ авительству, лишь бы не попасть въ его немилость. При омъ нравственное развитіе народа было совершенно упущено ь виду. Епископы заняты рѣшеніемъ однихъ соціальныхъ просовъ, выдаютъ индульты на постъ, дозволяютъ пріоб-иться безъ исповѣди, разрѣшаютъ разводы и т. д. Въ пропо-дяхъ выдвигаютъ догматы и проклинаютъ ереси, о которыхъ мять хранится только въ исторіи: манихеевъ, аріанъ, моно-зитовъ и т. д. Народъ, между тѣмъ, жаждущій чистой Хри-овой истины, выходитъ изъ костела, не понимая, о чемъ го-рилъ ксендзъ на амвонѣ. Привыкши вѣрить безпрекослов-, онъ смотритъ на обряды латинства, какъ глухой относится звукамъ музыки, которая ему не можетъ быть понятна. Са-е положеніе ксендзовъ въ обществѣ такъ очерчено канонами, о нѣтъ случая, въ которомъ бы ему нельзя было дѣйствовать pro и contra. Костелъ у нихъ стоитъ выше всѣхъ догматовъ, какъ сказалъ одинъ писатель, „они для костела готовы от-чься отъ самаго Бога."

Извѣстный французскій журналъ давно уже обращался къ тинскому духовенству, совѣтуя оставить игры и приняться образованіе народное, не по книгамъ, въ которыхъ напеча-ны проповѣди на круглый годъ, а живымъ словомъ, чтобы днять въ народѣ человѣческое достоинство, указать ему путь тины и его назначеніе въ мірѣ. Между тѣмъ одни изъ ксен-

дзовъ пишутъ повѣсти; тѣ, которые не умѣютъ писать, морочатъ умы каноническою кабалистикою, выдавая ее несвѣдущимъ за законъ Божій. Обыкновенно довольствуются тѣмъ, чтобы ксендзъ умѣлъ отслужить обѣдню и прочелъ проповѣди по листкамъ, выдернутымъ изъ книги,—такой будетъ глубоко почитаемъ, какъ ученый. Многіе думаютъ, что народъ, живущій на провинціи, до того простъ и теменъ, что не пойметъ значенія религіи и не перейдетъ къ исповѣданію, въ которомъ отчетливѣе указаны обязанности его къ религіи, къ государю и отечеству.

Государь Императоръ сдѣлалъ для духовенства латинскаго даже болѣе, чѣмъ для православнаго. Оставлена ему полная свобода дѣйствій въ границахъ своего исповѣданія. Требуется отъ духовныхъ только добросовѣстное исполненіе обязанностей, возложенныхъ на нихъ религіею. Чѣмъ же духовенство вообще отблагодарило Государя за эту свободу въ дѣйствіяхъ? Воплемъ на мнимое преслѣдованіе католицизма 1).

Да не подумаютъ, что вражда латинства къ Россіи возникла изъ правительственныхъ распоряженій послѣдняго времени и что бы мѣры принятыя русскимъ правительствомъ не были справедливы? Со стороны правительства ничего другаго не видно, кромѣ терпѣнія, снисхожденія и дѣйствій, имѣющихъ въ виду примиреніе. Въ чемъ же искать причинъ всѣхъ интригъ и неудовольствій? Не въ нарушеніи ли догматовъ и обрядовъ церкви? Ни чуть не бывало! Чтобы дать отвѣтъ на заданный вопросъ, намъ нужно было бы пуститься въ темный лабиринтъ свѣдѣній о лицахъ, недоброжелательныхъ всякому правительству, стремящемуся освободить народное развитіе отъ вредныхъ вліяній.

Если кто вспомнитъ безграничную власть іезуитовъ и громадныя богатства латинскихъ епископовъ,—сенаторовъ древней Польши, и вдругъ увидитъ духовенство въ границахъ чисто религіозной дѣятельности; если взглянетъ, какъ вредное вліяніе духовенства уменьшается и переходитъ въ руки свѣтской власти, тотъ пойметъ причину, почему ксендзы враждебно относятся къ влас ти, содѣйствующей всеобщему развитію на началахъ народныхъ.

Духовенство р. католическое ничего несдѣлало, чтобы пріоб-

1) Личнымъ уч астіемъ въ бунтахъ—тожъ. Ред.

рѣсть себѣ ту силу Духа Св., какою владѣли первые христіанскіе пастыри. Мало по малу ксендзы упустили всѣ жизненные вопросы, близкіе сердцу народа, не указали ему, въ чемъ состоитъ истинная религія, не подтвердили того собственнымъ чувствомъ и пониманіемъ религіи. Напротивъ, духовенство давало народу, вмѣсто религіи, безжизненные параграфы каноническіе, рожанцы и коронки вмѣсто молитвы—и бросаетъ теперь въ народъ гнѣвъ неба и проклятія Ватикана вмѣсто спокойнаго увѣщеванія къ добру, за то, что народъ инстинктомъ самъ стремится къ истинѣ. Исторія давно выставляетъ на видъ р. католическому духовенству, что его религія сдѣлалась абстракціей для народа.

Послѣ всего этого нечего удивляться, что благодать перешла въ мертвую букву, и что власть свѣтская подбираетъ жизненные вопросы народа. Потерявъ сами благотворное вліяніе на массы народа, ксендзы перешли въ блистательные салоны для бесѣдъ піетизма и идеологіи, а правительство, оплативъ кровью судьбу народа, приняло его подъ свою защиту. И оживленный взаимностью человѣкъ душою прилегаетъ къ той вѣрѣ, которая всегда готова подать ему слово утѣшенія, указывая въ религіи воспрещеніе. И чья же вина, что самяранинъ и нынѣ поднимаетъ страдальца и оказываетъ помощь ему, а ксендзы равнодушно проходятъ мимо!

Викентій Стройновскій.

ЕЩЕ ОДНО СРЕДСТВО КЪ ОБЪЕДИНЕНІЮ СЛАВЯНЪ.

Мысль о принятіи славянами одного научнаго языка, именно языка русскаго, не смотря на множество другихъ жгучихъ вопросовъ, волнующихъ, въ настоящее время, умы западныхъ и южныхъ славянъ, все таки не лишилась вниманія этихъ послѣднихъ.

Мы упоминали уже о возраженіи, какимъ отличилась по этому вопросу одна изъ сербскихъ газетъ. Конечно, возраженіе вышло въ отрицательномъ смыслѣ, но такъ-какъ не приведено къ свѣдѣнію ни одно доказательство, способное поддержать мысль о невозможности предполагаемаго нами *условнаго объединенія* славянъ, или же мысль о несовмѣстности этого послѣдняго съ даль-

нѣйшимъ развитіемъ славянскихъ нарѣчій, на основаніи которыхъ славянскія племена привыкли—разумѣется, несправедливо—считать себя совсѣмъ отдѣльными, самостоятельными народами, въ самомъ пространномъ значеніи этого слова,—то мы ни чуть не убѣдились въ несостоятельности нашей идеи, и отнюдь не перестали ожидать, что скажутъ о ней другіе славяне.

Мы не обманулись въ нашихъ ожиданіяхъ. Предлагаемая нами идея національнаго объединенія славянъ посредствомъ одного языка, имѣющаго для всѣхъ славянъ не только междуплеменное, но вмѣстѣ и научно-литературное значеніе, нашла себѣ рьянаго защитника въ одномъ изъ многихъ дѣятельныхъ патріотовъ того славянскаго племени, которое, какъ прежде, такъ и въ настоящее время, отличалось предъ другими самымъ сочувственнымъ отношеніемъ къ общеславянскому дѣлу. Этимъ передовымъ бойцомъ между чехо-славянами, принявшимся защищать идею одного научнаго языка для всѣхъ славянъ, явился г. д-ръ Ф. К. Кампеликъ, отлично извѣстный своимъ землякамъ многочисленными сочиненіями, имѣющими цѣлью улучшеніе духовнаго и вещественнаго состоянія его роднаго племени, въ которыхъ *) онъ проповѣдываетъ славянскую взаимность во всякомъ направленіи.

Съ большимъ удовольствіемъ сообщаемъ нашимъ читателямъ первый, для „Славянской Зари" предназначенный, трудъ почтительнаго чехо-славянскаго дѣятеля, именно, его *„Письма къ юго-западнымъ славянамъ,"* въ которыхъ многоуважаемый авторъ совѣтуетъ послѣднимъ принять *одинъ научный языкъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *одни славянскія письмена* (кирилловскую азбуку) для всѣхъ юго-западныхъ славянскихъ нарѣчій.

Вопросъ о принятіи азбуки юго-западными славянами, употребляющими латинскія письмена въ своихъ литературахъ, стоитъ

---

*) Укажемъ нѣкоторыя сочиненія д-ра К. Ф. Кампелика, намъ извѣстныя: „Samovolnà germanisace češtiny, moravštiny, slovenštiny, kazi jeji lahodnou srozumitelnost, čistotu, silu, ràznost, libozvučnost, a jakými opravami takové nesnàzi snadno vyhovéti lze." (1864); „Všeobecnà assekurace proti škodlivým živlum, proti pàdu dobytka, po krajich zaridénà, výborné by u nàs napomhala orbé, prumyslu rolnickému." (1864) „Prostrédky proti zlým časum" (1865); „Jak si pomužeme k deštum, hojné rose, chtice sobě uredu zemskou zvétšiti, a jak bychom e proti privalum a povodni chràniti mohli" (1865); „Z nedostatku penéz orba, obchod, prumysl, remeslav nynéjši dobé klesaji! Jak si teda k penézum pomužeme, aby obživy a blahobytu pribylo?" (1866).

въ тѣсной связи съ вопросомъ національнаго объединенія славянъ. Рѣшеніе перваго споспѣшествовало бы въ значительной мѣрѣ удовлетворительному рѣшенію втораго.

Принятіе кирилловской азбуки южно-западными славянами было бы самымъ удобнымъ средствомъ, во-первыхъ, къ устраненію этой двойственности, которая представляется не только въ Европѣ, но, къ сожалѣнію, и въ самомъ славянскомъ мірѣ, именно, противорѣчіе между западомъ и востокомъ. Западные славяне, принявъ письмена восточныхъ братій, какъ-разъ устранили бы эту двойственность въ славянскомъ мірѣ, существующую независимо отъ извѣстнаго раздробленія славянъ на многія племена. Мы признаемъ, что упомянутая двойственность основывается также и на различіи вѣроисповѣданія и условій общественнаго развитія; но устраненіе этихъ различій не представляетъ особенныхъ трудностей. Оно возможно и совершится непремѣнно въ слѣдствіе общечеловѣческаго прогресса, замѣтно стремящагося къ тому, чтобы вездѣ римско-католическая исключительность уступила мѣсто христіанской свободѣ, а остатки феодализма—демократическому началу. Въ этомъ отношеніи славяне едва ли останутся позади прочихъ европейскихъ народовъ; на счетъ этого можно быть спокойнымъ. Во-вторыхъ, принятіемъ кирилловской азбуки прекратилось бы гибельное дробленіе славянства на мелкія племена, неимѣющее иногда никакой достаточной причины. Кому, н. п., неизвѣстно, что различіе между литературами сербской и хорватской основывается на различіи письменъ? Если бы хорваты приняли кирилловскую азбуку, какъ они уже прежде приняли сербское нарѣчіе, тогда эти обѣ литературы слились бы въ одну, имѣющую болѣе задатковъ для удовлетворенія жизненнымъ потребностямъ сербо-хорватскаго племени, чѣмъ теперь каждая изъ нихъ.

Наконецъ, для славянъ, употребляющихъ кирилловскую азбуку въ своихъ племенныхъ литературахъ, значительно легче будетъ усвоивать себѣ то славянское нарѣчіе, которое повидимому должно сдѣлаться единительнымъ, т. е. междуплеменнымъ и научно-литературнымъ, слѣдовательно—*національнымъ* языкомъ всего славянскаго народа. Тогда этотъ національный языкъ будутъ усвоивать себѣ не только образованные слои славянскихъ племенъ, но онъ сдѣлается легче доступнымъ и для самыхъ массъ народа, съ огромною пользою для нихъ и при томъ безъ ущерба для родныхъ нарѣчій.

Сообразивъ все вышесказанное, нельзя не убѣдиться въ томъ что принятіе азбуки юго-западными славянами представляетс какъ одно изъ самыхъ необходимыхъ условій для скорѣйшаго и успѣшнѣйшаго осуществленія великой идеи національнаго единства славянъ Мы отъ души желаемъ, чтобы мысль д-ра Кампелика встрѣтилась съ сочувствіемъ между юго-западными славянами, отъ которыхъ единственно зависитъ рѣшеніе этого, для всего славянскаго міра столь важнаго, вопроса. Слѣдуетъ ожидать, что прежде всего чехи вполнѣ оцѣнятъ это предложеніе своего патріотическаго земляка, и, судя по обстоятельствамъ настоящаго времени, можно предполагать, что г. Кампеликъ встрѣтитъ болѣе сочувствія, чѣмъ его предшественникъ, г. Езбера. Изученіе русскаго языка, поступающее исполинскимъ шагомъ между чешскимъ народомъ, и познакомившее уже многихъ съ кирилловскою азбукою, будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на успѣхъ новаго защитника однихъ общеславянскихъ письменъ.

Впрочемъ, мы не предаемся слишкомъ сангвиническимъ надеждамъ, именно что касается времени, въ которомъ упомянутая идея осуществится. Мы сознаемъ вполнѣ, что принятіе кирилловской азбуки будетъ имѣть въ нѣкоторомъ отношеніи болѣе трудностей, чѣмъ даже принятіе одного междуплеменнаго и научно-литературнаго языка. Но что сегодня еще представляется труднымъ, можетъ быть не покажется такимъ уже завтра. Въ жизни народовъ, по замѣчанію графа Бисмарка, днямъ соотвѣтствуютъ десятилѣтія. Пусть будетъ и такъ; выполняя задачу дня совѣстно и честно, мы славяне не должны отчаяваться о нашей великой будущности. Лишнею торопливостью обыкновенно портится дѣло. *К. Г. Климковичъ.*

ДРУЖЕСКІЯ ПИСЬМА КЪ ЮГО-ЗАПАДНЫМЪ СЛАВЯНАМЪ.

Письмо I.

БРАТЬЯ СЛАВЯНЕ, ПИШУЩІЕ ЛАТИНСКИМЪ АЛФАВИТОМЪ!

> Въ однихъ общихъ письменахъ явится созвучіе всѣхъ славянскихъ нарѣчій, ихъ родство, подлинность и точность
>
> *Ф. І. Езбера.*

Время течетъ рѣкой, дѣянія стремятся. Народы романскіе германскіе идутъ впередъ, движимые живою народностью и

чувствомъ неуступчиваго себялюбія. Намъ, славянамъ, нельзя колебаться или раздумывать долго, если желаемъ, чтобы въ славянскомъ мірѣ также явились дѣльные успѣхи.

За что намъ нужно нынѣ приняться, чтобъ чего либо не промедлить, это показываетъ намъ настоящее время и наше положеніе,—именно, за *дѣятельную взаимность*.

Пусть будетъ по этому въ дневномъ порядкѣ *между славянскими племенами на всѣхъ концахъ славянскаго міра взаимность*, усильно стремящаяся къ тому, чтобъ ни одна славянская вѣтвь не была угнетаема, терзаема, убиваема *чужою народностью*. Возбужденное дѣятельною взаимностью къ высшей жизни славянство, пусть усиленно заботится о томъ, чтобъ ни одинъ членъ, ни одна сила не были истрачены по-напрасну, и чтобъ оно окрестнымъ себялюбивымъ народамъ, какъ своимъ врагамъ, не дозволяло противъ него укрѣпляться. Такъ нѣмцы, мадьяры, итальянцы, турки всякими изворотами и насиліемъ отторгаютъ и убиваютъ общіе намъ члены, чтобъ самимъ укрѣпиться къ порабощенію насъ.

Да, угодно ли кому или нѣтъ, но эту *дѣятельную взаимность* влагаетъ на насъ сама природа и само положеніе. Взаимность— это для насъ славянъ законъ непреложный, а славянская церковь, вступившись за своихъ исповѣдниковъ, будетъ намъ заповѣдывать его непремѣнно.

Какія же требованія *дѣятельной взаимности*, за которыя нужно приняться безотлагательно? Прежде всего, и это безъ отсрочки и споровъ, *усильно позаботимся объ общихъ славянскихъ письменахъ и общей научной рѣчи*.

Какія же письмена и какую рѣчь мы должны избрать для этого?—Это, любезные, рѣшено уже природой, большинствомъ и дѣяніями, чтобъ мы юго-западные славяне, числомъ почти 25 милліоновъ, коимъ Римъ предписываетъ вѣру и латинскую литургію, не споря и не отлагая приняли *свято-кирилловскую азбуку* какъ общія письмена, *русскій* же *языкъ* какъ научную рѣчь. Почему?

Потому что священную кириллицу употребляютъ уже болѣе, чѣмъ 70 милліоновъ славянъ; отчего же и остальные двадцать пять милліоновъ славянъ не могли бы также принять эту азбуку, какъ свои письмена, если это имъ можетъ поспѣшествовать во всякомъ, духовномъ и вещественномъ отношеніи?

Въ чемъ и какъ бы поспѣшествовало это, каждый, чужбиной

и западомъ не предубѣжденный, славянинъ, руководящійся своимъ разумомъ, тотчасъ узнаетъ, коль скоро сообразитъ, что

а) письмена, св. Кирилломъ для славянъ столь мудро сочиненныя, будучи приняты какъ общія, были бы видимымъ доказательствомъ нашей великой народности, нашего духовнаго единства, неразлучной связи между всѣми племенами славянскаго, почти стомилліоннаго міра.

б) Донынѣ огромное большинство славянъ, именно, *русскіе, болгары, сербы*, больше чѣмъ 70 милліоновъ, употребляютъ эти священныя кирилловскія письмена. Думаю, это очень важная вещь, если каждый юго-западный славянинъ, изучивъ свято-кирилловскія письмена, будетъ по большей части легко знакомиться съ богатой литературой тѣхъ 70-ти милліоновъ, сдѣлается способнымъ къ обращенію съ ними и откроетъ живительный путь своему промыслу.

в) Славяне, пишущіе кириллицею, имѣютъ рѣшительный голосъ и вѣсъ въ европейской политикѣ, между тѣмъ какъ мы, латинскимъ алфавитомъ пишущіе и растерзанные сплоченнымъ западомъ славяне, не больше, какъ слуги романизма и германизма, которые отъ нашихъ трудовъ толстѣютъ и за наши деньги играютъ горделивыхъ господъ.

г) Желая съ Россіей, Болгаріей и Сербіей прямо сноситься— а безъ торговыхъ сношеній, безъ вещественной поддержки, будемъ только животѣть какъ бѣдняки и слуги,—мы крѣпко нуждаемся въ общихъ славянскихъ письменахъ. Посылаемые въ Россію грузы и товары, неимѣющіе надписей славянскихъ, не обезпечиваются въ вѣрной доставкѣ. Безъ кириллицы у насъ не можетъ быть торговли съ Россіей и юго-славянствомъ, т. е. съ Сербіей и Болгарами. Чехо-словацкая, хорватская, словинская, польская надпись, написанная кириллицей на товарѣ, покажется, въ Россіи, Сербіи и Болгаріи, вразумительною и пріятною.

д) Славянскія кирилловскія письмена красивѣе и удобнѣе для славянъ, нежели латинскій, черточками и кавычками испещренный алфавитъ. Запятыми и точками означаемыя письмена не годятся къ скорописанію, потому что рука останавливается у каждой буквы или же, написавши слово, снабжаетъ его буквы точками и запятыми, какъ будто загрязнили его мухи. Посмотримъ примѣры:

Чешское: sličnéjsi, vécsina, nejpovážlivéjsi, téžsi и пр.

сличнѣйши вѣчшина, нейповажливѣйши, тѣжши.

Всѣ разумные славяне сознаютъ, что только славянскими свято-кириловскими письменами, которыя употребляютъ братья русскіе, болгары и сербы, отлично передаются всѣ звуки нарѣчій. Напишемъ, напримѣръ, почешски

славянское zaśćiśćajuśćimi,
по-польски zaszcziszczajuszczimi,
по-нѣмецки saschtschischtschajuschtschimi,
по-кириловски *защищающими*. Развѣ это не просто, и какъ бы стенографически?

Европейскіе ученые желали уже давно, чтобъ кириллицу избрать какъ пазиграфію, т. е. какъ всеобщія повсюдныя письмена для всѣхъ языковъ, потому что онѣ очень просто передаютъ всѣ звуки человѣческой рѣчи.

Мы, славяне, всѣ должны бы радоваться тому, что славянскія письмена тысячу лѣтъ назадъ, св. Кирилломъ для всѣхъ славянъ такъ мудро сочиненныя и какъ святое наслѣдство, намъ завѣщанныя, отличаются такою сжатостью и удобностью, что могутъ передаваться ими, просто и опредѣлительно, всѣ звуки европейскихъ языковъ. Не-славянскіе, латинскимъ алфавитомъ пишущіе народы, принуждены читать иначе, нежели написано. Убѣдимся въ томъ явными примѣрами, именно на звукѣ *ч*.

Чехо-славяне	изображаютъ	его	ć
Поляки	,,	,,	cz
Лужичане	,,	,,	cź
Мадьяры	,,	,,	cs
Нѣмцы	,,	,,	tsch
Итальянцы	,,	,,	ce, ci
Французы	,,	,,	tch
Ново-греки	,,	,,	τς
Русскіе, болгары, сербы			*ч*

Какой это неосновательный произволъ ученыхъ въ соединеніи письменъ; какая противная неопредѣленность! Подобное выходитъ также относительно согласныхъ *ж*, *ш*, *нь* и пр.

Разсмотримъ далѣе письмена латинщиковъ; какія тутъ разногласія, затрудненія!

j	у чеховъ, поляковъ	произносится	*й*,	какъ	jest jarzmo;
,,	,, французовъ	,,	*ж*,	,,	jour (журъ);
,,	,, итальянцевъ	,,	*и*,	,,	premj;
,,	,, испанцевъ иногда	,,	*х*,	,,	Mejiko (Мехико).
ch	у чеховъ, поляковъ	произносится	*х*,	какъ	chyba (хыба);
,,	,, Французовъ	,,	*ш*,	,,	cher (шеръ);
,,	,, Итальянцевъ	,,	*к*,	,,	chitara (китара);
,,	,, Англичанъ	,,	*ч*,	,,	church (чурчъ).

Если удержимъ латинскій алфавитъ, насильственно навязанный намъ поработительною политикою запада, тогда мы западные во вѣки не сблизимся съ другими славянами; мы бросаемъ колоды подъ ноги славянскимъ нарѣчіямъ; это нашему народу запутываетъ разумъ, дѣлаетъ омерзѣніе, потому что вся эта ученость, незнавшихъ взаимности вѣковъ, только убиваетъ буквами его драгоцѣнное время.

Октября, 1867.

Письмо II.

БРАТЬЯ СЛАВЯНЕ-ЛАТИНЩИКИ!

Нерадивый теряетъ и гибнетъ.

Еще разъ повторяю выразительно, что *азбука* или *кириллица*— это, для насъ юго-западныхъ славянъ, *священныя общеславянскія* письмена, сочиненныя премудро для насъ въ 855-мъ году просвѣщеннымъ славяниномъ изъ Солуня (Ѳессалоники), слывущимъ правдолюбивымъ философомъ *Константиномъ*, извѣстнымъ подъ монашескимъ именемъ Кирилла, какъ свидѣтельствуетъ славяно-болгарскій монахъ *Храбръ*, еще видѣвшій современниковъ нашихъ славянскихъ апостоловъ *Кирилла* и *Меѳодія*.

Вслѣдствіе этого событія, мы должны были уже въ 1855 году, на Велеградѣ, въ Моравіи, торжественно возвеличить снова это тысячелѣтнее наслѣдіе, препоручая всякимъ способомъ священную кириллицу всей нашей молодожи. То, что тогда не осуществилось и только отсрочено по случаю волненій и споровъ, должно все таки по временамъ, ради памяти, праздноваться на Велеградѣ моравскомъ.

Итакъ, мы, чехо-славяне, имѣли то удовольствіе, что св. Кириллъ сдалъ прямо на насъ свою мудро сочиненную азбуку въ переводѣ священнаго писанія, въ привлекательномъ славянскомъ богослуженіи. Вѣтви чехо-славянскаго народа ликовали и толпились къ нему, радуясь этому дару. Куда же дѣвались, столь возлюбленныя чехо-славянствомъ, его *азбука* и *славянское богослуженіе?* Кто отнялъ ихъ у юго-западныхъ славянъ?

Такъ какъ просвѣщенные благовѣстники, св. Кириллъ и св. Меѳодій, проповѣдывали плѣнительно, отъ сердца къ сердцу, и такъ какъ всѣ понимали ихъ отлично, то были имъ рады вездѣ, во всѣхъ странахъ. Это-то и возбудило злобу, зависть и ожесточеніе у сосѣдей—древнихъ нѣмцевъ, хищныхъ и властолюбивыхъ

авоевателей. Древніе нѣмцы, недавно крещенные и христіанством замаскированные, были именно волками въ овечьей кожѣ. естественно дѣялось такъ, что злоба, зависть, подстрекала нѣмецкихъ и итальянскихъ святителей, заботившихся болѣе о дестках и о власти нежели о христіанскомъ вѣроученіи, противъ ашихъ святыхъ вѣроучителей, ковала противъ нихъ крамолы въ Римѣ,—отчего ихъ всячески дразнили и преслѣдовали. Да имъ нужно было постоянно расправляться и бороться съ этими зерскими крамольщиками и коноводами древняго завоевательнаго нѣмечества, даже до послѣднихъ дней своей жизни; а то и много позднѣе послѣ ихъ кончины, римско-іезуитское нѣмечество, въ своей ревности, несовѣстилось прозывать ихъ *лжевѣрами*, *расколъниками* и другими названіями, несмотря на то, что папы признавали ихъ православными и жаловали архіепископами въ земляхъ Велико-Моравскаго государства!

Что же, недавно крещенные, свирѣпые нѣмцы сообщали любознательнымъ, понятливымъ славянамъ?—и къ чему они вели ихъ?—Да, они учили ихъ дѣлать кресты, молиться по-латински, предписывали имъ извѣстные обряды и другія формальности, но болѣе того сообщить имъ не умѣли, не зная говорить по-славянски и христіанскими ученіями къ ихъ сердцу. Сколь умильно и вразумительно нѣмечество говорило къ славянамъ, доказываютъ чужестранныя слова въ церковной рѣчи, какъ birmovat (firmo, firmiren), kostel (castellum), bible (Bibel), zakristie (Sakristay), evangelium, almužna (alemosyna), cil, tanec, frej, klášter (claustrum), krchov (Kirchhof), funus (похороны) и пр. Изъ этого видна неуклюжесть древнихъ, свирѣпыхъ германцевъ. Удивительно ли, что славяне съ омерзѣніемъ отвращались отъ такой безобразности? А древніе нѣмцы сердились, что нѣмецкое неразуміе и нѣмецкій способъ не нравились славянамъ!

Св. Прокопъ изъ Хотуня, игуменъ славянской обители на Сазавѣ, даже до послѣдняго вздоха († 23 марта 1053) своей дѣятельной жизни, питалъ и защищалъ священную кириллицу и славянское богослуженіе между чехо-славянами. Завоевательность, хищность, лукавство древнихъ нѣмцевъ, съ желѣзною настойчивостью, кротомъ подкапывались къ западнымъ славянамъ; изъ славянскихъ вельможъ, воеводъ, королей, нѣмечество надѣлало себѣ покорливыхъ слугъ и помощниковъ, ибо при дворѣ Премыславичей, которые только на нѣмкиняхъ женились, владѣло нѣмечество; дворянство же, ихъ окружающее, разговаривало всегда

на жесткой нѣмеччинѣ. Только могущественные *Вершовцы*, чи сленная дворянская семья, дѣльно и примѣрно защищали сла вянство, пока Премыславичъ Святополкъ ихъ всѣхъ, болѣе чѣм 3000 лицъ, во всѣхъ странахъ надъ Лабой и Волтавой, постыдн (1108 г.) изрубить велѣлъ.

Такъ тщеславные вельможи и начальники западнаго славян ства, уподобляясь монголамъ, насупротивъ своего, дозволили нѣ мечеству отнять у нихъ свято-кирилловскую азбуку и славянско богослуженіе, и, какъ униженные слуги, приняли неславянскій алфавитъ (латинку, угловатый *швабахъ*) и языкъ своихъ завоева телей и господъ, потому что они, въ своей надменной гордости, н поняли государственнаго, общественнаго и христіанскаго значенія важности и будущности собственныхъ славянскихъ письменъ и н заботились дѣльно о самостоятельности своего славянскаго народа

Нѣмцы перехитрили добросердечныхъ славянъ, именно ж ихъ высшіе слои, потому что славяне подавали свои собственны средства и силы для того, чтобы чужбина обезсилила ихъ и ис портила имъ будущность. Но развѣ это не дѣлается и донынѣ Посмотрите на дѣйствія нашихъ культуроносцевъ, какъ они гор гуютъ своимъ лже-либерализмомъ!

Думаю, что всѣ разумные славяне на юго-западѣ соглашаютс съ заслуженнымъ г-мъ Езберою, который говоритъ въ своих сочиненіяхъ, что „принятіе азбуки (кириллицы) споспѣшествовал бы западнымъ славянамъ болѣе и доставило бы большее обезпе ченіе для ихъ будущности, нежели ихъ историческія права, н жели все длинное глагольствованіе нѣкоторыхъ мнимыхъ пред водителей, изъ коихъ многіе не смыслятъ языковаго согласія народной славянской рѣчи."

Что пользы намъ говорить, ораторствовать, когда межд тѣмъ дѣлается то, что кому угодно? Хватимъ за голову, а не з хвостъ: кириллицею положимъ у насъ самый лучшій и вѣрні залогъ славянскаго успѣха. Хорошо бы это споспѣшествовал также другимъ народамъ, потому что, изучивъ одно славянско нарѣчіе, они легко научились бы и другому.

Каждый разумный славянинъ увидитъ вѣрно, что священн *кириллица*, эти *всеславянскія общія письмена*, самое превосходн средство къ прогрессу и самое сильное пособіе успѣха для нас славянъ, желающихъ обезпечить себѣ вѣрное убѣжище в пространномъ славянскомъ мірѣ.

Кто изъ ученыхъ и предводителей между юго-западн

лавянами пренебрегаетъ кириллицей и всякими предложеніями юддерживаетъ алфавитъ (латинскія письмена), тотъ гораздо ольшій врагъ славянства, нежели завоевательный нѣмецъ и естокій турокъ. Защищать и заступатъся за латинскій алфавитъ, того нашего подманителя, который терзалъ насъ убійственно и, бивая наше единство, перенародывалъ насъ на западѣ,—это южетъ дѣлать только ослѣпленіе, неразуміе или подкупленная змѣна. Каково латинщики и своенравные ученые, въ своей шимой безпогрѣшности, просты въ сей взаимности, раздѣляя насъ змѣннически, отчуждая племя отъ племени, составляли всякія рѣвописанія, слѣдующій образецъ покажетъ намъ ясно:

По-чехо-словацки: zrno, srna, cena, żaba, śest, ćerv, śtika, ćas.
По-польски: ziarno, sarna, cena, żaba, sześć, czerw, szczuka, czas.
По-лужицки: sorno, szorna, zena, żaba, schescz, czerw, sczuka, ćżas.
По-краинска: serno, serna, zéna, shaba, shest, zherv, shzhuka, zhas.
По-далматински: zarno, sarna, cjena, xabba, scest, csarv, sctuka, csas
По-хорватски: zerno, szerna, czena, saba, shest, cherv, schuka, chas и т. д.

Незнающая взаимности ученость въ Дубровникѣ (Рагуза), запутывая дѣло, писала: Kgniscnizi (книжницы), oghgnjen (огненъ), gghgnjevno и т. д.

Можетъ ли что нибудь быть глупѣе или измѣннѣе этой учености, которая, раздробляя славянъ, работала на-руку нѣмцамъ и итальянцамъ?

Священная кириллица (азбука) устранила бы все неразуміе невзаимности и измѣнническую путанницу, ввела бы между нами милую вразумительность и духовное единство. Кириллица хорошо примирила бы многіе споры; литературную двойственность между родными братьями чехами и словаками, связала бы въ настоящее единство.

Народность и ея развитіе, благосостояніе и его успѣхъ, вѣра и богослуженіе,—это въ сущности различныя и, прямо, отдѣльныя понятія.

Исторія среднихъ вѣковъ, это—насильственная политика романизма и германизма, жестокій абсолютизмъ папъ и нѣмецкихъ императоровъ, которымъ Премыславичи и Пястовичи покорялись, какъ униженные слуги. Вѣра и латинское богослуженіе служили имъ только какъ средство, которымъ они терзали, подавливали, обезнародывали юго-западныхъ славянъ и прибалтійскихъ вендовъ, укрѣпляя такимъ образомъ и распространяя свою власть. Эта исторія всякаго рода насилія, германскаг

феодализма, грознаго безправія, кровожаднаго произвола, со свѣми ужасными темницами романской инквизиціи,—все это постыдный пасквиль на христіанскую науку и любовь, — принадлежитъ къ древнимъ разгуламъ. Выгребываніемъ изъ забвенія и знаніемъ всего этого, нашъ народъ не сохранится отъ обѣдненія, обезсиленія и гибели. Слава Богу, человѣчество пробралось уже сквозь всѣ эти препятствія, перевороты, грозы и противодѣйствія, и доказало міру, что въ *каждой вѣрѣ* могутъ быть *всѣ народности*, и въ *каждой народности—всѣ вѣры*. Новый вѣкъ доказалъ намъ, что *народность*, какъ *особенная личность* въ человѣчествѣ, имѣя святое право на существованіе, не должна быть чьимъ-либо щитомъ или игрушкой, какъ бы этого кто нибудь ни желалъ.

Если мы юго-западные славяне понимаемъ нашъ успѣхъ, нашу будущность, наше истинное благосостояніе, тогда намъ какъ латинщикамъ, нужно усильно домогаться свято-кирилловскаго наслѣдства, *священной кириллицы*. Безъ кириллицы не удастся объединеніе въ славянскомъ мірѣ, безъ азбуки не будетъ *всеславянства*. Кириллица единственно можетъ привести насъ къ общему спасенію, благобытію и славѣ.

Богъ истины, красоты и добра да укрѣпляетъ насъ въ томъ чтобъ мы благополучно водворили опять священную кириллицу въ нашихъ странахъ.

Д-ръ Фр. Кириллъ Кампеликъ.

Октября, 1867.

(Славян. Заря).

ТЕЛЕГРАММЫ СТРАХОПУДА.

Львовъ: Изданіе газеты „Русь" прекращено; капиталъ, который былъ назначенъ на ея изданіе, опредѣлилъ графъ Голуховскій для Редакціи „С.-Петербурскихъ Вѣдомостей *).

Краковъ: Изъ Константинополя присланы сюда останки католицизма (reliquia) изъ Лянгевича при его переходѣ изъ католицизма въ магометанство. Они предназначены для раздачи между тѣхъ pięknych Polek, которые носятъ медальоны съ портретомъ экс-диктатора.

*) Не ошибка ли? Вѣроятно—для «Вѣсти» и для «Новаго Время.»
Ред. В. Зап. Р.

Львов: „Школьна рада“ рѣшила, чтобъ на мѣсто русскаго языка преподавать во всѣхъ галицкихъ училищахъ — языкъ турецкій, а вмѣсто русскому Богочестію учить магометанскому корану.

КАБИНЕТНЫЯ ТАЙНЫ ЦАРСТВА ДІЯВОЛА.

(NB. Кто знаетъ, что „Страхопдуъ“ bierze ruble moskiewskie“, тотъ и пойметъ, что страхопуду нетрудно узнать, что происходитъ даже въ кабинетѣ царства діавола. Вотъ отчетъ нашего чрезвычайнаго туда посланнаго агента.)

Порученіе Вашего Высокострахопудія мнѣ удалось выполнить вѣрно и точно. Въ приложеніи къ сему посылаю Вамъ извлеченіе изъ „Черной Книги“ Мефистофеля, предложенной державной думѣ. Тутъ позвольте мнѣ только коротко разсказать все происшедшее со мною.

Пріѣхавши на границу царства, я долженъ былъ подчиниться прежде всего чрезвычайно строгой ревизіи чортовскихъ чиновниковъ. Они объискивали меня отъ головы даже до ногъ, неимѣю-ли я чего нибудь святого или посвященнаго съ собою. „Нѣтъ-ли у васъ какой нибудь запрещенной книги или газеты?“ спрашиваютъ меня. — Кромѣ одного нумера „Страхопуда“ ничего у меня печатаннаго нѣтъ — сказалъ я, поклонившись смиренно.— „Что? у васъ съ собою Страхопудъ!“ закричалъ начальникъ таможни—да развѣ вы не знаете, что Страхопудъ запрещенъ въ нашемъ государствѣ?“

— Я этого не зналъ, я полагалъ, что у васъ полная свобода... да развѣ Стахопудъ можетъ вамъ въ чемъ нибудь помѣшать, если его пропустите въ область вашего государства?

— Да, да! Мы его съ начала пропускали, потому что иногда онъ очень занимателенъ, но опытъ показалъ, что онъ въ области нашего чистилища много вреда намъ надѣлалъ.

— Какъ такъ?

— Да многіе, читая его, тутже разкаялись и послѣ нѣкотораго ихъ покаянія мы должны были отпустить ихъ въ царство свѣта. Съ этого времени „Страхопудъ“ запрещенъ у насъ строжайшимъ образомъ.“

Когда я услышалъ что Страхопудъ запрещенъ, то тутъже я и подумалъ себѣ, что вѣроятно напрасно я и трудился, потому что если не пропускаютъ газету Страхопуда, то тѣмъ менѣе пропустятъ живаго его агента. Оказалось, однако, что я невѣрно

заключалъ. Чтобъ не дать повода чертямъ горячиться надъ непріятнымъ для нихъ Страхопудомъ, я скоро раздоралъ его въ ихъ глазахъ и скоро свелъ рѣчь на другой предметъ:

— „Скажите, ради Велзвула,—точно-ли есть у васъ такъ называемое чистилище? Вѣдь православные говорятъ, что чистилище не существуетъ?

— Конечно, что для православныхъ нѣтъ—но для вѣрующихъ въ чистилище, его не можетъ не быть. Схизматики—идутъ прямо въ царство мира, потому что умираютъ съ большою вѣрою въ милосердіе Божее, и ихъ конечно нельзя уже ссылать въ чистилище, потому что писано: „вѣра твоя спасетъ тя." А вотъ р. католики въ этомъ отношеніи—дураки, потому что, вѣруя въ чистилище, сами заставили насъ устроить его для нихъ.

— Ну—а уніяты-то?

— Ну—ваши уніяты, это уже самые превесходные дураки.

— Отчего же?

— Ну, потому что они должны перебыть не одно, а два чистилища.

— Какъ два?

— Ну первое у себя дома на земли, а второе здѣсь у насъ.

— Какъ на земли?

— Ну да! Вѣдь унія это чистилище на земли—уніятовъ перечищиваютъ или въ настоящихъ католиковъ или въ православныхъ. А сколько такой уніятъ настрадается, пока его перечистятъ въ латинство—это вы лучше знаете. Да къ сожалѣнію еще, большою частью они въ такой степени занечищены, что и самыя крѣпкія туши поруганій, пониженій и пр. не въ состояніи склонить ихъ принять католицизмъ. Да, бѣдные тѣ уніяты, мнѣ ихъ самому жаль. Вѣрьте, что когда невинный страдаетъ, то и нашъ братъ не можетъ несожалѣть ибо отъ такого рода страданій ни намъ проку (пользы), ни Ангеламъ.

— Какъ нѣтъ? Вѣдь всѣ страданія будутъ вознаграждены.

— Да награждать страданія терпимыя по глупости, а не по злой воли, не позваляетъ справедливость, равно какъ и мы не можемъ мучить преступниковъ, дѣлавшихъ свои преступленія по глупости и безъумію, потому что тогда слѣдовало бы намъ мучить за преступленія и безразумныя животныя.... Тутъ подошелъ къ мнѣ полицейскій чиновникъ съ жандармами.

— (Полицейскій:) Вы кто такой и откуду?

— (Я) Я бѣдный уніятъ посланъ по дѣламъ его высокостраопудія.
— Паспортъ у васъ есть?
— Нѣтъ—да развѣ нужно?
— Да вѣдь вы еще неумершій?
— Нѣтъ.
— Но, васъ исключили изъ церкви?
— Нѣтъ—меня никто не исключалъ.
— И на какомъ же основаніи вы имѣете право переступить раницу нашего государства?
— Пославшій меня увѣрялъ меня, что мои заслуги даютъ мнѣ юлное право требовать отъ вашего высокочортородія свободнаго пропуска.
— Чѣмъ же вы заслужились предъ нами.
— Я служу полякамъ противъ своего народа—а теперь тайно нанялся за большія деньги его высокострахопудію съѣхать въ адъ.
— Да, это дѣйствительно заслуга, которая дѣлаетъ васъ достойнымъ нашего снисхожденія. Ну ступайте—вы и безъ того нашъ будущій гражданинъ.

Поклонившись чиновнику, я пустился въ путь прямо къ столицѣ подземного царства — въ Гоморру. Подробное описаніе всего что я еще видѣлъ, замѣтилъ и испыталъ — предоставляю себѣ на другой разъ, а теперь позвольте мнѣ ваше высокострахопудіе сообщить вамъ тайны діявольской политики, которыя вы поручили мнѣ изслѣдовать. Думаю что всего лучше здѣлаю если сообщу вамъ содержаніе „Чорной книги“, предложенной именно на дняхъ Мефистофелемъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ, собравшейся думѣ державной. Вотъ что говорится въ веденіи упомянутой „Чорной книги.“

„Главная сила, которая пособствуетъ интересамъ нашего государства,“ говоритъ Мефистофель, „была, есть и будетъ человѣческій егоизмъ. Ослабить эту силу, было, есть и будетъ именно желаніемъ нашего врага—Христа и его апостоловъ. Все искуство нашей политики состоитъ затѣмъ въ томъ, чтобъ по возможности стараться поставить земскіе народы въ такія отношенія, которыя могли бы этотъ эгоизмъ если не усилить, то по крайней мѣрѣ постоянно поддерживать. Такого рода отношенія возможны только въ системѣ международнаго неравновѣсія, потому что только неравновѣсіе силъ производитъ ссору, борьбу,

гнетъ и вообще неправду и зло, т. е. элементы, которыми м питаемся. Не всѣ народы на землѣ нынѣ одинаково счастли счастливѣе же изъ нихъ тѣ, которымъ исторія судила преж развиться и просвѣтиться. Просвѣщеніе и образованіе дало ни именно возможность эксплоатировать темныхъ и непросвѣщенных Просвѣщеніе и образованность есть именно главнымъ условіе господства и потому главный интересъ каждаго народа і земли состоитъ съ одной стороны въ способствованіи свое собственному развитію, а съ другой стороны въ препятствова развитію всѣхъ другихъ народовъ. Къ просвѣщенію и къ ра витію они всѣ стремятся, но каждый старается препятствова другому. Имъ, конечно, стыдно въ этомъ сознаться, и они ст раются по возможности скрыть форму этихъ своихъ стремлені придавая имъ, всевозможный другій, болѣе благородный харак теръ, и называютъ это искуство международною политико Нашъ интересъ, повелѣваетъ намъ, разумѣется, поддерживат народы, пользующіеся уже супримаціею надъ другими, потому что они именно творятъ зло, эксплоатируя младшихъ братій (младшіе народы), и они именно и нуждаются въ помощи нашей На этомъ основаніи мы и стоимъ въ тѣсныхъ и дружественных отношеніяхъ съ западомъ, а именно съ англичанами, французами нѣмцами и мадярами. Главный нашъ противникъ—это народъ славянскій, и вообще весь востокъ. Главная же наша задача состоитъ въ томъ, чтобъ поощрять племенный егоизмъ у раздроб ленныхъ славянъ, чтобъ не могли сосредоточить свои силы, потому что только въ такомъ случаѣ, могутъ западные народы господ ствовать надъ славянами и угнетать ихъ. Мы впрочемъ под держиваемъ еще и поляковъ и турокъ, но этихъ уже не какъ самостоятельныхъ дѣятелей, но какъ орудіе въ рукахъ запада.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЯ ПОСЛѢДСТВІЯ ПОСЛѢДНЕЙ ПАПСКОЙ АЛЛЮКУЦІИ.

Мольбы, приписанные папою за угнетаемую (!) католичкую вѣру въ Россіи, произвели чудные результаты: съ одной стороны онѣ успокоили совѣсть католичкой Европы до такой степени, что она уже совершенно равнодушно смотритъ на продолжающееся пролитіе христіанской крови въ Турціи—а съ другой стороны и притѣсненные католики до того утвердились въ своей католицкой вѣрѣ, что уже нѣсколько тысяцъ перешло въ магомеданизмъ, чтобъ рѣзать восточныхъ исповѣдниковъ Христа.

ЕРЖАНІЕ 2-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ ЗА 1868 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ на 1868 годъ выходитъ ·нваря мѣсяца, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновен- печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Вильнѣ,—въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ *·Феннера*, б. Сеньковскаго. *Въ С.-Петербургѣ*,—у коммис·ра „Вѣстника," книгопродавца *А. Ѳ. Базунова*, на Нев·ъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной. *Въ ·кв*,—у такогожъ коммиссіонера, книгопродавца *А. Н. Ѳе·това*, на Никольской улицѣ, и у книгопродавца г. *Чере·*. *Въ Варшавѣ*, — у книгопродавца г. *Кожанчикова*. *Въ ·*,—въ книжномъ магазинѣ *Косогорова* и у всѣхъ извѣст· книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА" ЗА ГОДЪ:

(*за 12-ть книжекъ*).

·ля жителей *Вильны*, безъ доставки 6 р. 50 к., съ доставкою ·мъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города Им· 8 руб.

·г. иногородные благоволятъ относиться съ своими требова· *исключительно* въ редакцію журнала: **„Вѣстникъ За·дной Россіи,"** *въ Вильну*.

·осылки и письма слѣдуетъ адрессовать: редактору-издателю ·стника" Ксенофонту Антоновичу **Говорскому**, *въ Вильну*.

·ля желающихъ выписать „*Вѣстникъ*" за *истекшіе* годы ·ется уступка: за $18^{62}/_{63}$ годъ, для жителей Вильны по 5 р., ·иногородныхъ по 6 руб.; за $18^{63}/_{64}$ годъ—для первыхъ по ·. 50 к., для послѣднихъ по 7 руб., за $18^{64}/_{65}$, $18^{65}/_{66}$ и · годы—для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб.

· Для выписывающихъ „Вѣстникъ," за *истекшіе* годы не ·10-ти экземпляровъ дѣлается 5% уступки въ цѣнѣ, не · 25,—10%,—50,—15%,—100,—20%.

Редакторъ-издатель ***К. Говорскій***.

Содержание 2-ой кн. „Вѣстника Западной Рос…
за 1868 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

Вѣстникъ
Западной Россіи
Историческая истина
Откуда пошла земля русская
Полша
Литва
Русь
Великая Русь
И рече Олегъ Кіевъ се буди мати градомъ русскимъ
Вильна
1868.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція „Вѣстника Западной Россіи" едва ли не больше его подписчиковъ сѣтуетъ на запаздываніе выходомъ, его книжекъ. Редакція принимаетъ и будетъ принимать противъ этой непріятности всѣ свои средства и усилія и увѣрена, что, при всей несостоятельности виленскаго типографскаго производства, она войдетъ, въ непродолжительномъ времени, въ сроки своего изданія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Вышло и поступило въ продажу, одобренное учебнымъ начальствомъ, **Краткое руководство къ Географіи Россійской Имперіи съ Вопросами и Задачами Брамсона.** Вильна. 1867 г. Получать можно *въ Редакціи Вѣстника Западной Россіи* и у книгопродавцевъ: *Фѳннера* (быв. Сеньковскаго) въ Вильнѣ; *Косагорова* въ Ковнѣ и *Мендельсона* въ Витебскѣ. Цѣна 30 коп.; за пересылку прилагается за 1 фунтъ по разстоянію. Выписывающіе болѣе 10 экземпляровъ за пересылку не платятъ, а на 100 экземпляровъ уступка 20%. Обращаясь на имя начальника ковенской женской Гимназіи, всѣ учебныя заведенія пользуются той же уступкой, безъ ограниченія числа экземпляровъ.

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VI,—1868.

КНИЖКА III,

ТОМЪ I.

ВИЛЬНА.
Въ Типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ, въ зданіи Гимназіи противъ Губернскаго Правленія.

1868.

Дозволено Цензурою 30-го апрѣля 1868 года. Вильна.

I.

№ 4.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Королевская грамота витебскому воеводѣ Николаю Сапѣгѣ о явкѣ на судъ, для расправы, по жалобѣ полоцкаго архіепископа Германа Загорскаго (*) за удержаніе имъ нѣкоторыхъ даней, издавна пожалованныхъ витебскимъ церквамъ Успенской и Михайловской, съ королевскихъ волостей. 1597 г.

Жикгимонтъ третій, Божою милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Пруской, Жомойтскій, Мазовецкій, Ифлянтскій и Шведскій, Кгодскій, Вандальскій, дѣдичный король. Воеводѣ Витебскому, державцы Велижскому и Суражскому, вельможному Миколаю Сапѣзѣ. Жаловалъ передъ нами

(*) Онъ первый изъ полоцкихъ архіепископовъ (а равно изъ фамиліи Загорскихъ) измѣнилъ на двухъ брестскихъ соборахъ, православію, подписавъ согласіе на унію, а въ 1596 году прочиталъ съ амвона въ брестской Николаевской церкви актъ уніи. *Ред.*

господаремъ въ Бозѣ велебный киръ Германъ Загорскій, архіепископъ Полоцкій, владыка Витебскій и Мстиславскій, на твою милость, ижъ дей што еще продкове нашы надали на церковь Божую Успенія Пречистое Богоматере зъ двора нашого и зъ млына въ кождый годъ въ тотъ празникъ яловицу а сто хлѣбовъ, а зъ волости Имельницкое дань грошовую, по чому зъ службы прыйдеть, и по десети еецъ и по десятку лну зъ службы, а зъ другого двора нашого изъ Любошкова и зъ волости по тому жъ давано. А на церковъ светого Михайла также на тое свято въ кождый годъ зъ двора нашого и мельницы яловицу и сто хлѣбовъ. А до того на тую церковъ светого Михайла и зъ замку даивали нересуду третій грошъ, коли воевода або намѣстникъ кого судить. А до того вольностъ рыбакомъ рыбы ловить у въ озерахъ на пять церквей передъ Светымъ Духомъ двѣ недѣли, передъ Успеніемъ Пречистое двѣ недѣли, а передъ Рожествомъ светого Ивана Продотечы недѣля, а въ тые рыболювы, яко воеводове, такъ и намѣстники не мѣли се уступовати, ани чого отъ нихъ не брать; а къ тому даивали зъ села Бабынич на церковь светого Михайла два лукня меду пресного, въ котерое лукно уложываеть по десети пудовъ меду. То панъ дей твоя милость за держань своего того воеводства Витебского, ничого съ тыхъ добръ нашыхъ того не даешь, и подданымъ нашымъ, которые повинни давать, забороняешь, въ чомъ онъ архіепископъ, собѣ и тымъ церквамъ Божымъ не малое укрывженье розумѣючи, билъ намъ чоломъ, абыхмо въ томъ твою милость наупоменули и листъ до тебе писать росказали, абы твоя милость ни въ чомъ пожитковъ, зъ давнихъ часовъ отъ продковъ нашыхъ и отъ насъ самыхъ на тое владыцство наданыхъ, не уймовали, але абы пожитки всякіе, отъ насъ наданые, вцалѣ доходили. А ижъ мы господаръ ему

рхіепископу Полоцкому вышей реченому тое архіепископство Полоцкое и владычьство Витебское и Мстиславское зо всимъ на вее и зъ добрами и пожитками, ъ давныхъ часовъ до того владыства належачими, али и повинность тая наша, абыхмо не только нѣли уменшати што зъ добръ церковныхъ пожитковъ, ле еще имъ для фалы Божое прыдавать, О чомъ ы господарь, о томъ до твоей милости наупоминаючи, и листъ нашъ писали; нижли дей твоя милость и на тое писанье наше не дбаючи, тое повинности ему архіепископу съ тыхъ добръ нашыхъ ку тымъ церквамъ подданымъ нашымъ даивать не кажешъ, а ижъ всихъ добръ церковныхъ намъ господару обоpонять бы такіе добра судити належить. Про то хочемъ мѣти и прыказуемъ вамъ, штобы есте за симъ мандатомъ листомъ нашимъ передъ нами господаремъ тамъ, гдѣ на тотъ часъ дворомъ нашымъ щасливе, дасть Богъ, будемъ, отъ поданья того мандату нашого, естли въ корунѣ Польской, за семъ недѣль, а естли у великомъ князствѣ Литовскомъ, ино за чотыри недѣли, самъ сталъ, и водлугъ жалобы его на попиранье инстыкгатора нашого, яко на року завитомъ усправедливилъ. Писанъ у Варшавѣ лѣта Божего Нароженья 1597, мѣсеца Декабра 17 дня.

Подпись: Ярошъ Воловичъ писаръ.

Мы имѣли этотъ актъ въ двухъ экземплярахъ, совершенно сходныхъ. На томъ и другомъ внизу вытиснуты на бумагѣ печати. На оборотѣ двѣ помѣтки русская и полская о содержаніи акта. Писанъ на листѣ. Хранятся оба экземпляра въ архивѣ витебскаго Успенскаго собора.

Этотъ документъ уже напечатанъ въ А. З. Р. IV. № 125, но съ нѣкоторыми пропусками, и въ Археологическомъ Сборникѣ док. Т. I. Вильна.

2.

Инвентарь имѣніямъ полотской архіепископіи. 1601 г.

Инвентаръ списанья селъ, бояръ и подданыхъ, прислухаючыхъ архіепископіи Полоцкой, въ воеводствѣ Полоцкомъ лежачыхъ, которые я Абрамъ Бедрицкій, дворанинъ его королевское милости, будучи посланый за листомъ и розказаньемъ его королевское милости, пана нашого милостивого, маючы пры собѣ возного воеводства Полоцкого Станислава Пивонского и сторону шляхту людей добрыхъ, земянъ господарскихъ тогожъ воеводства Полоцкого, пана Миколая Околова а пана Тымоѳея Стасевича, по недавно зошломъ архіепископу Полоцкомъ отцу Герману Загорскомъ, въ року теперешнемъ тысеча шестьсотъ первомъ, мѣсеца Априля двадцать шостого дня, теперешнему архіепископу Полоцкому, Витепскому и Мстиславскому его милости велебнему въ Бозѣ киръ Гедіону Бролницкому, въ моцъ, въ держанье и въ ужыванье подалъ есми. То есть: найпервѣй дворъ архіепископскій въ замку вышнемъ Полоцкомъ; въ немъ будованье: ворота уѣзные покрытые, противъ церкви Светое Софіи; подлѣ тыхъ воротъ по лѣвой руцѣ кедья, гдѣ пономаръ мѣшкаеть; подлѣ кельи свѣтлица съ коморою и зъ сѣнкою; подлѣ нее пивница; подлѣ пивницы пекарня; противъ пекарни свѣтлица служна; подлѣ свѣтлицы ворота въ кутъ; подлѣ воротъ спижарня; подлѣ спижарни кухня; такъ же свѣтличка пры кухнѣ; броваръ и лазни. Далѣй, вколо идучы, домъ великій зъ кганкомъ; свѣтлица столовая; напротивъ свѣтлицы другая свѣтлица покоевая съ коморою; на горѣ свѣтлица; коло ней кружганокъ. За тымъ домомъ повѣть, гдѣ возы ставяютъ; подлѣ повѣти свиренъ, гдѣ шоръ хованть; подлѣ клѣти стайня; подлѣ стайни ворота великіе

ѣзные; одъ воротъ идучы свиренъ зъ кружкганка-
и, зъ двоимъ схованьемъ. А то есть фолварокъ
груня: Матей Стасевичъ дымъ одынъ, Радіонъ Ѳе-
ровичъ дымъ одынъ, Иванъ Прудниковичъ дымъ
дынъ. На Носелицахъ: Михайло Якимовичъ ста-
ецъ дымъ одинъ, Лукъянъ Подвинскій дымъ одинъ,
етръ Яновичъ дымъ одинъ, Михайло Нарушко дымъ
динъ, Андрей Яновичъ дымъ одинъ, Михайло Че-
ейко дымъ одинъ, Лукъянъ Ильичъ дымъ одинъ.
а Бѣлеводѣ: Стефанъ Ходыка дымъ одинъ, Стефанъ
алверъ дымъ одинъ. На Тетчы: подлѣ двора блиско
ерковъ старая: въ ней образовъ неоправныхъ осм-
адцать, крыжы простыхъ два, рызы одна и стихаръ
дынъ полотненые, патрахиль старый одынъ, келихъ
цыновый (чаша оловянная) одинъ, ложка одна, звѣзда
мосендзовая (мѣдная) дыскосы два деревеныхъ, книга
Евангеліе напрестольное, оправное сребромъ съ позло-
тою, книги называемыхъ Треоди два, постная и цвѣт-
ная, книга называемая Мѣнея, книга Охтаецъ, книга
Апостолъ, книга Псалтырь, книга Служебникъ, книга
Уставъ, крыжъ деревеный одынъ, свѣчъ поставныхъ двѣ,
огарковъ два, крыжъ желѣзный на церкви, звонъ неве-
ликій одынъ. Входечы въ дворъ Тетчанскій ворота ста-
рые непокрытые; идучы одъ тыхъ воротъ по лѣвой сто-
ронѣ свѣтлица старая; подлѣ нее сѣни съ коморкою;
напротиво тое свѣтлицы другая свѣтлица старая съ
коморкою, подлѣ тое свѣтлицы третяя свѣтлица зъ
сѣнями. Въ тыхъ всихъ свѣтлицахъ печы зъ черепицъ
бѣлыхъ уробленыи, оболоны паперные (бумажные), сыр-
ница огнилая пустая. Пекарня старая зъ сѣнми, въ ко-
торыхъ ѣсти робять; подлѣ тое пекарни ворота надъ
озеромъ Тетчомъ; за вороты лазня зъ сѣнцами; подлѣ
воротъ въ томъ же дворѣ стайня новая для сѣна,
другая стайня старая для кони; недалеко одъ тое
стайни пивница; подлѣ пивницы клѣть старая одна
а новая клѣть одна. Въ Тетчы подданые: Андрей

Михайловичъ Лобанъ зъ сыномъ Радивономъ дымъ одынъ, службы двѣ, Сопронъ Плешковичъ дымъ одынъ, Матфей Сопковичъ дымъ одынъ, Андрей Розмысловичъ дымъ одынъ, Никифоръ Провода дымъ одынъ, Стасъ Горникъ дымъ одынъ, Ѳедоръ Якубовичъ дымъ одынъ, Климята Мотковичъ дымъ одынъ, Матѳей Зубковычъ дымъ одынъ, Ходоръ Голубовичъ дымъ одынъ, Кондратъ Пугвица дымъ одынъ, Иванъ Кнорозъ дымъ одынъ, Шымко Миколаевичъ дымъ одынъ. Ониско дымъ одынъ, Тымоѳей Усовичъ дымъ одынъ, Томашъ Бурбиничъ дымъ одынъ, Никонъ Есковичъ дымъ одынъ, Томилко Ивановичъ дымъ одынъ, Алексѣй Петковичъ дымъ одынъ, Макаръ Радивоновичъ дымъ одынъ. Пустовщизны: на Веркудѣ двѣ, а на Бобровщизнѣ одна. Иванъ Пивоваръ огородникъ. Нестеръ Бурый огородникъ.

Село Усвица, до Тетчы належачое: Карпъ Тымоѳеевичъ старецъ дымъ одынъ, Сава Плешко дымъ одынъ, Гришко Карповичъ дымъ одынъ, Кузма Плешковичъ дымъ одынъ, Лукъянъ Тараль дымъ одынъ, Матѳей Петровичъ дымъ одынъ, Гапонъ Енцура дымъ одынъ, Еско Охромеевичъ дымъ одынъ, Никипоръ колесникъ дымъ одынъ, Омельянъ Тараль дымъ одынъ, Стефанъ Плешко дымъ одынъ.

Село Завечелье, до Тетчы: Лука Кузминичъ старецъ дымъ одынъ, Конашъ Корниловичъ дымъ одынъ, Карпъ Наплехъ дымъ одынъ, Трухонъ Юдиничъ дымъ одынъ, Парфенъ Москаль дымъ одынъ, Гришко дымъ одынъ, Зенко дымъ одынъ, Левошка Филиповичъ дымъ одынъ, Родко Корнеловичъ дымъ одынъ, Давидъ Толкуновичъ дымъ одынъ, Ивонъ Сухопаръ дымъ одынъ; до того пустовщизны.

Село Навличе, до Воронеча: Сава Борысовичъ старецъ дымъ одынъ, Павелъ Олексевичъ дымъ одынъ, Омельянъ Жаковичъ дымъ одынъ, Петръ Романовичъ дымъ одынъ, Артемъ Зарека дымъ одынъ, Филипъ

Сивица дымъ одынъ, Парфенъ Ивановичъ дымъ одынъ, Семенъ Чорный дымъ одынъ, Михалко Малковичъ дымъ одынъ, Петрокъ Хромый дымъ одынъ, Омельянъ Петровичъ дымъ одынъ, Андрей коваль дымъ вдынъ, Сидоръ Петрввичъ дымъ одынъ огор(одникъ), Амвросъ Лукасовичъ огор(одникъ) дымъ одынъ, Миколай Стасевичъ боярынъ дымъ одынъ, Ѳедоръ Юнковичъ боярынъ дымъ одынъ.

На Вороночу Церковъ Рожества Пресвятое Богородицы: въ ней ризы и стихаръ полотненые, натрахилъ одынъ, келихъ цыновый одынъ, звѣзда цыновая одна, дыскосъ цыновый одинъ, книги: Евангеліе напрестолное паркгаминовое, Апостолъ одынъ, Псалтырь одынъ, Охтаики два, Полуставъ одынъ, Служебникъ одынъ, Треодь цвѣтная одна, крижъ деревеный сребромъ, позлотою оправный, образовъ розныхъ чотырнадцать, свѣчъ малыхъ мужычкихъ дванадцать, звонъ невеликій одъ Светое Софіи, кадило мѣденое одно. Недалеко тое Церкви надъ рѣкою Ущачою гора немалая, на которой знать, же замокъ былъ збудованый Вороничъ; люде пашуть недалеко одъ тое горы замковое; на гостинцу стодола збудованая. Подлѣ мѣстечко, въ немъ людей на име: Гришко Хламета войтъ дымъ одынъ, Демешко коваль дымъ одынъ, Карпъ Закревскій дымъ одынъ, Грицко Ивановичѣ дымъ одынъ, Улисъ Кондратовичъ дымъ одынъ, Семенъ Шушаникъ дымъ одынъ, Грицко Козленичъ дымъ одынъ, Арехѳа бортникъ дымъ одынъ, Иванъ Михносъ дымъ одынъ, Яско чоботаръ дымъ одынъ, Кузма Колпенокъ дымъ одынъ, Матѳей Критскій дымъ одынъ, Опанасъ Пискунъ, Янъ Мазуръ дымъ одынъ, Кузма Стукай дымъ одынъ, Кононъ Ходоровичъ дымъ одынъ, Сопронъ Козелъ дымъ одынъ, Павелъ Плинецъ дымъ одынъ, Михалко десятникъ дымъ одынъ, Захарко пономаръ церковный огор(одникъ), Иванъ Колпенокъ дымъ одынъ. Подданые

тяглые: Никипоръ Зуковичъ дымъ одынъ, Матееи Залова дымъ одынъ, Урбанова вдова дымъ одынъ, Иванъ Щибра дымъ одынъ, Сопронъ Бакуновичъ дымъ одынъ, Стефанъ Чешуйка дымъ одынъ, Левонъ Полиленокъ дымъ одынъ, Войтехъ Петровичъ дымъ одынъ, Семенъ Коваль дымъ одынъ, Иванъ Гарениновичъ дымъ одынъ, Дементей Куминовичъ дымъ одынъ, Иванко Новикъ дымъ одынъ, Стефанъ Сухоповъ дымъ одынъ, Андрей Ивановичъ дымъ одынъ, Ходоръ Жабинъ дымъ одынъ, Гришко Кожемяка дымъ одынъ, Андрей Литвинъ дымъ одынъ.

Въ Старынкахъ село: Миколай Кожемячычъ дымъ одынъ, Иванъ Пожоя дымъ одынъ, Данило Дойлидъ дымъ одынъ, Лукашъ Мысливецъ дымъ одынъ. А пустошы въ Старынкахъ тры. На Воронечу пустошей за рѣкою двѣ, въ Пискулехъ двѣ.

Село Весницко: Гапонъ Дороѳеевичъ старецъ дымъ одынъ, Кузма Давидовичъ дымъ одынъ, Васко Микитинъ дымъ одынъ, Кондратъ Микитинъ дымъ одынъ, Овсюкъ Малашковъ дымъ одынъ, Климята Ходоровичъ дымъ одынъ, Ходоръ Шулга дымъ одынъ, Труxонъ Харковичъ дымъ одынъ, Стефанъ Боярчынъ дымъ одынъ, Григорей Совостевичъ дымъ одынъ, Курыло Полежачынъ дымъ одыцъ, Пилипъ Кожемячынъ дымъ одынъ, Опанасъ Толстоносъ дымъ одынъ, Иванъ прихожый дымъ одынъ, Сидоръ Борысовичъ дымъ одынъ, Арыстъ Наумовичъ дымъ одынъ, Ходоръ Дороѳеевичъ дымъ одынъ, Грицко Брикунъ дымъ одынъ, Иванко Пытляковичъ дымъ одынъ; пустошъ Быковщина одна.

Село Долца. Въ томъ селѣ Церковъ заложены Светыхъ Козмы и Даміяна. Михайло Крыка старецъ дымъ одынъ, Алексѣй Жукъ дымъ одынъ, Ходоръ Пашковичъ дымъ одынъ, Иванъ Синюжичъ дымъ одынъ, Микита Скаражычъ дымъ одынъ, Васко Короткій дымъ одынъ, Павелъ Цыбуля дымъ одынъ, Омельянъ Ку-

ріяновичъ дымъ одынъ, Иванъ Олховка дымъ одынъ, едко Вертелка дымъ одынъ, Акатей Майнуловичъ ымъ одынъ, Артемъ Тепеловичъ дымъ одынъ, Арехва епеловичъ дымъ одынъ, Устинъ Фурзовичъ дымъ дынъ, Янутъ Подборный дымъ одынъ, Петръ Филиовичъ дымъ одынъ, Дашукъ Гавриловичъ дымъ оынъ, Омельянъ Ганоновичъ дымъ одынъ, Алхипъ карага дымъ одинъ, Якимъ Гришковичъ дымъ одынъ, ришко Нестеровичъ дымъ одынъ, Ходоръ Бѣлозоръ ымъ одынъ, Сидоръ Плющина дымъ одынъ, Иванъ овицкій дымъ одынъ, Демешко Гуровичъ дымъ одынъ, узма Пентелеевичъ дымъ одынъ, Алхимъ Скорына ымъ одынъ, Андрей Коваль дымъ одынъ, Неѳедъ ымъ одинъ, Матѳей Борысовичъ дымъ одынъ, Стеанъ Марковичъ дымъ одынъ, Сава Алхимовичъ Скоына дымъ одынъ, Игнатъ Каменковичъ дымъ одынъ, еменъ Пѣтуховичъ дынъ одынъ, Марко Мошнаревичъ ымъ одынъ, Алексѣй Пѣтухъ дымъ одынъ, Иванъ ыхоновичъ дымъ одынъ, Устинъ Кузнецовичъ дымъ дынъ, Гришко Пѣтуховичъ дымъ одинъ, Иванъ Даиловичъ дымъ одынъ, Потапъ Колпа дымъ одынъ, аумъ Шнитка дымъ одинъ, Гришко Мелешковичъ ымъ одынъ. Пустошы въ томъ же селѣ: Шарковизна, Савинщизна, Синцовска, Обуховщизна, Свировщизна, Марасовнезо, Цынилово, Гришково, Михаловщина, Москалево, Карташево, Соболево, Кузмино, овпино, Василево, Тварагово, Понамарково, Денисово, алашово, Казимерово, Михалково, Мядяловщина.

Село Бѣлое: Устинъ Курыловичъ старецъ дымъ дынъ, Карпъ Дмитровичъ дымъ одынъ, Сидоръ Иваювичъ дымъ одынъ, Стефанъ Васильевичъ дымъ одынъ, ришко Ходоровичъ дымъ одынъ, Васко Микулиничъ ымъ одынъ, Павлюкъ Ростокъ дымъ одынъ.

Въ Крынкахъ: Степанъ дымъ одынъ, Иванъ дымъ дынъ.

Село Дегодки: Михайло Кгинвиловичъ старецъ

дымъ одинъ, Иванъ Дубейко а Иванъ Лукьяновичъ дымы два, Яковъ Леецъ дымъ одынъ, Балтромей Балтрушковъ дымъ одинъ, Гришко Марковичъ дымъ одынъ, Янъ Кговрелевичъ дымъ одынъ, Андрей Смородовичъ дымъ одынъ, Петръ Нарушковичъ дымъ одынъ, Иванъ Жере..... дымъ одынъ, Янко Степановичъ дымъ одынъ, Иванъ Морозовичъ дымъ одынъ; нолпустовщины нихто не держытъ.

Село Сосна Рѣка: Антонъ дымъ одынъ, Юрко дымъ одынъ.

Село Хоробровъ Камень: Романъ дымъ одынъ, Юрко дымъ одынъ, Дечкой дымъ одынъ, Ермакъ дымъ одынъ, Дубко дымъ одынъ.

Монастыръ за рѣкою Двиною на Бѣлчычы Глѣба и Борыса, до которого служобъ полтораста, нижли на сесь часъ розные особы межы себе безправне розобрали. Село Марынецъ. Село Замшаны: Хролъ дымъ одынъ, Богданъ дымъ одинъ, Ходоръ дымъ одынъ, домъ....*) небощика (покойнаго) владыки въ мѣстѣ Полоцкомъ на Великой улицы зъ одное стороны отца Романа протопопы, а зъ другое стороны Василья райцы, который домъ, за особливымъ писаньемъ его королевское милости до себе яко спадокъ нодаломъ его милости теперешнему архіепископу въ держанье. Которого поданья черезъ мене Абрама Бедрицкого, дворенина его королевское милости, тыхъ добръ верхумененыхъ архіепископству Полоцкому належачыхъ, все меновите и по достатку на сесь инвентаръ списавшы, его милости въ Бозѣ велебному архіепископу Полоцкому киръ Гедіону Брольницкому подъ печатью и съ подписомъ власное руки моее, также подъ печатми и съ подписами рукъ возного и стороны шляхты, пры мнѣ на тотъ часъ будучое, хто зъ нихъ писать умѣеть, его милости далъ есми. Писанъ

*) Выцвѣли чернила.

въ Полоцку. Мѣсеца Мая двадцать шостого дня, року тысеча шесть сотъ первого. У того инвентару печатей притисненыхъ чотыры, а подписъ рукъ тыми словы: Jam Biedrycki, dworzanin krola iegomosci, ręką swą. Stanisław Piwonski, wozny woiewodstwa Połockiego, ręką. Миколай Околовъ. Тымоѳей Стасѣвичъ. Который тотъ инвентаръ зъ покладаньемъ, актикованьемъ черезъ помененого въ Бозѣ велебного его милости отца Антонія Селявы, архіепископа Полоцкого, Витепского и Мстиславского, есть до книгъ земскихъ Полоцкихъ вписанъ, съ которыхъ и сесь выписъ подъ печатми нашыми врадовыми, судиною и подсудковою, а съ подписомъ руки моей писарское, въ Бозѣ превелебному его милости отцу Антонію Селявѣ, архіепископу Полоцкому, Витепскому и Мстиславскому, есть выданъ. Писанъ въ Полоцку.

Писанъ на двухъ съ половиною листахъ, вытиснуты на бумагѣ двѣ печати, съ неявственными оттисками, подпись писаря: Янъ Подбипента писаръ земскій Полоцкій. *Весьма ветхъ. Хранится въ рукописномъ отдѣленіи виленской публичной библіотеки.*

3

Дарственная запись Александра Полубенскаго (*) священнику деречинской церкви Роману Кобятѣ на земельный участокъ и десятину доходовъ. 1601 г.

Александеръ Полубинскій панъ Новгородскій сполечне зъ сыномъ нашимъ княземъ Александромъ Полубинскимъ, старостою Вилькейскимъ, ознаймуемы то тымъ листомъ пашимъ, кому бы того была потреба належала вѣдати, ижъ которая церковъ Божья Све-

(*) Князья Вишневецкіе и Полубенскіе, въ то время еще были православными. *Ред.*

того Спаса наданье годное намети продковъ нашихъ
ихъ милостей князей Полубинскихъ и ихъ милости
князей Вишневскихъ, у мѣсти пашомъ Деречинском
которая мнѣ вѣчнымъ правомъ отъ его милости княз
Константына Вишневецкого зъ дворомъ и зо всим
людми продана есть, ни въ чомъ не нарушаючи, а
утвержаючи погожаючи въ той фалѣ Божей и пови
ности нашой хрестіянской, служебнику и богомольн
нашому свещеннику Роману Кгобятѣ не только я
бысмы мѣли преносити окомъ пашимъ прозбу его, леч
(но) паметаючи на давно звыклые (обычныя) служб
его, намъ пристойне вѣрне черезъ часъ не малый дѣ
лаючіе, и хотячи его тымъ хутлившого (ревностнѣй
шаго) до богомоленья и службъ его теперь и въ пры
шлые часы за показаньемъ ласки (милости) нашое, як
духовника славное памети княгини малжонки (жены
моей, схильнѣйшого къ намъ удѣлати и черезъ огон
знищеного поратованье (помощь) учинити, погожаю
чи тому, абы въ той церкви фала Божая по душахъ
продковъ нашихъ богобоязныхъ князей пановъ кти
торовъ тое церкви и всего народу нашого годных
светыхъ памети, такъ и за здоровье наше, съ розмно
женьемъ слова Еванелін Светое а ку науцѣ всихъ лю
дей прибѣгаючих, зъ выконываньемъ (совершеніемъ
всее фалы не уставала, лечь примножала датою въ
датѣ (числомъ къ числу), одъ ихъ милостей впрод
реченыхъ продковъ нашихъ князей Вишневецкихъ на
часть отъ князей Вишневецкихъ тоей церкви Божое
которая се намъ вѣчне зостала, приняли есмо и да
лисмы священнику реченому Кгобятѣ. Которую цер
ковь Божью держати ему подали яко въ датѣ цер
ковной, такъ тежъ въ земляхъ и подданныхъ цер
ковныхъ землею и ихъ службою и повинностью, ко
торіе есть надано на церковь Божью для выхованья
(содержанія) его, то есть домъ зъ будованьемъ у мѣ
стѣ Деречинскомъ зо всимъ на все зъ огородами,

кгрунтами, полями пашными и зъ сѣножатьми, ако здавна и теперь въ обыходѣхъ своихъ маютъ. Дô того придалисмы тому священнику реченному землю дъяконскую зъ двѣма огородами у мѣстѣ Деречинскомъ и пляцами двѣма до того часу, покибы ся дъяконъ до той церкви Божее трафилъ (случился). А ку тому тежъ, ведлѣ стародавного звычаю отъ тыхъ менованыхъ продковъ нашихъ, на каждый годъ съ пашни нашое десетина, ведлугъ боязни Божое а новинности приказанья писма светого, зъ двора нашого Деречинского выдавана быти маетъ тому впродъ менованому священнику. Въ которой церкви Божей по недѣли зъ священникомъ нашимъ отцомъ Яковомъ Неронскимъ протопопею службу Божъю служачи вшелякихъ (всякихъ) доходовъ на полы богобоязно уживати (употреблять) маютъ и яко въ тыхъ менованныхъ и не менованыхъ наданьяхъ тое церкви Божей и ни въ чомъ погожаючи писанію светому, а на большъ фалѣ Его светой отъ тоей церкви Божее ведлѣ фундушовъ продковъ нашихъ не уймуючи а ни нарушаючи, але еще привлащаючи мы сами и потомки наши зъ несмертельною славою дому нашого черезъ сесь листъ нашъ тому священнику даемъ и тымъ листомъ фундованымъ стверҗаемъ до жывота его, варуючи (обеспечивая) то ему симъ листомъ нашимъ, ни въ чомъ не нарушаючи фундушовъ благословенныхъ ктиторей тоей светое обители. Маетъ онъ за благословеніемъ Божьимъ и архіепископа нашого до живота своего при той церкви Божьей будучи службу Божью дѣйствовати и всякіе справы духовные отправовати, яко одъ вѣковъ Светая Соборная Апостольская Церковь здавна и теперь уфундована. До которое церкви вси православные хрестіяне, а наболѣй парафіяне (прихожане) тоей церкви съ тыхъ селъ мнѣ отъ князя Вишневецкого вѣчностью зосталыхъ приходити и научатися приказанью (заповѣдямъ) Божьему и науцѣ цер-

ковной мають. И на тосмы ему дали сесь нашъ листъ подъ нашими печатьми и съ подписомъ рукъ нашихъ. Писанъ у Деречынѣ, року отъ нароженья Спасителя нашого Іисуса Христа 1601, мѣсеца Октебра дня.

Писанъ на бумажномъ листѣ. Копія. Хранится тамъ же.

4

Духовное завѣщаніе Константина Θедоровича Чапличь-Шпановскаго. 1601 г. (*)

Во имя Отца и Сына и Светого Духа станься. Ижъ всѣ речи на свѣтѣ, которые не бывають письмомъ объясненые и ку вѣдомости людской приведеные, съ памети людское прудко (скоро) сплывають и въ запаметанье приходять, зачимъ розрухи (споры), шарпанины и непокое около маетности позосталые въ домѣхъ шляхетскихъ не только межи кровными, але и межи власными дѣтьми бывати звыкли, чому забѣгаючи (предупреждая), абы то по смерти моей въ дому моемъ небыло, я Костентинъ Θедоровичъ Чапличъ-Шпановскій хотя есьми зъ воли Божей хоробою навеженъ (посѣщенъ), але за доброе памети и цѣлого розуму, не будучи ни отъ кого намовенъ и ничимъ приведенъ, одно статочне ся на то розмысливши, волю мою симъ тестаментомъ моимъ ознаймую и до вѣдомости людское привожу. Напередъ поручаю Богу Сотворителю душу мою, маючи надѣю певную у милосердью Его светомъ, ижъ ся надо мною грѣшнымъ змиловати, отпустивши злости мои, до хвалы Своее Святое духа моего приняти рачитъ (изволитъ); и тѣло мое грѣшное, яко земля землѣ отдано быти маеть, которое маеть быти похвано у манастыри Дорогобузкомъ у церкви Пречистое Светое водлѣ тѣла небожчика отца моего пана Θедора Пет-

(*) Доказательство православія предковъ Чапличей - Шпановскихъ. *Ред.*

ровича Чаплича-Шпановского. А если жебы то трудно было, тогды у Глупонинѣ у церкви, котору есьми самъ збудовалъ, светого Архангела Михаила. А ижъ есьми по вси часы дознавалъ противъ себе великое молости и добродѣйства его милости пана Θедора Чаплича, судьи земского Луцкого, стрыя своего а особливе въ тыхъ часехъ, кгдымъ его милости продалъ имѣнье село Глупонинъ, же ми его милость вольность мѣшканья въ той же маетности до часу слушного узычити и, еслибы ми панъ Богъ живота передлужилъ, доживотное мѣшканье записать обѣцать былъ рачилъ. А такъ я маючи тое дуфанье о ласцѣ его милости, ижъ тое остаточное прозьбы моее не опуститъ, тую справу погребу грѣшного тѣла моего такъ яко и иншіе справы, у томъ тестаментѣ остатнее воли моее нижей написаные, поручаю отправовати его милости пану Θедору Чапличу, судьѣ земскому Луцкому, стрыеви моему и униженне его милости прошу, абы тую працу его милость на себе взяти и погребъ тѣлу моему учтивый водлугъ своего баченья справить рачилъ. На которые потребы отказую двѣсти золотыхъ польскихъ, которые ми виненъ панъ Павелъ Плоскій, подстаростій Житомирскій, позычоного долгу, на што онъ мнѣ листъ записъ свой, подъ печатью своею а съ подписомъ руки своее, также тежъ подъ печатми и съ подписомъ рукъ людей зацныхъ, далъ, у которомъ тое по достатку доложоно есть. О чомъ его милости пана судьи, пана стрыя своего, покорне прошу, еслибы того потреба показала, абы его милость тую справу своими грошми отправовати, а потомъ тотъ долгъ у пана Плоского поволи собѣ отыскивать рачилъ. Также тежъ на тую потребу отказую десеть копъ грошей Литовскихъ у мѣщанина Острозкого, у Петра Римара, которыхъ есьми ему позычилъ, а особливе

позычилом тежъ тому жъ Римарови аксамитного жупана черного, абы его для потребы своее на часъ малый заставилъ, а потомъ выкупивши зась мнѣ отдалъ и вернулъ тые всѣ грошы, а панъ маеть его милость панъ судья отыскати, грошы на погребъ тѣла моего обернути. А жупанъ аксамитный отказую брату моему, пану Янови Чапличови судьичу, церковные речи, сосуды, апараты, книги черезъ мене до церкви Глупонинское наданые, которыхъ реестръ подъ печатью моею съ подписомъ руки моее написаный есть, тое все при церкви Глупонинской зостати маеть. А што есми заставилъ въ Острозѣ у Андрея, свещеника Пречисткого, келихъ сребрный въ осми копахъ грошахъ Литовскихъ, также у Глупонинѣ у подданого пана судьина у Васка Шакулы кадильницу серебреную у чотырехъ копахъ и у себрову грошей Литовскихъ, тые речи его милость панъ судья выкупити и до церкви Глупонинское отдати маеть. Што ми тежъ панъ Словиковскій за три панцеры зосталъ виненъ десеть копъ грошей Литовскихъ, то все повиненъ его милости пану судьи отдати, которые пѣнези панъ судья на долги обернути маеть. Того тежъ у томъ остатнее воли моее тестаментѣ докладамъ, ижъ што есми его милости пану Ѳедору Чапличу, судьи земскому Луцкому, продалъ на вѣчность имѣнье свое отчизное дворъ и село Глупонинъ за четыри тисечи копы грошей Литовскихъ, то есть за десеть тисечій Польскихъ золотыхъ, которую суму пѣнезей десеть тисечій золотыхъ Польскихъ его милость панъ судья сполна мнѣ отдалъ и заплатилъ и ничого ми виненъ не зосталъ, на што есми и листъ вѣчистое продажи его милости далъ, и тотъ листъ на врядѣ кгродскомъ Луцкомъ сознали и вписалъ до книгъ земскихъ Луцкихъ, зъ которыхъ перенести другимъ листомъ записомъ своимъ обя-

вался, и тое имѣнье дворъ и село Глупонинъ въ моцъ держанье и вѣчистое уживанье врядовне черезъ возного его милости пану судьи продалъ и поступилъ. А ижъ есми за небезпечностью повѣтрія, подъ который часъ рочки кгродскіе не бывали сужоные, и потомъ и за тою хоробою, которою мнѣ панъ Богъ навѣдити рачилъ, того запису на врядѣ кгродскомъ Луцкомъ не сознал, тогды если бы мене панъ Богъ съ тое хоробы вызволити рачилъ, повиненъ буду тому записови своему досыть чинити. А если жебы тежъ панъ Богъ съ того нужного живота до хвалы Своей святое мене поволати рачилъ, все тое право, што есми его милости пану судьи имѣнье свое Глупонинъ на вѣчность продалъ и листъ вѣчистое продажи на то его милости далъ, симъ остатнее воли моее тестаментомъ ствержаю, змоцняю и во всемъ достаточнымъ чиню, и абы у каждого вряду, права и суду цѣлой зуполной и ни въ чомъ ненарушоной моци держанъ и захованъ былъ, мѣти хочу. На которое имѣнье село Глупонинъ ижемъ его милости пану судьи листовъ дѣльчихъ и иншихъ справъ листовъ тому имѣнью належачихъ не отдалъ, тогды подъ сумнѣньемъ своимъ то вызнавамъ, ижемъ въ рукахъ своихъ жадныхъ не мѣлъ, але яко еще отецъ мой небожчикъ панъ Ѳедоръ Чапличъ зъ сего свѣта зшолъ, вси листы дѣльчіе справы его милость панъ Иванъ Чапличъ Шпановскій, кашталянъ Кіевскій, стрый мой, будучи опекуномъ моимъ, до рукъ своихъ взялъ, такъ при нимъ и до сего часу зосталы. О которые, если бы того потреба показала, вольно будеть его милости пану судьи, еслибы иначей быти не могло, и правне чинити и тое все выскати. Росправу слугъ и челяди моее дворное его милости пану судьи стрыеви моему поручаю, которымъ его милость водлугъ заслугъ ихъ нагороду чинити и

платити маеть, яко же есми самъ устне за доброе памети нѣкоторымъ поменилъ и назначилъ, што маеть быти кому дано зъ маетности моее, речей рухомыхъ по мнѣ зосталыхъ; также тежъ и подданымъ Глупонинскимъ, штомъ у кого взялъ былъ быдла, то есми за живота своего поворочалъ, а иншихъ слугъ и челядь, которыхъ есми самъ не менилъ, его милость панъ судья, водлугъ баченья своего а заслугъ ихъ каждого, каждому заплатити и отправити маеть, которымъ всимъ нагорода и заплата чинена быти маеть зъ маетности моее речьми рухомыми, то есть, коньми, шатами, сѣдлы, пулгаками, сагайдаками и иншимъ рыштункомъ. А если же бы по отправѣ слугъ и челяди моее дворное, што кольвекъ маетности моее речей рухомыхъ и спряту домового зостало, такъ же тежъ въ гумнѣ што кольвекъ есть, або ся зостане пашни, то есть, пшеницы, жита, овса, ячменю и инщого вшелякого збожья, тогды тое все никому иншому, одно братеи своей пану Мартину, пану Адамови, пану Янови, пану Миколаеву и пану Юрьеви Чапличомъ, судьичомъ даю, дарую и симъ остатнее воли моее тестаментомъ записую вѣчными часы; золота, серебра, грошей готовыхъ згола ничого не зоставую, бомъ ихъ не мѣлъ и не маю, также тежъ цыну мѣди ничого не мамъ, только одна фляша цынова. Што се дотыче долговъ, тогды есми никому ничого не виненъ, и никому есми на долги листовъ записовъ и жадныхъ мембрановъ не давалъ. Однакъ же еслибы ся у кого нашли на долги якіе листы записы мои слушные, правные и правдивые и неподезрѣныи, тогды его милость панъ судья стрый мой тое заплатити мае и будеть повиненъ. И на томъ есми далъ его милости пану Ѳедору Чапличу, судьи земскому Луцкому, сее остаточное воли моее тестаментъ, подъ печатью моею и съ подписомъ власное руки моее.

А при томъ были и того добре свѣдомы и за устною очевистою прозбою моею печати свое приложити и руки свои подписати рачили къ сему остатнее воли моее тестаменту ихъ милость панове а пріятели мои: его милость панъ Васнлей Бабинскій, панъ Романъ Велигорскій а его милость нанъ Иванъ Шпаковскій. Писанъ у Глупонинѣ, въ року отъ Нароженья Исуса Христова тысеча шестсотномъ первомъ, мѣсеца Декабра пятнадцатого дня. У того тестаменту печати чотыри и подписъ рукъ у тые слова: Костентій Чапличъ-Шпановскій рукою власною, Василей Бабинскій рукою власною, Иванъ Шпаковскій власною рукою, Романъ Велгорскій власною рукою.

Печатанъ по выписи изъ земскихъ книгъ, скрѣпленной тисненою печатью и подписомъ Михайлы Гулевича, писаря земскаго луцкаго. Хранится тамъ же.

5

Посланіе Мелетія, архіепископа полотскаго, Свято-Духовскому братству о принятіи имъ іеродіакона Филиппа. 1621 г.

Мелетій, милостію Божіею архіепископъ Полотскій, владыка Витепскій и Мстиславскій, архимандритъ Виленскій. Вѣдати даеть смиреніе мое, кому о томъ вѣдати належати будеть, ижъ листу моего показатель іеродіаконъ Филиппъ отъ апостатовъ Виленскихъ ко прирожоному отеческому благочестію прибѣгій и исправленіе отъ смиренія моего въ православіи Святой Восточной Церкви, и во степеніи діаконствѣ достодолжное получившій, отпустися на время гдѣ во благочестивѣй обители почити, донележе смятеніе на церковь Божію во градѣ семъ сверѣпѣ-

юще Божіимъ мановеніемъ въ тишину премѣнится. Еиуже яко новосъединенну буди у всихъ старѣйшихъ въ церкви святой и юнѣйшихъ обрѣсти благословеніе, милость и любовь молю усердно. Затымъ себе благословенію отеческому и любви братерской вручаю! Въ обители пресвятого и животворящого Духа братства церкви Виленское року 1621, мѣсеца Іюля 10 дня. Властною рукою. *Писанъ на поллистѣ.*

6

Грамота князя Константина Полубенскаго православнымъ жителямъ Глушска о построеніи церкви Богоявленія. 1628 г.

Константинъ Полубенскій, каштелянъ Мстиславскій.

Видечы я быть частые бунты и розрухи въ мѣстѣ моемъ Глуску Дубровичскомъ, за чымъ ми се спустошенье стало въ маетности для вѣры Греческое, же имъ дотуль боронилъ зверхности митрополита Кіевского и церкви имъ не позволялъ, хотечы оныхъ прывести прозбою и грозбою до уніи. А не могучы ихъ до того прытянуть, позваляю имъ церковь одну заложенья Богоявленья и одъ того часу обѣцую имъ жадное перешкоды въ томъ не чынить, а ни потомкомъ, варуючи еднакъ межы ними, жебы якъ попы межы собою, такъ тежъ и мѣщане въ томъ покой заховали подъ виною на мене самого и караньемъ. Вольно будеть кождому зъ ихъ до которое хочеть церкви ходить. Свещенникъ свершоны маеть быти до тое церкви одъ митрополита Кіевского и зъ благословенства патріархы Константынопольского. А передъ звѣзджыми митрополита уніованого тоть

вещенникъ становити се не маеть. И кгды вжо въ ιуску мѣстѣ моемъ мѣщане свещенника до тое эркви мѣти будуть, передъ мене самого ставити иють для потверженья; которому доходъ здавна алежачы одъ мѣщанъ и подданыхъ моихъ доходить иеть. А попы, якъ унитове, такъ попъ тамтое церви до того ихъ кгвалтомъ примушать не мають и огчы не будуть, але каждый на своемъ переставать иеть. На которую церковь фундацыя въ селѣ Руиновичахъ служебъ двѣ безъ подданыхъ и мѣсто лускъ огуломъ, аператы належачые до тое церкви іа особливымъ реестрѣ списано и съ подписомъ руки юее дано. И на томъ далъ сесь мой листъ съ печатью моею и съ подписомъ руки моее. Писанъ у Глуску, мѣсеца Марца петнадцатого дня, року тыюча шестьсотъ двадцать осмого. Konstanty Polubieński, kasztelan Mscislawsky swą ręką.

Внизу видны три печати: одна оттиснутая на бумагѣ и двѣ сургучевыя. Писанъ на поллистѣ и подклеенъ другимъ поллистомъ. Хранится въ рукописномъ отдѣленіи виленской публичной библіотеки.

II.

Австрійцы въ Галиціи.

*(Продолженіе *).*

Quel que soit le mode d'élection des représentants du pays, l'élement nobilaire y dominera infailliblement.... Le peuple polonais n'á de confiance que dans ses compatriotes, les Polonais; donc pour arriver à la pacification du pays, il faut que la Pologne soit gouvernée par des Polonais.

D. K. Schédo-Ferroti.

Агитаціонный періодъ.—Тайная полиція—Судъ.—Крестьянскій вопросъ.—Мятежъ 1848 года.—Русскій языкъ.

Изслѣдованіе развитія работъ *великаго будованія* ведетъ въ 1798 г. изъ предѣловъ Австріи въ Пруссію, а изъ Пруссіи, вслѣдъ за *Чарторыйскими*, въ Россію; послѣ польскаго же мятежа 1831 года центръ дѣятельности полонизма перенесся въ эмиграцію. Мысль 1797 года объ учрежденіи польскаго сейма за границею, такимъ образомъ, чрезъ 34 года, въ сущности была приведена въ исполненіе. Въ этомъ порядкѣ читатель найдетъ и ближайшія свѣдѣнія о perpetuum mobile польской конспиративной дѣятельности. Для обзора дальнѣйшихъ судебъ полонизма въ Австріи, напоминаемъ нашимъ читателямъ изъ „Введенія“ о партіяхъ между польскими выходцами 1).

Польскія дѣла до 1848 г. находились въ своемъ *первомъ фазисѣ*, и усиленное броженіе полонизма въ началѣ сороковыхъ годовъ, кончившееся кровавыми мятежами, представляло какой то хаосъ спутанныхъ явленій; а полонизмъ торопливо напустилъ запасъ *тьмы* и *мглы*, дабы эти явленія остались неразъ-

---

*) См. 2-я книжка Вѣстн. Зап. Россіи.

1) Введеніе стр. 60—64;

ясненными. Дѣятельность полонизма относительно Австріи можетъ быть приведена къ слѣдующимъ простѣйшимъ видамъ:

Великое будованіе опредѣляло съ начала сороковыхъ годовъ приступить къ приготовленіямъ къ мятежу. Оно заискивало предъ папою участіе къ полонизму, для привлеченія его на свою сторону 1). Оно заискивало предъ иностранными кабинетами внѣшнюю помощь 2). Оно, усиленными стараніями своихъ *филяровъ*, литературою и журналистикою *польской справы*, поддерживало въ Галиціи волнующееся польско-патріотическое настроеніе между туземцами панами. Въ то же время имъ питаемые польскіе демократы создавали въ Галиціи цѣлые группы частныхъ заговоровъ въ низшей польской средѣ 3). Для согласнаго теченія приготовительныхъ дѣлъ князь Адамъ *Чарторыйскій* произнесъ свою рѣчь для внушенія туземному дворянству, дабы оно довѣрялось и безпрекословно исполняло распоряженія главнаго *филяра* въ каждомъ воеводствѣ, который долженъ самъ избирать себѣ помощниковъ, и пользуясь мѣстными обстоятельствами, приготовлять средства; а центромъ заговорной дѣятельности долженъ быть Ламборовъ отель 4).

Польскіе магнаты въ своей средѣ имѣютъ личности, съ наслѣдованными отъ Рѣчи-Посполитой такими громадными состояніями, что Галиція, незатрудняясь, могла вносить свою долю въ ежегодную подать Ламберова отеля 5), которая ему приходилась по раскладкѣ.

Дабы еще усилить матеріальныя средства къ готовимому мятежу и выманить на то деньги отъ австрійскаго правительства дворянство, всеподданнѣйшимъ адресомъ, просило, по случаю неурожая 1845 года, объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства суммъ для продовольствія крестьянъ; свои запасы оно сберегало для войскъ вспомогательныхъ будущему мятежу 6).

Для экстренныхъ расходовъ по приготовленію къ мятежу дворянство постановило такой большой процентъ на свои человѣколюбивыя учрежденія, что подобная щедрость въ голод-

---

1) la Pologne p. 226. 2) Тамъ же.

3) Die poln. Rev. p. 27—61. 4) Польская эмиграція до и во время мятежа 1863 стр. 395; Die jüngsten Ereignisse in Polen p. 69.

5) Liste civile по L. Mickiewicz'y „Czartoryski" Paris 1863.

6) Прилож. 3; Angeberg: Recueil p. 1018; die Poln. Rev. p. 58.

ый годъ даже обратила на себя вниманіе правительства; тѣмъ олѣе, что паны уклонявшіеся отъ этихъ пожертвованій были реслѣдуемы насмѣшками и обидными выходками 1). Въ какое е время несли паны эти обильныя приношенія на всѣ затѣи амберова отеля, на пополненіе *кассъ народовыхъ*, на закупку ружія, на закупку того множества журналовъ, которые такъ силенно проповѣдывали полонофильство Европѣ? При неурожаѣ страшный голодъ свирѣпствовалъ въ краѣ; а паны тѣмъ серднѣе гнали вино на винокурняхъ 2), тысячи голодающихъ мирали на большихъ дорогахъ, на улицахъ городовъ и мѣстечекъ (Marktflecken), куда они плелись изъ деревень, въ надеждѣ тамъ найдти кусокъ хлѣба, а *польское духовенство* съ амвона провозглашало потомъ бѣдному народу что *то кара небесная*, за то, что они вѣрятъ правительству, а не панамъ 3). За голодомъ развился наконецъ и *голодный тифъ* (Hungertyphus). Труженники *илоты* пухли и гибли, а *плантаторы* и ихъ прихлѣбники снаряжались на повстанье. *Польскіе вопли* домогались пособій отъ правительства на голодающихъ, и милліоны отправлялись въ Парижъ для поддержки плановъ *великаго будованія*.

Журналистика общереволюціонной партіи въ сороковыхъ годахъ пустила полонизмъ въ моду по Европѣ (Damals war das Polenthum Mode in Europa). Дамы даже въ Вѣнѣ облачались въ такъ называемыя *польки* 4). Съ того времени водворился и танецъ *полька*, шумно вторгнувшійся въ танцовальные залы. Князь *Чарторыйскій*, потерявъ надежду на возбужденіе къ войнѣ польскимъ вопросомъ, сдѣлалъ опрометчивый шагъ 5), и съ *великимъ будованіемъ* примкнулъ къ планамъ общереволюціонной европейской партіи, которая готовилась разлить революцію по всей Европѣ 6).

Это сближеніе давало особую силу и значеніе *централизаціи* своеобразныхъ польскихъ демократовъ. *Чарторыйскій* былъ увѣренъ, что аристократическая партія, располагая средствами, сохранитъ свое постоянное преобладаніе; но централизація, которая тоже домогалась возстановленія Польши въ предѣлахъ

1) Die jüngsten Ereignisse in Polen. p. 8 и p. 43.
2) Изъ извѣстій сообщ. изъ Австріи. 3) p. 260.
4) Die polnischen Revolutionen p. 32, 34, 38 и 28.
5) „Un pas de clerc“ Mickiewicz: Czartoryski.
6) Польск. эмигр. стр. 116; Die poln. Rev. p. 35.

1772 года 1), наученная прошедшимъ, не хотѣла служить то ко одним пушечнымъ мясомъ, и глава централизаціи *Мѣрос ській* обѣщался своимъ друзьямъ, что *сумѣетъ провести стар дипломата* 2). Съ сороковыхъ годовъ польское дворянство Галиціи кинуло свою замкнутость, сближалось съ австрійск властями, и во время усиленной агитаціи часто раскрывал указанія на крамольную работу. Звѣнья были открываемы; сама *большая цѣпь* (Die grosse Kette) оставалась невидимою Полонизмъ внушалъ властямъ, что это было ничтожное бр женіе умовъ. Опасенія инаго ретиваго чиновника были н смѣшливо преслѣдуемы, какъ гоняющагося за призраками Поляки, агенты тайной полиціи, служили обѣимъ сторонамъ то вводили въ заблужденіе, то усыпляли министровъ въ *Вѣнѣ* 5) Два брата графа *Веселовскіе* стали въ главѣ мѣстнаго движені старшій предназначался въ будущаго *воеводу*. Они вошли въ сношенія съ сторонниками централизаціи 6).

Пока высокое дворянство обманывало австрійское правительство, агенты централизаціи обманывали пановъ и волновали народъ. Паны соглашались на кое какія уступки участковъ земли, при условіи полученія за тѣмъ *вознагражденія* изъ достоянія возстановленной Польши, а шныряющіе агенты внушали населенію, что если оно избавится отъ пановъ, то вся почва останется ихъ собственностью. Не хорошіе слухи стали тревожить пановъ, и они тѣмъ охотнѣе внушали правителю Галиціи, эрцгерцогу Фердинанду, что крамольное настроеніе идетъ отъ крестьянъ, что безопасность страны требуетъ рѣшительныхъ мѣръ, для укрощенія крестьянскаго своеволія 7). Частыя военныя экзекуціи отправлялись по панскимъ требованіямъ; были случаи, что было употреблено и оружіе 8). Паны, расчитывая тѣмъ оторвать народъ отъ правительства, учащали свои жалобы на крестьянское неповиновеніе; а сами легальными путями обращали исполненіе инвентарей (работъ-патента) въ

1) p. 28.
2) Политич. отд. Вил. ген. губ. канцеляріи 1865. карта А. N. 2.
3) Die poln. Rev. p. 27.
4) Die poln. Rev. p. 40.
5) p. 40. 6) p. 36, 39 и 45.
7) Die poln. Rev.
8) Изъ свѣдѣній сообщ. изъ Австріи.

іевозможность 1). Паны вошли въ такую силу предъ эрцгерцогомъ, что пошатнулось даже вліяніе *Крига*, а за нимъ земкія власти, не достаточно сильныя чтобы отстаивать населеіе, махнули рукою. Высшей администраціи въ Галиціи поляи указывали на бунты революціоннаго пролетаріата во Франціи, и она расчитывала найдти опору въ консерваторахъ панахъ. Іа канунѣ бала, на которомъ въ Львовѣ было назначено перешить высшій нѣмецкій кругъ, и дамы клали въ свои карманы петли изъ тонкой дратвы 2), Эрц-герцогъ отдалъ строгій рказъ земскимъ властямъ не допускать крестьянскихъ сбощъ. Низшимъ земскимъ властямъ оставалось только внуiать населенію вѣрность къ правительству.

Паны, собравшись въ назначенный день по господскимъ садьбамъ, вооружились съ домашнею челядью, и, угостивъ ризванныхъ крестьянъ, приглашали ихъ пристать къ бунту. Іаны надѣялись, что какъ умы крестьянъ давно уже были олнуемы разными слухами, то они ихъ легко увлекутъ въ мяежъ даромъ поземельныхъ участковъ; но встрѣтили нежданный тказъ. Для сохраненія порядка въ мятежѣ, заговорщики рѣшли предварительно поддержать все значеніе панскаго обаяія, хотя бы путемъ террора: потому, при отказѣ, они стали трѣлять первыхъ изъ крестьянской среды заговорившихъ ораоровъ-противниковъ. Видъ мужицкой крови, обагрившей февальскій снѣгъ, видъ односельцевъ пристрѣливаемыхъ какъ обакъ, переполнилъ давнюю вѣковую чашу желчи, и—началась та страшная трехдневная рѣзня, отъ которой пали тысячи жертвъ, и которая сохранила названіе галиційской 3).

Польскія затѣи 1846 года потерпѣли въ Галиціи кровавое фіаско. Великое будованіе убѣдилось, что созданныя имъ теоріи, равно какъ и теоріи разработанныя *польскими демократами*, въ созданной ими наукѣ производства мятежей, для практическаго примѣненія оказались неудовлетворительными. *Бѣ-*

1) Такъ напримѣръ при жатвѣ число сноповъ было опредѣлено. Паны усилили размѣры обыкновенно употребляемой вязки, і связлы всѣхъ сноповъ, не по новому размѣру, перерѣзывались і таковые снопы не принимались въ расчетъ. (Изъ свѣд. сообщ. изъ Австріи).

2) Тамъже.

3) Die p. Rev. p. 81—108; польская эмиграція стр. 137—150.

лые и *красные* увидѣли необходимость, для дальнѣйшаго веде польской справы, новыми пріемами и новыми правилами за нить старые. Въ 1846 г. Ламберовъ отель предоставилъ *кр нымъ* подминировать Галицію сѣтью подпольныхъ работъ. О расчитывалъ, что *красные* подвинутъ города и села; а паны, которыхъ въ рукахъ были матеріальныя средства, обезпечи свои имѣнья проэктированными *вознагражденіями*, станутъ нечно верховными руководителями движенія, когда они о панской своей милости объявятъ народу, что дарятъ имъ *па щину*, а слѣдовательно даровое пользованіе угодьями, и ч новое учреждаемое польское правительство уничтожаетъ а стрійскіе казенные налоги и учреждаетъ свободную прода *табаку и соли*. Паны въ своихъ щедротахъ только умалчива о принадлежащемъ имъ правѣ продажи вина, о такъ называемо *пропинаціи*. Когда населеніе отказалось идти по пути, начер ченному программою *великаго будованія*, тогда паны были постав лены въ необходимость выступить ярче на сцену, расчитыва своимъ личнымъ примѣромъ и словами двинуть массы для ис полненія приготовленій къ бунту. Сельское населеніе, возбуж даемое кромѣ того еще обильными запасами вина по панскимъ кабакамъ, подъ видомъ предстоящей масляницы, ударивъ на другой путь, въ своемъ разгарѣ уже не отличало *бѣлыхъ отъ красныхъ*. Городское населеніе также не могло поддержать мя тежнаго движенія; до мятежа еще многіе коноводы по полу ченнымъ тайною полиціею сообщеніямъ, по городамъ был арестованы.

Князь Адамъ *Чарторыйскій*, при событіяхъ 1846 г., явилъ одинъ изъ яркихъ примѣровъ своего великаго искусства интри ги; общественному мнѣнію Европы было объяснено, что коварство австрійскаго правительства привело къ *галицiйской рѣзнѣ*. Симпатіи къ полякамъ только усилились среди обильно напущенныхъ тьмы и мглы. Всѣ блуждали въ Австріи, не видя въ польскихъ дѣлахъ ни входа ни выхода. Престарѣлый князь *Меттернихъ* заколебался предъ проявленіями подпольной работы европейскихъ революціонеровъ, раскинутой не только по всей Австрійской имперіи, но по всей Европѣ; онъ согласился на просьбу *Чарторыйскаго* и замялъ дѣло 1). Общественное

1) Le Mackewitz Czartoryski.

мнѣніе Европы приняло самое горячее участіе въ судьбѣ поляковъ, побіенныхъ въ Галиціи. Адрессъ, поданный панами въ сентябрѣ 1845 г. для полученія отъ казны субсидій, былъ опубликованъ, какъ заявленіе ихъ желанія подарить крестьянамъ поземельную ихъ собственность 1).

Галиційская рѣзня была страшнымъ убѣдительнымъ протестомъ противъ сочувствія народа къ польской справѣ, навязываемой населенію; за то поляки столько налгали на австрійское правительство, что наконецъ сами тому повѣрили. По мановенію Ламберова отеля, *австрійское коварство* стало лозунгомъ всей полонофильствующей европейской журналистики и массы брошюръ и панфлетовъ, лозунгомъ всѣхъ полонофиловъ-дипломатовъ и засѣдавшихъ въ государственныхъ палатахъ 2); наконецъ маркизъ *Вѣлопольскій* въ своемъ анонимномъ письмѣ, распубликованномъ подъ заглавіемъ: „lettre d'un gentilhomme polonais à Mr le prince de Metternich," называлъ плачущимъ волкомъ къ австрійскому правительству: „возьмите нашу жизнь, *возвратите намъ сердца нашихъ крестьянъ*" 3). Среди тьмы и мглы даже и нѣмцы и русскіе тогда вѣрили полякамъ.

Правитель Галиціи эрц-герцогъ *Фердинандъ* потерялъ возможность оріентироваться среди разволновавшагося моря польскихъ интригъ и мистификацій; онъ сообщалъ въ Вѣну о крамольномъ настроеніи пановъ; изъ Вѣны ему сообщали, что агенты польскихъ выходцевъ-демагоговъ прививаютъ крамолу крестьянамъ, и что паны ищутъ правительственной защиты. На мѣстѣ паны ласкались къ австрійцамъ, и въ то же время подписывались на двухсмысленныя складчины; мѣстная администрація предупреждала о броженіи умовъ, а поляки, заслужившіе довѣренность у высшихъ властей, въ томъ числѣ графъ Агеноръ *Голуховскій*, объясняли что австрійцевъ—трусливыхъ преслѣдуютъ призраки (Fantomen), а честолюбивыхъ желаніе выслужиться. Эрц-герцогъ отдалъ приказъ для спокойствія пановъ и страны не дозволять крестьянскія сходки; мятежъ на слѣдующій день вылетѣлъ изъ панскихъ хоромъ. Путемъ мятежа графъ *Веселовскій* долженъ былъ, какъ правитель Галиціи, сѣсть на мѣсто эрц-герцога, а маркизъ *Вѣлопольскій* опубли-

1) Angeberg p. 1018; польская эмиграція стр. 113.
2) Angeberg Recueil Акты 1846 г.; la Pologne p. 286—299.
3) Die Poln. Rev. p. 256.

ковалъ, что въ мятежѣ приняло участіе только *отребье* польскаго общества. Въ Вѣнѣ обвиняли Эрц-герцога, а князь *Меттернихъ*, имѣя въ рукахъ улики, остановился предъ конфискаціею галиційскихъ имѣній князя *Чарторыйскаго*—Сенявскаго ключа. Эрц-герцогъ *Фердинандъ* былъ до тошноты (bis zum Eckel) пресыщенъ всѣми польскими дрязгами и, по прекращеніи мятежа, просилъ своего отзыва: польское дворянство *искренно* пожалѣло о его удаленіи, особенно когда пришло извѣстіе, что его преемникомъ былъ назначенъ графъ Рудольфъ *Стадіонъ*, съ званіемъ Императорскаго комисара.

На полицію посыпались изъ Вѣны упреки къ бывшемъ мятежѣ; но она для его предупрежденія, дѣлала что могла, при ея устройствѣ и положеніи дѣлъ. Назначеніе полиціи не только открывать преступниковъ, но и ограждать спокойствіе и безопасность населенія предупрежденіемъ преступленій. Издавна правительства вообще усиливали дѣятельность полиціи тайными агентами, когда подозрѣвали, что въ слояхъ общества кроются личности, враждебныя существующему государственному строю. Общественное настроеніе указывало размѣры дѣятельности тайной полиціи и степени собственной ея подготовки къ наблюденіямъ. До вторженія шайки *Дениски* въ 1797 г. изъ Молдавіи, австрійская полиція и не догадывалась, что въ лицѣ возникшаго *великаго будованія*, ей предстояло противудѣйствовать изворотливому и сильному врагу. Въ концѣ 1796 года путемъ дипломатическихъ миссій, было сообщено въ Вѣну о вѣроятномъ проѣздѣ графа *Огинскаго* чрезъ Галицію; мѣстной полиціи было предписано наблюдать за путешественниками, а въ случаѣ поимки *Огинскаго*, отправить его въ Вѣну съ захваченными при немъ бумагами. Окружной начальникъ навѣстилъ графа *Дзялинскаго;* во время обѣда, простодушно далъ ему прочесть полученное предписаніе, со всѣми примѣтами *Огинскаго*, не обращая вниманія на самого *Огинскаго*, который тутъ же сидѣлъ за столомъ, и наружная перемѣна противъ его описанія заключалась только въ выбритыхъ усахъ и другой одеждѣ 1). По мѣрѣ того какъ польскія продѣлки становились чаще, полиція въ Австріи становилась бдительнѣе и искуснѣе; но только съ переходомъ *великаго будованія* во второй

1) Oginski: Mémoires T. II p. 259.

его фазисъ, послѣ событій 1848 г., нѣмцы, въ виду громадной предъ ними выяснившейся сѣти, раскидываемой поляками заговорщиками, увидѣли всю необходимость въ тайной полиціи, для противудѣйствія подпольнымъ работамъ полонизма, и рѣшились заговорить открыто о такой тайнѣ, которая всякому была извѣстна. Для огражденія себя отъ польскихъ посягательствъ, и въ виду perpetuum mobile польской конспиративной дѣятельности, нѣмцы убѣдились въ нуждѣ раціональнаго устройства самой тайной полиціи въ Галиціи. Литература и отдѣльныя записки разработывали этотъ вопросъ, плодъ разрѣшенія котораго вполнѣ выяснился въ услугахъ оказанныхъ, предъ мятежемъ 1863 года, познанскою полиціею *Беренштруна* въ Пруссіи.

„Полиція въ Галиціи, пишетъ авторъ польскихъ революцій, въ 1846 г. была, постарому, такая же, какъ и въ другихъ австрійскихъ областяхъ; и потому она дѣйствовала противъ полонизма, на фальшивомъ основномъ принципѣ, она ограничивалась системою наружныхъ наблюденій.“ Изъ имѣющихся свѣдѣній о разработкѣ нѣмцами вопроса о сферѣ и характерѣ дѣятельности полиціи, для противудѣйствія непрерывной подпольной дѣятельности полонизма, упомянемъ о ихъ сущности.

Полиція должна состоять изъ двухъ разрядовъ подъ однимъ общимъ управленіемъ: однѣ личности предназначаются для мѣстныхъ наблюденій, а другія слѣдятъ за внѣшнею дѣятельностью ревнителей полонизма. Первыя не должны быть отвлекаемы внѣшними порученіями, (in andern Beziehungen verwendet werden, zur Ueberwachung oder Nachvorsschung). „Служащій долженъ отлично знать свою мѣстность, и ежедневно ее рекогносцировать, дабы *никакая на ней произшедшая перемѣна—не осталась имъ не замѣченною.* Онъ долженъ подробно знать всѣ улицы, закоулки и окрестность своего участка, общественныя и частныя помѣщенія, всѣ сословія населенія, *знаменательнѣйшія* между ними личности (die wichtigen Persönlichkeiten), *специальные элементы* населенія, въ особенности *тѣ, отъ которыхъ обществу грозитъ опасность*, словомъ въ его головѣ должна быть топографія мѣстности и списокъ опасныхъ личностей *со всею ихъ предшествующею біографіею.* Къ такой должности пригодны люди, которые къ своей службѣ питаютъ туже любовь, какую охотникъ къ отысканію звѣря“ 1).

1) Извлеченія въ „Die Poln. Rev.“ p. 65.

Касательно внѣшнихъ сообщеній, хотя тотъ, кто самъ ловко воровалъ, лучше честнаго человѣка, знаетъ всѣ уловки (Diebswege und Kniffe); но въ политическихъ дѣлахъ, продающій свои услуги рѣдко можетъ пользоваться довѣріемъ заговорщиковъ и ихъ сообщниковъ (von Verschwörern und der gleichen Leuten) потому тайная полиція *хромаетъ* (von vorneherein lahm gelegt), если ея свѣдѣнія основываются только на показаніяхъ шпіоновъ. Эти большею частью принадлежатъ къ низшимъ разрядамъ заговорной лѣстницы, и не могутъ доставить свѣдѣній для полнаго противудѣйствія. Такъ, еще въ концѣ января, одинъ молодой человѣкъ, принадлежавшій къ заговору, которому онъ содѣйствовалъ всѣми силами, сообщилъ полиціи Львова, что всѣмъ австрійскимъ служащимъ, въ томъ числѣ и эрц-герцогу Фердинанду, готовится *сицилійская вечерня* (sicilianische Vesper) и что на предстоящемъ балѣ (потомъ отмѣненномъ по случаю траура по герцогѣ Моденскомъ), дамы выберутъ всѣхъ находившихся при шпагахъ военныхъ, и что въ моментъ, въ который они снимутъ оружіе, будетъ поданъ сигналъ къ ихъ побіенію и къ рѣзнѣ городскихъ карауловъ и солдатъ въ казармахъ. Молодой человѣкъ однако не могъ назвать коноводовъ и только послѣ усиленныхъ его разысканій, онъ могъ чрезъ нѣсколько дней разузнать имена нѣкоторыхъ горожанъ. Полиція по его указаніямъ не могла предупредить мятежа; по его показаніямъ были арестованы имъ названныя личности, что предупредило только мятежъ въ самомъ Львовѣ 1).

Другой еще важнѣйшій недостатокъ, для слѣдованія по пятамъ за замыслами полонизма шпіонами, тотъ, что въ этой средѣ являются такія ловкія личности, которыя служатъ въ обоихъ лагеряхъ и все, что могутъ провѣдать о дѣйствіяхъ правительства, передаютъ противникамъ. Австрія испытала на себѣ, что таковые служащіе, пользуясь своимъ положеніемъ, даже нарочно сообщаютъ ложныя свѣдѣнія, чтобы правительство ввести въ заблужденіе (irre führen). Одинъ изъ подобныхъ агентовъ, служащій и австрійской полиціи и *польской справѣ*, очутился по мятежу 1863 г. предъ виленскою слѣдственною коммисіею 2). Высшая концентрирующая власть полиціи должна

1) Die poln. Rev. p. 75.

2) Временнаго виленскаго полеваго аудиторіата слѣд. дѣло 1866 г. № 59.

пользоваться почетнымъ положеніемъ въ государственномъ строѣ и въ обществѣ; но съ своей стороны она должна обладать тѣмъ тактомъ, чтобы (durch ihren Takt) населеніе сознавало, что полиція существуетъ для его блага, а не населеніе для полиціи dass sie für die Bewohner da ist, zu ihrem Bestem, und nicht die Bewohner für sie). Другое качество необходимое для высшей власти полиціи состоитъ въ томъ, чтобы она пользовалась *полнѣйшимъ довѣріемъ вѣрноподданныхъ жителей*, и это качество не только съ избыткомъ вознаграждаетъ за всѣ затрудненія имѣть надежныхъ шпіоновъ, но оно даетъ всякія другія *превосходящее* средство (unübertreffliches Mittel) для слѣдованія по пятамъ крамольниковъ, и для послѣдовательнаго опредѣленія ихъ замысловъ. При польскомъ настроеніи вліятельныхъ сословій въ Галиціи, австрійская полиція была поставлена въ гораздо затруднительнѣйшее положеніе, нежели прусская, и не рѣдко въ сообщеніяхъ изъ Берлина она узнавала то, что творилось въ подпольномъ польскомъ мірѣ во Львовѣ 1).

Во всѣхъ слояхъ населенія Познани находятся нѣмецкіе элементы, которые, теченіемъ общественной жизни, дошли до сознанія въ непримиримой ненависти полонизма, равно къ правительству такъ и къ пруссакамъ, и разгадываютъ, какого рода козни полонизмъ точитъ противъ нихъ. Предъ ихъ глазами, сотни маловажныхъ случаевъ, группируясь, выясняютъ личности, вліятельныя на польскую массу. Это обстоятельство, по мѣрѣ тщательной разработки польскаго вопроса, поставило познанскую полицію въ то положеніе, что ей сталъ понятенъ малѣйшій намекъ (Fingerzeig), который себѣ подаютъ ревнители полонизма, въ то время какъ въ Галиціи, гдѣ Австрію представляютъ только служащіе, долгое время, до полнаго разъясненія подпольныхъ работъ, смыслъ многихъ сообщеній оставался на половину понятымъ, и важность самыхъ сообщеній не могла быть достаточно оцѣненною. Поляки, пользуясь обстоятельствами иронически провозглашали служащихъ черновидцами (Schwartzsäher) 2). Полиція въ Галиціи болѣе основывается на соображеніяхъ, чѣмъ на положительныхъ данныхъ; въ Пруссіи же полиція, при полномъ къ ней сочувствіи нѣмецкаго населенія, стала на ту ногу, что нѣмцы въ ней видятъ усерднаго

1) Die Poln. Rev. 242. 2) p. 74.

покровителя, который ни на минуту не выпускаетъ изъ глазъ всѣ внѣшнія и внутренніе обороты полонизма, и ведетъ его лѣтопись до *вчерашняго дня*. Не менѣе самихъ *филяровъ*, прусская полиція знаетъ его теоріи; она процѣживаетъ наборъ отуманивающихъ словъ, сохраняя существенное. Свои, прусскія, собственныя наблюденія, внимательный разборъ предшествовавшей дѣятельности разныхъ личностей, польскія оффиціальныя заявленія и скрываемая подпольная дѣятельность, мѣстная литература польскихъ ревнителей, равно и заграничная *польской справы*, въ какихъ бы изданіяхъ она не появлялась, составляютъ источники, которые одинаково несутъ свои данныя для *лѣтописи;* вѣрныя попадаютъ въ свои клѣтки и дополняютъ общее изображеніе дѣйствительной польской работы; невѣрныя полезны тѣмъ что опредѣляютъ характеръ польскихъ мистификацій. Прусская полиція въ состояніи дѣйствительно во время указывать, гдѣ враждебные замыслы требуютъ противудѣйствія. При нѣмецкихъ элементахъ населенія въ Познани, хорошо знакомаго съ характеромъ дѣятельности польской справы, прусская администрація нигдѣ не представляетъ возможности полонизму быть взятою въ расплохъ.

Великое будованіе сознавало, что широко раскинутая постоянная подпольная работа полонизма не обойдется безъ такихъ частныхъ и общихъ проявленій, по которымъ сотрудники польской справы будутъ призваны къ отвѣту предъ закономъ. Для возможнаго противудѣйствія къ обнаженію истины, для отуманенія понятій, для изворотливаго толкованія преступленія и усилій къ смягченію приговора, *великому будованію* необходимо спасать своихъ сотрудниковъ и работниковъ, а потому ему необходимо заботиться о вплывѣ польскаго элемента въ юридическую отрасль каждаго изъ трехъ государствъ, и разборъ польскихъ дѣлъ въ Австріи 1), Пруссіи 2), и Россіи 3) одинаково указываетъ, что паны, ведя пустую жизнь, занимая свои досуги конспиративными упражненіями, не упускаютъ однако изъ виду умноженія числа польскихъ юристовъ; потому что выгораживать и защищать *польскую справу* могутъ только люди,

1) Die Poln. Rev. p. 372.
2) Das Grossherzogthum Posen und die Polen. p. 54.
3) Пол. Отд. Вил. Ген. Губ. Канцеляріи, картонъ А. № 5; Польская эмиграція до и во время мятежа 1863 г. стр. 288.

въ нее посвященные. Юридическія же дѣла, при эластической морали іезуитовъ и польскаго катихизиса 1), всегда прибыточны.

„Польское дворянство и мѣщанство по принципу удалялись почти совершенно отъ государственной службы, пишетъ авторъ „польскихъ революцій:“ къ юстиціи же *преимущественно* (vorzugweise) они обращались охотно. Служащіе польской національности прослыли взяточниками, и громкій процесъ въ этомъ направленіи (in dieser Richtung) возбудилъ къ себѣ въ свое время общее вниманіе цѣлой Галиціи.“

„Съ 1848 года поляки стали искать государственной службы, пишетъ авторъ сочиненія „В. Герц. Познань и поляки,“ хотя спеціально по отрасли юстиціи (zwar in specie dem Justizfache zugewendet).“

По подавленіи въ 1846 г. мятежа въ Галиціи и по предупрежденіи его, раскрытіемъ-заговора въ Познани, виновнымъ предстоялъ судъ. Явился вопросъ: вести ли его прежнимъ порядкомъ для государственныхъ преступленій, или судъ сдѣлать гласнымъ при открытыхъ дверяхъ?

При неясно установившихся понятіяхъ, гласный судъ болѣе или менѣе находится подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія. При лживыхъ толкахъ, пущенныхъ въ общественное мнѣніе, защита иногда находитъ снисходительное и сочувствующее ухо, не только къ новымъ обстоятельствамъ, разъясняющимъ дѣло и служащимъ къ оправдыванію подсудимаго; но и къ такъ называемымъ *облегчающимъ* обстоятельствамъ. Нерѣдко ораторы стараются возбудить ими на столько состраданія, чтобы затемнить требованія правосудія, ограждающаго общественное благочиніе; они нерѣдко пользуются неяснымъ сознаніемъ сущности дѣла, чтобы увлечь порывами милосердія къ ослабленію силы и уваженія закона, созданнаго и тѣмъ же обществомъ признаваемаго необходимымъ. Взвѣшивая общественное настроеніе вліятельныхъ сословій и положеніе юридическаго дѣла въ Галиціи, полонизмъ путемъ западной журналистики требовалъ отъ австрійскаго правительства гласнаго суда, требовалъ громаднаго процесса (ein Monster Process) надъ всѣмъ населеніемъ Галиціи; но онъ умалчивалъ о подсудимыхъ въ Пруссіи, въ

1) Прилож. I, ст. 1.

которой готовимый мятежъ былъ предупрежденъ полиціею въ Познани, при приливѣ въ нее нѣмецкаго населенія. Результаты получились обратные: въ Австріи преступники были подвергнуты обычному закрытому и даже тайному суду (unter dem strengsten Siegel des Geheimnisses), а въ Пруссіи суду гласному. Но какъ самъ полонизмъ былъ покрытъ туманомъ (Nebel), то гласный и тайный судъ одинаково послужилъ къ усиленію *симпатій* къ полякамъ для мятежа 1848 г.

Въ Галиціи, несмотря на исполненный мятежъ и тысячи схваченныхъ обвиненныхъ, только 200 человѣкъ были преданы суду, и послѣ 16 мѣсячнаго заключенія, изъ нихъ три приговорены къ висѣлицѣ; изъ этого числа ксендзу *Чарному Дунасцу* была дарована жизнь; 190 человѣкъ были приговорены къ заключенію. Въ Пруссіи при раскрытіи заговора даже и всѣ полуподозрительные (halbwegs Verdächtigen) 1), въ числѣ болѣе 1,000 человѣкъ, были преданы слѣдствію, изъ нихъ 254 были отданы подъ судъ. Судъ приговорилъ 8 къ смертной казни; остальныхъ къ заключенію. Нежданное обстоятельство, возникшая въ мартѣ 1848 года—революція въ Берлинѣ, привело къ освобожденію всѣхъ познанскихъ подсудимыхъ 2). Цифры указываютъ вліяніе вліятельныхъ сословій на судъ. Въ Галиціи были судимы мятежники, въ Познани только заговорщики; въ Галиціи было два милліона русскихъ, ненавидѣвшихъ поляковъ; въ Познани изъ 1,400,000 жит. 550,000 не поляковъ, въ польской средѣ сознательно подозрѣвавшихъ враждебные замыслы на ихъ жизнь и достояніе. Къ этому нужно присовокупить, что при *тьмѣ* и *мглѣ* польскихъ дѣлъ, заявленія познанскихъ нѣмцевъ, встрѣчали противудѣйствіе своихъ же пруссаковъ, но не другихъ областей, сочувствовавшихъ польской справѣ.

Другое указаніе, получаемое изъ судовъ, произведенныхъ въ Австріи и Пруссіи закрытаго и гласнаго то, что обоими ими воспользовалась преимущественно польская справа, и едвали гласнымъ судомъ еще не болѣе.

Не только всѣ ей преданные европейскіе журналы, во время производства дѣла, явились усердными адвокатами за под-

---

1) Die Poln. Rev. p. 264.
2) Тамъ же.

судимыхъ; но краснорѣчивыя рѣчи при защитѣ, въ которыхъ столько говорилось о *святой польской справѣ*, о польской любви къ ойчизнѣ, о стремленіяхъ поляковъ къ ея независимости, которую не остановятъ никакія правительственныя кары, все это дѣйствовало на берлинскую публику, которая съ необыкновеннымъ напоромъ (bei ungeheurigem Zudränge) 1) стекалась на засѣданія. Сущность полонизма еще была покрыта тьмою, и два года тянувшійся гласный процессъ много способствовалъ развитію того полонофильства между нѣмцами, которое ободряло поляковъ къ новому мятежу, вспыхнувшему въ 1848 году. Цинически, но вѣрно поляки придумали для этихъ кличку — *панургово стадо*.

Третье указаніе не менѣе знаменательно. Тотъ же самый гласный судъ, который далъ высказаться полякамъ и породилъ столько ошеломляющихъ рѣчей, ближе ознакомилъ нѣмцевъ съ польскими дѣлами, и когда мятежъ 1848 года заставилъ нѣмцевъ взглянуть на стремленія полонизма уже не съ точки зрѣнія подсудимыхъ и ораторовъ, а съ своей собственной, тогда они были подготовлены къ тому, чтобы тотчасъ и выяснить себѣ сущность дѣла. Смѣло можно сказать, что если берлинскій гласный судъ кратковременно послужилъ *польской справѣ*, то за то онъ принесъ огромную пользу къ скорѣйшему разъясненію польскаго вопроса, чему доказательствомъ можетъ служить полемика, возникшая въ нѣмецкой литературѣ тотчасъ по усмиреніи мятежа 1848 года.

Графъ Рудольфъ *Стадіонъ* въ Австріи, подобно *Флотвелю* въ Пруссіи, первый сталъ разъяснять дѣйствительное положеніе настоящихъ дѣлъ. Онъ отдѣлилъ чертою совершенныя польскія дѣла отъ отуманивающихъ польскихъ рѣчей и, опираясь на однихъ фактахъ, силою своей логики, строгимъ изслѣдованіемъ сталъ на настоящую точку зрѣнія. Графъ Рудольфъ *Стадіонъ* выдѣлялъ полонизмъ изъ массы населенія; при чемъ въ остаткѣ у него получилась численностью преобладающая масса русскихъ. Его братъ и пріемникъ *Францъ* пожалъ плоды его изысканій „Графъ Францъ *Стадіонъ* изобрѣлъ въ Галиціи—*рутеновъ*“ (hat erfunden die Ruthenen); такъ заговорили въ Вѣнѣ, подъ вліяніемъ польскихъ остротъ 2), пущенныхъ,

1) Die Poln. Rev. p. 242.
2) Die Poln. Rev.

въ ходъ литераторомъ евреемъ *Сафиромъ* 1). Съ этого времени наименованіе русскихъ галичанъ—*рутенами* сдѣлалось однако официальнымъ терминомъ австрійскаго правительства 2).

Съ панами въ мятежъ пошли ксендзы, пошла дворовая челядь; но не было въ немъ ни одного уніатскаго священника, ни одного уніатскаго прихожанина. Мазуры первые подали примѣръ рѣзнѣ и были главными участниками. Русскіе, при вѣсти о неистовствахъ мазуровъ опасались, что если они не послѣдуютъ ихъ примѣру, противъ забунтовавшихъ пановъ, то императоръ ихъ почтетъ менѣе вѣрными ему подданными, и австрійскія власти съ трудомъ ихъ въ томъ разубѣдили 3). Изъ тѣхъ же мѣстностей, гдѣ панская разгулявшаяся противъ крестьянъ фанаберія заставила русскихъ приняться за косы и за цѣпы, эти, привезя въ Львовъ ими убитыхъ поляковъ, съ полнымъ сознаніемъ, что они укротили мятежныхъ противъ императора пановъ, съ простодушіемъ и малороссійскою флегмою, объясняли подробности дѣла 4). Графъ *Стадіонъ* устранилъ полонизмъ, втиравшійся между правительствомъ и русскимъ населеніемъ, и яснѣе барона *Крига* могъ тогда видѣть массу жителей. У польскаго языка были отняты тѣ права, которыя онъ успѣлъ за собою утвердить: онъ былъ совершенно изгнанъ изъ учебныхъ заведеній и замѣненъ галицко-русскимъ. Съ этого времени началась быстрая разработка русскаго нарѣчія, и правительство перестало смотрѣть на него, какъ на нарѣчіе польскаго языка.

При изслѣдованіи совершившихся фактовъ, графъ *Стадіонъ* увидѣлъ, что не обще-европейская революціонная демагогія питала крамолу въ Галиціи, а питалъ ее полонизмъ. Паны забунтовали по деревнямъ, а въ городахъ населеніе ожидало съ трепетомъ прибытія мятежниковъ; одни только польскіе обыватели ожидали ихъ радостно и распустили молву, что на города идетъ страшная сила деревенскаго населенія; сами же были въ заговорѣ, для помощи польскимъ мятежникамъ. Полонизмъ лишился возможности выставить впередъ революціонное броженіе, какъ дальнія волны отъ тѣхъ бурь, которыя свирѣпствовали на баррикадахъ по городамъ Франціи. Графъ Ста-

1) Изъ свѣдѣній сообщено изъ Австріи.
2) Тамъ же.
3) Die Poln. Rev. p. 192. 4) p. 186.

ном, разбирая практическую сторону дѣла, безъ труда увидѣлъ, что животная сила, питавшая искусственную крамолу, гнѣздилась въ мѣстномъ польскомъ влiятельномъ сословiи, изъ Парижа только руководимомъ наставленiями.

Увидѣвъ спутанное положенiе дѣлъ и оковы связывающiя правительству преданнаго крестьянина съ ему ненавистнымъ и ъ ненадежнымъ паномъ, графъ Рудольфъ *Стадiонъ* убѣдился въ необходимости пересозданiя существующаго общественнаго естественнаго строя. Дабы преобразованiя поставить на твердомъ основанiи, онъ обратился къ прошедшему, поднялъ архивы, старыя дѣла и дошелъ до временъ Iосифа II.

Императоръ Iосифъ своимъ *работъ—патентомъ* установилъ подробно *панщинную* повинность; но крестьянинъ былъ обязанъ е отбывать за пользованiе точно опредѣленнымъ количествомъ годiй. Каждая деревня получила тогда свой инвентарь—на ланъ были нанесены участки земли съ выгонами и участками лѣса, либо въ замѣнъ послѣднихъ опредѣлено количество дровъ для топлива. Эти постановленiя отъ постепеннаго потворства администрацiи стали приходить въ забвенiе. Паны мѣняли земли и ихъ обрѣзывали; размѣры панщины увеличивались; безграмотный крестьянинъ не могъ отстаивать свои права. Когда новый складъ чиновниковъ при *Гауэрѣ* явился въ краѣ, то эти вновь прiѣзжiе люди, исполняя свои должности, были привѣтливы съ народомъ, но не считали своею обязанностью распутывать старыя дѣла. Галичане, при народномъ развитiи, стали сознавать, что чиновникъ-чехъ видитъ свое отечество въ Богемiи, чиновникъ нѣмецъ въ Германiи, а полякъ, какъ былъ, такъ и остался *инквизиторомъ* 1). Крестьяне свыкались съ имъ мнимою неправдою. Главные представители страны проживали въ Вѣнѣ, князь *Меттернихъ* съ ними желалъ ладить, а при его внушенiяхъ баронъ *Кригъ*, хотя и полюбилъ крестьянина, и особенно русскаго крестьянина, и чувствовалъ постоянно тяжесть глухой оппозицiи полонизма, однако не очень надрывался отстаивать населенiе отъ панскихъ поземельныхъ захватовъ. Паны съ цѣлью легализировать водворившiяся беззаконiя, еще предъ мятежемъ 1846 года, просили объ составленiи комитета, для пересмотра инвентарныхъ положенiй. Они расчитывали новыми правительственными утвержденiями затем-

1) Сообщено русскимъ галичаниномъ.

нить въ крестьянахъ понятія о дарованныхъ имъ Іосифомъ II правахъ на поземельные участки, и поставить населеніе по возможности въ наибольшую зависимость отъ пана. Комитетъ обратился къ императору Францу въ 1845 г., прося его о расширеніи своихъ правъ. Правительство колебалось, время тогда становилось непокойное, а мятежъ прекратилъ польскія занятія о будущемъ устройствѣ крестьянскаго сословія. Графъ *Стадіонъ* не могъ доискаться сполна всѣхъ инвентарныхъ актовъ и плановъ Іосифа II, утверждавшихъ размѣры крестьянскихъ поземельныхъ участковъ; но онъ существующіе отысканные вывелъ изъ забвенія, и дополнилъ недостающіе собранными свѣдѣніями.

Графъ *Стадіонъ* видѣлъ необходимость разсѣчь узелъ, связывающій крестьянъ съ помѣщиками; подъ его непосредственнымъ надзоромъ было составлено положеніе о надѣлахъ землею первоначально для пользованія, а потомъ въ полную собственность крестьянъ съ вознагражденіями помѣщиковъ денежною, срочною платою. Положеніе было составлено особою коммисіею, совершенно независимою отъ пановъ, и отправлено въ Вѣну на утвержденіе; но тамъ оно было встрѣчено новыми происками польскихъ магнатовъ. Они находчиво во все время управленія графа Рудольфа *Стадіона* умѣли затормаживать всѣ его представленія; новое же положеніе запутали они въ такой степени своими интригами, что изъ него вышелъ, по выраженію автора „Польскихъ революцій," *мертворожденный ребенокъ* 1). Ссылаться на инвентари Іосифа II было запрещено 2). Сущность положенія была измѣнена, что испортило все дѣло. Измѣненное положеніе было утверждено 14 декабря 1846 г.; переходъ земель былъ предоставленъ на произволъ обоюднаго согласія. Всѣ настойчивыя убѣжденія графа Рудольфа *Стадіона* остались тщетными противъ заявленій польскаго помѣщичьяго сословія. Графъ Рудольфъ *Стадіонъ* получилъ увольненіе. „Интриги польской аристократіи, пишетъ авторъ „Польскихъ революцій," содѣйствовали къ тому, чтобы испортить прекрасный трудъ графа Рудольфа *Стадіона*. Всѣ польскія котеріи вооружились противъ него, не ждали они ничего для себя добраго отъ графа, любившаго народъ и законъ. Все, что

1) Die poln. Rev. p. 260.
2) Сообщено изъ Австріи.

олько можно было придумать, дабы отъ него избавиться, было сполнено..." 1).

Преемникомъ *Стадіона* былъ назначенъ его братъ. Графъ *удольфъ* не могъ передать графу *Францу* ни всей вѣрности воего взгляда, ни своей энергіи; но онъ передалъ подъ его окровительство крестьянское сословіе, и въ особенности поучалъ его заботливости *русское* населеніе, какъ надежнаго редставителя вѣрности императору и австрійскому правиельству.

Въ приготовленіяхъ къ повторенію мятежа въ Галиціи, подъ окровомъ дѣятельности общереволюціонной европейской парiи, волненія возобновились въ Галиціи; а дабы поляки туземы, послѣ плачевныхъ событій 1846 года, не колебались въ ольскомъ патріотизмѣ, то по временамъ затаенный терроръ авалъ знать о своемъ присутствіи. Такъ въ 1847 году былъ бить *Заянчковскій*, ненавидимый поляками, какъ искусный разлѣдователь заговорныхъ козней. Хотя убійца выстрѣлилъ ему ъ грудь, почти въ упоръ, среди улицы, но злодѣй не былъ айденъ 2).

Съ бѣгствомъ Людовика Филиппа изъ Франціи, въ февралѣ 848 года, послѣ революціи въ Парижѣ, революція вспыхнула ъ мартѣ мѣсяцѣ въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ. Императоръ далъ онституцію и разрѣшилъ свободу печати. Съ полученіемъ ѣсти объ ожидаемой революціи въ Вѣнѣ, заволновалось и польхое населеніе въ Львовѣ. Послѣ событій 1746 г. поляки не ѣшались подыматься только по деревнямъ. По новымъ планамъ *великаго будованія*, сообщеннымъ изъ Парижа, починъ мятежа долженъ былъ идти изъ городовъ, и *филяры* должны были ля пушечнаго мяса мятежа употребить городскія сословія, равственно развращая ихъ до низведенія до степени городкой черни.

Для продолженія работъ основанія были положены, по плану великаго будованія 3). Мѣстные вожди, согласно данной инструкціи, начали дѣйствовать легальнымъ путемъ, и графу Францу *Стадіону* подали просьбу на имя императора „о принятіи имъ титула и *короля польскаго*, объ уничтоженіи цензуры,

1) Die poln. Rev. p. 260.
2) Die poln. Rev. p. 270. 3) p. 276.

освобожденіи политическихъ заключенныхъ, объ учреждені національной гвардіи *противъ крамольныхъ крестьянъ* и противъ врага польскаго имени *русскаго императора*, объ учрежденіи народнаго правительства съ замѣщеніемъ всѣхъ должностей поляками, и о введеніи польскаго языка, какъ языка администраціи и учебныхъ заведеній" 1). Не ожидая разрѣшенія, поляки немедленно принялись за устройство *народовой гвардіи*.

Воспоминая событія 1846 года, паны въ виду предстоящаго мятежа, хотѣли привлечь крестьянъ на свою сторону и на съѣздѣ, подъ предсѣдательствомъ князя *Сангушки*, одного изъ богатыхъ магнатовъ Галиціи, подписали просьбу на имя императора о замѣнѣ *панщины* оброкомъ. Крестьяне однако при вѣстяхъ о возобновившихся волненіяхъ все болѣе принимали грозное настроеніе 2). Тогда нѣкоторые паны даже начали сулить имъ вовсе подарить панщину. Паны были увѣрены, что поданная ими просьба, въ Вѣнѣ не встрѣтятъ отказа, и старались убѣдить крестьянъ, что домогательства, изложенныя поляками въ ихъ челобитной, суть собственныя желанія императора и уже предписаны для приведенія въ исполненіе.

Такъ одна помѣщица приказала собраться крестьянамъ и старалась вразумительною рѣчью имъ пояснить о зарѣ новой жизни Польши и Австріи, что императоръ австрійскій сталъ теперь королемъ Польши, а потому всѣ поляки должны вооружиться, чтобы завоевать обратно польскія области, находящіяся въ чужихъ вражескихъ рукахъ; а дабы они, крестьяне, могли также чувствовать, какъ и дворяне, всю необходимость возстановить Польшу въ прежнихъ ея границахъ, то паны опредѣлили подарить имъ панщину, видя въ нихъ своихъ согражданъ; они же крестьяне, какъ истинные граждане, должны вооружиться и стать подъ начальствомъ пановъ. Крестьяне мигнули своему судьѣ выдти впередъ и дать отвѣтъ. Пани изъ принесенной корзины кокардъ вынула двѣ и, въ знакъ соединенія пановъ съ крестьянами, одну пришпилила на себя, другую хотѣла возложить на крестьянина-судью; но тотъ воспротивился. Это не такъ, сказалъ онъ, это ваша польская кокарда, а императорская—черная съ желтымъ.

— Да развѣ вы меня не поняли? продолжала пани:—императоръ теперь сталъ королемъ польскимъ.

---

1) 292. 2) Die poln. Rev. p. 292.

— Мы объ этомъ еще изъ окружнаго правленія ничего не юлучили, а надъ нимъ все виситъ прежній орелъ, а не вашъ юльскій.

— Польскій орелъ долженъ быть и вашимъ орломъ; мы всѣ еперь—поляки, дворяне и крестьяне.

— Мы не поляки, коротко отвѣчалъ судья.

— Такъ кто же поляки? спросила пани.

— Милостивая государыня, поляки это вы, которые живете о городамъ, а мы, крестьяне, да солдаты, да чиновники-нѣмы, мы всѣ *аустріяки*.

— Да развѣ вы меня не слыхали? Вы избавляетесь отъ панщины, потому что вы—поляки.

— Отъ панщины насъ можетъ избавить только одинъ импеаторъ.

Управляющій, замѣтивъ что пани разгорячилась, а крестьне на ее невоздержныя рѣчи стали коситься, взялъ ее подъ уку и увелъ въ хоромы.

Ко всеобщей радости галиційскихъ крестьянъ и австрійкихъ служащихъ, 11 апрѣля 1848 года постановленіе о прекраеніи панщины было подписано, и крестьяне были сдѣланы обственниками. Графъ *Стадіонъ* немедленно разослалъ декетъ по всѣмъ округамъ для торжественнаго объявленія. рестьяне приняли эту милость, какъ даръ отъ императора, вердо убѣжденные, что поляки, кромѣ зла, для нихъ ничего е творили.

Польская партія тогда приготовлялась къ мятежу подъ поровительствомъ изысканнѣйшей легальности 1): она, прося у равительства прекращенія панщины, испрашивала только *вознагражденія*. Вслѣдствіе мартовской императорской грамоты, ъ Вѣну должны были собираться выборные государственнаго ейма въ 1848 г. Паны пришли въ негодованіе, когда въ депуаты потребовались и крестьяне, какъ представители своего ословія. Ярость пановъ была сколько смѣшна, столько и неписана (die Wuth der Polen war ebenso komisch als unbeschreiblich), огда русскіе, по ихъ увѣреніямъ, вовсе не существовавшіе, оставили свой комитетъ, по указанію *Стадіона*, для избиранія акихъ депутатовъ, которые съ другими жителями Галиціи, не

1) p. 294.

поляками, собирались вышибить польскую партію изъ сѣдла (aus dem Sattel heben) 1). Паны пустили въ ходъ всякія хитрости, чтобъ выборъ депутатовъ по крайней мѣрѣ падалъ на личности имъ податливыя; по городамъ они искали помощи жидовъ, и деревнямъ—помощи своихъ евреевъ корчмарей и дворовыхъ 2). Графъ *Стадіонъ* самъ повезъ своихъ выборныхъ отъ крестьянъ въ Вѣну. Поляки выбирали своихъ патріотовъ, не обходя даже недавно помилованныхъ государственныхъ преступниковъ въ измѣнѣ 3).

Съ насмѣшкою ожидали высокіе паны, какую роль станутъ разыгрывать крестьяне на императорскомъ сеймѣ, какія тамъ станутъ держать рѣчи. Рѣчь крестьянина Вост. Галиціи Ивана *Капущака* была одна изъ замѣчательнѣйшихъ рѣчей сейма 1848 года: она произвела глубокое впечатлѣніе. Когда шли разсужденія о вознагражденіяхъ галиційскаго дворянства за уничтоженную панщину, *Капущакъ* былъ призванъ къ слову. Этотъ моментъ отлично охарактеризовалъ партіи. Когда *Капущакъ* входилъ на трибуну, депутаты лѣвой стороны, нѣмецкіе ультрадемократы и польскіе паны его провожали съ насмѣшливыми улыбками, съ высокомѣрными вопрошающими физіономіями, ждали, что скажетъ изъ ряда простаго народа присланный мужикъ. Рѣчь *Капущака* рукою мастера очертила положеніе дѣла и ознакомила разноплеменныхъ землевладѣльцевъ австрійской имперіи съ тѣмъ, какъ помѣщикъ Галиціи, развитый старою и новою польскою интеллигенціею, въ затаенныхъ углахъ, обращался съ лично свободнымъ мужикомъ. Приведемъ изъ нея краткія извлеченія.

Установивъ вопросъ, что императоръ Іосифъ II опредѣлилъ размѣры угодій и за ихъ пользованіе опредѣленную работу, установивъ, что вознагражденія должны быть соразмѣрены съ лишеніями, дѣлаемыми поневолѣ, крестьянинъ-ораторъ продолжалъ: „Паны имѣли право на установленную закономъ панщину, но развѣ они ею довольствовались? Нѣтъ! и сто разъ нѣтъ! Когда намъ три, четыре дня работы, случалось и цѣлую недѣлю, засчитывали за одинъ день панщины, спрашиваю васъ, господа, одинъ ли помѣщикъ имѣетъ право на вознагражденія!"

„Здѣсь говорятъ: панъ за то всегда съ любовью обращался

1) p. 304. 2) p. 307. 3) p. 307.

ь крестьянами. Правда то, что насъ паны угощали послѣ недѣльной работы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ,—они заковывали насъ въ желѣза и запирали въ хлѣвъ, чтобы по буднямъ работа шла лучше."

„Здѣсь говорятъ: паны человѣколюбивы. Правда та, что они отсталаго ободряли къ работѣ плетью. А придетъ кто съ просьбою, что скотина захворала, на работу выѣхать не на чемъ—что слышалъ онъ? „Впряги себя самаго, да припряги жену!" или въ другой разъ: „полицейскій! вытолкай его въ шею; я панъ, у меня есть деньги, я за себя постою."

„Здѣсь говорятъ: паны защищали права и имущества крестьянъ, да въ чемъ же? развѣ въ томъ, что сегодня у одного отбирали кусокъ поля, а завтра у другаго кусокъ сѣнокоса или выгона?"

Графъ Францъ *Стадіонъ*, либеральный и гуманный, не находилъ необходимости препятствовать *народнымъ удовольствіямъ*, возбужденнымъ по городамъ Галиціи правами дарованной конституціи, хотя командующій войсками баронъ *Гаммерштейнъ* его предупреждалъ, что народныя удовольствія, выражающіяся оскорбленіями военныхъ, оплевываніями, ругательствами, а иногда и побоями 1), не приведутъ ни къ чему доброму. Польская заносчивость, дѣятельность утвердившагося *подпольнаго народоваго правительства* галицiйской народовой рады, и приготовленіе подъ видомъ народной гвардіи польскихъ войскъ шли усиливаясь, особенно съ отъѣздомъ графа *Стадіона* на сеймъ въ Вѣну. Графъ Аженоръ *Голуховскій* заступилъ его мѣсто на время отсутствія. *Голуховскій* несъ двуличную службу; австрійское правительство въ немъ видѣло издавна ему всепреданнѣйшаго чиновника; но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ съ своими земляками не *кокетничать* (coquettirte immer) польскимъ патріотизмомъ и сквозь пальцы смотрѣлъ на всѣ польскія приготовительныя затѣи 2).

Послѣ двухъ пріемовъ въ 1846 и 1848 годахъ поляки выяснили дѣло нѣмцамъ; польская справа только въ концѣ 1848 года совершила тотъ переломъ въ Австріи, который перевелъ его во второй фазисъ. Событія бывшія въ Пруссіи не разсѣивали тьмы и мглы передъ графомъ Францомъ *Стадіономъ*, и

1) p. 348. 2) p. 339.

въ октябрѣ мятежъ вспыхнулъ во Львовѣ. Бомбардированіемъ города былъ положенъ конецъ продолжительной мѣстной дѣятельности польской справы; крестьяне ловили спасавшихся изъ города отъ осколковъ снарядовъ 1).

Польскіе ревнители, при неблагопріятномъ для полонизма настроеніи крестьянъ, бѣжали въ Венгрію. Австрійскія области были всѣ охвачены мятежемъ; революціонеры при *самомъ неутомимомъ содѣйствіи поляковъ* 2), всюду подготовляли мятежи, „дабы растрепать силу правительственной власти (um die Kräfte der Regierung zu zersplittern), и далѣе изъ Австріи и Пруссіи войною вторгнуться въ Россію,“ идти на выручку ксендзо-шляхетскаго сословія Царства Польскаго и Западной Россіи, въ которой мѣстный заговоръ дѣятельно обработывалъ учащуюся молодежь.

Австрійское правительство не имѣло прочнаго зерна, кореннаго населенія, къ которому могло бы притягивать иноплеменныхъ, и оно увидѣло себя въ необходимости поддерживать свою власть и связь между отдѣльными провинціями, постоянными эквилибристическими упражненіями. Разноплеменные подданные при разнохарактерныхъ областныхъ стремленіяхъ, искали преобладанія надъ другими, дабы угнетать слабѣйшихъ подданныхъ того же государства. Государственное единство, представляемое правительствомъ, поддерживалось въ Австріи только вѣрностью войскъ, и австрійскіе подданные до того мало пропитаны единствомъ австрійской монархіи, что и авторъ сочиненія „Польскія революціи,“ котораго конечно нельзя упрекнуть въ недостаткѣ вѣрноподданнѣйшей преданности, для обозначенія коронныхъ австрійскихъ служащихъ, не стѣсняясь употребляетъ наименованіе *черно-желтыхъ чиновниковъ* (schwarz-gelbe Beamte).

При такомъ настроеніи и при подпольныхъ работахъ *великаго будованія*, общереволюціонная европейская партія поставила Австрійскую монархію на край погибели мятежами 1848 и 1849 годовъ. Тьма и мгла были напущены съ такимъ искусствомъ, что войска нѣмецкія, славянскія и венгерскія, *Виндишгрецъ*, *Іелачичъ* и *Гергей* давали кровавыя междуусобныя битвы, всѣ

1) Польская эмиграція до и во время мятежа 1863 г. глава 9.
2) p. 332.

инаково во имя австрійскаго императора 1). Увѣнчанный пѣхомъ мятежа полонизмъ съ мечемъ въ рукахъ долженъ былъ нуться на Россію 2). Въ 1849 г. Европа была успокоена давленіемъ венгерскаго мятежа.

Великое будованіе перешло во второй фазисъ. Австрійское авительство убѣдилось вполнѣ, что русскіе его подданные Галиціи не были изобрѣтены, но были открыты графами *адіонами*, и что они то и составляютъ твердое основаніе госдства Австріи въ Галиціи. Разборъ недавнихъ событій вынилъ все значеніе заявляемой поляками ихъ преданности прательству. Perpetuum mobile было открыто.

Для русскихъ галичанъ наступило самое счастливое время. ни окончательно пробудились отъ долгаго летаргическаго сна, который ихъ погрузило польское иго. Потрясенія, произвенныя польскими мятежами, содѣйствовали къ скорѣйшему ясму выдѣленію чуждой ксендзо-шляхетской стихіи изъ массы арода, отдѣленіемъ латинянъ отъ уніатовъ, ritum latinum отъ tu greco, какъ говорятъ русскіе галичане. Все туземное, то то уже ополячилось, усиливало слой пришлецовъ-угнетателей Восточной Галиціи, которая съ судорожною дѣятельностью тремилась возстановить прошлое; но народъ не забылъ старое зрѣченіе: *впдай ляше, по Санъ все наше* 3). Никакія усилія олонизма не достаточно сильны, чтобы задержать однажды проужденное народное развитіе. Изъ среды народа вышли свои ародныя силы, и эти силы развиваются тѣмъ мощнѣе и дѣйствія ихъ тѣмъ живительнѣе, что фундаментомъ имъ служитъ народъ, а полонизму фундаментомъ служатъ козни и интриги. Даже въ Западной Галиціи съ его населеніемъ мазуровъ-латинянъ, народъ питаетъ къ полонизму озлобленную недовѣрчивость. „Русскіе Восточной Галиціи, пишетъ авторъ „Польскихъ революцій,“ тогда смѣло вступились за свою народность и сло-

---

1) Польск. Эмигр. гл. 9. 2 р. 333.

3) Рѣка *Санъ* отдѣляетъ Западную Галицію, отъ Восточной, почему крестьяне называютъ воду Сана—*бѣлою водою.*

	Руссины	Поляки	Жиды.
„Жителей: Галичина Восточна:	2,102,544—	649,231—	340,319.
— — Западна:	64,488—	1,423,420—	168,754.
Разомъ всѣхъ . . .	2,077,112—	2,072,633—	448,973.“

весно и письменно отодвинули польскую національность въ ея рамки...

„Депутація русскихъ спѣшила положить на ступени трона вѣрноподданнѣйшій адресъ, который своею искренностью и скромностью составлялъ разительную противуположность съ челобитными, подаваемыми поляками...

„Русскіе, подтверждая императору непоколебимую ему вѣрность, ни о чемъ не просили, кромѣ введенія языка своей родины въ школу и въ управленіе 1); они *просили* о томъ, чего поляки (пришлецы) *требовали* какъ своего права. Императоръ не замедлилъ исполнить просьбу русскихъ...

„Между русскими былъ недостатокъ для занятія служебныхъ мѣстъ; но служащіе нѣмцы и чехи, при сочувствіи къ русскимъ галичанамъ, принялись преусердно за изученіе русскаго языка, которое было гораздо легче, нежели изученіе польскаго, при русской *кириллицѣ*, отсутствіи всѣхъ шипящихъ и носовыхъ звуковъ, и при польскомъ сложномъ и безумномъ правописаніи (mit seiner Häufung von Zisch und Nasenlauten und seiner complicirten und unsinnigen Orthographie). При львовскомъ университетѣ была открыта каѳедра *русскаго языка* и литературы, которая была поручена ученому русскому филологу, профессору Якову *Головацкому*" 2).

---

1) Правительственный языкъ для офиціяльной и административной переписки *нѣмецкій;* но дѣла низшихъ инстанцій производились на польскомъ языкѣ. Жителямъ Восточной Галиціи, не знавшимъ нѣмецкаго языка, было доселѣ разрѣшено подавать прошенія на польскомъ языкѣ, имъ болѣе доступномъ, тоже на польскомъ языкѣ получали они и рѣшенія.

2) p. 309. Въ подлинникѣ: ruthenische Sprache. На сколько русскій языкъ въ Галиціи отличался въ 1848 г. отъ велико-русскаго, при введеніи русскихъ гражданскихъ буквъ, можетъ служить слѣдующій отрывокъ, какъ образецъ языка 1790 года:

Общій и народный домъ (семинаріумъ) для совокупнаго воспитанія и наставленія юнаго клира, помянутыхъ народовъ нашихъ, первѣе въ царствующемъ градѣ Віенне (1774) ѿ всеблагочестивѣйшыя Монархини МАРІИ ѲЕРЕСІИ воздвиженъ, таже въ первенствующій Галиціи градъ Львовъ (лѣта 1785) предложенъ, изобилнѡ ѡбогащенъ, изрядными преимуществы ѡбдаренъ, и напослѣдокъ ради юношества Россійскаго, и оныхъ въ семинаріи питомцевъ, иже вы въ матернемъ славенском

„Воскресенье русскихъ въ Галиціи тогда стало дѣйстви-
льно фактомъ совершившимся“ 1), тогда выяснилось что поляки
е *угнетенные*, а *угнетатели* (Nicht die Unter drückten, aber die Unter
rücker). Въ тяжкое время всевозможныхъ насилій подъ поль-
кимъ игомъ, русскій галичанинъ находилъ въ частыя минуты
евзгоды утѣшеніе въ своемъ пастырѣ; всесторонній гнетъ
юргнувшагося въ русскую землю полячества тѣсно сблизилъ
вухъ страдальцевъ — духовенство и крестьянское населеніе.
Іотому никогда не прекращалось утѣшительное вліяніе духо-
енства, и отъ праотцевъ до послѣдняго времени сохранился
бычай, что простолюдинъ любитъ духовныя книги, и не пре-
ращался обычай, что церковно-служители (дьяки) имѣли всегда
ю нѣсколько учениковъ 2).

При первомъ еще оживленіи русскихъ галичанъ на литера-
турномъ поприщѣ, поляки, въ своихъ систематическихъ изслѣ-
дованіяхъ всѣхъ средствъ, представляющихся пригодными къ
великому будованію, обратили уже свое вниманіе и на языкъ
русскихъ галичанъ. Они хотѣли искусственно направить на-
родное развитіе, дабы въ немъ создать идею о польскомъ оте-
чествѣ. Они опасались, чтобы съ обработкою мѣстнаго языка,
онъ естественнымъ путемъ не слился бы съ столь близкимъ къ
нему великорусскимъ. „Полякъ пойметъ русскія пѣсни, пишетъ
Залѣскій (Wacław z Oleska) 3), если приложитъ къ тому нѣсколь-
ко старанія... Смотря *съ высшей* точки зрѣнія, удаленіе малорос-
совъ отъ нашей литературы конечно вредно для *общей славянской*
литературы, къ которой мы *вѣчно и постоянно* должны стремить-
ся. Словомъ, славяне въ Силезіи и въ Моравіи прильнули къ
чехамъ; къ кому же прильнутъ малороссы? Должны ли мы же-

языцѣ своемъ наꙋки Любомꙋдрскія, и богословскія слышати
желали, новымъ неоцѣненнымъ благодѣтелствомъ, сїесть всеми-
лостивѣйшимъ, въ кесарево Царскомъ Лвовскомъ Ѹнiверсите-
тѣ Рꙋсскихъ Каѳедръ, и Ѹчителей поставленїемъ ѿ присно-
памятнаго Велико державнаго IОСИФА втораго оувѣнчанъ, и
ѿ Пресвѣтлѣйшаго ЛЕОПОЛДА втораго новоꙋтвержденъ.

Въ письмѣ употреблялось обыкновенное русское очертаніе.

1) Die poln. Rev. p. 309.

2) Сообщ. русск. галичаниномъ.

3) Pieśni polskie i russkie ludu galicyjskiego, we Lwowe 1833 — Вступленіе, p. XLIII.

лать, чтобы они имѣли свою отдѣльную литературу? Что бы стало съ нѣмецкою литературою, если бы каждое германское племя вздумало имѣть свою собственную? Кто меня на этомъ пунктѣ не понимаетъ, тому я не могу помочь, *такъ какъ мнѣ нельзя* (ми неподобно) *выразиться яснѣе.*" Русскіе галичане, въ борьбѣ съ мѣстнымъ полонизмомъ, поняли автора, поняли что обще славянскій языкъ у него значитъ польскій языкъ, что поляки избрали путь народныхъ пѣсень съ цѣлью ополячивать населеніе, и за тѣмъ, при невозможности отнять отъ нихъ русскую азбуку, поляки хотятъ закрѣпить мѣстный языкъ грамматикою, дабы со временемъ его перетянуть на польскій. Чѣмъ болѣе *вражеская сила* старалась ихъ снова привести подъ тяжкое свое преобладаніе, тѣмъ болѣе она встрѣчала отпора со стороны *истинныхъ сыновъ русской Галиціи* 1).

„Девять милліоновъ поляковъ не могутъ перетянуть 15 милліоновъ, говорящихъ по малороссійски, пишетъ Іосифъ Лозинскій 2). Въ предисловіи къ его грамматикѣ читаемъ:

„Малорусскій языкъ тянется изъ среды Венгріи и Галиціи до рѣки Кубани; Малороссія въ обширномъ смыслѣ этого названія заключаетъ губерніи: Волынскую, Кіевскую, Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, часть Воронежской, Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую, землю Черноморскихъ козаковъ, Подольскую, часть Бессарабіи; въ Царствѣ Польскомъ части Подляшской и Люблинской, въ Бѣлоруссіи Гродненскую, Минскую, Могилевскую, часть Виленской; въ Галиціи (Червоной Руси): округа Перемышльскій, Львовскій, Жолковскій, Золочевскій, Тарнопольскій, Бережанскій, Самборскій, Саноцкій, Стрыйскій, Станиславскій, Коломыйскій, Чертковскій, и часть Рѣшовскаго, Ясловскій и Ново-Сандецкій, Буковина; въ Венгерскомъ королевствѣ комитаты: Берегскій, Унгарскій и Марамарошскій съ большинствомъ, а Земплинскій и Шараскій съ меньшинствомъ населенія. Всего 15,870,000, изъ которыхъ 12,880,000 въ Россіи и 216,000 въ царствѣ Польскомъ 3)....

„Гетманъ Богданъ *Хмельницкій* въ 1647 г. оторвалъ первый

1) Сообщено русскимъ галичаниномъ

2) Józefa Lozińskiego: „Grammatyka języka Ruskiego (mało russkiego)." W Przemyślu 1846—предисловіе.

3) По числу населенія 1845 г.

Украйну на лѣвой сторонѣ Днѣпра отъ Польши и отдалъ ее въ 1654 г. царю Алексію Михаиловичу, который съ 1656 г. сталъ писаться" всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ"…. „Непреложная истина, что нѣкогда былъ одинъ языкъ славянскій, и его нарѣчія образовались по мѣрѣ того, какъ распространялся народъ, или натыкался на другіе народы.

„Съ конца XVI вѣка русскіе были преслѣдованы за ихъ споры противъ уніи; а вслѣдствіе того русскій языкъ былъ изгнанъ изъ всѣхъ правительственныхъ учрежденій"…

„Большая часть *Руси* теперь находится подъ господствомъ великорусскаго языка, который, какъ правительственный, усиливаетъ тамъ свое вліяніе. Заслуживаетъ вниманія однако то обстоятельство, что и въ Россіи малорусскій языкъ не приходитъ въ забвеніе и при этомъ мнѣ кстати (ми сѣн годзи) напомнить имена нѣкоторыхъ его почитателей, какъ то: *Максимовичъ*, *Срезневскій*, *Гребинка*, *Квитко* (Основьяненко) *Бодянскій*, *Синельниковъ* (Довгоносенко), *Забила* (Тополя), *Метлинскій* (Могила), *Костомаровъ* (Галка), *Боровиковскій*, *Шпиовскій* и другіе.

„Нѣкоторые не хотятъ допустить, чтобы малорусская литература существовала отдѣльно отъ польской; но можно ли народъ въ 15,000,000 заставить забыть свой языкъ, когда мы считаемъ численность поляковъ только въ 9,365,000."

Поляки проводили мысль предъ австрійскимъ правительствомъ, что малорусское нарѣчіе есть мужицкое искаженіе польскаго языка. Предоставляя филологамъ изслѣдованія отношеній между выговорами и литературами славянскихъ племенъ, замѣтимъ только, что изъ введеній къ тремъ галицко-русскимъ грамматикамъ *Левицкаго* 1), *Вагилевича* 2) и *Лозинскаго* 3), имѣющимся подъ рукою, выясняются польскія стремленія привести малорусскій языкъ въ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ къ сліянію съ польскимъ, путемъ книжнаго обученія. Вопросъ языка сталъ вопросомъ *польской справы* 4), Маріанъ *Горшковскій* писалъ въ 1860 году: „Русь при-днѣпровская, со всею своею настоящею жизнью, со всѣмъ своимъ духомъ, со

---

1) Joseph Lewicki: „Grämmatik der Ruthenischen oder kleinrusischen Sprache in Galizien." „Przemyśl 1834 г."

2) Jana Wagilewicza: „Grammatika Języka Małoruskiego w Galicii. Lwow 1845 г."

3) См. стр. 120.

всѣми своими традиціями, со всею личностью, должна войти въ составъ Польши, должна съ нею слиться и въ одной литературѣ" 1).

Для созданія польской національности между малороссами и бѣлоруссами, съ цѣлью языкомъ связать ихъ съ Польшею и обратить литературные ихъ таланты для будущаго обогащенія польской литературы, ревнители полонизма положили послѣдовательно вести систематическую работу по слѣдующему пути, принимая за точку исхода, что древній славянскій языкъ утвердился его литературою. 2) Изъ словъ славянской письменности двоякое употребляемыхъ, напр. золото—злато, семь—седмь, молодость—младость, удержать болѣе сходныя съ польскими. 3) Измѣнить давнее правописаніе, сходное съ великорусскимъ, и постановить, чтобы слова писались, какъ нынѣ выговариваются простолюдиномъ, удерживая то, которое болѣе различается отъ велико-русскаго; напр. медъ писать мидъ, темно—цiомно, конь—кинь, Татіана—Таціана, Кіевъ—Кіовъ, Костомаровъ—Костомаривъ 6) и т. д. 4) Начать передѣлку словъ русскихъ въ польскія съ болѣе легчайшихъ, напр. молитва въ *модлитву*, богомолье въ *набоженство*, попъ въ ксендзъ, напримѣръ въ наприкладъ, Царица небесная въ *Крулеву небеску*, 5) вводить вмѣсто русскихъ, слова иностранныя, которыхъ такъ много усвоилъ польскій языкъ, за неимѣніемъ собственныхъ, напр. книгопечатаніе—друкарня (Druckerei); спасибо—дзенкую (danke); честь—гоноръ (honneur); смыслъ—сенсъ (sens). Г. Антонъ *Домбчанскій* и многіе ему подобные, пишетъ русскій галичанинъ 6), объявляютъ малорусскій языкъ нарѣчіемъ польскаго. Его взглядъ ложенъ и смѣшенъ; онъ не основанъ ни на строеніи обоихъ языковъ, ни на авторитетахъ *Добровскаго*, *Шлейхера*,

---

1) Введеніе стр. 263 и 273.

2) Политич. Отд. Вил. Ген. Губ. Канцеляріи: „письма Маріана *Горшковскаго*." Введеніе стр. 273.

3) Lozinski p. XXI.

4) Die Dąbczanskich-ruthenische Frage in Galizien, beleuchtet von einem Russiner: „Lemberg 1850 r." p. 131.

5) Въ 1835 г. митрополитъ *Левицкій* былъ спрошенъ изъ Вѣны, какъ *удобнѣе* назвать *русскихъ въ Галиціи*, чтобы приниматься названіемъ отличить отъ *русскихъ*, подданныхъ Россійской Имперіи. (Изъ свѣдѣній собщ. изъ Австріи).

6) Die poln. Rev. p. 310.

Шафарика и друг. Нѣмецкіе историческіе писатели именуютъ Галицію *Червонною Русью*, позднѣйшіе назвали русинами (Ruthenen), заимствуя названіе изъ терминологіи римской куріи, которая, послѣдовательно употребляя названія Ruzci, Ruzzi, Russi остановилась на Rutheni 1). Въ ухѣ галичанина прилагательное *русинскій* звучитъ такъ же, какъ если бы кто сказалъ *нѣмеченскій*, вмѣсто *нѣмецкій*.

Русскіе галичане для защиты усердно стали заводить свои народныя школы, издавать русскія газеты, образовали литературное общество. Въ борьбѣ съ полонизмомъ они углубились въ историческія разысканія и вывели на свѣтъ многознаменательные документы 2). „Нельзя было не изумляться, какъ цѣлый народъ, образующій къ тому большинство и коренное населеніе огромной области, могъ придти въ совершенное забвеніе"…. Теперь русскіе были уже признаны не особымъ исповѣданіемъ, но и отдѣльнымъ народомъ." Какъ имя Колумба, такъ имя графа *Стадіона* исторія передастъ въ отдаленное потомство 3). „Австрійское правительство не мало поддержало языкъ русскихъ галичанъ въ его борьбѣ противъ полячества" 11). До разъясненія дѣла *либералы въ Австріи* были увѣрены, что поддержка правительствомъ русскаго языка была проявленіемъ самовластія противъ польскихъ либеральныхъ стремленій" 4). Несмотря на всѣ польскія увертки, возстаніе крестьянъ въ 1846 г. принесло уже первое колебаніе въ мнѣніяхъ нѣмцевъ о правотѣ польской справы противъ правительства 5). Галичане выяснили, что поляки—къ нимъ *ворвавшійся наѣздъ* (Eindringlinge 6).

Русскіе галичане въ своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ явились первыми страшными разоблачителями полонизма. Ихъ ученые назначили общій съѣздъ во Львовѣ, для составленія систематическаго порядка своихъ народныхъ розысканій. Устрашенные поляки рѣшили не допустить русскихъ въ ихъ собственномъ отечествѣ и своемъ главномъ городѣ (in ihrem Vaterlande und ihrer eigenen Hauptstadt) къ такому собранію ихъ ученыхъ. Они объявили,

1) p. 310. 2) „Den Sprachenkampf unterstützte die österreichische Regierung nicht wenig in ihrem Kriege gegen das Polenthum."
3) p. 311. 4) p. 311,
5) p. 261; и свѣд. сообщ. изъ Австріи.

что не потерпятъ подобнаго попиранія правъ польской національности и что употребятъ на то силу. Русскіе положили, что если правительство ихъ не защититъ, и что если на ученое собраніе противная партія накинется съ оружіемъ, то они дадутъ отпоръ, или ударятъ въ набатъ и призовутъ къ себѣ на помощь сельское населеніе. Губернскій президентъ графъ *Голуховскій* написалъ тогда русскимъ, что онъ совѣтуетъ имъ лучше отмѣнить свое засѣданіе, иначе они будутъ разогнаны горожанами; а въ тоже время поляки передавали австрійскимъ властямъ, что русскіе затѣваютъ мятежъ и за тѣмъ междуусобную войну съ поляками, а потому поляки находятся въ необходимости вооружиться.

Русскіе обратились прямо къ генералу *Гаммерштейну*, съ заявленіемъ, что правительство развѣ не достаточно сильно, чтобы сохранить благочиніе и охранить жителей отъ насилій? Баронъ *Гаммерштейнъ*, во время своего пребыванія въ Галиціи, убѣдился, что коренное русское населеніе страны—населеніе преданное трону и спокойное, а поляки, захватившіе вліяніе на ходъ дѣлъ, принесли съ собою и свою *крамольную интеллигенцію*, а потому вновь возрождающуюся *русскую интеллигенцію* нельзя отдать на съѣденіе польскому коварству.“ *Гаммерштейнъ*, выслушавъ пришедшихъ, отвѣчалъ лаконически: „Собраніе русскихъ состоится и не потерпитъ никакой помѣхи.“

(Продолженіе будетъ).

ВѢРОТЕРПИМОСТЬ ПАПЪ.

(Историческій очеркъ).

*(Продолженіе *)).*

II.

ПОВАЛЬНОЕ ИСТРЕБЛЕНІЕ ЕРЕТИКОВЪ.

Въ концѣ двѣнадцатаго и началѣ тринадцатаго вѣка, какъ сказали мы выше, ересь распространилась уже по Италіи, Англіи, Испаніи и Германіи; слѣды ея были даже въ Венгріи,

---

*) См. 2-я книжка Вѣстн. Зап. Россіи.

Босніи, Болгаріи и Далмаціи: главный же притонъ былъ въ южной Франціи, особенно въ городахъ Тулузѣ и Альби. Въ нихъ мѣстахъ, кажется, все населеніе или по крайней мѣрѣ большая часть его принадлежала въ каѳарамъ, и еретики, почему получили новое названіе „Альбигенсовъ"—названіе по тогдашнему употребленію, синонимическое съ названіемъ „еретикъ." Причина, почему въ этой именно части Франціи пріютилась ересь, заключается, по согласному свидѣтельству источниковъ тринадцатаго вѣка, въ томъ, что здѣсь не одинъ простой народъ обратился къ новой вѣрѣ, но и высшій классъ не чуждался ея, особенно же владѣтели графства Тулузы. Уже Альфонса, графа тулузскаго, умершаго въ 1176 году, обвиняли въ покровительствѣ вальденсамъ. Еще дальше пошелъ по этому пути его сынъ и преемникъ Раймундъ V, почему папа Александръ III послалъ къ нему своего легата Петра для точнѣйшаго изслѣдованія его вины. Легатъ прибылъ въ Тулузу въ 1180 году. Онъ нашелъ еретиковъ какъ въ Тулузѣ, такъ и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ графства; но, по условію съ графомъ, не прибѣгалъ ни къ отлученію, ни къ смертнымъ приговорамъ, а удовольствовался тѣмъ, что взялъ съ отпавшихъ обѣщаніе возвратиться въ лоно церкви и на будущее время быть послушными ея чадами. Однакожъ, не видно, чтобъ они сдержали свое обѣщаніе, потому что чрезъ нѣсколько времени папа снова посылалъ упомянутаго легата Петра къ французскому королю Людовику VII и къ англійскому Генриху II, владѣвшему тогда большею частію Франціи, чтобы побудить этихъ государей выступить въ походъ противъ еретиковъ и заставить графа тулузскаго прекратить свое покровительство еретикамъ. Но короли слишкомъ заняты были своими собственными дѣлами, и потому папа, не дождавшись участія ихъ въ походѣ, долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что произнесъ на еретиковъ отлученіе и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашалъ всѣхъ князей и рыцарей, всѣхъ епископовъ и другія начальства отыскивать еретиковъ и, по конфискаціи ихъ имуществъ, заклейменныхъ изгонять изъ государства. Но нѣсколько лѣтъ позже, когда въ 1194 г. Раймунду V наслѣдовалъ въ правленіи сынъ его Раймундъ VI, а на апостолическій престолъ въ 1198 году взошелъ Иннокентій III—этотъ „папа надъ папами", дѣло приняло совершенно другой оборотъ.

Иннокентій III стремился поставить церковь выше всякой власти на землѣ. „Подобно тому, какъ Богъ, творецъ вселенной, говоритъ онъ въ своихъ посланіяхъ, поставилъ два великія свѣтила на тверди небесной,—одно большое, да властвуетъ днемъ, а другое меньшее, да царитъ ночью, такъ точно и на тверди вселенской церкви поставилъ онъ два великіе сана, одинъ большой, да господствуетъ онъ надъ душами, а другой меньшій, да направляетъ онъ тѣла: первое-это папское главенство, второе царственная власть.“ И далѣе: „подобно тому какъ луна, низшая по величинѣ и качеству, по положенію своему и по силѣ, получаетъ свѣтъ только отъ солнца; такъ и царстынная власть получаетъ блескъ своего сана отъ первоверховнаго главенства папъ.“ Это воззрѣніе Иннокентій III стремился провести въ жизнь,—стремился, подчинить своей власти всѣхъ современныхъ государей. Такой папа могъ ли терпѣть противорѣчіе, могъ ли оставить существованіе ереси? Онъ хорошо понималъ, что цѣль вальденсовъ, альбигойцевъ, каѳаровъ и еретиковъ другихъ наименованій, состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы на мѣсто римскаго католичества поставить чистое евангеліе, и тѣмъ нанести смертельный ударъ всей системѣ папской. Такъ какъ все это для папы было вопросомъ жизни, то колебаться тутъ было нечего! Если оставить еретиковъ въ покоѣ, то они все болѣе и болѣе будутъ распространяться, и Риму грозило бы совершенное пораженіе; поэтому для Иннокентія не было другаго выбора, какъ *истребленіе* ереси. До ученія еретиковъ, до ихъ вѣроисповѣданія папѣ дѣла не было, его забота устремлена была исключительно на то, чтобы всѣ признавали священную властъ папскую, а эту власть хотѣлъ онъ удержать—„хотя бы міръ подъ нимъ рушился.“ Поэтому-то гностическихъ каѳаровъ и евангелическихъ вальденсовъ онъ бросилъ вмѣстѣ въ одинъ тигель, такъ какъ тѣ и другіе отрицали власть духовенства, поэтому-то отъ обращавшихся въ лоно церкви онъ требовалъ какъ отреченія отъ еретической вѣры, так еще болѣе клятвы въ строжайшемъ подчиненіи власти папской.

Въ первыхъ же годахъ своею первосвященства, Иннокентій послалъ своего легата Рейнера въ южную Францію и въ Испанію, и далъ ему открытую грамоту ко всѣмъ князьямъ, графамъ и баронамъ, ко всѣмъ епископамъ и аббатамъ, въ которой пред-

писывались самыя жосткія мѣры противъ еретиковъ. Казнь выдающихся еретиковъ онъ считалъ не довольно дѣйствительнымъ средствомъ, потому что она не приносила Риму, какъ показывалъ опытъ, особенной пользы; но еще изъ пепла сожжанныхъ какъ бы рождались новые проповѣдники. Потому указываемыя имъ мѣры направлены были не на отдѣльныя личности,—онѣ имѣли цѣлію истребленіе всего еретичества. „Залазъ нужно подавить еретиковъ (такъ предписывалъ онъ), конфисковать ихъ имущества, еретическихъ дѣтей лишать наслѣдства, даже домъ, въ которомъ принятъ былъ еретикъ, долженъ быть разрушенъ. Никто не смѣетъ, побуждаемый ложнымъ состраданіемъ, уклониться отъ преслѣдованія еретиковъ; иначе его слѣдуетъ считать подозрительнымъ; ни искренняя дружба, ни ближайшее родство не должно служить здѣсь оправданіемъ. Клятва, данная еретику, не имѣетъ своей силы; потому что никогда не слѣдуетъ сохранять вѣрность относительно еретиковъ, но ихъ, напротивъ, должно всѣми способами проводить и обманывать.“ Такія порученія имѣлъ легатъ Рейнеръ. Но не всѣ, къ которымъ являлся онъ съ такимъ повелѣніемъ папы, желали покориться ему, а Раймундъ VI, графъ тулузскій, оставилъ даже папскій декретъ безъ всякаго вниманія. Здѣсь была большая опасность для Рима, потому что упомянутый графъ былъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ владѣтелей, его графство уподоблялось королевству, онъ былъ въ близкомъ родствѣ съ царствующими домами въ Наваррѣ, Аррагоніи и Англіи. Еще опаснѣе было сопротивленіе графа выступить противъ еретиковъ оттого, что лучшіе его вассалы, особенно виконтъ Альби, Бозыра и Каркассоны, Рожеръ и виконтъ фоасскій безусловно принадлежали къ партіи еретиковъ, и потому напрасно было бы ожидать отъ нихъ согласія на преслѣдованіе единовѣрцевъ.

Не предвидя успѣха отъ насилія, папа прибѣгъ къ хитрости. Сначала Иннокентій противъ проповѣдниковъ еретическихъ выслалъ своихъ проповѣдниковъ; даже устроены были религіозные коллоквіи, съ цѣлію обращенія еретиковъ. Но на такихъ сходкахъ, какъ напр. на религіозномъ диспутѣ въ Каркассонѣ въ 1207 году, большею частію перевѣсъ оставался на сторонѣ еретическихъ проповѣдниковъ, и ихъ никакъ нельзя было опровергнуть, такъ какъ они всегда ссылались на новый завѣтъ и

на древнѣйшихъ отцовъ церкви. Папа убѣдился изъ этого, что паллiативными средствами не достигнуть цѣли, и повелѣлъ кастельнаускому архiепископу Петру, — одному изъ посланныхъ имъ проповѣдниковъ,—категорически требовать отъ графа тулузскаго, чтобы тотъ выступилъ въ походъ противъ еретиковъ; въ случаѣ же непослушанiя, немедленно подвергнуть его отлученiю. Петръ исполнилъ повелѣнiе папы и отлучилъ графа, когда этотъ рѣшительно отказался преслѣдовать еретиковъ. Одинъ рыцарь графа тулузскаго такъ раздраженъ былъ дерзостiю Петра, что убилъ его недалеко отъ с. Жилля (14 янв. 1208 г. Конечно, трудно было освободиться отъ мысли, что убiйство это совершено было по приказанiю самого Раймунда, или покрайнѣй мѣрѣ съ его согласiя. Въ самомъ дѣлѣ, такъ понялъ дѣло и Иннокентiй; хотя Раймундъ клялся, что онъ ничего не приказывалъ рыцарю, но папа немедленно поразилъ графа проклятiемъ, наложивъ въ тоже время интердиктъ на все графство. Можетъ быть, папа и увѣренъ былъ, въ невинности графа, но онъ не хотѣлъ упустить случая, который доставило ему убiенiе Петра, и потому разослалъ своихъ легатовъ по всей Францiи и Германiи проповѣдать крестовый походъ противъ отлученнаго графа и его еретическихъ подданныхъ. „Весь мiръ долженъ поднять оружiе противъ проклятыхъ, которые ничѣмъ не лучше невѣрныхъ на востокѣ, и ктому же много опаснѣе.“ Отъ папы обѣщано было полнѣйшее отпущенiе всѣхъ грѣховъ—и прошедшихъ и будущихъ — каждому рыцарю или рабу, лишь только онъ препояшетъ мечь противъ альбигевсовъ. Сверхъ того, чтобы сдѣлать такой походъ еще заманчивѣе, Иннокентiй обѣщалъ всѣмъ участникамъ и большiя земныя выгоды, разрѣшилъ и даже вмѣнилъ въ обязанность простымъ солдатамъ разорять всѣ еретическiе города и деревни, а рыцарямъ и баронамъ предоставлялись право раздѣлить между собою обладанiе прекрасными графствами и баронствами. Разумѣется, не многiе могли устоять противъ такой приманки, и потому въ скоромъ времени составилось довольно значительное крестоносное воинство, большею частiю изъ французовъ, швейцарцевъ и пограничныхъ нѣмцевъ. Конечно, была тутъ и сволочь, которой нечего было дѣлать, какъ грабить, буйствовать и убивать, чтобы добытое кровопролитiемъ снова расточить на безнравственныя оргiи. Да и заботился ли кто остановить буйство кре-

тоносцевъ, подумалъ ли кто о томъ, что вмѣстѣ съ еретиками еизбѣжно пострадаютъ и тысячи добрыхъ католиковъ? Пап- тво во всякомъ случаѣ должно было быть спасено, хотя бы то стоило половины Франціи!

Крестоносное воинство все увеличивалось, и хотя француз- кій король Филиппъ Августъ, по причинѣ войны своей съ нглійскимъ королемъ Іоанномъ, уклонился отъ личнаго учас- ія въ походѣ, за то явилось достаточное число епископовъ и рхіепископовъ съ ихъ вассалами. Сверхъ того было такое мно- ество жаждущихъ добычи, что въ нѣсколько мѣсяцевъ число рестоносцевъ, собравшихся въ Ліонѣ и около Ліона, возросло о ста тысячъ. Организовавъ такую армію, назначивъ коман- ирами архіепископа сенскаго и епископовъ отгонскаго и клер- онтскаго, а главнокомандующимъ — аббата клервосскаго Ар- ода,—папа велѣлъ тотчасъ начать нападеніе. Это было въ 209 г.,—въ томъ самомъ, когда знаменитый гогенштауфенъ Фридрихъ II-й первый разъ выступилъ на поприще обществен- ой дѣятельности. Войско двинулось къ Тулузѣ. Графъ Рай- ундъ VI, услыхавъ объ этомъ, упалъ духомъ; потому что ви- ѣлъ гибель свою-неизбѣжною. Вслѣдствіе этого, онъ началъ ереговоры съ папскими легатами и смиренно просилъ ихъ сно- а принять его въ лоно церкви, отъ котораго онъ въ душѣ своей икогда не отпадалъ. Легатъ предъявилъ ему тяжкія условія. Онъ долженъ былъ поклясться, что не принималъ никакого уча- тія въ убіеніи Петра Кастельнаускаго, долженъ былъ дать бѣщаніе даже „принять крестъ" противъ еретиковъ,—т. е. противъ собственныхъ своихъ подданныхъ, и наконецъ, въ до- казательство, что онъ отнынѣ безусловно будетъ покоряться во- лѣ папы, выдать семь своихъ, болѣе укрѣпленныхъ замковъ, которые осаждаемы были тогда крестоноснымъ войскомъ. Когда Раймундъ далъ клятву, что не положитъ оружія, пока всѣ альбигойцы не будутъ преданы огню и мечу, папскій легатъ со- вершилъ обрядъ разрѣшенія отъ проклятія,— довольно унизи- тельный для графа тулузскаго: девять разъ его обвели на веревкѣ вокругъ могилы убитаго Петра, въ присутствіи гордаго лега- та, и девять разъ били прутьями по обнаженной спинѣ. Та- кимъ постыднымъ образомъ графъ тулузскій освободился отъ проклятія. И съ виконта фуасскаго и нарбонскаго, вассала и близкаго родственника Раймундова, тоже снята была анаѳема.

Но не такъ счастливъ былъ другой его вассалъ, Раймундъ-Дажаръ—виконтъ Безыра, Альбы и Каркассоны; хотя этотъ такъ же готовъ былъ оказать безусловную покорность, но папа на это не обратилъ никакого вниманія, потому что Раймундъ-Ражеръ былъ незначительный баронъ, не имѣвшій знатныхъ родственниковъ. Сверхъ того, нужна же была какая-нибудь жертва. Такимъ образомъ крестаносное ополченіе направилось къ городу Безыру, гдѣ заключился виконтъ съ своимъ войскомъ и съ 70,000 окрестныхъ жителей. Не смотря на мужественное сопротивлевіе и отчаянную храбрость осажденныхъ, городъ Безьеръ, 1209 г., былъ взятъ крестоносцами, и тогда-то началось ужасное зрѣлище варварства и самой изувѣрской жестокости. Крестоносцы спрашивали у начальниковъ ополченія легата Милона и аббата Арнауда: какъ поступать съ жителями, въ числѣ которыхъ большая часть была р. католиковъ, такъ что трудно было отличить еретиковъ отъ послѣднихъ? Бей всѣхъ, Господь узнаетъ своихъ", отвѣтили оба предводителя. Тутъ началась самая ужасная рѣзня, какая только оскверняла страницы исторіи. Старцы и юноши, мужчины и женщины, еретики и р. католики—всѣ были убиваемы. Въ одной церкви Магдалины, куда главнымъ образомъ бѣжали р. католики, сожжено было до 7000, а вообще въ этой отвратительной, кровавой бойнѣ нашли смерть около 60,000 человѣкъ. Не многіе, въ числѣ хъ и виконтъ Ражеръ', спаслись бѣгствомъ, а нѣсколько тысячъ, переживших разрушеніе и на колѣнахъ просившихъ пощады, убиты были какъ на какой-нибудь бойнѣ. Какія мерзости совершались во время пожара и опустошенія, объ этомъ нѣтъ возможности и разсказать. А пока совершалась эта отвратительная рѣзня, монахи, сопровождавшіе крестоносное войско, пѣли на площади гимнъ во славу Бога!

Ужасъ наполнилъ всю Европу, когда услыхали объ этомъ повальномъ избіеніи, а Иннокентій III и съ нимъ все высшее духовенство торжествовали и радовались, что теперь положено счастливое начало истребленія ереси. Естественно, впрочемъ, что этимъ началомъ не удовольствовались, но крестоносное войско направилось тотчасъ противъ Каркассоны, чтобы и этому городу приготовить такую же участь. Къ счастію, однакожъ, большая часть жителей бѣжала и такимъ образомъ нѣсколько лишь тысячъ были обречены въ жертву мечу и пламени; ви-

онта Раймунда и Рожера заманили къ себѣ хитростью и въ кором времени, не смотря на то, что ему съ клятваго обѣщали помилованіе, казнили. Крестоносное войско подвигалось алѣе, разрушало по всей области виконта замки и деревни, ля скорости, сожигало какъ еретиковъ, такъ и р. католиковъ произвело такое опустошеніе, что можно было подумать, что ся банда состояла изъ разбойниковъ. Наконецъ крестоносцы пились кровью еретиковъ и такъ какъ нечего уже было и екого разрушать и грабить, начали расходиться. Остановить ъ было нельзя, — потому что они первоначально обязались олько къ 40 дневному крестовому походу; однакожъ довольно начительный отрядъ удалось задержать самому графу Монтфортскому, которому папа Иннокентій, по убіеніи виконта Раймунда Рожера, подарилъ упразднившееся виконтство беарское, каркассонское и альбійское, въ ленной отъ себя зависимости. Къ этому отряду присоединился и папскій легатъ, а акъже и большая часть епископовъ и церковныхъ сановниковъ, сопровождавшихъ крестоносное войско. Они поставили ебѣ цѣлію продлить господство ужаса и для этого хотѣли нообразованное виконтство монфортское сдѣлать сборнымъ пункомъ, откуда можно бы было всякій разъ нападать на еретиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, война противъ еретиковъ все еще продолжалась, хотя и не принимала прежнихъ размѣровъ, все еще овременамъ производились нападенія на ту или другую мѣстость, въ которыхъ подозрѣвали существованіе еретиковъ, и бивали ихъ и сожигали. Но все вниманіе свое папскій легатъ по данной изъ Рима инструкціи) обратилъ на Раймунда VI, рафа тулузскаго, потому что хотя этотъ, получивши разрѣшеніе, не забывалъ дѣлять церкви различныя приношенія; однакоже въ преслѣдованіи еретиковъ, въ своемъ большомъ графствѣ, не показывалъ такой пламенной ревности, какой желалось папамъ, и Иннокентій поэтому убѣдился, что совершенное ничтоженіе ереси въ южной Франціи возможно только тогда, огда сойдетъ со сцены покровитель еретиковъ Раймундъ со всѣмъ своимъ родомъ. Вслѣдствіе этого, уже въ 1210 г. последній былъ потребованъ къ легатамъ для объясненія своихъ двусмысленныхъ отношеній къ еретикамъ. Хотя и невозможно было уличить графа въ ереси, но такъ какъ онъ не могъ доказать, что всѣ еретики выгнаны имъ изъ Тулузы, то отлученіе

снова разразилось надъ нимъ и рѣшена была новая война противъ альбигойцевъ. Составляется новое войско и главнокомандующимъ его папа назначаетъ свирѣпаго Симона-де-Монфорта. Опять разоряются города и замки, опять десятки тысячъ вальденсовъ или каөаровъ погибаютъ въ пламени. Графъ тулузскій обращается съ Филиппу Августу съ просьбою о помощи и защитѣ противъ церкви. Такую просьбу заявляетъ графъ и императору нѣмецкому, и оба государя доводятъ дѣло до того, что папа вступаетъ съ графомъ въ нереговоры. Условія со стороны Иннокентія III такія: Раймундъ VI останется безспорнымъ обладателемъ въ своей странѣ, какъ только изгонитъ всѣхъ еретиковъ и отниметъ у нихъ имущество. Такъ какъ Раймундъ VI не соглашается на это, потому что цѣлая половина его графства въ такомъ случаѣ уничтожилась бы, то папа прерываетъ всякіе переговоры. Въ Арлѣ составляется соборъ (1211 г.), который объявляетъ графа отлученнымъ, а между тѣмъ налагается интердиктъ и на городъ Тулузу. Симонъ Монфортъ, съ большою шайкою, вторгается въ тулузскую область, жжетъ и опустошаетъ все, не щадя собственности и жизни, ни р. католиковъ, ни еретиковъ; даже въ самой Тулузѣ архіепископъ Фулько пытается въ жителяхъ города произвесть открытое возстаніе противъ Раймунда; но еретическіе жители, составившіе изъ себя партію „чорныхъ" одержали побѣду надъ партіею „бѣлыхъ, то есть р.-католиковъ, украшенныхъ крестомъ, и изгнали ихъ изъ города вмѣстѣ съ архіепископомъ. Крестоносное войско однакожъ все увеличивается и болѣе и болѣе стѣсняетъ графа. Тогда этотъ обращается къ своему близкому родственнику Педро II-му, королю аррагонскому и представляетъ ему, что во всемъ спорѣ менѣе о ращается вниманія на ересь, а гораздо болѣе на то, чтобы утвердить за папою владычество надъ государями. Педро II обращается къ папѣ и требуетъ прекратить войну. Папа отвѣчаетъ на это, что покровитель еретиковъ такой же негодяй, какъ и самый еретикъ и грозитъ королю отлученіемъ. Этимъ однакожъ не устрашается послѣдній и выступаетъ противъ крестоносцевъ съ войскомъ. При Муретѣ, въ 1213 г., сходятся оба войска, и въ происшедшей здѣсь битвѣ падаетъ послѣдній защитникъ Раймундовъ, Педро аррагонскій. Теперь Раймундъ VI остается одинъ и, чтобы не попасть въ плѣнъ, съ

воимъ сыномъ бѣжитъ изъ отечественной страны. Побѣдоосно вступаетъ Симонъ въ крѣпкую Тулузу и начинаетъ здѣсь трашныя опустошенія и рѣзню. Крестоносцы дѣлаются облаателями всей страны, а Симонъ за свои подвиги на пользу р. атоличества назначается папою въ графы тулузскіе. Съ неѣроятнымъ ужасомъ утверждается здѣсь новое господство и ютъ всему краю совершенно другой видъ. Подозрѣваемыхъ ь ереси, а тѣмъ болѣе обвиненныхъ въ ней, хватаютъ и осужютъ, и всѣ землевладѣльцы, т. е. мелкопомѣстные рыцари и ароны, не павшіе на полѣ битвы, въ страхѣ разбѣгаются по ужимъ странамъ. Ихъ имуществами завладѣваетъ церковь и алуетъ ими разныхъ искателей приключеній, состоящихъ въ витѣ монфортскаго графа. Цѣлыхъ три года продолжается ютъ ужасный разбой, который навелъ такой страхъ, что все, тавшееся въ живыхъ населеніе окрестныхъ деревень и горовъ заявило себя самыми ревностными р. католиками, хотя ь душѣ своей питало страшное негодованіе противъ Монфор. Справедливость послѣдняго предположенія доказывается ѣмъ, что, когда въ 1217 году является Раймундъ VI съ совоъ сыномъ и съ немногими вѣрными ему опять въ графствѣ, ся страна встрѣчаетъ и принимаетъ его какъ своего законаго государя. Симонъ, естественно, вооружается, но чрезъ одъ послѣ этого находитъ свою смерть подъ стѣнами возавшей противъ него Тулузы. Его притязанія перешли къ го сыну Амальриху; но этотъ, не имѣя энергіи своего отца, аже при сильной поддержкѣ крестоноснаго войска, не могъ оперничать съ законнымъ правительствомъ, особенно по смери Раймунда VI, случившейся въ 1222 г. На Раймунда VII одозрѣніе въ ереси не падаетъ, и слѣдовательно церковь не мѣетъ никакого повода дѣйствовать противъ него. Амальрихъ оставляется все въ большее затрудненіе и въ отчаяніи обраается въ 1224 г. къ королю Франціи, и за извѣстную пенсію ступаетъ свои притязанія на Тулузу. Людовикъ VII напааетъ на Раймунда, а его преемникъ, Людовикъ IX, заклюаетъ договоръ, по которому все прекрасное графство, по мерти Раймунда должно перейти къ Франціи; папѣ, который акъ же желаетъ доли, обѣщается графство венесенское. Такъ канчивается великая альбигенская война, въ которой сожже-

но или убито болѣе ста тысячъ еретиковъ, а вообще погибло болѣе 300 тысячъ человѣкъ.

Съ ересью, такимъ образомъ, справились: она была совершенно уничтожена, по крайней мѣрѣ наружно. Но очень могло статься, что она еще жила въ тайникахъ сердецъ. Могло быть, что иныя души и сердца держались евангельскаго ученія, хотя и не смѣли уже исповѣдать его устами. Могло быть даже, что нѣкоторыя еретическія писанія сохранились, хотя и въ глубочайшей тайнѣ, чтобы обнаружиться позже и поставить папству новыя затрудненія. Поэтому Иннокентій III позаботился о томъ, чтобы такая возможность сдѣлалась невозможностію. „Всѣ еретическія сочиненія",—такова была его воля—„должны быть уничтожены; всѣ еретическія мысли должны быть подавлены и заглушены", и соотвѣтственно съ этимъ онъ установилъ особое учрежденіе, нарочитый судъ, называемый инквизиціею, задачею котораго было—пытками и казнями подавлять всякую мысль, возстающую противъ церкви и первосвященства." Какъ же дѣйствовала въ этомъ случаѣ пресловутая инквизиція?

Съ этой *благочестивою* цѣлію, изъ избранныхъ въ Тулузѣ доминиканцевъ, судъ учредилъ особый трибуналъ, который въ короткое время наполнилъ ужасомъ всю южную Францію. Агенты инквизиціи проникали въ каждый домъ, въ каждую деревню, въ каждый городъ. Кто аккуратно по воскресеньямъ не ходилъ на миссу, или кто велъ нѣсколько отличный отъ другихъ образъ жизни, того объявляли подозрѣваемымъ въ ереси и немедленно призывали къ суду. Сказалъ ли кто, по неосторожности, неодобрительное слово о судопроизводствѣ или даже сдѣлалъ неодобрительную мину,—это такъ же считалось поводомъ къ обвиненію. Каждый вздохъ или подозрѣніе на инквизицію приводилъ въ тюрму, и если кто отказывался сдѣлать обвинительное показаніе, на того или другаго изъ привлеченныхъ къ суду, того считали соучастникомъ обвиненнаго Кто попадалъ въ тюрму, для того оставалась одна дорога къ выходу — это дорога, ведущая на костеръ. Употреблялись и пытки, чтобы вынудить признаніе, и даже постановлено было правиломъ, каждаго потребованнаго предъ инквизиціонный трибуналъ, мучить до тѣхъ поръ, пока не признается. Конечно, подвергали пыткѣ и мученіямъ сотни невинныхъ, чтобы найти среди нихъ одного виновнаго; но развѣ сокрушались объ этомъ

удія? „Мученію и смерти подвергались лишь тѣла, а души невинныхъ, очищенныя муками для вѣчнаго блаженства, переходили на небо!“ Принявъ все это въ соображеніе, можемъ представить себѣ, что тюрмы въ скоромъ времени были переполнены, потому что, въ силу приведеннаго выше, правила, могъ быть привлеченъ къ страшному трибуналу и каждый, даже католикъ, *если только этого хотѣли.* Въ такомъ хотѣніи не было недостатка уже потому, что каждый обвиненный вслѣдствіе доноса лишался своего достоянія. Каждое инквизиціонное судилище имѣло своихъ собственныхъ чиновниковъ, такъ называемыхъ Receptores honorum publicatorum, которые отбирали имущества обвиненныхъ и завѣдывали ими отъ имени церкви. При такихъ обстоятельствахъ не удивительно, если зажиточные классы, т. е. тѣ, у которыхъ было что конфисковать, удостоиваемы были особеннаго вниманія и составляли значительное большинство заключенныхъ въ тюрмѣ. Сверхъ того многіе дѣлали доносы по ненависти или мщенію, и такъ какъ всякой даже пьяный, сумасшедшій и вообще всѣ, которые, при другихъ судахъ не считались за свидѣтелей, имѣли не только право, но и обязанность даже (эта обязанность возвѣщалась во всѣхъ городахъ и деревняхъ съ каѳедръ), говорить все, что знали о ереси; то *очевидно* принимаемы были и *ложные доносы.* Коротко сказать—сдѣлано было все, чтобы охранить людей отъ всякой еретической мысли, и пожизненное заключеніе или смерть на кострѣ развѣ не дѣйствительное къ тому средство?

Съ такою жестокостію поступлено было съ бѣдными обитателями южной Франціи. Но мы еще мало сказали, потому что жестокость этимъ не ограничилась: напр. въ 1236 г. верховный судья Робертъ втеченіи двухъ мѣсяцевъ, велѣлъ не менѣе 500 мужчинъ и женщинъ живыми зарыть въ землю за ихъ мнимую ересь! Папа Целестинъ IV отозвалъ, правда, этого изверга изъ миссіи, но—самое слабое заключеніе было единственнымъ взысканіемъ, которому былъ подвергнуть этотъ извергъ. Мщеніе церкви простиралось даже за предѣлы гроба, потому что покойниковъ, уже по смерти обвиненныхъ въ ереси, вырывали изъ земли, бросали ихъ трупы на костеръ, отбирали имущество, разоряли ихъ домы и дѣтей ихъ пускали по міру, гдѣ они, какъ обезславленные, нигдѣ не находили себѣ пріюта. При такомъ образѣ дѣйствованія скоро воцарилась могильная ти-

шина надъ всею южною Франціею, прежде такою веселою, и, казалось, будто кара небесная отяготѣла надъ всею страною. Но папы достигли своей цѣли: ересь искоренена *).

---

*) Можетъ быть кто изъ читателей того мнѣнія, что во всѣхъ жестокостяхъ инквизиціоннаго трибунала виновны — не папа, а доминиканцы, но это совершенное заблужденіе. Напротивъ, вся сила, какую имѣли доминиканскіе генералы, а чрезъ нихъ и инквизиторы, проистекала изъ одного источника—отъ римскаго престола, и въ одной буллѣ папы Урбана IV, отъ 1261 г., ясно внушается орденскому генералу, чтобы онъ „никогда не забывалъ, что принадлежащая ихъ ордену власть преслѣдовать еретиковъ не независима, но что эта власть дарована ему отъ папы, и слѣдовательно онъ всегда можетъ и лишить этой власти.“

(Продолженіе будетъ).

III.

СОЧИНЯЕМЫЯ ДЛЯ НѢКОТОРЫХЪ ГАЗЕТЪ КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Были въ модѣ когда-то діалоги, какъ упражненіе въ краснорѣчіи, какъ особый родъ сочиненій. Такіе діалоги нерѣдко влагались даже въ уста мертвыхъ; какъ порожденіямъ фантазіи досужихъ авторовъ, имъ ничто не соотвѣтствовало въ мірѣ дѣйствительномъ. Въ настоящее время расплодились въ нѣкоторыхъ газетахъ тоже произведенія краснорѣчія собесѣдовательнаго, въ другомъ только видѣ, въ видѣ корреспонденцій. Иныя изъ такихъ корреспонденцій носятъ на себѣ очевидные признаки *сочиненія,* приспособленнаго къ направленію, характеру и намѣреніямъ газеты, и вовлекаютъ въ обманъ легковѣрныхъ, нерѣдко думающихъ и даже говорящихъ: вотъ что пишутъ очевидцы!.. Такія корреспонденціи начали печататься, между прочимъ, и въ одной, явившейся, въ новѣйшее время газетѣ.

Для чего сочиняются такія корреспонденціи? Конечно, не изъ одной любви къ искуству. Онѣ сочиняются, между прочимъ, и для того, чтобы свалить кое-что «съ больной головы на здоровую;» чтобы навязать другимъ свои личныя теоріи, надежды, наушничества, проэкты, лжи, клеветы, внушенія, и чтобы введенные въ обманъ читатели восклицали: вотъ что «намъ пишутъ.» Средство публицистики немудреное, можетъ быть, и цѣлесообразное, но едва ли честное: оно стоитъ рядомъ съ поддѣлкою фальшивыхъ

ассигнацій; мы не согласны съ тѣмъ, что «цѣль оправдываетъ всякія средства.» Не трудно, конечно, навалять корреспонденцію «изъ сѣверозападнаго края, изъ Варшавы,» подмахнуть ее какими-нибудь буквами, эпитетами и, любуясь своимъ апокрифомъ, гладя по головкѣ незаконнорожденное дѣтище русской прессы, сказать ему: пошли тебѣ Богъ часъ добрый морочить легковѣрныхъ, глумиться надъ тѣмъ, что люди честные называютъ истиннымъ и завѣтнымъ,—да благородно ли это? Не также ли это—скажемъ снова—поддѣлка ассигнацій, только съ цѣлію болѣе опаснаго обмана,—обмана нравственнаго?

Такъ мы думали, то мы чувствовали при чтеніи корреспонденціи «изъ Варшавы,» помѣщенной въ одной газетѣ. Говоримъ безлично потому, что дѣло не въ названіи газеты, а въ ея принципахъ, замашкахъ вообще и въ названной корреспонденціи въ частности. Эта корреспонденція такъ отважна, что мы крайне изумляемся ея дерзости: это ни больше, ни меньше,—какъ трактатъ (между прочимъ) о возстановленіи Польши. Прослѣдимъ эту корреспонденцію по порядку 1).

„Польша! Сколько высокихъ думъ, сколько страданій и горькихъ воспоминаній, вызывающихъ бездну проклятій и слезъ заключается въ одномъ этомъ словѣ?» (!) Такъ «поэтическо (*и*,—авторъ плохо владѣетъ русскимъ языкомъ)—грустно воскликнулъ» воображаемый собесѣдникъ воображаемаго корреспондента.

«Высокихъ думъ?» Если точно отъ высокаго до смѣшнаго одинъ шагъ, то едва ли кто-либо или что-либо можетъ возбуждать столько—*въ этомъ смыслѣ*—«высокихъ думъ,» сколько ихъ возбуждаетъ Польша. Да, говоря проще, безъ увлеченій и софизмовъ, отличающихъ рѣчь «свѣтлой головѣ варшавской» отъ головъ темныхъ—тоже варшавскихъ, не только одно слово Польша, но и вся она, со всею своею

1) Весьма жалѣемъ, что не имѣли случая, предъ составленіемъ настоящей замѣтки, прочитать прекрасную статью „Голоса" объ этой корреспонденціи.

історіей, со всѣми ксендзами и шляхтой, всего менѣе можетъ возбудить то чувство, которое *должно* быть называемо высокимъ. Кто теперь не знаетъ исторіи Польши? Кто теперь повѣритъ па слово мечтаніямъ «свѣтлыхъ головъ варшавскихъ» (и не варшавскихъ), окружающихъ предметъ своего пристрастія ореоломъ величія, которому никогда, ничто не соотвѣтствовало въ дѣйствительности? Кто не знаетъ того сумбура, который царилъ въ Польшѣ: въ ея администраціи, политикѣ, экономіи, и который довелъ ее до самоубійства? Кто не знаетъ буйства ея шляхты, злополучія ея народа, страны, ея изувѣрскаго фанатизма, ея образцовой бытовой безтактности, ея бурныхъ, нерѣдко кровавыхъ, сеймовъ, сеймиковъ, конфедерацій, ея *заѣздовъ, куриныхъ войнъ*, безсмысленнаго «не позвалямъ,» продажности отечества магнатами и всякой другой безалаберщины, образчиковъ которой не представляетъ исторія никакой націи? Все это скорѣе «вызываетъ» много «горькихъ воспоминаній, проклятій и слезъ,» нежели «высокихъ думъ.» Хотя многоточіе (...) корреспондента показываетъ, что у него кое-что нужно читать между строками или послѣ словъ, что «страданія, проклятія и слезы» усвоены имъ не тому, кому слѣдуетъ; но это не препятствуетъ намъ ассигновать ихъ по принадлежности.

«Вѣрные своему характеру, мы всегда стремились къ полной свободѣ, думали создать республику среди окружающихъ насъ абсолютныхъ (?) государствъ,» продолжаетъ мнимый корреспондентъ. Ктожъ эти *мы?* Ничтожное меньшинство націи—магнаты 1). И они искали свободы *своей,* а не другихъ, не свободы націи, и они искали не *свободы,* а личнаго, безконтрольнаго, дикаго, животнаго произвола, или, какъ выражается точнѣе корреспондентъ, «анархіи.» Свобода, какъ сотрудница разума, есть высшая, богоподобная способность, данная Творцемъ человѣку для того,

---

1) Не говоримъ шляхты; потому что мелкая шляхта составляла ближайшихъ только исполнителей панскихъ затѣй и прихотей. Все ея различіе отъ хлопства состояло въ томъ, что ее били не на голой землѣ, а на „*диванѣ*" (коврѣ), и что она выслуживалась иногда до панства (съ помощью нерѣдко подложныхъ документовъ).

чтобъ онъ избиралъ въ безпредѣльной области добра лучшее благо; а то, что называетъ *авторъ* корреспонденціи свободою, есть способность, радикально противоположная истинной, богоподобной свободѣ, есть возможность выбора изъ многихъ золъ худшаго. Такою именно и была свобода панская. Когда панъ, во время отсутствія другаго пана, дѣлалъ нападеніе на его домъ, или уничтожалъ его оседлище и извращалъ его мѣстность до того, что возвратившійся домой хозяинъ не узнавалъ даже своей селитьбы; когда панъ билъ плетьми, или разорялъ православнаго священника, стрѣлялъ въ жида, цыгана, хлопа, грабилъ все и всѣхъ, кто и что ему приглянулось; когда за убійство холопа онъ отдѣлывался штрафомъ въ 26 злотыхъ(3 р. 90 к.), а за убитаго чужаго жида могъ поквитаться своимъ убитымъ жидомъ, 1) сброшеннымъ на дворѣ пана, въ имѣніи которою жилъ убитый имъ; когда магнатство теряло всю свою изобрѣтательность и огромное богатство на конкуренцію въ выдумкѣ и исполненіи болѣе дикихъ, фантастическихъ и небывалыхъ продѣлокъ *(фацецій);* когда король стѣснялся содержаніемъ себя, когда ему отказывали въ вопіющихъ расходахъ на нужды государства, когда войско не получало жалованья, непріатель сидѣлъ на шеѣ, а магнаты прокучивали несмѣтные мильоны на разныя безпутства, когда одни короли бѣжали изъ *свободной* Польши, другихъ брали въ плѣнъ, ранили, третьимъ дѣлали самыя грубыя дерзости,—развѣ это свобода, развѣ для подобныхъ проявленій буйства и ненаказанности нѣтъ болѣе точнаго названія? Развѣ человѣкъ, дѣйствующій на привязи животныхъ страстей, неразумныхъ увлеченій, затемняющихъ его умъ и волю, можетъ быть названъ свободнымъ? Господа! хоть не профанируйте названія той способности, которой вы никогда не имѣли, которою никогда не руководились!

Вы «думали создать республику?» Полно-такъ ли? Вы думали создать самую странную олигархію и создали ее, а объ республикѣ вы никогда и не думали и не заботились. Всякъ изъ васъ напрягалъ всѣ свои средства, чтобы попасть въ короли; у насъ есть пословица: тотъ не солдатъ,

1) А то, пожалуй, и цѣлымъ возомъ битыхъ жидовъ, какъ это сдѣлалъ Потоцкій, староста каневскій.

кто не думаетъ быть генераломъ, а у васъ была пословица далеко тщеславиѣе: тотъ не папъ, кто не думаетъ быть королемъ; ты король сегодня, а я завтра, говорилъ нерѣдко магнатъ королю. Когда у васъ дома не находилось охотника сѣсть на престолѣ Пястовъ, или когда арміи соискателей злополучнѣйшей изъ коронъ были равны и шансы на одолѣніе соперника были сомнительны, вы искали королей во Франціи, Австріи, Саксоніи, Швеціи; чтожъ это за республика съ королемъ во главѣ? Правда, сумбуръ своего гражданскаго строя вы обзывали на словахъ и на бумагѣ «рѣчью-посполитою» (республикой); но это названіе никогда не соотвѣтствовало дѣлу. Впрочемъ, говоря серьозно, мы затрудняемся точнымъ названіемъ вашего былаго гражданскаго строя. Въ главѣ общества король— безъ королевской власти, внизу 15 мильоновъ невольниковъ, безъ права собственности, безъ права даже жизни, въ срединѣ тысячи полторы пановъ—самодуровъ, неповиновавшихся первому, бичевавшихъ послѣднихъ; право не разберешь, что это такое, но ужъ, конечно, не республика; потому что верхъ и низъ такого строя (отчасти и средина)— въ полномъ разладѣ съ идеей республики; скорѣе это какая-то своеобразная олигархія, съ титулярнымъ королемъ.

Въ минуты откровенности, и самъ корреспондентъ рисуетъ картину былой Польши, скорѣе «вызывающую горькія воспоминанія,» а кое у кого «слезы и проклятія,» чѣмъ «высокія думы.» Вотъ нѣсколько деталей этой картины. «Мы (то есть паны) угнетали нис (з; для *автора* языкъ русскій—иностранный) шихъ; мы слишкомъ заботились о своихъ привиллегіяхъ, гонялись за господствомъ надъ прочими сословіями; наши неспособные (не нужно такъ обобщать клевету) короли не умѣли насъ взять въ руки, дозволили водвориться анархіи, дозволили всякому магнату образовывать себѣ партію (чтожъ было дѣлать королю безъ власти, значенія и денегъ?); фанатизмъ нашего духовенства (панства тожъ), поселившіеся среди насъ іезуиты докончили дѣло разрушенія; исторія наша складывалась безъ участія народа, у насъ недоставало связи верхнихъ слоевъ (?) съ народной массой; наше (у автора стоитъ ихъ, по складу его рѣчи) крайнее самолюбіе, эгоистическое воспи-

таніе и полуобразованность не давали намъ сознать (полонизмъ) высокой идеи жертвы въ пользу народа, который вѣка (тоже) былъ угнетаемъ нравственно и матеріально привил(л)егированными классами (хороша республика!); мы употребили всѣ хитрости, пустили въ ходъ всѣ интриги, чтобъ... удержать свои привил(л)егіи;... мы утѣшали себя (христіанское утѣшеніе!) тѣмъ, что крестьянская реформа въ Россіи поставитъ послѣднюю (то есть ее) на ву(о)лканъ (Россію поставить на огнедышущую гору; какъ это удобно и порусски!), намъ грезилась общая (?) революція, возстановленіе Польши, возвратъ нашихъ вольностей (нужно читать сооеволій),» и мало ли чего другаго не грезилось вамъ столь же пріятнаго, *миролюбиваго,* христіанскаго!... Этотъ послужной списокъ бывшей Полоніи—съ крупными пробѣлами, а все таки спасибо за откровенность, хоть и опоздавшую шестью годами.

Изъ почвы исторической авторъ корреспонденціи быстро порхнулъ въ область мечтаній и начинаетъ объясняться въ любви къ Россіи, толковать о раскаяніи, о мирѣ и согласіи, воображать себя «лисицей,» а насъ «вороной, съ кусочкомъ сыру.» Варіаціи на эту тему такъ надоѣли въ послѣднее время, что продолжать ихъ—значитъ испытывать терпѣніе слушателей, глумиться надъ исторіей и смысломъ человѣческимъ. Вы требуете «разумнаго, безпристрастнаго слова, логическаго представленія вещей,» словомъ—вы вѣчно требуете у другихъ того, чего никогда сами не даете? Извольте, только избавьте насъ—однажды навсегда—отъ объясненія въ тѣхъ къ намъ симпатіяхъ, которыхъ мы не заискивали, въ которыхъ не нуждаемся, и которыхъ, потому, вы къ намъ никогда не питали и питать не желаете.

Вы требуете «мира и согласія польскаго народа съ русскимъ» и ожидаете отъ этого согласія «блага для обоихъ народовъ?» Желаніе доброе, только лишь не искреннее, тщеславное, запоздалое и лишенное смысла. Объ искренности—ни слова: вы лучше насъ знаете ея степень и характеръ, а мы такъ часто и разносторонно объ ней говорили, что повторяться не станемъ.—Тщеславное. Ставить рядомъ 70 мильоновъ съ 5 мильонами и думать, что «благо» первыхъ зависитъ отъ «согласія» съ послѣдними, это даже

болѣе чѣмъ тщеславіе; ставить рядомъ хозяевъ страны съ горстью вѣчно буптующей шляхты и предписывать первымъ «миръ и согласіе» съ послѣднею, это даже больше чѣмъ смѣлость. А чтожъ, если мы откажемся отъ этого мира,— точнѣе перемирія, котораго мы, *съ своей стороны,* никогда не нарушали, что тогда будетъ, на сколько наше «благо» будетъ подорвано? Предписывать такой миръ,съ обѣщаніемъ «блага,» не значитъ ли угрожать косвенно несчастіемъ въ случаѣ нашего отказа? Не привыкать намъ—стать къ этому несчастію, болѣе, впрочемъ, серьозному для начинающихъ нарушеніе перемирія!—Запоздалое. Еслибъ вы трактовали о «согласіи» съ нами предъ 1772, 1812, 1830, 1848, 1853, 1863 годами, и слова свои подтверждали дѣломъ, можетъ быть, мы вамъ и повѣрилибъ; но, послѣ многократныхъ неудачъ борьбы и пораженій, къ чему толковать о мирѣ и согласіи? Причины и цѣль этихъ толковъ такъ очевидны, что вы должны считать насъ слишкомъ близорукими, если предполагаете, что мы ихъ не видимъ, не понимаемъ. Мы кое-какъ сберегали свое «благо» и безъ «согласія» съ вами, но вы найдете однѣ бѣды въ несогласіи съ нами.—Лишенное смысла. Вы предлагаете миръ и согласіе; но развѣ мы съ вами бьемся, развѣ когда либо начинали съ вами ссору? Мы только отбивались. въ теченіи вѣка (и прежде) отъ вашихъ нападеній, нерѣдко изувѣрскихъ и всегда коварныхъ и преступныхъ, а теперь только заботимся о возвратѣ себѣ историческихъ правъ, о защитѣ себя отъ вашихъ покушеній къ повторенію прошедшаго; исторія нашъ наставникъ и руководитель. И что вы даете намъ въ залогъ вашего примиренія? Слова, однѣ слова, и ни одного факта *положительнаго.* Но можемъ ли мы повѣрить однѣмъ словамъ вашимъ, когда позади насъ столько опытовъ обмана, столько побужденій къ недовѣрію, а особенно, когда дѣла ваши и самыя условія мира находятся въ очевидномъ противорѣчіи съ словами примиренія? На словахъ вы толкуете о согласіи, а на дѣлѣ сѣете ложь и клевету на Россію въ заграничной прессѣ, шушукаетесь съ эмиссарами, возбуждаете ко враждѣ съ нами весь западъ, измѣняете даже Христу, лишь бы сподручнѣе формировать свои легіоны въ той націи, которая, по вашему предполо-

женію, должна скоро войдти въ столкновеніе съ Россіей. На словахъ вы толкуете о мирѣ, а на дѣлѣ ведете съ нами войну нравственную, потому что не можете *пока* вести другой: ссорите насъ другъ съ другомъ, стараетесь произвести разладъ въ нашей прессѣ, и разныя соціальныя недоразумѣнія. По всему видно, что условія «мира и согласія» вы дѣлаете обязательными для другихъ,—для насъ, а не для себя, что вы желаете мирить насъ съ собою, а не мириться.

Предписываете условія! Предписывать условія должны мы, а не вы. Еслибъ вы были даже «сторона воюющая», и тогда вы были бы забавны въ роли предписывающихъ условія: это право побѣдителей, а не побѣжденныхъ, націи господствующей, а не подвластной, судей, а не подсудимыхъ, большинства, а не меньшинства; это право наше, а не ваше. И каковы ваши условія? Ни больше ни меньше, какъ автономія Польши, настолько *великодушной,* что она *(пока)* не брезгаетъ федераціей съ Россіей. Что мы не клевещемъ на „свѣтлую голову варшавскую,“ очевидно *просвѣщающую* насъ по довѣренности всѣхъ поляковъ, въ этомъ легко убѣдиться изъ приведенія къ одному знаменателю тѣхъ „уступокъ, которыя поляки готовы сдѣлать русскому обществу.“ Вотъ эти уступки: протестъ на то, что „сліяніе губерній Царства Польскаго съ прочими частями Имперіи сдѣлано безъ ихъ (поляковъ) согласія, пощада всего того, что принадлежитъ имъ какъ націи (именно?),—образованіе на родномъ языкѣ, сбереженіе ихъ преданій и памятниковъ (?), открытіе земства, выборное начало, независимый (ни больше ни меньше!) и гласный судъ, свобода печати“ (которой нѣтъ въ Кіевѣ, Харьковѣ и проч.). Не много ли будетъ?! Какъ же это пришло въ голову полякамъ вообще и ихъ „свѣтлой варшавской головѣ“ въ частности предписывать намъ подобныя условія мира, не побѣдивши насъ?! И это еще называется „*уступками* со стороны поляковъ *въ пользу* русскаго общества!“ Чтожъ у нихъ стоитъ за чертой этихъ уступокъ? Правда, „свѣтлая варшавская голова“ совѣтуетъ „сдѣлать *взаимныя* уступки въ мнѣніяхъ;“ но намъ не приходится послѣдовать ея совѣту: если она всѣ, недавно исчисленныя *уступки* на-

вала „уступками *поляковъ* въ пользу русскаго общества;“ то русскому обществу остается развѣ уступить полякамъ Польшу въ границахъ 72 года, возвратить хлопство, панщину, чтобъ удовлетворить ихъ и поквитаться съ ихъ *великодушіемъ*. Мы и не можемъ, и не должны быть болѣе уманными и „уступчивыми,“ чѣмъ какими были въ началѣ 20-хъ и 60-хъ годовъ.

Быть можетъ «свѣтлая варшавская голова» и тѣ, отъ лица которыхъ она резонируетъ, полюбопытствуютъ узнать наши условія примиренія, узнать то «высокое (?) средство, которое бы могло указать (порусски: которое могло бы) путь къ взаимному согласію,—услышать безпристрастное русское слово, языкъ правды»? Мы удовлетворимъ любопытству поляковъ и укажемъ имъ »высокое средство къ взаимному согласію»—съ тѣмъ безпристрастіемъ, которое всегда было девизомъ органа, ратующаго подъ знаменемъ „*исторической истины*“, и которое, если кому и не нравилось, то развѣ по тому правдивому, порою горячему, тону обличенія, который отличаетъ языкъ правды, слово безпристрастія отъ всякаго другаго слова и языка, и который неизбѣженъ при нормальной оцѣнкѣ ненормальныхъ явленій, при желаніи называть предметы точными ихъ именами.

Всякій ядъ изгоняется противоположно ему дѣйствующимъ на организмъ противоядіемъ; всякое зло нравственное и физическое уничтожается или ослабляется уничтоженіемъ произведшихъ его причинъ. Чтобы найдти *радикальное* средство къ *духовному* единенію, къ *искреннему* братолюбію (а не какому-нибудь вооруженному нейтралитету) русскихъ съ поляками, нужно отыскать причину ихъ вражды и столкновеній. Славянскія племена мирно жили другъ съ другомъ, пока ихъ не перессорила, не разъединила интрига Ватикана и его союзниковъ. Ходъ этой интриги вездѣ обозначенъ въ исторіи кровавыми слѣдами, указывать которые, въ настоящій моментъ, намъ не настоитъ особенной надобности. Папство выдѣлило при Мечеславѣ I изъ группы православныхъ славянъ православную дотолѣ Польшу и тѣмъ поставило ее въ естественной, порой искуственной, съ ними реакціи. Выработанный азіятскими

побѣдителями мирныхъ полянъ—сарматами—ляхами, въ тѣсномъ союзѣ съ политическимъ характеромъ и нетерпимостью пропагандирующаго папизма, скоро превратилъ натянутыя отношенія поляковъ къ другимъ славянамъ во враждебныя. Польша, подъ вліяніемъ сугубыхъ возбужденій—и внутреннихъ, и внѣшнихъ,—устремилась къ захватамъ, къ превращенію федерацій въ тиранію, къ стушеванью въ захваченныхъ лукавствомъ или силой областяхъ природнаго ихъ облика,—ихъ вѣры и народности, ихъ преданій и обычаевъ. Роды дворянскіе не выдержали религіозно-политическаго давленія пропагандирующей силы и отступились отъ вѣры и народности предковъ. Эта новая сила, въ соединеніи съ сочиненною іезуитами уніей, да прежнимъ контингентомъ враговъ славянской вѣры и народности, довела борьбу воюющихъ сторонъ до послѣдней крайности, усилила вражду до невозможности примиренія.

Если такъ,—а несомнѣнно такъ,—то *радикальное* средство къ *духовному* родству, къ *искреннему* согласію съ нами поляковъ состоитъ *исключительно* въ отреченіи ихъ отъ всего того, что обособило ихъ отъ славянскаго міра, въ освобожденіи себя отъ тѣхъ наростовъ, которые, такъ или иначе, въ теченіи вѣковъ, прилипали къ нимъ отынуды,—въ *фактическомъ* и торжественномъ разрывѣ союза со всѣми, кто подстрекаетъ ихъ къ враждѣ съ Россіей, въ слитіи съ нами въ одинъ народъ, не гражданскими только узами, а симпатіями сердца, убѣжденіями разума,—словомъ—въ поворотѣ назадъ, въ *полномъ* и *окончательномъ* отреченіи отъ полонизма и мірской политической власти папизма. Безъ такого единенія, примиреніе съ нами поляковъ будетъ насильственнымъ, внѣшнимъ, ненадежнымъ: сегодня они будутъ съ нами въ мирѣ, потому что нельзя бороться, что на насъ не нападаетъ врагъ внѣшній, что мы свободны, слава Богу, отъ революцій внутреннихъ; а завтра можетъ повториться то, что повторялось такъ часто, длилось такъ долго; потому что причины возбужденій, столкновеній, вражды останутся тѣже; а отъ одинаковыхъ причинъ всегда происходятъ одинаковыя дѣйствія. Безъ такого единенія, вы будете толковать о согласіи съ нами, а мы не будемъ имѣть ника-

ѣйшаго основанія вѣрить вамъ, васъ будутъ подталкивать противъ насъ съ запада, вы будете мечтать о новомъ нападеніи, а мы будемъ держать ухо насторожѣ, оружіе наготовѣ, чтобъ вы не напали на насъ такъ предательски, какъ это вы сдѣлали 10 января 1863 года. Безъ такого единенія, что бы ни толковали вы и ваши адвокаты на счетъ разныхъ между - народныхъ спаекъ, смазокъ, заплатъ,—на счетъ какого то индифферентнаго и космополитическаго согражданства, единства интересовъ, „равенства предъ закономъ всѣхъ подданныхъ" (враговъ и друзей?), забвенія того, что никогда не забывается,—уступокъ похожихъ на новыя притязанія,—вы будете давать намъ однѣ слова, а не факты, на поверхности нашихъ отношеній могутъ иногда цвѣсти скороспѣлыя розы, а подъ нами будетъ клокотать волканъ, вы будете мирны до перваго возстанія, будете кое какими нашими согражданами, сосѣдями, но братьями нашими не будете. Мы думаемъ, что болѣе „безпристрастнаго слова" никто вамъ сказать не можетъ, что „языкъ правдивѣе", выводы „логичнѣе"— невозможны.

Вы можете сдѣлать намъ на все вышесказанное одно только возраженіе: отъ чего вы ничего подобнаго не говорите нѣмцамъ, евреямъ, мусульманамъ, язычникамъ, живущимъ въ Россіи? Отвѣчаемъ кратко, потому что возраженіе слабо; всѣ эти инородности,—не славяне, не пропагандисты, не враги Россіи, и ихъ мы можемъ назвать нашими мирными согражданами и—добрыми сосѣдями. Религія ихъ для насъ дѣло стороннее, коль скоро она не имѣетъ политической, революціонной, пропагандирующей солидарности съ народностью.

Есть еще одно интересное мѣсто въ деклараціи „свѣтлой варшавской головы",—это его мнѣніе о виновникахъ бунта 1863 года. Какъ бы вы, читатель, незнакомый съ ученьемъ объ этомъ явленіи свѣтлой головы, думали,—кто эти виновники? Едва ли догадаетесь. Это—ни больше, ни меньше—какъ русскіе. Вы удивляетесь? Напрасно! Нѣтъ такой нелѣпости, которая не заглядывала бы въ иныя свѣтлыя головы, когда имъ придетъ охота свалить что-нибудь

„съ больной головы на здоровую." Какъ, однако, развиваетъ «свѣтлая варшавская голова» свою оригинальную тему? «Насъ обвиняютъ за возстаніе (бунтъ) 1863 года (;) Н (н) о развѣ оно изъ земли выросло?» Такая логика была бы непростительна и для *темной* головы: по этой логикѣ выходитъ, что за всѣ преступленія человѣческія, которыя не выростаютъ изъ земли, людей нужно хвалить, а не обвинять. Но развѣ преступленія вообще и бунты въ частности—грибы, чтобъ они могли выростать изъ земли? Не выростая изъ земли, они могутъ выростать изъ буйства и клятвопреступленія нравственно больныхъ людей и подвергать ихъ строгой отвѣтственности предъ закономъ. Быть можетъ выростаніе изъ земли бунтовъ нужно понимать въ переносномъ значеніи? Но, во первыхъ, иносказаніе, въ рѣчи серьозной, исторической, есть самый неумѣстный образъ рѣчи; во вторыхъ, тотъ смыслъ, который сообщаетъ своей метафорѣ «свѣтлая варшавская голова», лишенъ всякаго смысла. Дѣло въ томъ, что свѣтлая голова обвиняетъ русскихъ за то, что они не остановили возстанія во время предшествовавшихъ ему манифестацій и позволили (развѣ позволеніе было испрашиваемо?) развиться ему до кровавой катастрофы,—«не убили», какъ она выражается, «революціи (бунта) въ самомъ ея зародышѣ.» Изворотъ школьника здѣсь перепутанъ съ клеветой варшавской головы. Хотя администрація Царства Польскаго, въ эпоху манифестацій, была въ рукахъ туземцевъ; хотя цѣль этихъ манифестацій была прикрываема сроднымъ преступленію мракомъ; хотя между безхарактерностью этихъ манифестацій и рѣзней сонныхъ русскихъ — цѣлая бездна,—но правительство не отнеслось,—какъ клевещетъ какая-то варшавская голова,—безучастно и къ этимъ, болѣе потѣшнымъ, чѣмъ вреднымъ манифестаціямъ: ни одной изъ нихъ оно не оставило безъ *надлежащей* отвѣтственности, безъ сообразнаго свойству преступленія наказанія. За щегольство въ старо-польскихъ, старо-повстанскихъ костюмахъ, въ одеждѣ трубочистовъ, за вокальное наслажденіе революціонными гимнами въ костелахъ, за украшеніе своей персоны революціонными погремушками и символическими знаками,—агитаторовъ этихъ затѣй заставляли платить штрафъ, который,

мотря по обстановкѣ, сложности манифестаціи, упорству ианифестаторовъ, доходилъ нерѣдко до весьма чувствитель-ныхъ размѣровъ. Революціонные кресты попадали подъ рестъ въ полиціи; уличныя сборища были разсѣеваемы до-ольно безцеремонно; тѣла четырехъ (а не пяти) уличныхъ емонстраторовъ, задавленныхъ (а не «замордованныхъ») унтующей толпой, оставлены для погребенія потому, что въ аршавѣ пе было тогда вооруженнаго бунта, не было барри-адъ и выстрѣловъ; земледѣльческое общество, лишь олько оно занялось разсылкой «печатныхъ циркуляровъ е земледѣльческихъ», было закрыто, нѣкоторые изъ раз-ылавшихъ такіе циркуляры (1) подверглись законной от-ѣтственности; революціонныя процессіи были разгоняе-ы нагайками козаковъ,—чегожъ вамъ, господа, хотѣ-ось больше? Ужели за вокальныя упражненія, маскарад-ые костюмы, болтанье по улицамъ васъ нужно было каз-ить? Когда васъ подвергали тѣмъ взысканіямъ, какія предѣлялъ характеръ манифестаціи, вы, въ свое время, ричали: «барбаржинство, здзирство, катованье»; а теперь, огда вамъ понадобился другой изворотъ, вы вопите: «отъ его три года не обращали вниманія на революціонныя орга-изаціи»? Если за вокальныя наслажденія супруги мужъ ылъ прогоняемъ съ должности, такъ развѣ это было при-накомъ того, что на васъ не обращали вниманія? И что ы такія—за упрямыя дѣти, что васъ непремѣнно нужно останавливать», нужно на васъ «обращать вниманіе» дру-имъ, что вы сами остановиться не умѣете, сами на се-я не хотите обращать вниманія?! Что у васъ за капризная огика, когда примѣненіе правосудія къ одному и тому же вленію вы называете сегодня суровымъ, а завтра слишкомъ уманнымъ?! Значитъ, по вашему собственному приговору, амъ съ вами не зачѣмъ гуманничать. Благодаримъ за ауку,— какъ нужно «убивать революцію въ самомъ ея ародышѣ», какъ относиться къ манифестаціямъ, чтобъ осдѣ не испытывать упрековъ въ излишней гуманности.

---

1) „Отъ чего одинъ экземпляръ такого циркуляра не представ-ялся куда слѣдуетъ для контроля“?, спрашиваетъ весьма наивно вѣтлая голова. Мы, въ свою очередь, спрашиваемъ эту голову: тъ чего онъ не представлялся?.. Уморительная голова!

Не этой ли столь пе одобряемой свѣтлыми головами, гуманности, мы обязаны тѣмъ, что намъ говорятъ откровенно о той ,,чести и славѣ, которую заслужитъ Россія въ глазахъ человѣчества, запишетъ на страницахъ исторіи, возстановивъ Польшу, хоть бы для того, что бы сдѣлать ее оплотомъ противъ германизаціи Россіи» 1); совѣтуетъ ,,раздавать на льготныхъ условіяхъ имѣнія въ западныхъ губерніяхъ только *полякующимъ*“ (sic!) и при проч.

---

2) Отъ германизація посредствомъ колонизація!... Да это было бы хуже, чѣмъ „изъ огня да полымя!“...

IV.

ЕВРЕЙКА-ТАЛМУДИСТКА.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ, ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ НРАВОВЪ. ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,—СЪ ПРОЛОГОМЪ.

*(Продолженіе *).*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Въ 3-мъ дѣйствіи.

Губанинъ.
Пазухинъ.
Ревекка.
Иванъ.
Мовша.

ДѢЙСТВІЕ 3-е.

Ботаническій садъ (городской). Въ глубинѣ сцены видны Крестовая гора, ...юсовая и Гедиминова. На сценѣ деревья, цвѣты и скамейки, по срединѣ сце... прудъ. При открытіи занавѣса, слышно пѣніе соловья и шумъ воды на ...оролевской мельницѣ. Вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

...цена нѣсколько минутъ пуста, потомъ выходитъ Губанинъ.

Губанинъ. Какая скука сегодня въ саду, ни души нѣтъ... ...ютъ только соловьи; а о канарейкахъ и думать нечего, вѣрно ...ѣ по домамъ разлѣтѣлись (минутное молчаніе). Да и пора, вѣдь ...къ десять часовъ. (Думаетъ). Давишняя исторія, или правиль...ѣе выразиться скандалъ Пазухина съ Ревеккой, до сихъ поръ ...еня безпокоитъ... То есть, говоря откровенно не скандалъ тре-

*) См. 1 и 2 кн. Вѣст. Зап. Россіи.

вожитъ меня, а... Какъ хотите, кого не оскорбитъ явное предпочтеніе другаго!? Ужъ я не буду говорить о чувствѣ ревности, но самолюбіе, самолюбіе—то... поймите это... У кого изъ насъ его нѣтъ?... (что то насвистываетъ, вслѣдъ за этимъ свищетъ соловей). Чу! какъ славно переливается въ треляхъ пернатый кавалеръ... А вѣдь счастливецъ?... Безъ этого нельзя... Ну, разумѣется любитъ своеобразно, не такъ какъ мы люди... Онъ, вѣроятно, и поетъ-то для нея?... (Молчитъ и чертитъ тросточкой по песку). А скверно жениться въ моихъ лѣтахъ... (Продолжаетъ чертить тросточкой). Однимъ словомъ постоянства еще нѣтъ; да оно, впрочемъ, и не въ моемъ характерѣ. (Долгое молчаніе). Что это, однако, нѣтъ моего фактора Мовши?! Послалъ я его узнать гдѣ, и что дѣлаетъ Пазухинъ и велѣлъ сюда приходить съ отвѣтомъ, а онъ, вотъ ужъ слишкомъ четыре часа узнаетъ и заставляетъ меня все это время ждать въ этомъ противномъ саду, который Богъ знаетъ почему названъ ботаническимъ, потому что въ немъ ничего нѣтъ ботаническаго... (По задней аллѣе пробирается Мовша).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Губанинъ и Мовша.

Мовша. [Подходитъ къ Губанину и незамѣтно для него цѣлуетъ его въ плечо]. Добрый вечеръ, господинъ ясносіятельный баринъ...

Губанинъ. [Вздрагиваетъ]. Фу ты, чертъ тебя возьми, напугалъ!... Что это ты такъ долго?

Мовша. Ухъ! Ай—вай! Ну цто за долго, цто за долго? Сей моментъ отъ пана Пазухина, енъ тылько сейцасъ присолъ домой...

Губанинъ. Гдѣ же онъ былъ?

Мовша. Къ Зелѣзной хаткѣ ходилъ, въ лѣсу гулялъ.

Губанинъ. Ну что же онъ, въ какомъ настроеніи?

Мовша. Ухъ! [Прищелкиваетъ]. Гвалтъ, дали Букъ, гвалтъ: тылько присолъ и сейцасъ легъ на диванъ, а самъ плацетъ... Мнѣ дазе залко сдѣлалось...

Губанинъ. Тебѣ жалко сдѣлалось?! [Смѣется]. Развѣ ты способенъ къ жалости?

Мовша. Дали-Букъ залко, якъ Бога кохамъ...

Губанинъ. О чемъ же онъ плачетъ?

Мовша. О цемъ?.. А я поцемъ могу знять о цемъ?... Енъ тылько мнѣ сказалъ «цто я говоритъ, Мовша самый несцастный целовѣкъ»... И такъ сильно заплакалъ цто, ухъ! ай вай, вай-вай... Мозетъ быть отъ того плацетъ, цто въ тюмру завтра треба идти?!..

Губанинъ. Нѣтъ не поэтому...

Мовша. А поцему зе?

Губанинъ. Все будешь знать, скоро состарѣешься.

Мовша. Ухъ! (Дѣлаетъ глупую рожу). Цто такое за секретъ? азите, мозетъ я и пригозусь...

Губанинъ. Пошелъ ты къ черту, стану я тебѣ расказывать креты... мнѣ вотъ что: ну, а про меня Пазухинъ ничего не рашивалъ у тебя?

Мовша. Ницего...

Губанинъ. Онъ теперь дома остался?

Мовша. Дома... Сейцасъ сюда придетъ.

Губанинъ. Зачѣмъ?

Мовша. Не знаю... Енъ тылько сказалъ, что пойдетъ въ ботаническій садъ, а зацѣмъ не вѣмъ... Маленькую фузію началъ рязать...

Губанинъ. (Испугавшись). Что—о?

Мовша. Маленькую фузію нацялъ зарязать... Якъ по рюски ена зовется? Ухъ запамунтувалъ, а якъ ее, якъ?...

Губанинъ. Пистолетъ.

Мовша. Енъ самій.

Губанинъ. Вотъ что! (Помолчавъ). Гмъ!... Такъ вотъ что, Мовша: ты будь здѣсь и смотри какъ только придетъ сюда Пазухинъ, бѣги ко мнѣ, я буду вонъ тамъ... въ лѣтнемъ клубѣ...

Мовша. (Дѣлая жалкую рожу). Но якъ зе, пане, якъ зе?... Енъ мозетъ бить стрѣлять будетъ?... Енъ мозетъ убить меня...

Губанинъ. Ну такъ чтожъ?.. Не велика потеря; убьетъ... (Смѣется).

Мовша. У меня зе дѣтки есть... Якъ зе онъ безъ меня то будутъ зить?..

Губанинъ. Ну да не бойся, въ тебя ему не зачѣмъ стрѣлять. Если онъ и будетъ стрѣлять такъ въ себя или въ меня.

Мовша. Въ васъ?.. Ухъ! (Закрываетъ глаза).

Губанинъ. [Посмотрѣвъ на него]. За меня ему страшно, вотъ чудакъ!.. Ну такъ смотри же: дай знать сейчасъ же, какъ только придетъ... Слышишь?

Мовша. Слысу, господинъ пане.

Губанинъ. Ну то-то... Не прозѣвай... А я пойду ужинать (идетъ). Не дать ли знать полиціи объ его намѣреніи?...

Мовша. А я, васе сіятельное благородство, хотѣлъ деньзонокъ попросить, бо у меня доцка родилась сегодня.

Губанинъ. Хорошо, дамъ и денегъ, только не прозѣвай. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Мовша одинъ.

Мовша. (По уходѣ Губанина, оглядывается и фыркаетъ). Ай вазно, дали-Букъ, вазно! напугалъ пана Губанина фузіей, а ее у пана Пазухина и нѣтъ совсѣмъ... Я думалъ, цто господинъ панъ Губанинъ, когда узнаетъ, цто Пазухинъ фузію зарязаетъ, заплатитъ за него... А мнѣ цто, мнѣ цто?... Мнѣ треба цто бы енъ заплатилъ за него, бо еврей закладчикъ мнѣ обѣсчялъ за эту стуку 25 рублей... Ухъ! Ай—вай! много денезекъ, очень много!... Да и Пазухина тогда не посядяцъ въ тюрму; мнѣ зе луцсе, если непосадяцъ... Отъ него все злотъ альбо два въ день достану... А цестный факторъ, долзенъ слузить насимъ и васимъ... Нузно уладить это дѣло, дали Букъ, нузно. (Потираетъ руки). Много будетъ деньзонокъ, ухъ якъ много!... На сабасъ больсе рыбы куплю, сабасъ будетъ веселый... Ухъ! Ай—вай! Дѣтки мои заповѣдь пѣсню (поетъ и приваскиваетъ). Цигили-нигили, цигили-нигили. (Останавливается какъ вкопаный). А якъ зе съ фузіей-то бить? панъ Губанинъ увидить, цто ее у Пазухина нема, позалуй не дасть ему деньзонокъ... (Ударяетъ себя по лбу). А! насолъ, насолъ, насолъ! Дали Букъ, насолъ... (Въ это время изъ дали слышны крики Губанина: «Мовша! Мовша!») Заразъ, заразъ! (Убѣгаетъ на зовъ).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Сцена нѣсколько времени пуста, соловей разливается на разныя трели. На небо восходитъ полная луна. Съ правой стороны выходитъ Пазухинъ.

Пазухинъ. (Грустный и задумчивый садится на скамейку). Вотъ прежде, читая романы и повѣсти, я не вѣрилъ страданіямъ обманутыхъ любовниковъ, находилъ это глупымъ и смѣшнымъ, а теперь... самому пришлось испытать это грустное чувство... И мнѣ не остается ни чего, какъ только сказать словами Потугина, героя Тургеневскаго романа, что: «все прежнее, все дорогое, все чѣмъ я доселѣ жилъ, погибло для меня; все разрушено, все порвано, и я не знаю что меня ожидаетъ впереди!»... (Молчаніе). Впереди меня ожидаетъ тюрма... вотъ что!... Безумно любя Ревеку, я вовсе не обращалъ вниманія на свои денежныя дѣла и такъ запуталъ ихъ, что до бенефиса ихъ поправить нельзя... Вотъ завтра нагрянетъ ко мнѣ полиція, потребуетъ деньги, а гдѣ я ихъ возьму?... Мовша сказалъ, что уже и кормовыя деньги жидъ внесъ... Да что же?... Пускай са аютъ... Въ прежнее время я бы отклонилъ это; далъ бы жиду вексель въ три раза болѣе, и онъ согла-

сился бы ждать, а теперь дѣлать это нѣтъ цѣли... Къ чему обременять себя еще болѣе, ужъ и безъ того обремененнаго горемъ!.. Мнѣ теперь все равно, (Думаетъ). Ахъ, Ревекка! что ты со мной сдѣлала!?.. (Долгое молчаніе). Не ты ли сама, вотъ на этомъ мѣстѣ, сидя на этой скамейкѣ, клялась мнѣ въ вѣрности и неизмѣнности; не ты ли говорила, что счастье наше будетъ вѣчно?! (Голосъ его дрожитъ). Я вѣрилъ тебѣ, я любилъ тебя, и что же... (Отираетъ слезы). и декламируетъ:

Прочь, прочь, слеза позорная!
Кипи, душа моя!
Твоя измѣна чорная
Понятна мнѣ, змѣя!

И въ самомъ дѣлѣ, сегодня цѣлый день я плачу, какъ баба какая... Давеча утромъ, въ лѣсу, у Железной хатки, своими слезами возбудилъ смѣхъ у какихъ то гуляющихъ мужчинъ, такъ что послѣ самому стало совѣстно... Да и о чемъ тужить? Было время, когда и я нравился Ревеккѣ, тогда она любила меня, любила первый разъ еще въ жизни; я ей надоѣлъ и замѣненъ Губанинымъ... Ну что жъ изъ этого? Въ мірѣ все такъ дѣлается. Не только люди, но и сама природа со временемъ видоизмѣняется. Это въ порядкѣ вещей... (Свищетъ соловей). А ночь-то какая, ночь-то!... Свѣтитъ луна, поютъ соловьи... Бывало, въ подобныя ночи, я пришелъ съ Ревеккой здѣсь; рука объ руку мы ходили съ ней по саду, все насъ радовало, всему веселились, во всемъ находили поэзію; а думы-то наши и рѣчи, чего-чего не рисовали въ будущемъ!... И все это прошло какъ тѣнь. [Долгое молчаніе, послѣ котораго начинаетъ декламировать стихи].

Напрасно, прошлое! Мелькни и пропадай,
Бродящій, грустный духъ! Я въ твой далекій край,
Гдѣ носятся цвѣты и слезы средь тума,
Гдѣ свѣтятъ радуги заглядывать не стану,
И въ книгѣ жизненной, не сказку, не мечту,
Но строгіе листы раскрою и прочту.

(Съ улыбкой). Да, теперь только я постигъ тайну, какъ должно играть отверженныхъ любовниковъ. [Желчно]. На практикѣ узналъ всю прелесть ихъ положенія... Завидно, чертъ возьми!... (Вздохнувъ). Отверженный и осмѣянный любовникъ, роль жалкая!... (Помолчавъ). Все бы это, впрочемъ, ничего, со всѣмъ этимъ я помирился бы; но мысль, что Ревекка полюбила Губанина—просто меня ножомъ колетъ... Да иначе и быть не можетъ! чѣмъ лучше меня Губанинъ? Развѣ, деньгами... (Думаетъ). Однако, чѣмъ больше я думаю о ней, тѣмъ болѣе мысли мои путаются... Все это такъ грязно и гадко, что лучше не думать... Надоѣло жить мнѣ.

Не везетъ мнѣ на свѣтѣ, одни только заботы и горе. Право такъ. Улягутся страсти, въ гробъ сосновый душа улетитъ къ Творцу и на землѣ будетъ однимъ страдальцемъ меньше... Какъ славно сказано! Другой подумаетъ, что это заученная фраза. А вѣдь вырвалось прямо изъ сердца... Въ самомъ дѣлѣ, не расквитаться ли съ жизнію? Пистолетный выстрѣлъ помиритъ меня съ дѣйствительностью, а могила на вѣчныя времена убаюкаетъ... (Дѣлаетъ движеніе). Какъ жаль что у меня нѣтъ пистолета! (Вбѣгаетъ Мовша съ пистолетомъ въ рукахъ).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Пазухинъ и Мовша.

Мовша. (Подаетъ пистолетъ). Есть! За злотъ позичилъ у Лейбы Смуркина... На сто тысяцъ лѣтъ зеляю вамъ здравствовать.

Пазухинъ. (Встрепенувшись). Ты откуда выросъ?!

Мовша. Я? Ухъ! Ай-вай! я билъ здѣсь...

Пазухинъ. (Перебиваетъ его). Зачѣмъ?

Мовша. Зацѣмъ вамъ знять, зацѣмъ я билъ здѣсь? ви тылько возьмите фузію... Проше пана. (Подаетъ ему пистолетъ).

Пазухинъ. [Пожимая плечами]. Что это, сонъ что ли? Ужъ не дьяволъ ли шутитъ со мною?...

Мовша. Якій дьяволъ, якій дьяволъ?... Зацѣмъ тутъ нузенъ вамъ дьяволъ? Мозно безъ него обойтись...

Пазухинъ. Какъ ты узналъ мои мысли, кто тебѣ сказалъ, что я здѣсь?

Мовша. Якія мисли, якія мисли?.. Ухъ! Ай-вай! (Прищелкиваетъ). Мнѣ ни кто не мувилъ, что ви сюда пойдете, ви сами мнѣ сказяли...

Пазухинъ. Но какъ ты узналъ, что мнѣ пистолѣтъ нуженъ, тебя вѣрно Губанинъ научилъ?

Мовша. Я самъ догадался, дали-Букъ самъ... Зацѣмъ Губанинъ будетъ уцить меня? Я цестный факторъ и долзенъ слузить.....

Пазухинъ. (Перебиваетъ его). Негодяй! Ты хочешь моей смерти? Что я тебѣ сдѣлалъ?

Мовша. (Закрывая глаза). Ухъ! цто ви, цто ви!.. Ай-вай, вай, вай!... Зацѣмъ я хоцу васей смерти? Ни, дали Букъ, ни, цто ви, господинъ панъ!... Зацѣмъ мнѣ васей смерти... Я хоцу, что би ви заплатили свой долзокъ, цетириста рублей... Мнѣ требя цто би ви зили и заплатили долзокъ, а послѣ якъ себѣ хотите... Фузія не зарязена, проше пана взять. (Предлагаетъ ему пистолетъ).

Пазухинъ. Зачѣмъ?

Мовша. Ви тылько возьмите и дерзите его, вотъ такъ. (Показываетъ какъ), а сами дѣлайте руками, якъ ви дѣлали въ театрѣ, на сценѣ... Ухъ! запямунтувалъ, якая это піеса... А якъ ее, якъ ее?.. тцъ, тцъ... тцъ... (Прищелкиваетъ). Дѣляйте такъ, якъ вамъ треба запалить себя, и сами пляцьте, больсе пляцьте... (Показываетъ, какъ нужно дѣлать). И будутъ долзокъ васъ заплаценъ, дали Букъ, такъ... Все бендзе добже...

Пазухинъ. Да ты съ ума сошелъ, Мовша...

Мовша. Ухъ! цто ви, цто ви... Зацѣмъ мнѣ сходить съ ума?... Мнѣ треба цто би ви долзокъ заплатили. Просе пана взять фузію и все будетъ хоросо... Долзокъ будетъ заплаценъ.

Пазухинъ. А! теперь понимаю... Тебя Губанинъ научилъ сдѣлать эту глупую шутку, чтобы потомъ посмѣяться надомной... Быть можетъ они уже здѣсь вдвоемъ, со своей жидовкой, гдѣ нибудь спрятавшись за кустами, любуются этой сценой и ожидаютъ того момента, когда я возьму пистолетъ и буду дѣлать имъ штуки, какіе ты мнѣ показывалъ, и потомъ разразятся хохотомъ? но я тебя...

Мовша. Ухъ! цто ви, цто ви, цто ви, господинъ панъ баринъ, цто ви!? Якъ пана Бога кохамъ, я самъ придумалъ, принести вамъ фузію...

Пазухинъ. Ты еще начинаешь запираться?.. Ну хорошо... Дай мнѣ пистолетъ.

Мовша. (Подаетъ ему). Просе пана. (Цѣлуетъ его въ плечо).

Пазухинъ. Взявъ пистолетъ въ руки, осматриваетъ его и потомъ взводитъ курокъ и цѣлитъ въ Мовшу). Говори, кто научилъ тебя играть эту гнусную комедію?

Мовша. (Въ ужасѣ закрываетъ лицо руками и изгибается дугой). Ай-вай! вай, вай, вай, вай!... Гвалтъ, гвалтъ, гвалтъ!... Цто ви, ясносіятельное благородство, дѣляете?.. Я не пташка якая... Зачѣмъ ви палить меня зеляете?!.. Опустите фузію, опустите!... (Въ ужасѣ подвигается дальше).

Пазухинъ. Стой на одномъ мѣстѣ, а не то выстрѣлю.

Мовша. Ну цто зе... Я и стою на одномъ мѣстѣ... Опустите фузію... Я не птицка.

Пазухинъ. Опущу, если ты откровѣнно скажешь мнѣ: кто научилъ тебя принести мнѣ пистолетъ?

Мовша. Сказу, все сказу заразъ, тылько опустите фузію...

Пазухинъ. До тѣхъ поръ не опущу, пока ты мнѣ не скажешь... Говори.

Мовша. Дали-Букъ, все сказу тылько опустите (становится на колѣна). Просу васъ, опустите фузію.

Пазухинъ. Сказано не опущу.

Мовша. Но якъ зе, якъ зе?.. Она мозетъ стрѣлить и убить меня, ви будете отвѣцать за меня.

Пазухинъ. Буду отвѣчать, а ты все таки говори.

Мовша. У меня дѣтки есть... Ну просу васъ, опустите.

Пазухинъ. Дождусь ли я?.. Что же ты не говоришь?

Мовша. Якъ зе мозне говорить, когды у васъ фузія цѣлитъ въ меня... У меня со страху дрозитъ язикъ...

Пазухинъ (Улыбаясь). Вѣрю... Ну, говори,—я опустилъ пистолѣтъ.

Мовша (Открывая глаза и, видя, что Пазухинъ цѣлитъ въ него, снова закрываетъ и вскрикиваетъ). Ахъ!.. зацѣмъ ви сутите, зацѣмъ ви сутите?.. Якъ это мозно?!.. Я такъ сибко хлопоталъ о васъ, а ви сутите... Ну опустите, я сейцасъ все сказу...

Пазухинъ (опуская пистолетъ). Говори... Я перестаю цѣлить въ тебя. Жаль, что здѣсь нѣтъ Губанина, а то мишенью *онъ* бы мнѣ служилъ, онъ тоже трусъ изрядный... Ну начинай.

Мовша (Открывъ глаза, поднимается и запыхавшись, говоритъ). Ухъ! какъ ви меня испугали, я совсѣмъ ослябъ... Якъ зе это мозно?.. Цто я птицка цто ли?.. Охъ!

Пазухинъ. Ты говори дѣло, а не то смотри... (показываетъ на пистолетъ).

Мовша. Заразъ, заразъ.

Пазухинъ. То то заразъ. Ну?..

Мовша. Просе васъ, полозите фузію на скамейку... Просе васъ...

Пазухинъ. Да что ты—смѣяться что ли хочешь надомной, а?

Мовша. Вамъ все равно, цто въ рукѣ фузія, альбо на скамейцѣ, а мнѣ страсно, дали Букъ, страсно...

Пазухинъ. Ну, чортъ съ тобой, говори (кладетъ на скамейку пистолетъ).

Мовша. Просе васъ поверните палилкой въ ту сторону, *бо* она смотритъ на меня.

Пазухинъ. Ахъ, какой ты скучный! (поворачиваетъ дуло въ другую сторону). Да и чего ты глупый боишься? Вѣдь ты самъ говорилъ, что пистолѣтъ не заряженъ...

Мовша. Ну цто-зъ такое цто не зарязенъ?.. Въ немъ мозетъ быть по бокамъ старій порохъ остался, енъ мозетъ убить... Фузія францюская...

Пазухинъ. Начнешь ли ты о дѣлѣ-то говорить, или хочешь что бы я?..

Мовша. Заразъ, заразъ!.. Ви, ясновельмозное благородство, зелаете, цто би васъ долзекъ билъ заплаценъ?

Пазухинъ. Кѣмъ?

Мовша. Цто вамъ до этого, кто заплятитъ; ви тылько сказите мнѣ зеляете, цто би долзокъ васъ заплаценъ билъ?

Пазухинъ. Я самъ его заплачу и никому не позволю платить мои долги...

Мовша. Зацѣмъ платить, зацѣмъ?.. Ухъ! Ай-вай! Вамъ позичутъ цетыриста рублей, ви ихъ послѣ отдадите... Дали-Букъ, такъ...

Пазухинъ. Кто?.. Говори, братецъ, яснѣе.

Мовша. Зацѣмъ вамъ знать, кто позичитъ вамъ? Ви тылько возьмите въ руки фузію, и дерзите ее такъ—якъ вамъ я показалъ, а сами пляцьте... И деньзонки у васъ будутъ... Ви цѣловѣкъ разумный; а когды разумный цѣловѣкъ съ разумнымъ сойдутся, тогды въ двухъ словахъ рѣць концена! (подбираетъ фалды). Довидзени. (Что есть силы бросается въ ту сторону, откуда пришолъ и скрывается въ кустахъ).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Пазухинъ одинъ, потомъ Ревекка съ братомъ своимъ Давидомъ.

Пазухинъ (Смотря вслѣдъ Мовшѣ). Ясно, какъ Божій день, что тутъ затѣваетъ что то Губанинъ... Онъ навѣрно здѣсь гдѣ нибудь... Вонъ Мовша какъ бѣжитъ по направленію къ ресторану, только пейсы трясутся... Экой плутъ,—говорилъ, говорилъ, трещалъ, а вѣдь ничего не сказалъ... Ну, м-сье Губанинъ, — вы прислали мнѣ пистолетъ въ знакъ того, что мнѣ исхода другаго нѣтъ,—какъ только пулю въ лобъ себѣ закатить,—вы смѣетесь моему безсилію?.. Жаль, что вы не позаботились зарядить его, тогда бы вамъ эта пошлая шутка стоила жизни... Теперь же я просто презираю и васъ и вашу выходку... Довѣряйте свои тайны жиду, который назавтра же разславитъ ихъ по всему городу,—я свое дѣло сдѣлалъ; я поклялся отомстить вамъ и уже отомстилъ... Въ эту минуту, быть можетъ, ваша дрожайшая супруга, получивъ мою телеграмму о вашемъ поведеніи, заливается слезами и собирается къ вамъ... (по боковой аллеѣ идутъ Ревекка съ Давидомъ и, замѣтивъ Пазухина на скамейкѣ, подходятъ къ нему). Это еще кто такія?.. Что это?!.. кажется Ревекка?!!.. Ну такъ и есть, она, съ братомъ своимъ... Идутъ сюда... Боже мой! Вотъ пытка то!!

Давидъ всматриваясь въ Пазухина). М-сье Пазухинъ, это вы?

Пазухинъ. Я... Здравствуйте Давидъ Давидовичъ (пожимаетъ ему руку). Что это вы, гуляете?

Давидъ. Да—съ гуляемъ... Вотъ битыхъ часа два ходимъ съ сестрой по набережной и по саду... Я ужъ, признаться сказать, измучился совсѣмъ, а она—пойдемъ да пойдемъ, ну вотъ и ходимъ.

Пазухинъ. Сегодня погода благопріятствуетъ прогулкѣ. Воздухъ чистъ, свѣтитъ луна, поютъ соловьи...

Давидъ. Да и мнѣ казалось такъ, да вотъ сестра несогласна со мной... Она гуляетъ безъ цѣли, ее не радуетъ такая ночь, полная поэзіи, она сегодня цѣлый день все плачетъ... Не разговорите ли ее вы, м-сье Пазухинъ?

Пазухинъ. Я?! Какимъ же это образомъ?

Давидъ. Да очень простымъ, разговорите какъ умѣете, вотъ садитесь рядкомъ, да потолкуйте ладкомъ... А я между прочимъ схожу въ ресторанъ, сыграю двѣ или три партіи на билліардѣ, да и покурить хочется, а вы оба хотя имѣете много огня, но вѣдь отъ него папиросы не закуришь... Согласны?

Пазухинъ. Да, я то съ большимъ удовольствіемъ, только не знаю будетъ ли пріятно Ревеккѣ Давидовнѣ?

Ревекка. Если вамъ это доставляетъ удовольствіе, то, конечно, мнѣ вдво... (садится на скамейку).

Давидъ. И прекрасно, стало быть на нѣсколько минутъ я могу васъ оставить (Улыбаясь). Надѣюсь, что скучать не будете? До свиданья! (Жметъ руку Пазухина и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Ревекка и Пазухинъ.

Ревекка [послѣ долгаго молчанія, обращается къ Пазухину]. Вы получили мое письмо?

Пазухинъ. Получилъ, но не читалъ его.

Ревекка. Я такъ и думала...

Пазухинъ. Если думали, зачѣмъ же посылали его?

Ревекка [Заплакавъ]. Послушайте; неужели вамъ весело смотрѣть на мои страданія и забавляться мной, какъ мячикомъ?.. Скажите мнѣ наконецъ, чего вы хотите отъ меня?..

Пазухинъ. Да о чемъ же вы плачете?

Ревекка. Какъ же мнѣ не плакакать, если вы,—вы, которому я въ полнѣ довѣрилась, оскорбили меня давеча такъ, какъ только можно оскорбить послѣднюю женщину?!.. Развѣ я виновата, что Губанинъ насильно поцѣловалъ меня? Я принесла ему сигаръ, онъ, по обыкновенію, началъ свои объясненія, предлагалъ дорогіе подарки, даже значительныя деньги, но я не слушала его, потому что люблю васъ, поймите это,—васъ однихъ... (отираетъ слезы). Не смѣйте же оскорблять болѣе меня, иначе мы съ вами навсегда поссоримся...

Пазухинъ. Продолжайте, я слушаю.

Ревекка. Когда я стала уходить отъ Губанина онъ началъ

просить позволенія поцѣловать меня, я, разумѣется, воспротивилась подобному желанію и уже подходила къ двери, какъ вдругъ онъ схватилъ меня, обнялъ и поцѣловалъ... Въ это время...

Пазухинъ. Вошелъ я; продолжайте.

Ревекка. Что жъ мнѣ было дѣлать? Развѣ я виновата?.. На улицѣ бѣшеная собака кусаетъ перваго встрѣчнаго, даже своего хозяина, который кормилъ ее,—единственно потому, что она бѣшаная. Такъ точно и Губанинъ: а вы, не узнавъ въ чёмъ дѣло начинаете кричать, оскорблять меня... За что же, за что скажите? Развѣ за любовь мою къ вамъ?.. Это жестоко; только дикарь можетъ довести любимую имъ женщину, до того состоянія, въ которомъ теперь я нахожусь, и до котораго довели вы меня... Сегодня я цѣлый день, помилости вашей, неблагодарный, — такъ была встревожена, такъ была зла на васъ, такъ много плакала, что вы и представить себѣ не можете... Были минуты, когда я, казалось, презирала и не хотѣла болѣе видѣть васъ; но эти минуты скоропроходящи; моя любовь къ вамъ такъ велика, какъ я сегодня убѣдилась, что лучше смерть, чѣмъ разлука съ вами... Я жить безъ тебя не могу, пойми ты, злой мой ревнивецъ, что я раба твоя, что ты дороже мнѣ всѣхъ сокровищъ міра; неотталкивай же свою Ревекку... Она у ногъ твоихъ! (опускается на колѣна и рыдаетъ).

Пазухинъ (тоже опускается предъ ней на колѣна). Ревекка! другъ милый!.. Прости меня (цѣлуетъ ея руку). Назови меня безумнымъ,— но я... я... Но прошу васъ встать.

Ревекка. Что?!.. говори: «но я»?..

Пазухинъ. Я не вѣрю твоимъ слезамъ.

Ревекка. Боже мой! Какихъ же тебѣ еще доказательствъ нужно?.. Мучитель!.. Говори, чего ты хочешь отъ меня, я все исполню, прикажешь бѣжать за тобой, я побѣгу, прикажешь броситься въ воду, я брошусь... Пойми, что ты мнѣ дорогъ, что... (Увидавъ пистолетъ). Что это?!.. Что ты хочешь дѣлать съ собой? Зачѣмъ здѣсь на травѣ пистолѣтъ? (Беретъ пистолетъ).

Пазухинъ. Не знаю...

Ревекка (Скоро). Не знаешь ты?—не правда! (покачавъ головою). Малодушный! Въ горькую минуту жизни, которой впрочемъ еще нѣтъ, ты не находишь другаго средства какъ лишить себя жизни!.. Эта крайность достойна только сумасшедшего... (Бросаетъ пистолетъ въ прудъ). Сколько онъ стоитъ,—я тебѣ заплачу за него...

Пазухинъ. Сядь и успокойся; этотъ пистолетъ не мой...

Ревекка. А чей же, чей?..

Пазухинъ. Не знаю, мнѣ Мовша сюда его принесъ, гово-

рилъ, что бы размахивать имъ, и что чрезъ это мой долгъ будетъ уплоченъ..

Ревекка. Ахъ да! благодарю, что напомнилъ, я было забыла... Ты долженъ четыриста рублей и завтра нужно уплатить?

Пазухинъ. Да... Но какъ ты узнала?

Ревекка. Мнѣ сказалъ Губанинъ... Стыдно тебѣ скрывать отъ меня, подобныя тайны! Повѣрь, что если я пожертвовала тебѣ моимъ сердцемъ, то допущу ли я до того, что бы тебя посадили въ тюрму изъ за какихъ нибудь четырехсотъ рублей!.. (Вынимаетъ пачку изъ кармана). Вотъ въ этой пачкѣ ровно четыриста рублей; возьми ихъ и отдай своему кредитору (предлагаетъ ему).

Пазухинъ (не принимая). Ни за что!..

Ревекка. Ты меня обижаешь...

Пазухинъ (Перебиваетъ ее). Послушай Ревекка; теперь я вижу, что ты меня дѣйствительно любишь; (цѣлуетъ ея руки) прости меня за подозрѣніе; клянусь тебѣ честью, что всему причиной моя любовь къ тебѣ... Но, голубчикъ, милая ты моя,—ненаглядная моя, — не заставляй меня сдѣлать низость... Это не въ моемъ характерѣ...

Ревекка. Я не понимаю, что ты говоришь?!..

Пазухинъ. Другъ мой, я говорю святую истину. Мужчина принимающій деньги отъ женщины, достоинъ презрѣнія.

Ревекка. Даже и тогда, если мужчина и женщина находятся въ такихъ нѣжныхъ отношеніяхъ, какъ мы съ тобой?

Пазухинъ. Даже и тогда... Я привыкъ жить, кутить, долги платить,—на свои трудовыя деньги, но не изъ такихъ легкихъ источниковъ, какъ ты мнѣ предлагаешь.

Ревекка. Я до сихъ поръ считала тебя гораздо умнѣе, чѣмъ ты на самомъ дѣлѣ... ни ты, ни я не покупаемъ другъ у друга любовь. Наши отношенія освящены взаимностью, наша любовь безкорыстна, наши чистыя намѣренія на будущее даютъ намъ право помогать другъ другу. Ты находишься въ крайности, и я не могу не помочь, я обязана помочь тебѣ... Если же ты не хочешь считать это помощью, то возьми эти деньги у меня въ долгъ, подъ проценты...

Пазухинъ (Машинально). Подъ какіе?

Ревекка [Съ любовью смотря на него]. Десять поцѣлуевъ за каждый рубль... Не много будетъ?

Пазухинъ [Съ жаромъ цѣлуетъ ее]. Ревекка! Дорогая ты моя! Прости меня, что я поздно начинаю цѣнить тебя. Но вѣдь ты сама знаешь, что любовь идетъ объруку съ ревностью... Я теперь только увидѣлъ, что ты существо необыкновенное.

Ревекка. Какое же?

Пазухинъ. Добра какъ любовь и обворожительна какъ самъ демонъ...

Ревекка. Ахъ, что ты, что ты?!.. Демона рисуютъ съ рожками. [Улыбаясь], а у меня ихъ еще нѣтъ...

Пазухинъ [Тоже улыбаясь]. Да ихъ и не будетъ никогда.

Ревекка. А теперь возьми эти деньги, а то придетъ братъ, при немъ не ловко будетъ передавать тебѣ.

Пазухинъ [Цѣлуетъ руку]. Не надо мнѣ денегъ, я обойдусь и безъ нихъ... Я счастливъ снова; теперь я вижу, что я любимъ, а мнѣ, кромѣ твоихъ ласкъ, ничего не нужно.

Ревекка. Ты поэтъ; я знаю тебя и уважаю за это. Я ненавижу людей совершенно погрузившихся въ міръ расчетовъ и денежныхъ сдѣлокъ... Но подумай, что мы вѣдь не въ Аркадіи счастливой; тамъ можетъ быть, кредиторы не берутъ и не требуютъ съ своихъ должниковъ деньги, — а въ Вильнѣ. Завтра утромъ ты не отдѣлаешься отъ полиціи словами и увѣреніями: потребуютъ денегъ, а не отдашь такъ посадятъ въ долговую... Прошу же взять эти деньги, или я поссарюсь съ тобой... Это мое послѣднее слово.

Пазухинъ. Ну, а если не возьму ихъ?

Ревекка. Тогда я тебя буду презирать. Лучше не доводи меня до этаго. Я требую, что бы ты взялъ и ты долженъ исполнить мое желаніе [подаетъ ему].

Пазухинъ. Ревекка! милая ты моя! Выслушай ты меня и тогда сама...

Ревекка. И слушать не хочу, бери деньги, или я!.. [Смотритъ на него строго]. подумаю что ты не любишь меня.

Пазухинъ. Если ты непремѣнно этого желаешь, изволь, я возьму, но только съ условіемъ.

Ревекка. Съ Какимъ?

Пазухинъ. Чрезъ двѣ недѣли отдать ихъ тебѣ.

Ревекка. Ну хорошо, хорошо, только бери.

Пазухинъ [Беретъ и цѣлуетъ руку]. Дорогая ты моя! Какъ мнѣ благодарить тебя, я право не знаю...

Ревекка. Больше люби—для меня благодарность.

Пазухинъ [Цѣлуетъ ее]. Ахъ, Ревекка! Тебѣ не лавочницей слѣдуетъ быть, а...

Ревекка. Актрисой, хочешь ты сказать?

Пазухинъ. Да.

Ревекка. Я, во первыхъ, хочу быть женой твой, во вторыхъ сдѣлаться актрисой, то есть быть во всемъ твоей помощницей. Большихъ богатствъ у насъ не можетъ быть, но достатокъ будетъ. Оба будемъ трудиться, оба будемъ доставать средства къ жизни...

Мнѣ вѣдь не много нужно. Уютная теплая комната; порядочный рояль; твоя любовь,—и я буду очень счастлива тогда. Только, голубчикъ мой, увези меня подальше отсюда, а то здѣсь, помѣшаютъ мнѣ выйдти за тебя замужъ, я это знаю. Да и надоѣлъ мнѣ этотъ городъ,—я смотрю на него какъ на нравственную могилу: мнѣ хочется освѣжится другою жизнію... Знаешь что я придумала сегодня?

Пазухинъ. А что?

Ревекка. Что бы не томить долѣе ни тебя ни меня, уѣдемъ завтра куда глаза глядятъ.

Пазухинъ. Завтра?!.. Но какъ же мой контрактъ съ дирекціей нарушить?.. А къ тому же до моего бенефиса нечего и думать о финансахъ... Гдѣ-же я возьму денегъ на дорогу?..

Ревекка. У меня... Не удивляйся, мой другъ: для этого у меня найдется моихъ собственныхъ денегъ двѣ тысячи рублей... Не думай, что ихъ я достала у родителей воровскимъ образомъ; нѣтъ, я ихъ копила, въ продолженіи шести лѣтъ; объ нихъ никто не знаетъ; пусть эти деньги пойдутъ тебѣ приданымъ за мной... Вѣдь ты не бросишь меня, а?

Пазухинъ. Сохрани меня Богъ!.. Какъ это можно!..

Ревекка. То-то [цѣлуетъ его]. А у насъ были случаи,—мужчины своихъ невѣстъ бросали... Хочешь я тебѣ пѣсенку бѣлорусскую спою?

Пазухинъ. Сдѣлай милость.

Ревекка. Впрочемъ мотивъ не хорошъ, я лучше ее прочитаю.

Пазухинъ. Ну прочитай.

Ревекка [прижавшись къ нему, начинаетъ читать бѣлорусскую пѣсню]:

«О жила, была жидоука,
Была у яѣ дочка Хайнечка;
Дочка Хайначка люблю я цябя,
Панѣ Зилянкевичъ пайду за цябѣ,
Ня ѣдзьже ка мнѣ у нядзѣлю рана,
Приѣдзь жа ка мнѣ у суботу позна,
Кали мая маминька до школы пайдзѣ,
Приѣдзь же ка мнѣ у трохъ вазочкахъ:
У а дномъ вазочку скрынки пярынки,
А у другомъ вазочку сребро и злото,
А у третимъ вазочку, тамъ мы съ табою.
Узяу я Хайначку подъ бѣлы плечки.
Кину у Хайначку у глубокую рѣчку,
Вотъ тобѣ, Хайнечка, вода и блото
А мнѣ маладому сребро и злото;
Вотъ табѣ, Хайнечка, жицци зъ вадою,

А мнѣ аженицься зъ младой жаною».
Хороша пѣсенка?..

Пазухинъ. Что ты этимъ хочешь сказать?.. Ужъ не думаль ли ты, что я, подобно пану, воспѣтому въ этой пѣснѣ, могу юсить тебя? а? Въ такомъ случаѣ взятыя сейчасъ мной деньги озьми назадъ... (Вынимаетъ изъ кармана пачку).

Ревекка. Ну вотъ какой ты!!.. Съ тобой нельзя и пошуить... (Съ лѣвой стороны отъ зрителя показывается Губанинъ и Мовша, стые кусты растеній не дозволяютъ Пазухину и Ревеккѣ замѣтить ихъ придствіе).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣже Губанинъ и Мовша.

Мовша (показывая въ ту сторону, гдѣ сидятъ Пазухинъ съ Ревеккой онъ, просе пана забачиць... Вонъ господинъ панъ Пазухинъ..

Губанинъ. Такъ ты говорищь, что онъ хотѣлъ застрѣлиться

Мовша. Хоцѣлъ, хоцѣлъ, дали-Букъ, хоцѣлъ; я подбѣзалъ хватилъ фузію отъ него, а бросилъ на лявку...

Губанинъ. А кто же это съ нимъ сидитъ?

Мовша. Кто сидиць?.. А развѣ съ нимъ сидиць кто? (Присматривается). Ухъ! Ай-вай! Зенщина, паненка якая то сидиць... Махаетъ рукой]. Тихо, заразъ буду къ нимъ падходить и узнаю, то за паненка... Вы тылько не севелитесь здѣсь; я сейцасъ верусь (хочетъ идти).

Губанинъ. Ненужно... Я и безъ тебя узнаю... Ступай домой, ы мнѣ до завтра ненуженъ.

Мовша (помолчавъ). Ну, цто будетъ, цто съ нимъ будетъ?

Губанинъ. Съ кѣмъ?

Мовша. Съ паномъ Пазухинымъ, енъ мозетъ запалиць ебя... Ви луцсе, господинъ панъ, заплатите за него...

Губанинъ. Ну хорошо, заплачу завтра, а теперь ступай, ы мнѣ мѣшаешь.

Мовша. Заразъ, заразъ... (переминается). А вы, благородное сіятельство, обѣщались мнѣ деньзенокъ дать... У меня доцка сегодня родилась...

Губанинъ (Достаетъ бумажникъ и вынимаетъ изъ него нѣсколько ассигнатокъ). Что это, братецъ мой, у тебя такъ часто дѣти родятся?.. Чуть ли не каждую недѣлю!

Мовша. Ухъ! цто ви, цто ви, цто ви, господинъ панъ, какъ зе мозно (смѣется).

Губанинъ (Даетъ ему деньги). На, вотъ тебѣ три рубля и прощай... приходи завтра.

Мовша [цѣлуетъ его въ плечо]. Денькуе, благодарю васъ, ваша панская свѣтлость... Оцень вамъ благодаренъ (кланяется). Просцайтесъ.

Губанинъ. Прощай... Но только ты иди задней аллеей и не показывайся на глаза Пазухину... Слышишь?

Мовша. Слысу, господинъ панъ, я такъ и сдѣляю... Просцайтесъ (Въ сторону). Нузно узнать цто за паненка съ Пазухинымъ сидицъ, да и фузію послѣ требо взять... Обозду здѣсь въ саду у кофейни. (Дѣлаетъ поклонъ Губанину и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

тѣже безъ Мовши.

Губанинъ. Это Пазухинъ съ Ревеккой!... Значитъ я хорошо сдѣлалъ, что отослалъ фактора домой.... Ну—съ, послушаемъ что говорятъ любовники. (прислушивается).

Ревекка. И такъ завтра вечеромъ бѣжимъ, мой другъ изъ этого опостылаго мнѣ города?

Пазухинъ. Уѣдемъ,—хотѣла ты сказать?

Ревекка. Ну все равно, я выразилась романически. Такъ какъ же,—ѣдемъ или ты опять найдешь причину отложить наше бѣгство, ссылаясь на контрактъ съ дирекціей?

Пазухинъ. Да право не знаю, какъ мнѣ быть?

Ревекка. Не знаешь? Такъ спроси у своего сердца, что оно тебѣ скажетъ?... Неужели для тебя дороже какой то контрактъ, чѣмъ я?...

Пазухинъ. Что ты говоришь Ревекка?! Дороже тебя у меня нѣтъ ничего въ мірѣ.

Ревекка. Въ такомъ случаѣ рѣшайся, или я перестану любить тебя.

Пазухинъ. Если ты хочешь,—я согласенъ.

Ревекка. Такъ бѣжимъ?

Пазухинъ. Бѣжимъ!

Ревекка. Завтра вечеромъ?

Пазухинъ. Завтра вечеромъ!

Ревекка. Честное слово?

Пазухинъ. Честное слово!

Ревекка. Дай за это я поцѣлую тебя [цѣлуетъ нѣсколько разъ] Милый ты мой!

Губанинъ. (стоя за кустами). Эге, вонъ куда дѣло—то пошло!

Пазухинъ. А какъ же паспортъ ты себѣ достанешь?

Ревекка. Объ этомъ не хлопочи... паспортъ будетъ. Видишь,

мой другъ, какъ я практично разсуждаю. Вотъ что значитъ быть [illegible]!... [Смотритъ на него]. О чемъ задумался?

Пазухинъ. Такъ... ни о чемъ...

Ревекка. Какъ ни о чемъ? Развѣ я не вижу?.. Лицо грустное сдѣлалось... Что съ тобой?

Пазухинъ. Такъ что то... Какое то тоскливое чувство, вдругъ завладѣло мной...

Ревекка. Теперь, когда желанная цѣль наша виднѣется въ перспективѣ, ты тоскуешь?!.. Я не понимаю тебя. Или тебѣ не хочется оставлять Вильну?...

Пазухинъ. Совсѣмъ не то, мой другъ; мнѣ вдругъ представилось что впереди ожидаетъ насъ какое то несчастіе, что, наконецъ, тебѣ не придется уѣхать со мной.

Ревекка. Почему?

Пазухинъ. Не знаю почему, а думается...

Ревекка. Э, полно, мой другъ, у тебя болѣзненное настроеніе... Перестань объ этомъ думать; завтра утромъ часовъ въ 12, я приду къ тебѣ и мы составимъ планъ нашего бѣгства... А теперь, чтобъ успокоить себя, смотри на звѣздное небо (Прижимается къ нему). Я всегда, когда мнѣ сдѣлается скучно, смотрю на звѣздный куполъ и мнѣ дѣлается легче и покойнѣе. Посмотри, мой другъ, какъ дивно мѣняетъ свои цвѣта вотъ эта звѣздочка. (Показываетъ рукою). Играетъ точно бриліантъ...

Пазухинъ. Это Венера.

Губанинъ. (За кустами). Ну, въ астрономію пустились.

Ревекка. [Послѣ молчанія]. Когда смотришь на небо и вслѣдъ съ мыслію несешься въ необъятныя, безконечныя пространства,— тогда мнится мнѣ, что тотъ кто создалъ все это и кто управляетъ всѣмъ видимымъ, есть безграничная, безконечная любовь и благость... Напрасно люди враждуютъ между собой (Вздыхаетъ). Какъ бы хорошо было жить на землѣ, если бы между людьми царили полное согласіе и миръ... Не лилась бы кровь человѣческая, всѣ люди считались бы братьями...

Пазухинъ. Этого, мой другъ, мы съ тобой не дождемся. Въ мірѣ зло борется съ добромъ. (Соловей заливается).

Ревекка. [Прижимается еще болѣе къ Пазухину].. Чудная ночь сегодня! Тепло, свѣтло!.. Изъ сосѣднихъ домовъ несутся звуки фортепьянъ... Въ горахъ и въ саду поютъ соловьи, въ воздухѣ слышится запахъ сирени... Хорошо, ахъ какъ хорошо!... [Вздыхаетъ]. Прощай садикъ, въ которомъ я, съ самаго дѣтства, гуляла, и гдѣ милы мнѣ каждая песчаная дорожка, каждое деревцо, каждый кусточекъ!... Прощай, соловьюшко, столько лѣтъ ласкавшій мой слухъ!... Богъ знаетъ, придется ли мнѣ снова встрѣ-

титься съ вами!... Ну вотъ и мнѣ сдѣлалось грустно, вотъ и мнѣ плакать хочется...

Губанинъ. У нихъ конца не будетъ, пойду и покажусь. (Напѣваетъ что то и выходитъ изъ за кустовъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало).

Пазухинъ. [Присматривается]. Вотъ тебѣ на; да это кажется Губанинъ?!.. Закрой лицо Ревекка, онъ пойдетъ по этой дорожкѣ.

Ревекка. Зачѣмъ закрывать? Мнѣ теперь ужъ все равно [Улыбаясь]. Завтра меня въ Вильнѣ не будетъ; пускай говорятъ, что хотятъ... ни кого и ничего теперь я не боюсь.

Губанинъ. (Подходя къ нимъ и дѣлая удивленный видъ). Боже мой! Кого я вижу! Ревекка Давидовна!... м-сье Пазухинъ! (Дѣлаетъ легкій поклонъ). Да полноте сердиться, я пришелъ къ вамъ съ повинной головой, прощенія просить; у меня открытая натура, я человѣкъ честный... Что жъ мнѣ дѣлать, если я не могъ обуздать свои страсти и до бѣзумія влюбился въ васъ? У меня въ этомъ случаѣ рыцарское правило: если увидишь прекрасную женщину, то оказывай ей какъ можно болѣе вниманія, хочетъ ли она этого или нѣтъ. Я же вамъ оказалъ ужъ черезъ чуръ много вниманія... Ну простите меня за это, я не зналъ что ваше сердце занято Пазухинымъ.

Пазухинъ. Послушайте, какъ вы смѣете?!...

Губанинъ. Не сердись, голубчикъ, я все знаю, я... я подслушалъ васъ...

Пазухинъ. Какая низость!

Губанинъ. Согласенъ что это низко, но нѣтъ худа безъ добра. Видите ли въ чемъ дѣло... Позвольте мнѣ однако присѣсть съ вами?... Молчаніе знакъ согласія и потому я сажусь [Садится рядомъ съ Ревеккой]. Часъ тому назадъ, прибѣгаетъ ко мнѣ Мовша и, запыхавшись, говоритъ, что м-сье Пазухинъ хочетъ застрѣлиться и единственное средство отвратить это самоубійство, это заплатить за него четыреста рублей долгу. Я обѣщался заплатить и спросилъ Мовшу, гдѣ Пазухинъ хочетъ исполнить свое намѣреніе? Въ саду, здѣсь, отвѣчалъ Мовша. Я пошелъ въ клубъ, а его поставилъ здѣсь на часахъ и приказалъ сейчасъ же дать мнѣ знать, какъ только явится сюда Пазухинъ, прихожу въ клубъ, приказалъ подать себѣ закусить, только мнѣ подали котлеты на видъ такія вкусныя, какъ вдругъ предо мной явился Мовша и донесъ, что Пазухинъ уже въ саду и покушался на свою жизнь, но что онъ Мовша не допустилъ до этого, вырвалъ, говоритъ, пистолѣтъ изъ рукъ Пазухина и, разрядивъ его, бросилъ на лавку...

Пазухинъ. Ахъ, негодяй! Да онъ самъ мнѣ принесъ незаряженный пистолетъ, и просилъ взять его въ руки и размахивать имъ, чрезъ это, говоритъ, должокъ вашъ будетъ заплаченъ...

Губанинъ. А гдѣ пистолетъ?

Ревекка. Въ прудѣ... Я его туда забросила. (Въ это время въ кустахъ слышится. «Ай-вай! Ухъ!» Всѣ обращаютъ на это вниманіе). Это что такое? Въ кустахъ какъ будто кто то говоритъ? [Прислушиваются].

Пазухинъ. И мнѣ послышалось...

Губанинъ. И мнѣ... Это должно быть Мовша. [Кричитъ]. Мовша!? Мовша!? [молчаніе]. Нѣтъ, это вѣрно изъ клуба вѣтромъ слова донеслись.. Но я буду продолжать. Ну—съ я бросилъ котлеты и побѣжалъ въ садъ, прихожу съ нимъ сюда, и изъ тѣхъ кустовъ вижу васъ двоихъ... Разумѣется, я сейчасъ же узналъ Ревекку Давыдовну и прогналъ Мовшу домой. А самъ невольно сдѣлался свидѣтелемъ вашего объясненія... Простите мнѣ, прошу васъ (Встаетъ и кланяется). Я спѣшилъ спасти своего товарища отъ смерти, теперь же, когда это спасеніе оказалось совершенно ненужнымъ и когда я узналъ, что вы любите другъ друга, позвольте помочь вамъ... Впрочемъ, сперва вы дайте слово мнѣ, что забываете все прошедшее и прощаете мои грѣшки... Да что же вы молчите? Даю вамъ слово, въ настоящемъ загладить все!

Пазухинъ. Мнѣ на тебя сердиться теперь нельзя, потому что я отомстилъ тебѣ... Проси прощенія у Ревекки.

Губанинъ. Ты отомстилъ мнѣ? Любопытно знать, чѣмъ это?

Пазухинъ. Сегодня я послалъ телеграмму къ твоей женѣ, о твоемъ поведеніи.

Губанинъ. Вотъ это такъ подло...

Пазухинъ. «Съ разбойниками къ черту цивилизація,» сказалъ одинъ писатель, а ты поступилъ со мной не лучше любова разбойника... Сколько изъ за тебя я безсонныхъ ночей провелъ, сколько слезъ пролилъ!... Вѣдъ ты чуть-чуть не разбилъ нашего счастья. (Цѣлуетъ Ревекку).

Губанинъ. Ну, слава Богу, что не разбилъ... Позвольте—жъ мнѣ теперь сдѣлать ваше счастіе крѣпкимъ и долгимъ... (Пазухину). Только скажи мнѣ прощаешь ты мнѣ?

Пазухинъ. Я не злопамятенъ. (Цѣлуются).

Губанинъ. Отлично! (Ревеккѣ). А вы Ревекка Давидовна, тоже прощаете, или....?

Ревекка. Я тоже не злопамятна.

Губанинъ. Превосходно! (Цѣлуетъ у ней руку). Значитъ миръ?

Пазухинъ. Миръ!

Губанинъ. Безподобно! Теперь, друзья мои, я вамъ долженъ сказать, что съ нынѣшняго вечера я буду считать васъ своими родными. (Ревеккѣ). Пятьсотъ билетовъ втораго внутренняго займа я предлагаю будущему вашему супругу. [Вынимаетъ пачку и даетъ Пазухину]. Не откажись взять, мой любезный другъ!...

Пазухинъ (принимаетъ). Разумѣется, не откажусь. Что-жъ я за болванъ, чтобъ сталъ отказываться. Мнѣ дарятъ, а я стану отказываться. (Кладетъ въ карманъ). Деньги мнѣ теперь нужны...

Губанинъ. Завтра вы хотите ѣхать, я буду вамъ сопутствовать... Поѣдемте въ нашъ городъ, тамъ мы свадьбу вашу отпируемъ, домъ я вамъ тамъ подарю... (Ревеккѣ). Вѣдь вы, конечно, примете христіанство?

Ревекка. Конечно!

Губанинъ. Такъ позвольте быть вашимъ воспріемникомъ?

Ревекка. Весьма благодарю.

Губанинъ. Мало вамъ будетъ тѣхъ денегъ, которыя я подарилъ вамъ, я подарю еще. Я человѣкъ богатый, денегъ у насъ съ женой много, отчего же не помочь своему другу, своему товарищу, который съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ, что вы его любите, сдѣлался мнѣ почему то еще дороже... Любите его, Ревекка Давидовна, онъ славный малый, и не такой повѣса какъ я. Онъ оцѣнитъ васъ... Повѣрьте; что никто вамъ двоимъ столько теперь не желаетъ добра, какъ я... (Цѣлуетъ руку у Ревекки).

Ревекка. Благодарю васъ...

Губанинъ (Посмотрѣвъ на нее и шутливо погрозивъ пальцемъ). Впередъ не говорите что у васъ сердце застраховано отъ любви. [къ Пазухину]. А ты не говори что Ревекка Давидовна сфинксъ, въ образѣ хорошенькой женщины... Теперь я узналъ, что Ревекка Давидовна, по внѣшнимъ и внутреннимъ качествамъ, самый ароматно-очаровательный букетъ, украшающій весь еврейскій женскій полъ...

Ревекка. Будто? [Улыбается].

Губанинъ. Клянусь своей женой, а она у меня лучшій другъ во всемъ мірѣ.

Ревекка. Какъ? А вы мнѣ говорили давеча?...

Губанинъ. (Перебиваетъ ее). Знаю, знаю, что вы хотите сказать... Я имѣлъ дерзость увѣрять васъ въ моей вѣчной любви къ вамъ, но простите меня, это была вспышка, временная, внѣшняя, на которую никакъ нельзя смотрѣть строго... Вы хорошенькая, или лучше сказать великолѣпная картинка, которой я любовался,—жена же вѣчный другъ!.. Вотъ когда вы выйдете замужъ за Пазухина, тогда оцѣните мои слова... (Беретъ ее за руку и читаетъ стихи). (Цѣлуетъ ея руку). Будьте же счастливы, Ревекка Давидовна, со своимъ суженымъ на многія, на вѣчныя времена... Пазухинъ! дай я тебя поцѣлую. (Цѣлуетъ его). Ну ты, кажется, отъ радости совсѣмъ осовѣлъ.

Пазухинъ. Какъ тутъ не осовѣть, когда счастье свалилось вдругъ точно съ неба... Ужъ нѐ сонъ ли это я думаю?

Губанинъ. А вотъ постой я прикажу изъ ресторана подать бутылку редеру; на радостяхъ выпьемъ за здоровье жениха съ невѣстой, и тогда ты увѣришься, что это дѣйствительность. Да кстати потолкуемъ о выѣздѣ. (Входитъ Давидъ).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

тѣже и Давидъ Давидовичъ.

Губанинъ. Это еще кто идетъ?...

Ревекка. Мой братъ Давидъ, пожалуста, при немъ объ отъѣздѣ нашемъ помолчите, хоть онъ и прогрессистъ, хоть и знаетъ что я люблю Пазухина, но все таки лучше помолчать... Я завтра утромъ буду у м-сье Пазухина и тамъ все покончимъ и рѣшимъ...

Давидъ. Вотъ и я!

Ревекка. Видимъ.

Давидъ. Проигралъ три партіи (Присматривается къ Губанину). А, здравствуйте, м-сье Губанинъ.. (Протягиваетъ руку).

Губанинъ. (Пожимая). Здравствуйте, Давидъ Давидовичъ, здравствуйте нашъ виленскій химикъ! Какъ здоровы?

Давидъ. Слава Богу! Благодарю васъ... о чемъ говорили?

Губанинъ. А вотъ объ этихъ развалинахъ (показываетъ на Гедиминову гору). Однако, господа, пойдемте къ ресторану (къ Давиду). Вы прогрессистъ и потому надѣюсь не откажетесь выпить стаканъ шампанскаго?

Давидъ. (Улыбаясь). Извините меня, но мнѣ смѣшно дѣлается, когда еврейскими прогрессистами считаютъ такихъ господъ, которые, ради моды, пьютъ шампанское... Выпить стаканъ шампанскаго не значитъ еще быть прогрессистомъ...

Губанинъ. Не всякоя лыка въ строку, говоритъ русская пословица... Все таки шампанского стаканъ выпьете?

Давидъ. Даже два выпью, если вамъ угодно; я шампанское люблю...

Губанинъ. И прекрасно! Вашу руку Давидъ Давидовичъ. (Беретъ его за руку). Пазухинъ, бери подъ руку Ревекку Давидовну и пойдемте къ ресторану, тамъ за столомъ подъ серебристымъ тополемъ, гдѣ зги не видно, выпьемъ, за здоровье эмансипированной еврейки, Ревекки Давидовны! Дай Богъ, что бы по болѣе было такихъ евреекъ!

Ревекка. Похвала въ глаза, по моему мнѣнію, равняется ругательству; есть еврейки лучше меня и достойнѣе. (Беретъ подъ руку Пазухина и идетъ). Какая сегодня славная ночь!...

Давидъ (Губанину). Поночтуйте меня вашими сигарами, у васъ ихъ, я слыхалъ, много...

Губанинъ. (Смѣясь). Цѣлыя груды сигаръ; но только я ихъ не много курю. (Вынимаетъ портъ—сигаръ и предлагаетъ). Не угодно ли? (Всѣ уходятъ; сцена нѣсколько минутъ пуста, потомъ изъ за кустовъ, озираясь на всѣ стороны, выходитъ Мовша).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Мовша одинъ.

Мовша. (Посмотрѣвъ въ слѣдъ уходящимъ, подходитъ на авансцену). Цто я узналъ! Ай-вай, вай, вай, вай, вай!... Ухъ!... Якая Ревекка паскудница! Цто она хоцетъ дѣлать, гвалтъ, дали Букъ, гвалтъ! Завтра уѣззлетъ съ Пазухинымъ, цузую вѣру принимаетъ, а потомъ ходить замузъ за Пазухина... (какъ будто что то нашелъ). А мозетъ она его надуваетъ, мозетъ бить такъ нузно?.. (Думаетъ). Треба узнать все, все узнать и тылько цто будетъ не хоросаго сейцасъ ходить до отца Ревекки и мувить ему все, нехъ енъ кагалъ соберетъ... Утромъ завтра раненько пойду до пана Пазухина и узнаю, когды онъ ѣдетъ... Попросу у него деньзонокъ, бо у него теперь ихъ много сдѣлалось, ухъ якъ много! (потираетъ руки и прищелкиваетъ). Да и за фузію нузно будетъ полуцить: Ревекка ее забросила въ сажалку (показываетъ на прудъ). А мнѣ цто, мнѣ цто, пускай бросаютъ, деньги заплотятъ сказу Пазухину, цто еврей, у котораго я позичилъ фузію, проситъ за нее тридцать целковихъ... Отдастъ, енъ отдастъ, я знаю, я вѣмъ, енъ добрый! Полуцу тридцать целковыхъ, а фузію утромъ изъ сажалки шестомъ достану и снесу до Смуркина, заплачу ему злотъ за позиценье... Ухъ, вазно, дали Букъ, вазно! (Считаетъ на пальцахъ) двадцать пять целковихъ полуцу, тридцать целковихъ полуцу, пять целковихъ полуцилъ, будетъ шесдесятъ целковихъ, да еще тамъ, да еще тамъ!... Досыть! (Дѣлаетъ радостную физіономію и потираетъ руки отъ удовольствія, идетъ и заслыхавъ пѣніе соловья, останавливается и, размахивая руками, подражаетъ ему). Ухъ тю, тю!... Ухъ тю, тю!.. тю лю... тю лю, лю!...

конецъ 3 дѣйствія.

С. Калугинъ.

ДИССОНАНСЫ НАШЕЙ ЖИЗНИ.

(Изъ вчерашняго).

Что-жъ, коли подлецъ, то и подлецъ. Не будь подлецомъ, то и не будутъ надъ тобою смѣяться.

Гоголь.

*(Продолженіе *).*

III.

Въ сосѣдней комнатѣ, передъ круглымъ столомъ, на истертомся диванѣ, сидитъ хозяйка, Елена Александровна Капуцянская. Передъ нею стоитъ наплывшая сальная свѣча и лежитъ набожная ксенжка 1); она только что прочла литанію до сэрца Езуса 2) и теперь, отъ нечего дѣлать, занялась гаданіемъ на червоннаго короля. Лучъ свѣта, падая на нее, освѣщаетъ ея морщинистое лице и шевелящіяся губы, которыя, по обыкновенію, мурлычатъ подъ носъ что то. Въ комнатѣ тихо,—и только, по временамъ, доносится неясный говоръ пирующихъ, или неожиданно раздается возгласъ хозяйки: когда пиковая масть окружаетъ червоннаго короля.

Но вотъ скрыпнула дверь; изъ-за нея показался одинъ изъ огромнѣйшихъ въ свѣтѣ носовъ. Носъ этотъ принадлежалъ некому иному, какъ занаторѣвшей дѣвѣ, паннѣ Текли ...ской. Хозяйка приподняла голову и прищурила глаза, прикрывъ ихъ рукою отъ свѣта.

— Нѣхъ бэндзѣ похвалены Езусъ Христусъ сказала гостья,

— На вѣки вѣкувъ, аменъ! Хвала Богу, отвѣтила хозяйка, панна Текля вспомнила обо мнѣ старухѣ. Я думала, что вы совсѣмъ забыли меня.

Панна Текля, какъ я сказалъ, была старая дѣва, съ огромнѣйшимъ носомъ, длинными, худыми руками и костлявыми пальцами, съ длиннѣйшими ушами и громаднѣйшими ногами, обутыми въ истоптанные козловые башмаки. Все было громадно и огромно въ этой худой, длинной и старой паннѣ.

— Хорошаго вы мнѣнія обо мнѣ, если думали, что я могу забыть васъ! нѣжно отвѣтила панна Текля, садясь на диванъ подлѣ хозяйки. Я долго не была у васъ потому, что ѣздила въ Полоцкъ, на фэстъ 4).

---

*) См. 2 кн. Вѣст. Зап. Россіи.

1) Молитвенникъ. 2) Эктенія къ сердцу Іисуса. 4] Особенное торжество бываетъ въ день памяти святого и этотъ день наз. фэстомъ.

Услыхавъ это, хозяйка выразила на лицѣ своемъ удивленіе и глубокое почтеніе къ тому, кто сподобился быть на этомъ фэстѣ.

— Ну, какъ-же вы ѣхали въ Полоцкъ? Лошадьми, или по желѣзной дорогѣ? Спросила хозяйка голосомъ, въ которомъ слышалась ея увѣренность, что панна Текля не осмѣлится ѣхать въ вагонѣ, а ѣхала, вѣроятно, въ жидовской фурѣ.

— Нѣтъ, я ѣхала поколѣе 1), послышалось въ отвѣтъ, какъ бы въ возраженіе па невысказанную увѣренность хозяйки.

— И не страшно было?

— Съ людьми не такъ еще страшно ѣхать! храбро отвѣчала долговязая панна.

Хозяйка такъ-взглянула на панну Теклю, какъ смотрятъ на сорви—голову, по совершеніи имъ до дерзости смѣлаго поступка.

— Ну—у! рискъ-же!! и хозійка покачала головою.

— А вы не знаете. Я познакомилась тамъ съ ксендзами въ кляшторѣ 2), и отъ нихъ достала молитву говорятъ самъ,—свентый ойцецъ 3) изъ Риму прислалъ.

Хозяйка пришла въ благоговѣйное умиленіе.

— Панна Текля, добрая моя панна Текля! позволь мнѣ списать ее,—взмолилась старуха, сложа руки.

— Вамъ я съ удовольствіемъ одолжу; но и то съ однимъ условіемъ: вы дадите лѣкарства для моей кухарки. Не знаю, что съ нею сдѣлалось! Вчера она жаловалась мнѣ на ломоту поясницы, но я не обратила на это никакого вниманія. Сегодня, встаю, нужно припиматься ѣсть варить; хотѣла послать ее на рынокъ, а она и встать съ кровати не можетъ. Цѣлый день должна была сама провозиться въ кухнѣ...

Панна Текля содержала на хлѣбахъ гимназистовъ; поэтому она сильно безпокоилась о здоровьи кухарки.

— Отъ чего-же у нея приключилась болѣзнь?

— Вѣроятно надервалась?

— Должно быть! отъ чего-же больше и болѣзнь.

— Нужно было попробовать ей скинуть горшокъ съ жолондка, да дать калгану?

— Скидывала я ей сегодня и калгану полъ келишка дала; не помогаетъ.

Хозяйка призадумалась, чего дать, чтобы помогло,

— А—а! добже! радостно воскликнула она чрезъ минуту: я дамъ паннѣ свенцонэго 4) дзивасилу. Его нужно обварить немного кипяткомъ, какъ чай, и дать больной выпить стакана три въ кровати, на ночь, чтобъ вспотѣла.

1] По желѣзной дорогѣ. 2) Въ монастырѣ. 3) Папа. 4) Освященнаго.

Съ этими словами она отправилась къ полкѣ, завѣшенной пучками сухихъ свенцоныхъ растеній, вѣнками, крошечными и большими мѣшечками и тряпочками, въ которыхъ хранились цѣлебныя лѣкарства. Внизу, на полкѣ, стояла свенцоная вода. Однимъ словомъ, этотъ уголъ комнаты уподоблялся аптекѣ, которую, въ продолженіи цѣлой своей жизни, старуха обогащала всѣми возможными лѣкарствами.

— Ныньче, хвала Богу, я не полѣнилась,—сдѣлала порядочный запасъ лѣкарствамъ. Есть у меня русичка — отъ грому; свѣнто-янская травка есть: ее хорошо употреблять отъ пожару, Боже држевко есть у меня,—высчитывала хозяйка.

Наконецъ, найденъ былъ изрядный мѣшокъ свенцонэго дзивасилу. Горсть его была завернута хозяйкой, въ засаленую бумажку и отдана паннѣ Теклѣ, которая съ благоговѣніемъ сунула его въ свой огромный карманъ.

— А не то, я дамъ дзятлинки, которую ныньче сама сбирала въ Лукишкахъ. Она тоже помогаетъ отъ жолондка!... Иные принимаютъ ее въ порошкѣ, чайною ложечкою А вотъ, если кто хочетъ жить счастливо и богато, такъ, говорятъ, нужно въ годовые праздники курить въ комнатахъ чомборъ, читая молитвы.

Услыхавъ про лѣкарство, отъ котораго можно быть богатымъ, панна Текля стала просить его. Хозяйка, растаявшая отъ радости, что къ ней обратились за медицинскими совѣтами, щедро одѣлила ее чомбромъ.

— Кстати, моя добрая паня совѣтниковочка, дайте чего отъ зубовъ; послѣ дороги они у меня стали отзываться.

Добрая совѣтникова надѣлила ее какимъ-то зельемъ, объяснивъ, сколько и какъ курить его съ табакомъ, въ трубкѣ.

Съ аптекою покончили дѣло и снова усѣлись.

— Чѣмъ-бы мнѣ угостить паню! спросила, довольная своею гостьею, хозяйка: а цо 1), не выпьемъ-ли по чашечкѣ кавы 2), съ инбиремъ?

Церемонная дѣва долго отнѣкивалась, ссылаясь на то, что приготовленіе кавы обезпокоитъ паню совѣтникову, что она, панна Текля, уже пила чай, что каву вредно пить, въ особенности на ночь. Однако, потомъ, согласилась, когда совѣтникова увѣрила ее, что кофе почти безвреденъ и во многихъ случаяхъ даже полезенъ для здоровья; и что это не обезпокоитъ ее, такъ какъ у квартирантовъ много кипятку въ самоварѣ и ей ничего не значитъ заварить каву.

---

1) Что. 2) Кофе.

— Что за балъ такой, у вашихъ? Спросила съ маленькой иронiей панна Текля.

— Начальника своего трактуютъ 1). Хотятъ задобритъ его, чтобъ, потомъ, чрезъ него, получить что нибудь. Что-жъ, они— бѣдные хлопцы, хотятъ зробить 2) себѣ карьеру... Онъ съ большимъ вѣсомъ у презыдэнта...

— Каковъ онъ собою? молодой человѣкъ? женатъ? прервала дѣва, состроивъ изъ своей физiономiи самую сантиментальнѣйшую улыбку.

— Гдѣ тамъ! старый и женатый.

Однако любопытство панны Текли было такъ сильно подстрекнуто, что она сочла непремѣнною обязанностiю удостовѣриться въ этомъ собственными глазами. Сдѣлавъ осмотръ Титу Антоновичу чрезъ замочную скважину, она снова усѣлась подлѣ хозяйки, сказавъ про себя: напрасно они думаютъ заискать чрезъ этаго человѣка у пана президента! Президентъ у насъ извѣстенъ своимъ самостоятельнымъ умомъ, отлично знаетъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ, взыскателенъ за службу, но и справедливъ, и ужъ, конечно, не нуждается въ совѣтахъ такихъ людей, какъ Титъ Антоновичъ, которого не очень то и жалуетъ, главнымъ образомъ за то, что сей послѣднiй любитъ прихвастнуть небывалой къ нему расположенностью начальника—поговариваютъ, что онъ хотѣлъ уже его уволить отъ службы...

На столѣ стоялъ объемистый кофейникъ и они принялись пить домашнюю каву, изъ жареной пшеницы, съ инбиремъ, въ прикуску. Хозяйка утверждала, что такой кофе самый здоровый. Лавочнаго она не терпѣла, боясь отъ него сдѣлаться шарообразною; по ея мнѣнiю, отъ лавочнаго кофе человѣкъ сильно жирѣетъ.

— Ну, что у васъ слышно новенькаго? моя дрога 3) пани совѣтникова, спросила гостья.

— Ничего нѣтъ новаго—хорошаго. Масло подорожало,—сегодня я брала у Мовши по тридцати копѣекъ фунтъ. Мука подорожала; говорятъ нынче будетъ неурожай. Вчера за пудъ платила я Шмеркѣ по семи злотыхъ (1 р. 5 к.) Покамѣстъ что, я взяла у него только три пудика. Квартирантовъ что-то панъ Бугъ не даетъ; а съ четырехъ человѣкъ ай—ай какъ трудно прожить: все дорого стало. Вотъ, послѣ завтра они получатъ жалованье, отдадутъ мнѣ за квартиру,—сейчасъ нужно расплатиться со Шмеркомъ: все брала у него въ долгъ. Расплачусь, и опять буду сидѣть безъ копѣйки; опять тржеба брать въ долгъ и платить дороже.

---

1) Угощаютъ. 2) Сдѣлать. 3) Дорогая.

— Ну, а какъ-же у пани въ огородѣ? У меня совсѣмъ про-
ла петрушка. Кажется, и хорошія сѣмяна я достала у Кохаль-
аго, а не взошли!
— У меня, хвала Богу, петрушки вдоволь—и ранней и позд-
й. А знаете секретъ, какъ сѣять петрушку раннюю и позднюю?
Получивъ отрицательный отвѣтъ, хозяйка продолжала:
— Если хотите, чтобъ петрушка взошла чрезъ двѣ недѣли,
къ сѣйте ее двумя пальцами. Если будете сѣять ртомъ—взой-
тъ чрезъ недѣлю; а если горстью, такъ черезъ пять. Хотѣла
ньче я сама испробовать эти секреты, да, на несчастье, за-
орала и, вмѣсто меня, засѣвала огородъ Химка. Ну, а ей я
рѣшилась поручить подобное дѣло; да, по правдѣ сказавши,
ъ головы вонъ вышло.
Панна Текля выразила сожалѣніе, что хозяйка забыла испы-
ть этотъ секретъ на опытѣ и съ признательностью поблагода-
ла за его открытіе.
— Огурцы будутъ хороши,—снова начала хозяйка: стали цвѣ-
и и пустоцвѣту въ этомъ году очень мало; горохъ не дурно
стетъ; бобъ—цвѣтетъ...
— А у меня огурцы что-то желтѣть стали.
— Нѣтъ, у меня, благодаря Бога, огурцы не дурно растутъ...
ньче довольно дешево я купила на рынкѣ свинку и теперь
кармливаю ее. Въ огородѣ много крапивы, такъ я кормлю
рубленою крапивою, обсыпая отрубями. Ничего, ѣстъ хорошо...
енью за то, она принесетъ мнѣ поросятокъ... Нѣтъ, въ огоро-
, хвала Богу, еще недурно. Одна капуста плоха, въ листъ
е идетъ; но, можетъ Бугъ дастъ, поправится...
— Мою черви всю съѣли. Чего я ни дѣлала, какія только
едства не употребляла, ничего не помогло: листа какъ не бывало!
Хозяйка налила по второй чашкѣ кавы съ инбиремъ и собе-
дницы опять стали прихлебывать ее въ прикусочку!
— Въ городѣ нѣтъ-ли чего новаго? опять стала выпытывать
обознательная дѣва.
— Какія-же новости? Люди стали сильно умирать; видно раз-
ѣвали пана Бога своими грѣхами. Въ прошлое воскресенье,
съ! какую отличную проповѣдь сказалъ объ этомъ новый ксендзъ
звѣнко; который пріѣхалъ на мѣсто ксендза Дзѣжка. Такъ
рошо говорилъ, что многіе плакали. Когда сказалъ онъ: мо-
итесь, дѣти мои, молитесь! видно мы сильно прогнѣвали пана
ога, что онъ посылаетъ на насъ такія тяжкія наказанія, то я,
овѣрьте, сама не могла удержаться отъ слезъ. И взаправду:
ѣрно очень мы разгнѣвали пана Бога, что люди стали сильно

умирать... голодъ, дороговизна... масло тридцать копѣекъ!.. хозяйка грустно покачала головою.

— То пани говоритъ, что новый ксендзъ пріѣхалъ? встрепенулась дѣва. Что-жъ, хорошій ксендзъ? умный? молодой? посыпались вопросы.

— О! разумный ксендзъ; отлично проповѣди говоритъ: какъ по книгѣ читаетъ! А съ какимъ чувствомъ! И, къ томужъ, голосъ, голосъ!!

— Цо-жъ, старый, или еще молодой?

— Молоденькій, бѣленькій; румянецъ вовсю щеку, какъ вырѣзаный! Должно быть очень умный! наставленія какія читаетъ! восхищалась хозяйка.

Панна Текля издала протяжное г-мъ! Отъ воодушевленія у нея расширились глаза,—желаніе насладиться душеспасительною бесѣдою новаго ксендза Дзвѣнки было такъ въ ней сильно, что она рѣшилась завтра же этимъ воспользоваться.

— Ну, о чемъ вы такъ призадумались? Спросила хозяйка. Вотъ лучше разскажите, что вы видѣли и слышали: вы вояжъ 1) сдѣлали, свѣту немало повидали.

— Ничего особеннаго ни видѣла, ни слышала. Счастливо доѣхала съ жидами до В...... и прогостила тамъ цѣлый день у своихъ друзей Хохлопановскихъ. Что за славные это люди! А самъ Хохлопановскій! Какой милый, вѣжливый и умный человѣкъ!

Есть люди, которые всѣми силами стараются втиснуться въ кружокъ аристократовъ, считаютъ за большое счастіе водить съ ними знакомство и постоянно хвастаютъ этимъ всѣмъ и каждому. Къ такимъ личностямъ принадлежала панна Текля. Она была безъ ума отъ знакомства съ довольно знатнымъ семействомъ Хохлопановскаго, который причислялъ себя къ губернскимъ аристократамъ и на котораго истинные аристократы т. е. разные предсѣдатели и совѣтники, игравшіе по двѣ копѣйки въ преферансъ, смотрѣли не много свысока; потому что этотъ Хохлопановскій не въ силахъ былъ сражаться съ ними на зеленомъ полѣ копѣйками. Онъ могъ играть только по полъ копѣйки. Но его наружностью всѣ восхищались, предъ нимъ растворялись настежъ двери аристократическихъ домовъ.

Панна Текля увѣряла всѣхъ, что Хохлопановскіе въ большой съ нею дружбѣ и что когда она жила въ В......., то они дохнуть не могли безъ нея. Между тѣмъ какъ Хохлопановскіе смотрѣли на нее еще съ большей высоты, чѣмъ В......іе аристократы на нихъ, и принимали ее—плебейку—только потому, что она,

---

1) Путешествіе.

бывая у нихъ, умѣла льстить ихъ аристократическому самолюбію. Это дѣлалось ею не изъ какихъ либо цѣлей, но безсознательно, единственно по привычкѣ.

— Какъ они были рады, когда я пришла къ нимъ! продолжала хвастать панна Текля. Сама Хохлопановская какъ увидѣла меня, такъ и бросилась мнѣ на шею, ахъ, милочка ты моя Текля! тебя-ли это я вижу! и повисла на шеѣ. Ей богу, такъ и сказала: милочка ты моя, тебя-ли я вижу! Сейчасъ посадили меня на софу, а сами усѣлись около меня, съ одной и другой стороны,— и давай распрашивать про мое житье. Пани Хохлопановская приказала сварить, нарочно для меня, каву, потому что они сами, изъ экономіи, никогда не пьютъ. Чудныя у нихъ сливки! Такія густыя! И вообразите: это имъ молочница носитъ такія сливки!

Панна Текля, въ знакъ удивленія, вытаращила на совѣтникову глаза; та покачала головою.

— Послѣ кавы я хотѣла идти домой, на квартиру—Боже сохрани! ни за что не пустили. И не говорите ничего, панна Текля, говоритъ самъ,—безъ обѣда васъ не пустимъ. Обѣдъ былъ хозяйскій,—на три кушанья. На первое—супъ изъ макароновъ, макароны изъ худшей были сдѣланы муки; на второе жаркое съ огурцами, а на третье — молочная, манная кашка, жиденькая. Они всегда и прежде такъ обѣдали,—на три кушанья, когда никого не бывало на обѣдѣ. Самъ сталъ было извиняться, что угощаютъ меня такимъ обѣдомъ: если бы вы, говоритъ, панна Тэкла, были добрѣе, то увѣдомили-бы насъ ранѣе о своемъ пріѣздѣ; мы бы приготовились и приняли-бы васъ какъ слѣдуетъ. Но я его сейчасъ остановила: оставьте говорю я,— развѣ вы не считаете меня за друга вашего дома, что хотѣли разводить церемоніи со мною?

Тутъ панна Текля остановилась, чтобъ перевести духъ. Чрезъ минуту, собравшись съ силами и духомъ, она продолжала:

— Обѣдъ довольно хорошій былъ; жаркое только немного подсохло,—ну, да самъ не замѣтилъ этого, то оно и такъ сошло. Огурцы какъ дороги! Я спрашивала, по чемъ они покупаютъ,— по пятидесяти копѣекъ десятокъ!... Самъ какой вѣжливый! За обѣдомъ разсказывалъ съ кѣмъ познакомился въ городѣ, у кого постоянно въ карты играетъ; говорилъ, что въ послѣднее время ему карта не везетъ, что былъ недавно на обѣдѣ у предводителя дворянства. Послѣ обѣда стала собираться домой—гдѣ тамъ! не пускаютъ. И на ночь у себя оставили. На другой день, утромъ, прямо отъ нихъ поѣхала на желѣзную колею...

Хозяйка молчала и внимательно слушала, завтра собиралась она пустить все это въ ходъ по городу, какъ новость.

— Только что заблаговѣстили на мшу я и пріѣхала въ Полоцкъ. Сейчасъ вещи свезла къ пріятельницѣ и отправилась по скорѣе въ косцелъ. Сколько нынче было на фэстѣ! ужасъ! Такая страшная была давка въ костелѣ, что меня чуть не задавили; съ нѣсколькими спазмы случились и ихъ подъ руки вывели; одна моя знакомая впала въ обшорокъ. Въ Полоцкѣ пробыла цѣлую недѣльку,—продолжала она, помолчавъ съ минуту. Возвращаясь назадъ, я опять заѣзжала къ Хахлопановскимъ; они пустить меня не хотѣли домой. И онъ, и она умаливали меня, чтобъ я хоть на недѣльку осталась погостить у нихъ. Но нельзя. И такъ хозяйство разстроилось безъ меня; въ огородѣ все пропало. Пріѣзжаю домой, мнѣ и говорятъ мои, что у нихъ много перемѣнъ въ гимназіи: директора новаго прислали; инспектора хотятъ перевести...

— А *у насъ* будетъ ревизія уголовной палаты и гражданской! *Мы* вчера циркуляръ получили объ этомъ, въ свою очередь сообщила хозяйка.

Она такъ свыклась съ канцелярскою жизнію, вслѣдствіе постояннаго квартированія у нея чиновниковъ, что о разныхъ административныхъ новостяхъ отзывалась не иначе, какъ говоря: *у насъ*.

Панна Текля издала какой-то неопредѣленный звукъ.

— Пиньковской какое счастье! продолжала хозяйка: Ей панъ Бугъ далъ четырехъ квартирантовъ, которые по *четырнадцати рублей* платятъ за квартиру и обѣдъ въ два кушанья! Чай, сахаръ—все ихъ. И по два въ комнаткѣ живутъ! Вотъ счастіе, такъ счастіе! Отъ чего-же ей послѣ этого и не купить новой шляпки! Вчера, смотрю я въ косцелѣ,—Пиньковская въ новой шляпкѣ! Думаю себѣ: что это она такъ франтитъ? Ажъ это вотъ что!

— Что это за дурни такіе, что платятъ ей такъ дорого?!

Хозяйка объяснила, что это—не давно пріѣхавшіе сюда на службу.

Въ это время старинные часы съ кукушкою пробили двѣнадцать; старая дѣва спохватилась:

— Езусъ, Марія! двѣнадцать часовъ, а у меня еще пироги не растворены! воскликнула она. Вѣдь я къ вамъ, добрая совѣтниковочка, пришла одолжить квашни,—на моей обручи лопнули.

Хозяйка кликнула изъ комнаты чиновниковъ заспанную Химку и поручила ей отнести квашню, сейчасъ-же, на квартиру панны Текли, которая жила рядомъ, — давъ ей при этомъ приличное наставленіе, чтобъ она, Химка, несла квашню осторожно и не стукнула-бы ею, Боже храни, о что нибудь: обручь можетъ лоп-

нуть, или дно выскочитъ. Смотри-же, Химка, осторожно! закончила она.

Панна Текля стала собираться домой.

— Ну, засидѣлась я у васъ! И время какъ незамѣтно пролетѣло.

— Ай! эта-жъ я забыла новость вамъ сказать,—спохватилась Совѣтникова: панна Михалина за мужъ выходитъ, за коморника Петрова!

Старая дѣва остолбенѣла отъ удивленія. Она знала, кто такая панна Михалина и кто такой коморникъ Петровъ.

— Вѣроятно она съ ума сошла, рѣшила дѣва.

Поговоривъ вдоволь о Михалинѣ, панна Текля пришла къ тому заключенію: что на свѣтѣ не мало есть и варьятекъ 1)!

Вскорѣ послышалось прощальное: нѣхъ бэндзѣ похвалены Езусъ Христусъ и на вѣки, вѣкувъ амэнъ.

Хозяйка такъ была довольна своею гостьею, что провожала ее на крыльцо со свѣчою, напутствуя напоминаніемъ, чтобъ она не забыла заварить дзивасилъ какъ чай и дать больной только три стакана.

На небѣ сгустились облака и сталъ порошить маленькій дождикъ.

Шлепая по грязи, панна Текля думала: какъ бы это хорошо было, если-бы къ завтрему выздоровѣла кухарка! Не нужно было-бы самой сажать въ печь пироги.

Хозяйка стала шопотомъ читать вечеранія молитвы, черезъ полчаса свѣча погасла,—заскрипѣла громадная кровать съ горою перинъ и подушекъ и послышался вздохъ.

— О-о-хо-хъ! не забыть бы мнѣ завтра сказать Химкѣ, дѣлать זацирку изъ подрукавки 2)... Въ зразы нужно больше луку класть, а перцу меньше... Попробовать развѣ завтра копатъ картишку?..

И хозяйка уснула мирнымъ, безмятежнымъ сномъ. Да и что могло тревожить ея сонъ? Въ сорокъ лѣтъ потерявъ мужа,—мѣстнаго чиновника, который оказывалъ къ ней свою любовь только побоями, она не рѣшилась вторично выйдти замужъ: она и такъ вдоволь насладилась супружескимъ счастіемъ. Оставшись одинокою, бездѣтною и при томъ бѣдною, она стала держать на квартирѣ чиновниковъ, и всѣ заботы свои перенесла на нихъ. Она думала, какъ бы имъ получше обѣдъ сварить, какъ бы посытнѣе накормить и какъ бы это все дешевле сдѣлать. Наконецъ и это перестало ее тревожить, когда квартира ея прослыла хорошею, дешевою, съ сытнымъ обѣдомъ, и когда Химка изучила поваренное искуство и хозяйственную часть на столько, что мог-

1) Сумасшедшихъ. 2) Худшій сортъ пшеничной муки.

ла, не тревожа ее, всѣмъ завѣдывать и заправлять сама. Съ этого времени совѣтникова передала всѣ бразды правленія Хинкѣ, а сама, отъ скуки, занялась гаданьемъ па червоннаго короля. Она была спокойна на счетъ того, что можетъ когда остаться безъ куска хлѣба. Популярность ея, какъ хорошей хозяйки, была сильной гарантіей въ этомъ случаѣ. Пятьдесятъ лѣтъ и побои, вынесенные ею изъ супружеской жизни,—охраняли ее отъ разныхъ увлеченій и безотчетныхъ стремленій. Теперь все кончилось для нея. Будущность не манила ее, потому что будущности для нея не было. Она доживала свой вѣкъ тихо и спокойно. Иногда только задумывалась она о смерти, но и то не надолго: смерть не страшна ей была, потому что жизнь ея была не такъ привлекательна, чтобъ она могла содрогаться при мысли о той минутѣ, когда разстанется съ нею. Пекла 1)—не боялась: совѣсть ея была спокойна. Послѣ этого, отъ чего-же не спать ей безмятежно?

Со всѣмъ другое дѣло панна Текля. Она не спитъ на своей одинокой кровати. Воображеніе ея, находясь подъ вліяніемъ разсказа пани совѣтниковой, разыгралось не на шутку. Ей видится, новый ксендзъ.. онъ ведетъ духовную бесѣду съ нею. Она слышитъ его звучный, мелодичный голосъ, видитъ большіе голубые глаза, искрящіеся вдохновеніемъ; она видитъ ангельскую улыбку на его алыхъ устахъ и двѣ восхитительныя ямочки на розовыхъ щекахъ его. Грудь ея высоко вздымается, сердце сильно бьется, кровь стучитъ въ вискахъ.

Такимъ образомъ она промучилась безсонницей до утра.

IV.

Была полночь.

Въ комнатѣ пирующихъ полнехонько дыма отъ папиросъ. Въ особенности много истребляетъ ихъ Вильгельмъ Осиповичъ, стараясь, при этомъ, курить какъ можно граціознѣе. Заботливый Игнатій Адамовичъ нѣсколько разъ выразительно уставлялъ на него свои большіе сѣрые глаза, желая дать ему почувствовать, что курить нужно меньше, потому что у нихъ очень мало табаку и завтра утромъ, чего добраго, имъ не хватитъ его и на одну папиросу. Но Вильгельмъ Осиповичъ не хотѣлъ понять Игнатія Адамовича и беззаботно выкуривалъ одну за другою, упражняясь въ ловкомъ пусканіи колечекъ изъ десяти копѣечной мусатовки. Они жили не въ ладу между собою. Игнатій Адамовичъ не до-

1) Ада.

юбливалъ Вильгельма Осиповича за хвастовство и за его невнимательность къ ихъ общей нуждѣ. Являлся у нихъ табакъ,— ильгельмъ Осиповичъ сейчасъ же напускался истреблять его самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Онъ безостановочно пыхтѣлъ ома, всѣ карманы набивалъ табакомъ, отправляясь на службу, съ особеннымъ гостепріимствомъ угощалъ тамъ имъ всякаго стрѣчнаго. Въ гости отправлялся,—и туда набиралъ съ собою абаку или папиросъ: иные изъ гостей приносятъ, а онъ въ гости таскаетъ! Такимъ образомъ у нихъ въ два-три дня исчезалъ ѣсь табакъ, котораго, если курить экономично, хватило-бы имъ, о мнѣнію Игнатія Адамовича, на долгое время. Вильгельмъ)сиповичъ любилъ вкусно покушать; поэтому, за обѣдомъ, онъ прежде всѣхъ бросался къ чашкѣ съ супомъ и, самымъ безсовѣстнымъ образомъ забывая другихъ, собиралъ сверху все жирное себѣ на тарелку. Со вторымъ кушаньемъ случалось почти тоже самое; въ особенности если на второе бывало жаркое съ картофельнымъ соусомъ. Нѣсколько разъ Вильгельмъ Осиповичъ оставлялъ всѣхъ безъ соуса, съ быстротою молніи истребивъ его на блюдѣ. Подобныя исторіи, вѣроятно, повторялись-бы часто, если-бы хозяйка, въ началѣ долго церемонившаяся, не стала останавливать прыть Вильгельма Осиповича и сама накладывать ему на тарелку. Панъ Вильгельмъ попробовалъ было разгнѣваться на хозяйку за ея деспотическое вмѣшательство въ дѣло его жолондка, но долженъ былъ покориться: она умѣла держать нахлѣбниковъ въ почтительномъ отъ себя отдаленіи и не церемонилась съ небогатыми жильцами, угрожая изгнаніемъ съ квартиры не желающимъ подчиниться правиламъ ея коммуны: она не терпѣла соціалистовъ и метлой ихъ гнала съ своей квартиры. Игнатій-же Адамовичъ былъ коммунистъ и зорко слѣдилъ за интересами общины; поэтому онъ не могъ равнодушно смотрѣть на поступки пана Вильгельма, нарушавшаго права другихъ, и поэтому у нихъ происходили размолвки.

Чай съ наливкою произвелъ вожделенное дѣйствіе: у Тита Антоновича побагровѣлъ не много носъ, глаза оживились и онъ сдѣлался откровеннѣе; Станиславъ Осиповичъ тоже оживился; остальные, мало пившіе, или почти со всѣмъ не пившіе, были въ обыкновенномъ настроеніи духа. Быстро струилась рѣчь и живо переносился разговоръ съ одного предмета на другой. Чиновники окончательно освоились съ экзекуторомъ и не робѣли, и не стѣснялись его, какъ прежде, хотя по прежнему, они обращались съ нимъ съ должнымъ почтеніемъ и стараясь какъ можно болѣе расположить его въ свою пользу. Впрочемъ, Титъ Антоновичъ, въ

слѣдствіе малиновки, пришедшейся ему по вкусу, и такъ составилъ себѣ о нихъ довольно лестное мнѣніе.

Обыкновенно онъ, будучи не много навеселѣ, любилъ вспоминать былое, свою молодость. Какъ ни непривлекательно проживаются иными людьми молодые годы, но воспоминанія о нихъ каждому впослѣдствіи бываютъ дороги. Жизнь, бьющая ключемъ въ молодыхъ жилахъ, при какой-бы то ни было обстановкѣ, жизнь со свѣжими, не израсходованными еще по пусту силами, жизнь съ своими воздушными замками, несбыточными грезами, со свѣтлымъ, довѣрчивымъ взглядомъ на міръ и людей, когда мы, въ слѣдствіе юношеской близорукости, видѣли все прекраснымъ, добрымъ и не знакомы были еще съ житейскими передрягами и разочарованіемъ, воспоминанія о томъ счастливомъ времени дороги до старости. И Титъ Антоновичъ любилъ вспоминать свое прошедшее; но любилъ онъ только тогда, когда вино или наливка размягчали жесткую, искуственную кору, въ слѣдствіе ложнаго воспитанія и ложно-направленной жизни, наросшую на его сердцѣ; только въ ту пору были доступны ему болѣе нѣжныя, мягкія чувства.

Хозяева слушали внимательно его разсказъ. Они любили слушать подобныя вещи потому, что изъ нихъ они сами учились, какъ нужно жить на свѣтѣ.

— Вотъ, мои милые панове, такъ говорилъ экзекуторъ чиновникамъ, навостравшимъ уши: поступилъ я сначала на службу въ регистратуру: клеилъ конверты, печаталъ пакеты и получалъ за это три рубля серебромъ жалованья. Какъ тутъ прикажете жить на три рубля цѣлый мѣсяцъ? А доходовъ, сами знаете, въ регистратурѣ немного. На бѣду, въ это-же время, захотѣлось мнѣ и жениться. Что тутъ дѣлать? Думалъ я думалъ, наконецъ и придумалъ. Однажды встрѣчаюсь я на рынкѣ съ человѣкомъ пана секретаря, — не знаю, за чѣмъ онъ ходилъ, я, такъ и такъ, сейчасъ же познакомился съ нимъ, свелъ его въ роспивочную, угостилъ и за келишкѣмъ, когда мы сошлись съ нимъ, говорю ему: Прошка! дружище! смотри же, не забудь про меня передъ паномъ секретаромъ, и я тебя вѣкъ буду помнить, по гробъ не забуду твоей милости! Добже! говорилъ мнѣ Прошка: ужь я для своего друга обдѣлаю дѣльце!... И онъ, разумѣется, свое дѣло дѣлалъ. Секретарь любилъ бывало поговорить съ нимъ вечеромъ, потому что онъ былъ самымъ любимымъ и довѣреннымъ его слугою; вотъ онъ, при случаѣ, раздѣвая или снимая буты съ пана секретаря, и ввернетъ за меня словечко....

Титъ Антоновичъ громко чихнулъ и потомъ громко и протяжно высморкался особеннымъ образомъ. Всѣ вскочили и съ повле-

номъ пожелали ему здоровья; Іосифъ Сильвестровичъ, при этомъ, пожелалъ ему долгихъ лѣтъ, золота бочку, сына и дочку.

За золота бочку Титъ Антоновичъ очень поблагодарилъ внимательнаго и вѣжливаго папа Юзэфа, но отъ дочки и сына отказался, замѣтя, что у него ихъ и такъ, хвала Богу, достаточное количество.

— Все отъ насморку... погода скверная... прибавилъ онъ.

— Да-а! такъ вотъ какъ мы обдѣлывали дѣла! снова продолжалъ онъ. Что-жь, думаю я, этого мало, что Прошка будетъ мнѣ протежировать: самому нужно постараться обратить на себя вниманіе пана секретаря. Вотъ я давай ходить на службу пораньше другихъ. Секретарь прійдетъ, я первый вскочу съ мѣста, вытянусь въ струнку, или бѣгу отворять ему дальше двери. Проходитъ мимо,—я отвѣшу ему самый низкій поклонъ. Бывало секретарь разъ пять выйдетъ изъ присутствія взглянуть, какъ занимаются чиновники—я всякій разъ вытянусь въ струнку и всякій разъ поклонюсь, когда онъ проходитъ мимо меня... Разъ, секретарь сталъ тамъ что-то писать въ присутствіи и понравилось ему перо. Кто это чинилъ? Спрашиваетъ онъ столоначальника. Титъ Антоновичъ такой то! отвѣчаетъ тотъ. А нужно замѣтить, столоначальникъ меня любилъ: никто бывало такъ хорошо не починитъ ему пера какъ я, и я ежедневно чинилъ ихъ ему. Кажется, это хорошій, благонадежный чиновникъ? Снова спрашиваетъ секретарь, которому Прошка протрубилъ про меня уши. Такъ точно, это одинъ изъ лучшихъ! Такъ, вотъ, и назначьте его архиваріусомъ. У насъ на ту пору архиваріуса прогнали: дѣла у него въ архивѣ стали что-то сильно пропадать. Меня и назначили... а потомъ, чрезъ нѣсколько времени, дали должность экзекутора... Да, вотъ какъ нужно служить, мои милые панове! Нужно всегда угождать начальству: быть смирнымъ, тихимъ, покорнымъ, а разсуждая какъ тотъ семинаристъ: «разсмотрѣвъ всѣ эти обстоятельства,» съ голоду умрешь.

Давно простылъ самоваръ и, вернувшаяся отъ панны Теклп Химка, давно уже спала на столѣ въ задней комнаткѣ чиновниковъ, тихо и нѣжно всхрапывая. Игнатій Адамовичъ спохватился, что пора подавать закуску и вышелъ на цыпочкахъ въ заднюю комнату распорядиться на ея счетъ.

— И я удивляюсь, какъ это можетъ осмѣлиться нашъ братъ канцеляристъ разсуждать о своемъ умѣ со столоначальникомъ, или съ засѣдателемъ! говорилъ Іосифъ Сильвестровичъ: ужъ вѣрно они умнѣе тебя.

— Ну, ступай-же, пане Юзэфѣ и разсуждай съ ними, съ уче-

ными, отвѣчалъ съ досадою Титъ Антоновичъ, подносся ко рту рюмку, налитую Станиславомъ Осиповичемъ.

— Какъ посмотрю я на этихъ ученыхъ, да послушаю ихъ, то мнѣ кажется, что у нихъ ужъ за розумъ заходитъ; отъ того то они постоянно и ведутъ себя такъ и живутъ не по божески, а, панъ Бугъ знаетъ по каковски; произнесъ Станиславъ Осиповичъ.

Въ это время снова появилась Химка, съ знакомымъ намъ подносомъ въ рукахъ. На подносѣ было: особенно любимое экзекуторомъ свиное сало, мелко изрѣзанное, остатки поросенка отъ сегодняшняго обѣда и отъ вчерашняго обѣда знаменитые сырники, хорошо извѣстные всему чиновному міру города, которые одна только Елена Александровна Капусцянская мастерски пекла въ цѣломъ городѣ. За Химкою выступалъ Игнатій Адамовичъ, неся три вилки и два ножа. Поставивъ подносъ, Химка отправилась спать въ кухню; ей приходилось чуть свѣтъ встать и нарубить крапивы для свинки.

— Нѣхай-же, совѣтникъ, будетъ ласкавъ закуситъ, безъ церемоніи, проговорилъ Игнатій Адамовичъ..

Панъ Вильгельмъ глянулъ пытливо на поднесъ и, замѣтя сырники, хотѣлъ прежде всѣхъ запустить въ нихъ свою лапу; но панъ Игнацы, въ отмщеніе, предупредилъ его желаніе и отодвинулъ подносъ на противуположный конецъ стола, ближе къ экзекутору. Титъ Антоновичъ, набожно перекрестился, покосился на подносъ, и пріятно изумился, встрѣтясь неожиданно съ любимымъ имъ саломъ. Долго не медля, онъ принялся истреблять его безъ церемоніи, какъ просилъ о томъ Игнатій Адамовичъ.

— Вотъ, по моему мнѣнію, промолвилъ Станиславъ Осиповичъ, цѣлясь за неимѣніемъ вилки, двумя растопыренными пальцами въ кусочекъ сала, ученые гораздо умнѣе сдѣлали бы, если бы, вмѣсто того, чтобъ проповѣдывать разную белиберду, занялись отысканіемъ легкаго способа очищать вудку; потому что, какую хорошую вудку ни возьмите, все таки она, хоть немного, а пахнетъ кислятиною; даже чрезъ уголь перегнанная отдаетъ кислятиною... Такая вещь была бы гораздо полезнѣе... и соблазнившись кусочкомъ, который держалъ въ пальцахъ, онъ, не окончивъ фразы, сунулъ его въ ротъ.

Пану экзекутору некогда было отвѣчать, онъ сильно занялся саломъ.

— Пробуйте сырники, пане совѣтникъ, услужливо замѣтилъ Игнатій Адамовичъ, умильно моргнувъ на нихъ глазами: ахъ! какъ чудно дѣлаетъ ихъ наша хозяйка, просто прелесть. Я всегда имъ удивляюсь. А кажется, что въ нихъ можетъ быть особеннаго:

мука, масло, творогъ, яйца и больше ничего, какъ и во всѣхъ сырникахъ.

— Ой, панове! здорово-ли это будетъ на ночь? Вымолвилъ экзекуторъ, приближаясь къ нимъ.

Станиславъ Осиповичъ поспѣшилъ увѣрить его, что они будутъ здоровы, стоитъ только сначала выпить келишекъ вудки.

Экзекуторъ послѣдовалъ его совѣту.

— А мнѣ такъ кажется, что въ нихъ рѣшительно нѣтъ ничего особеннаго, проговорилъ въ носъ, по аристократически, Вильгельмъ Осиповичъ, съ поспѣшностію засовывая въ ротъ пятый сырникъ: вотъ, вчера подавали на закуску сырники у пани маршалковой 1), такъ тѣ, кажется, лучше этихъ; да и то не очень мнѣ понравились... Я вообще до сырниковъ не большой охотникъ.

(Онъ утверждалъ, что всѣ аристократы говорятъ въ носъ, по примѣру французовъ).

Игнатій Адамовичъ сардонически ухмыльнулся: ну, братъ, высоки ея пороги, на твои ноги, подумалъ онъ. Кому было лучше знать какъ не ему, что панъ Вильгельмъ, обыватэль, не знакомъ ни съ какою панею маршалковою и кромѣ панны Теклы, да еще кое кого изъ такихъ-же, у него нѣтъ знакомыхъ.

— Нѣтъ, сырники великолѣпнѣйшіе, однимъ словомъ объяденье, рѣшилъ панъ экзекуторъ, немного успокоивъ расходившійся жалондэкъ; цѣлому городу извѣстно, что только у одной пани Гэлены и можно полакомиться ими.

— Нечего говорить, а наша пани Гэлена—мастеръ по части сырниковъ; и это ей лучшая награда, что вы, насъ коханый панъ совѣтникъ, похвалили ихъ; польстилъ Іосифъ Сильвестровичъ.

— Жаль, что такія нездоровыя времена настали, произнесъ экзекуторъ, довольный комплиментомъ; а то можно было-бы закусывать редечкой со сметаной, я ужасно люблю лѣтомъ и свѣжо-просоленые огурчики съ чесночкомъ. Маська ужь хорошо знаетъ мой характеръ: лѣтомъ она постоянно при вудэчкѣ подаетъ или редечку, или огурчики. Нынче холеры опасаюсь, это-жь сколько она въ прошломъ году перекосила!... А безъ нихъ мнѣ скучно прожить лѣто; при томъ же карману не выгодно. Прійдетъ кто,—за закуской посылай въ лавку..

— Э, пане совѣтникъ! нечего ея бояться въ этомъ году: нигдѣ, ничего не слышно, перебилъ Станиславъ Осиповичъ.

— Положимъ, нигдѣ, ничего не слышно; но въ воздухѣ все что-то такое есть.

— Ну, если вы ее боитесь, то пейте акуратно, каждый день,

1) У предводительши.

полыновку, — и тогда смѣло можете ѣсть зелень, отвѣчалъ панъ Станиславъ; въ прошломъ году ужь какая была холера, а я рѣшительно все ѣлъ, только полынную все пилъ. И, какъ видите, ничего, живъ и здоровъ, хвала Богу.

— Нѣтъ, все таки страшно!... А скучно прожить безъ нихъ лѣто, да и карману трудновато, опять повторилъ экзекуторъ: нынче не тѣ времена! прежде доходишьки хоть кой какіе, да бывали. А теперь? всѣ люди какими-то иными стали: никто и знать тебя не хочетъ... Положимъ, ты не давай взятку, да и мы-же не мошенники какіе, но по благодари за то, что скорѣе сдѣлали! Такъ-ли? не правда-ли?

Всѣ согласились съ его мнѣніемъ.

— Въ противномъ случаѣ, жди, коханенькій. Такъ и этого теперь не хотятъ понять: видишь, лѣзь имъ изъ шкуры и дѣлай скорѣе даромъ! Вотъ отъ чего теперь нашему брату и худо жить... Вотъ, и я, кажется, занимаю должность довольно доходную. Прежде экзекутора деньгами засыпали; а теперь, вы не повѣрите, со всѣмъ не-то... При этихъ словахъ экзекуторъ ткнулъ съ озлобленіемъ вилкою въ сало и съ горькимъ, безропотнымъ отчаяніемъ въ лицѣ, сталъ жевать его.

Разумѣется, слушатели не вѣрили этому вздору: они хорошо знали, что коханый панъ совѣтникъ не пропуститъ случая.

— А хлопотъ полонъ ротъ имѣю, продолжалъ онъ: вотъ и живи какъ хочешь!

— А-ахъ! пане совѣтникъ, жалостно вздохнулъ Іосифъ Сильвестровичъ: трудно жить нынче... вотъ, посмотрите, какъ мы живемъ? Не дай Бугъ такой жизни злѣйшему моему врагу: ни сюртучка, ни бѣлья, ни обуви—ничего нѣтъ у насъ! Вездѣ и во всемъ всегдашній недостатокъ. А кажется, мы-ли не трудимся, не мы-ли всѣ силы напрягаемъ къ занятію, все стараніе свое прилагаемъ къ нему, и что же? лучшаго ничего нѣтъ: все сидимъ, да сидимъ. Другіе, хуже насъ занимающіеся, только бѣгающіе по сорока разъ въ *колидоръ* курить, поднимаются на помощниковъ; а мы все сидимъ писцами.

Іосифъ Сильвестровичъ никакъ не могъ переварить того, что нѣкій писецъ Щукальскій, писавшій вмѣсто «мѣсто»—«место,» и вмѣсто «дѣло»—«дело,» былъ повышенъ недавно въ помощники столоначальника. Это объ немъ теперь онъ такъ язвительно и отзывался.

— Дали Бугъ, продолжалъ онъ, пане совѣтникъ, помогите намъ! воскликнулъ панъ Юзефъ, закативъ глаза подъ лобъ.

Набожный экзекуторъ былъ тронутъ спичемъ, который произнесъ ловкій въ подобныхъ дѣлахъ Іосифъ Сильвестровичъ. Онъ

начал успокоивать его. Прочие сидели понурившись,—въ словахъ пана Юзефа было много чувства.

— Успокойтесь, пане Юзэфѣ, говоритъ экзекуторъ,—Бугъ милостивъ, можетъ все это поправиться....

— Едва-ли, пане совѣтнику, съ горькою улыбкою отвѣчалъ онъ; что-то трудно этому вѣрить.... Вотъ, если-бы кто напомнилъ про насъ пану секретарю, а если можно, то и самому презыдэнту, указалъ ему на наши труды, прилежаніе, тогда можетъ быть и было-бы что лучше. А такъ—едвали! Онъ хотя мудръ и справедливъ, но не всевѣдущій, не можетъ усмотрѣть за всѣми.

Экзекуторъ силился сквозь хмѣль, который теперь началъ понемногу дѣйствовать на него, слушать внимательно.

— Вотъ, если-бы хоть вы, нашъ коханый пане совѣтникъ, опять началъ онъ послѣ небольшой паузы,—были милостивы къ намъ, взялись напомнить про насъ бѣдныхъ сиротъ пану презыдэнту, вѣкъ бы заставили за себя пана Бога молить... да и Бугъ бы отплатилъ вамъ за это доброе дѣло.... а мы ужъ всѣмъ, чѣмъ только могли-бы, отблагодарили васъ.... и онъ умоляюще поднялъ на него опущенные до сихъ поръ глаза.

— Ужъ, кажется, за насъ и не грѣшно-то замолвить. Мы-ли не занимаемся, не работаемъ какъ волы? Да вотъ вамъ доказательство, — посмотрите на наши локти, — слѣдовъ не найдете сукна. При этомъ онъ выставилъ свой локоть.

Іосифъ Сильвестровичъ считалъ необходимостью все сворачивать разговоръ на ихъ усердіе къ труду; хотя Титъ Антоновичъ и не требовалъ этого. Въ подобномъ дѣлѣ, безъ подобныхъ аргументовъ трудно обойтись.

— Мы вамъ, пане совѣтникъ, робко произнесъ Игнатій Адамовичъ,—хочемъ подарить на памёнтку (1) отличную цесарску курочку, съ поздными цыплятками,—она великолѣпно несетя,—вы не прогнѣваетесь?...

Передъ приходомъ экзекутора, они сговорились, что Игнатій Адамовичъ, если только дѣло съ совѣтникомъ пойдетъ на ладъ, сходитъ пѣшкомъ, свободнымъ временемъ, въ хуторъ къ своимъ родителямъ—шляхтичамъ, жившимъ въ семи верстахъ отъ города, и возьметъ тамъ курицу, для принесенія ея въ жертву Титу Антоновичу, ради общей ихъ пользы.

— Дзенкуе (2) вамъ, панове, за курочку, перебилъ экзекуторъ.—И если только это не затруднитъ васъ, то я съ благодарностію принимаю ее на памейтку,—кстати, у меня черви завелись на капусѣ, такъ, вотъ, она съ цыплятками и оберетъ

1) На память. 2) Благодарю.

ихъ, но, панове; я и безъ того готовъ все для васъ сдѣлать и всѣмъ помочь, чѣмъ могу. Только не знаю, будетъ-ли съ этого какой толкъ; пожалуй, при удобномъ случаѣ, я съ удовольствіемъ отрекомендую васъ; но.... вы ошибаетесь, если думаете, что мои слова имѣютъ такой большой вѣсъ....

— Ну, разсказывай басни! подумали всѣ и лица ихъ просвѣтлѣли отъ обѣщанія.

— Вы только хоть словечко замолвьте; а тамъ, что панъ Бугъ дастъ,—твердилъ свое панъ Юзэфъ.

— Извольте, извольте, мои коханые панове. Такимъ молодымъ людямъ, которые покорны, смиренны, услужливы, внимательны,— я всегда готовъ помочь. Такимъ и давай панъ Бугъ счастіе на землѣ, за ихъ смиреніе и почтеніе къ старшимъ. Это не ученые вертихвосты, которые готовы до слёзъ спорить, а чего добраго, и въ драку лѣзть, доказывая, что: «разсмотрѣвъ всѣ эти обстоятельства»—лучше... Хвала Богу, что пока еще не такъ много ихъ развелось; а то они шиворотъ на выворотъ перевернули бы весь свѣтъ. За ними пришлось бы намъ съ голоду издохнуть. Нѣхай насъ панъ Бугъ брони отъ этого!....

Хозяева единогласно согласились съ мнѣніемъ экзекутора.

— Нѣхай насъ панъ Бугъ брони отъ голода, войны, огня и отъ такихъ неуживчивыхъ ученыхъ,—подтянулъ ему Іосифъ Сильвестровичъ.

— Ну—съ, мои коханые панове, возвысилъ свой голосъ Станиславъ Осиповичъ: выпьемъ-же мы теперь, на виватъ (1), за здоровье нашего дорогаго пана совѣтника: нѣхай-же панъ Бугъ продлитъ его жизнь, драгоцѣнную для такихъ какъ мы бѣдняковъ и сиротъ! но... только до капли,—произнесъ онъ, обращаясь къ своимъ непьющимъ товарищамъ.

Не полно налитые стаканы и двѣ рюмки замѣнили бокалы; собесѣдники чокнулись и загремѣлъ «виватъ» изъ четырехъ молодыхъ грудей, откликнувшійся въ кухнѣ и комнатѣ хозяйки.

— Езусъ-Марія! вскрикнула хозяйка, высоко подпрыгнувъ на перинахъ.

Химка тревожно вздрогнула на печи и заболтала съ испуга, свѣсившимися съ печи лаптями (она постоянно спала обутая и на печи).

Титъ Антоновичъ окончательно расплылся отъ удовольствія. Такихъ дѣльныхъ и славныхъ ребятъ хоть съ огнемъ поискать по свѣту, думалъ онъ. «Нужно будетъ завтра поговорить объ нихъ съ паномъ секретаромъ.»

---

1) На ура.

Наливка начала на него довольно сильно дѣйствовать. Ему сдѣлалось легко, весело и все вокругъ казалось ему лучезарнымъ. Фигуры и предметы какъ будто подернулись какого-то легкою, дымчатою иглою, которая нѣжно ласкала его глаза. Голова у него стала кружиться.

На столѣ былъ порядочный безпорядокъ. Грязные стаканы стояли тутъ и тамъ. По срединѣ стола картинно помѣщались пустые полуштофы, съ тріумфомъ смотрѣвшіе на все, подчинившееся изъ вліянію; тутъ-же стоялъ подносъ, на которомъ, валялись объѣдки, доказывавшіе недавнее существованіе лакомыхъ сырниковъ и сала. Въ маленькомъ, мѣдномъ подсвѣчникѣ, довольно грязномъ, догоряла тоценькая, сальная свѣча, коптя невыносимо (лѣтомъ имъ не давалось свѣчей и только по случаю прихода Тита Антоновича хозяйка сдѣлала исключеніе изъ этого правила). Въ комнатѣ было дымно и довольно смрадно; на полу валялось безчисленное множество папиросныхъ окурковъ.

Однако, давно пора домой, панове, произнесъ экзекуторъ, съ трудомъ приподымаясь съ сидѣнья, видя, что сидѣть больше нечего: на подносѣ и въ полуштофяхъ было пусто. Чего добраго, я чрезъ васъ, мои милѣйшіе панове, еще завтра не успѣю до косцѣла забѣжать, или опоздаю ни службу. И онъ чуть было не сунулся носомъ, запнувшись за табуретку; ну, тогда я вамъ задамъ, кончилъ онъ, прійдя въ равновѣсіе и шутливо кивая пальцемъ.

— Вѣдь все чрезъ васъ я засидѣлся.

Всѣ тоже встали.

Игнатій Адамовичъ изъ вѣжливости замѣтилъ, что еще, не Богъ знаетъ, какъ поздно; но экзекуторъ сталъ собираться домой.

— Ахъ! Боже мой! воскликнулъ Вильгельмъ Осиповичъ, взглянувъ въ окошко,—опять дождь пошелъ. Что-жь это будетъ? У насъ зонтика нѣтъ....

— Не размокнемъ.... не раскиснемъ .... послышалось въ отвѣтъ отъ экзекутора.

Снова повторилась таже церемонія, какъ и при его приходѣ. Игнатій Адамовичъ осмотрѣлъ калоши, помогъ ихъ надѣть совѣтнику; прочіе облекали его въ шинель и надѣвали на него шапку. Вильгельмъ Осиповичъ великодушно предложилъ къ его услугамъ свой франтовской шарфъ, вязаный изъ бѣлой (моднаго цвѣта) шерсти, отъ долгаго употребленія сильно пожелтѣвшій. Шарфъ этотъ былъ не разъ предметомъ долгихъ раздоровъ между Вильгельмомъ Осиповичемъ и Игнатіемъ Адамовичемъ, когда тотъ, въ пылу гнѣва, неосторожно называлъ его подаркомъ Теклы. Совѣтникъ попробовалъ было отказаться отъ него, но хозяева не

дали ему договорить своихъ резоновъ и со смѣлою до удивленія рѣшительностію обмотали имъ его шею,

— Вотъ такъ будетъ лучше, не простудите горло; да берегите свою поясницу,—совѣтовалъ Вильгельмъ Осиповичъ.

Экзекуторъ не смотря на хмѣль, спохватился; что про поясницу онъ совсѣмъ забылъ и давно не охалъ.

— О—хъ, панове, глубоко вздохнулъ,—и не говорите!

Странно было видѣть его неуклюжую, здоровенную фигуру, охающею отъ нездоровья.

— Надвиньте шапку на уши, въ тоже время говорилъ Станиславъ Осиповичъ: не равно вѣтромъ надуетъ, стрелять почнетъ...

— А вы, пане совѣтникъ, поднимите пелерину на голову; этакъ лучше будетъ, въ свою очередъ спѣшилъ посовѣтовать Игнатій Адамовичъ. Но экзекуторъ рѣшительно отказался отъ этого предложенія, выставивъ на видъ заботливымъ хозяевамъ, что, завернувшись, онъ не услышитъ, какъ не равно кто наѣдетъ и, Боже храни, раздавитъ.

Іосифъ Сильвестровичъ, вызвавшійся провести пана совѣтника, спохватился, что экзекуторскіе штаны могутъ запачкаться грязью. Всѣ призадумались надъ этимъ замѣчаніемъ, ускользнувшимъ отъ ихъ внимательности.

— Закатать нужно,—убѣдительнымъ тономъ посовѣтовалъ Игнатій Адамовичъ.

— Нѣтъ! рѣшительно произнесъ Іосифъ Сильвестровичъ: лучше въ голенищи спрятать; покойнѣе будетъ. Закатаные не равно могутъ отвернуться и перепачкаться. Наконецъ экзекутору сунули палку въ руки и все было готово къ отходу; панъ Юзэфъ накинулъ какую-то, неизвѣстнаго покроя, хламиду на плечи, не то бурку съ капюшономъ, не то тогу древнихъ римлянъ, и взялъ въ руки шапку съ кокардою и ломанымъ козыркомъ.

Титъ Антоновичъ сталъ прощаться.

— Такъ мы остаемся въ надеждѣ, пане совѣтникъ.... началъ было Игнатій Адамовичъ, чуть не цалуя поданную ему руку.

— До дьябла! крикнулъ экзекуторъ, съ досадою выдернувъ руку и немного покачнувшись: я уже говорилъ разъ, что за васъ и всегда.... готовъ хлопотать и буду говорить.... чего-же вы еще? Или, можетъ быть, вы думаете, что я забуду, не буду помнить?.. ошибаетесь! И онъ повернулся съ досадою къ выходу.

Игнатій Адамовичъ бросился свѣтить, а трое кинулись отворять дверь.

— Нѣхъ бэндзѣ похвален... сказалъ экзекуторъ, запнувшись ногою за порогъ и стукнувшись лбомъ о притолоку низенькихъ дверей.

Наконецъ они выбрались на улицу. Хозяева пожелали покойной ночи и счастливаго пути; панъ Вильгельмъ посовѣтовалъ пану Юзэфу взять палку,—не равно разбойники обидятъ...

— Смѣютъ они обидѣть!... не видятъ они, что-ли, что чиновники идутъ,—проворчалъ храбрый теперь панъ Станиславъ.

Игнатій Адамовичъ глянулъ на право вдоль улицы, глянулъ на лѣво,—ничего не увидѣлъ; зѣвнулъ во всю ширину рта—и калитка захлопнулась.

— Давно потухли огоньки въ домахъ; ночь успокоила всѣхъ и все—впрочемъ.... виноватъ, обмолвился. Бѣднякамъ и горемыкамъ ночь не приноситъ успокоенія, не подкрѣпляетъ ихъ силъ, измученныхъ безсильною борьбою съ нуждою. Горькая дѣйствительность, тревожащая ихъ на яву, назойливо является и тутъ, непрошеною, и отравляетъ ихъ грезы и безпокоитъ ихъ воображеніе. И такъ.... въ городѣ всѣ спали, или, лучше сказать, почти всѣ; не спали будочники, потому что по временамъ, Богъ вѣсть откуда, точно съ просонья, раздается ихъ хриплый окликъ. Остальное, все живучее, убаюканное монотоннымъ звукомъ падающаго дождя, спитъ мертвымъ сномъ. Но въ этой мертвенности чувствуется много жизни, въ этомъ ропотѣ листка слышится могучая жизнь, въ каждомъ ночномъ звукѣ сказывается вся сила жизни. Куда ни повернешься, куда ни оглянешься,—вездѣ и вокругъ таинственная, полная невѣдомой прелести жизнь.. Въ воздухѣ свѣжо, слышится ароматическій запахъ душистой зелени, находящейся въ полной жизни; изрѣдка, откуда-то, подымется легкій вѣтерокъ и, прошелестѣвъ въ садахъ и огородахъ листьями яблонъ, грушъ и березъ, замираетъ гдѣ-то въ дали. Темно; подъ ногами ощупывается непроходимая грязь, къ которой впрочемъ здѣсь всѣ привыкли; вдали, въ вышинѣ, мерцаетъ одноглазный фонарь, единственной въ городѣ каланчи.

— Пане совѣтникъ! держитесь ближе ко мнѣ,—тамъ въ яму попадете, кричитъ панъ Юзэфъ, осторожно пробираясь подлѣ полуразвалившагося забора.

Вскорѣ къ нему присоединилась пошатывающаяся фигура совѣтника; Іосифъ Сильвестровичъ взялъ его подъ руку.

— Пане совѣтникъ, затянулъ патетическимъ тономъ панъ Юзэфъ,—такъ я надѣюсь, что вы про меня не забудете.... вѣдь я какъ занимаюсь! въ цѣломъ столѣ почти я одинъ работаю: вы знаете; мой столоначальникъ ничего не дѣлаетъ.... я и бумаги заслушиваю, и доклады пишу и исполненія пишу; все я пишу, я все дѣлаю... Будь моимъ ходатаемъ предъ паномъ секретаремъ, или и предъ самымъ президентемъ, будь моимъ покровителемъ, благодѣтелемъ!... я вѣкъ буду обязанъ вамъ, пане совѣтникъ;

вѣкъ буду благодаренъ... якъ Бога кохамъ, по гробъ не забуду... въ голосѣ его звучала робкая мольба; при этомъ лице его жалостно сморщилось; къ счастію, ночью никто не видѣлъ этого.

Панъ совѣтникъ что то неявственно заборматалъ ему въ отвѣтъ.

ЧИНОВНИКИ ЛОЖИЛИСЬ СПАТЬ.

— Панове! тамъ немножечко осталось вудэчки въ шкаликѣ; заткните, пожалуйста, васъ прошу.... а то она выдохнется до завтраго и потеряетъ весь смакъ (1), крикнулъ Станиславъ Осиповичь изъ задней комнатки, гдѣ онъ уже завалился спать; хмѣль и на него сталъ не много дѣйствовать, хотя онъ пилъ меньше экзекутора, потому что стѣснялся его присутствіемъ.

— До дьябла! съ трагическимъ чувствомъ воскликнулъ онъ, ворочаясь со злостью въ кровати: сколько клоповъ водится въ этой квартирѣ!... и откуда они берутся?!

— Что клопы? клопы вздоръ, отвѣтилъ Вильгельмъ Осиповичъ, сидя на кровати и пристально разсматривая только что скинутый сапогъ: а вотъ бѣда, такъ бѣда! онъ энергически постучалъ пальцемъ въ подошву: подмётки нужны, носокъ собирается треснуть,—а денегъ нѣтъ. Хоть бы панъ Бугъ далъ поскорѣе добиться до столоначальника: на мшу свентую далъ бы!

— Ты-же имѣешь четыреста рублей? Какъ бы мимоходомъ иронически замѣтилъ Игнатій Адамовичъ. Ему сильно хотѣлось выместить досаду за сегодняшній вечеръ, на виновникѣ ея, Вильгельмѣ Осиповичѣ.

— Какъ-же это я завтра пойду въ гости? Продолжалъ размышлять въ слухъ панъ Вильгельмъ, начиная понемногу сердиться.

— Ужь не до панны ли Теклн?... вѣдь она пріѣхала и сегодня вечеркомъ забѣгала къ Капусцянской.... снова плутовски замѣтилъ Игнатій Адамовичъ.

Вильгельма Осиповича взорвало.

— Ну, а хоть бы и панны Теклн? кому какое до этого дѣло?

— Да такъ; я бы на твоемъ мѣстѣ и носа не показалъ къ ней, потому что она сама, какъ видно, знать тебя не хочетъ.

— Отъ чего-же это такъ? Заносчиво спросилъ Вильгельмъ Осиповичъ.

— А отъ того, что... вотъ, видишь, она была у хозяйки....

---

1) Вкусъ.

значитъ пріѣхала.... а ты про это и не знаешь. Игнатій Адамовичъ какъ-то смутно понималъ, что если бы она дѣйствительно чувствовала что-нибудь къ пану Вильгельму, то въ этомъ случаѣ она бы поступила иначе. Впрочемъ, онъ навѣрно не зналъ, въ какихъ именно отношеніяхъ находится Вильгельмъ Осиповичъ къ Теклѣ, — онъ говорилъ такъ только по слухамъ, которые доходили до него.

Вильгельмъ Осиповичъ въ душѣ и самъ сознался, что Текля съ нѣкоторыхъ поръ дѣйствительно перестала благоволить къ нему. Передъ отъѣздомъ въ Полоцкъ, она даже не угостила его кавою, когда онъ пришелъ проститься съ нею; хотя сама при немъ-же, допила свою чашку. Прежде она всякій разъ угощаетъ его закускою, когда только онъ приходилъ къ ней, зная хорошо, что у Капусцянской не въ модѣ ужины,—а тутъ, на прощанье, не соблаговолила и кавою поподчивать. Дѣло что-то было не ладно. Однако онъ и виду не подалъ, что это безпокоитъ его; онъ старательно скрывалъ предъ всѣми свое знакомство съ нею: обывателю, и при томъ такому красавцу какъ онъ, очень низко ухаживать за какою нибудь Теклой, онъ имѣлъ лучшихъ знакомыхъ.

— Много чести, чтобы я занимался паскудствомъ (1),—равнодушно, даже съ маленькимъ оттѣнкомъ презрѣнія въ голосѣ, произнесъ онъ, послѣ небольшаго молчанія:—тьфу! мало—ли есть этого добра и почище ея!

— Ну, брацишку, толкуй! Не знаю, я, что-ли, откуда у тебя шарфъ? Ужь не думаешь-ли ты, что я вѣрю, будто-бы онъ пріобрѣтенъ тобою на деньги, которые прислалъ арендаторъ за твой маёнтокъ, котораго и на свѣтѣ нѣтъ? допекалъ Игнатій Адамовичъ.

Выстрѣлъ какъ разъ попалъ въ цѣль. Самолюбіе пана Вильгельма было сильно задѣто этими словами: стыдъ, досада, гнѣвъ взволновали его.

— Вотъ, видишь-ли, только стань съ тобою почеловѣчески говорить, ты и начинаешь огрызаться, только и могъ проговорить онъ.

На этотъ разъ съ Игнатія Адамовича было довольно; онъ вполнѣ удовлетворился за сегодняшнее.

— Ты-же самъ виноватъ: зачѣмъ—же ты постоянно задѣваешь другихъ?

Но отвѣта не послѣдовало; Вильгельмъ Осиповичъ только поставилъ молча на землю сапогъ, легъ, натянулъ на себя одѣяло и задумался.

1) такою гадостью.

— Нѣтъ-ли у васъ хоть трошечки (1) помады? Вдругъ спросилъ онъ, повернувъ голову въ ту сторону, гдѣ была кровать Игнатія Адамовича.

— Какая помада? и откуда? ты-же самъ истребилъ ее. Ты постоянно такъ дѣлаешь: этой помады хватило-бы намъ всѣмъ на мѣсяца два, а ты въ два пріема вымазалъ ее.... Вотъ, сегодня и съ табакомъ: чтобы-то сдѣлать маленькую папиросочку, покурить немножко, да и затушить, на другой разъ оставить. Такъ нѣтъ, гонитъ и гонитъ одну за другою: фонъ баронство свое показываетъ! А теперь, завтра и на нюхъ нѣтъ табачку. Ты окончательно— *безъ совѣсти*.

Но Вильгельмъ Осиповичъ не слушалъ; онъ думалъ что завтра нужно сходить къ Теклѣ, постараться поправить съ нею дѣла и попробовать одолжить хоть немножечко денегъ.

— Что-жъ свѣчу-то не тушишь? спросилъ Игнатій Адамовичъ.

— Самъ туши, рѣзко произнесъ панъ Вильгельмъ за его укоризны.

— Ну, хорошо-же, постой, погрозилъ Игнатій Адамовичъ, вставая и гася свѣчу.

Не много спустя, возвратился измокшій Іосифъ Сильвестровичъ; онъ на цыпочкахъ вошелъ въ комнату, раздѣлся въ потьмахъ и легъ. Вскорѣ послышалось дружное храпѣніе съ акомпаниментомъ носоваго присвистыванья; Вильгельму Осиповичу снились лакированные сапоги на прочной англійской подошвѣ... Все успокоилось въ старомъ домикѣ; дождь по прежнему мѣрно и ровно барабанилъ по его заплѣснѣвѣлой крышѣ; восточная сторона его окрасилась слабымъ фантастическимъ полусвѣтомъ и тоненькими, неясными чертами обозначились потемнѣлыя бревна стѣны; изъ темноты выдѣлилась бѣлёная труба. Вдали гдѣ-то жалобно залаяла проснувшаяся собака; хоромъ загорлопанили пѣтухи; деревья встрепенулись, чуя приближеніе утра и заговорили листьями.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

---

1) Немножечко.

ЯГАЙЛО.

Историческій романъ

Въ 4-хъ частяхъ.

продолженіе (*)

ЧАСТЬ 1-я

ГЛАВА 4-ая.

Битва подъ замкомъ Рудавою.

Замокъ этотъ принадлежалъ тевтонскимъ рыцарямъ и лежалъ на плоской возвышенности, граничившей съ нижней Литвой. Стѣны замка были построены изъ кирпича и дикаго камня; онѣ имѣли видъ шестиугольника, на каждомъ углу возвышалась круглая высокая башня съ бойницами, изъ которыхъ грозно выглядывали мортиры. На желѣзномъ куполѣ внутренняго зданія, въ которомъ помѣщались рыцари и ихъ латники и которое называлось конвентомъ, развивался на древкѣ бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ. По зубчатымъ стѣнамъ замка суетились пушкари и раскладывали въ бойницы мортиры, а близъ нихъ каменныя и металлическія ядра. Пушкарями командовалъ Тиллеманъ Шнупахъ,—тотъ самый, который убилъ мѣткимъ выстрѣломъ изъ огнестрѣльнаго орудія в. к. Гедимина въ 1339 году, при осадѣ замка Байербурга.... Теперь Шнупахъ уже былъ почти дряхлый старикъ, покрытый сѣдинами, и только глаза его сохранили огонь юноши.

Внутри замка, въ нѣсколькихъ большихъ котлахъ, повѣшанныхъ надъ пылающими грудками,—кипятилась смола. При этомъ находилось нѣсколько простыхъ латниковъ, поддерживавшихъ пламя огня подъ шипящими котлами.

Со всѣхъ сторонъ замка по лѣстницамъ, ведущимъ съ низу на верхъ—на стѣны, латники разносили пуки стрѣлъ. Желѣзныя ворота были заперты и внутри замка десять латниковъ засыпали ихъ пескомъ и каменьями. Въ южной части замка множество латниковъ чистили водный резервуаръ и исправляли поврежденныя мѣста въ насосахъ,—которыми подымалась вода

---

*) См. 10 11 и 12 кн. Вѣст. Зап. Россіи за 1867 г.

въ замокъ изъ небольшого озера, омывающаго южную сторону замка и наполняющаго водою глубокій ровъ, которымъ былъ обнесенъ замокъ. Весь посадъ, въ которомъ находилось нѣсколько десятковъ деревянныхъ домовъ, отстоявшихъ отъ замка не далѣе какъ на пушечный выстрѣлъ, пылалъ яркимъ пламенемъ со всѣхъ сторонъ. Жители же его перебрались въ замокъ, гдѣ все суетилось, бѣгало и ждало незванныхъ гостей,— какъ увидимъ ниже... На двухъ башняхъ, находившихся противъ литовской стороны, толпились рыцари и съ большимъ вниманіемъ смотрѣли на густую пыль, несшуюся съ горизонта по вѣтру къ замку.

— Ничего, — пускай только подойдутъ эти литовскіе медведи къ стѣнамъ замка,—угощу я ихъ всѣхъ такъ же славно, какъ угостилъ ихъ дѣда Гедимина. Отъ моихъ выстрѣловъ бѣгутъ назадъ сами дьяволы, не только какіе нибудь литовскіе поганцы,—пріободрившись, кричалъ пушкарь Шнупахъ, съ азартомъ грозя кулакомъ въ ту сторону, откуда поднималась пыль.

— Молчи, Шнупахъ! замѣтилъ ему командоръ замка, Куно Фонъ—Либштейнъ, находившійся на стѣнѣ, въ тѣни башни, и смотрѣвшій сквозь закопченое стекло, на полуденное солнце. Молись лучше Христу Спасителю и проси Его отвести эту тучу, которая приближается къ намъ, изъ за лѣса .... Вѣдь эта туча, которую не отгонять ни моткіе выстрѣлы твои, ни вся наша сила, можетъ погубить насъ, — продолжалъ командоръ, показывая рукою на громадное облако пыли, охватившее весь видимый горизонтъ съ литовской стороны.

— Тутъ Ольгердъ, Кейстутъ, и сыновья князей Ягайло и Витовтъ, тутъ шестьдесятъ тысячь войска, а каждый изъ этихъ дикихъ поганцевъ дерется какъ левъ. Насъ же всего на все только три тысячи человѣкъ... со вздохомъ заключилъ командоръ.

— Для двадцати приступовъ довольно будетъ насъ, а тамъ отъ великаго магистра помощь изъ Маріенбурга подоспѣетъ и мы сомнемъ тогда поганцевъ въ кучу, какъ стадо глупыхъ барановъ и погонимъ ихъ опять туда откуда пришли,—продолжалъ Шнупахъ.

— Какая помощь можетъ быть отъ великаго магистра, когда онъ самъ на голову разбитъ этимъ войскомъ, на пепелищѣ Ор-

ельсбурга, и со стыдомъ бѣжалъ въ Маріенбургъ... Онъ самъ-
о во всемъ и виноватъ; честолюбіе омрачило его умъ; совѣ-
овъ людей знающихъ хорошо ратное дѣло не слушаетъ и все-
да проигрываетъ сраженіе... Хоть бы и теперь, съ такимъ от-
орнымъ и многочисленнымъ войскомъ, какое было у него, онъ
опустилъ Кейстута превратить въ пепелъ такой крѣпкій за-
юкъ какъ Ортельсбургъ!! съ досадой говорилъ командоръ.

— Но за то великій нашъ магистръ Винрихъ Фонъ-Книпроде,
юслѣ разоренія Кейстутомъ замка, со всѣхъ сторонъ окружилъ
го и довелъ.....

— Довелъ до того, что къ Кейстуту подоспѣла на помощь,
уть ли не вся Литва, которая разбила нашего великаго маги-
тра и заставила его бѣжать съ позоромъ въ твердыни Ма-
іенбургскія,— перебилъ командоръ Шнупаха. Слѣдовало бы
азбить Кейстута до прихода къ нему помощи и, во всякомъ
лучаѣ, не допускать до соединенія ратныхъ силъ Кейстута съ
Эльгердовыми. Великую ошибку сдѣлалъ нашъ великій магистръ;
впрочемъ онъ кажется и рожденъ только для того на свѣтъ,
чтобы дѣлать ошибки. Все бы это ничего, если бы за эти ошиб-
ки онъ самъ расплачивался, а то мы должны отвѣчать за нихъ и
исправлять ихъ. Ахъ Тиллеманъ! Подумай что съ нами бу-
детъ, что ожидаетъ насъ!? Ужъ если Кейстутъ одинъ, безъ
главной силы, которая теперь соединилась съ нимъ, сжегъ Ор-
тельсбургъ, такъ что же предстоитъ вынести нашему замку!!?
грустно сказалъ командоръ, вопросительно, обращаясь къ пуш-
карю Шнупаху.

— Нашъ замокъ будетъ оплотомъ для всего рыцарства. Гар-
низонъ не великъ, но за то храбръ и имъ командуетъ не ве-
ликій магистръ Винрикъ Фонъ-Книпроде, а нашъ храбрый ко-
мандоръ Куно Фонъ-Либштейнъ. Значитъ побѣда будетъ на-
ша!—восторженно закричалъ Шнупахъ.

— Какъ бы хорошо было, если бы послѣднія слова, произне-
сенныя тобой, сбылись на дѣлѣ,—тихо сказалъ командоръ.

— И сбудутся....

— Эхъ, Тиллеманъ! ты христіанинъ...

— Ну такъ что же, отецъ командоръ?

— А то, что заранѣе самонадѣянно нельзя предсказыватъ
будущаго. Оно не вѣдомо человѣку и состоитъ во власти Хри-
ста Спасителя. Если стоимъ мы, чтобы нашъ Искупитель по-

миловалъ и спасъ насъ отъ угрожающей бѣды, то помилуетъ; если же нѣтъ,—буди Его святая воля, мы раби Его.... благоговѣйно заключилъ командоръ и снова началъ смотрѣть на солнце чрезъ закопченое стекло, и читать тихо молитвы.

Къ командору начали сходиться рыцары и ждали его приказаній. Между тѣмъ, за постоянно приближающейся къ замку пылью, ясно можно было очертить движущіеся массы конныхъ и пѣшихъ вооруженныхъ людей. Численность ихъ постоянно умножалась и наконецъ все пространство между озеромъ и замкомъ было занято литовскимъ войскомъ. Отъ стѣнъ замка литовцы остановились немного далѣе пушечнаго выстрѣла.

Командоръ! что ты смотришь все на солнце, оно не спасетъ насъ! лучше посмотри на поганскую силу, которая со всѣхъ сторонъ окружила нашъ замокъ. Укажи намъ мѣста, гдѣ и кому быть, да благослови на явную смерть,—сказалъ одинъ изъ рыцарей, подходя къ командору.

Командоръ опустилъ руку со стекломъ и, посмотрѣвъ на литовскую рать, съ сіяющимъ лицомъ обратился къ собравшимся рыцарямъ и сказалъ: радуйтесь, братья! Господь Богъ нашъ посылаетъ намъ милость, которой мы должны воспользоваться. Всѣ уставились на командора, онъ продолжалъ: сегодня, черезъ часа два произойдетъ полное затмѣніе солнца; а это придется въ самый пылъ приступа; я знаю хорошо обычай Кейстута и Ольгерда, у нихъ правило являться тамъ, гдѣ ихъ не ждали, налетать на противника неожиданно и пользоваться первой минутою его замѣшательства. Они этой смѣлостью часто выигрывали. Этими правилами они разгромили насъ подъ замками Солдовой и Остеродомъ, 7 лѣтъ тому назадъ. Но теперь пускай они хоть сейчасъ лѣзутъ на стѣны;—не мы, а они проиграютъ въ этотъ день; я знаю суевѣрную натуру литовцевъ, солнце у нихъ считается божествомъ, они ему покланяются, какъ покланялись древнія греки и римляне, и вотъ это самое божество погаснетъ.... Тогда между литвинами произойдетъ неописанное смятеніе,—заключилъ командоръ и началъ распредѣлать мѣста рыцарямъ, гдѣ кому находиться.

— А самъ я останусь здѣсь, на главномъ пунктѣ, сказалъ командоръ.

Нѣсколько рыцарей остались съ нимъ, а прочіе, читая молитвы, пошли каждый къ ввѣренному ему посту.

— Вонъ уже и стѣнобитныя машины начали выдвигать замѣтилъ командоръ, указывая рукою на передовые литовскіе полки, приблизившіеся болѣе другихъ съ стѣнамъ замка.

— А вотъ я ихъ сейчасъ угощу картечью, сказалъ Тиллеманъ Шнупахъ, наводя большую мортиру на литовцевъ и намѣреваясь приложить огонь къ фитилю мортиры.

— Постой, Тиллеманъ, погоди стрѣлять. Этимъ ты можешь испугать ихъ и тѣмъ испортишь дѣло: они отложатъ приступъ, пожалуй, а намъ нужно, что бы приступъ начался недалѣе какъ черезъ полчаса,—сказалъ командоръ.

— Все ли готово къ оборонѣ? спросилъ онъ же.

— Все готово, слышалось со всѣхъ сторонъ замка.

— Нѣтъ ли у насъ латниковъ, говорящихъ по литовски? Спросилъ командоръ, обращаясь къ окружающимъ его рыцарямъ.

— Есть, я сейчасъ его приведу, сказалъ одинъ изъ рыцарей и пошелъ вдоль стѣны. Чрезъ нѣсколько минутъ, этотъ рыцарь возвратился къ командору съ латникомъ небольшаго роста и съ плутовской физіономіей.

— Вотъ этотъ латникъ-литовецъ, онъ находится у насъ пятнадцать лѣтъ въ плѣну и уже десять лѣтъ какъ принялъ христіанство,—донесъ рыцарь командору, представляя латника.

— Ты не забылъ еще родного языка? Спросилъ латника командоръ.

— Гдѣ забыть! не забылъ еще, отвѣчалъ латникъ.

— Ну такъ вотъ что: ты долженъ быть со мною во время приступа и когда я тебѣ скажу начинать; ты закричи по литовски, что христіанскій Богъ прогнѣвался на поганцевъ-литовцевъ и погасилъ ихъ божество—солнце, которое только тогда снова загорится, когда они возвратятся въ Вильну и Троки. Да смотри не подумай переиначать что нибудь изъ моихъ словъ; смерть тебѣ, если начнешь хитрить и лукавить; я самъ хорошо знаю по литовски, сказалъ командоръ.

— Исполню какъ велишь, отецъ комондоръ, сказалъ латникъ и сталъ позади его.

Въ это время въ литовскомъ войскѣ раздался звукъ рога литовской рати, послѣ чего вся окрестность огласилась громкимъ воинственнымъ крикомъ и вся сила со всѣхъ сторонъ пошла съ гикомъ на приступъ къ замку. Впереди тащили стѣнобитныя машины.

— Моментъ былъ торжественный для осаждающихъ и потрясающій для осажденныхъ. Даже по тѣлу самаго комондора при этомъ забѣгали мурашки.

— Теперь Тиллеманъ начинай, свое дѣло, сказалъ комондоръ, да смотри не промахнись на первый разъ, добавилъ онъ же.

— Не промахнусь, отецъ Комондоръ. Вонъ смотрите на бѣлое знамя, впереди всѣхъ которое; тамъ кажется сами князья Ольгердъ и Кейстутъ, вотъ я ихъ сейчасъ благословлю на жизнь вѣчную, сказалъ Шнупахъ, прикладывая фитиль къ мортирѣ. Раздался выстрѣлъ. Каменная картечь, не достигнувъ до мѣста своего назначенія, разсыпалась по пустому пространству близь замка за рвомъ. Прочіе выстрѣлы изъ остальныхъ мортиръ тоже были неудачны, и не причинили ни малѣйшаго вреда литовскому войску; которое все ближе и ближе подступало къ стѣнамъ замка.

„Ну во второй разъ промаху не сдѣлаю, подумалъ Тиллеманъ.

Вотъ уже засвистѣли по стѣнамъ литовскія стрѣлы и многихъ латниковъ и рыцарей отправили на тотъ свѣтъ, а еще болѣе переранили. Въ свою очередь осажденные пустили второй залпъ изъ мортиръ. Второй залпъ былъ удачнѣе перваго. Много онъ нанесъ урона литовскимъ полкамъ, много убыло воиновъ изъ рядовъ осаждающихъ. Но это ихъ не устрашило, а напротивъ обезображенный видъ бездыханныхъ товарищей и стоны раненныхъ до бѣшенства ожесточили жмудиновъ, которые находились въ главѣ литовскаго войска; они, какъ разъяренные львы, бросились съ ужаснымъ крикомъ на приступъ... Въ нѣсколько мгновеній одна часть рва была завалена толстыми пнями и деревьями, нарочно для этого привезенными. По этому импровизованному мосту побѣжали къ подошвѣ крѣпости полуобнаженные жмудины. Ихъ съ крѣпости облили кипучей смолой и несчастные, въ страшныхъ мученіяхъ, падали или въ ровъ, или на землю. Подоспѣли литовцы и русины съ большими желѣзными щитами, которыми закрывали себя отъ горящей смолы. Длинными желѣзными ломами начали они разбивать стѣну и дѣлать въ ней проломъ. Для успѣшнаго дѣйствія подкатили двѣ стѣнобитныя машины, которыя, съ первыхъ ударовъ обрушили половину башни... Борьба завязалась ужасная. Со свѣнъ лилась пылающая смола, сыпались частымъ дождемъ

тяжелые камни, отъ которыхъ не спасали уже и щиты желѣзные, мортиры-то и дѣло что извергали смертоносную картечь, отъ которой валились грудами литовцы... Ровъ былъ уже весь наполненъ человѣческими трупами и по краямъ его струилась кровь человѣческая, распространяя въ воздухѣ свой одуряющій запахъ. По тѣламъ падшихъ братьевъ бѣжали новыя дружины и съ новыми силами бросались кончать проломъ. Князь Кейстутъ, два сына его Витовтъ и Войдатъ начальствовали отрядомъ осаждающихъ близь воротъ, которыя были уже на половину сломаны. Григорій Омуливичъ, молодой русинъ, любимецъ и оруженосецъ Кейстута, заслонялъ лице и фигуру своего князя отъ взоровъ рыцарей....

Князь Ольгердъ, окруженный князьями и боярами, начальствовалъ надъ войскомъ преимущественно русскимъ со стороны озера. Его дружины уже успѣли сдѣлать проломъ и съ гикомъ кинулись въ него, но встрѣтивъ тамъ сильный отпоръ, начали покупать каждый шагъ цѣною нѣсколькихъ десятковъ своихъ соратниковъ... Тутъ произошла человѣческая бойня безъ всякой пользы для осаждающихъ, потому что отъ рѣзни происходившей въ проломѣ образовалась громадная куча мертвыхъ тѣлъ, мѣшавшая проникнуть въ крѣпость.

Съ югозападной стороны литовцами командовалъ Патрикій, старшій сынъ Кейстута отъ первой жены его; при немъ находился Гаштольдъ, тотъ самый Гаштольдъ, который, женившись на польской плѣнницѣ Аннѣ Бачуцкой, принялъ р. католическую вѣру. Но объ немъ послѣ, а теперь поищемъ Ягайлу и посмотримъ: гдѣ и что дѣлаетъ онъ. Но напрасно мы будемъ искать его въ пылу сраженія, тамъ нѣтъ его, онъ далеко отъ кроваваго боя, и даже не смотритъ на него. Гдѣ остановился обозъ литовскаго войска, тамъ была раскинута палатка, въ ней находился герой моего романа. Предъ нимъ, на небольшомъ деревянномъ столикѣ, стоялъ образъ нерукотвореннаго Спаса, данный ему какъ благословеніе, матерью его Іульяніей Александровною. Стоя на колѣнахъ, онъ горько плакалъ и уста его шептали молитвы. Позади его находился конюшній Войдыйло, онъ былъ, повидимому, доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ; по оплывшему отъ жиру лицу, замѣтно было что онъ прислушивается къ звукамъ, которые неслись съ поля битвы.

— Войдыйло! выдь и посмотри, какъ идетъ сраженіе, кто

кого одолѣваетъ? сказалъ Ягайло, обращаясь къ своему конюшему дядькѣ, такому же трусу, какъ и онъ самъ.

Войдыло вышелъ изъ палатки, а Ягайло началъ класть земные поклоны.

— Наши одолѣваютъ, громко и радостно сказалъ Войдыйло, входя въ палатку.

— Господи Іисусе Христе, благодарю Тебя! воскликнулъ Ягайла и снова началъ класть земные поклоны.

Но оставимъ нашего героя въ палаткѣ, посмотримъ, что дѣлается въ замкѣ.

Войдыйло не солгалъ; дѣйствительно, литовцы брали верхъ надъ тевтонцами. Русины и литовцы уже ворвались чрезъ проломы внутръ замка и тамъ-то завязалась борьба на жизнь и смерть. Кровь полилась ручьями, стоны раненныхъ и крики нападающихъ потрясали всю окрестность и производили потрясающее впечатлѣніе.

— Тиллеманъ! поверни двѣ мортиры назадъ, да наведи ихъ на этихъ муравьевъ поганыхъ, ползущихъ изъ пробоины, закричалъ командоръ. Въ это время ворота съ шумомъ рухнули и князь Кейстутъ, уложивъ своей сѣкирою нѣсколько латниковъ, первый взбѣжалъ на площадку замка. Остальные латники ретировались въ зданіе конвента, откуда изъ оконъ уже сыпались на литовскихъ воиновъ стрѣлы.

Послѣдняя фраза командора, обращенная къ Тиллеману, была услышана Кейстутомъ, онъ зналъ по нѣмецки.

— Тиллеманъ!?... Онъ здѣсь!? закричалъ гнѣвно Кейстутъ и пытливый взоръ его недолго искалъ виновника смерти его отца.

— На стѣну, за мной! закричалъ онъ своимъ сыновьямъ, боярамъ и литовскимъ латникамъ. Послѣ этого восклицанія, какъ раненый левъ, онъ бросился по сходнѣ на стѣну, гдѣ въ это время заряжалъ мортиры Тиллеманъ со своими помощниками. Нѣсколько рыцарей хотѣли загородить дорогу Кейстуту, и дружно бросились на него;. но тяжеловѣсная сѣкира въ одной рукѣ, а въ другой короткая мачуга уложила сразу двухъ рыцарей, остальные побѣжали въ башню. Тиллеманъ находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Кейстута, между ними было пустое мѣсто, заваленное трупами рыцарей и ихъ латниковъ. Какъ тигръ бросается на свою добычу, такъ точно Кейстутъ бро-

сился на Тиллемана, опускавшаго фитиль на мортиру. Схвативъ его за горло, онъ новалилъ его къ ногамъ своимъ.

Говори, поганый песъ, ты Теллеманъ? Спросилъ его Кейстутъ, становясь одного ногою на грудъ несчастнаго пушкаря.

— Я Тиллеманъ, отвѣчалъ онъ и вынувъ кинжалъ изъ ноженъ хотѣлъ ударить Кейстута въ ногу, но Витовтъ, находившійся позади отца, вмѣстѣ съ прочими боярами, ловкимъ движеніемъ своего меча вышибъ кинжалъ изъ рукъ пушкаря.

— Отвѣчай мнѣ, ты убилъ моего отца Гедимина? Грозно спросилъ Кейстутъ.

— Я, и очень жалѣю, что мало васъ проклятыхъ поганцевъ отправилъ на тотъ свѣтъ, злобно заключилъ Тиллеманъ.

— Ступай же самъ туда, сказалъ Кейстутъ и сильнымъ ударомъ сѣкиры раздробилъ ему голову.

Въ это время изъ башни, смѣжной съ площадкой стѣны, гдѣ только что Кейстутъ отправилъ пушкаря къ прародителямъ, выбѣжало множество рыцарей подъ предводительствомъ самаго командора. Завязался бой между рыцарями и литовцами: зазвенѣли мечи по железнымъ бронямъ той и другой стороны, затрещали копья, загремѣли мачуги и сѣкири.... Командоръ схватился съ Кейстутомъ, прочіе рыцари бросились на князей Витовта и Войдата, бояръ ихъ и латниковъ. Долго бился Кейстутъ съ комондоромъ безъ всякаго успѣха, оба бойца были не дюженные и опытные. Наконецъ первый началъ тѣснить втораго, и вышибъ изъ рукъ его мечь... Жизнь комондора была въ рукахъ Кейстута.

— Командоръ! подними свой мечъ и защищайся; я безоружныхъ не бью,—сказалъ онъ и, оглянувшись назадъ, увидалъ, что рыцари смяли сыновей его со всѣми боярами и гонятъ со стѣны. „Поспѣю и туда на выручку, вотъ только съ этимъ покончу," подумалъ Кейстутъ и закричалъ: защищайся, командоръ!

— Постой Кейстутъ! Тебѣ честь и слава, какъ настоящему рыцарю, моя смерть и жизнь была въ твоихъ рукахъ, ты даровалъ мнѣ жизнь, благодарю тебя за нее; твой поступокъ достоинъ спартанцевъ. Но позволь же мнѣ оказать тебя услугу за...

— Защищайся, командоръ, мнѣ некогда слушать тебя,—перебилъ его Кейстутъ.

— Прежде чѣмъ ты поднимешь руку на меня погаснетъ солнце на небѣ и тогда тебѣ нѣтъ спасенія. Твоя дружина побѣжитъ въ страхѣ; спасайся заранѣе, иначе будешь у насъ въ плѣну. Ты посмотри, какъ угасаетъ солнце и могильный мракъ ложится на землю,—заключилъ командоръ, показывая на солнце, которое покрывалось черной пеленой. Еще моментъ и солнце исчезло,—исчезло скоро и неожиданно. Наступила страшная темь какъ ночью, не смотря на то, что за минуту передъ этимъ солнце ярко сіяло на небѣ.

Шумъ воюющихъ сторонъ смолкъ на нѣсколько мгновеній, водворилась тишина, нарушаемая воплями раненныхъ. Изъ конвента выбѣжало множество рыцарей и латниковъ съ зажженными факелами. Съ пѣніемъ какой то латинской молитвы, они бросились на пораженныхъ ужасомъ литовцевъ... Сдѣлалась общая суматоха. Литовцы, русины и жмудины грудами валились отъ мечей тевтонскихъ рыцарей. Въ это время съ вышни одной башни послышались литовскія слова: бѣгите, литвины, жмудины и русины домой,—въ Троки и Вильну; солнце погасилъ нашъ командоръ и до тѣхъ поръ оно не будетъ горѣть, пока вы не будете дома.

Это кричалъ тотъ латникъ, которому приказалъ самъ командоръ сдѣлать подобное воззваніе къ литовцамъ. Разумѣется, этотъ латникъ перезабылъ половину и импровазировалъ рѣчь какъ умѣлъ. Слова его, впрочемъ, были сказаны на вѣтеръ, за поднявшимся шумомъ въ литовскомъ войскѣ ихъ было не слышно.

Суевѣрные литовцы и жмудины, поклонявшіеся солнцу,—какъ божеству свѣта, тепла и жизни, и чтившіе его неугасаемымъ огнемъ Зничемъ, совершенно потерялись,—по ихъ языческимъ понятіямъ и вѣрованіямъ затмѣніе происходило отъ того, что Перкунусъ взялъ солнце въ свой янтарный дворецъ, который былъ на небѣ и потушилъ его,—вѣроятно разгнѣванъ былъ чѣмъ нибудь. Поэтому литовцы и жмудины, считая свое существованіе конченнымъ, побросали оружіе свое и въ сильномъ страхѣ—спѣшили къ родной землѣ, гдѣ надѣялись умилостивить богатыми жертвами Перкуна или, въ крайнемъ случаѣ,—погибнуть на кострѣ, воспламененномъ отъ Знича и тѣмъ очистить себя—самосожженіемъ.

Русины были тоже не менѣе первыхъ перепуганы: по ихъ

тогдашним понятіям, наступал конец міра. Они тоже бѣжали и въ темнотѣ и суматохѣ кололи и рубили своихъ, принимая ихъ за враговъ и, въ свою очередь, падали отъ своихъ. Обозъ, лошади, стѣнобитныя машины—все это было брошено и забыто литовской ратью на полѣ сраженія. Побѣда осталась на сторонѣ рыцарей....

Недалѣе какъ черезъ полчаса мракъ началъ исчезать, а вмѣсто его наступалъ свѣтъ, солнце полукругомъ или правильнѣе выразиться-серпомъ выглянуло изъ какой то темной массы, и еще черезъ полчаса, оно уже было совершенно кругло и свѣтило очень ярко.

Въ безпорядкѣ бѣгущее литовское войско, при этомъ остановилось, ободрилось и начало строиться по полкамъ,—въ рядахъ которыхъ многихъ и многихъ недоставало... В. князь Ольгердъ самъ началъ приводить въ порядокъ дружину, ему помогали Витовтъ, Войдатъ, Патрикій и Ягайло.... Не было только Кейстута и его любимца Григорія русина. Ихъ хватились, поднялась, разумѣется, страшная тревога. Сыновья Кейстута умоляли дядю своего Ольгерда снова идти къ замку и выручить изъ плѣна ихъ отца, если онъ въ плѣну или взять его трупъ, если онъ убитъ. Ольгердъ, безгранично любившій своего брата Кейстута, конечно, согласился исполнить прозьбу своихъ племянниковъ и со всею ратью снова двинулся къ замку, который былъ уже не близко отъ нихъ. В. князь Ольгердъ зналъ отъ своего врача грека, затмѣніе солнца—не чудо и теперь онъ хотѣлъ жестоко отомстить рыцарямъ, воспользовавшимся этимъ моментомъ.

(Продолженіе впредь).

О КОСТЕЛЬНЫХЪ БРАТСТВАХЪ.

Духовное сословіе у р. католиковъ состоитъ изъ однихъ ксендзовъ; у нихъ нѣтъ причетниковъ, есть только костельные служители. Настоятели полные хозяева костела, прихода и всякаго костельнаго имущества, за растрату котораго они отвѣчаютъ одни. 1) Даже настоятелямъ подчинены, по кано-

1) „Parochus alter papa въ чертѣ своего прихода" говоритъ ксендзовская пословица.

намъ, и ксендзы викарные. При каждомъ костелѣ полагается одинъ органистъ; онъ играетъ на органахъ, постъ при богослуженіи, по большей части онъ же и ризничій; словомъ органистъ тоже, что у православныхъ дьячекъ; одинъ мальчишка для услуги ксендзу при богослуженіи; его обязанности въ костелѣ походятъ на понамарскія въ церкви. При костелахъ, въ западныхъ губерніяхъ есть дома, называемыя богадѣльнями, въ конхъ живутъ мущины и женщины; они благовѣстятъ, обязаны держать костелъ въ чистотѣ и сторожить его; за это получаютъ они индѣ очень щедрыя приношенія отъ прихожанъ. Свѣчнаго сбора у р. католиковъ не имѣется, кружечный же производится посредствомъ обхожденія молящихся въ костелѣ съ подносомъ, однимъ изъ *дѣдовъ* богадѣльни. При отправленіи религіознаго культа у р. католиковъ, нѣтъ ни малѣйшей надобности въ такъ называемыхъ костельныхъ братчикахъ, такъ какъ всѣ костельныя службы и богослуженія совершаются и духовныя требы преподаются ежедневно во всемъ р. католическомъ мірѣ, безъ участія братчиковъ. То, что у православныхъ называется братствами у р. католическихъ писателей носитъ названіе „воинствъ, конгрегацій, обществъ, ассоціацій. Въ Европѣ, братчики это міряне, ищущіе соединенными силами спасенія своей души по примѣру какого нибудь монашескаго ордена, или извѣстнаго святаго 2). Въ Россіи же, р. католическіе братчики, покрайней мѣрѣ въ послѣднее время, это міряне подъ предлогомъ религіи, проводившіе мятежъ, по указаніи подземнаго жонда. Уставъ ихъ, по религіозному назначенію, по большей части не что иное, какъ уставъ одного изъ монашескихъ орденовъ, приноровленный къ жизни мірянъ. 3) Костельные братчики носятъ разные эмблемматическіе знаки: пояса, или точнѣе снурки, медальоны, рожанцы (четки), коронки (третья часть рожанца) и шкаплеры, то есть: одинъ не большой кусокъ сукна виситъ на тесемкахъ на груди, а другой такой же на плечахъ у братчика; на нихъ находятся изображенія, вензелевые знаки Спасителя, Пр. Богородицы, или же заступника братства; цвѣтъ сукна шкаплеровъ такой же, какъ и у монастыря ихъ.

---

1) Французскій епископъ Бувіе, Nauka o odpustach, bractwach i Jubileuszu. Вильна 1847 г.

2) Ксендзъ Павелъ Римскій, Wykład obrzędów Kościelnych. Варшава 1857 г.

Настоящую замѣтку о костельныхъ братствахъ разграничимъ слѣдующими рубриками: 1) исторія введенія ихъ въ Россіи; 2) уставъ братствъ, нынѣ существующихъ; 3) отношеніе ихъ къ цѣлямъ Россійскаго государства; 4) причины, завлекающія людей вступать въ братства и ихъ юридическое положеніе.

I.

ИСТОРІЯ ВВЕДЕНІЯ КОСТЕЛЬНЫХЪ БРАТСТВЪ ВЪ ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ РОССІИ.

„Вслѣдствіе сего великаго переворота въ народѣ (говоритъ О. Мучковскій объ успѣхахъ реформаціи XVI вѣка въ здѣшнемъ краѣ) нашла на католическое духовенство паника, и оно, для подавленія новаго ученія, прибѣгло къ двумъ вполнѣ успѣшнымъ средствамъ: ввело іезуитовъ и костельныя братства.“ 1). Въ концѣ 1569 года, прибывъ въ Вильну, чрезъ три года, т. е. въ 1573 году, іезуиты основали при своемъ Іоанновскомъ костелѣ первое братство въ западныхъ губерніяхъ, давъ ему названіе братство тѣла Господня; 2) вскорѣ за тѣмъ основаны братства св. Анны, милосердія и *банка* 3).

Цѣль учрежденія братствъ достигалась: кальвинское ученіе, которое такъ охотно было принято многими здѣшними дворянами, пало окончательно, въ средѣ православныхъ удалось ввести унію съ папой, ихъ церкви передать уніатамъ 4).

Во время войны 1663—1669 гг. съ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ за Малороссію, поляки имѣли случай убѣдиться, что, не смотря на свою новую вѣру, уніаты не переставали быть русскими: это вызвало желаніе поляковъ идти дальше, т. е. стремиться къ олатиненью западныхъ губерній. Для этого они нашли самое вѣрное средство чудеса. Съ 1717 по 1786 г. совершили ксендзы и паны религіозный обрядъ коронаціи бо-

1) Bractwa Jezuickie i Akademickie. Kraków 1845 г.

2) Въ наше время настоятелемъ Іоанновскаго костела кс. А. Врублевскимъ найденъ списокъ членовъ сего братства съ 1573 по 1776 годъ.

3) По латыни—Mons pietatis.

Нынѣ изъ сихъ братствъ осталось только два: тѣла Господня и св. Анны.

4) Encyklopedya powszechna, Варшава, изданіе Оргельбранда. Осипъ Мучковскій.

лѣе чѣмъ надъ 20 костельными иконами. Обрядъ этотъ заключался въ томъ, что костельной иконѣ, надѣвали корону освященную папой, въ знакъ того, что она чудотворная; обрядъ этотъ совершали самымъ торжественнымъ образомъ: икону и корону носили съ процессіей черезъ нѣсколько тріумфальныхъ воротъ; при этомъ говорилось нѣсколько проповѣдей. Несмѣтныя толпы народа сгоняли паны на коронацію иконъ 1). Въ этотъ періодъ времени, если и основывались братства, то онѣ предназначались для пановъ и учениковъ ксендзозскихъ школъ, которые молились и читали братскія молитвы не иначе какъ по латыни. Значитъ онѣ были безуспѣшны относительно народа, такъ какъ даже олатинившіеся, особенно изъ крестьянской среды, не переставали обращать свои взоры къ остальной Россіи, богослуженіе которой ополячено не было, и грамотные р. католики, изъ крестьянской среды, молились тогда не иначе какъ по русскимъ молитвенникамъ, читали книги религіознаго содержанія, писанныя тоже по русски; молитвенниковъ же и другихъ народныхъ книжекъ, писанныхъ *по польски*, сравнительно съ русскими было тогда весьма мало 2).

Послѣ 1760 года многіе изъ поляковъ и ксендзовъ начали стремиться и къ ополяченью здѣшняго народа. Для этого они издавали разсказы о чудесахъ костельныхъ иконъ, вмѣстѣ съ молитвословіемъ; ввели нѣсколько братствъ, 3) какъ рожанцовое, шкаплерное, для выкупа невольниковъ и братство коронки, завлекая въ оныя народъ. Даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

1) Кс. Ролевичъ, Wiadomość o cudownych obrazach.—Encyklopedya powszechna.

2) Крашевскій.—Іохеръ, Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce, Вильна 1839—58 гг.— Флоровъ, о православныхъ церковныхъ братствахъ, Спб. 1857 г.

3) Рожанецъ впервые изобрѣтенъ въ 1221 году, Доминикомъ, основателемъ монашескаго ордена проповѣдниковъ (р. католицизма); въ Россіи принято называть ихъ доминиканцами. Ихъ монастери начали основывать въ западномъ краѣ въ XVII вѣкѣ. Шкаплеры изобрѣтены, по однимъ, въ XII, а по другимъ (докторъ Ляноу въ XV вѣкѣ, монахами кармелитами, введенными у насъ въ XVII вѣкѣ. Братство для выпуска невольниковъ учреждено монахами тринитаріями, основанными въ Европѣ въ 1148 году, а введенными въ сѣверо-западномъ краѣ едва въ 1693 году. Братство розоваго вѣнка, иначе коронки, учреждено въ XIV вѣкѣ Бригитой.

ввели обыкновеніе (рѣчь идетъ объ народѣ) пѣть въ костелѣ рожанецъ, 1), т. е. пѣли одинъ разъ *Отче нашъ* и 10 разъ *Богородице Дѣво, радуйся*, повторяя сіи молитвы въ такомъ порядкѣ пять разъ; въ заключеніе пѣли: Вѣрую въ Бога отца и т. д. т. е. символъ вѣры, такъ называемый, апостольскій. Наконецъ вслѣдъ за третьимъ раздѣломъ Польши, ксендзы основали четыре или пять братствъ, подъ названіемъ 7 скорбей Пр. Богородицы.

Въ началѣ XIX вѣка полякамъ думалось, что императоръ Александръ I самъ возстановитъ Польшу въ границахъ 1772 г. и потому они тогда мало заботились о братствахъ; но когда въ 1815 году, при созданіи Царства Польскаго, западныя губерніи, какъ русскій край, оставлены за Имперіей, поляки рѣшились ополячить ихъ. Съ этою цѣлью они основали въ Вильнѣ нѣсколько обществъ. Вскорѣ правительство увидѣло затѣи поляковъ и въ 1823 году виленскія общества закрыты. Поляки прибѣгли подъ покровительство костела и старались проводить мятежъ посредствомъ ксендзовъ, а ксендзы посредствомъ костельныхъ братчиковъ; такъ какъ этотъ способъ пропаганды весьма удобенъ въ Россіи, націи вполнѣ вѣротерпимой. Около 1823 года, ксендзы основали братство „*объединенія*." (Jedność, społeczność duchowna), при Островоротной часовнѣ; члены котораго обязаны вводить всюду братства 2).

Въ 1826 году праздновали католики такъ называемый юбилей, или, точнѣе, миссію, цѣлый годъ; цѣль миссіи—пропаганда. По словамъ Лелевеля, ксендзы на исповѣди и въ проповѣдяхъ, подъ предлогомъ религіи (Słowem ludzkiem), призывали народъ къ мятежу и ввели въ сѣверо-западномъ краѣ около 80-ти костельныхъ братствъ, которыя, въ свою очередь, точно также старались поддержать ксендзовскія внушенія" 3).

Послѣ мятежа 1831 года, императоръ Николай, какъ и слѣдовало, обратилъ серьозное вниманіе на разныя уловки латино-

1) Сейковскій.—Мучковскій.

Обыкновеніе пѣть рожанецъ въ костелѣ введено впервые въ городѣ Люблинѣ ксендзомъ доминиканцемъ Альбертомъ Сенковскимъ, въ XVII вѣкѣ.

2) Исторія Островоротной Богородицы въ 12 книжкѣ „Вѣстника Зап. Россіи за 1867 г.

3) Polska odradzająca się, Брюссель 1836 г.

польской пропаганды, и костельныя братства притаились 1) такъ, какъ будто ихъ никогда и не было, и тѣмъ облегчили возможность возврата уніатамъ въ лоно православія. Мы навѣрное знаемъ, что если бы братсва продолжали тогда свои агитаціи, весьма многіе изъ уніатовъ были бы не въ состояніи отвязаться отъ папы и поляковъ, въ 1839 году. Участье братчиковъ въ „великомъ будованіи" оказывалось весьма слабо до самой галиційской рѣзни, или точнѣе до заключенія конкордата и разрѣшенія ксендзамъ служить молебствія объ отвращеніи бѣдствій въ 1847 году. Съ того времени начинается совершенно новая эпоха въ исторіи здѣшнихъ братствъ, ознаменовавшаяся весьма дѣятельнымъ участьемъ ихъ въ польскомъ дѣлѣ. Разсказъ объ этой эпохѣ мы начнемъ съ прежнихъ лѣтъ.

Въ 1835 году прибылъ въ западныя губерніи эмиссаръ Симеонъ Конарскій;—онъ исходилъ весь край, посѣтилъ весьма многихъ ксендзовъ и пановъ, всюду устраивалъ мятежныя общества, экзальтировалъ студентовъ кіевскаго университета и виленской медико-хирургической академіи 2). Мы имѣли случай встрѣчаться съ многими изъ ксендзовъ, которыхъ посѣтилъ Конарскій съ революціонною цѣлью; всѣ единогласно утверждаютъ, что Конарскій совѣтовалъ имъ развить жизнь костельныхъ братствъ, а въ средѣ ихъ образовать революціонные кружки. Слова Конарскаго мало имѣли вліянія на ксендзовъ, такъ какъ эти послѣдніе во многомъ не сходятся съ демократическою партіей, тогда какъ, напротивъ, на нихъ имѣла и имѣетъ весьма громадное вліяніе партія аристократическая, иначе *бѣлая*. Она въ полной солидарности съ ксендзами; ея агентами въ западныхъ губерніяхъ были ксендзы Скибинскій, Владиславскій, Мальскій, Серавскій и многіе другіе; даже и въ мятежѣ 1863 года принимала участье пар-

---

1) Часть членовъ тайнаго политическаго общества „объединенія," скрывавшаяся до мятежа 1831 года за братствомъ тогоже названія, эмигрировала за границу и тамъ не переставала составлять свое братство подъ прежнимъ названіемъ. Руководителемъ братства былъ В. Тышкевичъ. Ихъ лозунгъ: „наше желаніе не шляхту охлопить, а хлоповъ ошляхтить." Нѣтъ ни какой нибудь связи между членами братства и общества объединенія съ одной стороны, и дѣлающими ложныя дворянскія документы съ другой.

2) Онъ арестованъ въ Вильнѣ и растрѣлянъ 15-го февраля 1839 года.

я ксендзовъ аристократическая. Князь Адамъ Чарторый-ій 1) постоянно держалъ своихъ агентовъ въ Римѣ и всѣми правдами старался дѣйствовать посредствомъ папы 2) на ѣшнихъ епископовъ и ксендзовъ. Когда настало время днять знамя бунта, Чарторыйскій совѣтовалъ панамъ безловно отдаться подъ руководство ксендзовъ. Вотъ что онъ исалъ въ своей прокламаціи отъ 14-го февраля 1846 года: Братья! мы рѣшились избавить васъ отъ тиранническаго ига... ъединеніе необходимо. Умоляемъ васъ, будьте послушны стырямъ вѣры, они укажутъ вамъ, гдѣ и когда поднять ужіе. Служители алтаря васъ научать, какъ добыть свободу, кую они сами изучили въ метрополіи св. Петра. Примите ъ, помогайте имъ въ ихъ переѣздахъ и наказывайте смертью ихъ, которые захотятъ ихъ выдать врагамъ" 3). Польскими нами поведена интрига удачно такъ, что русское правительво заключило конкордатъ съ папой въ 1847 году, вполнѣ звязавшій руки полякамъ и ксендзамъ 4). Этотъ конкоръ, слишкомъ расширилъ власть епископовъ, которые, къ есчастью ихъ пасомыхъ, считаютъ себя поляками. Извѣстно, ю въ борьбѣ съ русской народностью, которой весьма ольшою силою служитъ православіе, сдѣлавшееся элеменомъ русской народной жизни, — весьма плохо приходится ольщизнѣ въ западныхъ губерніяхъ, съ ея р.-католицизмомъ, ультъ котораго производится на латинскомъ языкѣ. Чтобъ справить этотъ недостатокъ латинства, р.-католическія, особено уніятскія литургическія книги (въ 40 годахъ нынѣшняго столѣія), переведены на польскій языкъ; въ чемъ по-преимуществу ринималъ участіе слуцкій ксендзъ пробощъ Шантырь 5); говорятъ, что ксендзъ Пулюльенъ, въ мѣстечкѣ Яновѣ, Кобринскаго ѣзда, въ Гродненской губерніи, и одинъ или два ксендза въ Ко-

1) Онъ жилъ въ Парижѣ, въ своемъ ламберовомъ отелѣ.
2) Мицкевичъ у Чарторыйскаго.—Ратчъ.
3) Ратчъ, „Эмиграція."
4) Поэтому немудрено, что викарный виленскаго Іоанновго костела, ксендзъ М. Табенскій, въ проповѣди поъ, что правительство не вправѣ упразднять конкордатъ, послѣ того, какъ онъ билъ у празднецъ 25 ноября 1866 года.
5) Annales ecclesiae Ruthenae, соч. Михаила Тараевича.—Іезуиты въ Россіи, соч. св. М. Морошкина.

венской губерніи начали было, въ началѣ крымской войны, служить костельныя службы на польскомъ языкѣ. Подъ предлогомъ исправленія и очищенія устарѣвшаго польскаго перевода Библіи, сдѣланнаго въ XVI вѣкѣ ксендзомъ Вуйкомъ, поляки хлопотали на счетъ разрѣшенія изъ Рима ввести польскій языкъ въ *богослуженіе*. Само собою разумѣется, что Римъ не могъ согласиться на это нововведеніе, какъ не согласное съ его политикой. Тогда, чтобы обойдти папу и все таки достигнуть польскихъ цѣлей, поляки постарались ополячить придаточное богослуженіе, напр. латинскіе пѣсни, во время процессій, переведены попольски, рожанцы и коронки, состоящіе изъ извѣстнаго числа *Отче нашъ* и *Богородица дѣво радуйся*, перемѣнили на польскія длинныя молитвы, находящіяся въ молитвенникахъ, оставляя за ними названіе рожанцевъ и коронокъ 1), начали строго слѣдить за аккуратнымъ служеніемъ польскаго богослуженія сами и обязали къ тому братчиковъ. Сумма такого придаточнаго богослуженія значительно увеличена, такъ что главное богослуженіе—мисса, какъ будто стушевалась, а вниманіе народа обратилось по преимуществу на богослуженія, совершаемыя *по-польски*. Въ виленскомъ, 1849 года, изданіи Требника приходскихъ ксендзовъ, помѣщенъ впервые и чинъ принятія въ костельныя братства. Это обстоятельство развязало руки ксендзамъ, и они сами, безъ спроса у монаховъ, изобрѣтателей братствъ, начали заводить костельныя братства по всѣмъ костеламъ, а нерѣдко и по нѣскольку въ одномъ и томъ же костелѣ.

Враги наши готовили восточную войну различными путями: внѣ предѣловъ Имперіи дѣлали они военныя приготовленія Михаилъ Чайковскій, въ магометанствѣ Садикъ-паша, съ другими поляками и ксендзами миссіонерами, иначе лазаристами гнали жителей православнаго вѣроисповѣданія въ Придунайскихъ княжествахъ въ латинство,—чаще всего плетьми, такъ называемыми киркорками; внутри же Россіи поляки дѣлали точно тоже, но другимъ образомъ; усиленно распространяли

---

1) Сличи Rituale sacramentorum, Posnaniae 1757.—Rituale sacramentorum, Wilnae 1847,—Concionales cathe cumenicae разныхъ изданій,— Concionales, Дембинскаго. — Concionales кс. Тупальскаго, а равно и кс. Гербурта.

Отсюда возникла необходимость знанія польской грамотности

они братство св. Франциска, иначе братство „терціярское“ 1); изъ коихъ до мятежа 1863 года пользовалось извѣстностью виленское, подъ начальствомъ г-жи Констанціи Домбровской. Членами братства бываютъ въ Россіи едва ли не однѣ женщины и притомъ помѣщицы и бывшія чиновницы.

Послѣ 1852 года, посредствомъ того же Михаила Чайковскаго и лазаристовъ, введено въ западныхъ губерніяхъ братство *миссіонерское*, иначе Викентія де Поль (a Paulo) 2). Братство это распространилось, по преимуществу, между женщинами здѣшней польской интеллигенціи, изъ нихъ болѣе другихъ извѣстны братство—бѣлостокское, при тамошнемъ костелѣ, и виленское, основанное при костелѣ св. Духа. Съ 1853 года, братство объединенія, основанное при виленской Островоротной часовнѣ, получило еще большую прежней силу, вслѣдствіе распространенія польскихъ молитвенниковъ, такъ называемыхъ островоротныхъ. Острыя ворота сдѣлались теперь въ Вильнѣ главнымъ мѣстомъ польскихъ сходбищъ, продажи братскихъ и польскихъ эмблемъ, а потомъ и политическихъ демонстрацій, направленныхъ противъ Россіи. Съ 1854 года, т. е. послѣ того, какъ безпорочное зачатіе Пр. Богородицы возведено папой Піемъ IX въ догматъ вѣры, начало распространяться и братство того же названія. Еще съ 1852 года ксендзы начали вводить по костеламъ,—преимущественно въ Ковенской губерніи, братство трезвости, основанное подъ покровомъ Пр. Богородицы Громничной 3). Это былъ опытъ — завлечь въ мя-

1) Братство терціярское изобрѣтено въ XIII вѣкѣ Францискомъ Асизскимъ, италіянцемъ; братство называется же терціярскимъ, по русски третьимъ, оттого, что оно третій монашескій орденъ, основанный сказаннымъ Францискомъ: первый орденъ мужскій, изъ коего вышли монахи францисканцы, бернардинцы, реформаты и капуцины; второй женскій монахини коего называются клярисками, иначе капуцинками; третій для мірянъ, иначе братство терціярское.

2) Оно изобрѣтено ксендзами такъ—называемыми миссіонерами и основано впервые при костелѣ Лазаря въ Парижѣ, въ 1822 году.

3) Братство сіе изобрѣтено первоначально въ Америкѣ, а утверждено папой Піемъ IX 28 іюня 1852 года. Существуетъ обычай у р.-католиковъ въ Россіи, въ праздникъ Срѣтенія Господня, освящать въ костелѣ свѣчи, которыми, возвратившись домой, они выжигаютъ крестъ въ оконныхъ и дверныхъ рамахъ, каждому человѣку поджигаютъ волосы спереди и сзади, и потомъ

тежъ и народъ, такъ какъ братство предназначалось для крестьянъ и мѣщанъ. Мятежныя операціи братствъ сказались еще болѣе послѣ выѣзда изъ Вильны бывшаго виленскаго генералъ-губернатора Ильи Гавриловича Бибикова, въ 1855 году. Въ виленскомъ каѳедральномъ костелѣ Станислава, одинъ изъ виленскихъ каноников, отличающійся краснорѣчіемъ, произнесъ рядъ проповѣдей, призывая народъ принять участье въ братствѣ трезвости и, разумѣется, весьма успѣшно 4),—такъ какъ, для избавленія здѣшняго народонаселенія изъ подъ опеки пановъ и евреевъ дѣйствительно необходима трезвость. Поэтому, въ дѣлѣ распространенія трезвости, сошлись въ убѣжденіяхъ какъ друзья польщизны, такъ и друзья Россіи.—Съ 1857 года ксендзы-эмигранты, возвратившись на родину, привили къ разсаднику прежнихъ братствъ, въ западныхъ губерніяхъ, и свой приносный отприскъ,—братство резурревціонистовъ (Zmartwychwstańców) 5). Оно весьма пришлось по вкусу здѣшнимъ помѣщицамъ, польскимъ чиновницамъ и вообще женщинамъ, считающимъ себя польками, такъ какъ ученіе этого братства, обязанное своей инціативой сумасбродной мечтательности знаменитаго польскаго поэта Мицкевича,—пришлось особенно по вкусу экзальтированныхъ панъ и паненокъ.

Кромѣ этихъ братствъ, въ это время основаны многія другія, а старыя, съ теченіемъ времени упразднившіеся, возобновлены. Названія ихъ слѣдующія: братство имени и сердца Іисуса (находится при 23 костелахъ), имени Маріи (находится при виленскомъ каѳедральномъ костелѣ), сердца, покрова, успенія, утѣшенія, благовѣщенія и милостивой Пр. Богородицы, Провидѣнія, св. Тайнъ, св. Фамиліи, Обрѣзанія, Срѣтенія, 5 ранъ Господа, воздвиженія честнаго креста, счастливой смерти, искупленія душъ изъ чистилища, Іосифа Обручника,

---

возлѣ ушей, даютъ держать ее точно также въ правую руку умирающему, а во время грома зажигаютъ въ комнатѣ, отсюда произошло и названіе ея *„громничной“* (громовой).

4) Dwanaście nauk o nałogu pijaństwa, przez X. T., Вильна 1863 года.

5) Братство резуррекціонистовъ учреждено около 1834 года ксендзами польскими эмигрантами Еловѣцкимъ, Семененко и другими; впервые основано при костелѣ Роха въ Парижѣ, а потомъ при костелѣ Клавдія въ Римѣ. Ратчъ.

Өеклы, Варвары, Цецилія, Петра и Павла—апостоловъ, Антонія падуанскаго, Исидора Хлѣбоносца, Іоанна Непомука, Аполлоніи, Ангеловъ хранителей и Михаила Артистратига. Даже и въ настоящее время ксендзы не перестаютъ вводить вновь братства. Между прочимъ, въ мѣстечкѣ Васильковѣ, Гродненской губерніи, основано братство въ 1863 году, ксендзомъ Лебединскимъ, замѣшаннымъ въ послѣднемъ мятежѣ, а само братство, въ 1867 году, сдѣлало скандалезную исторію неповиновенія властямъ.

Въ 1866 году, Леонтиной Тржецякъ возобновлено по Гродненской губерніи братство Франциска, иначе терціярское, произведшее по Волковыскому и Новогрудскому уѣздамъ въ прошломъ 1867 году демонстрацію, направленную противъ правительства, или точнѣе—противъ православія. Съ 1866 года опять пущено въ ходъ братство трезвости: викарный виленскаго Іоанновскаго костела, ксендзъ Осипъ Деревинскій, призывая народъ въ братство посредствомъ проповѣди, доказывалъ необходимость введенія его тѣмъ, что оно остановитъ движеніе народа въ пользу присоединенія къ православію 1).

Нынѣ въ Виленской, Гродненской и Ковенской губерніяхъ существуетъ около 400 разныхъ костельныхъ братствъ, изъ нихъ братствъ рожанцовыхъ 110, шкаплерныхъ 60, коронки, иначе розоваго вѣнка, 40, св. Троицы, иначе для выкупа невольниковъ 37 2). Каждое изъ братствъ имѣетъ свои особые праздники и особыя придаточныя богослуженія, которыя совершаются по-польски и притомъ постоянно перемѣняются: старыя выходятъ изъ употребленія, новыя вводятся. Благодаря этому разнообразію и новизнѣ, здѣшнее р.-католическое народонаселеніе до того свыклось съ мыслью видѣть у себя постоянно новыя, или точнѣе-модныя богослуженія, что, когда, наконецъ, въ 1861 года польки начали пѣть при богослуженіи мятежные гимны, народъ не счелъ это нарушеніемъ ихъ вѣры, напротивъ, подумалъ, что это новая добавочная обрядность богослуженія, и своимъ равнодушіемъ, непонятнымъ для тѣхъ, у кого не перемѣняется религіозный культъ,—далъ возможность поля-

---

1) Изъ офиціальныхъ источниковъ.

2) По ксендзовскимъ свѣдѣніямъ, за точность которыхъ не ручаемся.

камъ пѣть мятежные гимны, дѣлать демонстраціи и дурачить не только Европу, но даже и многихъ русскихъ привести къ мысли, будто не только паны, ксендзы и пани, но и народъ, во время демонстрацій, пѣлъ мятежные гимны и въ 1863 году возстаетъ противъ своего роднаго отечества.

(Продолженіе впредь).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя супруги генералъ-адъютанта Е. В. Потаповой.

Екатерина Васильевна! Въ октябрѣ 1865 г„ въ бытность вашего супруга Наказнымъ Атаманомъ войска Донскаго, Я, по личному къ вамъ довѣрію, поручила тамошній Маріинскій Институтъ благородныхъ дѣвицъ ближайшему вашему попечительству. Въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ вы принимали живѣйшее участіе въ дѣлахъ сего заведенія и много содѣйствовали его пользамъ. Нынѣ,—при вступленіи генералъ-адъютанта Потапова въ управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ,—назначивъ васъ главною попечительницею всѣхъ дѣтскихъ пріютовъ сего края; Я остаюсь въ полной увѣренности, что и въ этомъ новомъ званіи вы оправдаете Мое довѣріе, и тѣмъ доставите Мнѣ возможность благодарить васъ и впредь точно также, какъ Я благодарю васъ нынѣ за труды по Донскому институту.

Пребывая къ вамъ всегда благосклонною.

„*МАРІЯ.*"

Въ С.-Петербургѣ.
17-го апрѣля 1868 года.

«РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ» О КНЯЗѢ П. Р. БАГРАТІОНѢ.

Изъ Твери пищутъ въ *Русскій Инвалидъ*, что бывшій начальникъ Тверской губерніи, князь П. Р. Багратіонъ, назначенный помощникомъ по гражданской части виленскаго воен-

наго генералъ-губернатора, выѣхалъ изъ Твери 28-го марта. Князь пробылъ тверскимъ губернаторомъ около шести лѣтъ и пріобрѣлъ между жителями общую любовь и уваженіе. При отъѣздѣ его земство лично и письменно выразили ему свою признательность за его содѣйствіе дѣятельности. Городское общество собрало деньги, чтобъ устроить прощальный обѣдъ, но по желанію князя роздало ихъ бѣднымъ въ праздникъ Воскресенія Христова; кромѣ того, оно положило пожертвовать капиталъ, для содержанія изъ процентовъ двухъ стипендіатокъ имени князя въ тверской женской гимназіи и двухъ стипендіатокъ имени супруги князя въ тверскомъ дѣтскомъ пріютѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предположено осуществить завѣтную мечту князя—открыть ремесленное училище въ г. Твери, для обученія разнымъ ремесламъ дѣтей бѣдныхъ родителей всѣхъ сословій. Для достиженія этой цѣли составлена подписка, по которой въ короткое время уже собрано около 800 руб. Сумма эта должна значительно увеличиться, потому что въ ней приняла участіе почти вся губернія. Заботливости князя Тверь обязана устройствомъ газоваго освѣщенія и водопроводовъ, огражденіемъ затьмацкихъ жителей отъ наводненій посредствомъ устройства земляного вала, улучшеніемъ публичной библіотеки и учрежденіемъ музея. Чрезъ ходатайство князя устроена вѣтвь отъ тверской станціи николаевской желѣзной дороги къ р. Волгѣ, телеграфная линія отъ этой же станціи въ городъ и телеграфъ изъ Твери въ Старицу и Ржевъ. По ходатайству князя, лѣтомъ текущаго года должно начаться геологическое изслѣдованіе губерніи при содѣйствіи минералогическаго общества и при участіи земства, ассигновавшаго на первоначальные расходы 1,200 р. Тверское городское общество, по всеподданнѣйшему докладу министромъ внутреннихъ дѣлъ о присвоеніи князю званія почетнаго гражданина г. Твери, исходатайствовало Всемилостивѣйшее соизволеніе.

(Вил. Вѣст.)

ИЗЪ НОВОГРУДСКАГО УѢЗДА.

Намъ пришлось присутствовать, 17-го марта сего года, при освященіи православной церкви изъ бывшаго р. католическаго,

костела въ м. Городищѣ, Новогрудскаго уѣзда, и порадоваться съ какимъ торжествомъ происходило освященіе и съ какой радостью сходились крестьяне и съѣзжались всѣ русскіе Новогрудскаго уѣзда.

За часъ до начала обѣдни, около зданія бывшаго костела, собрался народъ въ такомъ количествѣ, что трудно было пробиться сквозь громадную толпу, кромѣ того съѣхалось духовенство и чиновники различныхъ вѣдомствъ. Въ 11-ть часовъ утра двинулся крестный ходъ въ старый храмъ, отстоящій отъ зданія бывшаго костела на растояніи болѣе ½ версты, сопровождаемый густою массою народа, занявшей всю улицу м. Городища, и хоромъ трубачей Нарвскаго гусарскаго полка, игравшимъ въ продолженіи шествія гимнъ: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ." Послѣ крестнаго хода началась обѣдня. Обѣдня кончилась ½ втораго, народъ собрался на площади около приготовленнаго имъ угощенія, вышло также все духовенство и съѣхавшіеся чиновники. Мировой посредникъ, поздравивши крестьянъ съ освященіемъ ихъ храма, провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора; громкое ура, раздавшееся въ отвѣтъ провозглашенному тосту, очень долго неумолкало, при чемъ хоромъ полковой музыки былъ исполненъ гимнъ „Боже, Царя храни." Второй тостъ былъ провозглашенъ новогрудскимъ уѣзднымъ исправникомъ за здоровье крестьянъ, принявшихъ православіе. Послѣ того мировой посредникъ предложилъ старшинамъ, съѣхавшимся со всего участка на освященіе храма, угощать народъ приготовленной водкой и закуской, при чемъ вниманіе всѣхъ, посѣтившихъ праздникъ, было обращено на старшинъ, одѣтыхъ въ тонкихъ русскихъ кафтанахъ съ красными кушаками. Пробывъ болѣе 2-хъ часовъ съ крестьянами на площади, гдѣ въ продолженіи всего времени играла музыка, мировой посредникъ попросилъ духовенство и чиновниковъ въ квартиру становаго пристава, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ, который сопровождался тостами за здоровье Государя Императора, всей Царской Фамиліи, настоящаго и бывшихъ начальниковъ края и минскаго губернатора.

Копія съ циркулярнаго предложенія г. главнаго начальника сѣверо-западнаго края гг. губернаторамъ, отъ 20-го апрѣля 1868 года, за № 1315.

Въ Высочайше ввѣренномъ моему управленію краѣ существуютъ во множествѣ, учрежденныя безъ вѣдома и разрѣшенія правительства, римско-католическія церковныя братства. Братства сіи, если не вполнѣ въ дѣйствительности, то покрайней мѣрѣ по идеѣ, представляютъ организованныя общества, какъ бы юридическія лица, имѣющія свои уставы, своихъ должностныхъ лицъ, общую собственность, даже недвижимыя имущества, но не имѣющія, для законности существованія въ такомъ видѣ, утвержденія или разрѣшенія правительства.

Вопросъ о римско-католическихъ братствахъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, возбужденный еще въ 1863 г. бывшимъ генералъ-губернаторомъ графомъ Муравьевымъ, до сего времени оставался не разрѣшеннымъ, въ ожиданіи подробныхъ о сихъ братствахъ свѣдѣній, потребованныхъ отъ римско-католическихъ епархіальныхъ начальниковъ и отъ духовной коллегіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ коемъ, до возбужденія сказаннаго вопроса, не имѣлось ни какихъ по этому предмету свѣдѣній, такъ какъ братства при римско-католическихъ костелахъ существовали, по отзыву бывшаго г. министра внутреннихъ дѣлъ, внѣ всякаго отношенія къ правительству, какъ чисто духовныя установленія.

Генеральный викарій могилевской римско-католической архіепархіи, епископъ Станевскій, въ отзывѣ своемъ министерству внутреннихъ дѣлъ, по поводу братствъ *) изъяснилъ между прочимъ, что братство есть общество, одобренное духовными властями, что съ основаніемъ и распространеніемъ монашествующихъ орденовъ образовались и братства, и большая часть послѣднихъ тѣсно соединена съ первыми, какъ напримѣръ рожанцовое съ доминиканскимъ, шкаплерное съ кармелитскимъ орденомъ.... Низшею степенью монашескихъ орденовъ считаться могутъ братства... Онѣ имѣютъ свои уставы и своихъ старшинъ и должностныхъ лицъ, которыя завѣдуютъ собираемыми въ кружку приношеніями на украшеніе церкви или на бѣдныхъ; въ другихъ мѣстахъ братства имѣютъ собственныя,

*) 12-го октября 1865 года, № 1308.

даже недвижимыя имущества." Въ могелевской архіепархіи, по увѣренію управляющаго оною, ни при одной церкви нѣтъ братства въ точномъ смыслѣ того слова, и лишь при нѣкоторыхъ помонастырскихъ церквахъ священники записываютъ желающихъ въ братство, но братства эти не имѣютъ никакого внѣшняго устройства и никакихъ правилъ и установъ къ соблюденію и руководству. Духовныя учрежденія эти сами собой разстроились или вовсе уничтожились и нынѣ братчиками, по обыкновенію, называютъ тѣхъ изъ прихожанъ, которые въ церквахъ въ воскресные и праздничные дни, послѣ заутрени до обѣдни, поютъ пѣсни духовныя, служатъ священнику у литургіи, сопровождаютъ его во время крестнаго хода со свѣчами, внѣ же церкви смотрятъ, чтобы жители одной съ ними деревни всѣ были у пасхальной исповѣди и т. п. Братства самыя, съ точностію говоря, не существуютъ, такъ какъ они не имѣютъ никакого устройства, не соблюдаютъ никакихъ правилъ и учрежденій, а лишь только имѣютъ разрѣшеніе отъ подлежащихъ духовныхъ властей записывать братчиковъ. Что же относится до того, на какомъ основаніи существуютъ братства въ Имперіи, то правительство не обращало особаго вниманія на братства, находящіяся при римско-католическихъ костелахъ, и эти духовныя учрежденія существуютъ, а лучше сказать, тлѣютъ еще на тѣхъ, по духовной части, основаніяхъ, на которыхъ первоначально они введены были. Могилевская римско-католическая духовная консисторія съ своей стороны утверждаетъ, что въ архіепархіи нѣтъ порядочно образованныхъ братствъ, нѣтъ и не было никакого отдѣленія при консисторіи завѣдывающаго братствами; равнымъ образомъ нѣтъ и не было при консисторіи ни одного лица ревизующаго братства. Свѣдѣній, были-ли когда либо братства разрѣшены правительствомъ и когда именно, по дѣламъ консисторіи, нѣтъ.

Братства, какъ религіозная потребность народа, какъ чисто духовныя учрежденія, имѣющія своимъ дѣломъ молитву и благочестіе, въ ихъ нынѣшнемъ видѣ, по утвержденію самихъ, управляющаго могилевскою архіепархіею и его консисторіи, не состоятельны и неудовлетворяютъ болѣе своему назначенію.

Въ виду вышеизложеннаго отзыва епископа Станевскаго и могилевской консисторіи, а также другихъ свѣдѣній, собранныхъ о костельныхъ братствахъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ,

находя дальнѣйшую переписку по сему предмету съ римско-католическимъ духовенствомъ излишнею и безплодною—и принимая во вниманіе: 1, что по дѣйствующимъ постановленіямъ св. зак. т. XIV уст. о пред. прест. ст. 164 и 165 и т. II общ. губер. учрежд. ст. 419) ни какое общество, товарищество, братство, или иное подобное собраніе не можетъ существовать безъ вѣдома или согласія правительства и не можетъ быть терпимо даже и подъ предлогомъ какой либо благотворительной или другой будто бы полезной цѣли, что только тѣ общества, товарищества или иныя собранія охраняются полиціею, которыя утверждены установленнымъ порядкомъ, всякое же не утвержденное общество немедленно закрывается, 2, основанный на означенныхъ законоположеніяхъ циркуляръ бывшаго г. министра внутренныхъ дѣлъ, отъ 6-го октября 1866 г. № 7,762, 3, Высочайше утвержденныя 8-го мая 1865 года основныя правила для православныхъ братствъ въ западномъ краѣ, по силѣ коихъ возстановленіе существовавшихъ и учрежденіе вновь даже этихъ братствъ допускается не иначе, какъ по утвержденному епархіальнымъ архіереемъ, съ согласія мѣстнаго губернатора, уставу и, наконецъ, 4, весь вредъ отъ безконтрольнаго существованія костельныхъ братствъ, въ Высочайше ввѣренномъ управленію моему краѣ, подтвержденный многими примѣрами во время происходившихъ въ краѣ политическихъ безпорядковъ, —я счелъ своею обязанностію безотлагательно рѣшить возбужденный при предмѣстникахъ моихъ вопросъ о римско-католическихъ церковныхъ братствахъ и сдѣлать въ отношеніи ихъ нынѣ же соотвѣтственныя распоряженія, а потому покорнѣйше прошу ваше превосходительство: истребовать отъ №№ римско-католической духовной консисторіи вѣдомости о всѣхъ безъ исключенія существующихъ во ввѣренной вамъ губерніи костельныхъ братствахъ и тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ законное основаніе къ своему существованію и разрѣшены правительствомъ, оставить существовать безпрепятственно, доставивъ мнѣ о нихъ точныя свѣдѣнія, именные списки братчиковъ и самые уставы; тѣ же братства, кои не представятъ на свое существованіе законнаго разрѣшенія и не имѣютъ уставовъ, немедленно закрыть, сдѣлавъ вмѣстѣ съ тѣмъ распоряженіе объ отобраніи отъ членовъ означенныхъ братствъ незаконныхъ документовъ и обязаніи ихъ подписками

объ извѣстности имъ настоящаго распоряженія объ упраздненіи ихъ братствъ вслѣдствіе незаконнаго существованія, а декановъ и настоятелей костеловъ обязать подписками, какъ объ этомъ, такъ и о не возстановленіи закрытыхъ братствъ и не вчиненіи новыхъ безъ вѣдома и разрѣшенія правительства подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, отвѣтственности по всей строгости законовъ; денежныя суммы и другое имущество упраздняемыхъ братствъ передать настоятелямъ подъ росписки впредь до особыхъ распоряженій, о послѣдующемъ мнѣ представить въ свое время вмѣстѣ съ вѣдомостями о закрытыхъ братствахъ и именными списками братчиковъ и свѣдѣніями о братскихъ суммахъ и другомъ имуществѣ какое окажется.

(Вил. Вѣст.)

ВИЛЬНА 6-го МАЯ.

Телеграммою отъ 6 мая сообщено въ Вильну, что Государыня Цесаревна благополучно разрѣшилась отъ бремени Великимъ Княземъ Николаемъ Александровичемъ.

Утромъ, 7 мая, радостная вѣсть о новомъ приращеніи Царственнаго дома быстро разнеслась по Вильнѣ; городъ мгновенно принялъ праздничный видъ и украсился флагами и жители всѣхъ вѣроисповѣданій по звону колоколовъ спѣшили въ православный св. Николаевскій соборъ, въ которомъ послѣ литургіи совершено викаріемъ литовской епархіи, преосвященнымъ Александромъ, епископомъ ковенскимъ, благодарственное Господу Богу молебствіе, въ присутствіи г. главнаго начальника края, а также военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Великолѣпное, въ недавнее время вновь отдѣланное, зданіе громаднаго собора едва могло вмѣстить желающихъ молиться о здравіи Царственнаго первенца, съ которымъ такъ много соединено будущихъ свѣтлыхъ надеждъ нашего дорогаго отечества.

Послѣ молебствія, поздравивши собранныя на церковный парадъ войска, г. главный начальникъ края принималъ поздравленіе военныхъ и гражданскихъ чиновъ, духовенства, дворянства и городскихъ сословій въ большомъ дворцовомъ залѣ и, по выраженному общему желанію, отправилъ въ Царское Село Государю Наслѣднику Цесаревичу поздравительную телеграмму, на которую

удостоился получить въ тотъ же самый день слѣдующій Всемилостивѣйшій отвѣтъ, по телеграфу.

Вильна. Генералъ-адъютанту Потапову:

Искренно благодарю войска виленскаго округа и весь край за ихъ душевное поздравленіе, которое сдѣлало Намъ большое удовольствіе. „*АЛЕКСАНДРЪ*."

Въ половинѣ втораго отъ начальника главнаго штаба получена слѣдующая телеграмма:

Вильна. Генералъ-адъютанту Потапову.

„Ихъ Величества благодарятъ васъ и всѣхъ чиновъ управленій ввѣреннаго вамъ округа и виленскаго гарнизона за принесеніе вѣрноподданническаго поздравленія." — Вечеромъ городъ залитъ былъ огнями; до поздней ночи толпы пѣшеходовъ ходили взадъ и впередъ по оживленнымъ улицамъ и любовались наскоро импровизированною иллюминаціею; погода, какъ бы сочувствуя народному торжеству, стояла великолѣпная.

Въ тотъ же самый день на поздравительную телеграмму супруги г. главнаго начальника края Е. В. Потаповой, по званію главной попечительницы пріютовъ Сѣверо-Западнаго края, полученъ былъ Всемилостивѣйшій отвѣтъ Ея Императорскаго Величества:

Вильна. Екатеринѣ Потаповой.

„Искренно благодарю васъ всѣхъ за поздравленіе."

„*МАРІЯ*."

Желая отпраздновать по русскому обычаю столь радостное для каждаго русскаго сердца событіе, попечитель виленскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Батюшковъ, послѣ обѣда собралъ въ рощѣ, на предмѣстьѣ Антоколѣ, воспитанниковъ гимназіи, раввинскаго училища, учениковъ народныхъ школъ, какъ христіанъ, такъ и евреевъ, гдѣ и сдѣлано было для нихъ гулянье съ разнымъ угощеніемъ; праздникъ этотъ былъ чрезвычайно оживленъ, питомцы, въ числѣ 1000 человѣкъ, нѣсколько разъ стройно пропѣли русскій народный гимнъ.

8-го мая въ два съ половиною часа по полудни съ пассажирскимъ поѣздомъ изволили прослѣдовать черезъ Вильну, Ихъ Императорскіе Высочества Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій и Великая Княгиня Александра Петровна, на станціи желѣзной дороги Ихъ Высочества встрѣчены были главнымъ начальникомъ

края, его помощникомъ, губернаторомъ и попечителемъ виленскаго учебнаго округа, при входѣ въ вокзалъ ожидали прибытія Ихъ Высочествъ: воспитанницы женской гимназіи и дѣти призрѣваемыя въ 2-хъ виленскихъ пріютахъ, къ которымъ Высокая посѣтительница обратилась съ милостивыми словами. Воспользовавшись часомъ свободнаго времени, Ея Императорское Высочество въ сопровожденіи Екатерины Васильевны Потаповой и помощника главнаго начальника края, князя Багратіона, изволила посѣтить Св.-Духовскій монастырь, гдѣ поклонилась мощамъ, почивающихъ виленскихъ Страстотертцевъ и получила въ благословеніе отъ епископа ковенскаго Александра св. икону. По возвращеніи на станцію желѣзной дороги былъ поданъ завтракъ, и въ 4-мъ часу по полудни Ихъ Императорскія Высочества изволили отправиться въ Бѣлостокъ въ сопровожденіи г. главнаго начальника края и его супруги. Вечеромъ 9-го мая въ половинѣ двѣнадцатаго часу Ихъ Императорскія Высочества изволили благополучно отбыть обратно въ С.-Петербургъ.

О ЗАКРЫТІИ Р.-КАТОЛИЧЕСКИХЪ КОСТЕЛОВЪ И КАПЛИЦЪ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

По представленіямъ губернаторовъ Сѣверозападнаго края, сдѣланнымъ въ минувшемъ 1867 году и въ началѣ текущаго, о закрытіи нѣкоторыхъ римско-католическихъ костеловъ и каплицъ, по малочисленности прихожанъ, по существованію безъ установленнаго разрѣшенія и по другимъ причинамъ, главный начальникъ края, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, 4-го апрѣля 1866 года и по предварительному, согласно Высочайшему повелѣнію, объявленному 3-го сентября 1867 г., сношенію съ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, разрѣшилъ 21-го и 22-го текущаго апрѣля закрыть нижеслѣдующія богослужебныя латинскія зданія:

По Виленской губерніи:

1) *Василишскій*, Лидскаго уѣзда, подоминиканскій костелъ. Въ этой мѣстности, вблизи м. Василишекъ имѣется 6 костеловъ, сказанный подоминиканскій костелъ, богослуженіе въ коемъ отправлялось только въ воскресные, праздничные и базарные дни, передается въ православное вѣдомство, для устройства въ

него приходской церкви, въ коей нуждаются православные жители м. Василишекъ и окрестныхъ мѣстъ, неимѣющіе вблизи храма.

2) *Хожевскій*, Вилейскаго уѣзда, приходскій костелъ, съ упраздненіемъ самаго прихода, по случаю присоединенія къ православію изъ прихожанъ его 1277 лицъ и заявленія остальныхъ, кромѣ 98 лицъ, принять православіе по закрытіи костела; разрѣшено костелъ этотъ передѣлать въ православную церковь.

По Ковенской губерніи:

3) *Цитовянскій* помонастырскій костелъ, по ненадобности въ немъ, съ упраздненіемъ самаго прихода и съ обращеніемъ костельнаго зданія въ православную церковь.

По Гродненской губерніи:

4) Разрѣшено упразднить по ненадобности и разобрать по ветхости каплицу, находящуюся въ Кобринскомъ уѣздѣ, въ лѣсу, принадлежащемъ помѣщицѣ Ивашкевичевой.

По Минской губерніи:

5) *Омнишевскій*, Борисовскаго уѣзда, приходской костелъ, съ упраздненіемъ прихода, въ коемъ, за обращеніемъ въ православіе крестьянъ омнишевскаго сельскаго общества, составившихъ о семъ приговоръ 28-го октября 1867 года, останется только около 150 прихожанъ.

6) Каплицу въ деревнѣ Заѣльнякъ, Борисовскаго уѣзда, устроенную безъ всякаго разрѣшенія, въ мѣстности, гдѣ нѣтъ ни одного жителя римско-католическаго исповѣданія.

7) Каплицу въ деревнѣ Евличъ, Слуцкаго уѣзда, по тѣмъ же причинамъ, что и заѣльнякскую.

8) *Заволочицкую* и 9) *Борисовщинскую* каплицы, Бобруйскаго уѣзда,—такъ какъ обѣ эти каплицы были прежде уніатскія и находятся среди сплошнаго православнаго населенія.

По Витебской губерніи:

10) *Велижскій* приходскій костелъ, бывшій уніатскою церковію, на томъ основаніи, что для 1024 лицъ прихожанъ его достаточно существующаго въ Велижѣ кладбищенскаго костела, обращаемаго нынѣ въ приходскій.

11) *Чашницкій*, Лепельскаго уѣзда, приходскій костелъ, съ упраздненіемъ прихода на томъ основаніи, что костелъ этотъ имѣетъ только 226 постоянныхъ прихожанъ и что вообще число

прихожанъ его, считая даже и неосѣдлыхъ жителей, сравнительно съ мѣстнымъ православнымъ населеніемъ незначительно и недостигаетъ цифры опредѣленной закономъ (примѣчаніе къ ст. 125 т. XI ч. 1 св. зак. изд. 1857 г.) для самостоятельнаго существованія прихода.

12) *Полюдовичскій*, Лепельскаго уѣзда, приходскій костелъ, съ упраздненіемъ прихода, также малочисленности прихожанъ его, на основаніи прим. къ ст. 125 т. XI ч. 1 св. зак. изд. 1857 г.

13) *Цильвичскую* каплицу близъ г. Люцина, по ветхости ея и ненадобности для мѣстнаго римско-католическаго населенія.

14) *Городенскую* каплицу, Лепельскаго уѣзда, съ передачею ея православному духовенству, коему, по произведенному дознанію, она оказалась принадлежащею.

15) Семнадцать каплицъ Себѣжскаго уѣзда, на существованіе коихъ нѣтъ никакихъ документовъ, ни при одной нѣтъ прихожанъ, и всѣ онѣ окружены православнымъ населеніемъ.

СЛОВО

въ четвертокъ св. Пасхи и день воспоминанія чудеснаго избавленія отъ злодѣйскаго покушенія на жизнь Его Величества, Государя Императора Александра Николаевича, 4-го апрѣля, сказанное іеромонахомъ Смарагдомъ.

Дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ.
Ев. Іоан. 16, 33.

Такъ говорилъ Господь ученикамъ своимъ, утѣшая ихъ предъ страданіями своими. Но ученики, пока не совершилась побѣда Христа надъ міромъ, пока не увидѣли на руку Его язвы гвоздинныя, оставались еще робкими, молчаливыми. Они еще не имѣли твердой вѣры во всемогущаго своего учителя; находясь всегда при Немъ, слушая Его ученіе, видя Его чудеса, они нерѣдко обнаруживали въ себѣ слабость вѣры, высказывали сомнѣнія, дѣлали возраженія. Если разъ отъ лица Петра они исповѣдывали Его Христомъ, Сыномъ Бога Живаго, то во многихъ другихъ случаяхъ впадали въ ошибки. Господи, спрашивали они между прочимъ, аще въ лѣто сіе устрояеши царствіе Израилево? тогда какъ Спаситель еще прежде говорилъ имъ, что „Царство мое нѣсть отъ міра сего.“ Особенно

поколебалась ихъ вѣра въ Божеское достоинство своего учителя въ послѣдніе дни Его земной жизни, видя, что этотъ великій чудотворецъ, повелѣвавшій морями и бурями, изгонявшій бѣсовъ, воскреситель мертвыхъ, взятъ съ оружіемъ и дрекольми, связанъ, ведомъ на судъ,—они страшно смутились; забыли и послѣднюю прощальную къ нимъ рѣчь. Только что сказанныя слова: дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ, потеряли для нихъ всю свою силу и важность, и;... оставилше Его, бѣжаша... Наконецъ отрекся отъ Него и послѣдній ученикъ Петръ.

Но воскресъ Христосъ, и изчезло всякое сомнѣніе! Воскресъ Христосъ, и въ мысляхъ и убѣжденіяхъ учениковъ Его произошла внезапная перемѣна. Вмѣсто страха и боязни обнаружилась неописанная радость и восторгъ. Вмѣсто сомнѣній и колебаній въ вѣрѣ, проявилась съ силою любовь и благоговѣніе къ своему Божественному Учителю. Каждый наперерывъ старался выказать предъ Нимъ свою преданность. Петръ спѣшитъ загладить свой малодушный поступокъ троекратнымъ глубоко сердечнымъ признаніемъ въ любви: Господи, ты вѣси, яко люблю Тя. Ѳома, восклицаетъ: Господь мой и Богъ мой! Теперь они вполнѣ убѣдились, что Христосъ, Сынъ Божій дѣйствительно побѣдилъ міръ, восторжествовалъ надъ грѣхомъ, смертію и адомъ. А когда по повелѣнію отъ Духа Святаго они ходили по вселенной съ проповѣдію, то учили съ такою силою, мужествомъ и успѣхомъ, что скоро покорили Христу весь міръ, и не мечомъ и оружіемъ, а простымъ словомъ о крестѣ, и воскресеніи Христовомъ. Они теперь не боялись идти въ страны чуждыя, невѣдомыя, въ страны варваровъ, не останавливались ни предъ какими препятствіями, не страшились ни угрозъ, ни темницъ, ни самой смерти. Такъ воскресеніе І. Хр. изъ мертвыхъ, придало ученикамъ Его мужество и силу; и въ проповѣди своей всему міру, это торжественное событіе, они полагали въ основаніе и въ подтвержденіе своихъ доказательствъ. Главная мысль ихъ была такая: вѣруйте во Евангеліе,—распятый воскресъ; мы были свидѣтелями, мы видѣли Воскресшаго, осязали Его Божественныя язвы, мы сами слышали Его ученіе о царствѣ Божіемъ. Онъ вкушалъ съ нами, преломлялъ хлѣбъ и мы теперь проповѣдуемъ, что этотъ распятый,—есть истинный Богъ, Творецъ, Спаситель, Судія. А ап. Павелъ прямо говоритъ: аще Христосъ не воста, суетна вѣра ваша,

тщетно и проповѣданіе наше; это значитъ, что воскресеніе Господа Нашего изъ мертвыхъ служитъ самымъ торжественнымъ свидѣтельствомъ всѣхъ истинъ вѣроученія христіанскаго. Другія событія въ исторіи святаго Искупленія были какъ бы неполны, незаконченны, предполагали собою какой то послѣдній торжественный фактъ, который бы вполнѣ раскрылъ все дѣло домостроительства Божія о спасеніи людей. Воскресеніе Христово и есть тотъ торжественный фактъ, который дѣйствительно есть вѣнецъ всѣхъ событій святаго искупленія.

Аще Христосъ не воста, суетна вѣра наша. Братія! Мы торжествуемъ въ честь Воскресшаго Господа, празднуемъ Его побѣду надъ смертію, грѣхомъ и адомъ, какъ бы свою побѣду. Слѣдовательно нѣтъ болѣе мѣста никакимъ сомнѣніямъ и колебаніямъ въ вѣрѣ. Воскресеніемъ Христовымъ утверждается все наше вѣроученіе, начиная съ истинъ бытія Божія и кончая истинною о вѣчной жизни праведниковъ и нераскаянныхъ грѣшниковъ. Притомъ, эта вѣра должна руководить насъ на всѣхъ путяхъ нашей жизни; она должна быть утѣшительницею при встрѣчѣ съ смертію, она должна быть свѣтомъ, освѣщающимъ и оживляющимъ всѣ наши мысли и дѣла.

Съ торжествомъ воскресенія Христова прекрасно совпадаетъ нынѣ другое торжество—собственно наше, русское. Нынѣ день воспоминанія чудеснаго избавленія отъ злодѣйскаго покушенія на жизнь нашего Царя. Сугубый праздникъ! Торжествуя въ честь Побѣдителя ада и смерти, мы вмѣстѣ торжествуемъ нынѣ побѣду надъ врагами русскаго народа, русскаго Царя, надъ врагами св. церкви русской, въ лицѣ извѣстнаго злодѣя; спасеніемъ драгоцѣнной жизни нашего Государя, мы празднуемъ избавленіе нашего отечества отъ ложныхъ противо-церковныхъ и противо-государственныхъ идей. Богъ знаетъ откуда и когда занесены къ намъ противныя не только закону Божію, но и здразому смыслу идеи коммунизма, соціализма, даже идеи революціонныя? Скажутъ съ Запада. Но пора ужъ намъ перестать дышать и жить мыслями и примѣромъ Запада. Эти подражанія, до забвенія своихъ завѣтныхъ преданій, до ослабленія и едва не уничтоженія въ себѣ своихъ національныхъ думъ и идей, едва не довели насъ до потери драгоцѣнной жизни Царя, до бѣдъ, отъ которыхъ избавилъ Богъ, до потери милліоновъ своихъ братій въ здѣшнемъ краѣ. Ужъ пора

взяться за свой умъ. Пора расправить свои могучія плечи. Пора ожить русскому духу... Припомните, братія, какое направленіе нѣсколькихъ русскихъ умовъ было въ началѣ 60-хъ годовъ и не много ранѣе. Въ то время и въ умныхъ разговорахъ и на письмѣ проводили какія то странныя понятія о новой формѣ государственной жизни, глумились наконецъ надъ церковію, ея догматами. Въ тихомолку разговаривали о какихъ то государственныхъ перемѣнахъ, сообщали другъ другу о какихъ то подпольныхъ замыслахъ противъ власти и закона, и обо всемъ этомъ говорили съ охотою, съ какою то злою улыбкою на устахъ; улыбались и слушающіе. Въ слѣдствіе этого, конечно, во многихъ чувство вѣрности престолу, закону, своей націи, своей отечественной церкви, постепенно угасало и охлаждалось, такъ что многіе въ это время разсуждали о власти, о законѣ, о церкви, (простому народу почему то сочувствовали!...) не какъ о чемъ то родномъ, своемъ, а какъ о постороннемъ, какъ будто не къ нимъ относились всѣ явленія общественной жизни и лица; многіе дошли до политическаго невѣрія. Это то время и эта вредная—мрачная среда и воспитала и выслала, безъ сомнѣнія, того, который возымѣлъ рѣшительное намѣреніе убить нашего Августѣйшаго Вѣнценосца.

Сыны Россіи! Мы всѣ убѣждены, и это выше всякаго сомнѣнія, что въ событіи 4-го апрѣля открылось явное, сверхъестественное чудо. На русскомъ Царѣ и русскомъ народѣ видимо пребываетъ рука Всемогущаго Бога. И теперь посмотрите, какое благотворное дѣйствіе произвело это чудо? И сколько пролило оно свѣта на современный обзоръ мыслей, убѣжденій, плановъ, затѣй въ обществѣ русскомъ! Едва раздался выстрѣлъ и вѣсть о покушеніи злодѣя разнеслась по концамъ обширнаго нашего отечества, какъ народъ русскій встрепенулся, заговорило въ немъ русское сердце, въ крѣпкихъ жилахъ его забилась богатырская кровь. Прежде всего сказалось въ немъ религіозное чувство. При первой вѣсти о чудесномъ избавленіи Его Величества отъ опасности, лица всѣхъ званій и состояній спѣшили излить въ пламенныхъ молитвахъ свое благодареніе Богу объ этомъ спасеніи. Восторгъ народа не зналъ границъ; храмы не вмѣщали молящихся; молились на площадяхъ, въ общественныхъ заведеніяхъ, въ частныхъ домахъ. Радость была торжественная, всенародная. За тѣмъ всѣ на

перерывъ спѣшили выразить предъ своимъ Государемъ своя глубоко-вѣрно-подданническія чувства, отрекаясь отъ всякихъ нерусскихъ мыслей и убѣжденій. Наконецъ, увидѣвъ, что среди насъ есть враги, покушавшіеся было ниспровергнуть государственный порядокъ, нарушить нашъ внутренній православный миръ и тишину, и понявъ, что у насъ существуетъ вредное направленіе умовъ, съ энергіею взялись за дѣло исправленія своихъ, искорененія враговъ и т. под. И теперь, слава Богу, кажется мы ступили на истинный путь жизни. Благія мысли о русскомъ православіи, народности и самодержавіи, охвативъ съ большею силою все наше существо, крѣпнутъ и останутся непоколебимыми навсегда.

Такъ, чудо 4-го апрѣля много произвело перемѣнъ къ лучшему въ нашемъ отечествѣ. И это явленіе въ нашей жизни похоже на перемѣну, какая произошла въ ученикахъ Хр. послѣ Его Воскресенія. Слава же Христову воскресенію! Слава нашему русскому Царю! Слава русскому народу! Братія! Аще Богъ по насъ, кто на ны? Возблагодаримъ Господа отъ всего сердца нашего за Его милость къ русскому народу, явленную въ минуту покушенія злодѣя на жизнь Императора нашего, и сохранимъ память объ этой милости въ нашихъ русскихъ сердцахъ на всю жизнь.

Воскресъ Христосъ, и расточатся враги Его, Аминь.

(Вил. Вѣст.)

ПРАЗДНОВАНІЕ ВЪ ПАРИЖѢ БАРСКОЙ КОНФЕДЕРАЦІИ.

Извѣстно, что стоглавая гидра польской „справы", не смотря на посѣченія, испытанныя и испытываемыя ею по сей часъ, не околѣваетъ и время отъ времени поднимается, „тризѣвно лая". Какъ покойный Пальмерстонъ держалъ про насъ на всякій случай бѣглецовъ и ренегатовъ, въ родѣ Герцена, Огарева и Бакунина: такъ и у Наполеона III есть цѣлыя скопища польскихъ эмигрантовъ, которымъ онъ позволяетъ отъ скуки заниматься неосуществимыми утопіями о возстановленіи своей „ойчизны" и перестройкою Европы по щучьему велѣнью какихъ нибудь Голуховскихъ, Чарторыйскихъ, Потоцкихъ, и по слезному прошенію паней и панѣнокъ съ ихъ возлюбленными ксендзами. Наполеонъ,

безспорно, человѣкъ очень умный и хитрый, и чуть только замѣтитъ, что шалуны, прозываемые въ Парижѣ „сѣверными французами", начинаютъ дурачиться ужъ черезчуръ по французски,— тотчасъ по рукамъ ихъ и ставитъ въ уголъ. Надуются ребятишки. Чтобъ утѣшить ихъ, онъ дозволяетъ учредить имъ какой нибудь дѣтскій балъ съ музыкой и пѣніемъ,—и успокоятся шумливые ребята до первой шалости и до перваго наказанія.

Къ числу такихъ дѣтскихъ забавъ принадлежитъ отпразднованный недавно, въ Парижѣ, въ церкви св. Магдалины, столѣтній юбилей барской конфедераціи. Газета „Opinion Nationale" говоритъ, „обширный храмъ едва могъ вмѣщать въ себѣ толпу поляковъ всѣхъ сословій, соединившихся въ этотъ день общимъ патріотическимъ воспоминаніемъ. Смѣшались старики съ бѣлымъ усомъ, съ военнымъ орденомъ въ петлицѣ, мужчины всѣхъ поколѣній, женщины въ большомъ числѣ, ксендзы и даже дѣти, даже воспитанники достойной (?) польской школы въ Батиньолѣ, гдѣ благочестиво (!!) воспитывается, на землѣ изгнанія (?!) новое поколѣніе воиновъ, заранѣе посвятившихъ себя священнѣйшему изъ призваній.... Достойный (чего?) патеръ церкви Магдалины предоставилъ себѣ лишь проповѣдь въ этомъ трогательномъ (!!!) торжествѣ. Рѣчь его была, конечно, одною изъ прекраснѣйшихъ и самыхъ патетическихъ, какую только произносилъ г. Дегерри."

Чего еще не достаетъ для фанатизированія толпы, съ такимъ торжествомъ празднующей „на землѣ изгнанія" событіе, сущности котораго она сама хорошенько не понимаетъ? И что мудренаго послѣ этого, если изъ числа этихъ „благочестиво" воспитываемыхъ юношей явится не одинъ, а нѣсколько посягателей на жизнь монарховъ? Нужно прибавить къ этому, что Дегерри, этотъ „достойный патеръ", служитъ при французскомъ дворѣ исповѣдникомъ императрицы и преподавателемъ Закона Божія императорскому принцу. Можно себѣ представить, какія чудовищныя понятія о польской исторіи получитъ будущій императоръ Франціи, наслушавшись патетическихъ уроковъ своего законоучителя!...

Церковная служба завершилась, какъ и слѣдовало ожидать пѣніемъ „Еще Польска не згинела" и „Съ дымемъ пожарувъ" пѣтыхъ, какъ говоритъ съ возвышеннымъ краснорѣчіемъ „Opinion Nationale", умирающими жертвами, въ Варшавѣ." Запѣвалами были три ксендза, совершавшіе *безкровную* службу, а за ними пѣли всѣ присутствовавшіе. „Это, заключаетъ органъ польскихъ эми-

грантовъ, прекрасное, чисто-польское торжество было устроено подъ покровительствомъ достопочтенной княгини Гедройць."

Кажется, ни достопочтенная княгиня Гедройць, ни не менѣе достопочтенные ксендзы-запѣвалы, ни даже самъ редакторъ газеты, усвоившей себѣ спеціальность раздуванія польской „справы", сами не знають что такое они праздновали и чему такъ ребячески радовались.

Извѣстно, что императрица Екатерина принимала горячее участіе въ судьбѣ, такъ называемыхъ, диссидентовъ, то есть, не исповѣдывавшихъ католицизмъ, жившихъ въ предѣлахъ Польскаго королевства или, точнѣе, польской республики. Въ манифестѣ своемъ 18 ноября 1768 года о начатіи войны съ Оттоманскою Портою, она писала, между прочимъ, что еще по трактату 1686 года" именно и точно постановлено, чтобы греко-россійская православная церковь и исповѣдники ея, въ земляхъ и владѣніяхъ короны польской и великаго княжества литовскаго, пользовались непремѣнно и во всегдашнее время принадлежащими имъ вольностями, правами и преимуществами. Вмѣсто чего, бѣдственное искуство чрезъ 70 лѣтъ показало, что православіе „тамъ если не вовсе истреблено, по крайней мѣрѣ, несказанно утѣснено и, такъ сказать, изъ общества и правъ гражданскихъ вовсе самымъ насильствомъ исключено было." Описавъ за тѣмъ, какія дружественныя представленія дѣлаемы были въ пользу диссидентовъ манифестъ упоминаетъ, что безвинное гоненіе и насилія противъ нихъ дошли до того, что имъ напослѣдокъ, такъ сказать, едва ли что другое оставалось, какъ только свобода дышать съ прочими своими согражданами однимъ воздухомъ, внѣ всякаго, впрочемъ, участія въ общихъ отечества благодѣяніяхъ. Не могли мы, заключаетъ державная покровительница православія, натурально и по человѣколюбію, и по долгу короны нашей, воздержаться отъ употребленія сильнѣйшихъ мѣръ послѣ того, какъ всѣ уже другіе способы кротости и самыя угрозы, втуне были истощены."

Въ слѣдствіе такого манифеста, войска наши вступили въ Польшу, заняли Варшаву и подъ вліяніемъ такой, дѣйствительно сильной и рѣшительной мѣры, заключенъ былъ 13 (24) февраля 1768 года съ польскою республикою трактатъ, которымъ римско-католическая церковь признавалась господствующею въ краѣ, но въ тоже время обезпечивалась полная свобода всѣмъ прочимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ. „Грекамъ не-унитамъ и дис-

сидентамъ, сказано въ трактатѣ, возвращается совершенный активитетъ, какъ въ гражданскихъ, такъ и воинскихъ чинахъ, тожь подѣленіе во всѣхъ прибыткахъ, которое совершенное равенство урожденія даетъ имъ право имѣть равно съ католиками римскими, по поводу котораго равенства, вѣра не имѣетъ быть препятствіемъ людямъ не-унитской и диссидентской религіи къ пріобрѣтенію индигената и дворянства. Мѣщане вѣры греческой не-унитской и диссидентской обоего исповѣданія имѣть будутъ совершенное равенство съ католиками римскими по способности, свойственной ихъ состоянію"

Но извѣстно, какъ поляки соблюдали трактаты. Пока русскія войска и нашъ посланникъ при сеймѣ, князь Репнинъ, производили энергическое вліяніе на законодательное собраніе, епископъ каменецкій, Адамъ Красинскій, переодѣтый лекаремъ, уѣхалъ изъ Варшавы, остановился на турецкой границѣ и оттуда завязалъ сношенія съ Константинополемъ, потомъ прошелъ черезъ всю Польшу и вездѣ возбуждалъ религіозный фанатизмъ. Когда въ Варшавѣ все уже было готово къ подписанію дружественнаго трактата съ Россіей, нѣсколько фанатиковъ, настроенныхъ епископомъ Красинскимъ, задумали разорить усилія нашего правительства, направленныя къ возстановленію нарушенныхъ правъ нашихъ единовѣрцевъ. Шляхтичъ Пулавскій и братъ епископа, Красинскій, устроили *конфедерацію* или союзъ, во первыхъ, противъ своего же правительства, заключившаго съ Россіею трактатъ, а во вторыхъ, и противъ Россіи, которая такъ настойчиво требовала этого трактата. Конфедерація состояла сначала только изъ осьми шляхтичей. Для своихъ собраній они выбрали небольшое мѣстечко Баръ въ Подольской губерніи, собственно потому, что оно находилось очень близко къ турецкой границѣ, къ которой войска наши, въ мирное время, не приближались. Первое собраніе состоялось 17 (29) февраля 1768 г. Предсѣдателемъ въономъ былъ графъ Красинскій, а членами Пулавскій съ тремя своими сыновьями и племянникомъ, да два неизвѣстныхъ шляхтича. Цѣли и намѣренія ихъ явствуютъ изъ слѣдующаго, сохранившагося доселѣ, документа.

„Клянусь предъ Богомъ, св. Дѣвою и всѣми святыми покровителями Королевства Польскаго, и передъ тобою, *святой* отецъ Рима, глава церкви Іисуса Христа, что я не выдамъ тайны, довѣренной мнѣ для заговора къ защитѣ римско-католической рели-

гіи, не открою ни лицъ, ни мѣстъ нашихъ условленныхъ собраній никому въ свѣтѣ, ни даже искреннѣйшему другу, ни женскаго, ни мужскаго пола, до опредѣленнаго срока, что я не покину римско-католической религіи, но буду защищать ее своимъ тѣломъ и своимъ мечемъ, подвергая и свою жизнь опасности до тѣхъ поръ, пока означенная религія совершенно утвердится и возстановится въ моемъ отечествѣ. Обязуюсь сею клятвою, да никакой духовникъ не проститъ мнѣ преступленія ея. Да обяжется всякій защищать римско-католическую вѣру цѣною своей жизни. Не будетъ сдѣлано насилія ни *католикамъ*, ни *евреямъ*; никто да не покусится на это ни самъ, ни чрезъ своихъ подчиненныхъ. Да повинуется въ точности всякій своимъ начальникамъ, исполняя ихъ приказанія подъ опасеніемъ смерти и покоряясь произносимымъ ими приговорамъ. Строго запрещается женщинамъ быть въ лагерѣ. На первомъ знамени заговора будетъ изображено Распятіе; на второмъ Матерь Божія. На всѣхъ знаменахъ, а особенно на первомъ, будутъ изображены поверженныя однѣ на другія мертвыя тѣла, съ надписью: „враги вѣры не отнимутъ ихъ у насъ."

Общій пароль или девизъ: „Іисусъ, Марія." 1) Не будетъ имѣть никакихъ сношеній, ни договоровъ съ врагами вѣры и съ католиками, которые будутъ намъ враждебны. Каждый изъ кавалеристовъ-заговорщиковъ, будетъ имѣть два коня, пару пистолетовъ, саблю и вооруженнаго лакея. На лѣвой сторонѣ у него будетъ крестъ. Всякій кавалерійскій отрядъ будетъ состоять изо ста лошадей съ однимъ офицеромъ. Наша награда будетъ Богъ и святое Провидѣніе; впрочемъ, кто можетъ пособить своему товарищу, тотъ обязанъ это сдѣлать. Фуражъ и провіантъ будутъ раздаваться въ главной квартирѣ. Выборъ главнокомандующаго будетъ зависѣть отъ сочувствія и довѣрія всѣхъ конфедератовъ; прочіе офицеры будутъ опредѣляемы по жребію, исключая тѣхъ, которые съ своими отрадами придутъ подъ знамена Іисуса Христа; впрочемъ и они обязаны принести присягу вѣрности главнокомандующему. Ни одинъ лютеранинъ, кальвинистъ, грекъ—неуніатъ, еврей крещеный не будетъ допущенъ въ заговоръ. Сверхъ того, тайна не будетъ сообщаема никому—ни матери, ни сестрѣ, ни женѣ—никому. Каждый изъ конфедератовъ будетъ воору-

1) Не съ того ли времени изъ устъ каждаго поляка и особенно польки кстати—некстати слышится: «Езусъ—Марія. Езусъ—Марія»?

шевлять и привлекать къ заговору другихъ друзей и добрыхъ католиковъ. Да позаботится каждый изъ конфедератовъ о томъ, чтобы очистить себя отъ упрековъ совѣсти, испросивъ у Бога прощеніе всѣхъ своихъ грѣховъ, которые могутъ привлечь на конфедератовъ проклятіе Неба. Для сего каждая молитва будетъ начинаться и оканчиваться призываніемъ благословенія на всѣ наши дѣла. Въ случаѣ, если кто либо изъ заговорщиковъ злокозненно преступитъ вышеозначенныя статьи, или совершитъ какое предательство,— будетъ наказанъ смертію немедленно. Печать заговорщиковъ: Распятіе на груди орла, держащаго съ двухъ сторонъ саблю съ надписью: „побѣдить или умереть."

Изъ этого спутаннаго, безтолковаго и длиннаго документа видно, по крайней мѣрѣ, что это не политическое сопротивленіе насиліямъ чужой державы, а фанатическій крестовый походъ закусившаго удила латинства противъ православія. Здѣсь есть и обращеніе не дѣлать вреда католикамъ и жидамъ, слѣдовательно, всячески губить православныхъ и протестантовъ; тутъ и угроза смертію, и мертвыя тѣла, изображенныя для чего-то на хоругви и всякая ерунда поляковъ, мѣтко прозванныхъ русскимъ народомъ извѣстнымъ эпитетомъ.

Извѣстно, чѣмъ кончилась барская конфедерація: заговорщики подняли противъ насъ Турцію и едва не вооружили Францію. Французскій министръ Шуазель послалъ извѣстнаго Дюмурье помогать конфедератамъ своими совѣтами, а съ деньгами для заговорщиковъ отправилъ кавалера де-Толь. Кавалеръ проѣхалъ всю Литву и Бѣлоруссію, и долго не могъ отыскать ни лагерей, ни армій, ни артиллеріи, о которыхъ было такъ много шума въ Европѣ. Страна была спокойна. Правда, говорили о какихъ-то шайкахъ, скрывающихся въ лѣсахъ; но объ нихъ никто не заботился, и коммиссаръ долго не могъ напасть на ихъ слѣдъ. „Такое странное невѣдѣніе, говоритъ онъ, происходитъ отъ великой трудности сообщеній въ странѣ и отъ *торопливости, съ какою конфедераты отступаютъ передъ московитами. Они не бѣгутъ, а летятъ и, такъ сказать, становятся невидимками.* Красинскій и Потоцкій (два главные предводителя) прячутся отъ всѣхъ, и одинаковымъ мракомъ покрыто и ихъ поведеніе, и ихъ операціи"

Можно себѣ представить, какъ былъ удивленъ почтенный кавалеръ, когда, наконецъ, добравшись до Красинскаго, услышалъ отъ него, будто „московиты боятся конфедератовъ, и если придутъ,

то непремѣнно будутъ разбиты." Интересенъ отвѣтъ кавалера на это польское хвастовство: „если вы ихъ разобьете, то чегожъ вамъ ждать ихъ? Ступайте на встрѣчу!" Какъ на бѣду, въ 11 часовъ вечера пришло извѣстіе, что русскіе показались на разстояніи одной четверти мили. „Я проснулся, доносилъ кавалеръ, перепуганный цѣлою толпою, которая вбѣжала къ двумъ главнокомандующимъ, спавшимъ со мною въ одной комнатѣ. Среди крика и говора, я слышалъ только: „москали, москали!" Ужасъ былъ на каждомъ лицѣ и въ голосѣ каждаго. Мнѣ крикнули, чтобы я вставалъ тужъ минуту, потому что надо было ѣхать не медля. Никогда въ жизни моей, заключаетъ очевидѣцъ, не видывалъ я такого смущенія, безпорядка и ужаса!" По словамъ Дюмурье, во время военныхъ операцій барской конфедераціи, русскіе гонялись за поляками, „какъ хищныя птицы за голубями." Стало быть, *ушкинеры* послѣдняго мятежа повторяли только комедію, разыгранную ихъ дѣдами ровно за сто лѣтъ...

Дѣло, какъ извѣстно, кончилось тѣмъ, что турки разбитые на всѣхъ пунктахъ, заключили миръ въ Кучукъ-Кайнарджи; а Польша потеряла съ трехъ сторонъ по области, которыя отошли къ Пруссіи, Австріи и Россіи.

Невзыскательны же польскіе патріоты, если торжествуютъ съ такою пышностію событіе, стоившее имъ такихъ потерь! Безъсомнѣнія, проповѣдникъ парижскій обошелъ этотъ щекотливый для „сѣверныхъ французовъ" предметъ, а ударилъ собственно на главную задачу барской конфедераціи,—на борьбу католицизма съ православіемъ. Тутъ, дѣйствительно, предстояло ему широкое поле для ругательствъ и клеветъ на Россію и на православіе, и исповѣдникъ французской императрицы отличился тѣмъ патетизмомъ, который привелъ въ такой восторгъ газету „Opinion Nationale." Пусть ихъ! Мы сердиться не станемъ: пустыя слова ихъ—пустой звонъ въ воздухѣ...

ДѢЛО О КАТОЛИЧЕСКИХЪ ПАТЕРАХЪ ПРИ ПЕТРѢ В.

Мы имѣемъ у себя подъ руками любопытныя свѣдѣнія, характеризующія собою дѣйствія папской пропаганды и предусмотрительность нашего правительства въ отношеніи къ папизму, еще

при Петрѣ Великомъ (*). Четыре католическихъ миссіонера,—капуцины,—хотѣли проникнуть съ своею пропагандою въ Астрахань. Въ виду этого, они (4 апр. 1722 г.) подали императору Петру Великому прошеніе, въ которомъ изъясняли, будто, „лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, въ Астрахань отправлено было трое капуциновъ, изъ которыхъ въ живыхъ остался только одинъ, и будто, по увѣдомленію капитана Шаргѐ, въ низовскомъ корпусѣ находится много католиковъ—лицъ всякаго чина, а между тѣмъ духовника у нихъ не имѣется.“—Вслѣдствіе этого, капуцины просили государя разрѣшить выдать имъ свободные паспорты на проѣздъ въ Астрахань *и обратно во всякое время.* Прошеніе сдано было въ синодъ, который, съ своей стороны, не замедлилъ сдѣлать зависящее распоряженіе о выдачѣ означеннымъ патерамъ должнаго паспорта. Коллегія же иностранныхъ дѣлъ, полагая, нѣтъ ли въ прошеніи капуциновъ лжи и какихъ-нибудь затаенныхъ цѣлей, до выдачи имъ билета, потребовала отъ астраханскаго губернатора предварительной справки о томъ, „сколько въ Астрахани, между русскими подданными, находится католиковъ; есть ли тамъ костелъ; давно ли онъ построенъ и были-ль тамъ какіе нибудь католическіе патеры раньше? А также: ежели теперь допущены будутъ туда два патера (Казиміръ и Фиделисъ), то *не будетъ ли отъ того какой опасности или какого подозрѣнія?*“ По справкѣ, наведенной по записнымъ книгамъ римско-католич. испов., оказалось; что въ Астрахани между русскими подданными нѣтъ,—какъ доносили коллегіи иностр. дѣлъ, — „*ни французовъ*, ни *нѣмцевъ*, а есть только нѣсколько католиковъ, пріѣхавшихъ изъ Персіи и съ ними одинъ патеръ Антоній.“—Что же касается костела и прочихъ патеровъ, то о нихъ *никто даже и не слыхалъ въ Астрахани.* Патеръ Антоній объявилъ, что онъ прибылъ въ Астрахань *по распоряженію папы и кардиналовъ* для управленія католическимъ духовенствомъ (котораго тамъ не было), и что онъ слышалъ отъ католическихъ армянъ будто, къ его пріѣзду въ Астрахань, прибудетъ сюда одинъ патеръ, имя котораго ему неизвѣстно. По пріѣздѣ своемъ въ Астрахань, Антоній дѣйствительно, какъ говоритъ онъ, засталъ тамъ двухъ патеровъ, которые отправляли церковную службу въ частномъ домѣ, а не въ

(*) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ бумагъ синодскаго архива и сообщены намъ дѣйств. стат. сов. П. И. Савваитовымъ.

настоящемъ костелѣ, „*понеже въ то число настоящаго костела было не построено; а указа* де Его Императорскаго Величества у себя оные патеры *никакого не имѣли, а служили съ позволенія онаго духовнаго чина папы римскаго,* а нынѣ де онъ Антоній настоящій костелъ построилъ въ августѣ мѣсяцѣ 1721 г., и, *съ дозволенія* (астраханскаго) *губернатора,* воздвигъ надъ костеломъ крестъ“ *).— Св. синодъ, обстоятельно разсмотрѣвши это дѣло, опредѣлилъ: „выдать патерамъ паспорты до Астрахани; костелъ же въ Астрахани, какъ построенный *самовольно* патеромъ Антоніемъ, закрыть; строителя же его, какъ пріѣхавшаго въ Астрахань *съ умысломъ*, удалить изъ Россіи; прочихъ патеровъ *поручить строгому надзору* мѣстнаго губернатора и архіерея, которые должны *бодростно* слѣдить за дѣйствіемъ патеровъ.“

(Хр. Чт.)

СЛАВЯНСКІЯ ЗЕМЛИ.

Галицкій училищный совѣтъ рѣшилъ издавать офиціальный журналъ на польскомъ языкѣ подъ названіемъ „Школа,“ и пригласилъ общинные совѣты подписаться на помянутый журналъ. Всѣ русскіе общинные совѣты отказались выписывать польскій офиціальный журналъ, а общинный совѣтъ деревни Мшанъ препроводилъ училищному совѣту офиціальное отношеніе слѣдующаго содержанія: „Общинный совѣтъ Мшанъ уполномоченъ громадою (міромъ) высокому училищному совѣту въ отвѣтъ на его офиціальное отношеніе отъ 7-го (19-го) февраля н. г., за № 768, заявить слѣдующее: Мы учредили учебное заведеніе въ Мшанахъ, въ которомъ наши дѣти воспитались бы въ добрыхъ сыновей своихъ родителей, въ полезныхъ гражданъ австрійской державы, въ вѣрноподданныхъ славно и съ полнымъ благословеніемъ царствующаго дома Габсбурговъ, по примѣру своихъ отцовъ и предковъ, которые со временъ присоединенія Галичины къ всевеличественнѣйшему трону Австріи пребыли вѣрными и преданными дому Габсбурговъ; притомъ наши дѣти должны сохранить русскую народность. Если нашему заведенію захотятъ навязать чуждый языкъ, какъ это явствуетъ изъ вышереченнаго офиціальнаго польскаго приглашенія на польскую временность „Школу,“ то міръ готовъ уничтожить школу прежде, чѣмъ дозволитъ учить дѣтей по польскимъ книгамъ и довѣритъ учить польскому учителю, а это

по слѣдующимъ причинамъ: а) мы жители Галичины „не есьмо поляками“ и, слава Богу, нами не управляетъ польскій государь и польское правительство подъ именемъ „Польша;“ но мы знаемъ, что есть партія, затѣвающая почти ежегодно бунты и ребеліи (возстанія), которыя мы изъ правдивой любви къ законному государю нашему ревностно „придушали есмы.“ Потому-то громадѣ (міру), подчиненной русской консисторіи, не подобаетъ воспитывать дѣтей своихъ на подобіе этой партіи. б) Стремленія перемѣнить насъ, русскихъ жителей, въ поляковъ, крайне оскорбляютъ наше народное чувство, и подчиняться подобнымъ стремленіямъ значило бы, съ нашей стороны, перечить нашему здравому человѣческому разуму. И почему же насъ не пригласятъ подписаться на какую нибудь англійскую, или французскую, или италіянскую газету, которая, безъ сомнѣнія, была бы лучше польской? Въ отвѣтъ на сей запросъ приходимъ къ логическому заключенію, что насъ хотятъ полонизовать, т. е. образовать изъ насъ тайноубійцъ, ребеловъ (мятежниковъ) противъ державы и народа, понеже школа и есть заведеніе для образованія народа. Того мы не можемъ, о чемъ высокая школьная рада благоволитъ освѣдомитись. Мшаны д., 28-го февраля 1868 г. (Подписали начальникъ громадскій, громадскіе члены).

(Совр. Лист.)

ПОЛЬСКІЕ ЭМИГРАНТЫ ВЪ ПАРИЖѢ.

Польская эмиграція въ Парижѣ давно уже искала случая сдѣлать какую-нибудь демонстрацію по поводу недавняго распоряженія русскаго правительства для слиянія администраціи бывшаго Царства Польскаго съ администраціей остальной имперіи. Этотъ случай представился ей во время празднованія годовщины изданія польской конституціи 3-го мая 1791 года, въ которой болѣе либеральные поляки видятъ начало обновленія Польши, начало переустройства ея на совершенно новыхъ основаніяхъ, неудавшагося только вслѣдствіе несчастныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. До-сихъ-поръ клерикально-аристократическая часть польской эмиграціи, по-крайней-мѣрѣ большинство ея, не питала особеннаго сочувствія къ этой конституціи, лишавшей дворянство духовенство нѣкоторыхъ прежнихъ правъ, въ пользу осталь-

ныхъ классовъ населенія. Но такъ какъ въ настоящее время не представлялось другаго, болѣе удобнаго, случая для демонстраціи въ пользу возстановленія Польши, то польская аристократія забыла на этотъ разъ свое нерасположеніе къ „демократической“ конституціи 1791 года: глава ея, князь Владиславъ Чарторыйскій, нарочно отправился въ Лондонъ, гдѣ праздновалась годовщина этой конституціи, и произнесъ тамъ рѣчь, которая и представляетъ собою протестъ противъ вышеупомянутой мѣры русскаго правительства (указа 29-го февраля).

Эта сторона рѣчи Чарторыйскаго, впрочемъ, мало интересна, такъ какъ протесты польской эмиграціи противъ всѣхъ мѣръ русскаго правительства относительно Польши дѣло уже не новое, и составлены всѣ болѣе или менѣе по одному образцу. Но рѣчь князя Чарторыйскаго, произнесенная 3-го мая въ Лондонѣ, есть не только протестъ, но и цѣлая политическая программа, и, въ этомъ отношеніи, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

До-сихъ-поръ поляки, какъ извѣстно, были увѣрены, что возстановленіе Польши послѣдуетъ при содѣйствіи Франціи. Несмотря на горькіе опыты, вынесенные ими изъ сношеній съ первой имперіей, съ іюльской монархіей, съ республикой и со второй имперіей, они все-таки не переставали до послѣдняго времени смотрѣть на Наполеона III, какъ на своего мессію, который непремѣнно пожертвуетъ рано или поздно кровью и деньгами французовъ, своимъ положеніемъ, даже будущностью своей династіи, для возстановленія Польши. Какъ ни странны были подобныя ребяческія надежды, однако съ самаго послѣдняго времени ихъ можно было встрѣтить сплошь да рядомъ въ польскомъ обществѣ. Можетъ быть, и теперь въ немъ не вывелись еще наивные мечтатели, ожидающіе спасенія отъ Франціи и отъ Наполеона. Но руководители польской эмиграціи въ послѣднее время видимо потеряли всякую надежду на Францію и на нынѣшняго ея повелителя. Но поляки уже не могутъ не убаюкивать себя надеждами на возстановленіе Польши. Разочаровавшись въ Наполеонѣ III, они стали искать возродителя, въ другомъ мѣстѣ Европы и, разумѣется, нашли его. Новымъ спасителемъ ихъ явился баронъ Бейстъ; держава, которая возстановитъ Польшу и спасетъ ее отъ русскаго ига, теперь уже не Франція, а Австрія. Но такъ-какъ Австрія сама находится въ настоящее время подъ сильнымъ вліяніемъ мадьяръ, то, разумѣется, поля-

ки прежде всего считають необходимымъ заручиться содѣйствіемъ послѣднихъ, сдѣлать ихъ своими союзниками, и вмѣстѣ съ съ ними „составить твердый оплотъ западной цивилизаціи отъ московскаго варварства“ (слова князя Чарторыйскаго). Но Чарторыйскій очень хорошо понялъ, что странно толковать о союзѣ поляковъ и мадъяръ, направленномъ для поддержанія „могущественной имперіи на Дунаѣ,“ если остальные австрійскіе славяне будутъ принесены въ жертву нѣмцамъ, мадъярамъ и полякамъ; поэтому онъ въ своей рѣчи упомянулъ—правда, въ чрезвычайно темныхъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ—о необходимости дать славянамъ административрую автономію, чтобъ вырвать ихъ изъ рукъ Россіи. Онъ выразилъ—неизвѣстно на какихъ основаніяхъ—надежду на то, что мадъяры окажутся справедливыми къ славянамъ, и исполнятъ въ отношеніи къ нимъ свои обязанности.

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, политическая программа, заявленная князем Чарторыйскимъ въ рѣчи 3-го мая. Нельзя сказать, чтобъ она была столь же мечтательна, какъ обыкновенно бываютъ всѣ планы и програмы польскихъ эмигрантовъ и революціонеровъ. Мысль о тѣсномъ сплоченіи мадъяръ, поляковъ и прочихъ австрійскихъ славянъ гораздо полновѣснѣе—съ польской точки зрѣнія—и, пожалуй, даже гораздо практичнѣе, чѣмъ мысль о крестовомъ походѣ Франціи противъ Россіи для возстановленія Польши. Но есть ли въ настоящемъ мадъярскомъ и польскомъ обществѣ достаточно данныхъ для осуществленія ея—это другаго рода вопросъ, на который приходится отвѣчать отрицательно. Точно также можно усомниться въ томъ, чтобы чехи, хорваты и другіе австрійскіе славяне повѣрили голословнымъ обѣщаніямъ поляковъ и согласились вынимать для нихъ и для мадъяръ каштаны изъ горячей золы, чтобы впослѣдствіи снова остаться ни при чемъ, какъ это не разъ уже случалось.

(Сѣв. П.)

БІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКА ОБЪ АННѢ ИЗЪ КНЯЗЕЙ ОСТРОЖСКИХЪ ХОДКЕВИЧЕВОЙ И ОБЪ ЕЕ РОДИТЕЛЯХЪ.

Анна Алоизія княжна Острожская, вдова по Воеводѣ Виленскомъ, гетманѣ великаго княжества Литовскаго, Янѣ-Карлѣ Ходкевичѣ, фундатора іезуитскаго коллегіума въ Острогѣ.

„Горе странѣ, гдѣ множатся іезуиты!"

Стеф. Джунковскій,
бывшій іезуитъ.

Величественныя и въ своемъ разрушеніи развалины Острога, бывшей нѣкогда столицы князей Острожскихъ, бывшей столицы православія и наукъ на Волыни, каждый разъ, когда я вижу ихъ, поражаютъ меня своимъ величіемъ и производятъ на меня сильное и грустное впечатлѣніе; смотря на эти величественные остатки давно минувшаго прошлаго, невольно переносишься мыслями въ даль минувшаго; предъ твоими умственными глазами возстаютъ, точно мертвецы изъ гробовъ, историческія происшествія одно за другимъ,-поневолѣ погружаешься тогда своими думами въ минувшее... Да, здѣсь-въ Острогѣ не мало памятниковъ русской старины; предъ вами великолѣпныя развалины на замковой горѣ Богоявленской церкви-въ чудномъ стилѣ готически-византійскомъ,-въ ней молились православные князья Острожскіе, бывшіе защитники православія и русской народности,—здѣсь были и гробы нѣкоторыхъ изъ нихъ, — здѣсь въ этой церкви и въ замкѣ подлѣ нея разыгралась ужасная драма, по милости іезуитовъ, по случаю перенесенія гроба князя Александра Острожскаго, отца Анны-Алоизіи, изъ этой церкви въ костелъ; здѣсь въ Острогѣ уцѣлѣло еще нѣсколько башенъ, свидѣтельницъ нападеній татарскихъ на Волынь; здѣсь была типографія, гдѣ издана въ 1-й разъ полная на славянскомъ языкѣ библія княземъ Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ; здѣсь жили и дѣйствовали іезуиты, враги православія,—янычари папскіе; развалины твердыни ихъ коллегіума высятся теперь, какъ остовы какого нибудь чудовищнаго великана; здѣсь въ замкѣ Острожскомъ и потомъ вблизи іезуитскаго коллегіума жила и фундаторша коллегіума, княжна Анна-Алоизія Острожская,—праведница іезуитская.

Княжна Анна-Алоизія Острожская была внука князя Константина Острожскаго, воеводы кіевскаго, а дочь князя Александра

Острожскаго, воеводы волынскаго;— на ней окончательно угасъ родъ князей Острожскихъ.—Личность эта-княжна Анна-Алоизія Острожская стоитъ того, чтобы поговорить о ней, особенно теперь, когда русская народность и православіе здѣсь на Волыни возстаютъ и крѣпнутъ, когда въ Острогѣ даже развалины древняго Богоявленскаго православнаго храма имѣютъ быть воздвигнуты-и онъ возстанетъ, можетъ быть въ прежней своей красѣ.

Княжна Анна-Алоизія Острожская, дочь преданнаго было православію князя, ревностная и фанатическая католичка, опутанная сѣтями іезуитовъ, нанесла вмѣстѣ съ іезуитами жестокій ударъ православію въ Острогѣ и имѣніяхъ своихъ острогскихъ, при ней заглохли въ Острогѣ всѣ благія учрежденія князя Константина Острожскаго, ея дѣда: православныя училища въ Острогѣ закрылись, славянская типографія также; при Аннѣ-Алоизіи колокола на Богоявленской церкви замолкли навсегда, самая церковь была заперта; православный народъ обращается силой и хитростью въ католицизмъ и унію, православные священники изгоняются изъ Острога и имѣній острогскихъ; въ Острогѣ при Аннѣ-Алоизіи воздвигается громадная, стоившая милліоны, твердыня для воиновъ папскихъ—іезуитскій коллегіумъ,—и она воздвигается руками, потомъ и кровью православныхъ; изъ этой твердыни іезуиты поражали православіе, отсюда они раскидывали свои сѣти на богатыхъ и сильныхъ, они опутывали ихъ мягко, тихо,-а на бѣдныхъ, простыхъ православныхъ они бросались прямо и душили ихъ. Іезуиты здѣсь въ Острогѣ устраиваютъ свои училища и ректоръ, и профессора въ нихъ самыя лучшія головы изъ ихъ ордена; іезуиты-это не были смиренные иноки, удалившіеся отъ міра и посвятившіе себя Богу; они не пришли въ Острогъ спасаться, а для того, чтобы обращать православныхъ въ католицизмъ, чтобы подавить православіе; у нихъ для этого всѣ средства хороши, имъ дѣла до того нѣтъ, что средства эти часто жестоки, для нихъ все можно, у нихъ цѣль хорошая освящаетъ средства самыя дурныя; іезуиты-это былъ орденъ, который прибралъ въ свои руки просвѣщеніе въ краѣ для того, чтобы по своей волѣ владѣть мягкими умами особенно людей молодыхъ,—это былъ орденъ, который имѣлъ въ виду только свое собственное благо,—это былъ орденъ, который захватилъ въ свои руки огромныя имѣнія; іезуиты воздвигали зданія, которыя громадностью своею поражали взоры всѣхъ, зданія эти должны были

подавлять собою всѣ другія зданія въ городѣ,-орденъ ихъ долженъ быть великъ и они въ Польшѣ владѣли всѣмъ: костеломъ, государствомъ, воспитаніемъ, литературой, однимъ словомъ: они господствовали въ Польшѣ, какъ въ Парагваѣ. „Они, какъ выразился Брониславъ Трентовскій, вырвали глаза Польшѣ и потомъ вели ее за носъ, куда хотѣли. Іезуитизмъ былъ гробомъ для Польши." Іезуиты зажгли въ Польшѣ страшный фанатизмъ и религіозную нетерпимость.

Біографія княжны Анны-Алоизіи—это отрывокъ изъ исторіи борьбы православія съ католицизмомъ на Волыни, это исторія іезуитовъ на Волыни, это исторія ихъ дѣйствованій, ихъ подвиговъ здѣсь; изъ біографіи этой видно будетъ — какъ іезуиты, когда поймали кого нибудь въ свои сѣти, овладѣвали имъ совершенно и душой его и тѣломъ; человѣкъ не имѣлъ тогда своего ума, своей воли, онъ дѣлался автоматомъ, жилъ и дѣйствовалъ умомъ и волею іезуитовъ; Анна-Алоизія, это слабое, добродушное созданіе, во всемъ подчинилась іезуитамъ; она даже завѣщала, чтобы іезуиты занесли ее на своихъ рукахъ въ гробѣ—въ ихъ костелъ!

Іезуиты увѣрили ее (точно также, какъ и другихъ католиковъ), что всѣ религіи, кромѣ римской, ведутъ къ погибели, что самая великая заслуга передъ Богомъ состоитъ въ томъ, чтобы привести къ правовѣрію (т. е. католицизму) другіе народы,—что вѣротерпимость - грѣхъ, который не искупятъ никакія заслуги передъ Богомъ.

Отецъ княжны Анны-Алоизіи Острожской, князь Александръ Острожскій, воевода волынскій.

Отецъ Анны-Алоизіи, княжны Острожской былъ князь Александръ Острожскій, воевода волынскій; онъ былъ меньшій и самый любимый сынъ князя Константина Константиновича Острожскаго, воеводы кіевскаго, маршала земли волынской; онъ былъ твердъ въ православіи, не поддавался льстивымъ и хитрымъ внушеніямъ іезуитовъ и не внималъ усильнымъ просьбамъ жены своей, поклонницы іезуитовъ и большой фанатички,—отстать отъ *греческой схизмы*, — и умеръ въ вѣрѣ отцовъ своихъ, бывшихъ ревностными сынами православной церкви и стоявшихъ за русскую народность. Въ 1599 году, когда православные вмѣстѣ съ протестантами составили въ Вильнѣ конфедерацію для защиты себя отъ гоненій римско-католиковъ, — первыми *попечителями*

церкви были выбраны со стороны православныхъ: князь Константинъ Острожскій, воевода кіевскій, князь Александръ Острожскій, воевода волынскій и князь Θеодоръ Сангушко-Коширскій.

Князь Александръ Острожскій любилъ ученыхъ; въ 1603 г., онъ, еще при жизни своего отца, раздѣлился съ братомъ своимъ Янушомъ громаднымъ имѣніемъ князя Константина и Александру достался Острогъ съ мѣстечками и селеніями многими; въ томъ же 1603 году, онъ, объѣзжая свои имѣнія на Волыни, былъ отравленъ женою эконома; ему былъ поданъ ею въ кубкѣ ядъ какой-то *любовный;* нѣкоторые же говорятъ, что онъ былъ отравленъ своимъ слугою.—Онъ погребенъ былъ въ г. Острогѣ въ Богоявленской церкви; надъ гробомъ его былъ поставленъ въ этой церкви великолѣпный мраморный памятникъ. Но іезуиты, не успѣвъ совратить князя Александра въ католицимъ,—когда окончательно овладѣли дочерью его Анною-Алоизіею, увѣрили ее, что отецъ ея, умирая хотѣлъ присоединиться къ римской вѣрѣ, и убѣдили ее перенести гробъ его изъ церкви Богоявленской въ костелъ; не могши завладѣть его душою при жизни, они нарушили его вѣчный покой: и завладѣли его тѣломъ чрезъ 33 года послѣ его смерти, по своимъ расчетамъ. Въ Октоихѣ дерманскомъ напечатана объ Александрѣ Острожскомъ слѣдующая замѣтка: „Въ лѣто 1603-е декабря 2 дня преставися благочестивый князь Александръ воевода Волынскій, сынъ благовѣрнаго князя Константина; велій плачь и жалость отцу же и чадомъ остави; найпаче же христіаномъ, вси бо бяху чающе помощь тѣмъ получити въ бѣдахъ и гоненіяхъ, одержащихъ Христову церковь."

Изъ трехъ сыновей князя Константина Острожскаго, воеводы Кіевскаго, только одинъ Александръ не измѣнилъ православію: братья же Александра: Янушъ и Константинъ не ушли сѣтей іезуитскихъ и сдѣлались отступниками отъ православія; князь Константинъ Константиновичъ Острожскій чрезвычайно заботился о томъ, чтобы Александръ не попался въ сѣти іезуитскія; когда этотъ послѣдній, женившись въ 1592 году на дочери сандомирскаго воеводы Яна Костки Аннѣ, поселился въ древнемъ галицкомъ городѣ Ярославѣ, въ которомъ были монастыри: іезуитовъ, бернардиновъ, реформатовъ и доминиканѣвъ,—то отецъ его обратился съ письмомъ къ львовскому братству, въ которомъ просилъ оное позаботиться объ его сынѣ, чтобы онъ не попался въ сѣти іезуитовъ; вотъ это письмо въ подлинникѣ и переводѣ:

—

Братству Львовскому Успенія Пречистое Бородицы Матере Божои, о Господѣ радоватись и цирне здравствовать желаемъ. Не невѣдомо мню вамъ се есть, яко сынъ мой князь Александро восточникъ между зубами западныхъ людей вѣры и науки и всего набожества усѣлъ, сиречь, обитателемъ Ярославскимъ се сталъ; гдежъ помощи и ратунку въ потвърженью вѣры его отъ насъ мети не можетъ, скудости ради учителей, безъ нихъ же и сами гладъ страждемъ. Но понеже у васъ болшей обрѣтаетcя, молю васъ, да не сице отъ васъ поблизь суще небреженія, ради, якожъ и Константинъ сынъ мой, пострраждетъ. Бога ради попеченіе всяко сотворѣте, да неимѣютъ въ немъ части нѣединое езуиты. За што вамъ Богъ свою мзду отдастъ, и мы въ чесомъ случится взаимствуемъ. За тымъ вашъ мостей Господу Богу поручаемъ. Данъ зъ Дубна року 1592, мѣсяца декабрія 1 дня. Вашъ мостей зычинвый пріятель Константинъ княжа Острожское, воевода Кіевскій, маршалокъ земли Волынское, староста Володимирскій — власная рука.

(переводъ).

Братству львовскому Успенія Пречистыя Богородицы, Матери Божіей, желаемъ радоваться о Господѣ и мирно здравствовать. Я думаю, что вамъ не безъизвѣстно то, что сынъ мой князь Александръ исповѣдывающій православную вѣру, усѣлся, то есть сдѣлался жителемъ Ярославскимъ,—усѣлся между зубами западныхъ людей вѣры и науки и всей обрядности; тамъ онъ не можетъ имѣть помощи и подкрѣпленія для утвержденія его въ вѣрѣ, по причинѣ недостатка учителей, безъ которыхъ мы и сами испытываемъ голодъ. Но такъ какъ у васъ больше есть средствъ, то я умоляю васъ—позаботьтесь о томъ, чтобы онъ, находящійся недалеко отъ васъ, не пострадалъ отъ небреженія о немъ, точно также, какъ и Константинъ сынъ мой. Ради Бога, позаботьтесь всячески о томъ, чтобы на него не имѣли ни какого вліянія іезуиты. За это Богъ вознаградитъ васъ—и мы—въ чемъ случится отплатимъ вамъ взаимно. За тѣмъ поручаемъ васъ, милостивыхъ государей, Господу Богу. Дубно, 1592 года, 1-го декабря. Вашъ доброжелательный пріятель Константинъ князь Острожскій, воевода кіевскій, маршалъ земли волынской, староста владимірскій—собственною рукою.

Мать княжны Анны-Алоизіи Острожской, княгиня Анна Острожская.

Мать Анны-Алоизіи была Анна, дочь Яна Костки, воеводы андомирскаго; родилась она 1575 года, а вышла замужъ, 17 лѣтъ, ь 1592 году, за сына князя Константина Острожскаго, князя лександра Острожскаго, воеводу волынскаго; она принесла въ рпданое своему мужу большія имѣнія, въ томъ числѣ и города: рославъ, *) Канчугу и другіе; она жила съ мужемъ 11 лѣтъ;— оспитаніе она получила подъ вліяніемъ своей матери, любитель-ицы іезуитовъ, и она даже была крещена іезуитомъ, — поэтому на тоже очень любила іезуитовъ и благоговѣла передъ ними, ыла напитана ненавистью къ другимъ религіямъ, она употребля-а всѣ средства къ тому, чтобы мужа своего отъ *схизмы греческой* рпвести къ единству съ костеломъ правовѣрнымъ, какъ выражает-и іезуитъ Нѣсѣцкій, т. е. она усиливалась непремѣнно совратить го изъ православія въ католицизмъ; но это не удалось ни іезуи-амъ, ни ей; между тѣмъ, Нѣсѣцкій говоритъ, что она неда-ромъ употребляла средства къ отвлеченію князя Александра отъ *хизмы греческой* „ибо въ 1603 году, онъ умирая, во время небыт-ности своей жены, хотѣлъ имѣть при себѣ только ксендза.“ По

---

*) Городъ Ярославъ находится въ австрійской Галиціи надъ р. Саномъ: снователемъ его былъ, по всей вѣроятности, великій князь кіевскій Ярославъ, ъ 11 вѣкѣ. Татаре неразъ, опустошали его огнемъ и мечемъ.—Въ 16 вѣкѣ ородъ этотъ былъ одинъ изъ первыхъ торговыхъ городовъ въ Польшѣ; въ емъ были: костелъ іезуитовъ, коллегіумъ іезуитскій, въ которомъ находилось ного учениковъ, коллегіата, монастыри: бенедиктинокъ, бернардиновъ, ре-орматовъ и доминикановъ и нѣсколько церквей. Въ 1569 году, Софія вдова о Криштрафѣ Тарновскомъ, каштелянѣ войницкомъ, вотчинникѣ Ярослава, ышла замужъ за Яна Костку, каштеляна гданскаго, позднѣе, воеводу сандо-мирскаго. Она, въ 1571 году, дала такую привиллегію мѣщанамъ ярославскимъ, между прочимъ: «обращая вниманіе на то что численность жидовъ никогда ни-чего добраго не приноситъ христіанамъ, а напротивъ большой вредъ и убытки, ибо они только и думаютъ о томъ, чтобы отыскать несчастіе для христіанъ,— потому мы, изъ любви къ подданнымъ нашимъ, постановляемъ на вѣчныя вре-мена: чтобы въ городѣ никогда не было болѣе одного, или двухъ домовъ жи-довскихъ—и то жиды эти не должны заниматься торговлею, а только ремеслами.»

Дочь ея Анна, жена князя Александра Острожскаго, воеводы волынскаго, въ 1625 году, подтвердила эту привиллегію—и строжайше запретила, чтобы мѣ-щане ярославскіе не принимали въ городъ ни одного еретика и отщепенца, хотя бы онъ былъ самый лучшій ремесленникъ, или найбогатѣйшій купецъ,— въ городѣ былъ замокъ.

смерти своего мужа, она не хотѣла уже выходить за мужъ, оставалась вдовой почти 32 года, жила большею частію въ Ярославѣ, иногда и въ Острогѣ. Она была очень набожна, исповѣдывалась и пріобщалась каждый четвергъ; она бичевала себя до крови колючими плетьми, носила власяницу, въ извѣстные дни спала на голыхъ доскахъ; помогала бѣднымъ; она построила великолѣпный монастырь бенедиктинокъ въ Ярославѣ; въ костелъ св. Яна въ Ярославѣ при коллегіумѣ іезуитовъ она пожертвовала много серебрянныхъ и золотыхъ съ драгоцѣнными камнями вещей и записала для этого коллегіума нѣсколько селеній; она учредила въ Ярославѣ бурсу для бѣдныхъ учениковъ. Нѣсецкій къ числу добродѣтей жены князя Александра Острожскаго, Анны Острожской причисляетъ и фанатизмъ ее, и преслѣдованія, дѣлаемыя ею православнымъ онъ говоритъ: „для распространенія вѣры католической, она *схизматиковъ* при удобныхъ случаяхъ изгоняла и на мѣсто ихъ ставила католическихъ священниковъ, что папа Климентъ VIII въ письмѣ своемъ къ ней ставилъ ей въ похвалу.“ Умерла она 29 октября 1635 г. въ Ярославѣ и погребена въ костелѣ іезуитовъ св. Яна.

Фундація Анны-Алоизіи коллегіума SOCIETATIS IESU въ Острогѣ.

Іезуиты еще при жизни князя Константина Константиновича подумывали о томъ—какъ бы имъ влѣзть въ Острогъ и тамъ свить для себя гнѣздо; но это имъ не удалось; ревностный поборникъ православія разгадалъ этихъ смиренниковъ, понялъ ихъ замыслы—и не впустилъ ихъ въ Острогъ. Уже Янушъ Острожскій, сынъ Константина, отступившій отъ православной вѣры, вѣры своихъ предковъ, замышлялъ основать подлѣ Острога коллегіумъ Societatis Iesu, но перемѣнилъ свое намѣреніе и построилъ великолѣпный монастырь для францишкановъ въ м. Мендзиричѣ, вблизи Острога.

Что задумалъ князь Янушъ, дядя Анны-Алоизіи, то привела въ исполненіе набожная племянница его; она, управившись съ своими затруднительными обстоятельствами, тотчасъ приступила къ основанію коллегіума. Желая же упрочить эту фундацію на вѣчныя времена, она записала ее въ гродзѣ Луцкомъ 27 іюля 1624 года; а послѣ въ 1626 году 8 февраля, въ 1627 г. 20 декабря, въ 1630 г. 9 января каждый разъ яснѣе прибавляя авкцію, сдѣлала

фундацію и утвердила ее новою записью въ книгахъ городскихъ." *)

„Между тѣмъ подъ бдительной дирекціей отличныхъ архитекторовъ, **) при огромныхъ средствахъ денежныхъ и при тщательномъ стараніи самой фундаторши, коллегіумъ, выведенный изъ фундамента, отлично подвигался вверхъ и огромное прочное каменное зданіе, поднявшееся съ одной стороны до назначенной высоты, появилось предъ глазами людей на украшеніе и защиту города. Вдругъ и другія двѣ части квадрата, означенныя на обширномъ плацу, начали подниматься изъ фундамента, и скоро возрастая выше и выше, сравнялись съ первымъ зданіемъ. Четвертая же часть четвероугольника, начатая въ мирное время, по причинѣ козацкой военной бури, не окончена была совсѣмъ. Та жа самая буря прижала къ землѣ и отлично начатый костелъ, выведенный едва выше фундамента; костелъ этотъ до сего дня не можетъ подняться (т. е. 1698 года). На костелъ этотъ она фундовала 8 ксендзовъ, чтобы они каждый день horas canonicas пѣли и обѣдню служили въ честь нераздѣльной Тройцы и пресвятой Богородицы на помощь ея души и умершаго ея мужа. Впрочемъ и самый коллегіумъ, который въ большой части выведенъ былъ уже до самаго верху и украшенъ былъ, отъ непріятельскаго огня нѣсколько разъ страдалъ и грозитъ даже развалиться. Не смотря на это, воля доброй фундаторши, при Божіей помощи, увѣнчавается успѣхомъ."

Наслѣдниками Анны Алоизіи была окончена эта твердыня іезуитская-коллегіумъ и костелъ въ Острогѣ; въ ней іезуиты сильно укрѣпились и оттуда еще сильнѣе въ 18 вѣкѣ наносили пораженія православію, чѣмъ въ 17 вѣкѣ; іезуитовъ было въ Острогѣ въ 1738 г. 61 елочвѣкъ. По уничтоженіи ордена іезуитовъ, въ 1773 году, коллегіумъ іезуитскій въ Острогѣ былъ отданъ базиліанамъ гощанскимъ; по присоединеніи же Волыни къ Россіи, въ 1795 году для преосвященнаго епископа житомирскаго Варлаама мѣстопребываніемъ назначенъ былъ острожскій Преображенскій монастырь, помѣщавшійся въ бывшемъ іезуитскомъ коллегіумѣ; тамъ помѣще-

*) Княжна Анна-Алоизія записала для іезуитскаго коллегіума острогскаго нѣсколько селеній и деревень въ Острогскомъ и Дубенскомъ уѣздахъ.

**) Архитекторомъ главнымъ при постройкѣ коллегіума острогскаго былъ бенедиктинецъ Милли, нарочно выписанный изъ Рима.— Для работъ при постройкѣ коллегіума было назначено Анною-Алоизіею нѣсколько ближайшихъ къ Острогу селъ и деревень.

ны были православная духовная семинарія и консисторія. Пожаръ 1809 г., истребившій почти половину Острога, крѣпко повредилъ стѣны бывшаго іезуитскаго коллегіума; по починкѣ его, онъ опять пострадалъ отъ пожара въ 1821 году, и хотя на немъ сгорѣла только крыша, но онъ не былъ уже починяемъ—и мѣсто пребываніе архіерея и семинаріи съ консисторіею перенесены были въ м. Аннополь.— Въ настоящее время это громадное зданіе: коллегіумъ и костелъ находится въ развалинахъ; крыши на немъ совсѣмъ нѣтъ; своды обрушились на 2-мъ этажѣ и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на 1-мъ; стоятъ только груды, стѣны и уцѣлѣли огромные погреба во многихъ мѣстахъ двухъ-этажные.

Фундація Анны Алоизіи конвикта для шляхетской молодежи при коллегіумѣ SOCIETATIS JESU въ Острогѣ.

Княжна Анна Алоизія, водворивъ въ Острогѣ іезуитовъ, позволила имъ захватить въ свои руки воспитаніе юношества; какъ только открыты были въ Острогѣ іезуитами публичныя школы, то ближайшіе города и околичная шляхта тотчасъ начали посылать туда своихъ сыновей на ученіе. Въ Острогѣ въ іезуитскія училища съѣзжалось много учениковъ не только изъ Волыни, но изъ Полѣсья, Подлясья, Подоліи и изъ заднѣпровской Малороссіи; тамъ въ короткое время появилось много шляхетнаго юношества. Княжна Острожская сердечно радовалась этому. Она, желая дать приличное содержаніе и воспитаніе шляхетной бѣдной молодежи, а особенно дѣтямъ воеводства волынскаго, сдѣлала новую фундацію на шляхетскій конвиктъ. Она пожертвовала подъ конвиктъ значительный плацъ и построила на немъ на свой счетъ отличное каменное зданіе — конвиктъ, а также она велѣла сосѣднюю церковь передѣлать на домовую каплицу и приспособить ее для отправленія въ ней приватнаго богослуженія для воспитанниковъ своихъ *).

Фундація Анны-Алоизіи костеловъ и богадѣленъ.

Княжна Анна-Алоизія основала въ мѣстечкахъ своихъ: Звяглѣ, Хлапотынѣ, Берездовѣ, Острожкѣ и Туровѣ костелы и при нихъ

*) Зданія эти, по выходѣ іезуитовъ, отданы были кармелитамъ; онѣ также пострадали отъ пожара 1809 г.—и послѣ этого не были уже починены.— Недавно, зданія эти и костелъ при нихъ совершенно разобраны, остался только фундаментъ.

богадѣльни, и богадѣлю въ Острогѣ, записала для нихъ недвижимыя населенныя имѣнія, десятину и ординарію, и, умирая, завѣщала для нихъ денежныя суммы.

Духовныя наслажденія Анны-Алоизіи.

Княжна Анна-Алоизія во всю жизнь свою любила предметы Божественные и ея единственное наслажденіе было—проводить дни и годы въ духовныхъ утѣхахъ. Она, имѣя уже въ Острогѣ постоянно жившихъ тамъ отцовъ Societatis Jesu, проживала большею частью въ Острогѣ, а иногда въ Звяглѣ, для того, чтобы наслаждаться духовными разговорами; пустыхъ и свѣтскихъ разговоровъ она не любила. Книги духовнаго содержанія она очень любила читать. Каждый день она посвящала цѣлый часъ на молитву; каждый день слушала мшу; каждый мѣсяцъ она посвящала три дня на духовныя размышленія, и разъ въ годъ она посвящала десять дней на это; въ дни эти она размышляла только о Богѣ и отправляла духовныя упражненія, сочиненныя основателемъ ордена іезуитовъ. Она часто исповѣдывалась и пріобщалась и при этомъ каждый разъ клала на олтарь не менѣе 5 червоныхъ злотыхъ, а въ день своего рожденія каждый годъ она клала на олтарь столько червоныхъ злотыхъ, сколько ей было лѣтъ.—Она вмѣстѣ съ отцами іезуитами каждый мѣсяцъ участвовала въ вынутіи по жребію для себя патрона-святаго и день этого святаго, который достался ей по жребію, она чтила особеннымъ образомъ: она въ тотъ день служила ему обѣдню, исповѣдывалась и пріобщалась, читала со вниманіемъ его житіе и старалась подражать ему.

Умерщвленіе плоти и другія добродѣтели Анны-Алоизіи.

Анна-Алоизія бичевала себя острыми плетками-до крови, а также и желѣзными гребнями; она наносила на тѣлѣ своемъ поясни изъ проволоки, а на рукахъ желѣзные нарукавники. Она любила Бога и ближнихъ; она посѣщала богадѣльни и госпитали; раздавала нищимъ милостыню, сама услуживала больнымъ и доставляла имъ все необходимое; нищихъ она приказывала забирать въ богадѣльни и тамъ ихъ содержать. Въ голодные годы, а особенно въ 1638 году, во время повсюднаго голоду, когда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ люди умирали съ голоду, она въ имѣніяхъ своихъ, а особенно въ Звяглѣ, не только своимъ подданнымъ, но и другимъ нуждающимся велѣла давать хлѣбъ каждаго дня. Она

часто платила долги несостоятельныхъ должниковъ. — Она была справедлива ко всѣмъ и никого не обижала.»

„Изъ пяти польскихъ грѣховъ о которыхъ говорится въ польскихъ катехизисахъ,—самые обыкновенные—это угнетѣніе подданныхъ (т. е. крестьянъ) и проѣздъ по дорогамъ съ явнымъ вредомъ для людей. Грѣхи эти не пали на эту набожную панью; подданные ея были въ такой охранѣ, что она не дозволяла дѣлать имъ никакой обиды; старостамъ и подстаростамъ она строго приказывала, чтобы они никакихъ новыхъ тягостей не налагали на нихъ. Во время путешествій своихъ, когда она изъ кареты усмотрѣла, что придворные ея топтали лошадьми чужой хлѣбъ, при дорогѣ росшій, посылала къ нимъ, чтобы они не дѣлали этого; когда она выѣзжала изъ постоялаго двора, то сама спрашивала хозяина: все ли уплатилъ ему, что слѣдовало, казначей ея.“—Она не была горда, а была доступна всѣмъ и очень ласкова и гостепріимна.— Въ великій четвертокъ она не только водою обмывала ноги нищимъ, но даже и своими слезами и услуживала имъ при трапезѣ.— Послѣ этого подвига она всю ночь не ложилась спать. Въ страстную пятницу цѣлый почти день она проводила въ молитвахъ; въ тотъ же день, она босая обходила гробы господни, лежала на молитвѣ на крестъ (krzyżem) и обливала полы въ костелахъ слезами.

Домашніе порядки Анны-Алоизіи, прислуга ея и заботливость ея о прислугѣ.

Дворъ Анны-Алоизіи былъ великолѣпный; прислуга ея была одѣта богато. „Когда визитаторъ польской провинціи Fabricius Bamfi Societatis Iesu былъ первый разъ въ гостяхъ у нея, проходя чрезъ разныя комнаты, обитыя обоями, видя богато одѣтыхъ и важныхъ слугъ ея, думалъ, что это были сенаторы,—и былъ того убѣжденія до той поры, пока не увидѣлъ, что эти лица составляютъ свиту княжны, что они подмѣчаютъ ея взглядъ, ея движенія—и съ низкимъ поклономъ исполняютъ ея приказанія.“

„Прислуга у нея была мужская и женская, мужчины въ одномъ дворѣ, а женщины въ другомъ; они различались и своими обязанностями и жалованьемъ; но всѣ они были честны, скромны и набожны; они вполнѣ знали христіанскую религію (т. е. католическую) и таинства святой вѣры; они, служа своей пани, заботились и о своемъ спасеніи.“

„Домъ ея былъ похожъ на монастырь женскій.—Тамъ была тишина, скромность, воздержность, согласіе и всякое приличіе. При этомъ панскомъ дворѣ всегда находилось очень много женскаго пола; тамъ были и шляхетно урожденныя и хорошо воспитанныя всякаго рода прислужницы; тамъ были и сироты, взятыя на воспитаніе, тамъ были дѣти: жидовскія, московскія, турецкія и татарскія, принятыя въ дворъ княжны для того, чтобы ихъ научать въ догматтхъ и правилахъ вѣры святой. Для всѣхъ этихъ лицъ были занятія.—Послѣ молитвы и выслушанія св. мши, однѣ шили, другія пряли, ковры дѣлали, шили золотомъ, занимались другими женскими рукодѣліями. Въ числѣ ихъ были и такія, которыя читали для другихъ житія святыхъ и книги духовныя,—и въ извѣстное время приготовляли ново-обращенныхъ жиденятъ къ принятію святыхъ тайнъ,— а также поочередно посѣщали больныхъ и имъ услуживали."

„Заботливость этой могущественной пани о своихъ домашнихъ найболѣе обнаружилась въ то время, когда она изъ своихъ замковъ и городовъ уходила два раза за сто миль отъ козачщины, со всѣмъ своимъ многолюднымъ домомъ. Малая и великая Польша съ удивленіемъ смотрѣла на такой большой и пышный поѣздъ самой одной *русской пани;* тамъ было много каретъ, кароцъ, рыдвановъ и возовъ—въ шестеро и четверо лошадей; это былъ цѣлый обозъ, уходившій отъ непріятеля.

„Анна-Алоизія заботилась обовсѣхъ своихъ домашнихъ, а особенно о больныхъ. Иные болѣе иногда заботятся о своей собакѣ, нежели о больной прислугѣ. Вѣрная слуга потеряетъ здоровье на службѣ панской, а не имѣетъ утѣшенія въ немощи своей; подорвется отъ тяжести рабочій человѣкъ—и уже и то большая милость, если ей-мосць пришлетъ ему чашку воды, или водки съ солью."

„Не такъ легко смотрѣла на здоровье своихъ слугъ эта заботливая пани. Какъ только она узнала, что кто нибудь изъ дворскихъ ея заболѣлъ, сейчасъ приставляла къ нему прислужника, велѣла давать ему приличную пищу и по совѣту, всегда находившагося при ней медика, велѣла отпускать изъ своей аптеки лекарство.— Если кто заболѣлъ сильно, то она поручала душу его попеченію духовника, сама посѣщала больнаго и другихъ посылала узнавать о его здоровьѣ."

„Если кто, при усилившейся болѣзни, былъ близокъ къ смерти,

хотя бы самый низшій служитель—возница, или гайдукъ,—то она сама услуживала тогда ему; она обтирала потъ съ его чела, постель его поправляла, своими руками кормила его, ласково уговаривала его къ терпѣнію и подчиненію себя волѣ Божіей, утѣшала его надеждой счастливой вѣчности; когда же больной начиналъ умирать, то она давала ему въ руки освященную свѣчу и приготовляла его удивительно возвышенными актами къ хорошей смерти. Пріятно было слушать, когда такая могущественная пани, унижаясь до своихъ слугъ, богословскіе акты съ ними отправляла, припоминала умиравшимъ молитвы и стихи изъ псалмовъ, дѣйствія любви Божіей; при послѣднемъ же издыханіи она набожно повторяла: „Іисусъ, Іисусъ, Марія" и всѣхъ побуждала къ плачу. Когда же священникъ находился при умиравшемъ, то она не вдавалась въ эту духовную услугу, а предоставляла это ему."

„Какіе она похороны для своихъ слугъ справляла, какъ много св. мшей за души ихъ она заказывала — это всѣмъ было извѣстно, кто служилъ на ея княжескомъ дворѣ; они всѣ хотѣли жить, служить и умирать у нея."

«Благоговѣйный поступокъ Анны-Алоизіи по отношенію къ своему отцу» (такъ озаглавленъ настоящій отдѣлъ у отцовъ іезуитовъ).

Въ Острогѣ есть на возвышенномъ мѣстѣ *схизматическая* церковь, *) построенная князьями Острожскими на большія суммы, стройно украшенная колокольней и куполами. Князья въ этой церкви имѣютъ свои надгробные памятники и гробы, между которыми и до этихъ поръ стоитъ великолѣпный памятникъ, превосходно сдѣланный изъ мрамора и гипса, подъ которымъ положено было тѣло князя Александра, воеводы Волынскаго, отца Анны-Алоизіи; онъ хотя жилъ *въ схизмѣ*, но при концѣ своей жизни соединился съ святымъ костеломъ и умеръ въ истинной вѣрѣ. Чтобы доказать основательно это *схизматикамъ*, отвергающимъ это, я привожу здѣсь параграфъ изъ завѣщанія жены его, написаннаго ея рукою: „я жила съ своимъ мужемъ не долго, лѣтъ 11-ть въ согласіи и прилично—и это благодѣяніе отъ Бога; самымъ же большимъ благодѣяніемъ я считаю то, что мужъ мой, желая быть

---

*) Это храмъ Богоявленія Господня, храмъ величественный, построенный въ замкѣ—въ стилѣ готическо-византійскомъ; и теперь онъ хоть въ развалинахъ, но еще величественно красуется на взгорьѣ и наводитъ много думъ на человѣка мыслящаго.

католикомъ, присоединенъ къ святому костелу, католическому римскому—и умеръ мой благодѣтель, желая ксендза; и онъ святымъ костеломъ до участія въ молитвахъ принятъ Климентомъ VIII, святымъ отцомъ, по тщательному ходатайству отцовъ Societatis Jesu, при великомъ генералѣ ордена этого Аквавивѣ. Хотя такое очевидное было доказательство присоединенія его къ святой вѣрѣ, однако превозмогло сильное дѣйствованіе схизматиковъ и онъ похороненъ былъ въ ихъ церкви."

„Сердце дочери его сильно болѣло оттого, что кости отца ея покрывала *земля проклатая римскимъ костеломъ*,—и она раздумывала день и ночь о томъ—какимъ бы образомъ отобрать этотъ дорогой депозитъ и перенести его въ католическій костелъ. Однажды она открылась въ этомъ отважномъ своемъ замыслѣ предъ своими избранными и вѣрными слугами. Они, принявъ къ себѣ, для исполненія этого замыса, ловкихъ и отважныхъ рыцарей и разставивъ незамѣтно по сторонамъ вооруженную пѣхоту, добрались въ церковь, открыли гробъ и взяли его вмѣстѣ съ тѣломъ Александра и возвратили этотъ депозитъ, долго находившійся въ узахъ, своей пани, отдали отца дочери,—и положили его на святой землѣ—въ католическомъ костелѣ."

„Изъ этого поднялось большое возмущеніе. *Схизматическая Русь*, подстрекаемая своими попами, ревнующими будто бы за поруганіе дома Божьяго, подняла тревогу, начала сбѣгаться отовсюду и вооружаться. Чернь до того озлобилась, что бросилась на свою панью, дѣдичку,—и сія послѣдняя была бы не ушла отъ ужасныхъ рукъ черни, если бы не защитила ее дворская кавалерія, пѣхота и рыцарская отвага благородныхъ учениковъ. Злость схизматическая была ужасна. Предводители бунта шли прямо на сабли, шли въ огонь, готовые погибнуть и тѣломъ и душою-только бы пробраться до своей пани и отомстить ей. Между тѣмъ, старосты ближайшихъ селеній прибыли въ городъ съ свѣжими силами, они однихъ изъ бунтовщиковъ убивали на мѣстѣ преступленія, другихъ заковывали въ кандалы и затаскивали ихъ въ темницы; когда же не стало оковъ, цѣпей и не было уже мѣста въ темницахъ, то держали преступниковъ подъ стражей въ частныхъ домахъ."

„Дѣло это разбиралось въ трибуналѣ. Тамъ этихъ преступниковъ судили—и осудили: схизматическихъ поповъ выгнать изъ Острога; бунтовщики, находившіеся подъ стражею, осуждены на

смерть—мечомъ, предводители мятежа и главные дѣятели осуждены на смерть:—четвертованіемъ, отрѣзаніемъ рукъ, сожженіемъ въ смолѣ, ломаньемъ костей, колесованіемъ, содраніемъ кожи Домы же бунтовщиковъ велѣно было сравнять съ землей и мѣста, гдѣ они стояли, посыпать солью.“

„Когда въ Острогѣ узнали объ этомъ рѣшеніи трибунала, то плачь и рыданіе поднялись по всему городу. Богатые мѣщане предлагали по нѣсколько тысячъ гривенъ за освобожденіе отъ этого наказанія. Бунтовщиковъ, закованныхъ, повели въ замокъ, для объявленія имъ рѣшенія, но тамъ они услышали милостивый декретъ своей паньи; она велѣла расковать ихъ, и вмѣсто того чтобы вести ихъ на мѣсто казни, велѣла завести ихъ въ столовую, простила имъ ихъ вину, и, угостивши ихъ, отпустила ихъ домой.“

„Плачъ обратился въ веселіе; всѣ восхваляли милосердіе своей паньи—и этою ласковостью ея одни заохочивались къ св. уніи, а другіе остались при своей *пустой вѣрѣ*. Яснѣ—вѣльможная пани имѣла то утѣшеніе, что, послѣ изгнанія, на основаніи трибунальскаго декрета, 46 схизматическихъ поповъ изъ Острогскихъ имѣній, вѣра католическая начала разширяться, а *схизматическое упрямство* начало понемногу уступать—и современемъ и простой народъ и даже самые попы присоединялись къ уніи; а для того, чтобы твердость ихъ въ уніи была явна и всѣмъ видима, богобоязненная пани постановила, дабы всѣ попы со всѣхъ ея имѣній пріѣзжали въ ризахъ въ Острогъ на праздникъ Божьяго тѣла—на процессію—и читали евангеліе на славянскомъ языкѣ на нарочно устроенныхъ алтаряхъ. Обычай этотъ въ главныхъ городахъ ея продолжается и до нынѣ.“

Такъ разсказываютъ объ этомъ происшествіи отцы іезуиты коллегіума ярославскаго, сочинившіе въ 1698 году біографію Анны-Алоизіи Ходкевичевой.—Они не говорятъ въ какомъ году было это происшествіе—и въ какое именно время года. Іезуитъ Нѣсѣцкій такъ расказываетъ объ этомъ пришествіи: „Отецъ ея (Анны-Алоизіи) передъ смертію своею хотѣлъ сдѣлаться католикомъ; однакожъ по сильному дѣйствованію схизматиковъ, онъ погребенъ въ церкви ихъ; княжна велѣла перенести его оттуда въ костелъ и тамъ похоронить; возбужденные своими попами схизматики такой подняли изъ за этого бунтъ что хотѣли убить свою панью.—Дѣло это дошло до трибунала—и, по рѣшенію его одни присуждены къ смертной казни чрезъ снятіе головы, другіе къ четвертованію,

нные къ колѣсованію; кромѣ того, дома ихъ велѣно было сломать и мѣста, гдѣ они стояли, посыпать солью. Когда насталъ часъ экзекуціи—и всѣ виновные ждали смерти, княжна даровала имъ жизнь, освободила изъ кандаловъ, и угостивши ихъ, отпустила домой. Изъ этого происшествія она имѣла то утѣшеніе, что, послѣ изгнанныхъ рѣшеніемъ трибунала 40-ка попахъ, католическая вѣра начала расшираться въ ея имѣніяхъ; даже инные попы принимали католицизмъ. Львовская лѣтопись говоритъ, что это произшествіе было въ 1636 году; вотъ слова лѣтописи въ русскомъ переводѣ съ малороссійскаго: „въ томъ же году (1636), во время свѣтлаго-Христова воскресенія, съ воскресенія на понедѣльникъ, въ Острогѣ, пани воеводина, дочь, княжны ярославской, пришедъ въ замокъ, велѣла отворить гробъ въ склепѣ, гдѣ лежало тѣло ея отца, и велѣла взять оное,—тѣло уже было сгнило, а только остались кости; она взяла эти кости, велѣла обмыть ихъ, посвятить іезуитамъ и отвезти въ Ярославль къ матери своей; велѣла же она проводить гробъ изъ церкви въ ту пору, когда православные, въ воспоминаніе побѣды Христа Спасителя нашего, обыкновенно совершаютъ крестный ходъ съ крестами и хоругвями вокругъ церкви,—и это сдѣлала для того, чтобы взвесть напасть на православныхъ и такимъ образомъ сдѣлала много зла христіанамъ.“

Это же самое произшествіе г. В. Домбровскій, придерживаясь Genealogii XX. Ostróg. 139—142 i korony Polskiej 111, 522, въ статьѣ своей: „Острожская старина,“ помѣщенной въ Кіевлянинѣ на 1840 годъ (книга 1-я), разсказываетъ нѣсколько иначе:“ Вдова Ходкевича, Анна-Алоизія, спѣшила выполнить требованіе іезуитовъ и приказала ночью, на канунѣ пасхи (1636 г.), тайно перенести тѣло своего отца изъ Богоявленской церкви въ устроенный ею іезуитскій кляшторъ. Между тѣмъ, іезуиты распустили уже въ народѣ молву, будто Александръ Острожскій передъ смертію желалъ соединенія съ римскою церковью, и что только упорное сопротивленіе русскаго духовника не дозволило умирающему выполнить его желаніе. Но іезуитамъ никто не вѣрилъ и поступокъ Анны взволновалъ жителей Острога, которые видѣли въ томъ новое поруганіе святыни, поруганіе смертныхъ остатковъ своего любимаго князя.“

„На разсвѣтѣ дня Свѣтлаго Воскресенія, народъ острожскій, по вѣковому обычаю, толпился на мосту у замка, вблизи храма. Тутъ лежали грудами пасхи; тамъ кучи крашенныхъ яицъ, для

всерадостнаго привѣта. Всякъ ожидалъ благодатнаго „Христосъ воскресе;“ но тутъ же слышенъ былъ порою и громкій ропотъ народа, недовольнаго поступкомъ княжны. Въ это время Анна возвращалась изъ іезуитскаго костела. Ей надобно было ѣхать черезъ мостъ. Народъ заступилъ княжнѣ дорогу, и на приказаніе слугъ посторониться съ пасхами толпа мѣщанъ отвѣчала явною ослушностью. Княжна въ пылу гнѣва приказала возницѣ ударить по лошадямъ и промчаться сквозь буйную толпу, по пасхальнымъ хлѣбамъ; но народъ едва не сбросилъ ее съ моста въ оврагъ и закидалъ ее крашенными яйцами. Отбившись съ помощію слугъ, княжна съ трудомъ могла укрыться отъ разъяренной черни, которая вломилась была за нею въ самый замокъ, и только ружейными выстрѣлами слугъ могла быть удержана. Анна принесла жалобу на своихъ подданныхъ, которые ей мстили за притѣсненіе, и трибуналъ любельскій осудилъ многихъ острожскихъ мѣщанъ на мучительную казнь. Когда уже прочтенъ былъ на площади грозный *вырокъ* трибунала,—и осужденные ожидали вѣрной смерти, княжна объявила всѣмъ пощаду. Она была довольна и тѣмъ, что по тому же трибунальному приговору сорокъ православныхъ священниковъ были изгнаны изъ земель острожскихъ. Съ этого времени бѣдные жители Острога, лишенные пастырей, должны были по неволѣ разставаться съ древнею вѣрою своихъ предковъ:“

Это дѣло затѣяно было отцами іезуитами; имъ непріятно было то, что княжна Анна-Алоизія посѣщала иногда церковь, гдѣ былъ гробъ ея отца; имъ захотѣлось непремѣнно перенести гробъ князя Александра изъ церкви въ костелъ, для того, чтобы увѣрить православныхъ, что и этотъ сынъ князя Константина также, хоть при концѣ своей жизни, увѣрился въ святости и истинности католической религіи, этимъ они разсчитывали подѣйствовать на нѣкоторыхъ православныхъ, чтобы склонить ихъ къ принятію католицизма, или уніи; далѣе отцы іезуиты нарочно повели это дѣло перенесенія гроба князя Александра изъ церкви въ костелъ такъ, чтобы возбудить возмущеніе въ православныхъ жителяхъ Острога; съ народомъ простымъ имъ нечего было церемониться, они обвинили его въ бунтѣ, трибуналъ присудилъ его къ страшнымъ наказаніямъ, а православныхъ священниковъ велѣлъ изгнать изъ острогскихъ имѣній. Іезуитамъ только и нужно было это; священники изгнаны; народъ помилованъ, но онъ остался безъ

пастырей,—да и это помилованіе значило что нибудь; по невол̂ѣ бѣдные православные начали переходить въ католицизмъ и унію; іезуиты достигли своей цѣли, они окончательно поразили православіе въ Острогѣ и окрестностяхъ его, а слабодушной княжнѣ доставили удовольствіе, убѣдивъ ее, что она сдѣлала доброе дѣло покойному своему отцу тѣмъ, что перенесла его изъ *проклятой земли на землю святую*, т. е. освободила душу его изъ ада — и пріобрѣла много душъ *схизматическихъ* Богу посредствомъ присоединенія ихъ къ римской вѣрѣ и уніи.

Фундація Анны-Алоизіи философскаго и богословскаго курсовъ при коллегіумѣ іезуитскомъ въ Острогѣ.

„По окончаніи такимъ неожиданнымъ способомъ выше-разсказанной трагедіи, ясне-вельможная фундаторша начала думать о дальнѣйшемъ *размноженіи славы Божіей;* она сильно желала того, чтобы не только въ Острогѣ и въ окрестностяхъ его, но во всей Польшѣ не было недостатка въ дѣятеляхъ, трудящихся въ виноградникѣ Христовомъ и служащихъ душамъ человѣческимъ, задумала перенести изъ краковскаго новиціата молодыя лѣторасли ордена іезуитскаго въ свой коллегіумъ острогскій, для того, чтобы онѣ, пересаженныя на Волынскую землю, оживленныя науками и обезпеченныя заботливостью фундаторши, росли на славу Божію.— Такимъ образомъ, въ 1636 году, философія, введенная въ острогскій коллегіумъ, и учрежденная новая семинарія при коллегіумѣ, начали тамъ процвѣтать и славиться.“

„Пріятно было набожной фундаторшѣ смотрѣть на духовныхъ сыновъ своихъ, сидящихъ вокругъ стола, заставленнаго яствами, по материнской ея милости, но и смотрѣть на нихъ въ праздники, когда они съ благоговѣніемъ приступали къ трапезѣ господней. Она не могла насмотрѣться на ихъ скромность и вѣжливость;“ она усматривала въ этихъ молодыхъ ученикахъ истинный образъ скромности и набожности своего патрона Алоизія Гонзаго.— Такъ говорятъ іезуиты ярославскіе.

Она увеличила фундушъ на эти заведенія,—т. е. философскую школу при коллегіумѣ и семинарію іезуитскую; а для того, чтобы ученики все имѣли и ни въ чемъ не нуждались, она сама досматривала всего. Когда она однажды вошла въ коллегіумъ, и посѣщая камеры учениковъ, вошла и въ камеры учениковъ философіи и увидѣла тамъ твердыя постели и бѣдныя, то заплакала

надъ такой бѣдностью—и съ сожалѣніемъ выговаривала ксендзу ректору (которымъ былъ тогда о. Касперъ Дружбицкій), что онъ строго воспитываетъ и нищенски держитъ учениковъ. Когда же о. ректоръ сказалъ ей, что такъ прилично бѣднымъ монахамъ, чтобы они съ молодыхъ лѣтъ привыкали къ невыгодамъ и жизни апостольской, то Анна-Алоизія отвѣтила ему на это, „что монашеская нищета согласна съ приличной выгодой; пусть не будетъ отлично, но пусть будетъ прилично." И какъ только она возвратилась изъ коллегіума въ палацъ свой, тотчасъ послала оттуда въ коллегіумъ все, что нашла приличнаго и способнаго къ употребленію монашескому, — а для того, чтобы на будущее время ученики не имѣли недостатка въ необходимомъ, она отложила въ сторону всѣ принадлежности алтарныя, которыя она для украшенія костела, своими руками дѣлала, сама начала рѣзать полотно и шить изъ него бѣлье для учениковъ. (*Вол. Губ. Вѣд.*)

(*Продолженіе впредь*).

ОТЧЕТЪ ВИЛЕНСКАГО ПРАВОСЛАВНАГО СВЯТО-ДУХОВСКАГО БРАТСТВА ЗА 2-Й ГОДЪ ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ,

Читанный въ общемъ собраніи 6-го августа 1867 года.

Актъ годичнаго общаго собранія членовъ виленскаго Свято-Духовскаго братства.

6-го августа, по предварительному оповѣщенію находящихся въ г. Вильнѣ членовъ братства, въ Свято-Духовской церкви совершена была преосвященнымъ Александромъ, епископомъ ковенскимъ, Божественная литургія и молебенъ. По окончаніи Богослуженія братчики собрались въ квартирѣ предсѣдателя совѣта братства, преосвященнаго Александра, гдѣ былъ прочитанъ годичный отчетъ братства и произведены, на основаніи устава братства, выборы членовъ совѣта на слѣдующій годъ.

Выбраны въ члены совѣта посредствомъ баллотировки слѣдующія лица:

1. Преосвященный Александръ, епископъ ковенскій.

2. Архимандритъ Іоаннъ, намѣстникъ Свято-Духовскаго монастыря.

3. Священникъ о. Антоній Пщолко.

4. Священникъ о. Алексѣй Опоцкій.

5. Иванъ Петровичъ Корниловъ, попечитель учебнаго округа.

6. Андрей Ивановичъ Полозовъ, управляющій казенною палатою.

7. Николай Абрамовичъ Зубковъ, управляющій коммиссіею по крестьянскимъ дѣламъ.

8. Николай Николаевичъ Малаховъ, начальникъ юнкерскаго училища.

9. Александръ Викторовичъ Рачинскій.

10. Алексѣй Ивановичъ Садоковъ, директоръ народныхъ училищъ.

11. Николай Константиновичъ Жирицкій, докторъ воспитательнаго дома.

12. Семенъ Вуколовичъ Шелковичъ, учитель гимназіи.

Въ почетные члены братства, кромѣ прежнихъ, избраны еще, по общему согласію, слѣдующія лица: высокопреосвященные: Платонъ новочеркасскій, Макарій харьковскій, Евсевій экзархъ Грузіи, Михаилъ минскій, Евсевій могилевскій и Антоній (Зубко); епископы: Филаретъ уфимскій, Савва полоцкій, Леонтій подольскій, Агаѳангелъ волынскій, министръ государственныхъ имуществъ Александръ Алексѣевичъ Зеленый, Иванъ Ивановичъ Четвериковъ, Василій Ѳедоровичъ Громовъ, Павелъ Григорьевичъ Цуриковъ и Владиміръ Дмитріевичъ Левшинъ.

По общему согласію постановлено было выразить начальнику края, графу Эдуарду Трофимовичу Баранову, благодарность за вниманіе и сочувствіе его сіятельства къ цѣлямъ братства и содѣйствій къ его дѣятельности.

Всѣ члены братства просили преосвященнаго Александра принять званіе предсѣдателя совѣта братства.

По общему также согласію отправлена въ этотъ день телеграмма б. начальнику края К. П. фонъ-Кауфману съ выраженіемъ благодарности за сочувственное содѣйствіе его къ достиженію цѣлей братства. Константинъ Петровичъ отвѣчалъ слѣдующею телеграммою: „Благодарю Свято-Духовское братство за память обо мнѣ. Желаю братству рости и крѣпнуть на пользу православія. Спокойствіе края и благо Россіи въ прямой зависимости отъ торжества православія."

Въ этотъ-же день отъ предсѣдателя ковенскаго братства преосвященнаго Антонія, получена слѣдующая телеграмма: „Ковенское св. Никольское братство пользуется нынѣшнимъ очеред-

нымъ засѣданіемъ, чтобы принести виленскому св. духовскому братству поздравленіе съ празднуемою нынѣ второю годовщиною со времени его возстановленія.“

Въ члены братства записались слѣдующія лица:

1. Александръ епископъ. 2) Агриковъ Михаилъ. 3) Боразковскій Іоаннъ прот. 4) Балицкій Михаилъ. 5) Бѣловъ Павелъ. 6) Безбородовъ Павелъ. 7) Богородицкій Сергѣй. 8) Барсовъ Михаилъ. 9) Брафманъ Яковъ. 10) Викентій архимандр. 11) Гомолицкій Викторъ прот. 12) Галдинскій Александръ. 13) Галдинская Анна. 14) Гленихъ Михаилъ. 15) Дейша Александръ. 16) Дьяконовъ. 17) Ерковскій Аполлонъ. 18) Елеонскій. 19) Жирицкій Николай. 20) Зубковъ Николай. 21) Заверяевъ Осипъ. 22) Іосифъ архимандр. 23) Іоаннъ архимандр. 24) Іолшинъ Павелъ. 25) Игнаціусъ Александръ. 26) Ивановъ Александръ. 27) Измайловъ Константинъ. 28) Корниловъ Иванъ. 29) Колоколовъ Александръ. 30) Колоколовъ Николай. 31) Колодко Димитрій. 32) Коронатовъ Андрей. 33) Каченовскій. 34) Кулинъ Василій. 35) Кулина. 36) Левшинъ. 37) Манюкинъ Захарій. 38) Малаховъ Николай. 39) Матисъ. 40) Новоселовъ Михаилъ. 41) Назаретскій Иванъ. 42) Никифоровъ Николай. 43) Опоцкій Алексѣй. 44) Окуловъ Андрей. 45) Панютинъ Степанъ. 46. Панютина Любовь. 47) Пщолко Антоній. 48) Полозовъ Андрей. 49) Потуловъ Ипполитъ. 50) Прокофьевъ Павелъ. 51) Петлинъ Николай. 52) Пекуръ Даніилъ. 53) Ропъ фонъ деръ Николай. 54) Смарагдъ іеромонахъ. 55) Стеблинъ-Каменскій Егоръ. 56) Стороженко Алексѣй. 57) Степановъ Владиміръ. 58) Садоковъ Алексѣй. 59) Силинъ Петръ. 60) Садиковъ. 61) Соловцовъ. 62) Смирновъ Егоръ. 63) Хитровъ Илія. 64) Шолковичъ Семенъ. 65) Шаповаловъ Сергѣй. 66) Яковлева Анна. 67) Яковлевъ Михаилъ.

Отчетъ виленскаго православнаго Свято-Духовскаго братства за 2-й годъ его существованія, съ 6-го августа 1866 года по 6-е августа 1867 года, читанный въ общемъ собраніи 9-го августа 1867 года.

6-го августа 1867 г. кончился 2-й годъ существованіе возстановлевнаго древняго свято-Духовскаго братства. Совѣтъ братства имѣетъ честь представить гг. членамъ братства отчетъ:

1) о составѣ братства, 2) о средствахъ братства, и 3) о дѣятельности совѣта братства.

1. Составъ Братства.

Почетный председатель братства высокопреосвященнѣйшій Іосифъ, митрополитъ литовскій и виленскій.

На общемъ собраніи братчиковъ 6-го августа 1866 года въ члены совѣта избраны слѣдующія лица:

Преосвященнѣйшій Александръ епископъ ковенскій, викарій литовской епархіи, ректоръ литовской духовной семинаріи архимандритъ Іосифъ, Иванъ Петровичъ Корниловъ, попечитель виленскаго учебнаго округа, Василій Петровичъ Кулинъ, Андрей Ивановичъ Полозовъ, Николай Абрамовичъ Зубковъ, Владиміръ Дмитріевичъ Левшинъ, каѳедральный протоіерей о. Викторъ Гомолицкій, священникъ о. Антоній Пщолко, священникъ о. Алексѣй Опоцкій, Александръ Викторовичъ Рачинскій и князь Хованскій. Изъ нихъ выбыли по случаю отъѣзда изъ Вильны: В. Д. Левшинъ и кн. Хованскій. Званіе предсѣдателя совѣта, по общему желанію и просьбѣ, согласился принять преосвященнѣйшій Александръ, казначеемъ братства избранъ и согласился остаться А. И. Полозовъ. Дѣлопроизводство принялъ на себя А. В. Рачинскій; съ апрѣля мѣсяца сего 1867 года Осипъ Васильевичъ Щербицкій.

Почетные члены братства: Филаретъ, митрополитъ московскій, Арсеній, митрополитъ кіевскій, Іоанникій архіепископъ варшавскій, Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ, князь Александръ Прохоровичъ Ширинскій-Шихматовъ, графъ Димитрій Андреевичъ Толстой, Помпей Николаевичъ Батюшковъ, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, Михаилъ Осиповичъ Кояловичъ, Степанъ Алексѣевичъ Масловъ, Марія Аггѣевна Милютина.

Въ члены братства записались на общемъ собраніи 6 августа 1866 года 95 человѣкъ; изъ нихъ съ правомъ голоса, т. е. внесшихъ не менѣе 10 руб., 60 человѣкъ; въ теченіе года поступило въ члены братства еще 100 человѣкъ.

Засѣданій совѣта въ этомъ году было 47; разсмотрѣно въ сти засѣданія однихъ прошеній о пособіи 863, кромѣ другихъ братскихъ дѣлъ.

2. Средства Братства.

Средства братства состояли изъ капитала, дошедшаго въ нынѣшнемъ году до 22000 руб. 33 коп.

Въ этотъ капиталъ вошли слѣдующія суммы:

1. Остатокъ отъ прежняго года 5117 р. 91 коп.

2. Членскаго взноса за нынѣшній годъ и пожертвованій безъ опредѣленнаго назначенія 2514 руб.

3. Сумма, въ количествѣ 1000 руб., пожалованная Его Величествомъ Государемъ Императоромъ на раздачу въ пособіе бѣднымъ, и 1000 руб. отпущенныхъ главнымъ начальникомъ края на тотъ-же предметъ изъ суммъ, находившихся въ его распоряженіи, каковыя всѣ деньги были препровождены начальникомъ края въ братство для раздачи бѣднымъ по усмотрѣнію братства.

4. Пожертвованія на устройство и построеніе церквей въ Сѣверо-Западномъ краѣ 798 руб.

5. Пожертвованія на народныя и ремесленныя школы 9795 руб.

6. Изъ братской кружки, находящейся въ свято-Духовской церкви, вынуто въ теченіе года 265 руб.

7. Изъ братской лавочки отъ продажи крестиковъ и образовъ выручено . . . . 425 руб.

8. По сборнымъ книжкамъ . . . . 289 —

9. Возвращено ссуды . . . . 824 —

10. Процентовъ по купонамъ . . . . 410 руб. 42 коп.

11. На пострадавшихъ отъ мятежа . . . . . . 495 руб.

Часть суммы, пожертвованной на школы и часть членскихъ взносовъ обращены въ билеты внутренняго займа и въ серіи на сумму 7900 руб. и потому эта сумма записана въ книгѣ на приходъ два раза.

Итого въ теченіи года оборотъ поступленія доходитъ до 30,850 руб. 33 копѣекъ.

Самыя значительныя пожертвованія принесли съ опредѣленною цѣлію: 1) бывшій главный начальникъ края Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ, присланныя въ его распоряженіе министромъ государственныхъ имуществъ Александромъ Алексѣевичемъ Зеленымъ 7659 руб. на усиленіе средствъ народнаго образованія въ Сѣверо-Западномъ краѣ и преимущественно на ремесленныя школы, передалъ въ полное распоряженіе братства. Константинъ Петровичъ передалъ также братству препровожденныя въ его распоряженіе отъ В. Ѳ. Громова, коммерціи совѣтника, 2000 руб. въ 5% банковыхъ

билетахъ, на устройство народныхъ школъ; 2) Куманинъ Петръ Ивановичъ, чрезъ П. И. Четверикова, съ капитала, переданнаго въ распоряженіе московской купеческой управы, проценты съ котораго должны идти на народныя школы въ Сѣверо-Западномъ краѣ; изъ канцеляріи военнаго министра чрезъ д. с. с. Александра Димитріевича Крылова, съ разрѣшенія военнаго министра, поступившія къ гг. редакторамъ „Московскихъ Вѣдомостей“ въ пользу раненыхъ чиновъ въ Западномъ краѣ во время польскаго мятежа, 450 рублей.

4) По сборной книжкѣ В. В. Комарова отъ неизвѣстнаго, пожелавшаго скрыть свое имя, 200 руб. на сооруженіе церквей въ Сѣверо-Западномъ краѣ:

5) Отъ ст. сов. Христіана Өедоровича Паль на тотъ-же предметъ 300 руб. и

6) Отъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны 60 руб.

Въ общей суммѣ братскихъ денегъ имѣются 745 руб. 93 к., пожертвованныя членами братства А. О. Озеровымъ, П. А. Мясоѣдовымъ, и В. А. Давыдовымъ на устройство дѣтскаго пріюта.

Кромѣ пожертвованій деньгами, братству принесено въ даръ разными лицами книгъ разнаго содержанія и наименованія для разсылки по церковно-приходскимъ школамъ, въ количествѣ 1764 экземпляра и разныхъ церковныхъ вещей и утвари для снабженія возстановляемыхъ и вообще для бѣдныхъ церквей Сѣверо-Западнаго края, на 20,000 руб.

Самыя значительныя пожертвованія книгами принесли слѣдующія лица: попечитель Виленскаго учебнаго округа И. П. Корниловъ 940 экз. разнаго наименованія и содержанія; Ст. А. Масловъ 100 экз. своего собственнаго сочиненія „О всенародномъ распространеніи грамотности,“ и 50 экз. „Воспоминаній о графѣ Муравьевѣ,“ изданныхъ въ пользу братства; Аеръ А. И. 205 экз. „О храмѣ Божіемъ“ и 57 экз. разнаго наименованія.

Особенное усердіе и вниманіе къ нуждамъ бѣдныхъ церквей выразили на дѣлѣ: Владимиръ Дмитріевичъ Левшинъ, Помпей Николаевичъ Батюшковъ, Павелъ Григорьевичъ Цуриковъ, Иванъ Ивановичъ Четвериковъ и А. М. Постниковъ.

Совѣтъ братства считаетъ своимъ долгомъ выразить имъ

и всѣмъ вообще жертвователямъ живѣйшую благодарность отъ лица всѣхъ братчиковъ.

Самый же богатый даръ въ пользу бѣдныхъ церквей Сѣверо-Западнаго края братство получило чрезъ П. Н. Батюшкова, отъ Его Величества Императора 10 иконъ прекрасной живописи, въ серебряныхъ и серебряно-позолоченыхъ ризахъ и окладахъ, которыя немедленно и были разосланы во вновь присоединенные приходы Виленской губерніи и Гродненской. Иконы эти были внесены въ назначенныя церкви при многочисленномъ стеченіи народа съ подобающею торжественностію.

Къ средствамъ братства нужно также причислить лавочку, существующую съ прошлаго года для продажи крестиковъ, молитвенниковъ и т. п.

На усиленіе средствъ братства его сіятельствомъ г. главнымъ начальникомъ края графомъ Э. Т. Барановымъ переданъ братству домъ для помѣщенія въ ономъ бѣдныхъ, находящихся на попеченіи братства, а также желающихъ принять и уже принявшихъ православіе, — за что братство считаетъ своимъ долгомъ выразить его сіятельству искреннѣйшую благодарность,

3. *Дѣятельность Братства.*

Согласно § 3 устава братства, предметы занятій братства состояли въ заботахъ:

1. О созиданіи, поддержаніи и украшеніи православныхъ храмовъ по мѣрѣ имѣющихся средствъ.

2. О судьбѣ лицъ возвращающихся и присоединяющихся къ св. православной церкви.

3. О покровительствѣ и пособіи тѣмъ лицамъ, которыя своего дѣятельностію оказали услуги православно-русскому дѣлу въ краѣ.

4. О матеріальномъ пособіи православнымъ церковнымъ и народнымъ школамъ, нуждающимся въ средствахъ къ содержанію и о снабженіи ихъ учебниками и книгами на славянскомъ и русскомъ языкѣ и другими принадлежностями.

5. Объ устройствѣ при означенныхъ школахъ библіотекъ, составленныхъ изъ книгъ наиболѣе пригодныхъ и полезныхъ народу, какъ въ видахъ общаго просвѣщенія, такъ и для огражденія его отъ вліянія польской пропаганды.

и 6. Объ изданіи сочиненій, направленныхъ къ обличенію нарѣканій, клеветъ, происковъ и всевозможныхъ посягательствъ на чистоту и цѣлость православія.

1. Заботы о созиданіи, поддержаніи и украшеніи православныхъ храмовъ состояли въ слѣдующемъ:

Оказано денежное пособіе церквамъ: хвалойнской, на устройство иконостаса, 500 руб.; заврутской (Вилейск. уѣзда) 130 руб.; возобновляемой въ Богинѣ церкви (Дисиен. уѣзда 130 руб.; строющейся въ Оникштахъ (Вилкомір. уѣзда) пожертвованныхъ С. А. Масловымъ 185 руб. Оказано также значительное денежное пособіе церквамъ: цуденищской, островецкой, и шумской (Виленскаго уѣз.), ольконикской и сморгонской св. Михайловской (Ошмянскаго уѣзда).

Снабжены разными церковными утварными предметами изъ поступившихъ отъ разныхъ лицъ пожертвованій: островецкая (Виленскаго уѣзда), ушкольская (Вилкомір. уѣзда), красностокская (Сокольскаго), ильская (Вилейск.), хотейчицкая и сутковская (Ошмян.), васынская, латыготьская, крайская, бесядская и роговская (Вилейск.), ольконикская (Трокскаго уѣзда), наревская (Бѣльск.), критингенская (Тельшевскаго уѣз.), Богушевицкая (Минской губ.) Церкви: Воложинская, Кревская, бѣницкая и сморгонская получили всю необходимую утварь и ризы отъ П. Г. Цурикова.

2. Въ судьбѣ лицъ, возвращающихся и присоединяющихся къ св. православной церкви братство принимало живѣйшее участіе, оказывая имъ возможное покровительство и пособіе

Между множествомъ прошеній, поступившихъ въ братство о пособіи, совѣтъ обращалъ особенное вниманіе на нужды возвратившихся къ св. православной церкви, особенно бѣдныхъ крестьянъ новоприсоединенныхъ приходовъ. Нужно побывать самому лично въ этихъ приходахъ, чтобы убѣдиться въ дѣйствительно жалкомъ и бѣдномъ положеніи этихъ крестьянъ. Новоприсоединенные приходы виленскаго уѣзда находятся въ недалекомъ разстояніи отъ г. Вильны, гдѣ вся промышленность сосредоточена въ-рукахъ евреевъ; почва въ нихъ или песчаная, гористая, или низменно-болотистая, скудно вознаграждающая кровавые труды крестьянина—земледѣльца. Многіе изъ крестьянъ еще не получили земельнаго надѣла, а тѣ, которые и получили, то самый незначительный и безъ всякихъ

строеній. Нужно-ли еще упоминать о тѣхъ преслѣдованіяхъ и ковнях, тайныхъ и явныхъ, которымъ подвергались и подвергаются возвратившіеся къ вѣрѣ своихъ предковъ крестьяне отъ своихъ же собратій, оставшихся еще въ латинствѣ, и отъ другихъ враговъ православно - русскаго дѣла въ этомъ краѣ.

По всѣмъ этимъ причинамъ братство не щадило своихъ довольно ограниченныхъ средствъ на удовлетвореніе нуждъ крестьянъ новоприсоединенныхъ приходовъ. Такъ напр., по заявленію братчика миров. посредн. С. И. Кулжинскаго, выдано пособія 38 крестьянамъ быстрицкаго прихода для облегченія ихъ крайне-бѣдственнаго положенія 38 руб.; погорѣвшему крестьянину поберезскаго прихода 27 руб. 50 коп.; крестьянину немчинскаго общества кузнецу Рождественскому, у котораго украдены были всѣ инструменты и изрѣзанъ кузнечій мѣхъ, выдано пособія 15 руб. Не перечисляемъ именъ крестьянъ другихъ приходовъ и волостей, которымъ оказано было пособіе въ подобныхъ же размѣрахъ, или на обсѣмененіе полей, или на другія нужды; любопытныхъ отсылаемъ къ печатнымъ протоколамъ братскихъ засѣданій.

Открытыя братствомъ еще въ прошломъ году съ благотворительною цѣлію ссудныя кассы при церквахъ: рукойнской, быстрицкой, шумской продолжали дѣйствовать и въ нынѣшнемъ году съ великою пользою для тѣхъ, для кого они учреждены. Къ нимъ присоединена ссудная касса при юрьевской церкви.

Братство принимало также живое участіе въ судьбѣ лицъ, принявшихъ св. крещеніе изъ евреевъ и готовящихся къ нему. Между ними совѣтъ можетъ указать на минскую потомственную гражданку Марію Лазареву, которая вмѣстѣ съ сыномъ, также крещеннымъ, пользуется даровымъ помѣщеніемъ въ братскомъ домѣ и получила единовременное пособіе— Файну Ивановну Полякову, воспользовавшуюся также братскимъ пособіемъ, и многіе другіе, имена которыхъ не перечисляемъ.

Вообще по дѣлу православія въ этомъ краѣ израсходовано въ нынѣшнемъ году 1,384 руб.

По 3-му пункту,—о покровительствѣ и пособіи тѣмъ лицамъ, кои своею дѣятельностію оказали услуги православно-русскому дѣлу въ краѣ.

Въ этомъ отношеніи совѣтъ особенное вниманіе обращалъ на нужды священниковъ новоприсоединенныхъ приходовъ. На эти приходы были вызваны пастыри, уже и прежде извѣстные своею особенною ревностію и усердіемъ къ православно русскому дѣлу въ краѣ, большею частію изъ отдаленныхъ мѣстностей, подчасъ въ самое трудное осеннее или весеннее время, когда вообще пути сообщенія бываютъ затруднительны. Покидая прежніе свои приходы, на которыхъ многіе изъ вызванныхъ пастырей прослужили по десятку лѣтъ, они должны были продавать въ самое короткое время большую часть своего движимаго и недвижимаго имущества и переѣзжать на новые, болѣе бѣдные приходы, большею частію не обезпеченные достаточно ни землею, ни строеніями для жилья. Такіе-то пастыри вполнѣ заслуживали помощь братства, каковую оно дѣйствительно оказывало имъ по мѣрѣ своихъ средствъ. Такъ выдано братское единовременное пособіе: 1) священнику рудоминской церкви; 2) священнику кривошинской церкви (Минской губерніи) Барановскому; 3) священнику сморгонской св. Михайловской церкви; 4) священнику рукойнской церкви; и 5) священнику Александру Орлову; 6) вдовѣ туровскаго благочиннаго Аннѣ Петровнѣ Страховичъ, во вниманіе къ заслугамъ ея покойнаго мужа. Совѣтъ братства не забылъ скромной, но плодотворной, многолѣтней дѣятельности кревскаго священника Льва Зенковича (Ошмянскаго уѣзда), въ память котораго братство предположило учредить стипендію на одного воспитанника литовской духовной семинаріи, подъ названіемъ: стипендіи священника Льва Зеньковича. „Съ своей стороны братство выразило свое сочувствіе и вниманіе къ памяти Зеньковича еще и тѣмъ, что содержитъ на свои средства въ виленскомъ училищѣ племянника покойнаго Артемія Зеньковича.

Заботы о матеріальномъ пособіи народнымъ школамъ, нуждающимся въ средствахъ къ содержанію, и о снабженіи ихъ учебниками и книгами на русскомъ языкѣ, объ устройствѣ при означенныхъ школахъ библіотекъ, состояли въ слѣдующемъ:

1) для школъ при вновь открытыхъ приходахъ Виленскаго уѣзда отправлено книгъ разнаго содержанія 400 экз.

2) Въ волковыское братство для снабженія бѣднѣйшихъ приходскихъ школъ этого уѣзда 50 экз.

3) Въ минское братство съ тою-же цѣлію 50 экз.

4) Михалишское народное училище снабжено почти всѣми необходимыми учебными пособіями и разнаго содержанія и наименованія книгами въ значительномъ количествѣ.

5) Въ могилевское братство на усиленіе средствъ открытой имъ ремесленной школы 100 руб.

6) Въ гродненское благотворительное общество для усиленія средствъ ремесленнаго отдѣленія, содержимаго имъ въ память незабвеннаго графа М. Н. Муравьева при домѣ призрѣнія бѣдныхъ 150 руб.

7) На свои средства братство содержитъ народную школу въ Шумскѣ; на жалованье наставникамъ въ островецкомъ, яшунскомъ и чуденишскомъ народныхъ училищахъ 250 рублей.

Ремесленное отдѣленіе открыто при одномъ островецкомъ училищѣ.

Выдано въ награду 50 руб. дочери священника ижанской церкви Адама Андрушкевича за обученіе крестьянскихъ дѣвочекъ и за то, что она устроила очень хорошій хоръ изъ дѣвочекъ и мальчиковъ.

Выдано также пособіе учителю коянскаго народнаго училища Ивану Певгову и учителю михалишскаго училища Олимпію Мироновичу.

На свои-же средства братство содержало двухъ воспитанниковъ въ виленскомъ духовномъ училищѣ и уплачивало за содержаніе 11 дѣтей въ пріютѣ.

Всего же на народныя и ремесленныя школы и на содержаніе пенсіонеровъ въ пріютѣ и въ виленскомъ духовномъ училищѣ братствомъ израсходовано въ этомъ году 658 руб.

Согласно 6-му пункту § 3 устава объ изданіи сочиненій, направленныхъ къ обличенію нареканій, клеветъ, происковъ и всевозможныхъ посягательствъ на чистоту и цѣлость православія, братство предприняло переводъ и изданіе извѣстной брошюры: „Свѣтъ съ Востока,“ или взглядъ на каѳолическое православіе сравнительно съ папствомъ и протестантствомъ. Сочиненіе это принадлежитъ извѣстному протестантскому ученому профессору Овербеку, изъявившему желаніе войти въ общеніе съ православною церковію послѣ внимательнаго и добросовѣстнаго, какъ видно изъ самаго сочиненія, изученія ея вѣры и учрежденій. Первоначальная мысль перевести на-

русскій языкъ эту брошюру принадлежитъ бывшему главному начальнику Сѣверо-Западнаго края Константину Петровичу фонъ-Кауфману. По отбытіи Константина Петровича изъ Сѣверо-Западнаго края, изданіе этого перевода братство приняло на себя. Издавая сочиненіе, направленное въ защиту православной церкви, братство возобновляетъ дѣятельность древняго св.-Духовскаго братства. На переводъ и изданіе этой брошюры братство издержало 421 руб. 20 коп.

Для распространенія въ здѣшнемъ краѣ полезныхъ книгъ, братство выписало для продажи 50 экземпляровъ книги „Іезуиты" Ю. Самарина.

Сверхъ вышеозначенныхъ предметовъ занятій совѣта братства, опредѣленныхъ § 3 устава, братство приняло на себя еще новую заботу—раздачу пособій нуждающимся изъ суммъ, пожалованныхъ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ и его сіятельствомъ главнымъ начальникомъ края графомъ Э. Т. Барановымъ. Въ теченіи этого года въ разныя времена было препровождено въ братство до 600 прошеній, поданныхъ на Высочайшее Имя и начальнику края. Вся тяжесть разбора большей части этихъ прошеній лежала на членахъ совѣта и отчасти на братчикахъ. Пособіе выдавалось не иначе, какъ по личному удостовѣренію братчиковъ въ нуждѣ просителей.

ОТЧЕТЪ ПО ДОМУ.

Въ вѣденіи братства находится домъ, переданный братству г. главнымъ начальникомъ края графомъ Э. Т. Барановымъ 13 декабря 1866 года. Домъ этотъ, находящійся въ г. Вильнѣ 3-й части 4-го квартала, подъ № 515|17, состоитъ изъ двухъ каменныхъ двухъ-этажныхъ флигелей и одного, въ углубленіи двора, деревяннаго флигеля одно-этажнаго, который еще не переданъ окончательно братству.

Передача братству этого дома состоялась 1-го мая сего 1867 года.

По непримѣнимости этого дома къ училищному заведенію и по ограниченности на открытіе таковаго заведенія средствъ братства, въ засѣданіи совѣта братства 7-го апрѣля опредѣлено—обратить его пока подъ помѣщеніе бѣдныхъ, какъ вновь присоединившихся къ православной церкви изъ мѣстныхъ жи-

телей, такъ и прибывающихъ изъ внутреннихъ губерній Россіи несостоятельныхъ чиновниковъ для поступленія въ этомъ краѣ на службу, или потерявшихъ, по независящимъ отъ нихъ причинамъ, мѣста и впавшихъ въ бѣдность. При семъ опредѣленіи постановлено: однимъ, изъ всѣхъ сказаннаго рода лицъ, отводить квартиры даромъ, въ видѣ пособія, на нѣкоторое время, впрочемъ до пристроенія ихъ къ мѣстамъ, или до пріисканія ими сподручныхъ занятій; другимъ уступать за умѣренную цѣну, низшую противъ цѣнности квартиръ въ городѣ; вырученный же отъ сего доходъ обращать на содержаніе дома и въ доходъ братства.

По предложенію совѣта братства званіе попечителя дома принялъ на себя священникъ каѳедр. собора Антоній Пщолко, смотрителемъ дома избранъ чиновникъ П. Ѳ. Розановъ, которому, въ видѣ вознагражденія за труды, предоставлена даровая квартира съ этомъ домѣ.

Сообразно вышесказанному опредѣленію совѣта о домѣ, даровымъ помѣщеніемъ, въ теченія мая и іюня пользовались: 1) изъ вновь присоединившихся къ православной церкви 4 семейства, 2) чиновниковъ и вдовъ православнаго исповѣданія 7 семействъ.

За умѣренную цѣну, низшую противъ цѣнности квартиръ въ городѣ, православныхъ семействъ 15, и римско-католическаго исповѣданія 2 семейства, по случаю тяжкой ихъ болѣзни, оставлены за прежнюю плату.

Выручено дохода съ дома 143 р. 43 коп. Израсходовано на разныя нужды по дому 82 руб. 70 коп.

ОТЧЕТЪ ПО БРАТСКОЙ ЛАВОЧКѢ.

Въ г. Вильнѣ не было доселѣ опредѣленнаго, на видномъ мѣстѣ, склада молитвенниковъ, крестиковъ и образовъ, гдѣ-бы всякій православный могъ купить за умѣренную цѣну ту или другую вещь, необходимую въ его церковно религіозномъ быту. И потому многіе изъ православныхъ, какъ мѣстныхъ жителей, такъ и изъ прибывающихъ на время въ Вильну изъ окрестныхъ городовъ и деревень, принуждены были поневолѣ покупать крестики и образа, съ латинскими изображеніями и съ польскими надписями, у латинскихъ торговцевъ, которыхъ такъ много можно встрѣтить на главныхъ открытыхъ

пунктахъ г. Вильны, особенно на Большой улицѣ, у Острыхъ воротъ. Для удовлетворенія нуждъ православныхъ въ этомъ отношеніи, Братство нашло полезнымъ и даже необходимымъ открыть въ г. Вильнѣ, на болѣе открытомъ мѣстѣ, лавочку, снабдивъ ее достаточнымъ количествомъ крестиковъ, молитвенниковъ, образовъ и т. п. вещей, для продажи за саму умѣренную цѣну.

Лавочка такая открыта на Большой улицѣ, у Острыхъ воротъ. На содержаніе ея израсходовано 178 руб.

Выручено изъ лавочки отъ продажи крестиковъ, молитвенниковъ, образовъ и т. п. 452 руб.

Крестики и образа выписывались большею частію изъ Москвы, чрезъ И. И. Четверикова, и обошлись Братству почти на половину дешевле противъ стоимости ихъ въ г. Вильнѣ. И въ этомъ отношеніи совѣтъ братства считаетъ своимъ долгомъ еще разъ выразитс свою благодарность И. И. Четверикову за его труды и безкорыстное служеніе пользамъ и нуждамъ Братства.

По предложенію совѣта Братства, ближайшій надзоръ за лавочкой и за правильнымъ ходомъ продажи вещей принялъ на себя членъ совѣта, священникъ св. Николаевской церкви Алексѣй Опоцкій.

Братство не осталось также безучастнымъ къ событію 4-го апрѣля. Въ память чудеснаго спасенія жизни Государя Императора, Отца и Благодѣтеля своего народа и нашего братства, была заказана академику Вас. В. Васильеву икона св. Александра Невскаго и преп. Іосифа Пѣснописца, которая нынѣ находится въ св. Духовской церкви вмѣстѣ съ братской иконой св. Виленскихъ мучениковъ, работы тогожъ художника. На неугасаемыя лампады предъ этими иконами и поминовеніе всѣхъ братчиковъ, братство ассигновало по 60 руб. въ годъ.

Итого за истекшій годъ въ приходѣ было 25,732 руб. 32 коп.

А съ остаткомъ отъ прошлаго года 30,850 руб. 33 коп.

Израсходовано въ теченіи года 17,787 руб. 98 коп.

Именно: 1) на пособіе бѣднымъ 3,043 руб. 79 коп.

2) На пособіе присоединившимся къ православной церкви и вообще по дѣлу православія 1,384 руб.

3) На устройство церквей и на покупку разныхъ церковныхъ утварныхъ предметовъ 2,017 руб. 62 коп.

4) На пособіе священникамъ и причту 400 руб.

5) На народныя школы и на содержаніе въ пріютѣ и въ д. училищѣ пенсіонеровъ и на пособіе наставникамъ народныхъ училищъ 658 руб.

6) Выдано заимообразно въ ссуду безъ всякихъ процентовъ 960 руб.

7) На покупку билетовъ внутр. госуд. 5% займа и серіи 8,502 руб.

8) Типографіи за печатаніе протоколовъ и другихъ братскихъ дѣлъ 459 руб. 57 коп. *).

9) На канцелярскіе, почтовые и другіе расходы 185 руб.

10) Содержаніе лавочки 178 руб.

Остатокъ къ слѣдующему году 12,062 руб. 35 коп.

(*Виленскій Вѣстникъ*).

---

*) Въ этомъ итогѣ заключается самый значительный расходъ на отпечатаніе «Свѣтъ съ Востока».

ОДЕРЖАНІЕ 3-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ" ЗА 1868 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

СТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ на 1868 годъ выходитъ аря мѣсяца, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновен чати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Вильнѣ,—въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ *Феннера,* б. Сенжовскаго. *Въ С.-Петербургѣ,*—у коммис- а „Вѣстника," книгопродавца *А. Ѳ. Базунова,* на Нев- проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной. *Въ- ѣ,*—у такогожъ коммиссіонера, книгопродавца *А. Н. Ѳе- пова,* на Никольской улицѣ, и у книгопродавца г. *Чере- Въ Варшавѣ,* — у книгопродавца г. *Кожанчикова. Въ* ,—въ книжномъ магазинѣ *Косогорова* и у всѣхъ извѣст- книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА" ЗА ГОДЪ:

(*за 12-ть книжекъ*).

я жителей *Вильны,* безъ доставки 6 р. 50 к., съ доставкою ръ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города Им- 8 руб.

. иногородные благоволятъ относиться съ своими требова *исключительно* въ редакцію журнала: „**Вѣстникъ За- ной Россіи,**" *въ Вильну.*

сылки и письма слѣдуетъ адрессовать: редактору-издателю ника" Ксенофонту Антоновичу **Говорскому,** *въ Вильну.*

ля желающихъ выписать *„Вѣстникъ"* за *истекшіе* годы тся уступка: за $18^{62}/_{63}$ годъ, для жителей Вильны по 5 р., ногородныхъ по 6 руб.; за $18^{63}/_{64}$ годъ—для первыхъ по . 50 к., для послѣднихъ по 7 руб., за $18^{64}/_{65}$, $18^{65}/_{66}$ и годы—для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб.

Для выписывающихъ „Вѣстникъ," за *истекшіе* годы не 10-ти экземпляровъ дѣлается 5% уступки въ цѣнѣ, но 25,—10%,—50,—15%,—100,—20%.

Редакторъ-издатель **К. Говорскій.**

Содержание 3-ой кн. „Вѣстника Западной Росс[ии]
за 1868 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

